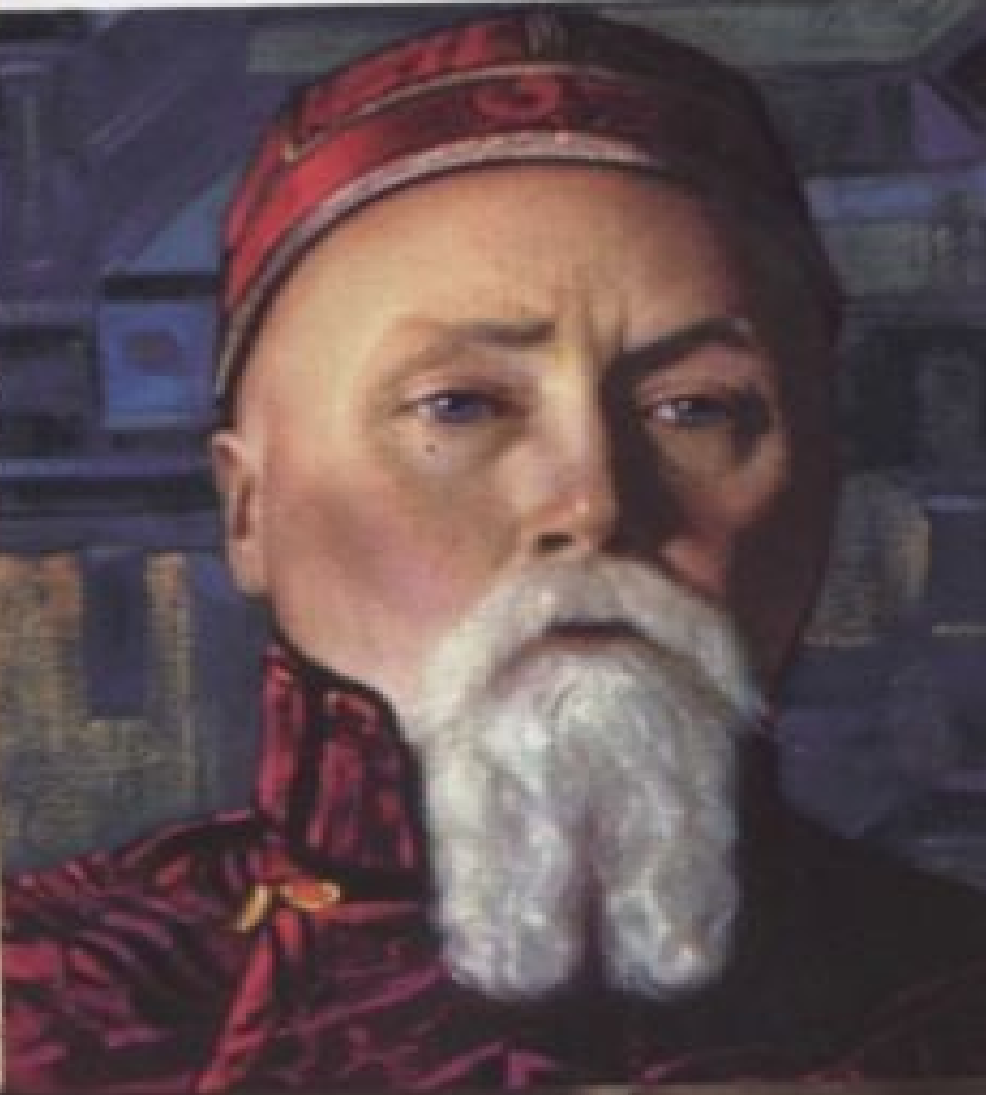

РЕРИХ

Максим
Дубаев

ЖИЗНЬ ЗАМЕЧАТЕЛЬНЫХ ЛЮДЕЙ

Annotation

Имя Николая Рериха вот уже более ста лет будоражит умы исследователей, а появление новых архивных документов вызывает бесконечные споры о его месте в литературе, науке, политике и искусстве. Многочисленные издания книг Николая Рериха свидетельствуют о неугасающем интересе к нему массового читателя.

Историк-востоковед М. Л. Дубаев уже обращался к этой легендарной личности в своей книге «Харбинская тайна Рериха». В новой работе о Н. К. Рерихе автор впервые воссоздает подлинную биографию, раскрывает внутренний мир человека-гуманиста, одного из выдающихся деятелей русской и мировой культуры XX века, способствовавшего сближению России и Индии. Прожив многие годы в США и Индии, Н. К. Рерих не прерывал связи с Россией. Экспедиции в Центральную Азию, дружба с Рабиндранатом Тагором, Джавахарлалом Неру. Франклином Рузвельтом, Генри Уоллесом, Гербертом Уэллсом, Александром Бенуа, Сергеем Дягилевым, Леонидом Андреевым. Максимом Горьким, Игорем Грабарем, Игорем Стравинским, Алексеем Ремизовым во многом определили судьбу художника. Книга основана на архивных материалах, еще неизвестных широкой публике, и открывает перед читателем многие тайны «Державы Рерихов».

-
- [М. Л. Дубаев](#)
    - [БОГАТЫЙ СЛАВОЙ](#)
    - [МАЙСКИЕ ЖУКИ](#)
    - [БЛАГОСЛОВЕНИЕ ОТЦА ИОАННА КРОНШТАДТСКОГО\[16\]](#)
    - [УНИВЕРСИТЕТ, АКАДЕМИЯ ХУДОЖЕСТВ](#)
    - [НАСТАВНИКИ](#)
    - [РЕРИХОВСКИЙ КРУЖОК САМООБРАЗОВАНИЯ](#)
    - [МАСТЕРСКАЯ КУИНДЖИ](#)
    - [СКАНДАЛ И УХОД А. И. КУИНДЖИ](#)
    - [ПЕРВЫЕ УСПЕХИ](#)
    - [ВЕСЕННЯЯ ВЫСТАВКА ИМПЕРАТОРСКОЙ АКАДЕМИИ ХУДОЖЕСТВ](#)
    - [ЛАДА](#)
    - [ПАРИЖ](#)

- [ВЕНЧАНИЕ НИКОЛАЯ КОНСТАНТИНОВИЧА И ЕЛЕНЫ ИВАНОВНЫ](#)
- [СКАНДАЛЬНАЯ ВЫСТАВКА](#)
- [ТАЛАШКИНО](#)
- [ОСЕННИЕ САЛОНЫ В ПАРИЖЕ](#)
- [ТЕАТР](#)
- [МОЛОДОЙ ДА РАННИЙ](#)
- [ПРЕМЬЕРЫ, ПРЕМЬЕРЫ...](#)
- [РУССКИЙ ОККУЛЬТИЗМ](#)
- [ПЕТРОГРАД — ГРАД ОБРЕЧЕННЫЙ](#)
- [ГОВОРЯЩИЕ КАМНИ](#)
- [ДЕРЖАВА РЕРИХА](#)
- [S.O.S](#)
- [АНГЛИЯ, НОВЫЕ ДРУЗЬЯ, ТАГОР](#)
- [АМЕРИКА](#)
- [ВЕНЕЦ МИРА](#)
- [БЕЛУХА](#)
- [ПОИСК](#)
- [ВЕСТНИК](#)
- [ПЕРВАЯ ЭКСПЕДИЦИЯ](#)
- [КРАСНЫЙ ВСАДНИК](#)
- [РОССИЯ, МОСКВА](#)
- [АЛТАЙ](#)
- [УРГА — ТИБЕТ](#)
- [НАГЧУ](#)
- [ВОЗВРАЩЕНИЕ В ИНДИЮ](#)
- [ДОМ МАСТЕРА В АМЕРИКЕ](#)
- [НАДЕЖДА](#)
- [ПАКТ РЕРИХА](#)
- [У РУБЕЖА](#)
- [ПРЕДАТЕЛИ](#)
- [УРУСВАТИ](#)
- [ДЖАВАХАРЛАЛ НЕРУ](#)
- [ПУТЬ В РОССИЮ](#)
- [ПРИЛОЖЕНИЕ](#)
  - [БИОГРАФИЧЕСКИЕ ЗАМЕТКИ ЕЛЕНЫ ИВАНОВНЫ РЕРИХ-ШАПОШНИКОВОЙ\[446\]](#)
    - [I](#)
    - [II](#)

- [III](#)

- [IV](#)

- [ИЛЛЮСТРАЦИИ](#)

- [ОСНОВНЫЕ ДАТЫ ЖИЗНИ И ТВОРЧЕСТВА НИКОЛАЯ КОНСТАНТИНОВИЧА РЕРИХА](#)

- [БИБЛИОГРАФИЯ](#)

- [СЛОВА БЛАГОДАРНОСТИ](#)

- [notes](#)

- [1](#)

- [2](#)

- [3](#)

- [4](#)

- [5](#)

- [6](#)

- [7](#)

- [8](#)

- [9](#)

- [10](#)

- [11](#)

- [12](#)

- [13](#)

- [14](#)

- [15](#)

- [16](#)

- [17](#)

- [18](#)

- [19](#)

- [20](#)

- [21](#)

- [22](#)

- [23](#)

- [24](#)

- [25](#)

- [26](#)

- [27](#)

- [28](#)

- [29](#)

- [30](#)

- [31](#)

- [32](#)
- [33](#)
- [34](#)
- [35](#)
- [36](#)
- [37](#)
- [38](#)
- [39](#)
- [40](#)
- [41](#)
- [42](#)
- [43](#)
- [44](#)
- [45](#)
- [46](#)
- [47](#)
- [48](#)
- [49](#)
- [50](#)
- [51](#)
- [52](#)
- [53](#)
- [54](#)
- [55](#)
- [56](#)
- [57](#)
- [58](#)
- [59](#)
- [60](#)
- [61](#)
- [62](#)
- [63](#)
- [64](#)
- [65](#)
- [66](#)
- [67](#)
- [68](#)
- [69](#)
- [70](#)

- [71](#)
- [72](#)
- [73](#)
- [74](#)
- [75](#)
- [76](#)
- [77](#)
- [78](#)
- [79](#)
- [80](#)
- [81](#)
- [82](#)
- [83](#)
- [84](#)
- [85](#)
- [86](#)
- [87](#)
- [88](#)
- [89](#)
- [90](#)
- [91](#)
- [92](#)
- [93](#)
- [94](#)
- [95](#)
- [96](#)
- [97](#)
- [98](#)
- [99](#)
- [100](#)
- [101](#)
- [102](#)
- [103](#)
- [104](#)
- [105](#)
- [106](#)
- [107](#)
- [108](#)
- [109](#)

- [110](#)
- [111](#)
- [112](#)
- [113](#)
- [114](#)
- [115](#)
- [116](#)
- [117](#)
- [118](#)
- [119](#)
- [120](#)
- [121](#)
- [122](#)
- [123](#)
- [124](#)
- [125](#)
- [126](#)
- [127](#)
- [128](#)
- [129](#)
- [130](#)
- [131](#)
- [132](#)
- [133](#)
- [134](#)
- [135](#)
- [136](#)
- [137](#)
- [138](#)
- [139](#)
- [140](#)
- [141](#)
- [142](#)
- [143](#)
- [144](#)
- [145](#)
- [146](#)
- [147](#)
- [148](#)

- [149](#)
- [150](#)
- [151](#)
- [152](#)
- [153](#)
- [154](#)
- [155](#)
- [156](#)
- [157](#)
- [158](#)
- [159](#)
- [160](#)
- [161](#)
- [162](#)
- [163](#)
- [164](#)
- [165](#)
- [166](#)
- [167](#)
- [168](#)
- [169](#)
- [170](#)
- [171](#)
- [172](#)
- [173](#)
- [174](#)
- [175](#)
- [176](#)
- [177](#)
- [178](#)
- [179](#)
- [180](#)
- [181](#)
- [182](#)
- [183](#)
- [184](#)
- [185](#)
- [186](#)
- [187](#)

- [188](#)
- [189](#)
- [190](#)
- [191](#)
- [192](#)
- [193](#)
- [194](#)
- [195](#)
- [196](#)
- [197](#)
- [198](#)
- [199](#)
- [200](#)
- [201](#)
- [202](#)
- [203](#)
- [204](#)
- [205](#)
- [206](#)
- [207](#)
- [208](#)
- [209](#)
- [210](#)
- [211](#)
- [212](#)
- [213](#)
- [214](#)
- [215](#)
- [216](#)
- [217](#)
- [218](#)
- [219](#)
- [220](#)
- [221](#)
- [222](#)
- [223](#)
- [224](#)
- [225](#)
- [226](#)

- [227](#)
- [228](#)
- [229](#)
- [230](#)
- [231](#)
- [232](#)
- [233](#)
- [234](#)
- [235](#)
- [236](#)
- [237](#)
- [238](#)
- [239](#)
- [240](#)
- [241](#)
- [242](#)
- [243](#)
- [244](#)
- [245](#)
- [246](#)
- [247](#)
- [248](#)
- [249](#)
- [250](#)
- [251](#)
- [252](#)
- [253](#)
- [254](#)
- [255](#)
- [256](#)
- [257](#)
- [258](#)
- [259](#)
- [260](#)
- [261](#)
- [262](#)
- [263](#)
- [264](#)
- [265](#)

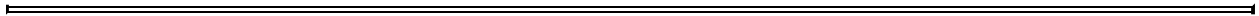
- [266](#)
- [267](#)
- [268](#)
- [269](#)
- [270](#)
- [271](#)
- [272](#)
- [273](#)
- [274](#)
- [275](#)
- [276](#)
- [277](#)
- [278](#)
- [279](#)
- [280](#)
- [281](#)
- [282](#)
- [283](#)
- [284](#)
- [285](#)
- [286](#)
- [287](#)
- [288](#)
- [289](#)
- [290](#)
- [291](#)
- [292](#)
- [293](#)
- [294](#)
- [295](#)
- [296](#)
- [297](#)
- [298](#)
- [299](#)
- [300](#)
- [301](#)
- [302](#)
- [303](#)
- [304](#)

- [305](#)
- [306](#)
- [307](#)
- [308](#)
- [309](#)
- [310](#)
- [311](#)
- [312](#)
- [313](#)
- [314](#)
- [315](#)
- [316](#)
- [317](#)
- [318](#)
- [319](#)
- [320](#)
- [321](#)
- [322](#)
- [323](#)
- [324](#)
- [325](#)
- [326](#)
- [327](#)
- [328](#)
- [329](#)
- [330](#)
- [331](#)
- [332](#)
- [333](#)
- [334](#)
- [335](#)
- [336](#)
- [337](#)
- [338](#)
- [339](#)
- [340](#)
- [341](#)
- [342](#)
- [343](#)

- [344](#)
- [345](#)
- [346](#)
- [347](#)
- [348](#)
- [349](#)
- [350](#)
- [351](#)
- [352](#)
- [353](#)
- [354](#)
- [355](#)
- [356](#)
- [357](#)
- [358](#)
- [359](#)
- [360](#)
- [361](#)
- [362](#)
- [363](#)
- [364](#)
- [365](#)
- [366](#)
- [367](#)
- [368](#)
- [369](#)
- [370](#)
- [371](#)
- [372](#)
- [373](#)
- [374](#)
- [375](#)
- [376](#)
- [377](#)
- [378](#)
- [379](#)
- [380](#)
- [381](#)
- [382](#)

- [383](#)
- [384](#)
- [385](#)
- [386](#)
- [387](#)
- [388](#)
- [389](#)
- [390](#)
- [391](#)
- [392](#)
- [393](#)
- [394](#)
- [395](#)
- [396](#)
- [397](#)
- [398](#)
- [399](#)
- [400](#)
- [401](#)
- [402](#)
- [403](#)
- [404](#)
- [405](#)
- [406](#)
- [407](#)
- [408](#)
- [409](#)
- [410](#)
- [411](#)
- [412](#)
- [413](#)
- [414](#)
- [415](#)
- [416](#)
- [417](#)
- [418](#)
- [419](#)
- [420](#)
- [421](#)

- [422](#)
- [423](#)
- [424](#)
- [425](#)
- [426](#)
- [427](#)
- [428](#)
- [429](#)
- [430](#)
- [431](#)
- [432](#)
- [433](#)
- [434](#)
- [435](#)
- [436](#)
- [437](#)
- [438](#)
- [439](#)
- [440](#)
- [441](#)
- [442](#)
- [443](#)
- [444](#)
- [445](#)
- [446](#)
- [447](#)
- [448](#)
- [449](#)
- [450](#)
- [451](#)
- [452](#)
- [453](#)
- [454](#)

М. Л. Дубаев
Рерих

БОГАТЫЙ СЛАВОЙ

В год 1874-й, когда весь мир сотрясал первый экономический кризис, когда только задумывалось строительство Исторического музея в Москве, изменившего потом облик Красной площади, когда Лев Николаевич Толстой работал над своим романом «Анна Каренина», а Илья Ефимович Репин представлял публике свою картину «Бурлаки на Волге», в тот год, когда российский император Александр II объявил о всеобщей воинской повинности, в Петербурге, на Васильевском острове, в один из осенних дней родился выдающийся художник, ученый, писатель и поэт, археолог и востоковед, путешественник и политический деятель, основатель всемирного движения защиты культуры — Николай Константинович Рерих.

Известный писатель Алексей Ремизов в 1915 году в сказе «Град — камен Рериха» так образно описывал предков Николая Рериха:

Из-за Варяжского моря дыбучими болотами, лядинами, дикой корбою показался на Руси муж, как камень, с кремнем и плашкой, высек жаркий огонь и сотворил себе град — камен.

И на версты вокруг города стал от жарких костров жаркий цвет.

А трон его из алого мха,
царский венец из лунного ягеля,
меч и щит из гранита.

За морями, за туманами шла молва о пропавшем викинге, скальды сагу сложили, великаны вспоминали —

что подолгу нет, не видать? —

и седой Морун над волнами по волнам гадал —

а не вернется уж,
никогда не вернется на родину!

...Из-за Варяжского моря змеиными тропами пришел на Русь муж, как

камень, и жил в своем каменном городе.

В осенние синие сумерки он подымался на башню — и синели глаза его в сумрачной сини:

за три моря видели.

А ночами лапландские нойды при месяце ворожили с ним над каменным поясом — заклинали ветер и волны.

И на версты вокруг города от жарких костров горел жаркий цвет.

Как свой на Руси, строил он Русскую землю.

Со Святославом ходил на Царьград.

...Он слышал, как вопил Перун на всю крещеную Русь в Новгороде и на Волхове бился о бервь.

И видел он, как из-за Уральских гор прошли угры по Русской земле и, темные, канули за Карпаты.

Он был на Каяле-реке с полком Игоря, сына Святославля, внука Ольгова, —

и не забыть ему плача и жели,
когда измена русских князей
отворила врагу ворота на
Русскую землю.

Прошел век и другой — и, под камнем, снегом заваленный, слышал он, как грозный царь гулял по Руси.

И последняя память погинула.

Через сколько веков — вот и опять показался он на Руси, но не с моря Варяжского, а из Костромы города,

а сел в Петербурге на Мойке —
уже не Рюрик,
как величали его в Новгороде,
а Рерих...^[1]

Фамилия Рерих — скандинавского происхождения. «Рерих» (Roerih) в переводе обозначает — богатый славой. «Рюриками» или «Рориками» в Скандинавии называли старейшин рода.

В семейных преданиях Рерихов упоминается рыцарь ордена тамплиеров, который жил в XIII веке. В России Рерихи оказались в начале XVIII века. Согласно легенде, во время Северной войны в армии шведского короля Карла XII служил генерал Рерих, прославившийся тем, что однажды на приказ короля разрушить церковь дерзко ответил: «С Богом не воюю». После войны генерал остался в России и поступил на службу к Петру I. Об этом случае Николай Константинович Рерих вспоминал:

«...Мой прапрадед, бывший комендантом крепости, отказался уничтожить пригородную церковь, из-за которой шло наступление. Из-за этого обстоятельства, происшедшего по его глубокой религиозности, он имел многие служебные неприятности»^[2].

Прадед Николая Константиновича, Иоганн Рерих (Johann Roerich) (1769–1859), жил в Прибалтике, где арендовал имение в Курземе (Вентспилс), недалеко от Айзпуте. Его жена Доротея родила ему пятерых сыновей, третьим из которых и был дед Николая Рериха — Фридрих.

Фридрих родился в 1800 году, позже имя и отчество он изменил в соответствии с русской традицией и стал называть себя Федором Ивановичем. В письме к своему другу В. Ф. Булгакову Николай Константинович рассказывал:

«Мой дед Федор Иванович жил сто пять лет. Очки не носил, да еще курил беспрестанно так, что его называли „рекламой для табачной фабрики“»^[3].

Старший брат деда, Иоганн Рерих, родившийся в 1797 году, стал кожевником и жил в Либаве (Лиепая), где и умер в 1875 году, другие братья разъехались по миру. Карл уехал в Кенигсберг (ныне Калининград), Генрих, став врачом, уехал в Архангельск. Старшие, Иоганн и Вильгельм, во время Отечественной войны 1812 года служили в специально созданном Павлом I привилегированном Кавалергардском полку гвардии Великого магистра ордена Святого Иоанна Иерусалимского, чем вызывали большую зависть у молодого Федора.

У Федора Ивановича и его жены Лизеты Конке, кроме сына Константина, было еще две дочери, Лаура и Юлия, обе они родились, как и Константин, в Газенпоте (Айзпуте). После смерти жены, в 1850 году, Федор Иванович женился второй раз на 33-летней Дорис Порен. Хотя ему было уже за 50 лет, в 1853 году у них родилась дочь Матильда, а в 1855 году —

сын Александр. После женитьбы Федор Иванович переехал в провинциальный городок Тукмус, а сына Константина отправил учиться в Ригу.

Позже Федор Иванович Рерих большей частью жил в Риге, где служил в правлении Лифляндской губернии, сделав карьеру от простого архивариуса до высокой должности губернского секретаря.

В последние годы жизни дед вместе со своим сыном Константином Федоровичем проживал в Петербурге на Васильевском острове и только в конце жизни вернулся обратно в Ригу, где и умер в 1905 году.

Кроме дома в Риге, у Федора Ивановича была дача на Рижском побережье в Майори, где залив почти вплотную приближается к реке Лиелупе. На эту дачу летом из Петербурга и приезжала многочисленная семья Рерихов.

«...припоминаются Майоренгоф, Кеммеры, Туккум — все Рижское побережье, куда мы ездили летом, — писал Николай Константинович в своих „Листах дневника“. — Одним из самых ярких впечатлений было собирание янтарей. Оно соответствовало поискам в курганах, которые сызмальства привлекли внимание. Может быть, в поисках янтаря заключалось какое-то смутное предвидение будущих курганных находок, доказывавших существование далеких общений уже в неолите. В те же далекие дни слышались впервые сказания о народных героях Латвии, о зыбучих песках Куришгафа, о развалинах замков, хранивших увлекательные предания»^[4].

Дед Федор Иванович входил в Рижскую масонскую ложу, руководителем которой был великий мастер барон Унгерн-Штернберг, предок известного русского белогвардейского генерала барона Унгерна. Во время Гражданской войны именно у него служил начальником военного обоза младший брат Николая Рериха — Владимир Константинович. Многие из семейства Унгернов-Штернбергов занимали в масонской иерархии ведущие посты. В семье Рерихов только старшие состояли в масонских ложах. Что касается самого Николая Константиновича, то в масонскую (Розенкрейцеровскую) ложу он вступил в 1930-х годах, в Америке, получив сразу высшую степень посвящения.

Отец Николая, Константин Федорович Рерих, родился 1 июля 1837 года в Курляндии, в городе Газенпоте (Айзпите), расположенном на высоком берегу реки Тебра, притока реки Сака, впадающей в Балтийское море в сорока километрах от Либавы (Лиепай). После окончания Рижской гимназии он поступил в Петербургский технологический институт, а когда ему исполнилось 30 лет, он был утвержден в Петербурге нотариусом

окружного суда.

Константин Федорович Рерих венчался со своей невестой Марией Васильевной Калашниковой 16 октября 1860 года в Троицком соборе города Остров. Сразу же после свадьбы молодожены переехали в Петербург.

Мать Николая — Мария Васильевна, урожденная Коркунова-Калашникова, родилась в городе Остров Псковской губернии 10 марта 1845 года. Это была культурная и довольно образованная женщина из купеческого сословия. В городе Остров ее родители имели большой дом.

В этот дом к Татьяне Ивановне, матери Марии Васильевны, Рерихи иногда приезжали погостить, пока не купили собственное поместье с усадьбой в Изваре, что около станции Волосово, в сорока верстах от Гатчины.

Через много лет Николай Константинович вспоминал о поместье:

«Все особенное, все милое и памятное связано с летними месяцами в Изваре...

Дом изварский старый, стены, как крепостные, небось, и посейчас стоит. Все в нем было милое. В прихожей пахло яблоками. В зале висели копии голландских картин в николаевских рамах. Большие угольные диваны красного бархата. Столовая — ясеневая. Высокий стенной буфет. За окнами старые ели. Для гостей одна комната зеленая, другая голубая...

Шуршат колеса ландо по гравию. Вот и белые столбы ворот. Четверка бежит бойко... Деревни — Волосово, Захонье, Заполье. Там даже в сухое время лужи непролазные. От большой дороги сворот в Извару. Коляска шуршит по гравию мимо рабочего двора, среди аллей парка. А там радость. За березами и жимолостью забелел дом. И все-то так мило, так нравится, тем-то и запомнилось через все годы.

Нужно сразу все обежать. Сперва дом и залу с большими угловыми диванами и копиями голландских картин, и темноватую столовую с ясеневыми шкафами, и зеленую и голубую комнаты для гостей, и кабинет с большим темным шкафом и старинным столом. И спальни, и девичью!

Со времен екатерининских амбар стоит недалеко от дома — длинный, желтый, с белыми колоннами. Должно быть, зерно, верно, хранится подле хозяйского глаза. По прямой аллее надо бежать к озеру. Ключи не замерзают зимою. Дымятся, парят среди снегов, вода светлая и ледяная. Дикае утки и гуси тут же, у берега. На берегу озера молочная из дикого камня — очень красиво, вроде крепостной стены. Такой же старинной постройки и длинный скотный двор. Быки — на цепях. К ним ходить не позволено. Такие же длинные конюшни. За ними белое гумно,

картофельные погреба. Один из них сгорел. Остались валы — отлично для игры в крепость...»^[5]

Были и другие воспоминания об имении в Изваре, не такие радужные. Дело в том, что поместье было куплено на имя жены Константина Рериха, с оставшимися от прежнего хозяина судебными тяжбами по поводу межевой границы. Эти споры продолжались до 1900 года, то есть до самой продажи Извары новому хозяину, уже после смерти Константина Федоровича.

«Помню волокиту с управляющими, — писал Николай Константинович в „Листах дневника“. — Каких только не было. Один поляк, празднуя свои именины, сжег скирды хлеба. Другой — немец с отличными белыми бакенами — увез машины и угнал скот. Стал переезжать из уезда в уезд и еще потребовал выкуп... Третий заколол перед Пасхою всех телят и объяснил, что они пали от неизвестной болезни... Чего только не было... Со времен Павла шел с казною процесс о строевом лесе, неправильно отмежеванном...»^[6]

Сохранилось и загадочное предание о названии усадьбы, пересказанное Николаем Рерихом:

«Вблизи нашего поместья была мыза, еще во времена Екатерины Великой принадлежавшая какому-то индусскому радже. Ни имени его, ни обстоятельств его приезда и жизни история не донесла. Но еще в недавнее время оставались следы особого парка в характере могульских садов, и местная память упоминала об этом необычном иностранном госте. Может быть, в таком соседстве кроется и причина самого странного названия нашего поместья — Ишвара, или, как его произносили — Исвара. Первый, обративший внимание на это такое характерное индусское слово, был Рабиндранат Тагор, с изумлением спросивший меня об этом в Лондоне в 1920 году. Сколько незапамятных и, может быть, многозначительных исторических подробностей заключало в себе время Екатерины со всеми необыкновенными иноземными гостями, стекавшимися к ее двору»^[7].

Николай был вторым ребенком в семье Петербургского нотариуса. Он родился 27 сентября (9 октября по новому стилю) в 1874 году в петербургском доме отца, стоящем на пересечении Николаевской набережной (Университетская набережная) и 6-й линии Васильевского острова. В год рождения Николая сестре Лидии исполнилось уже семь лет, но после рождения братьев — Владимира в 1882 году и Бориса в 1885 году — Николай почувствовал себя старшим.

В архивах сохранилась копия свидетельства о рождении Николая Константиновича.

«Копия от 20 мая 1900 г. за № 19.

Сим свидетельствуем, что города С.-Петербурга, Андреевского собора в 1-ой части метрической книги о родившихся за сей 1874 год под № 202-м значится: у Нотариуса Округа С.-Петербургского Окружного Суда Константина Федоровича Рерих, лютеранского исповедания и законной жены его Марии Васильевой, Православной и обоих Первобрачных родился Сын Николай сего 1874 г. Сентября 27, а крещен октября 16 числа. При крещении восприемниками были: воспитанник 6 класса Ларинской Гимназии Александр Павлов Коркунов и дочь Означенного Нотариуса Лидия Константиновна Рерих, октября 23-го дня 1874-го года Андреевского собора.

Протоиерей А. Камчатов, Протоиерей Павел Налимов, Священник Петр Гиацинтов, Диакон Виктор Благовещенский, Псаломщик Иван Добросердов, Псаломщик Андрей Быляев, Псаломщик Василий Батиевский. Копия засвидетельствована у Нотариуса Успенского 1893, 2 июня по реестру № 2137»^[8].

«Так и жили на Васильевском острове, на набережной против Николаевского моста, — вспоминал Николай Рерих. — Наискось было Новое Адмиралтейство. На спуск военных судов приходили крейсера и палили прямо нам в окна. Весело гремели салюты и клубились белые облачка дыма»^[9].

На первом этаже четырехэтажного каменного дома располагались лавки, второй и третий этажи занимали Рерихи: на третьем были жилые комнаты, а на втором нотариальная контора Константина Федоровича. Дом был арендован у генерал-полковника И. О. Рубана, хотя на том же Васильевском острове у Рерихов был свой собственный дом, но он не подходил для нотариальной конторы главы семейства, так как был деревянным, не таким большим, да еще и находился на 16-й линии Васильевского острова.

Однажды, по просьбе Константина Федоровича, всей семьей Рерихи поехали на его родину, в Газенпот, и зашли к сказительнице Анне Трейя, а потом на обратном пути мать Николая, Мария Васильевна, взволнованно повторяла мужу:

«Ты слышал, Костя, ты слышал? Она дважды повторила, что наш Коля будет великим человеком».

Вся семья возвращалась в свой петербургский дом, где глава семьи имел респектабельную нотариальную контору.

МАЙСКИЕ ЖУКИ

Школьные годы Николая Рериха прошли в одном из лучших учебных заведений Петербурга — частной гимназии Карла Мая. С этой гимназией была связана судьба всей мужской половины семьи Рерихов: ее окончили два младших брата Николая Константиновича, Борис и Владимир, потом в эту же *Gymnasium und Handelsschule von K. May* поступил старший сын Николая Рериха Юрий и, наконец, там же учился и младший сын Святослав, ставший, как и отец, известным художником.

Гимназия была основана в 1856 году простым школьным учителем Карлом Ивановичем Маем (Шарль Жан Май).

В первый год здесь обучалось всего 10 учеников и занятия были платными. Долгое время годовой взнос за учебу был постоянным и составлял 120 рублей в подготовительных классах и 160 рублей — в старших.

Каждый класс имел необычное для столичных гимназий немецко-латинское название: *Unter-prima, Ober-prima, Secunda, Tertia, Quarta, Quinta, Sexta, Septima*. В 1873 году, когда в гимназии ввели VIII класс, вместо *Septima* появились *Unter-Septima* и *Ober-Septima*. Карл Иванович всегда любил подчеркнуть свою приверженность к классическому образованию, он ориентировал учеников на вступительные экзамены в европейские университеты и институты.

Занятия начинались в 9 часов утра и продолжались до 16 часов. Среда и суббота были короткими днями — с 8 до 12 часов. Для изучающих древние языки вводился еще дополнительный час. Так что большинство учеников приходили в гимназию каждый день к 8 часам утра. Урок обычно продолжался 53 минуты, перемена была короткой — всего 7 минут. Но большая перемена продолжалась целый час. Это время отводилось для гимнастических упражнений и завтрака.

Весной 1882 года школе были присвоены права гимназии Министерства народного просвещения, и К. И. Май был официально утвержден в должности директора. В том же году, 8 июля, на основании особого доклада, учитывая многолетний положительный опыт двуязычного преподавания, император Александр III, в виде исключения, разрешил продолжить в гимназии Мая преподавание всеобщей истории, древних языков и географии на немецком языке. Если число учеников гимназии в 1882 году было 132 человека, то к 1884 году оно значительно увеличилось.

Поступив в ноябре 1883 года в Gymnasium und Handelsschule von K. May, Николай Рерих оказался в особой атмосфере, о которой писал в своих воспоминаниях товарищ Н. К. Рериха по гимназии, Александр Бенуа:

«...я довольно скоро удостоверился, что эта новая школа мне по вкусу. Никакой формы в ней не полагалось, большинство товарищей принадлежало скорее к среднему кругу, никаких особенно блестящих путей гимназия не сулила... Зато я нашел в ней нечто очень ценное: я нашел известный уют, я нашел особенно мне полюбившуюся атмосферу, в которой дышалось легко и в которой имелось все то, чего не было в казенном учреждении: умеренная свобода, известная теплота в общении педагогов с учениками и какое-то „несомненное уважение к моей личности“.

Это было довольно своеобразное заведение... Тон всему задавал основатель и директор гимназии, носящей его имя: Карл Иванович Май, человек, в момент моего поступления, уже очень пожилой, но все еще деятельный и достаточно подвижный. Только что помянутая атмосфера была целиком его созданием — как личных его душевных и сердечных качеств, так и его принципов и целой теории, выработавшейся на основании этих качеств. Карл Иванович твердо верил в то, что от юного существа можно всего добиться посредством выказываемого к нему доверия. Понятно, что среди нас было немало мальчиков, которые злоупотребляли добротой Карла Ивановича и даже, за спиной, издевались над этой самой его доверчивостью. Но большинство учеников уважали и любили своего директора, и это нежное чувство возникало почти сразу с момента первого контакта с ним самим. Во всяком случае, я „Карлушу“ полюбил именно в первый же день, а затем остался верен этому чувству до конца. Мне сразу понравилась и вся его своеобразная, я бы даже сказал, курьезная внешность. Это был маленький, щупленький, очень согбенный старичок, неизменно одетый в черный долгополый сюртук. В своей старчески исхудалой, точно дряблой руке он всегда вертел табакерку, которой нередко пользовался, а из заднего кармана сюртука у него торчал большой красный с желтым платок — что вообще полагалось всегда иметь нюхальщикам табака. Уже это одно „отодвигало“ Карла Ивановича во времени куда-то далеко и придавало его облику какую-то поэтическую старинность. Но совершенно своеобразным было и все лицо, вся голова Карла Ивановича: черные как смоль волосы (злые мальчики уверяли, что они крашены), „кокетливо“ подстриженные прямой челкой, выдающийся до карикатурности острый красный носик. Подбородок был „украшен“

опять-таки совсем черной бородкой а la uncle Sam^[10], тогда как щеки и все вокруг рта было гладко выбрито. Подслеповатые, несколько воспаленные глаза были вооружены золотыми очками. Двигался Карл Иванович быстро, не совсем ровно семеня своими старческими ножками. Этой смеси признаков глубокой старости, чуть ли не ветхости, и сравнительной молодости во внешности соответствовали и черты характера Мая. Нормальным состоянием Карла Ивановича было беспредельное благодушие. Его тонкие, еле заметные губы, вечно что-то не то жевавшие, не то посвистывавшие, охотно расплывались в приветливую улыбку. Но благодушие Карла Ивановича не было признаком слабости. Он мог при случае и гневаться, но только на то были всегда веские причины. В моменты огорчения он еще больше горбился, очки у него съезжали на кончик носа, и он скорбно глядел поверх них своими слезившимися глазками на провинившегося. Это уже действовало»^[11].

Гимназия помещалась на Васильевском острове в трехэтажном доме, построенном в начале XIX века, недалеко от дома Рерихов. Одной стороной здание гимназии выходило на Николаевскую набережную, другой на 10-ю линию, и эта часть дома сдавалась внаем — там жили некоторые учителя, к которым часто заходил Николай Рерих. Вход в гимназию был с другого подъезда.

Перед этим подъездом по утрам не выстраивалась вереница экипажей, как вблизи других петербургских частных школ. Ученики должны были пешком приходить в гимназию, невзирая на свое положение и благосостояние. Всем родителям директор школы говорил:

— Если ваше состояние позволяет вам отвезти вашего сына в школу на лошади или в моторе, я, конечно, не могу вам это возбранить. Но я категорически настаиваю на том, чтобы он выходил из экипажа где-либо на пространстве от угла 13-й линии до угла 14-й. И лучше — ближе к углу 13-й. Я настойчиво возражаю против того, чтобы в юных умах учеников с раннего возраста создавалось впечатление имущественного неравенства их и их товарищей.

Родители строжайшим образом исполняли это указание Карла Ивановича, поэтому утром, вдоль тротуара, вдалеке от школы, выстраивались экипажи, из которых выходили богатые гимназисты и уже пешком преодолевали оставшиеся метры к дверям гимназии Карла Мая.

Входная дверь гимназии была украшена мощной изогнутой медной рукоятью, каждый ученик эту дверь открывал сам, но зато следующую, внутреннюю дверь тамбура перед гимназистом, так же как и перед каждым

преподавателем, распахивал швейцар Степан. Он был одет в светло-серую кургузую тужурочку с гладкими, всегда блестящими золотом, большими медными пуговицами. У швейцара были светлые небольшие усики и широкое лицо крепкого ярославского крестьянина. Всех гимназистов удивляла необыкновенная, не соответствующая его полноватой фигуре, легкость и проворность.

У Степана было много разных обязанностей: вручать преподавателям всевозможные записки, лежавшие на столиках перед двумя зеркалами у внутренней стеклянной стенки вестибюля, подметать пол, вытирать пыль, передавать устные распоряжения, иногда даже отвечать на телефонные звонки в вестибюле.

Гимназистам льстило, что утром, перед началом занятий, Степан распахивал перед каждым учеником дверь и с одинаково помпезным видом, неуловимо быстрым движением сняв со своей головы форменную фуражку с золотым околышем, отчеканивал, словно военный, при этом с высочайшей почтительностью: «Здравствуйте, господин Рерих!», «Здравствуйте, господин Бенуа!», «Здравствуйте, господин Философов!», «Здравствуйте, господин Скалон!» Поэтому, чтобы услышать такое приветствие, некоторые ученики приходили в гимназию даже раньше. Степан знал по фамилии каждого, несмотря на то что в гимназии учились более двух сот человек.

После занятий, так же как и утром, Степан, мгновенно отбросив в угол щетку, которой он подметал кафельный пол вестибюля, распахивал перед каждым гимназистом массивные двери и, вскинув фуражку высоко над головой, громко произносил: «Алибидерчик, господин Бенуа!» или «Алибидерчик, господин Рерих!»...

Поэтому гимназисты редко решались прогуливать какое-либо занятие, так как громогласное «Алибидерчик», казалось, разносилось по всем коридорам гимназии и, естественно, Карл Иванович обязательно поинтересуется, почему тот или иной ученик покинул гимназию слишком рано.

Зимой гимназисты играли в снежки, они собирали два войска, одно из которых обычно защищало снежную крепость, сооруженную на специально подготовленном холме. В штурме снежной крепости принимали участие и воспитатели, они всегда выступали в роли полководцев.

Преподавание в гимназии до 1890 года велось в основном на немецком языке, но после распоряжения российского правительства о запрещении преподавания в гимназиях на иностранных языках все уроки стали

проходить на русском. Рерих тогда учился уже в шестом классе.

Закон Божий читался отдельно для лютеран и православных, Н. К. Рерих посещал уроки православного священника, дьякона церкви Академии художеств Постникова. У лютеран был свой пастор — Юргенс. Николай Константинович рассказывал, как в гимназии, на Пасху, поздравляли директора Карла Мая: «Христос Воскресе, поздравляю, Карл Иванович!» А он обычно отвечал: «И я тоже».

Первым учителем рисования Николая был латыш Карлис Петерсон, работавший в гимназии Карла Мая, а близкий друг отца, известный скульптор Михаил Микешин, пропагандист украинского искусства и ученик Тараса Шевченко, одобрял первые работы Николая, давая ему профессиональные советы.

«От школьных лет, — писал Рерих, — в гимназии Мая оставалось несколько моих памяток. Были предметы из первых курганных раскопок вблизи нашего поместья Извара Царскосельского уезда. Был портрет директора К. И. Мая и рельефная карта. Была программа торжественного спектакля с портретом Гоголя. Гоголь часто ставился в ученических спектаклях и всегда был мне близок. Именно не реализм Гоголя, но его высокая духовность и тонкая потусторонность особенно увлекали. В те же области уводили и встречи с Микешиним, и учреждение Общества имени Тараса Шевченко, и постановка живых картин украинских — все это разнообразно сближало с мастерством Гоголя. Были эскизы, посвященные Хмельницкому, и „Страшной мести“, и „Майской ночи“.

К такому же увлекательному миру приводили и уроки географии Карла Ивановича Мая. Не только чертились богато расцвеченные карты, но и лепились цветными пластилинами рельефные изображения со всеми, так любимыми гимназистами горами. Поощрялись большие размеры и новые комбинации запоминаемых раскрасок. По правде говоря, такая внушительность изображения была очень увлекательна. На праздниках устраивались географические шествия, сопровождаемые самодельными стихами. Помню, как Бенуа изображал желтый Хуанхэ, а блондин Калин — голубой Янцзыцзян. Мне же досталась Волга»^[12].

Как-то, прочитав эти воспоминания, Александр Бенуа, со свойственной ему завистью к Н. К. Рериху, заметил: «К сожалению, что представлял он сам в „Шествии рек“, я не помню, пожалуй, он и не участвовал в нем, а сидел среди зрителей».

Не зря в Петербурге ходил анекдот, что однажды в светском обществе спорили, кто больше понимает в искусстве — Рерих или Бенуа. Тут и

прозвучала знаменитая фраза, оставшаяся у всех в памяти: «Рерих будет всегда творить, а Бенуа все критиковать».

Азарт археолога рано овладел Николаем, еще в 1883 году, когда он 9-летним мальчиком в имении Извара наблюдал за раскопками, производимыми археологом Львом Константиновичем Ивановским.

Уже в 14-летнем возрасте Николай Рерих вместе с сыновьями деревенского дьякона и под руководством студента Технологического института помогал раскапывать несколько курганов вблизи имения. Тогда среди старинных предметов было найдено много серебряных и золотых монет X–XI веков. Большую часть найденного в кургане Николай отнес в гимназию, где через несколько лет был открыт этнографический музей, в основу которого легли его находки. Иногда он самостоятельно раскапывал курганы в Изваре. Это его увлечение поощрял преподаватель истории и географии — Александр Лаврентьевич Липовский, позже ставший третьим и последним директором гимназии имени К. И. Мая.

«Около Извары почти при каждом селении были обширные курганные поля от X века до XIV, — вспоминал Н. К. Рерих. — От малых лет тянуло к этим необычным странным буграм, в которых постоянно находились занятные металлические древние вещи. В то же время Ивановский производил исследования местных курганов, и это тем более подкрепило желание узнать эти старые места поближе. К раскопкам домашние относились укоризненно, но привлекательность от этого не уменьшалась. Первые находки были отданы в гимназию... Каждое лето открывалось нечто весьма увлекательное»^[13].

Тем временем Николай, уже как заправский историк, составлял описи раскопок. В архивах сохранилась одна такая опись, относящаяся к 3 августа 1892 года:

«Курганы находятся между селом Грызовом и деревней Озертицы Царскосельского уезда Санкт-Петербургской губернии. Около нескольких растет в изобилии орешник, еще довольно молодой. Покойники засыпаны землею с камнями, иногда даже довольно большими. В головах и в ногах на поверхности земли положено почти во всех по большому камню, что дает возможность приблизительно определить положение тел. Все тела положены лицом к Востоку... в одном кургане руки были положены по бокам, в другом — сложены на груди, одна повыше, другая пониже... В низких местах кости уже стали мягкими и рассыпаются, а в сухих местах сохранились хорошо. В первом курганчике, расположенном в низине, нашли только запястье...»^[14]

Такие же описи Николай Рерих составлял и в 1893 году, передавая все находки в гимназию Карла Мая.

Увлечение археологией Николай пронес через всю жизнь. Продолжая работать под эгидой Петербургского археологического общества, Н. К. Рерих вспоминал:

«Самые первые мои курганные находки не только совпадали с любимыми уроками истории, но в воспоминаниях близко лежат и к географии, и гоголевской исторической фантастике. Много очарования было в непосредственном прикосновении к предметам большой древности. Много непередаваемой словами прелести заключалось в бронзовых позеленелых браслетах, фибулах, перстнях, в заржавелых мечах и боевых топорах, полных трепета веков давних. Около курганов сплетались старинные легенды. Ночью там проходить страшились. Увлекательно молчали курганные поля, обугрившиеся сотнями насыпей.

Как будто от разных областей звучат курганные находки, или географические карты, или яркие образы творчества Гоголя. Но проходят десятилетия; через полвека вспоминаются эти будто бы различные предметы в одном общем кладе. Именно они своими убедительными зовами заложили многие возможности.

Недаром опытный географ предлагал не только заучивать названия, а именно запечатлеть иероглифы земли и линиями, и красками, и рельефами. В этом делании пробуждалась и любовь, и внимательность, и соизмеримость земных начертаний. Художество вносилось в эти прикосновения к земле. А там, где знание будет сочетаться с искусством, там остается особенная убедительность.

Также спасибо вам, Изварские курганы. Еще недавно напомнились мне изображения их в трудах Спицына. Ничто и никаким способом не приблизит так к ощущению древнего мира, как собственноручная раскопка и прикосновение, именно первое непосредственное касание к предмету большой древности. Никакое книжное изучение, никакие воспроизведения не дадут ту благодетельно зажигающую искру, которая зарождается от первых непосредственных прикосновений. Это не сентиментальность, не самоубеждение, ибо живет очарование старинных предметов, украшенных и замечательных в форме и соотношениях. Когда же предметы эти особенно близки с теми историческими обликами, которые как-то самосильно вошли и поселились в сознании, тогда все становится еще ближе и неотрывно убедительнее.

Вне моей памяти в Изваре была сельскохозяйственная школа. Остатки библиотеки ее еще оставались в запыленных шкафах. Была там „Королевна

Ингигерда“, был там „Изгой“, был „Айвенго“ (называвшийся тогда „Ивангое“), был там и Гоголь.

Тот, кто описывал душу Катерины, кто так умел навсегда вложить в память описания величия природы, кто, подобно турниру Вальтера Скотта, живописал битву запорожцев и кто понимал значение портрета, тот знал и мог многое. Может быть, Гоголь случайно оказался в поле зрения. Но не случайны магниты. Захоронены они так, чтобы на определенных путях можно бы к ним прикоснуться и укрепиться ими... Итак, первые курганные находки, красочные и рельефные карты и образы Гоголя... Разве не навсегда приблизилась история и очарование старинных культур? Разве не для многого вооружила география с ее такими практическими, настойчивыми заданиями? И разве многообразное, но единосущное дарование великого Гоголя, разве оно, как в высоко духовных взлетах, так и в улыбке быта, разве оно тоже не дало посох прочный и легкий?..»^[15]

В школе Н. К. Рерих приобщился и к литературному творчеству. В «Охотничьей газете» стали постоянно появляться литературные зарисовки Николая под названием «Из Царскосельского уезда Петербургской губернии».

БЛАГОСЛОВЕНИЕ ОТЦА ИОАННА КРОНШТАДТСКОГО [\[16\]](#)

«Мы жили тогда на Васильевском острове, как раз против Николаевского моста. Окна выходили на Неву, а с другого угла была видна набережная до самого Горного института, — вспоминал Николай Рерих. — По этой набережной издалека замечалась заветная,жданная карета, и торопливо-заботливо проносилось по дому: „идет“, „приехал“. И опять входил благостно улыбающийся, как бы пронизывающий взором, отец Иоанн и благословлял всех, сопровождая благословения каждому каким-то особым, нужным словом. Кому-то Он говорил: „Радуйся“, кому-то: „Не печалуйся“, кому-то: „В болезни не отчаивайся“. Все эти быстрые слова имели глубочайшее значение, открывавшееся иногда даже через продолжительное время.

Затем говорилось: „Помолимся“. После чего следовало то поразительно возвышающее служение, которое на всю жизнь не забудет тот, кто хоть однажды слышал и приобщался ему. Поистине, потрясающе незабываема была молитва Господня в устах отца Иоанна. Невозможно было без трепета и слез слушать, как обращался этот Высокий Служитель к самому Господу с такою верою, с таким утверждением, в таком пламенном молении, что Священное Присутствие проникало все сердца.

Продолжением того же священного служения бывала и вся трапеза с отцом Иоанном. Мы, гимназисты от самых первых классов, а затем и студенты, навсегда вдохновлялись этим особо знаменательным настроением, которое продолжает жить нестираемо десятки лет — на всю жизнь. Тут же за трапезой происходили самые замечательные указания и прозрения. Часто говорилось: „Пусть ко мне придет такой-то — нужно будет“. А затем, через многие недели, слушавшие понимали, зачем это было нужно. Или: „Давно не видал такого-то“, и через некоторое время все понимали, почему проявлялась такая забота. Помню, как однажды отец Иоанн подозвал меня, тогда гимназиста младших классов, и, налив блюдечко старого портвейна, дал выпить из своих рук. Когда же моя матушка заметила, что „он у нас вина не пьет“, то отец Иоанн сказал: „Ничего, ничего, скоро нужно будет“. А через две недели у меня открылся тиф, и при выздоровлении врач предписал мне для подкрепления сил именно этот старый портвейн. Также всегда помню благословение отца

Иоанна на изучение истории и художества и неоднократные заботы о болезнях моих, которым я был подвержен в школьные годы. Одно из последних моих свиданий с ним было уже в Академии художеств, когда, теснимый толпою, почитаемый пастырь после литургии проходил залами академического музея. Увидев меня в толпе, он на расстоянии благословил и тут же, через головы людей, послал один из своих последних заветов»^[17].

Отношение Н. К. Рериха к отцу Иоанну было трепетное — так воспитала его мать, бесконечно почитавшая этого святого православного подвижника.

Последнее благословение протоиерея отца Иоанна Кронштадтского Н. К. Рерих хранил все свои годы.

Еще со школьных лет у Николая Рериха обнаружились «всякие легочные неполадки». Затем они перешли в долгие бронхиты, в «ползучие пневмонии», и все эти невзгоды мешали посещению школы. Как только осенью Рерихи возвращались из своего имения Извара в Петербург, Николая начинали мучить нескончаемые простуды. Наконец, после третьего класса гимназии домашний доктор, призадумавшись, серьезно сказал, что для выздоровления ребенку «нужно и зимою ездить в деревню, пусть приучается к охоте. В снегах и простуду как рукой снимет».

Родные Николая прислушались к рекомендациям домашнего врача. В это время управляющим в Изваре был Михайло Иванович Соколов, «почти что Топтыгин по виду и по своей любви к охоте и лесу». Открылась совершенно новая страница детства Николая: много ходили на лыжах, выслеживали зверя, посылали лесничих выведать медвежьи берлоги. Мальчику вся обстановка охоты казалась какой-то сказкой, особенно если рядом был Михайло Иванович. Простуда действительно отступила. Петербургская «Охотничья газета» продолжала печатать заметки молодого гимназиста.

«Из Царскосельского уезда, Петербургской губернии.

Выпал, было, снежок, да почти уже весь и сошел. По первой пороше было много зайцев, лисиц и волков; также видели следы рысей и лосей. Особенно много лисиц и волков; смелость последних доходит иногда до крайних пределов; так, например, в конце октября волки чуть не со двора стащили годовалую телушку. Ни одна собака не смеет вечером выйти за деревню.

Также довольно много в этом году белок, но ими наши промышленники как-то пренебрегают. Тетеревов много; егеря говорили, что видали стада штук в 20 и больше.

Серых куропаток тоже много, и они иногда громадными стадами

подходят вплотную к жилищам.

Крякв порядочно по незамерзшим водам.

Замечательно в нашем уезде преобладание русака; беляк попадаетея все реже и реже...»^[18]

В мае 1893 года Н. К. Рерих сдавал выпускные экзамены в гимназии. Из своих восемнадцати — девять лет Николай провел вместе с учениками и преподавателями *Gymnasium und Handelsschule von K. May*. На экзамене Николай Рерих хорошо отвечал по геометрии, алгебре, тригонометрии, но когда очередь дошла до простой арифметики, то он не смог сказать ни слова, абсолютно ничего не вспомнил. Учитель, хорошо знавший его по классу, говорил:

— Ну, хоть что-нибудь скажите.

Николай не произнес ни звука, от волнения все позабыл. Наконец учитель стал диктовать ему задачу, потом продиктовал решение. И Николай настолько разволновался, что, написав на доске ответ, спросил учителя:

— Ну а теперь, что дальше?

Сдавать экзамены Николаю Рериху и его товарищам было трудно, так как добродушный, всегда поддерживающий своих учеников в трудную минуту Карл Иванович Май, по болезни, оставил пост директора гимназии, и экзамены проходили под пристальным вниманием государственных инспекторов.

Но вскоре все переживания были позади, и пусть на выпускных экзаменах Николай Рерих получил по математике — три, по Закону Божьему — четыре, по русскому языку и словесности — три, по латинскому, греческому и немецкому языкам — четыре, а по истории — пять, зато теперь он стал одним из «Майских жуков» (так называли выпускников гимназии), которому суждено будет завоевать весь мир своим искусством.

УНИВЕРСИТЕТ, АКАДЕМИЯ ХУДОЖЕСТВ

После окончания гимназии юный Рерих видел себя только художником или литератором, но никак не хотел связывать свою судьбу с карьерой юриста. Однако отец, считая Николая самым способным из своих сыновей, собирался именно ему передать нотариальную контору. Поначалу Николай хотел поступать на исторический факультет Петербургского университета, но отец был категорически против этого. Пришлось уступить и пойти все же на юридический факультет, правда, с условием, что параллельно он будет поступать и в Академию художеств. Явившись первый раз в академию, с написанным заранее, каллиграфическим почерком, заявлением, Николай Рерих оказался у секретаря приемной комиссии, который тут же умерил пыл восторженного юноши. Исчеркав заявление о приеме, он долго объяснял, что ему еще предстоит труднейшие вступительные экзамены, и, чтобы в дальнейшем избежать многочисленных вопросов, выдал Николаю правила приема в академию.

После этого заявление в академию пришлось переписать:

«В Императорскую Академию Художеств Сына Петербургскаго Нотариуса Николая Константиновича Рериха Прошение

Желая поступить учеником Императорской Академии Художеств по отделу живописи, имею честь покорнейше просить принять меня вольнослушателем по отделу живописи. При сем прилагаю подлинные документы и копии свидетельств: 1, с метрического свидетельства моего за № 376; 2, с свидетельства о приписке к призывному участку, выданного 20-го января 1893 г. за № 5; 3, с аттестата зрелости об окончании мною курса наук в гимназии, выданного 1-го Июня 1893 г. за № 56, и 4, с формулярного списка о службе отца моего, засвидетельствованного 12 Февраля 1885 г. за № 652; четыре фотографии, картины.

С.-Петербург 1893 года.

Жительство имею:

Васильевский ос., 1-го участка, по Университетской набережной № 25»^[19]

Перед поступлением в Академию художеств Николаю Рериху пришлось еще изрядно попотеть над гипсовыми головами. Для этого он под руководством художника-мозаичиста Ивана Ивановича Кудрина перерисовал все античные головы в музее академии. На экзамене Рериху попалась уже знакомая ему голова Антиноя. И все же, после успешно

выполненного задания, он продолжал волноваться. А когда через несколько дней он пришел узнать результаты экзаменов, его встретил в вестибюле один из товарищей, тоже поступавший в академию, и с ходу начал утешать:

— Ну не в этом, так в будущем году. В списке нет вас.

Николай Рерих почувствовал себя плохо: неужели провал?

Но тут на помощь пришел швейцар академии Лукаш, которого за доброту любили все студенты, он укоризненно посмотрел на шутника и сказал:

— Чего смущаете. Раньше, чем говорить, прочли бы список. Принят Рерих, и даже хорошо.

И действительно, он оказался в списке принятых в академию.

После этого, на радостях, теперь уже в угоду отцу, Николай подал документы на юридический факультет Петербургского университета, куда поступил без особых трудов и волнений.

Став одновременно и студентом университета, он задумывает написать книгу «О персах и их религии», для этого Н. К. Рерих изучает книгу Е. П. Блаватской «Из пещер и дебрей Индостана» и делает большое количество выписок и заметок, озаглавив их «Выписка для моей книги „О персах и их религии“»^[20]. В те годы все, касающееся персов, очень интересовало молодого Рериха, а через 30 лет, находясь в Америке, он вспомнил курьезный случай, произошедший тогда в университете:

«Приехал шах Персидский к ним, и вот депутация университета произнесла ему речь на персидском языке. Он внимательно выслушал, потом спросил через переводчика, на каком языке они ему говорили. Оказывается, речь была на древнеперсидском языке, на котором уже столетия никто не говорит!»^[21]

К сожалению, задуманная еще в университете книга о персах так и не была написана — не хватило времени.

В Императорскую академию художеств Рерих поступил накануне ее реорганизации. В течение всего 1893 года готовилась смена всей концепции обучения. Вдохновителем такой реорганизации был вице-президент академии граф Иван Иванович Толстой. Создавая новый устав Академии художеств, он привлек к работе своего товарища, художника-передвижника Архипа Ивановича Куинджи, который давно мечтал о преподавательской работе. Реорганизовать, сделать обучение в академии более демократичным, привлечь к преподаванию известных художников — было заветной мечтой многих, но осуществить это смог только граф И. И. Толстой при помощи А. И. Куинджи.

Почти полгода Архип Иванович уговаривал своих друзей по «Товариществу передвижников» войти вместе с ним в состав преподавателей и в Совет Императорской академии. Наконец в 1894 году И. Е. Репин, Н. Д. Кузнецов, И. И. Шишкин и В. Е. Маковский поддались на уговоры А. И. Куинджи. Теперь они получили возможность набирать себе учеников и воспитывать будущих художников, подготавливая себе смену.

Но художники неоднозначно оценивали почин Архипа Ивановича. Н. А. Ярошенко, которого называли «совестью передвижников», негодовал из-за того, что Куинджи переманил лучших художников в «реакционную» Императорскую академию художеств. А когда И. Н. Крамской поддержал мысль А. И. Куинджи о «продолжении рода» через преподавание в академии, Н. А. Ярошенко стал просто игнорировать существование Архипа Ивановича. И на одном из собраний у Брюллова в 1895 году при появлении А. И. Куинджи Ярошенко поставил вопрос о возможности присутствия «посторонних» на заседаниях товарищества. Стали голосовать, и с перевесом в два голоса вопрос был решен в пользу Ярошенко. С тех пор А. И. Куинджи уже не появлялся среди передвижников.

Еще в школе Николай участвовал в спектаклях, организованных в гимназии Карла Мая, он оформлял декорации и расписывал программы, и именно оформление театральных постановок позднее принесло Николаю Рериху мировую известность.

Оформлением декораций для театральных постановок Н. К. Рерих всерьез занялся, уже будучи студентом Академии художеств. Скульптор Михаил Осипович Микешин в 1895 году предложил своему воспитаннику участвовать сначала в оформлении декораций к «Грузинскому вечеру в Петербурге», где ставились отрывки из поэмы Важи Пшавелы «Этери», а через год был организован «Украинский вечер в Петербурге», и здесь Рерих оформлял «живые картины» из поэмы Тараса Шевченко «Кобзарь».

Через много лет Николай Константинович вспоминал свои первые успехи в оформлении этих постановок:

«Еще в студенческие годы пришлось ставить живые картины на кавказском вечере. Понравились. Подходит Блох из „Новостей“:

— Вы ведь кавказец?

— Нет, я — питерский.

— Ну, я все-таки напишу, что вы кавказец, картины-то очень хороши.

Через год с Микешиным ставили картины на украинском балу в Дворянском Собрании по эскизам Микешина. Подходит сотрудник „Новостей“:

— Вы ведь уроженец Украины?

Говорю:

— Нет, я питерец.

— Ну, я все-таки скажу, что вы украинец — картины-то удачны, видно, любите Шевченко.

Так я и оказался украинцем. Впрочем, ранее, когда на кавказском вечере я ставил картины, таким же образом я оказался грузином»^[22].

НАСТАВНИКИ

В 1895 году ученикам Высшего художественного училища Императорской академии художеств, по новым правилам, была дана возможность по окончании общего натурального класса самим выбирать, у кого из живописцев продолжить обучение. Для Николая колебаний в выборе мастерской не было, конечно же его учителем должен стать Илья Ефимович Репин, но просто прийти к известному художнику и попроситься в ученики Николай все же не решался.

Лучший друг по академии, Леон Антокольский, не раздумывал, он сразу был принят учеником к Репину, здесь свою роль сыграла, естественно, и протекция — брат его отца, знаменитый скульптор М. М. Антокольский, был членом Совета Академии художеств.

В том же году в дневнике Николай напишет: «На экзамене 28 января... в этюде съехал на разряд ниже, а между тем Илья Ефимович [Репин] говорил, что я иду быстро вперед, что весьма утешительно видеть, как люди на каждой работе прогрессируют, что он мною очень доволен. Странно! Прогресс, а между тем на разряд ниже. Леон [Антокольский] собирается не на шутку переходить в мастерскую в апреле и, чудак! надеется, что и я перейду. Напрасная надежда — на большом этюде при моей технике больше третьего разряда не получишь, а надо получить второй»^[23].

Осенью 1895 года Николай Рерих все же решился идти в мастерскую И. Е. Репина. Она располагалась на втором этаже большого дома у Калинкина моста. 2 октября Рерих с большим трепетом понес свои работы мастеру, он считал этот день для себя особым. Однако его ждало разочарование, долго расхваливая картины молодого художника, Репин вовсе не собирался брать его в ученики. Рерих с горечью дословно записал слова отказа мастера в свой дневник:

«Принять в мастерскую не могу, а если желаете, запишу кандидатом, а то места нет. Без лести могу вам сказать, что мне весьма лестно принять вас в свою мастерскую».

Рерих, конечно, был сильно огорчен, ведь его товарищи уже стали учениками, а ему предлагают всего лишь быть кандидатом и притом на неопределенное время. Долго раздумывать не пришлось, сокурсник Глеб Воропанов предложил идти вместе с ним к А. И. Куинджи. Рерих согласился, и с 30 октября уже ходил в мастерскую на Васильевском

острове не каким-то кандидатом, а полноправным учеником. Позже Рерих так описывал свой выбор руководителя:

«Старая академия кончилась. Пришли новые профессора. Встала задача: к кому попасть — к Репину или к Куинджи. Репин расхвалил этюды, но он вообще не скупился на похвалы. Воропанов предложил: „Пойдем лучше к Куинджи“. Пошли. Посмотрел сурово: „Принесите работы“. Жили мы близко — против Николаевского моста — сейчас и притащили все, что было. Смотрел, молчал, что-то будет? Потом обернулся к служителю Некрасову, показал на меня и отрезал коротко: „Это вот они в мастерскую ходить будут“. Только и всего! Один из самых важных шагов совершился проще простого. Стал Архип Иванович учителем не только живописи, но и всей жизни. Поддержал в стремлении к композиции. Иногда ругал, например, за „Поход“, а потом вернется: „Впрочем, не огорчайтесь, ведь пути искусства широки — и так можно!“»^[24]

Учителями Рериха в академии были талантливые художники: это и живописец Павел Петрович Чистяков (1832–1919), и скульптор Николай Акимович Лаврецкий (1837–1907), мозаичист Николай Александрович Бруни (1856–1935) и живописец Владимир Егорович Маковский (1846–1920), гравер Иван Петрович Пожалостин (1837–1909) и скульптор Гуго Романович Залеман (1859–1919), художник-баталист Богдан Павлович Виллевалде (1818–1903) и скульптор Иван Иванович Подозеров (1835–1899).

Рерих в своих воспоминаниях часто писал о них:

«Из всех старых профессоров удержался лишь один П. П. Чистяков. В нем было много от природного учителя. Своеобразие суждений и выражений привлекало и запоминалось. Но все мы спешили скорей перейти из натурного класса в мастерскую. Труден был выбор между Репиным и Куинджи не только потому, что один был жанристом, а другой — пейзажистом, но по самому характеру этих мастеров создавалась легенда о розни между репинцами и куинджистами. А в сущности этого не было. У Репина были Кустодиев, Грабарь, Щербиновский, Стабровский. Почему нам, бывшим у Куинджи, ссориться с ними? У нас Пурвит, Рушиц, Рылов, Химона, Богаевский, Вроблевский — каждый был занят своей областью.

В составе профессоров академии происходили обновления. Пришли Ционглинский, Кардовский и Самокиш. Пришли затем Е. Лансере, Щусев, Щуко. Среди членов были такие доброжелательные собиратели, как граф Голенищев-Кутузов, Тевяшов, Дашков...

Староакадемическое крыло держалось М. Боткиным. О нем можно бы написать целую книгу. У него были и неприятные черты, но зато он был

страстный собиратель. Знал Александра Иванова, Брюллова, Бруни — был свидетелем той „римской“ группы, о которой всегда занимательно слышать. Конечно, наша группа, а особенно „Мир искусства“, были ненавистны Боткину. Но такая борьба неизбежна»^[25].

28 сентября 1895 года, в дневнике, Николай Рерих давал свою оценку преподавателям Академии художеств:

«Теперь о профессорах. О них я буду говорить как истый очевидец, т. е. не заглядывая в суть дела, упомяну чисто внешние факты.

Чистяков Павел Петрович. Первое знакомство наше было таково: Николай Александрович [Бруни] привел меня к нему со словами:

— Вот, Рерих хочет посоветоваться с вами насчет композиции.

Павел Петрович посмотрел эскизы и сказал:

— Вы оригинальничать хотите, а сделайте лучше порутиннее, оно лучше будет.

Этим советом он сделал то, что эскиз был заброшен. Потом о „Северном Варяге“ сказал:

— Очень талантливо, только манера мужицкая — это вы хотите Крамскому и передвижникам подражать?..»

Знакомство с Владимиром Васильевичем Стасовым Николай Рерих запланировал для себя давно, однако удобный повод для знакомства и людей, которые бы его представили известному художественному критику, никак найти не мог. В. В. Стасов работал в то время в Императорской Петербургской публичной библиотеке хранителем отдела рукописей и редкой книги.

И только в конце сентября Рерих в своем дневнике написал:

«Сегодня был Антокольский и взял слово, что завтра я пойду с ним к его двоюродной сестре Елене Павловне^[26], причем добавил, что она особа весьма оригинальная. Теперь я представил ее следующим образом: довольно пожилая, встрепанная (как художнику подобает), и большой шпилькой прическа. Движения порывистые. Вся нервная. Интересно будет проверить на деле мои предположения. Она познакомит меня со Стасовым и др., а это для моего детища — кружка более чем нужно»^[27].

На следующий день Рерих оказался в доме Елены Павловны Антокольской, впечатление от этой встречи у него осталось восторженное, позже, правда, в дневнике он замазал несколько своих восторженных строк, относящихся к Елене Павловне.

«Теперь самое главное. Антокольский познакомил со своей кузиной, — пишет Рерих. — У меня представление о ней было весьма ложное — она

весьма... собеседником, так что говорили с большой опаской, и то раз я промахнулся, и пришлось покраснеть. Весь вечер мы говорили о художниках. Для меня пролилось много света на Залемана, и я каюсь в моем прежнем худом мнении о нем. Репин, Стасов, Беклемишев — полубоги не сходили с языка. Она хотела знать мое мнение — я лавировал иной раз и даже довольно искусно, несколько раз приходилось говорить о таких вещах, в которых я несведущ — это такое неприятное положение. А главное, в данном случае надо поступать так, чтобы и волки были сыты, и овцы целы. Нет, ответ все-таки необходим, кружок самообразования, уповаю, он выведет из таких подчас скверных положений. Звала Елена Павловна бывать у ней, но до тех пор, пока я от Мона Моисеевича не узнаю ее мнения обо мне — не пойду. Но хотелось бы, чтобы мнение было благоприятное, потому что бывать у ней мне хочется. (В случае дурного мнения поставлю крест.)»^[28].

И уже вечером того же дня записал: «Елена Павловна на будущей неделе обещала ответ Стасова о кружке»^[29].

РЕРИХОВСКИЙ КРУЖОК САМООБРАЗОВАНИЯ

История кружка, созданного Николаем Рерихом в Академии художеств, уходит еще в бытность его обучения в гимназии Карла Мая.

Тогда Александр Бенуа, в будущем один из организаторов знаменитого объединения художников «Мир искусства», учился в гимназии вместе с Рерихом, только на три класса старше. Благодаря особой системе обучения, некоторые занятия в школе проходили комбинированно, то есть разные по возрасту классы объединялись для общих лекций по некоторым предметам.

Поэтому Рерих и Бенуа часто встречались, дружили и, естественно, что старшие товарищи служили для Николая особым примером для подражания. В те школьные годы Александр Бенуа, уже став вольным слушателем Академии художеств, организовал в гимназии Карла Мая кружок и назвал его «Обществом самообразования». Для гимназиста Рериха это было чем-то колоссальным и недостижимым. Его считали еще маленьким и потому не принимали в свой круг. А старшеклассник Бенуа всегда отпускал по поводу застенчивости Рериха какие-нибудь злые шутки.

На самом же деле ничего особенно серьезного в этом гимназическом «кружке самообразования» не было. Вот как позже Бенуа вспоминал об этой детской затее:

«Уже в шестом классе (1886–1887) я и ближайшие мои приятели сплотились в особый кружок, в нечто похожее на школьный клуб. Но не надо думать, что наше объединение представляло из себя нечто серьезное и ученое. Даже несколько позже, когда мы называли себя в шутку „Обществом самообразования“ (это было уже в седьмом классе) и даже сочинили род устава, общение наше продолжало носить совершенно свободный характер, с некоторым уклоном в шутовство и в потеху. Всякий намек на педантизм был изгнан и предан осмеянию. Изъята была и всякая цензура. Беседа шла о чем угодно и меньше всего о нашем ученье и о школьных делах. Не щадились и современные порядки, но только пересуды на темы, более или менее касавшиеся политической сферы, носили у нас чисто „академический“ характер. Ни в ком из нас не жила склонность к какому-либо личному воздействию, к революционности, нам не был знаком соблазн вмешаться в общественную и политическую жизнь»^[30].

Позже все собрания кружка стали проходить на квартире родителей

Бенуа, где Александр был центром внимания и главным вдохновителем.

«Начиная с седьмого класса, — писал Бенуа, — наши собеседования стали все чаще происходить у меня на дому. Приманкой могло служить то, что у нас, точнее у меня, товарищи находили немало всяких „наглядных пособий для просвещения“ как в смысле предметов искусства, так и в смысле книг и журналов. Атмосфера нашего дома была насыщена художеством, чем-то таким, чего никто из моих товарищей не находил у себя. Надо еще прибавить, что я очень рано стал ощущать в себе известное „педагогическое призвание“ и потребность собирать вокруг себя единомышленников»^[31].

Такая потребность Александра Бенуа быть центром внимания и нетерпимость к конкурентам в дальнейшем сказалась и на его дружбе с Н. К. Рерихом. В 1942 году в «Листах дневника» Рерих даже назовет Александра Бенуа «тартюфом».

Созданный в гимназии кружок Бенуа не был забыт и в последующие годы послужил основой нового объединения «Мир искусства». А вот кружку, созданному Н. К. Рерихом в стенах академии, была уготована не такая долгая судьба, хотя поначалу все складывалось довольно хорошо.

Окончив первый курс Академии художеств, Николай Рерих писал своему другу, художнику Льву Моисеевичу Антокольскому:

«Я самолюбив, и хоть мое самолюбие и доставляет мне много тяжелых минут, но, в конце концов, я доволен на его обилие. Это такой кнут, такой источник энергии, что без него много чего нельзя было бы сделать. Впрочем, мне нечего говорить о самолюбии — ведь и ты самолюбив и все сам чувствуешь. А только правда, самолюбие, вещь великая, известным образом направленное, может охранять и нравственность, и все хорошее в человеке. Теперь о кружке. Спасибо, что разделяешь мои мысли. Помоги мне выполнять, давай, выполним эту задачу. Только тут необходим строжайший выбор. Люди все должны быть честные, хорошие, добрые. Должны быть далеки от зависти, этого разлагающего элемента. Чтобы в этом кружке было поменьше грязи, ведь и без того чересчур много подлости и грязи кругом. Числом не более 10, и десяток-то дай Бог набрать подходящих людей. Будем помогать друг другу развиваться, образовываться, расширять кругозор — что невозможно одному, то возможно многим. Художнику должны быть просто все специальности известны, должны быть известны стремления общественные.

Трудную, брат, дорогу мы выбрали, но все же я предпочту быть средним художником, нежели специалистом по другим многим областям. Все же его занятия чище, лучше, все же искусство порождено лучшими,

высшими стремлениями людей, тогда как многое другое порождено низшими, а то и животными стремлениями. Ведь лучше служить тяжелым трудом, но делу хорошему, нежели несимпатичному. А кружок чем важен? Художнику больше, нежели всякому другому, приходится испытывать разочарования и также увлекаться. Кружок же добрых честных товарищей может наставить увлекающегося на пути истинные, может поддержать упавшего духом... Твой Н. Рерих»^[32].

Уже к осени 1894 года был написан устав кружка, который необходимо было утвердить у руководства Императорской академии художеств. Первым пунктом устава Николай Рерих поставил цель создаваемого кружка — «пополнять образование, общее и художественное». Причем общее образование предполагалось дополнить чтением книг по философии, истории, естествознанию, психологии и эстетике.

Что касалось художественного образования, то оно ограничивалось «сочинением эскизов на всевозможные темы».

Несмотря на то что вначале Николай не хотел, чтобы в кружок входило более 10 человек, в уставе было записано, что число членов кружка не ограничено.

Собираться кружок должен был два раза в месяц. Помещения для собраний еще не было, и поэтому в устав был вставлен пункт о том, что «до приискания специального помещения собрания происходят на квартирах членов по соглашению».

Чаще всего кружковцы заседали на квартире Елены Павловны Антокольской и ее мужа профессора Военно-медицинской академии Ивана Рамазовича Тарханова (Тархнишвили), на Екатерингофском проспекте.

В это время уже начинались студенческие беспорядки. Поэтому, чтобы полностью исключить возможность политических дебатов во время заседаний кружка и по требованию администрации Академии художеств был внесен последний пункт устава — «Господам членам кружка иметь в виду, что занятия собраний должны иметь своим предметом только то, что непосредственно ведет к цели художественного самообразования, и обсуждения иных каких бы то ни было других вопросов, безусловно, не допускается»^[33].

Кружок оставался в прямом подчинении Академии художеств. Результаты каждого собрания вносились в виде протокола в особую книгу, а секретарь вел особый альбом, в который собирал наброски, фотографии или копии представленных на собрании эскизов. Кроме того, годичный отчет о занятиях кружка вместе с альбомом набросков и фотографий

представлялся на рассмотрение вице-президенту Императорской академии художеств графу И. И. Толстому.

Обсуждать эскизы до заседаний кружка запрещалось, для этого был внесен отдельный пункт — «Всем без исключения членам кружка вменяется в неперемennую обязанность представление к каждому собранию не менее одного эскиза по своей отрасли, исполненного каким угодно способом в возможно более законченном виде. При этом желательно было бы, чтобы авторы эскизов не совещались о них между собою до собрания кружка, на котором эти эскизы имеют быть представлены»^[34].

Прошение о разрешении кружка было подписано учеником Высшего художественного училища Львом Антокольским и вольнослушателем Высшего художественного училища, студентом Санкт-Петербургского университета Николаем Рерихом.

Однокурсник Николая Рериха художник Аркадий Рылов в своих воспоминаниях называл этот кружок несколько по-иному:

«По инициативе Рериха образовался было кружок по изучению древнерусского и славянского искусства. Собирались раз в месяц в квартире профессора Военно-медицинской академии И. П. Тарханова. Мне поручено было приготовить реферат о поэзии славян. Я прочел в библиотеке кое-что по этому вопросу, но реферата, к моему удовольствию, читать не пришлось, так как кружок распался»^[35].

В полном составе кружок просуществовал целый год. На первом заседании Николай Рерих произнес большую вступительную речь, которую перед этим обсуждал со своими товарищами:

«Не со вчерашнего дня, вероятно, каждый из нас мечтал и думал: найти товарищей, соединиться, связать себя с ними общим делом и, устроив подобную дружину — кружок, помогать друг другу облегчать всевозможные трудности, так, чтобы невозможное или, во всяком случае, почти невыполнимое для одного стало легко достижимым многими, т. е. этому тесно сложившемуся кружку. Теперь, в чем же главным образом ощущается необходимость этой нашей взаимопомощи? Мне кажется, первое место в данном случае должно занимать пополнение нашего научного и художественного образования. Но художественного только отчасти, так как для этого академия теперь предоставляет своим ученикам все, что только возможно. Хотя бы взять: инженер может работать по своей специальности, руководствуясь почти одними специальными по этой отрасли сведениями, доктор, хотя еще менее инженера, но все же, обладая знаниями по одной медицине и связанным с нею науками, может вести свое

дело; почти невозможно юристу сделать так на своем поприще, не обладая серьезным всесторонним образованием, но художнику под этими рубриками, я полагаю, совсем нет места».

Кроме всего прочего, Николай Рерих выразил в своем выступлении довольно крамольную мысль о перевоплощении художника и существовании его вне религиозных конфессий. Рериху было тогда двадцать лет.

«Что значит художник, обладающий знаниями одних специальных предметов? Разве может художник взяться хоть за одну свою работу, не запасшись капитальным всесторонним образованием? Художнику приходится быть отчасти то инженером, то юристом, то психиатром, то химиком, то философом, то физиком, ему приходится быть буддистом, последователем доктрины Конфуция — да Бог знает, чем не приходится бывать художнику... Все, что хоть отчасти связано, имеет место в жизни, все это специальность художника; всякий, кто и не думает уличать, например, доктора в незнании механики, нисколько не затруднится уличить художника в незнании... Художнику отводится, без сомнения, одно из видных мест в обществе, так что он является до некоторой степени большим кораблем, но которому, по пословице, принадлежит и большое плавание.

Теперь нам предстоит оснастка, и притом — самая тщательная, нам предстоит вооружение. Чтобы всякий, желающий узнать нас, нашел бы нас, хотя до некоторой степени, уже вооруженными, чтобы шторм не разбил бортов. А то результаты бывают плачевные — например, хотя бы последнее крушение на Финском заливе, где, как говорят, во время шторма, должно быть, пострадали заплаты пластыря. Так что нельзя целого дерева заменить заплатыми. Заплаты выдают — изменяют.

Всякий специалист может сказать на специальность другую — какое мне дело до нее, но для художника нет этой отговорки, ему до всего должно быть дело — все должно найти в нем хоть маленькое местечко. И музыкант, и поэт, и архитектор, и скульптор, и медик, и инженер, и защитник родины был, например, Леонардо да Винчи. Он своею музыкой и стихами очаровывал родной город. Он оказывался чудным моряком... Проводит в Милан канал... Наконец, перед стенами Милана появляются полки Людовика XII, кто иной, как не Леонардо, первый встречает их с оружием на стенах городских. Кто, как не он, возводит новые укрепления, ставит мощные снаряды, воодушевляет сограждан, жертвует всем для Милана.

Но горсть защитников гибнет — в город проникает измена, стены падают под ударами неприятелей. Город пал. Людовик разгневан долгим

сопротивлением — горожан ожидает страшное наказание. Король вступает в Миланский дворец и вдруг навстречу ему выступает лев; пройдя несколько шагов, как бы приветствуя победителя, останавливается, грудь его раскрывается и оттуда сыпятся розы и фиалки, цветы с герба Франции. Король восхищен талантом великого механика, гроза прошла для Милана стороной. Кто же этим гениальным изобретением отвратил гнев короля от сограждан? Леонардо да Винчи. Он был таким великолепным строителем морских и крепостных сооружений, что различные князья Италии обращались к нему с просьбами... Он изобрел весьма сложные машины и художественные автоматы.

Таким образом, Леонардо да Винчи настолько был сведущ в этих разъединенных областях, что даже не затруднялся с таким блестящим успехом применять свои познания на практике. То же и Микель Анджело... Но мне могут возразить, что возможное в то время невозможно теперь. Тогда для права называться ученым стоило усвоить каких-нибудь 15 000—20 000 страниц, а теперь этого количества едва ли достаточно, чтобы назваться среднеобразованным человеком. Совершенно верно, но все же, чем шире будем расширять наш кругозор, тем до некоторой степени все будем ближе достигать нашу цель»^[36].

Конечно, Николай не забыл поблагодарить и вице-президента Академии художеств графа Ивана Ивановича Толстого и ректора Сиверия Антоновича Сакетти.

10 октября 1895 года Николай, радуясь победе, в своем дневнике писал: «Вчера Бруни сказал Антокольскому, что граф [И. И. Толстой] разрешил наш кружок. Потом я его видел, со мной он по-прежнему ласково говорил, что ему Алексей Иванович передавал о моем первом успехе в красках. Словом, все благополучно по-прежнему, т. е. вернее сказать, все неблагополучие создало не более как мое воображение, должно быть»^[37].

Но уже через 8 дней в дневнике Рериха появилась другая запись:

«Капут. Начало занятий в академии. Кружок к черту! Все пропало — разбилось. Меня и моих соинициаторов эти свиньи обозвали аристократами (что, де, тут аристократы затевают, мы — не им чета, мы — демократы). Устав им показался (их разуму) непонятен и страшен. Например, просто боятся слова баллотировка. Сегодня никто со мной к графу не пошел — испугались. Вчера, оказывается, Леон говорил Скалону, что мне с ними (т. е. со мной) делать, как его удержать. Отчего, спрашивается, удерживать — от доброго начинания с целью научного образования? Сакетти [Сиверий Антонович] в наше посещение его сказал:

„Хотя я и профессор-консерватор, но должен признаться, что уровень развития консерваторов стоит так низко, что ничего подобного там немыслимо! А вот весьма приятно слышать, что в среде академистов явилась подобная инициатива“. Не радуйтесь, почтенный Сиверий Антонович, и в академии ничего подобного немыслимо. Не народы тут, а грубые свиньи и больше ничего. Видите, демократы! Нас заподозрили в каком-то триумвиратстве. Теперь остались я, Леон, Скалон, Рейнеке, Фролов, Федорович и Доничиевский...»^[38]

В академии шли экзамены, и сокурсникам было не до какого-то кружка. В эти дни Николай Рерих писал:

«Начался экзамен в академии. Экзаменующихся набралось (живописцев) больше сотни. Масса академистов. Во вторник хотел пройти в экзаменационный зал; подхожу к двери — стоит Бруни с одной академисткой, она просит позволения посмотреть экзаменующихся. Бруни позволяет ей войти. Тогда я хочу войти за ней, а почтенный Николай Александрович берет меня за плечо и останавливает: „Нельзя“. Я хотел заговорить с ним, а он весьма прозрачно отвернулся и заговорил с другим. Это черт знает что такое, чего ему от меня надо? Чего он злится? Даже говорить не хочет. Товарищи серьезно предостерегают меня от него и говорят, как бы он мне к Рождеству свиньи не подпустил бы».

Николай очень волновался, как пройдут эти экзамены: вдруг провалится, что тогда скажут о нем его бывшие товарищи по гимназии Карла Мая? Поэтому для себя он установил жесткое расписание, которое, естественно, подорвало его здоровье.

«Вчера был Скалон и Антокольский, и мы поклялись выдвинуться или, по меньшей мере, постараться выдвинуться, — записал в дневнике Николай Рерих. — Скалон сказал: „Теперь три гвоздя вбиты крепко и близко один от другого“. Что-то из этого выйдет? Вот будут хороши три гвоздя, когда меня из академии выгонят к Рождеству. Впрочем, все убеждают меня, что этого не случится. Да к тому же и сам принимаю уже меры, чтобы этого не случилось — а именно: начал писать этюд „Варвары“ — может, еще и подтянусь. Теперь у меня все время занято. А к скорому времени, предчувствую, придется просить о продолжении суток на 28 часов... Вот весь день ушел, а время для гуляния нету. А доктор велел мне гулять не менее трех часов ежедневно. Ну, на гуляние буду отводить воскресенье, буду на лыжах бегать. Пожалуй, даже на чтение газет времени не останется». Далее Рерих пишет: «Завтра пойдет Антокольский к Елене Павловне. Звали непременно меня, но я по причине вышеизложенной (выражаясь канцелярским языком) не пойду, хотя очень подмывает меня.

Там, знаете наверно, услышишь столько новостей и других любопытных рассказов как писать. Любопытно, как она убеждала меня приписать и академисток в члены кружка. Я протестовал. Она убеждала меня, что мой взгляд отсталый, что присутствие женщин облагородит некоторым образом наш кружок. Пришлось ей уступить. Вообще должен сознаться, что ее слова, что она приручила Залемана, — верны, она действительно может приручить. Кстати, в натурном классе устроено особое женское отделение, где академистки рисуют с голой натурщицы. Эта мера ужасно мне нравится, а то совместное рисование часто стесняло и тех и других, или же ставило в разные неприятные положения. Припоминается мне, как в прошлом году Филькович уговаривал меня поступить в их мастерскую и как особенно веский аргумент выставил, что они пишут натурщицу красивую, и если я захочу, можно и голую. Невольно улыбаюсь, вспоминая его удивления, когда я наотрез отказался от его предложений. Теперь я как-то меньше краснею. Чего мне стоило научиться не краснеть при каждом скромном слове, — ведь глупо, а не мог сдержаться и краснел, недаром Мирошников называл красной девицей, и даже и теперь еще белоснежкой»^[39].

И если Николай еще не определился, в какую мастерскую идти, то его сокурсники уже запаслись связями, о чем сам Рерих с сожалением говорил:

«На экзаменах бывают Репин и другие преподаватели. Говорят, у Репина есть уже знакомые, к которым он нарочно подходит и поправляет, это даже не верится, чтобы Репин и вдруг!!»

Все перипетии закончились тем, что Николай Рерих познакомился с влиятельным художественным критиком Владимиром Васильевичем Стасовым и поступил в студию Архипа Ивановича Куинджи.

МАСТЕРСКАЯ КУИНДЖИ

Каждый день обучения в мастерской Архипа Ивановича Куинджи начинался для Николая Рериха с работы над эскизами. В первый год А. И. Куинджи почти не делал своим ученикам замечаний и не поправлял их работы. Он внимательно присматривался к своим воспитанникам — как он сам потом говорил, чтобы таким образом вначале понять и человека, и его наклонности, и заложенные в нем возможности. А затем, выяснив характер и индивидуальность каждого, Архип Иванович уже смело своими советами помогал проявлять себя, двигаться вперед по тому пути, который, как считал А. И. Куинджи, вытекал из художественной натуры молодого художника. В дополнение к рисованию этюдов Архип Иванович советовал делать копии с картин известных художников, из которых больше внимания просил уделять рисункам Калама^[40].

Но тех, кто отказывались делать копии, он насильно не заставлял, так что через некоторое время каждый в мастерской А. И. Куинджи занимался тем, чем хотел. Он учил, что этюды не должны потом становиться кусочками большой картины, а необходимы только для развития художественной памяти. Не зря по академии ходили слухи, что у Куинджи в мастерской весело потому, что у него не столько работают, сколько «разговоры разговаривают».

В 1910 году Н. К. Рерих писал:

«Помню, как он вопреки уставу принял меня в мастерскую свою. Помню его, будящего в 2 часа ночи, чтобы предупредить об опасности... Помню его стремительные возвращения, чтобы дать тот совет, который он, спустя шесть этажей, надумал... Помню его быстрые приезды, чтобы взглянуть, не слишком ли огорчила резкая критика его... Тихие, долгие беседы наедине больше всего будут помниться учениками Архипа Ивановича»^[41].

Действительно, Архип Иванович создал в своей мастерской домашнюю атмосферу. После работы с натурщиком устраивались музыкальные вечера, на которых ученик Вагнер, бывший морской офицер, исполнял соло на балалайке. Выступали здесь многие академисты, ставшие потом известными художниками: это и Константин Федорович Богаевский (1872–1943), автор колоритных крымских пейзажей; Константин Каэтанович Вроблевский (1868–1939), в будущем преподаватель школы Общества поощрения художеств; Виктор Иванович Зарубин (1866–1928),

пейзажист и преподаватель; Михаил Пелонидович Латри (1875–1935), внук знаменитого художника И. К. Айвазовского; Вильгельм Карлис Юргистович Пурвит (Пурвитис) (1872–1945), ставший ректором Латвийской академии художеств; Аркадий Александрович Рылов (1870–1939), позже председатель Общества им. А. И. Куинджи и преподаватель школы Общества поощрения художеств; и конечно, Николай Константинович Рерих. Бывали там и ученики И. И. Шишкина: Александр Алексеевич Борисов (1866–1934), известный своими северными пейзажами; Фердинанд Эдуардович Руциц (1870–1936), в будущем известный польский художник; Николай Петрович Химона (1865–1920), ставший преподавателем школы Общества поощрения художеств и получивший известность благодаря своему греческому циклу картин.

Художник Аркадий Александрович Рылов в своих воспоминаниях так описывал эти вечера:

«Архип Иванович на кушетке, а ученики кто где — на других кушетках и прямо на полу, в сумерках видны были только огоньки от папирос. Архип Иванович рассказывал что-нибудь или о своих успехах с „Березовой рощей“ и с „Днепром“, о воробье, которого он вылечил, о голубях и т. д. Он с утра не уходил домой. Из ресторана ему приносили бифштекс, и он часто оставался с учениками до поздней ночи... Рисование продолжалось до семи часов, когда служитель Некрасов приносил в соседнюю комнату самовар. Богаевский, как староста, распоряжался чаепитием, сам для всех разливал чай, на столе — груды свежих сосисок и вкусных булочек-рогулек. Мы прямо на бумагу выливали из баночки французскую горчицу и, макая в нее сосиски, отправляли их в рот во славу доброго хозяина нашего Архипа Ивановича... Затем начиналось настраивание инструментов, и раздавалась веселая музыка: Богаевский, Чумаков и Калмыков играли на гитарах. К ним присоединялись Зарубин и Химона на скрипках, а Латри — на мандолине, морской офицер Вагнер — на балалайке. Репертуар был невелик. Какой-то старинный вальс со словами для пения и полечка. После музыки Калмыков изображал покупателя, выбирающего в магазине галстуки. Богаевский был продавцом, а мы снимали галстуки и клали на стол. Архипу Ивановичу так нравился этот номер, что он постоянно просил изображать его. Он так хохотал при виде покупателя, потиравшего озябшие руки, переминающегося с ноги на ногу, зашедшего в магазин только за тем, чтобы обогреться, а вовсе не за галстуками.

Часто заходил к нам „на огонек“ профессор Н. Д. Кузнецов. Архип Иванович и мы все его любили. Он также принимал участие в нашей

беседе, искусно изображая жужжащую муху, собачью драку и т. п...»^[42]

Не прошло и месяца с того момента, как Николай Рерих пришел в мастерскую, а уже стал одним из самых активных участников празднования победы учеников Архипа Ивановича Куинджи — М. Педашенко и А. Кандаурова. В 1895 году на Академической выставке они представляли мастерскую Куинджи и оба получили премии. После такого успеха член Совета, академик Академии художеств, руководитель мастерской батальной живописи, друг А. И. Куинджи — Николай Дмитриевич Кузнецов часто шутливо допытывался:

— А скажи, Архип Иванович, где ты чай покупаешь?

На что А. И. Куинджи обычно, так же хитро улыбаясь, отвечал:

— А что, зачем это тебе?

— Да что-то здорово твои ученики работают, успехи делают!

По случаю этой победы и был устроен торжественный ужин, в конце которого был подан специально заказанный праздничный торт. Он был оформлен в стиле картины получившего премию А. И. Кандаурова, которая называлась «Могила скифского царя». Торт изображал большой могильный курган, вокруг которого, по числу учеников мастерской, стояли шоколадные всадники, а на вершине кургана был установлен большой шоколадный бюст Архипа Ивановича Куинджи. Разрезать торт поручили ученику Николаю Рериху, так как уже всем была известна его страсть к археологии, и кто как не археолог будет правильно раскапывать курган. Свет был погашен, всадников облили спиртом и зажгли, символизируя горение во имя искусства.

Сокурсник Николая Рериха Янис Розенталь через много лет вспоминал проказы академистов на ежегодных балах-маскарадах: «Студенты, у которых не было фрака, занимали костюмы времен Брюллова из гардероба академии. Однажды Рылову и Рериху удалось взять в Мариинском театре настоящие средневековые доспехи, и эти рыцари должны были сражаться на турнире»^[43].

Такие студенческие костюмированные балы обычно устраивались в январе в здании Дворянского собрания. В этот раз зал превратился в морскую пучину, многие студенты были одеты как обитатели морского царства. Для поединка рыцарей освободили центр зала, и победителем стал Николай Рерих, которому досталась прекрасная принцесса, но и побежденный Аркадий Рылов тоже не остался без внимания. За это представление А. А. Рылов и Н. К. Рерих получили в подарок картину В. В. Матэ, которая потом висела в академической мастерской Куинджи. Позже

Рылов рассказывал, как А. И. Куинджи, наблюдавший сверху с хоров за костюмированным балом и поединком, покачивая головой, весело воскликнул:

— Вот стараются! Если бы они так же картины писали!

СКАНДАЛ И УХОД А. И. КУИНДЖИ

В феврале 1897 года произошел грандиозный скандал, который привел к увольнению А. И. Куинджи из профессоров Академии художеств и добровольному уходу из академии его учеников.

Начало всей этой истории положил довольно банальный случай. Незадолго до того избранный на следующие пять лет ректор Анатолий Осипович Томишко (известный автор нижнего дворца в Петергофе) столкнулся лицом к лицу в канцелярии академии со студентом Крыжановским, который не знал нового ректора в лицо и не поклонился ему, как это было заведено. Новый ректор был амбициозным человеком и считал такое поведение ученика вызывающим, он окликнул Крыжановского и в довольно грубых выражениях выставил его из канцелярии, при этом ему на помощь пришли сторожа, которые с большим усердием вывели вон «невоспитанного ученика».

Студенты поддержали своего товарища, посчитав, что ректор должен извиниться перед обиженным студентом. Естественно, ректор этого делать не собирался, а посоветовавшись с вице-президентом академии графом И. И. Толстым, еще больше укрепился в своем решении. Студенты не успокаивались и решили объявить забастовку в знак протеста. Забастовка проходила мирно и спокойно. И для того чтобы не раздувать скандал, И. И. Толстой не стал привлекать полицию для усмирения студентов, как это делалось в других учебных заведениях. Он просто объявил бастующим, что если через три дня они не приступят к занятиям, то их всех исключат из академии. Но такие меры на студентов не подействовали, тут-то и вышел с инициативой Архип Иванович Куинджи.

На Совете академии Архип Иванович предложил себя в качестве «парламентария», сославшись на то, что студенты его очень любят и уважают. Члены Совета решили, что ученики и без переговоров вернуться в художественные классы, и никаких полномочий на переговоры А. И. Куинджи не дали. Тогда Архип Иванович решил сам пойти и поговорить со студентами, но те отказались его выслушать, объяснив, что члены Совета сочтут его за организатора забастовки, а они очень дорожат таким преподавателем. Но задетый за живое А. И. Куинджи продолжал настаивать и в конце концов ему дали слово. Архип Иванович говорил недолго и не очень зажигательно. Он тщетно уговаривал студентов приступить к занятиям, просил их сделать это хотя бы ради него и других

таких же прогрессивных учителей академии.

Молодежь, возбужденная забастовкой, восприняла речь А. И. Куинджи серьезно, и даже было проведено голосование, но большинство все же высказалось за продолжение забастовки. И Архип Иванович вынужден был уйти ни с чем.

В это время Совет академии уже принял решение. Было вывешено объявление, в котором говорилось, что если «бастующие» в назначенный день не явятся на занятия, то все они будут считаться исключенными из академии. Студенты эту угрозу оставили без внимания, и все бастующие были исключены. Конечно, все это было не так бесповоротно, каждому из них предоставлялась возможность подать прошение о восстановлении в академии, и только нескольким зачинщикам забастовки в таком прошении было отказано.

Может, на этом вся история и закончилась бы, но Архипа Ивановича в Совете недолюбливали, а некоторые откровенно ему завидовали. Для А. И. Куинджи эта забастовка закончилась довольно плачевно. Нашелся слишком проворный бумагомаратель, и по доносу Архип Иванович был заключен сначала на два дня под домашний арест, а потом, 14 февраля, он получил «Повеление» великого князя Владимира Александровича, президента Академии художеств, в течение 24 часов подать прошение об отставке из профессоров академии. На такое решение, скорее всего, повлиял граф И. И. Толстой, которого Куинджи не очень жаловал во время своих выступлений на Совете, посвященных забастовке.

Прочитав «Повеление» об отставке, Архип Иванович от волнения потерял сознание и упал — у него оказалось больное сердце. Конечно, такого развития событий Архип Иванович не ожидал, как не ожидали такого поворота и его ученики. Все профессора и члены академии молча восприняли отставку А. И. Куинджи, никто из них не заступился за своего товарища. Только его студенты, в связи с увольнением учителя, организовали собрание и составили целую петицию в Совет, в которой выражали свое недоумение и возмущение. Эту петицию подписали не только ученики Куинджи, но и другие студенты, случайно оказавшиеся на собрании. Подписанную бумагу академисты торжественно вручили Архипу Ивановичу, подтвердив тем самым свою любовь, преданность и уважение.

Ближние друзья и ученики уговаривали его не подавать прошения об увольнении, обещая свою поддержку, но Архип Иванович не хотел еще больше усложнять своего положения, так как из Совета академии его все же не исключали. Ученики А. И. Куинджи, протестуя против увольнения профессора, решили в знак солидарности покинуть академию, несмотря на

то, что до защиты диплома им оставалось меньше года.

Руководство академии пыталось вернуть учеников Куинджи. Им предлагались заманчивые поездки за границу, лучшие учителя и другие, весьма радужные, перспективы. Так, Николаю Рериху было предложено место в мастерской Репина, куда он вначале так сильно хотел попасть. Посредником в этих переговорах выступал друг Стасова художник В. В. Матэ, который обещал, что если Рерих согласится, то для него будет даже организована зарубежная стажировка за счет академии.

26 февраля 1897 года Николай Рерих рассказывал о своем трудном положении в письме к В. В. Стасову:

«Глубокоуважаемый Владимир Васильевич!

Простуженный и расстроенный, сижу теперь я дома и не могу сам побывать у Вас. Неприятно, что сердце как-то ноет — доктор говорит, что оно в порядке, только слишком сильно работает, но ощущение неприятное... Мои родные непременно хотят, чтобы я теперь же держал бы экзамены, во что бы то ни стало. В Москву ехать не придется. Академию окончательно решил бросить.

В ссоре Ивана Ивановича с Архипом Ивановичем нужно *chercherz la femme* — супруга Ив. Ив. постоянно, говорят, травила его за послушание и подчиненность Архипу. Я взял новый билет из академии, чтобы через несколько времени уйти по собственному желанию, а не считаться выбывшим по постановлению совета.

Если найдете мое писание глупым, сейчас разорвите... Простите за грязное маранье. Разболтался — не с кем говорить.

Был бы рад от Вас получить письмо. Глубоко Вас уважаю и предан крепко. Николай Рерих»^[44].

Положение создалось серьезное, ученики Куинджи могли остаться без диплома художника. Архип Иванович срочно собрал своих студентов недалеко от академии в ресторане «У Бернара», который располагался на 8-й линии Васильевского острова. На этой встрече было решено все же писать конкурсные работы вне стен академии, не пользуясь казенной мастерской и денежными пособиями на краски, холст и натурщиков. Большинство студентов, среди которых был и Н. К. Рерих, намеревались закончить академию в этом же году. И только четверо — М. П. Латри, П. Н. Вагнер, В. И. Зарубин и Краузе — перешли в мастерскую пейзажиста А. А. Киселева, которого Совет академии назначил вместо А. И. Куинджи. Другие ученики сохранили преданность своему учителю и готовы были даже остаться вовсе без диплома. Но академия снова пошла на компромисс, всем ученикам разрешили защищать диплом без руководителя, по

представленным ими работам.

Николай Константинович вспоминал об этом тяжелом для него времени:

«Ко мне подходил Матэ и предлагал перейти в мастерскую Репина, а на следующий год ехать за границу. Отвечаю:

— Василий Васильевич, помилуйте, ведь такая поездка на тридцать сребреников будет похожа.

За нашего Архипа Ивановича мы дружно стояли. Где же был другой такой руководитель искусства и жизни?! Никакими заграничными командировками нельзя было оторвать от него. Помню, один клеветник шепнул ему:

— Рерих вас продал.

А Архип Иванович засмеялся:

— Рерих мне цену знает...»^[45]

И все же защита диплома Н. К. Рериха состоялась в ноябре 1897 года. На конкурсную выставку Николай представил написанную этим летом в Изваре картину «Гонец. Восстал род на род», которую пришлось назвать более нейтрально: «Славяне и варяги», а также картины: «Утро Богатырства Киевского» (1896), «Вечер Богатырства Киевского» (1896) и «В Греках», написанную еще в 1895 году. И здесь Рериху помог Стасов — прямо на выставке одна из дипломных работ, по его рекомендации, была приобретена П. М. Третьяковым. Подобного признания в то время удостаивались немногие выпускники академии. И понятно, что такой фурор породил огромное количество завистников.

«На конкурсную выставку приехал Третьяков, — пишет Н. К. Рерих в своем эссе „Начало“. — Наметил для Москвы [Ф. Э.] Рущица, [А. А.] Борисова, [В. Е.] Пурвита и моего „Гонца“. Было большое ожидание. Наконец Третьяков подходит:

— Отдадите „Гонца“ за 800 рублей?

А он стоил тысячу, о чем говорить! Пришел Третьяков ко мне наверх в мастерскую. Расспрашивал о дальнейших планах. Узнал, что „Гонец. Восстал род на род“ — первая из серии „Славяне“. Просил извещать, когда остальные будут готовы. Жаль, скоро умер, и серия распалась».

Павлу Михайловичу Третьякову не удалось больше купить ни одного полотна из задуманной Н. К. Рерихом серии, которую Николай Константинович так и не закончил, хотя были написаны пять из девяти предполагаемых картин: «Гонец», «Сходятся старцы», «Поход», «Город строят», «Зловещее». Вскоре после Академической выставки Павел Михайлович Третьяков скончался.

ПЕРВЫЕ УСПЕХИ

Учеба Николая Рериха подошла к концу. Торжественное вручение дипломов художника состоялось в день основания академии 4 ноября 1897 года. По традиции выпускники и профессора собрались в конференц-зале. Председательствовал вице-президент академии граф И. И. Толстой. Все замерли в ожидании, вглядываясь в лица членов Совета. Конференц-секретарь В. П. Лобойков торжественно прочел отчет о работе академии за год, и после аплодисментов, оглядев развешанные по стенам портреты бывших президентов академии и известных академиков, в полной тишине назвал фамилии учеников, получивших в этом году звания художников.

В этот торжественный момент в зал вошел А. И. Куинджи, все присутствующие зааплодировали, ведь лучшими были названы картины его учеников. Именно картины его мастерской приобрел Третьяков для своей галереи. После вручения дипломов Архип Иванович вместе с учениками отправился во «Французский» ресторан, где пообещал всех своих учеников свозить в Европу, так как Совет академии предоставил заграничную командировку только одному из них — В. Е. Пурвиту.

Через год, весной 1898-го, Архип Иванович действительно повез четырнадцать своих учеников в Европу, они побывали в Германии, Франции и Австрии. Один только Н. К. Рерих не смог поехать в это увлекательное путешествие — ему предстояло держать выпускные экзамены на юридическом факультете Петербургского университета, где он продолжал еще учиться. Да и диплома художника Николай Рерих не получил, так как не сдал научные дисциплины. Он был просто не в состоянии одновременно сдавать университетские экзамены, писать дипломную работу по юриспруденции, рисовать конкурсные картины, да еще и готовиться к довольно сложным теоретическим экзаменам в академии.

Поэтому Н. К. Рерих подал прошение в академию об отсрочке экзаменов по теоретическим курсам до получения университетского диплома. Прошение было удовлетворено, и экзамены были отложены до конца 1897 года. Потом появилось следующее прошение о продлении... И только 20 марта 1898 года Николай, сдав все необходимые экзамены, получил наконец диплом художника.

Еще в 1897 году, после защиты диплома художника Н. К. Рерих зашел к В. В. Стасову в библиотеку. Владимир Васильевич был доволен успехами

Николая, у него было приготовлено несколько деловых предложений к своему юному другу. Стасов решил познакомить Николая Рериха со Львом Николаевичем Толстым. Вот как Рерих вспоминает свое путешествие в Москву и встречу с великим писателем:

«„Непременно вы должны побывать у Толстого“, — гремел маститый В. В. Стасов за своим огромным заваленным столом. Разговор происходил в Публичной библиотеке, когда я пришел к Стасову:

— Что мне все ваши академические дипломы и отличия! Вот пусть сам великий писатель земли русской произведет вас в художники. Вот это будет признание. Да и „Гонца“ вашего никто не оценит, как Толстой. Он-то сразу поймет, с какою такою вестью спешит ваш „Гонец“. Нечего откладывать, через два дня мы с Римским-Корсаковым едем в Москву. Айда с нами! Еще и Илья (скульптор Гинзбург) едет. Непременно, непременно едем.

И вот мы в купе вагона. Стасов, а ему уже семьдесят лет, улегся на верхней полке и уверяет, что иначе он спать не может. Длинная белая борода свешивается вниз. Идет длиннейший спор с Римским-Корсаковым о его новой опере. Реалисту Стасову не вся поэтическая этика „Китеж-Града“ по сердцу.

— Вот погодите, сведу я вас с Толстым поспорить. Он уверяет, что музыку не понимает, а сам плачет от нее, — грозит Стасов Корсакову.

...Утром в Москве, ненадолго остановившись в гостинице, мы все отправились в Хамовнический переулок, в дом Толстого. Каждый вез какие-то подарки. Римский-Корсаков — свои новые ноты, Гинзбург — бронзовую фигуру Толстого, Стасов — какие-то новые книги и я — фотографию с „Гонца“.

Тот, кто знал тихие переулки старой Москвы, старинные дома, отделенные от улицы двором... — тот знает и аромат этих старых усадеб. Пахло не то яблоками, не то старой краской, не то особым запахом библиотеки. Все было такое простое и вместе с тем утонченное. Встретила нас графиня Софья Андреевна. Разговором, конечно, завладел Стасов, а сам Толстой вышел позже. Тоже такой белый, в светлой блузе, потом прозванной „толстовкой“. Характерный жест рук, засунутых за пояс, — так хорошо уловленный на портрете Репина. Только в больших людях может сочетаться такая простота и в то же время несказуемая значительность... Только огромный мыслительский и писательский талант и необычайно расширенное сознание могут создать ту убедительность, которая выражалась во всей фигуре, в жестах и словах Толстого. Говорили, что лицо у него было простое. Это неправда, у него было именно значительное

русское лицо. Такие лица мне приходилось встречать у старых мудрых крестьян, у староверов, живших далеко от городов...

Осмотрел Толстой скульптуру Гинзбурга, сделав несколько кратких и метких замечаний. Затем пришла и моя очередь, и Стасов оказался совершенно прав, полагая, что „Гонец“ не только будет одобрен, но вызовет необычные замечания. На картине моей гонец в ладье спешил к древнему славянскому поселению с важною вестью о том, что „восстал род на род“. Толстой говорил:

— Случалось ли в лодке переезжать быстроходную реку? Надо всегда править выше того места, куда вам нужно, иначе снесет. Так и в области нравственных требований надо рулить всегда выше — жизнь все равно снесет. Пусть ваш гонец очень высоко руль держит, тогда доплывет.

Затем Толстой заговорил о народном искусстве, о некоторых картинах из крестьянского быта, как бы желая устремить мое внимание в сторону народа.

Умейте поболеть с ним — такие были напутствия Толстого. Затем началась беседа о музыке. Опять появились парадоксы, но за ними звучала такая любовь к искусству, такое искание правды и забота о народном просвещении, что все эти разнообразные беседы сливались в прекрасную симфонию служения человечеству. Получился целый толстовский день. На другое утро, собираясь обратно в дорогу, Стасов говорил мне: „Ну вот, теперь вы получили настоящее звание художника“»^[46].

Теперь Рериху осталось получить второй диплом — диплом юриста. Всю осень и зиму 1897/98 года Николай Константинович посвятил изучению законов, хотя и мечтал о карьере историка, археолога, знатока древностей, тем более что именно среди историков, археологов, художников и искусствоведов у Николая были самые лучшие друзья и товарищи.

И если в 1897 году Николай Рерих еще строил планы, собираясь перейти с юридического на исторический факультет Петербургского университета, то уже в январе 1898 года он писал известному историку С. Ф. Платонову:

«Глубокоуважаемый Сергей Федорович!

Простите, что даром побеспокоил Вас своими вопросами; — ибо мои добрые (а может быть, и недобрые) желания держать экзамены в исторической комиссии не исполнились — все родные, знакомые, мой учитель Куинджи — все восстали против такой затеи, так что мне пришлось уступить и снова вернуться к постылым правовым учебникам и наглухо набивать голову статьями. Придется сидеть и денно и ночью —

экзамены на носу.

Хотелось бы мне очень воспользоваться Вашим любезным приглашением на Среду, но, как это для меня ни соблазнительно, все же придется пока отложить — это будет одна из репрессивных мер, принятых мною для сосредоточения на юридических предметах.

Даже должен уничтожить на время не юридическое чтение и сочинение эскизов — иначе в апреле произойдет мое полное посрамление.

Всего Вам хорошего, глубокоуважаемый Сергей Федорович. Предан Вам крепко и всегда готов к услугам Вашим. Николай Рерих»^[47].

Наступил апрель, а Николай Константинович все еще не был готов к выпускным экзаменам в университете, у него вновь зародилась мысль перейти на исторический факультет.

«Христос Воскрес! Многоуважаемый Сергей Федорович, — писал Николай Рерих С. Ф. Платонову 8 апреля 1898 года, — простите, что пишу, тогда как должен был бы прийти лично, но чувствую себя настолько скверно, что боюсь: приду и разревусь как баба.

Экзамен через 3 дня, а как оказывается, знаю предмет я из рук вон плохо и недобросовестно. Если я провалюсь, мне одно останется — переключаться на исторический, юристику более сдавать не буду. Простите, что беспокою Вас, но черкните мне, пожалуйста, строчку: можно ли это будет сделать на следующих комиссиях. За год я овладею историческим курсом, тем более что уже обладаю некоторой к нему подготовкой и придется иметь дело с вещами, которые наполняют мою жизнь. Так что действительно можно показать некоторое развитие в данном отношении, а не шарлатанить.

Зачтется ли мне юридический курс? Можно ли надеяться?

Ради Бога, простите, что бессовестно злоупотребляю Вашею всегдашнею любезностью и отзывчивостью.

Если бы Вы были так добры, и я получил бы ответ Ваш в субботу или воскресенье, это было бы мне чрезвычайно важно. Настроение и состояние мое более нежели скверное.

Уважаю Вас глубоко и предан Вам крепко. Николай Рерих»^[48].

На государственном экзамене по уголовному праву Рерих чуть не провалился, виной всему было излишнее волнение, всегда подводившее Н. К. Рериха на экзаменах. Зинаида Фосдик в своем дневнике записала рассказ Николая Константиновича об этом испытании:

«Экзаменовали двое: Файницкий и Ванновский, последний — ужасный зверь. Николай Константинович как-то высчитал, что его будет

экзаменовать первый, и совершенно успокоился. Но вдруг, о ужас, оказалось, что его экзаменует Ванновский. „Тут... мой ум перепутался. Подхожу, вынимаю билет, чувствую, что ничего не знаю, и говорю ему:

— Я экзаменоваться не буду.

Тот говорит:

— То есть как это, ведь это государственный экзамен!

— А я все-таки экзаменоваться не буду.

Тот посмотрел на меня и говорит:

— Вы здесь будете у меня так долго сидеть, пока не ответите.

Я обиделся и сел. Вначале он экзаменовал других, и я совсем и не слушал, потом у меня появилось желание им помочь в ответах, а после экзамена пяти людей он обращается ко мне и говорит:

— Ну что, будете отвечать теперь?

— Буду.

Ну и прекрасно ответил по всем вопросам. Тот, хотя и зверем был, но понял мое состояние в тот момент“»^[49].

А во время государственного экзамена по римскому праву профессор Ефимов сказал Николаю Рериху:

— Ну на что вам римское право, ведь, наверное, больше не вернетесь к нему.

Преподаватель был уже наслышан об успехах Рериха как художника и о том, что П. М. Третьяков купил его картину «Гонец».

Наконец весной 1898 года он защитил дипломную работу, написанную в университете под руководством историка русского права Василия Ивановича Сергеевича, по теме «Правовое положение художника Древней Руси». В довершение ко всему Николаю Рериху предоставили возможность преподавать в Императорском Петербургском археологическом институте. Ведь еще осенью 1897 года, при поддержке историков С. Ф. Платонова, А. А. Спицына и В. В. Стасова, Николай был принят в Императорское Русское Петербургское археологическое общество.

26 июля 1898 года Н. К. Рерих писал из имения в Изваре директору института Н. В. Покровскому:

«Глубокоуважаемый Николай Васильевич.

Недавно en petit comite^[50] читал я свою будущую вступительную лекцию по художественной технике. Сам я ею недоволен, но на присутствовавших она произвела настолько выгодное впечатление (особенно одобрял ее Владимир Васильевич Стасов), что я беру смелость спросить у Вас: нельзя ли будет поместить ее в Известиях Института?

Ввиду новости предмета, я полагаю, она может иметь общий интерес.

Не знаю, когда именно выходят выпуски, но если бы потребовалось, то я могу доставить Вам рукопись хоть теперь же. Мне очень бы важно и приятно было знать Ваше откровенное мнение о моем писании. Насколько мне известно, в соответствующих заграничных учреждениях пока подобных необходимых предметов художественных не практикуется; так что наше начинание представит собой редкий случай, где мы пойдем вперед. В настоящее время усиленно работаю над картиной, чисто археологического древнеславянского содержания.

Осенью, с Вашего позволения, преподнесу Институту небольшую картину, изображающую тип курганного поля XIII века Санкт-Петербургской губернии.

Простите, что беспокою Вас своим предложением относительно помещения вступительной лекции. Предан Вам и глубоко Вас уважаю. Николай Рерих»^[51].

Уже в конце сентября Н. К. Рерих читал студентам первую вступительную лекцию из своего курса «Художественная техника в применении к археологии». Была выполнена и его просьба о публикации этой лекции в журнале. Только статья увидела свет не в «Вестнике Императорского Санкт-Петербургского археологического института», а в журнале «Искусство и художественная промышленность», помощником главного редактора которого позже стал Н. К. Рерих.

В 1898 году главный редактор нового журнала «Искусство и художественная промышленность» и секретарь Императорского Общества поощрения художеств 47-летний Николай Петрович Собко, автор «Словаря русских художников», предложил, по совету В. В. Стасова и Д. В. Григоровича, Николаю Рериху место помощника главного редактора и помощника директора Музея Общества поощрения художеств.

Писатель Дмитрий Васильевич Григорович еще с 1850-х годов был известен как коллекционер и знаток искусства. В 1864 году его избрали секретарем Общества поощрения художеств, и он проработал в этой должности почти 20 лет. По его инициативе при Обществе был организован музей, который он и возглавил, оставив пост секретаря. Однако Николай недолго был помощником Дмитрия Васильевича. В 1899 году Григорович неожиданно умер, и созданный им музей возглавил недолгоблизавший Н. К. Рериха коллекционер Михаил Петрович Боткин, родной брат известного врача лейб-медика Его Величества Сергея Петровича Боткина.

Как писал об этом времени Николай Константинович в своем дневнике: «...главным образом приглашение произошло по линии Д. В.

Григоровича. Не успел он утвердить меня по музею „Общества“, как умер, а музей перешел в ведение Боткина. Я же именно тогда писал против Боткина и критиковал его реставрацию Новгородской Софии. После этого мне казалось невозможным с Боткиным встретиться, а тем более сотрудничать. Но И. П. Балашев, бывший вице-председателем, был иного мнения. Со свойственной ему торопливостью он пригласил меня поехать вместе с ним к Боткину под предлогом осмотра известной боткинской коллекции. Прием превзошел всякие ожидания. Не только была показана коллекция самым предупредительным образом, но было заявлено о великом удовольствии встретиться в музее „Общества“, и таким образом все приняло совершенно неожиданные размеры. По поводу же моих статей о Софии было сказано, что Боткин читал их с огромным интересом. Конечно, еще много раз пришлось в деле столкнуться с академической рутиню Боткина. При выборах в академики именно Боткин произнес речь против меня, но когда избрание все же состоялось, то на другое утро Боткин уже был у меня, целовался и говорил улыбаясь:

— Ну и была битва, слава Богу, победили.

Он не знал, что еще накануне вечером Щусев и Беренштам позвонили по телефону о положении дела. Так же точно Боткин был против моего назначения директором школы, но, когда и оно все же состоялось, он с улыбками и объятиями спешил оповестить о победе. Опасный был человек, но все-таки благодарю его за учебу...»^[52]

Внешне Михаил Петрович был похож на лукавого московского подьячего XVII века, какими их обычно рисуют художники: с жидкой монгольской бородкой, монгольскими маленькими глазками и преувеличенной ласковостью в обращении. При встрече он всегда обнимался и говорил какие-нибудь сахарные любезности. Обнимая Бенуа, которого он, так же как и Рериха, недолюбливал, считая его самым отъявленным декадентом, Боткин сладко и вкрадчиво говорил, захлебываясь от счастья:

— Дорогой мой, какой же вы талантливый и как же я вас люблю.

А когда о Боткине написали, что он занимает восемнадцать платных должностей, он спокойно сказал:

— Вот если бы меня спросили, я бы им сказал, что девятнадцатую должность они забыли!

М. П. Боткина многие побаивались и поэтому не любили. Как писал о нем художник Игорь Грабарь, «Боткину доставляло физическое наслаждение вливать ложку дегтя во все бочки с медом, стоявшие на его дороге и почему-либо ему мешавшие. Не было такого хорошего и большого

художественного предприятия, которого он не стремился бы сорвать. Делал он это столь мастерски, что его участие в очередной „пакости“ не легко было установить: о нем больше догадывались»^[53].

Обычно Боткин, проводя через Совет Академии художеств нежелательное для кого-либо решение, говорил именно ему:

— Ну вот я и сделал, как вы хотели!

Чаще всего собеседник моргал, недоумевал и ничего сказать не мог.

Постепенно Николай Рерих научился работать в согласии с М. П. Боткиным.

Когда Боткин говорил ему:

— А я думаю взять ваш кабинетик к себе.

Николай Константинович спокойно отвечал:

— Отлично, правильно, берите!

Михаил Петрович улыбался этому и спрашивал:

— Ну а вы где же будете?

— Найду, не беспокойтесь, — отвечал Рерих.

Боткин почему-то пугался и говорил:

— А не лучше ли оставить все по-прежнему?

— Да ведь вы же хотели?

— Ну, я передумал. Я с вами останусь в кабинете.

— Как желаете, и это можно, — невозмутимо отвечал Н. К. Рерих.

Когда Николай Рерих подавал письменно изложенные соображения или какое-либо заявление, Боткин, обыкновенно хитро улыбаясь, спрашивал:

— Ну зачем же писать было, могли и на словах сказать?

Но у Рериха уже был заготовлен ответ:

— А я это для памяти.

В противном случае все, сказанное на словах, перевиралось М. П. Боткиным и оставалось только сожалеть, что оно не было записано.

В минуты «благодущия» Боткин брал Николая Рериха за руку и сладко говорил:

— По всем вероятностям, вы меня хоронить будете, а может быть, еще я вас похороню.

В довершение всего Боткин всячески давал Николаю понять, что помощник ему не нужен, однако при всех хвалил Рериха и даже ставил в пример его обязательность и исполнительность. При этом в отсутствие Николая Константиновича пояснял:

— Никогда не верьте рекомендациям. Я всегда даю прислуге прекрасные рекомендации, когда она уходит. А если б она была хорошей, я

бы ее никогда не отпустил.

В том же 1899 году Николай Петрович Собко провел решение через комитет Общества поощрения художеств о назначении Н. К. Рериха помощником секретаря Общества, чтобы оградить его от нападок М. П. Боткина.

ВЕСЕННЯЯ ВЫСТАВКА ИМПЕРАТОРСКОЙ АКАДЕМИИ ХУДОЖЕСТВ

Вот уже третий год, весной, Императорская академия художеств организовывала выставку картин своих выпускников и маститых художников. Николай Рерих на этой выставке представлял написанную еще в 1898 году картину «Сходятся старцы».

4 марта 1899 года Николай Рерих писал своему учителю В. В. Стасову об организации выставки Академии художеств:

«Глубокоуважаемый, дорогой Владимир Васильевич! Хотел я сегодня вечером направиться к Вам — повидаться, но голова разболелась, и ноги горят после целого дня беготни и хлопот по устройству выставки. Завтра кончаем устройство; послезавтра будет царь, а в Воскресенье — весь народ Божий. Выставка вышла большая. Свою картину ненавижу я страшно — смотрю на нее как на чужую; беспокойство насчет ее у меня прошло после мнения Васнецова... Трудно предположить, чтобы и Васнецов, и Верещагин, и Архип Иванович, и Чистяков, и Беклемишев — все лгали и обманывали. Даже Репин, и тот, как слышно, хвалил; ну что ж, коли производит она на зрителей впечатление, то и слава богу, а мне она надоела бесконечно. Знаете, на днях чуть я не расплакался, когда случайно услышал разговор, что ее надо повесить на лучшее место. Разговаривающие не предполагали, что я слышу их, — это были хорошие минуты. Повесили ее там, где „Богатыри“ стояли. Хотел шнурок к ней пристроить, чтобы публика не совалась близко, но говорят, что это лишнее, что моя манера письма сама оттолкнет на должное расстояние...

Люблю Вас крепко и искренне уважаю. Н. Рерих»^[54].

Предчувствия не обманули Николая, выставка прошла неудачно. Помимо того, что кто-то из зрителей налепил на картину грязный окуроч, несколько критиков выступили с неприятными для автора статьями, в которых подчеркивалась грубость письма Н. К. Рериха, даже сам В. В. Стасов публично неодобрительно отозвался о картине «Сходятся старцы» и о картине «Поход». В одной из газет В. В. Стасов писал: «Жаль только, что все к зрителю спиной. И притом почти все опустили головы, словно от меланхолии, и глядят себе под ноги, ни у кого не видать никакой храбрости, мужества или хоть бодрости. Ведь кажется, их никто на войну плетью не гонит». Все похвалы, высказанные до открытия выставки, были таким

образом сведены на нет. Не помогло и то, что свою картину «Сходятся старцы» Н. К. Рерих повесил в Екатерининском зале академии на место, где еще в феврале висели «Богатыри» В. М. Васнецова, во время его персональной выставки. Это место было особенным, здесь что-то заставляло всех замолчать, идти чуть ли не на цыпочках и держаться ближе к стене^[55].

«Глубокоуважаемый, дорогой Владимир Васильевич... — писал Николай после выставки В. В. Стасову. — Вы скажете: не надо размениваться, надо серьезно штудировать рисунок, не надо увлекаться Обществом поощрения художеств, ибо „служенье муз не терпит суеты“. И все это я сам чувствую, чувствую с такою болью, что хочется мне услышать Ваш совет... Посмотрите теперь на дело с моей стороны. На искусство я не беру ни копейки из дома и считаю невозможным брать, как для дела, противного, в сущности, для отца и домашних. Мне надо содержать мастерскую, нужны краски, натура, все это берет много денег; знаете ли Вы, что „Старцы“ стоили мне около 600 рублей. Их надо было откуда-нибудь взять. Та же академия, те же Репины и весь совет, что умеют кричать о моем таланте и о пробелах моей техники (которые я сознаю), разве они пришли хоть в чем-нибудь мне навстречу?

Если они видят способности, отчего же не могли дать средств съездить за границу? Неужели моя картина не стоит и 1000 рублей, особенно если за головку Щербиновского дают 2000 (то есть заграничную поездку). Я знаю, что картина моя плоха, почти что никуда не годна, но все же не могу ее сравнивать с головкой Щербиновского, которая ни на кого не производила впечатления. Для картины нужны были сведения, материалы, изучение — ведь все согласны, что чувствуется в ней древность, а написать такую головку, кроме незначительного времени, ничего не надо. И вот за головку дают 2000, а за картину хоть бы 500 рублей. Это так обидно! Так тяжело! Все говорят, говорят, а никто ничего не сделает! Все стараются только ущипнуть, толкнуть в темя каблуком.

Не давай мне Общество поощрения средств держать мастерскую, разве я пошел бы в него?

А что же подделаешь, когда академия не только что средств, не только мастерской, не только натуры, но даже костюмов из гардероба не хотела мне дать в прошлом году. И после этого Репин скажет про рисунок, про недостаточную штудировку, будет сожалеть о таланте, что пропадает, и наговорит много, а когда придет время дать средства, то даст их Щербиновскому, ибо тот слаще поет. Стыдился бы Илья Ефимович, ведь, небось, знает, как неприятно работать на чужие деньги. А тут, когда

Васнецов и Суриков целуют, когда Верещагин В. В. называет единственной вещью выставки, тогда обходят и дают другому, лучше услужившему, и потом изумляются, отчего их не любят.

Знаю, Владимир Васильевич, что худо я делаю, знаю, что надо учиться, а не расходовать, но после таких щипков поневоле задумаешься. Если бы мне удалось бросить все текущие дела и уехать за границу, проехаться, встряхнуться, посмотреть, а потом, дома, не торопясь поработать. Неужели же все мое дело, все изучение родной древности, желание воспроизвести родную историю не заслуживает никакой поддержки?..»

В доме у физиолога Тарханова, где в студенческие годы собирался кружок, организованный Н. К. Рерихом, после этой выставки произошел неприятный для Николая разговор: все за столом пытались убедить его больше не брать древнерусскую тему для своих полотен, а попробовать себя в другом амплуа. Такой совет Николай Рерих воспринял в штыки и вконец рассорился с семейством Антокольских.

«А тут еще такие отношения... — рассказывал Николай в этом же письме, — где при мне за столом говорят, что Васнецов — человек ограниченный, ибо заниматься родным эпосом может только ограниченный человек; ведь это меня хотели обидеть; конечно, после такого отношения и после некоторых очень некрасивых (по-моему) намеков Тарханова я не могу бывать у них.

Теперь... И все ругают. И нервы расстраиваются, и все как-то сиротливо и грустно.

Когда я услышал сегодня Ваши слова, мне они показались хорошими, доброжелательными... Преданный Вам Ник. Рерих»^[56].

Прочитав это письмо, Владимир Васильевич Стасов поспешил успокоить своего младшего друга:

«Николай Константинович, я очень рад, что не поспел до настоящей минуты написать Вам... потому что между тем пришло Ваше письмо ко мне с посылным...

Мне ведь больше хочется, что Вы увидели бы в письме моем — только, и единственно только — симпатию к Вам и желание быть Вам на что-нибудь пригодным. Вижу, что Вы расстроены, что Вы взволнованы всякими обстоятельствами, и внешними, и внутренними, и оттого мне в настоящую минуту, еще менее чем когда-нибудь прежде, есть охота отличаться, командовать, взыскивать, учить, требовать, вообще гарцевать! Это все не в моих правах, и ничего этого я не знаю и не умею... Далека от меня, вполне, мысль о справедливости или несправедливости Репина (да и

всей вообще академии) относительно Вас и Щербиновского, да, наконец, и каких угодно художников. Я ничего тут не знаю, никакие подробности мне не известны, да мне и не пришлось бы никогда в них вмешиваться. Это мир мне чуждый и ненавистный! И академия, и Репин, и кто угодно еще, поминутно бывают несправедливы, гадко несправедливы, отвратительно несправедливы. Это вечно бывает, поминутно везде повторяется и, конечно, до скончания мира будет повторяться. Никто из всех нас, самых доброжелательных, ничего тут не поделает! Это все обстоятельства внешние, о которых я теперь вовсе и не думал с Вами, равно и о непокупке Вашей картины. Я всегда очень желал Вам успеха, но если его не было, то я о нем только жалею — и больше ничего! Какая разница была бы, если б Вашу нынешнюю картину купили бы? Разница была бы только в том, что у Вас на несколько дней и часов было бы улучшено Ваше внешнее благосостояние и что, быть может, Вы даже уехали бы за границу нынешним летом! Но что же тут было бы в самом корню утешительного, восхитительного, действительно полезного? Я думаю — ничего! Мало ли кто ездил из наших, в последнее время, за границу — и что из этого выходило? Да ровно ничего. Примеры Вам известны. Нет, нет, я хотел бы говорить с Вами вовсе не о Вашем благосостоянии, домашнем хозяйстве и выгодах (которым, впрочем, готов сочувствовать искренне!). Я хотел говорить с Вами о чем-то более важном, нужном, серьезном и глубоком, именно потому, что к Вам расположен, ожидаю от Вас того и сего, и желал бы принести Вам пользу».

Стараясь смягчить свою критику, высказанную в статье, В. В. Стасов дословно передал в письме слова Ильи Репина о картинах Н. К. Рериха:

«В разговоре со мною Репин сказал: „Рерих способен, даровит, у него есть краска, тон, чувство колорита и известная поэтичность, но что ему мешает и грозит — это то, что он недоучка, и, кажется, не очень-то расположен из этого положения выйти. Он мало учился, он совсем плохо рисует, и ему бы надо было — не картины слишком незрелые писать, а засесть на 3–4 года в класс, да рисовать, да рисовать. А то ему грозит так навеки и остаться очень несовершенным и недоученным. Учиться надо. Рисовать серьезно надо! И тогда можно надеяться, что из него выйдет настоящий и замечательный художник... Одною даровитостью ничего не возьмет еще...“

Таковы слова Репина. И хотя я и не художник, и не техник, а думал всегда то же и Вам говорил. Человеческие фигуры всегда меня оскорбляли у Вас, особенно во 2-й (нынешней картине). Чего тут ехать за границу, когда надо не ехать и смотреть иностранцев (Вы этого уже достаточно

проделали на своем веку), а засесть за натуру человеческую и рисовать с нее упорно, ненасытно! Я всегда это думал и говорил, думаю и говорю и теперь. А заграница — еще не уйдет от Вас!!! Прислушайтесь к моим резонам, и тогда не будете сердиться на меня. Ваш Владимир Стасов»^[57].

Позже Николай Рерих уже с некоторой иронией отзывался о своих картинах, выставленных в 1899 году:

«Началось с масла. Первые картины написаны толсто-претолсто. Никто не надоумил, что можно отлично срезать острым ножом и получать эмалевую плотную поверхность. Оттого „Сходятся старцы“ вышли такие шершавые и даже острые. Кто-то в академии приклеил окурок на такое острие. Только впоследствии, увидав Сегантини, стало понятно, как срезать и получать эмалевую поверхность»^[58].

После выставки Николай Рерих уехал на раскопки, подальше от петербургской суеты, циничных художественных критиков и неблагодарной светской публики.

Благодаря своему пристрастию к археологии Николай Рерих познакомился со своей будущей невестой, Еленой Ивановной Шапошниковой, дочкой известного петербургского архитектора, а по матери двоюродной правнучкой русского полководца Михаила Илларионовича Голенищева-Кутузова.

Летом 1899 года Николай Константинович Рерих, уже будучи преподавателем Императорского археологического института и получив в Императорской археологической комиссии разрешение на проведение раскопок в Новгородской, Псковской и Тверской губерниях, оказался в имении князя Павла Арсеньевича Путятина^[59] в Бологом Новгородской губернии. Князь, большой коллекционер и археолог, охотно оказывал содействие своим коллегам в проведении раскопок на территории своих поместий. Приехав под вечер в имение, Николай Рерих не застал князя, зато встретил в его доме свою судьбу, удивительную девушку Елену Ивановну Шапошникову, ставшую его женой. Сама Елена Ивановна так рассказывала об их первой встрече:

«Сначала через окно прямо на балкон шагнула пыльная нога, или, вернее, пыльный сапог. Я подошла к окну, а Николай Константинович спрашивает:

— Здесь живет князь Путятин?

Я пошла в комнату своей тетки и говорю:

— Тетя, не то курьер, не то арендатор к тебе приехал.

Она велела мне обратиться к лакею, чтобы он провел его к ее мужу. Вечером за чаем выяснилось, что это археолог какой-то и его еще никто не видел. Узнав об этом, тетя сказала:

— Археолог, какое-то старье, положить его спать у князя в кабинет.

На другой день за завтраком гостя увидели, он оказался молоденьким, хорошеньким, и решили ему дать комнату для приезжих»^[60].

Наталья Владимировна Шишкина, подруга Елены, несколько по-иному вспоминала о встрече Рериха с Шапошниковой:

«Лето ее мать и она всегда проводили в имении князя Павла Арсеньевича Путятина, у ее тетки, станция Бологое Новгородской губернии, на берегу прекрасного озера двадцати двух километров в окружности. Сам князь П. А. Путятин был археолог, член „Общества археологов“ в Петербурге. Новгородская губерния богата раскопками очень

древних наслоений ископаемых. К нему часто наезжали другие археологи. Однажды вся семья Путятиных отправилась в свою деревенскую баньку, построенную тут же на краю парка, на берегу озера. Елена Ивановна первая вернулась и, проходя через переднюю, увидела в углу сидящего человека; она машинально взглянула на него и прошла мимо, приняв его за охотника или за одного из служащих князя Путятина. Сам П. А. Путятин был в это время в отъезде, тоже по делам раскопок, уехал на несколько дней. Она не очень большое внимание уделила сидящему ожидающему человеку, но этот скромно сидящий человек с огромным удивлением перед ее красотой поглядел на нее. Она шла с распущенными после мытья волосами, которые, как длинная пелерина, окутывали сверху донизу ее стан. Вернувшись из бани, вся семья села за стол в столовой ужинать, и тут только Елена Ивановна вспомнила о том, что в передней „сидит какой-то человек, приехавший, должно быть, по делу к дяде“. Спохватились, пошли к нему, пригласили его к столу. Это был невзрачно одетый, в охотничьих высоких сапогах, куртке и фуражке, человек, очень скромно назвавший свою фамилию — Рерих. Из разговора выяснилось, что он и есть знаменитый уже в то время художник Рерих, чьи картины уже были в Третьяковской галерее в Москве и на выставках картин в Петербурге, и что приехал он к ним к старому князю-археологу по делам археологических раскопок, производимых в этой местности. Старик-князь задержался в пути, и несколько дней прогостил Рерих в их усадьбе в ожидании приезда князя.

И вот за эти несколько дней решила вся судьба Елены Ивановны. Вот тот человек, которого так долго ожидала ее душа! Вот оно то вдохновение, которое она так давно искала! Любовь взаимная решила все!»^[61]

В имении Путятина, в ожидании князя, Николай Рерих провел всего три дня, но и за это время успел расположить к себе всех родственников юной племянницы Путятина тем, что хорошо знал историю своего древнего рода, а вся семья Павла Арсеньевича увлекалась тогда старинными родословными. Оказалось, что фамилии Рерихов и Шапошниковых имеют много общего, а именно скандинавские корни.

Елена Ивановна о своих предках рассказывала: «Прадед отца моего приехал в Россию при Петре Великом. Во время посещения Петром Прибалтийского края прадед состоял бургомистром города Риги и преподнес Петру великолепную шапку Мономаха, шитую драгоценными камнями и отороченную бобром. Император остался доволен оказанным ему приемом и пригласил прадеда приехать в Россию и принять русское

подданство с новым именем Шапошникова, намек на полученный дар. И тогда же император подарил прадеду свой походный кубок, вернее, серебряную стопу с привинченной ко дну походной чернильницей. При стопе была и жалованная грамота»^[62].

Всем вспомнилась и картина «Сходятся старцы», которую недавно видели на выставке в академии. И со смехом Елена Ивановна рассказывала, что когда она с матерью обошла всю выставку, вдруг остановилась именно перед картиной Николая Рериха «Сходятся старцы» и с авторитетным видом заявила:

— Вот истинный талант, только жаль, что так аляповато пишет.

Мать поинтересовалась, как зовут художника, Елена с трудом прочитала под картиной «Рерих», и эта фамилия ей не понравилась, так как не сразу смогла ее разобрать.

2 апреля 1898 года газета «Новое время» писала: «Екатерина Васильевна с дочерью с душевным прискорбием извещают о внезапной кончине мужа и отца Ивана Ивановича Шапошникова, последовавшей 31 марта. Панихиды в 2 часа дня и в 8 ч. вечера. Вынос тела последует в пятницу, 3-го апреля, в 10 ч. утра в церковь Института Гражданских Инженеров (3-я рота Изм. полка); богослужение начнется в 10 ½ ч. утра. Погребение состоится на кладбище Ново-Девичьего монастыря»^[63].

26 апреля 1898 года в приложении к журналу «Зодчий» был помещен некролог:

«На днях скончался один из старейших преподавателей Института Гражданских Инженеров, архитектор Иван Иванович Шапошников. Покойный родился в 1833 году и, окончив курс в Императорской академии художеств в 1864 году со званием классного художника 3-й степени, определился тогда же на службу в строительное училище преподавателем черчения. В 1882 году покойный перешел на службу в Главное Инженерное Управление исправляющим должность архитектора, не оставляя своих занятий в строительном училище, где в последнее время он преподавал акварельное рисование.

Из многочисленных построек, произведенных по проектам и под наблюдением покойного И. И. Шапошникова, следует упомянуть: синагогу на углу Офицерской и Б. Мастерской в С.-Петербурге, выполненную им совместно с арх. Бахманом; дом Осоргиной на Сергиевской ул. Им же произведена перестройка церкви Лейб-гвардии Ея Величества Уланского полка в Петергофе и отделка актового зала в Михайловском Артиллерийском училище и академии. Кроме того, будучи знатоком

деревянной архитектуры, Иван Иванович построил много дач; в последние же годы жизни деятельность его сосредоточивалась главным образом на постройках Александровского сталелитейного завода.

Будучи человеком редкой доброты, Иван Иванович много помогал студентам Института в выполнении ими графических работ, не жалея на это ни времени, ни труда, и пользовался всеобщей любовью. Мир праху его!»^[64]

После смерти главы семейства Елена с матерью Екатериной Васильевной переехали на новую квартиру ближе к своим родственникам Путятиным.

Шел 1900 год, в семье Николая Константиновича начались финансовые неурядицы. Его отец Константин Федорович тяжело заболел и был вынужден на время закрыть нотариальную контору. Николай не смог заменить отца, у него был свой путь. Вся семья переехала в дом матери Марии Васильевны, на 16-ю линию Васильевского острова. Положение семьи несколько облегчало то, что старшая сестра Н. К. Рериха, Лидия, уже была выдана замуж за петербургского врача А. Д. Озерова и жила отдельно со своим мужем на Казанской улице. Помогли и родственники, приехавшие в Петербург поддержать Рерихов.

В эти тяжелые дни Николай писал своей невесте Елене:

«27-е июня. Теперь у меня настроение отчаянное, да и у всех нас такое же. Завтра будет окончательная консультация относительно отца. А если его не возьмутся поместить? — тогда нам всем останется погибать. А если с ним что-либо произойдет во время помещения? — тогда вечный упрек будет. А если ему худо будет в больнице? Всякие такие вопросы мучают всех ужасно, все ходит с головною болью. Я боюсь, что мама в решительную минуту воспротивится. Сегодня у отца явилась идея, что его хочет отравить медик, что при нем. Дядя охает и стонет: „Я не знаю, как и быть“. Завтра вечером допишу, чем окончилась консультация...

28-е, 2 часа дня... Мне все страшно, не задержало бы меня помещение отца, ну это выяснится через несколько часов — доктора придут через $\frac{3}{4}$ часа...

Сейчас придут доктора. Как пошлет он к черту и нас вместе с ними!...

4 часа. Сейчас в доме мертвая тишина — перед грозой. Были доктора, и все ушли к знакомому А. А. Труммеру для совещанья. После их ухода отец запихал в карман пенсне и сказал, что один из докторов стащил его. Маменька за это время стала как бы прозрачная, и все плачет, даже у медика и у того синяки под глазами. Даже и мне, хотя, как Ты знаешь, мы с отцом не многого понимали друг друга, но и то делается жутко. Не знаю, на

чем-то там порешат. Пришел отец, стоит сзади меня и спрашивает сестру, кто посылал за докторами и зачем они приезжали. От Труммера мама с Борей уедут на Сиверскую, Володя же на Бологово, и останемся мы с сестрой последними свидетелями. Хотя из дому уйдем, когда будут помещать, но мне сдается, что его не поместят, ибо при докторам он держит себя слишком прилично...

5-й час. Результат консультации: решили помещать в частную лечебницу Нижегородцева, что на Песках. Помещение должно состояться послезавтра, 30-го. У меня щемит сердце, чую скверное...»^[65]

Константин Федорович лег в больницу, дом на Университетской набережной опустел. Все хлопоты о благосостоянии семьи легли на плечи Николая. Уже 7 июля, после посещения больницы, он писал своей невесте:

«Добрая и хорошая моя Ладушка. Сейчас я вернулся из мастерской — сегодня писал „Воронов“, и вероятно, до приезда к Тебе все буду писать их же. Никак не удастся остаться одному, все ходят по комнате то дядя, то наши. Идет усиленная укладка, завтра, в субботу, они уезжают. Отец чувствует себя хорошо. Вчера я навестил его; редко я чувствовал себя в таком скверном положении, особенно было скверно, когда он собрался провожать меня до станции — ибо из больницы ему выходить, конечно, не разрешено...»^[66]

26 июля в больнице умер отец Николая.

«...Господи, какие у меня ужасные эти дни, — писал Н. К. Рерих своей Елене, — прямо ноги отнимаются, хотя настроение теперь спокойное, ибо все хорошо выходит. Только по вечерам мне становится скучно в пустой квартире, что уже вторую ночь у Свиньина. Похороны только в понедельник. Сейчас сижу и не могу собрать мыслей — такую уйму всякого разнообразного народа приходится теперь видеть.

Вчера перенесли в церковь; никто не знает об этом, были лишь 5 самых близких семей. Наши вернутся лишь в понедельник утром.

Как-то Твое настроение? и Екатерины Васильевны?

Гроб вчера запяли, ибо страшно уже меняется. Вчера я даже не видал лица, после того как сказали, что лицо стало страшное, мне не хотелось портить впечатления, ибо третьего дня выражение лица было спокойное и черты еще тонкие. Последние дни отец вел себя спокойно, бреда было мало. Я думаю, что мама не очень волнуется.

Нет, ни о чем не могу писать, передо мной стоит лицо Твое. У Тебя были такие грустные, грустные глаза. Милая Ты моя!

Опять идут со счетами — все плачу, не дают писать, а сейчас надо

отослать, иначе сегодня не пойдет... Целую Тебя крепко и Екатерину Васильевну. Пиши. Твой Николай Рерих»^[67].

Константин Федорович Рерих был похоронен на лютеранском кладбище в Петербурге. Прошла череда неизбежных забот по ликвидации нотариальной конторы отца и необходимых формальностей. Осенью 1900 года Николай Рерих уехал в Париж учиться живописи у Фернана Кормона.

Многие русские художники учились в ателье живописца, кавалера ордена Почетного легиона Фернана Кормона. Учениками его были А. Тулуз-Лотрек и В. Ван Гог — ставшие всемирно известными.

Фернану Кормону исполнилось 55 лет, когда Н. К. Рерих приехал на учебу в Париж. Это был невысокого роста, худой энергичный человек. Говорил он очень быстро и много, не стесняясь того, что его не понимают иностранцы. Ученики боялись этого маленького, бородатого чернявого человека, прямо глядящего из-под больших век немигающими, выпуклыми с темными зрачками глазами.

Игорь Грабарь рассказывал об учебе в Парижском художественном Atelier, что Кормон мог целыми месяцами не показываться ученикам, хотя и полагалось приходить в мастерскую по средам и субботам. Редко случалось, чтобы он действительно два раза в неделю был в мастерской. «Он сам себе на уме, целый день пишет картины — такие огромные фрески, несколько штук, что-то вроде переселения народов для Jardin des Plantes. Кроме того, он председатель жюри в Елисейском салоне и занят с утра до вечера. Деньгами и приемом учеников занимается какой-то еврей — его компаньон (они вдвоем держат Atelier — компаньон только по части денег, он совсем не художник). А Кормон... знать ничего не знает...»^[68]

Школа располагалась на улице Констанс в просторной, но грязной мастерской. В дни, когда в Atelier появлялся сам Кормон в своем неизменном элегантном темном сюртуке, жилете, с ослепительно белым стоячим воротничком и такими же белоснежными манишками, вся мастерская затихала. Тишину прорезал его окрик, и ученики замирали, вытянув руки по швам, словно нашкодившие мальчишки. Его жиденькая бородка на свету казалась рыжеватой. Но в его жестких волосах с аккуратным пробором не было видно седины. Большой открытый лоб, бледное нервно-худое лицо и тонкий нос с легкой горбинкой только подчеркивали всю строгость преподавателя.

Художник Н. Ф. Холявин писал, что школа Кормона была сравнительно немногочисленна и непопулярна среди европейцев, зато русских она привлекала своей строгой дисциплиной. Кроме того, в

художественных школах Парижа был обычай давать очередные премии, чаще иностранцам и богатым ученикам. Однако Кормон таких рекламных премий не давал, и само преподавание носило чисто деловой характер.

Именно в эту студию направлялся Николай Рерих, когда поезд из Петербурга повез его впервые в жизни за границу.

Уже в поезде Рерих писал Елене Шапошниковой:

«Поезд. 3 часа 16-го сентября

Милая моя Лада, итак, я еду. Не многим пожелаю я такого состояния, каково мое теперь. Что-то сломалось, не я — наоборот, я после вчерашнего конца разговора нашего я стал даже цельнее, но сломалось что-то вокруг меня; я чувствую, что я что-то порвал, вырвался из какого-то заколдованного круга. И все же мое самое хорошее осталось невредимо, осталось, чтобы расти и крепнуть. Я верю в Тебя, моя хорошая, и, быть может, все к хорошему. Знаешь, у Тебя большая душа и глубокая. Когда ехал на вокзал, вдруг нестерпимо захотелось мне заехать к Тебе, и еще раз, хоть минутку, посмотреть и разок поцеловать Тебя, мою славную...

Как Ты себя чувствуешь? Пиши на Берлин, я там еще пробуду. Вчера я спать так и не ложился. Собирал письма, соображал и ощущал какое-то странное чувство — оно у меня впервые — странной решимости. Ведь если я когда-нибудь окажусь не простым пустомелей, ведь если Ты когда-нибудь будешь в состоянии бросить всем насмешку в том, что чувство Тебя не обмануло — ведь тогда Ты полюбишь меня еще сильнее — и какая это будет награда!..

Ужасно трясет скорый поезд, пожалуй, не разберешь.

А все-таки трудно мне ехать и скучно, и сиротливо как-то. Весною, быть может, приедете в Париж. Ох, а до весны-то сколько времени.

Никто, кроме Зарубина, не знает, на какой срок я еду...

У меня в кармане все Твои письма, хотел их сейчас положить в хронологическом порядке, но, свинство, из-за слез не могу этого.

Целую Тебя крепко и добрую Екатерину Васильевну и ради Господа пиши и пиши подлинней. Играешь ли Ты? Как здоровье? Как все? Николай Рерих»^[69].

ПАРИЖ

Рерих учился во Франции, когда в Петербурге началась газетная шумиха, связанная со Всемирной выставкой, проводившейся в Париже. На этой выставке среди других работ была представлена и картина Н. К. Рериха «Сходятся старцы». Премии и медали были вручены нескольким русским художникам, но среди награжденных не было таких уважаемых живописцев, как В. М. Васнецов, И. Е. Репин и Н. К. Рерих. 26 сентября 1900 года в петербургской газете «Новое время» А. А. Тевяшов, под псевдонимом «Сторонний», с подачи В. В. Стасова, опубликовал статью, в которой возмущался, что такие выдающиеся художники, как Репин, Васнецов и Рерих, не получили на выставке никаких наград.

В ответ журнал «Мир искусства» в сдвоенном номере № 17–18 напечатал статью под названием «О наградах» — очень едкую, а местами и просто оскорбительную, подписанную тоже псевдонимом «Силэн». Под этим именем скрывался заведующий музыкальным отделом журнала Альфред Павлович Нурок. «Что же делать, если у г. Рериха нет такого таланта, как у г. Малявина, — писал А. П. Нурок. — ...Доныне его (Рериха) две мамки кормили. Общество поощрения художеств и г. Стасов — теперь же он ухватился еще и за Стороннего»^[70].

30 сентября в газете «Россия» появилась заметка И. Е. Репина, озаглавленная «Письмо в редакцию»: он оправдывал себя как члена жюри выставки, рассказывал о том, как проходило голосование, и что «картине г. Рериха не посчастливилось»^[71]. Главному редактору журнала «Мир искусства» С. П. Дягилеву показалось, что достаточно громкого скандала не получилось, и лично, за своей подписью, он отправил комментарий в редакцию газеты «Россия», который был опубликован 3 октября, спустя три номера после письма И. Е. Репина. В своей статье, названной «Русские художники на Всемирной выставке», С. П. Дягилев иронизировал насчет неудобного положения, в которое был поставлен Н. К. Рерих неким «Сторонним», и высмеивал художника как соратника В. В. Стасова. Кроме всего прочего, С. П. Дягилев в статье придерживался довольно резкого тона, что вызвало сильный резонанс в петербургских художественных кругах.

Известный художник Михаил Васильевич Нестеров, чья картина была на Всемирной выставке, в октябре 1900 года писал об этом газетном скандале с наградами:

«По газетам теперь идет сильная перепалка в художественном мире. Письма Репина и Дягилева в „России“ подняли опять всех на ноги. Забавно! „Сторонний“ по своей глупости оказал медвежью услугу Виктору Васнецову, да и Рериху тоже»^[72].

В ноябре 1900 года Н. К. Рерих написал из Парижа одному из своих друзей в Петербург:

«Вы, я думаю, будете изумлены, получив от меня письмо из Парижа, да еще с известием, что остаюсь я здесь надолго, чтобы работать среди суеты внешней, но в тишине внутренней.

Задавило меня Петербургское болото, и захотелось мне на свежую воду, чтобы не жить все старыми соками, а собрать в мою житницу что-либо из вековой культуры Запада, на фоне которой еще рельефнее выступает наша оригинальная самобытность и хочется разрабатывать именно ее.

Теперь рисую у Кормона, который очень одобряет мои русские эскизы; я уверен, что Вы некоторым моим темам очень бы порадовались.

До меня доходят весьма странные известия из Санкт-Петербурга. Оказывается, гг. Дягилевцы окончательно разгневались на меня за мое непокорство и за нежелание идти в их... шайку. Они взводят на меня личные клеветы, но последние вести об их нападках на моих бедных „старцев“ меня прямо обидели.

В этой картине очень неудовлетворительна техника, масса пробелов в сочинении, но именно если что есть в ней — это историчность — на что единогласно указывали все газеты русские. Конечно, г. Бенуа мешает чувствовать русскую старину, его национальность, но тогда нечего ему и говорить о недосыгаемом для него предмете.

На днях я послал в „Россию“ письмо относительно клеветы на меня г. Дягилева в смысле эксплуатации Общества поощрения художеств; если услышите что-либо по этому поводу — не откажите черкнуть мне... Предан Вам Н. Рерих»^[73].

Письмо, о котором упоминал Николай Рерих, было послано 12 ноября 1900 года в редакцию газеты «Россия». Он хотел хоть как-то выразить свое возмущение статьей С. П. Дягилева. В Петербурге письмо Рериха было напечатано газетой только 2 декабря 1900 года:

«Не откажите дать место следующему письму на страницах уважаемой газеты вашей (письму, быть может, несколько запоздавшему, но заграничные переезды не позволяли мне находиться в курсе наших художественных дел).

В Париже до меня дошли странные известия: г. Дягилев в журнале „Мир искусства“ позволил себе выходку против меня, похожую на клевету. Он пишет: Рерих — „эта ласковая телка не двух, а целых трех маток сосет. Донедавно его две матки кормили. Общество поощрения художеств и г. Стасов, теперь же он ухватился еще и за г. Стороннего“.

Я бы желал бы знать, чем могло Общество поощрения художеств „кормить“ меня? Факт моих отношений к „Обществу“ таков: первоначально я был при „Обществе“ помощником секретаря, а потом, согласно желанию Д. В. Григоровича, помощником директора музея, причем, при вступлении в эту должность, не желая придавать своему служению в „Обществе“ какого-либо корыстного характера, я отказался от вознаграждения. Быть может, мною руководил в данном случае инстинкт самосохранения против разных инсинуаторов; этот инстинкт, оказывается, не обманул меня, ибо теперь я имею хоть эту возможность — издали ответить извещениям людей, избравших своею специальностью бросать грязь во все, что не подходит под их мерку.

Допустив в своем журнале „Мир искусства“ приведенную сейчас инсинуацию, г. Дягилев все же посылает мне, как участнику выставки, устраиваемой журналом „Мир искусства“, полученное мною на днях уведомление о приеме картин и времени выставки. Представляя себе комичное изображение, как „ласковая телка“ несет свои картины на выставку „Мира искусства“, — я не могу не смеяться.

Относительно гг. В. В. Стасова и Стороннего не считаю нужным давать какие бы то ни было объяснения: наши отношения основаны всецело на почве идей и любви к искусству, — так что г. Дягилеву это все равно не понять. Художник Н. Рерих»^[74].

На следующий день та же газета опубликовала ответ С. П. Дягилева. Он писал, что не хотел задеть профессиональную репутацию Н. К. Рериха, а высмеивал его идейное единство со В. В. Стасовым. Что же касается статьи в «Мире искусства», то «...она была написана одним из сотрудников „Мира искусства“, и, следовательно, я могу говорить о ней лишь в качестве редактора, ответственного за все, что печатается в журнале»^[75].

В довершение всего картина «Сходятся старцы» очень неудачно продана. Пытаясь что-либо предпринять, Н. К. Рерих писал в Петербург: «С моими бедными „Старцами“ я попал в руки очень недоброкачественного агента, который думает теперь их продать задешево в какие-то несимпатичные руки. Чем их отдавать за границы, я с несравненно большим удовлетворением подарил бы их в России, например,

в Исторический музей. Нет ли возможности узнать о таком предприятии, возможно ли оно?

Если москвичам нужен отзыв о картине, то, конечно, В. М. Васнецов, выдавший ее еще в моей мастерской, не откажет дать таковой»[\[76\]](#).

ВЕНЧАНИЕ НИКОЛАЯ КОНСТАНТИНОВИЧА И ЕЛЕНА ИВАНОВНЫ

Помолвка все откладывалась. Родственники Елены Ивановны Шапошниковой были категорически против свадьбы с «каким-то безродным художником Рерихом», тем более что Екатерина Васильевна уже наметила выгодного жениха для своей дочери. Как нельзя кстати, Николай Константинович уехал учиться во Францию, и теперь свои письма к Рериху Елена Ивановна начала писать под диктовку матери. Они составлялись с таким расчетом, чтобы жених сам отказался от помолвки. Но Николай был страстно влюблен в свою невесту, и такие письма вызывали у него только недоумение, и сильного чувства к Елене они поколебать не смогли.

Затем Елена Ивановна уговорила мать поехать в Париж якобы для того, чтобы забрать у Рериха свои довольно откровенные письма, которые могли бы скомпрометировать ее в глазах высшего света.

Получив в Париже известие от невесты, Николай очень встревожился — его Елена приезжает в Париж с матерью якобы для того, чтобы забрать все письма, которые она ему писала, чтобы он не смог никому их показать. Для Рериха это могло означать только одно — полный разрыв.

3 января 1901 года он пишет своей невесте в Петербург: «Милая, бедная Ладушка, как Ты могла додуматься до того, чтобы я стал показывать кому-нибудь в Париже письма Твои; если я не могу не говорить о Тебе, то письма-то святы.

Неужели Тебя все заставляют выезжать? Неужели тебе самой этого не хотелось? — ведь Ты писала, как весело Тебе на балах. Последние дни я чувствую себя как-то нездоровым — нервы скверные, нервный кашель и общее недомогание. А тут еще последнее письмо Твое — вконец меня обидевшее. В сегодняшнем хоть вижу, что ожидаешь от меня писем, а то, словно и вовсе мной не интересуешься. Даже работаться мне как-то хуже стало. Сейчас второй час ночи. Вернулся я из театра и нашел записку Твою, в которой у тебя хватило сил только на две с половиной страницы.

Подожду Твоего длинного письма и тогда отвечу длинным же. Н. Рерих»^[77].

В 1901 году, находясь еще в Париже и продолжая получать двусмысленные письма от своей невесты, Рерих ругал себя за то, что не уговорил Елену Ивановну бросить все и уехать вместе с ним за границу:

«Дорогая моя Ладушка, с болью прочел я письмо Твое — что-то неладное творится с Тобою. Зачем Тебе все эти выезды, все эти гулянья и прочее — разве в них Ты должна искать себя? Ты говоришь, что все это не отразится на музыке; неправда, оно должно, непременно должно отразиться; должно отразиться, может быть, даже невидимо для себя. Все эти выезды со всею их пошлостью, разве могут они способствовать обострению чувства в смысле понимания музыки? Насколько хороши для этого театры и концерты, настолько непригодны вечера и балы. Нового-то кругом много, но что Ты называешь новым и где его искать собираешься — мне не ясно. Если Ты временно думаешь заслонить недостижимую жизнь другою жизнью, то помни, что не следует за неимением скамейки непременно садиться на помойную яму. Миленькая, не погуби способностей своих, ведь чутье развивается в нас только до известного времени, а потом оно грубеет; дорогая, не пропускай этого времени — оно так недолго, оно пролетит так быстро и если за это время в Тебе не вырастет чего-либо крепкого и здорового, то тогда останется один хмельной перегар и горечь, ничем не поправимая. Дальше от больших компаний! глубже в себя! — если хочешь сделать что-либо достойное. Быть художником, вести за собою публику, чувствовать, что каждой нотой своей можешь дать смех или слезы — это ли не удовлетворение?

Ты говоришь, достаточно одного письма в неделю. Так относиться к переписке я не могу; я могу писать тогда, когда мне хочется Тебя повидать и с Тобою поговорить. Как часто это может быть, я не знаю. Разве интересна для нас описательная часть письма — нам важна та частица дорогой и близкой души, которая зачиталась на этих листках.

Когда прочел я письмо Твое — добрых полчаса ходил из угла в угол; во мне столпились какие-то неясные обрывки мыслей, и на сердце стало тяжело, просто невыносимо — ибо с Тобою творится что-то неподходящее Тебе... Как сложно может, однако, складываться жизнь! Ладушка, милая, родная, не потеряй себя, береги свою хорошую натуру и работай — в ней только счастье. Пиши. Целую крепко. Твой майчик.

Зачем, Ладушка, я не увез Тебя с собою из Питера. Так бы вот взять, да и увезти — хоть насильно. Разве приехать мне за Тобою? Знаешь, миленькая, я не шучу. Будем, Голубчик, здесь вместе учиться, иначе и я здесь погибаю, да и у Тебя ученье, вероятно, все-таки тормозится. Здесь же прожить можно.

2000, которые мне дает мамаша — она не отнимет обратно — все ее застыдят. Еще 1000 р. в год мне дадут. Если Ты можешь иметь 1000 р., да я тут заработаю рублей 500 (между делом), то все это составит 4600 р., т. е.

12 100 фр.

Теперь посмотри на следующий правдоподобный бюджет.

Квартира

(Мастерская, 2 комнаты, ванна) 1600

Прислуга 300

Еда 4350

Одежда и прачка 950

За ученье 1350

Освещение, отопление 550

Извозчики 720

Книги, ноты 300

Мелкие вещи 180

10 300

При наличных, если даже ничего не заработаю 10 600.

Всем святым для Тебя умоляю — мою хорошую Ладушку — рискни. Ведь эти цифры уже не химерные. Как мы заживем-то! И дальше Твой майчик никогда не будет трусом. Какой я был осел, оставил Тебя в Петербурге. Я должен был бы сидеть у Тебя, не уходить от дверей, пока Ты не согласилась бы. А я на Твой первый отказ замолчал — заделикатничал, — экой болван, право, а еще 26-ой год живу. К весне Вы ведь собирались приехать в Париж; миленькая, останься тогда со мною, здесь и обвенчаемся. Но до весны ждать-то далеко и трудно ждать.

Ладушка, прости Твоего скверного майчика! Не разлюби его!

Просто вот не найду слов, как написать. То, что я сделал, мне не по душе — надо было Тебя везти. А потом когда-нибудь вернемся в Россию с запасом знаний и опыта и устроим и там свою жизнь лучше. Какая у нас работа-то будет! — Скорая да спорая.

Получив эту записку, ответь мне немедленно, поговори с Екатериной

Васильевной.

Я не могу быть без Тебя.

Целую Тебя крепко, крепко. Николай»^[78].

Планы Николая Константиновича прожить на мизерные деньги за границей оказались иллюзорными, не хватало денег даже на самое необходимое. В первые дни пребывания в Париже Николай думал, что сможет жить на заработанные деньги вместе со своей невестой, но, столкнувшись с безжалостной действительностью, ему оставалось только переживать равнодушные письма Елены Ивановны и утешаться тем, что все каким-то чудесным образом исправится и Елена Ивановна все же станет его супругой.

«Если бы Тебе и Екатерине Васильевне можно бы приехать в Париж весной, хоть бы лето вместе провели.

Надо учиться ждать, дорогая Ладушка; это трудно Тебе, а мне и еще труднее, ибо приходится более Тебя бороться с натурой, но пока я все тот же Твой майчик во всех отношениях.

Но теперь выясняется следующее: на 2000, которые даст мне мама, в Париже даже одному существовать невозможно и, несмотря на получку за работу 400 рублей, у меня все же есть недоплаты в магазинах. Чтобы жить вдвоем очень скромно, надо иметь не меньше 6000, иначе предстоят лишения, причинять которые я не имею нравственного права. Если бы я предполагал, что всю жизнь мне пришлось бы существовать на 2000, то лучше не жить, и я, конечно, уверен, что обстоятельства переменятся, и искусство тоже будет давать мне сколько-нибудь. Пока же что, очень бы хорошо Тебе с Екатериной Васильевной приехать весной в Париж, напр, к 15 мая, а затем мы провели бы вместе лето где-либо на водах. Возможен ли такой план? — напиши скорее. Я знаю, трудно владеть собою, но надо учиться этому и надо Тебе беречь себя, ибо все теперешнее — переходное, надо смотреть лишь в будущее и видеть его именно таким, каким хочется; если же мы не будем хотеть видеть будущее, каким нам хочется, то и на самом деле оно не будет таким. Мне почему-то уже представляется, что Ты приедешь в Париж, а не то и раньше приезжайте. Можешь сказать, что доктор посылает, и даже не говорите, что в Париж...»^[79]

После очередного обидного и совершенно равнодушного письма, полученного от Елены Ивановны, Николай Рерих решил поставить на переписке крест, считая ее теперь бесполезной:

«Понедельник. 21 января н/с 1901.

Ты требуешь от меня оправдания, дорогая, и забываешь совсем, что

это можно было сделать, когда Екатерина Васильевна сомневалась в моем дипломе, и я мог принести ей подлинник, но как же можно оправдываться в чувстве. Если я начну говорить, что люблю Тебя еще больше и надеюсь и впредь любить, — Ты наверно скажешь: „опять несносные химеры“.

Не могу и сказать, как обидело меня это письмо Твое; в нем как-то вовсе не чувствовалось женской теплоты, оно переполнено каким-то инквизиторским требованием неизвестного оправдывания. Ты хочешь меня обвинять в чем-то, а сама разве допускала мысли ради меня лишиться чего-нибудь, со мною поехать для работы в Париж. Как это обидно и больно! Так как словесные оправдывания ни к чему не ведут оправдать „самого себя“ можно только самим собою и долгим временем, то слушай мое слово, моя единственная и, правда, любимая Лада. Будет время и, если только позволит здоровье, я найду Тебя и спрошу, был ли сделавший то-то и то-то достоин любви Твоей, и целый ряд поступков оправдывает ли личность мою, а теперь считай меня погибшим, сгоревшим, умершим, ибо то, что я чувствую, никакими словами не докажешь, а нужны дела, которые по щучьему велению явиться не могут — для них нужно время. Я люблю Тебя, видит Бог, очень люблю и хорошо и прочно люблю, но если Ты, позорно для меня, во мне сомневаешься и требуешь поступков, то что же делать, надо, чтобы они явились, чтобы по ним Тебе стало бы совестно, что Ты оскорбляла подозрениями и сомнениями человека достойного, быть может, чего-либо иного.

Не требуй от меня карточек и писем Твоих; это моя святыня, и они будут напоминать мне о самом моем чистом, хорошем и светлом.

Их никто не увидит, а коли помирать буду, то раньше сам уничтожу. Ты была несправедлива со мною; Ты покинула меня в самую трудную для меня минуту; когда враги стали торжествовать, то и Ты стала в толпу молчаливых малодушных. Но я люблю Тебя, люблю чистым сердцем, как не любил никого, да и не люблю. Так, как люблю Тебя, так любят только один раз. Я пишу эти слова и плачу, и что-то дрожит во мне, страшно боюсь, ведь только в Тебя верил я. Теперь я уйду окончательно от мира; мне остается только одна моя творческая работа, и только ею и ее результатами отвечу я на сомнения Твои. Об одном только прошу Тебя, дорогая Лада моя, не бросай музыку, человек, владеющий каким-либо искусством, не должен третировать его — это нехорошо. Не бросай музыку и не будь жестока к людям; у женщин больше чутья, нежели у нас, почему оно молчит в Тебе теперь? Неужели Ты не чувствуешь всей боли моей? Всего голода моего? Ты ли будешь голодного убеждать, что он сыт? Впрочем, это опять слова-химеры; подождем дела.

Я меняю мастерскую и на время даже уеду из Парижа, а потому до долгого свидания, моя родная, любимая, всегда памятная Лада.

В напутствие поцелуй, Ладушка милая, майчика своего, поцелуй меня крепко. Уезжая, я просил Тебя: „обожди клеймить; обожди с подозрениями“, но Ты все-таки не подождала. И ведь как сомневаешься во мне! — не в одном только чувстве, а вообще — и в человеке, и в таланте, и во всем. Тяжкие подозрения, трудно смываемые!

Неужели не заболит у Тебя сердце, читая письмо это? Неужели и тут только суровое слово скажется обо мне? В Тебе все мое дорогое, и когда и эта почва колеблется, то остается слишком мало. А я-то еще собирался к весне быть в Петербурге, но теперь мне незачем быть там, я там ничего не забыл.

Прощай, Лада моя, прощай, радость моя, не поминай лихом на долгое время.

Почему мне выпадает такая суровая дорога? Неужели навсегда придется таиться только в себе, не подпуская к себе никого?

Ладушка, поцелуй меня. Мне хочется видеть Тебя, хочется заглянуть в глаза Твои, в них светится, наверно, лучше, нежели в письмах твоих.

Родная моя — до свидания, не знаю где и когда. Поцелуй Екатерину Васильевну, и ее я очень люблю.

Больше писать не могу — плачу»^[80].

Это письмо не стало последним, тем более что обиды были совершенно напрасны, так как письма Елена Ивановна писала под пристальным контролем своих родственников, а ответы Николая Рериха читались всей семьей вслух.

Приехав летом к Рериху в Париж, Елена попросила маму оставить их наедине, и тут она поведала ему свои тайны, признавшись, что все еще любит его и что мать против ее замужества, и поэтому заставляла писать письма под свою диктовку. Николай Константинович в тот же день сжег часть писем, заявив Екатерине Васильевне Шапошниковой, что от своего намерения жениться на Елене Ивановне не откажется ни при каких обстоятельствах. Вот как пересказывала в своих дневниках Зинаида Фосдик историю первых встреч молодого Рериха с Еленой Ивановной:

«Он (Николай Константинович) был представлен Елене Ивановне как знаменитый художник, и ей сразу понравились его „чистые глаза“. Затем приезд в Петроград и встречи на концертах, ибо мать Елены Ивановны его не приглашала к себе. Затем ее визит к нему два раза в его студию, во второй раз он ей сказал, что любит и хочет видеть ее своей женой. Но она просила держать это два года в секрете, ибо семья будет против ее брака с

художником. Затем, как он пришел поздравить ее с днем рождения и увидел там гусара Аккермана, который ухаживал за Еленой Ивановной, желая жениться на ней. И он попросил разрешения поговорить с ее матерью и просил ее руки. Та изумилась и не дала ответа сразу. Но потом произошла сцена, мать была против, вся ее семья тоже, княгиня Путятина, которая ужасалась даже мысли о браке Ляли с Николаем Константиновичем. Затем Николай Константинович писал ей письма, которые читала вся ее семья. Ей же было все это ужасно тяжело, и она пустилась на хитрость, сказав, что она не прочь покончить со всем, но хочет получить свои письма, которые писала ему, обратно. А для этого они должны поехать в Париж, и она лично их получит. По приезде в Париж она и мать пригласили Николая Константиновича якобы требовать писем. Елена Ивановна отослала мать из комнаты и все ему рассказала.

Затем они уехали в Италию, и Николай Константинович ездил за ними в Лидо и другие места. Потом она и мать были срочно вызваны домой в Петербург, ибо умер ее дядя, оставивший им наследство, а к Вознесению, как она видела во сне, Николай Константинович официально сделался ее женихом, ибо получил должность секретаря Великой Княгини и, будучи знаменитым художником, занимал уже настолько видное положение, что ее семья не могла идти против него. А, кроме того, она с ним была уже обручена, хотя и тайно, но многие догадывались об этом, и это уже было бы для нее компрометирующим. А сон ее был таков: пришел ее отец и сказал ей: „Все будет хорошо к Вознесению“. Затем еще в двух снах отец приходил и говорил ей: „Ляля, выходи за Рериха“»^[81].

Этот вещий сон Елена Ивановна записала в своем дневнике и считала одним из главных мистических снов, которые и определили ее будущий жизненный путь. Сон с небольшими изменениями повторялся три раза, первый и второй приблизительно одинаково: «Открывалась дверь комнаты, в которой она находилась, и входил отец, пристально смотря на нее, произносил: „Ляля, выходи за Николая Константиновича“, и она просыпалась. Третий раз — большая зала, огромный накрытый стол, уставленный яствами, сидят все родственники, среди них находится и она. В большое окно, открытое в сад, влетает светлый лебедь с черным кольцом на шее, опускается ей на грудь и обвивается вокруг ее шеи. В это же время открывается дверь, появляется высокая фигура отца и произносит: „Ляля, выходи за Николая Константиновича“»^[82].

И в скором времени было напечатано приглашение на свадьбу:

Приглашение на бракосочетание

Екатерина Васильевна Шапошникова просит Вас пожаловать на бракосочетание дочери ея Елены Ивановны с Николаем Константиновичем Рерихом,

Мария Васильевна Рерих просит Вас пожаловать на бракосочетание сына ея Николая Константиновича с Еленой Ивановной Шапошниковой,

Имеющее быть 28-го Октября в 6 часов вечера в церкви Императорской Академии Художеств. С.-Петербург 1901 г.

Второй пророческий сон Елена Ивановна увидела незадолго до рождения первенца: отец идет ей навстречу, а на руках у него — чудесный мальчик в белой матроске. Подойдя к Елене Ивановне, отец передает ей ребенка и ведет на гору, а из ее глаз, ушей и рта начинают падать и катиться серебряные монеты, устилая их путь в гору. Мальчик из сна был точной копией родившегося сына. Старший сын Юрий, в будущем — знаменитый ученый, востоковед, археолог, родился 3 августа 1902 года в деревне Окуловке Новгородской губернии. Князь Павел Арсеньевич Путятин, дядя Елены Ивановны, стал его крестным отцом. А в 1904 году 23 октября в Петербурге родился младший сын Святослав — великий художник Индии.

СКАНДАЛЬНАЯ ВЫСТАВКА

Выставка 1903 года была самой убыточной из всех, устроенных в Петербурге художественным объединением «Мир искусства». Огромные средства, затраченные на ее организацию, не были возвращены. Многие демонстрировавшиеся на ней произведения искусства так и не были проданы, и все же выставка была грандиозная, необычная и новаторская.

Мысль о проведении такой выставки в Петербурге принадлежала москвичу князю Сергею Александровичу Щербатову. Сын московского городского головы, богатый коллекционер, художник и историк по образованию, князь Щербатов, по словам Александра Бенуа, «...являл собой настоящий тип аристократа (московской складки) — огромный, тяжелый (стулья под ним трещали и даже подламывались), с явной склонностью к тучности. Держал он себя необычайно прямо и нес голову не без сановитой важности. Самый его типично московский (но дворянский, а не купеческий) говор, с легким картавленьем, имел какой-то наставительно барский оттенок, говорил он медленно, с расстановкой, причем старался выказаться во всех смыслах „европейцем“ и человеком наилучшего общества, но не петербургского жанра, а именно исконно московского. Он не прочь был вставить в свою речь иностранные слова, и не исключительно французские, но и немецкие. Все это не мешало прорываться иногда и странно капризным, чуть даже истерическим ноткам, а моментами являть из себя образ очень „своевольного барина“ старинной складки».

По совету московского художника Игоря Грабаря Щербатов вместе со своим другом В. В. фон Мекком, тоже молодым московским богачом-коллекционером и дизайнером женских костюмов, пришли в объединение «Мир искусства» и предложили силами мирискусников и своими финансами организовать необычное предприятие. Сергей Дягилев в журнале «Мир искусства» точно сформулировал цели и задачи этой выставки: «Инициаторы нового предприятия на Б. Морской улице хотели выбиться из проторенной дорожки и, прежде всего, встать в непосредственные сношения с потребителем, создав вместе с тем не случайное, зависящее от капризов художника, но постоянное и практическое дело...»^[83]

Выставку «Современное искусство» сами художники окрестили «грабарадой». Дело в том, что московский художник Игорь Грабарь сумел

так увлечь московских богатеев, что те действительно поверили в прибыльность этого дела.

Александр Бенуа писал:

«...Грабаря поддерживал молодой и очень состоятельный москвич, князь Сергей Александрович Щербатов, только что вступивший в обладание большого наследства и горевший желанием пожертвовать „сколько будет нужно“ на процветание отечественного искусства. Полный такого же благородного рвения был и другой, еще более юный московский богач, Владимир Владимирович фон Мекк, который предоставил себя всецело тому, что бы ни затеяли Грабарь и Щербатов... Вот этот громадный, тяжелый человек [князь Щербатов] был в те дни совершенно поработан Грабарем: он ступал за ним, по выражению Яремича, как слон за своим корнаком»^[84].

Идея выставки «Современное искусство» сводилась к тому, чтобы дать публике возможность увидеть разные произведения искусства в окружении разработанного художником интерьера. Это была одна из первых дизайнерских выставок в России.

В рамках проекта «Современное искусство», кроме интерьеров, было организовано пять экспозиций: показ работ ювелира Р. Лалика, художников К. А. Сомова и Николая Рериха, выставка японских гравюр и выставка рисунков, акварелей, картин, посвященных 100-летию Петербурга.

Специально к открытию были выпущены два каталога картин: Константина Сомова и Николая Рериха, оба эти каталога вышли под маркой «Современное искусство» в издании С. А. Щербатова и В. В. фон Мекка, под редакцией И. Э. Грабаря.

В журнале «Театр и искусство», в своей статье с показательным названием «Искусство для немногих» Александр Александрович Ростиславов писал об этих выставках: «Нельзя не признать, что выбор таких двух художников, как Сомов и Рерих, очень удачен. Оба вследствие своей оригинальности до сих пор были особенно непонятны многим из публики и возбуждали немало недоумений»^[85].

Еще «Зимой 1901/1902 года Щербатов со своим другом В. В. фон Мекком, — вспоминает о начале предприятия Игорь Грабарь, — задумал организовать нечто вроде постоянной выставки картин, мебели, ценных архитектурных интерьеров и прикладного искусства. Они обратились ко мне, прося меня стать во главе этого предприятия, на которое они смотрели как на среднее между чисто меценатским и коммерческим. К сожалению... мы создали предприятие недостаточно жизнеспособное и, прежде всего,

далекое от принципа хотя бы частичной самокупаемости... В это увлекательное дело впряглись все мы: Бенуа, Лансере, Бакст, Константин Коровин, А. Я. Головин и я. Приняли творческое участие и „хозяева“ — Щербатов и Мекк, интересовавшиеся прикладным искусством, главным образом дамскими нарядами, которые сами сочиняли и комбинировали. Бенуа и Лансере сделали проект стильной гостиной, Бакст — очаровательного будуара, Коровин — комнаты, построенной на мотиве зеленой ржи и васильков, Головин — русского терема, резного из дерева. Я взял то, что осталось незанятым: главный вход с лестницей и голландские печи. Последние не должны были отнимать места на стенах, нужного для картин, почему надо было придумать печки приниженного типа, печки-лежанки, вернее, печки-полки, на которых можно было бы расставлять предметы декоративного искусства. При этом печи и сами должны были быть декоративными, но в то же время и греть. Пришлось долго придумывать систему рациональных дымовых оборотов. В течение всего лета шли работы по реализации проектов к натуре... Щербатов с Мекком сделали комнату на мотив павлиньего пера»^[86].

Выставка намечалась колоссальная, деньги лились рекой и принимались любые безумные идеи. Вся организационная работа сопровождалась постоянными попойками в ресторанах и уверением меценатов в том, что такая выставка вообще изменит у публики миропонимание, и зритель, а значит, и покупатель, совсем по-другому будет смотреть на произведение искусства. На завтраке, устроенном Щербатовым специально для обсуждения планов нового предприятия, был и Николай Константинович Рерих, занимавший тогда должность секретаря Императорского Общества поощрения художеств. Игорь Грабарь прятал своего мецената от мирискусников — боялся, что перехватят у него богатого князя. Бенуа был этим раздосадован, но деньги, которые обещались, сводили на нет все обиды.

«О нем, как о художнике, — писал в своих воспоминаниях о князе Щербатове А. Бенуа, — мы и вовсе не могли иметь суждение, так как ни одной черточки его рисунка, ни одного мазка его кисти мы не видали; приходилось на слово верить Грабарю, который одобрительно отзывался о даровании своего ученика. В нашей компании, в которой почти все отличались бойкостью языка и ядовитостью, Сергей Александрович, видимо, чувствовал себя не совсем по себе, он робел, он краснел и предпочитал молчать».

Второй финансист этого предприятия — В. В. фон Мекк также не был отдан И. Э. Грабарем на растерзание мирискусникам, они могли только

тратить его деньги, но хотелось большего, поэтому Бенуа с сарказмом писал:

«Рядом с колоссом Щербатовым, маленький, щупленький, непрерывно густо краснеющий и даже немного от конфуза заикающийся фон Мекк в своем студенческом сюртуке производил впечатление какого-то состоящего при богатыре совершенно юного оруженосца. Его, к тому же, мы отдельно от Щербатова никогда не встречали, и он ни у кого из нас на дому не бывал. В обществе он представлялся очень милым малым и необычайно благожелательным. И ему особенно мешала его природная чрезмерная застенчивость; уже из-за нее он предпочитал оставаться в тени (в густой тени), бросаемой монументальной фигурой его приятеля».

Специально для проведения организационных собраний князь Щербатов купил в Петербурге квартиру, куда и пригласил художников на завтрак. «Стол был убран белыми цветами и среди них, в японских клеточках, весело прыгали белые, как снег, рисовки (японские птички, с нежно-розовым клювом), имевшие шумный успех, — вспоминал впоследствии князь Щербатов. — Завтракали Врубель, Серов, Коровин, Головин, Бенуа, Сомов, Бакст, Лансере, Рерих, Грабарь, Дягилев, Рушиц (пейзажист), Яремич. Врубель, помнится, не будучи в то время в состоянии работать для выставки, о чем очень жалел, уступил предназначавшуюся для него комнату Коровину, неожиданно для меня, что, признаюсь, меня несколько озадачило. В культурный вкус Врубеля Мекк и я верили, творчество Коровина, притом весьма самолюбивого, для данной цели мне показалось сопряженным с неким риском. Но именно случай с ним воочию доказал, насколько я не ошибся, делая ставку на радостные сюрпризы со стороны живописцев — театральных декораторов. Комната его была очаровательна».

Во время этой встречи Игорь Грабарь был на коне. Он убеждал друзей принять его план создания в Петербурге художественного центра, в котором «Ренессанс» художников «Мира искусства» наглядно бы показал, что творчество, если оно является прародителем нового стиля в искусстве, может быть самокупаемым и даже прибыльным. Речь Грабаря, произнесенная на этом завтраке, запомнилась многим. Александр Бенуа достаточно точно в своих воспоминаниях передает ее настроение:

«На завтраке было произнесено несколько речей, из которых особое впечатление произвела как раз та, что произнес сам Грабарь. В ней он как бы раскрыл свою „программу“ и набросал очень радужные перспективы. Было произнесено и самое слово „Ренессанс“, причем определенно заявлялось, что подготовительный период, соответствовавший тому, что

происходило в Риме в дни папы Юлия II, уже прошел, а что теперь мы дошли до первых светлых дней настоящего золотого века, причем роль Льва X Грабарь, видимо, и сулил своему патрону — Щербатову. Мало ли какие глупости, облеченные в торжественный юбилейный наряд, изрекаются в теплой компании, еще согретой яствами и потоками шампанского, однако такие бредни показались на сей раз уж слишком перехватившими через край, а Дягилева они прямо и взбесили, так как если и лестным могло показаться самое это сравнение его с великим папой Юлием, то все же уж очень откровенно Грабарь как бы давал ему отставку, предоставляя отныне первую роль Щербатову. Дягилев даже не скрыл своей обиды, а сказал несколько остроумных, но и не лишенных едкости слов — вроде тех, которые ему (вообще ненавидевшему словесные выступления) удавалось произносить, когда его что-либо особенно задевало. Грабарь почувствовал, что он сделал оплошность, *une gaffe*^[87], попытался было оправдаться, но сконфуженно замолк. Завтрак, во всяком случае, не привел ни к какому сближению и даже напротив, усугубил чувство недружелюбия, которое уже намечалось между ним и Дягилевым»^[88].

Помещение для организации постоянной экспозиции было довольно быстро найдено благодаря Николаю Рериху и Александру Бенуа. На Большой Морской улице, прямо напротив Императорского Общества поощрения художеств, где они оба работали, освобождался второй этаж двухэтажного особняка, из которого выезжало известное музыкальное издательство Юргенсона. Несмотря на то что потолки на втором этаже были низкими и не все комнаты достаточно светлыми, часть их выходила на обыденный петербургский двор, а квартира со множеством комнат сама по себе имела довольно простоватый вид и не отличалась каким-либо «благородством» — все недостатки компенсировались местоположением особняка, который стоял напротив привычного для публики выставочного зала Общества поощрения художеств.

Это предприятие было действительно очень дорогим, даже главный меценат князь Щербатов с некоторым сожалением позже вспоминал то количество денег, которое было просто выброшено на порой совершенно непригодные для повседневности вещи и интерьеры:

«Конечно, Воля Мекк постарался блеснуть своими дамскими туалетами, для которых ему была отведена особая комната, и, действительно, платья он выставил чудесные и необычайно изысканные. Особенно запомнился вечерний туалет из черного и дымчатого шелкового

муслина; красиво перемешанные материи были усыпаны местами, как снежинками, мелкими бриллиантами, у корсажа — большая бриллиантовая роза... Обойти известного декоратора Бакста было невозможно, но мы боялись попасть с ним в авантюру, и были правы. „С нашим Левушкой мы наплачемся“»^[89].

Действительно, комната Бакста обошлась устроителям очень дорого. Бакст из квадратной комнаты непременно хотел сделать круглую, а это очень увеличивало расходы. «Не надо забывать, что мы тогда твердо верили, — писал Сергей Щербатов, — что наша выставка представляет собой некое постоянное учреждение, рассчитанное на годы, потому красивая обработка стен, среди которых могли чередоваться разные экспонаты, не так нас пугала. Бакстовская ротонда тяжело легла на бюджет, но вся комната была так очаровательно задумана, что пришлось уступить его капризу, а потерять его было обидно... Тон стен слоновой кости красиво вязался с тоном светлого клена мебели, с обивкой малинового цвета. Черные и серебряные прошивки утонченным орнаментом оживляли фон бархата. На полу белое сукно с орнаментом. Ножки шифоньерки, диванчиков, столиков и кресел были настолько тонки, что мастерство Свирского обеспечило прочность этой нежной, женственной мебели, от которой, по словам Бакста, должен был исходить „аромат духов и пудры“»^[90].

С этой комнатой был связан один эпизод, о котором потом со смехом говорил весь Петербург и из-за которого иные великосветские дамы перестали посещать выставку: «Вел. кн. Мария Павловна (старшая), супруга вел. кн. Владимира Александровича, довольно полная, уселась в бакстовское кресло, а когда поднялась, унесла его на себе, настолько оно было легкое и узкое. Бакст побежал „снимать“ с нее кресло. Веселая и забавная, великая княгиня страшно рассмеялась, но все же укоризненно погрозила бывшему у нее в большом фаворе Баксту пальцем:

— Извольте *cher maitre*^[91] написать при входе в ваш *adorable boudoir*^[92]:

Садиться запрещено таким, как я — только для сильфид. К ним, как видите, не принадлежу»^[93].

Открытие выставки началось со скандала, в который впоследствии был втянут и Н. К. Рерих. Чтобы разобраться в случившемся, вернемся немного назад, в 1900 год, когда Александра Бенуа пригласили в Императорское Общество поощрения художеств на пост редактора нового журнала. Дело в том, что Николай Петрович Собко, долгое время

работавший главным редактором журнала Общества «Искусство и художественная промышленность», решил уйти в отставку. Причем Н. П. Собко, занимавший в организации сразу две должности: секретаря, или, иначе говоря, управляющего делами, и главного редактора журнала, сумел забрать журнал с собой, заявив, что если политика его журнала не нравится, то он за свой счет будет его издавать самолично. Таким образом, в Обществе поощрения художеств освободилось сразу две вакансии — главного редактора и секретаря. При этом члены Общества после такого чрезвычайного происшествия, как потеря своего журнала, очень настороженно отнеслись к подбору кандидатов на эти посты. Николай Рерих стал секретарем Общества, а Александр Бенуа — главным редактором нового журнала «Художественные сокровища России», название и концепцию которого он предложил сам. Конечно, здесь не обошлось и без протекции, так как в правление входили: старший брат Александра — Альбер, отец мирискусника К. Сомова Андрей Иванович Сомов, хранитель Эрмитажа и М. П. Боткин, теперь почему-то благоволивший к А. Бенуа и выступавший категорически против Н. Рериха. Его кандидатуру поддерживал и Иван Петрович Балашов, вице-председатель Общества. Кроме того, еще раньше созданный Александром Бенуа журнал «Мир искусства» несомненно прибавлял авторитет еще молодому художнику. И если Н. К. Рерих уже работал в Обществе помощником редактора журнала «Искусство и художественная промышленность», то приглашение А. Бенуа на должность главного редактора в Общество было неожиданностью. Так или иначе, Бенуа стал главным редактором, а Рерих — секретарем Императорского Общества поощрения художеств.

Прошло три года. В журнале печатаются отчеты Общества, составленные секретарем Н. К. Рерихом, а сам Рерих становится постоянным участником выставок «Мира искусства», что вызывает резкую критику В. В. Стасова.

В 1903 году, накануне открытия выставки «Современное искусство», Александр Бенуа, уже считавший себя непревзойденным критиком и издателем, в своем журнале «Мир искусства» поместил статью, где резко обругал недавно проведенную в Обществе поощрения художеств выставку современной французской живописи. Эта статья вызвала сильный резонанс из-за того, что Александр Бенуа, со свойственной ему иронией, намекал на многих уважаемых членов Общества, причем эти намеки были достаточно обидными. Позже свою бестактность Бенуа объяснял тем, что он обиделся за французское искусство, хотя, скорее всего, щербатовские миллионы и

многообещающие прожекты Грабаря несколько вскружили ему голову. После выхода статьи на специально созванном собрании Общества многие его члены высказались против Бенуа. Их поддержал даже его старший брат, а также Е. А. Сабанеев, М. П. Боткин и А. И. Сомов.

Через несколько дней после этого собрания состоялось открытие выставки «Современное искусство». Бенуа отвечал за приглашенных на выставку и суетился у входа, чтобы не обделить вниманием кого-нибудь из именитых гостей. Увидев толпу напротив здания, к дому на Большой Морской улице подошел Е. А. Сабанеев, директор школы Общества поощрения художеств. Взглянув на Бенуа, он осторожно отозвал его в сторону, решив пожурить молодого главного редактора за бестактное выступление в «Мире искусства», но Александр вместо извинений полез в драку. Бенуа в своих воспоминаниях через много лет несколько смягчил этот неприятный инцидент:

«...на тех же днях состоялось торжественное открытие предприятия князя Щербатова „Современное искусство“. Я находился в качестве участника этого дела для приема гостей, приглашенных на вернисаж, у входа на выставку. И как раз одним из первых пожаловал директор школы „Общества поощрения художеств“ Е. А. Сабанеев. Он сразу отвел меня в сторону и с тоном „начальника, делающего выговор подчиненному“, произнес злополучную фразу: „Как вам не стыдно. Вы получаете жалованье от императорского „Общества поощрения“ и позволяете себе так о нем отзываться“. Фраза была глупая, и, в сущности, мне следовало бы ее пропустить без всякого внимания, но мои нервы (как это часто бывает на вернисажах) были особенно натянуты, и я почувствовал в этой фразе такое оскорбление, что слепая ярость сразу овладела мной. Не успел я сообразить, что делаю, как уже судорожно сжимал обшлаг сюртука Сабанеева и, потрясая его изо всей силы, с шипением произносил какие-то ругательства вроде „негодяй“, „мерзавец“ и т. п. Насилу он вырвался и убежал, а меня схватили подоспевшие знакомые и друзья и увели в соседнюю комнату».

Друзья не только увели Александра Бенуа, но и изрядно напугали, что теперь, вероятно, ему придется драться на дуэли и, скорее всего, он падет от руки обиженного, так как настоящие художники должны волею судьбы погибать в расцвете лет, как Александр Пушкин. Бенуа сильно струхнул, хотя и не показывал своего испуга, а продолжал браваду и выбрал себе секундантов — Философова и Дягилева.

Однако старый Сабанеев не хотел портить с Александром и его братом дружеских отношений и прислал Бенуа письмо, в котором несколько

извинялся за то, что не вовремя подошел к разгоряченному художнику. Бенуа торжествовал и решил не отвечать на него, и даже показал его своим товарищам. Однако такого поведения Сабанеев уже списывать на молодую горячность не захотел и поставил вопрос о поведении Бенуа на собрании Общества. От имени Совета ему было направлено официальное предупреждение, что в случае повторения подобного отношения к Обществу поощрения художеств и его членам оно будет вынуждено расстаться с ним как с редактором своего журнала. Бенуа думал пять дней. Выставка вначале приносила хороший доход, ювелирные украшения Р. Лалика бойко продавались, и 13 февраля он послал вице-председателю просьбу о своей отставке, не сопроводив ее никакими объяснениями.

Тем временем выставка становилась все популярнее и популярнее, к тому же ее посетил император Николай II со своей супругой, что гарантировало приток именитой публики. Однако приобретать слишком ажурную мебель или неудобный, но шикарный интерьер какой-либо из выставочных комнат никто не собирался. А решившиеся было на покупку, сталкиваясь с неприспособленностью интерьера, сразу же отказывались от этой идеи. Так было и с комнатой, оформленной художником А. Я. Головиным под русский терем или светелку, размеры и убранство которой создавали некоторые неудобства.

«Головинский терем произвел в полном смысле слова фурор на выставке и более, чем какая-либо другая комната, привлек внимание государя. Надо ли говорить, как радовался милый автор, к которому я испытывал такую симпатию. Нам везло на забавные эпизоды с „великими“: вел. кн. Владимир Александрович впрямь „влюбился“, по его словам, в головинский терем и, войдя с нами в переговоры, уже весьма продвинутые, относительно приобретения этой комнаты для своей дачи в Царском Селе, долго засиживался в ней и полушутя чуть не решился взобраться на лежанку „отдохнуть по-русски“, к ужасу посетителей.

— Да еще, пожалуй, захраплю, как труба, — вот будет номер.

Кончилось все неблагополучно. Выходя из низкого терема, вел. князь забыл нагнуться и сильно ударился головой о косяк резной двери:

— Вот и шишка! Плохая примета, видно, не купить... — выкрикнул он своим густым басом, столь знакомым по военным парадам, заодно рассердившись на себя и на комнату»^[94].

Тем временем все стали уговаривать Александра Бенуа забрать прошение об отставке, повиниться и вернуться обратно в журнал — все-таки служба надежнее только что созданного предприятия, даже новый вице-председатель Общества Ю. С. Нечаев-Мальцев лично просил его

остаться на должности главного редактора. Да и сам Александр уже раскаивался в своих скоропалительных решениях. Как потом написал Бенуа: «Самому до смерти хотелось это сделать — тем более что я все еще продолжал работать над теми выпусками 1903 г., которые решил посвятить Петру Великому. Но я не мог сообразить, как это сделать, как взять назад свою отставку без ущерба собственному достоинству».

Николай Константинович Рерих предложил свою помощь Александру Бенуа. Он обещал договориться с председателем Общества принцессой Ольденбургской, чтобы она сама письменно попросила Бенуа остаться. Такой поворот дела очень льстил самолюбию Александра. Но недоброжелателей было слишком много, а для Рериха такая помощь могла стоить места секретаря Общества поощрения художеств. Тем более что Александр Бенуа несколько высокомерно вел себя с Рерихом, считая, что тот выполняет чье-то поручение. Тогда как на самом деле это была собственная инициатива Рериха. Взвесив все «за» и «против», Николай Константинович решил не ввязываться в этот скандал. А самоуверенный Александр целый месяц прождал Рериха в Петербурге и при этом не встречался с ним лично, считая ниже своего достоинства напрашиваться к Николаю в гости, а подсылал к нему общих друзей, Юрия Степановича Нечаева-Мальцева и Павла Петровича Марсеру, чтобы разведать обстановку. Однако ничего конкретного они так и не разузнали.

Для выполнения своего обещания Н. К. Рерих должен был поехать из Петербурга в Гагры, где находилась южная резиденция принцессы Ольденбургской Евгении Максимилиановны, и там попытаться уговорить ее написать это довольно странное письмо в поддержку А. Бенуа. Несмотря на такие обстоятельства, Александр все же продолжал надеяться на благоприятный исход. Он не прекращал работы над составлением следующих номеров журнала Общества и даже не поехал с женой и детьми в Рим. Позже он писал в воспоминаниях:

«...после таких решительных изъявлений своей дружбы Рерих все же никуда не поехал, а принцесса никакого письма мне не написала. Мои страдания (очень реальные и очень мучительные — хуже нет ничего, как когда надо прибегнуть к какой-то неизбежной операции и та все время откладывается), мои страдания обострились...»

Но уже в начале марта Александр Бенуа, ничего не дождавшись и окончательно уверившись, «что Рерих никогда в Гагры не поедет», назначил день своего отъезда в Рим, надолго после этого затаив обиду на искренне хотевшего ему помочь Н. К. Рериха. За время трехмесячного отсутствия Бенуа в Петербурге выставка «Современное искусство» была

закрыта, а новый редактор журнала «Художественные сокровища России» Адриан Прахов уже сидел в кресле, некогда принадлежавшем Александру, и печатал заказанные прежним редактором статьи, материалы и фотографии. Большие надежды Бенуа на прибыль от выставки «Современное искусство» были напрасными. Вернувшись в Петербург, Александр никого не нашел в «Современном искусстве». Само помещение было закрыто, и Бенуа насилу отыскал какого-то сторожа, от которого только и смог добиться: мол, «уехали, и когда будут обратно, не сказывали». Лишь недели через две в Петербурге все же появились князь Щербатов с Мекком. Приехали они специально, чтобы встретиться с Бенуа, и вовсе не для того, чтобы, как писал из Москвы князь Щербатов, передать ему заведование проектом «Современное искусство», а для того, чтобы сообщить, что они совершенно отчаялись и теперь не видят целесообразности и даже вообще художественного смысла своей затеи. Главное же, что исполненный для них Александром Бенуа заказ на оформление рабочего кабинета оказался совершенно бесполезным. «При этом, естественно, — писал обиженный на всех и вся А. Бенуа, — они не обнаружили ни малейшего интереса к тому, исполнил ли я данный ими заказ „рабочего кабинета“; но и я не напомнил им о нем и не показал им своих проектов, так как сам был ими слишком недоволен. Так бесславно и кончилась та затея, которая при своем возникновении должна была свидетельствовать о нашем „несомненном Ренессансе“ и на осуществление которой князь Щербатов положил больше ста тысяч рублей. Как это ни странно (и несмотря на то, что рушился один из устоев, на которые я рассчитывал), я был рад такой развязке, так как, повторяю, в глубине души никогда не верил в жизнеспособность этой „барской блажи“ и еще менее чувствовал в себе призвание к ней». В такой ситуации обида на Рериха переросла в нечто большое, из защитника он превратился в инициатора всех бед Александра Бенуа.

После закрытия выставки в 1903 году Дмитрий Философов в хронике журнала «Мир искусства», в заметке «Погибшее предприятие», так объяснял полный крах выставки: «Насколько беспочвенно наше, так называемое, меценатствование... Лица, с такою легкостью начавшие столь обширное дело... не поняли, что, испугавшись дальнейшей работы и затраты средств, они скомпрометировали то дело, в которое верили...»^[95]

Причина закрытия выставки была, конечно, не в меценатах, хотя И. Э. Грабарь и писал, что финансовые неурядицы Щербатова поставили крест на всем предприятии. «У Щербатова вот какая неприятность. Он ведь продал имение... и его надули. Как-то не так сделаны условия, и теперь он

должен опять взять его обратно, но уже в разоренном совершенно виде. История миллионная. Оттого и „Современное искусство“ пришлось закрыть»^[96].

Дмитрий Философов писал об истинных причинах закрытия выставки: «Нельзя отрицать, что затея эта далеко не оправдала возложенных на нее надежд и не окупила, конечно, и сотой доли затраченных средств. Задумано предприятие было слишком широко, в расчете на долгое существование; практическая сторона дела не была вовсе принята во внимание».

Действительно, концепция выставки «Современное искусство», организованной в здании на Морской улице, не была продумана — все интерьеры были слишком дорогими и многим не по карману. Удалась только первая выставка известного французского ювелира Р. Лалика, его украшения очень быстро раскупили петербургские и московские модницы, тем более что он сам лично представлял свою коллекцию в Петербурге, а вот интерьеры так и остались лишь оформлением для чужих произведений искусства.

«Не было получено ни одного заказа на обстановку, — писал Грабарь в своих воспоминаниях, — и не только целая комната, но и отдельные стулья не были заказаны... Комнату Бенуа и Лансере, а также будуар Бакста Щербатов перевез к себе в Москву, в дом, выстроенный им вскоре по проекту А. И. Таманова на Новинском бульваре, а остальное разошлось по рукам, кому что».

Участие Рериха в выставках «Мира искусства» совпало с закрытием самого объединения художников и его одноименного журнала. Еще осенью 1902 года проходила выставка в Москве, где среди работ других художников демонстрировались и картины Н. К. Рериха, а в начале 1903 года, на последней пятой выставке, организованной в Петербурге журналом «Мир искусства», была представлена вызвавшая множество толков и споров картина «Город строят», купленная впоследствии Третьяковской галереей. Пятая выставка «Мира искусства» проходила все на той же Большой Морской улице, только теперь не в доме № 33, а напротив, в здании Императорского Общества поощрения художеств в доме № 38. Естественно, В. В. Стасов, выступавший всегда против «Мира искусства», был очень обижен на своего протеже Николая Рериха за участие в этих выставках.

Сразу после открытия выставки в петербургском журнале появилась статья Владимира Васильевича Стасова «Две декадентские выставки». Уважаемый критик был огорчен еще и тем, что Общество поощрения художеств, некогда боровшееся с декадентством, пустило в свои залы

такую, по его мнению, неприличную выставку. Еще обиднее, что новые картины Рериха полностью отвечали концепции крамольного мероприятия, организованного Дягилевым и Бенуа. «Многочисленные картины и эскизы Рериха, — писал в этой статье В. В. Стасов, — занимающие столько места на обеих декадентских выставках, вдоль и поперек Большой Морской улицы, возбуждают значительное сожаление... Страшно неудачная картина последнего времени „Город строят“, представляющая вместо городка какое-то безалаберное, фантастическое столпотворение вавилонское, с отталкивающим желтым колоритом... Было время, когда г. Рерих, только что выйдя из мастерской Куинджи, чуждался декадентства... Позднее натура взяла свое, и он перешел в тот лагерь, который был ему всего роднее и свойственнее. И конечно, он поступил вполне правильно и превосходно. С этой новой стороны он только и должен быть взвешиваем и оцениваем... Его старорусские „охоты“, „битвы“, „флотилии“ и т. д. — не что иное, как приближение к декадентским безобразиям финляндца Галлена»^[97].

Но не все, как В. В. Стасов, ополчились на Рериха за его «новое искусство». Сразу после выставки Рерих записал в своем дневнике: «Суриков просто чуть не до слез тронул меня — таких хороших вещей наговорил... Если бы он знал, какую радость он мне доставил!»^[98]

Серов на выставке многозначительно намекал, что картина, уехав в Москву, может уже обратно не вернуться. Многие считали, что картина Рериха лучшая на выставке, и она будет приобретена Московской Третьяковской галереей. Так и случилось, однако это событие вызвало неоднозначную реакцию. Некоторые считали, что Рерих слишком молод, другие настороженно относились вообще ко всем художникам, близким к «Миру искусства». Сергей Андреевич Муромцев, председатель Московской думской комиссии, контролировавший деятельность галереи после смерти Третьякова, во время заседания выразил недоумение по поводу покупки картины Рериха. За Рериха заступился художник-пейзажист Илья Семенович Остроухов, авторитет среди московских коллекционеров и к тому же один из богатейших дельцов Москвы. Он даже написал пространное письмо Муромцеву, объясняющее его заступничество. Это письмо и прекратило все споры в Московской думе о приобретении картины Н. К. Рериха «Город строят»:

«14 мая 1903 г.

Многоуважаемый Сергей Андреевич!

Вчерашний короткий разговор наш в Думе, внезапный, прерванный, вынуждает меня писать Вам... Вы спросили меня:

— Почему Вы купили картину Рериха „Город строят“?

Рерих — художник талантливый, выдающийся, уже давно, еще при покойном Павле Михайловиче, получивший свое почетное место в нашей галерее. С тех пор он продолжает безустанно работать, ища и развиваясь. Его прошлогодняя картина приобретена Музеем Александра III. Картину этого года приобрели мы. Она нова и оригинальна и, по нашему разумению, должна быть обязательно приобретена. В ней Рерих, страстный археолог, опять, как всегда, трактует мотив из доисторических, „антропологических“ времен старой Руси. Сообразно с новизной мотива, сообразно с содержанием его, он смело применяет в картине своей и особую манеру, широкую, „эскизную“. Я затрудняюсь ответить прямо на Ваш вопрос:

— Так ли строили города тогда?

— Не знаю. Но талант художника меня лично заставляет верить, что так. Я скорее усомнился бы, так ли произошла сцена убийства сына Грозным, потому что чувствую на полотне Репина театральный эффект, застывшую и скомпонованную позу „живой картины“, как в „Помпее“ Брюллова, в „Княжне Таракановой“ Флавицкого, в „Тайной вечере“ Ге, как в целом ряде признанных и достойных произведений предшествовавшей эпохи (нарочно беру ценнейшие и крупнейшие явления в русском художественном творчестве). Теперь стремление к простоте и обобщению интенсивнее. И мотив Рериха проще и потому правдивее, ну, хотя бы невольно напрашивающегося на сравнение тоже „доисторического“ мотива Виктора Васнецова „Каменный век“ (опять одно из первоклассных созданий мастера и времени).

Я одинаково люблю и ценю и Рериха, и Васнецова, даже мои личные симпатии больше на стороне последнего (оно и понятно: заслуга его полнее и более выражена, чем молодого Рериха; в этой области у нас Васнецов — Bahnbrecher).

Но, сравнивая рериховский „Город“ с васнецовским „Каменным веком“, я не могу не отметить следующего. Задачи — одинаковы. Как тот, так и другой художник воскрешают седую, доисторическую старину... Научных данных очень мало, неоспоримых нет... Создают проникновением, провидением... Сюжет такой не может быть передан так осязательно реально, как „Чаепитие в Мытищах“ или „Сватовство майора“. Рерих очень тонко и разрешает задачу. Он как бы намечает сюжет, отвечая за общее и не показывая деталей, которых ни он, ни кто другой не знает. И дает большой картине трактовку эскиза. Главное — все налицо, мощно и крепко выраженное; деталей нет, они — не нужны, были бы ложны и

спутывали бы правдивое впечатление общего, возбуждая лишь недоверие к нему. Они не нужны и по другой причине. Задача такова. Пещеры брошены, культура развилась до первичных форм общины — люди „строят город“.

Тема еще „антропологическая“. „Личность“ еще не появлялась. Жили люди, как муравьи, что ли. И строили свою муравьиную кучу с той же суетней, с той же муравьиной энергией, расторопностью и безличностью, под тем же солнцем, которое и нам светит, среди той же природы, в которой, тысячелетие спустя, родились и мы с нашей цивилизацией. Какой интерес и художнику, и зрителю рассматривать каждого отдельного муравья? — все одинаковы, все в белых рубахах!.. И верится картине, и нет ничего, что бы нарушало иллюзию ненужными, сомнительными деталями. Посмотрите у Васнецова. Эпоха еще более далекая. А я так не верю знаменитой картине Исторического музея, как верю рериховскому полотну. Вот в моем личном собрании есть эскиз „Каменного века“ Васнецова — тому я верю безусловно, и иначе сцены себе представить не могу. Все потому же. В таком сюжете деталь или должна быть передана до вероятия точно, не возбуждая ни малейших сомнений, или сознательно обойдена, как у Рериха, или не выработана, как в моем эскизе Васнецова. А то, что же выходит? Все люди композиции „Каменного века“, написанные в размер натуры, все — в позах и с выражениями, несомненно, современных нам людей, как ни старался художник рядить их в шкуры и меха. Все чистенькие снаружи и очень талантливые актеры внутри. И я им не верю, как не верю реализованным на сцене Фафнерам и Зигфридам в вагнеровских операх, глубоко проникаясь этими образами в звуках... Картина Рериха, как почти все новое, смелое, талантливое, не имела при появлении своем успеха в публике. Ее понял, оценил и полюбил, как всегда, пока лишь небольшой кружок людей, действительно любящих и чувствующих искусство, живущих им. Тем приятнее мне отметить положительные отзывы о ней в печати двух чутких и разных людей — старика Суворина, остановившегося во всем ряде выставок минувшего сезона на этой картине, и В. Розанова. Очень трудно, и мне в особенности, яснее и подробнее сказать Вам, что чувствую, да и писать приходится, как всегда, наспех.

Буду рад, если эти строки не только объяснят Вам, хоть несколько, мотивы, которыми мы руководствовались, приобретая картину Рериха, но и дадут Вам некоторую уверенность в том, что мы действуем не совсем уже опрометчиво в таком ответственном и дорогом для нас деле. Во всяком случае, прошу Вас извинить, что отнял у Вас столько времени чтением

этого письма, и верить в чувства моего искреннего к Вам уважения. И. Остроухов»^[99].

Известный философ и критик В. В. Розанов тоже обратил внимание на картины Рериха и откликнулся на выставку заметкой в журнале «Мир искусства», в которой хвалил художника за картину «Город строят».

Сергей Дягилев, идейный руководитель и организатор «Мира искусства», был очень доволен картиной Н. К. Рериха, тем более что считал себя причастным к ее созданию. Между выставками Рерих собирался переделать картину «Город строят», но С. Дягилев, узнав об этом, прибежал поздно вечером в его мастерскую и, отстранив Николая Константиновича от полотна, закричал: «Ни одного мазка больше! Вот это сильное выражение! Долой академические формы!»

Позже, в 1904 году, Стасов писал Рериху о своих статьях, спорах и слухах вокруг выставок и картины «Город строят»: «Вас не ругал, не ругаю и не собираюсь ругать — не за что! А кто Вам сказал вздор и клевету, тому...»

Журнал «Мир искусства» просуществовал до 1904 года. Катастрофически не хватало денег, а давний покровитель этого предприятия, княгиня Мария Клавдиевна Тенишева, совершенно разочаровалась в этом издании и только после долгих уговоров и бесконечных просьб Сергея Дягилева согласилась последний раз помочь журналу, приносившему ей одни только убытки.

Александр Бенуа продолжал винить во всех своих бедах Николая Рериха. И когда поддавшись на уговоры Дягилева Мария Клавдиевна предложила для сохранения журнала ввести Николая Рериха в руководство, Александр Бенуа вспылил, на что Тенишева предложила Дягилеву вовсе исключить Александра Бенуа из «Мира искусства». Дягилев согласился с таким условием, но в опубликованный список новых сотрудников журнала все же включил Бенуа, надеясь, что княгиня простит погорячившегося художника. Княгиня прощать не собиралась и поступок Дягилева посчитала наглой выходкой. Позднее она вспоминала свой разрыв с «Миром искусства», приведший к закрытию журнала:

«Спустя несколько лет вновь возник вопрос о моем вступлении в журнал как издательницы. Тогда я выработала новую программу, поставила Дягилеву известные условия, желая, прежде всего, придать журналу более национальный характер, оставить постоянные и неумеренные каждения^[100] перед западным искусством и заняться поощрением своего, русского, в частности, прикладным искусством. Я не могла примириться с постоянным

раздуванием „ампира“, вечным восхвалением всего иностранного в ущерб всему русскому и явно враждебным отношением к русской старине. И это в единственном русском художественном журнале. В связи с этим я потребовала изменить состав сотрудников журнала и пригласить Н. К. Рериха, очень образованного, уравновешенного и серьезного знатока дела. Также, в связи с изменением в направлении журнала, решено было о выходе из редакции А. Бенуа. Дягилев опять казался искренним и с чувством говорил:

— Да, что ни делаешь, а истинные друзья встречаются только раз в жизни... Много перед вами проходит людей, но преданный, верный друг — один в жизни...

Вскоре вышло объявление в газетах о принятии подписки на журнал с моим участием как издательницы. В списке сотрудников я прочла имя А. Бенуа. Дягилев и на этот раз нарушил наше условие и, как и прежде, не стеснялся со мной. Тогда я немедленно поместила в той же газете объявление, что никакого участия в журнале не принимаю и принимать не буду. Это и было смертью „Мира искусства“. С тех пор я уже окончательно порвала с Дягилевым»^[101].

ТАЛАШКИНО

В 1903 году Н. К. Рерих с женой впервые приехали по приглашению княгини М. К. Тенишевой в имение Талашкино, где был создан центр русских ремесел.

Княгиня Мария Клавдиевна Тенишева родилась в 1864 году, хотя разные источники называют год ее рождения с разницей в 10 лет. Несмотря на то что Мария Клавдиевна росла без отца и о нем старалась не писать, одна из учениц М. К. Тенишевой, Ольга де Клапье, намекала на то, что Мария Клавдиевна была незаконнорожденной дочерью императора Александра II и до восьми лет жила в особняке на Английской набережной, а после убийства Александра II была увезена матерью из Петербурга. Известно лишь, что официальным мужем матери Марии Клавдиевны сначала был Клавдий Пятковский, а потом Мориц фон Дезен. Сама М. К. Тенишева в своих дневниках писала:

«Моя гувернантка, Софья Павловна, весь день сидит на балконе с тетями, болтает, вышивает... Она знает много интересного. Я тоже забросила игрушки и слушаю ее рассказы, лежа с ней рядом в густой траве.

Как-то раз она мне говорит:

— А ведь тот, кого ты зовешь папой, тебе вовсе не папа.

— А кто же он?

— Теперешний папа — муж твоей мамы, но ты не его дочь.

— А кто же мой папа?

— Твой настоящий папа не был мужем твоей мамы, она его просто так любила.

Сердце застыло во мне, в висках застучало... Я старалась понять тайный смысл ее слов, но я была слишком мала, что-то ускользало... Я почти кричала, допрашивая ее: „Скажи, кто он?“

— Твой отец был князь В... Твоя мать разлюбила его и бросила.

— Отчего бросила?.. А... он любил ее?

— Да, но тебя он любил особенно. Даже тайком увез раз и отдал своей тетке, графине Р... Ты там долго жила, пока твоя мама не нашла и не отняла.

Мое изумление переходило в ужас. Она же неумолимо продолжала:

— Он умолял ее оставить тебя ему и очень плакал, но она не согласилась и все-таки увезла. Чтобы лучше тебя спрятать, графиня Р... отдала тебя Великой Княгине... которая тебя очень любила и баловала.

— А он... мой папа, где он?

— Он умер. Ты сирота.

Я застыла, кругом меня все померкло... Дрожь пробежала по телу. Глаза горели без слез... У меня, которую никто не любил, никогда даже не ласкал, — у меня был свой родной папа, который любил меня и даже плакал по мне, и этого папы больше нет, он в могиле... Я сирота...»^[102]

Мария Клавдиевна была замужем дважды. Первый раз она вышла за Рафаила Николаевича Николаева, заядлого карточного игрока, совершенно помешанного на игре и спустившего за довольно короткое время почти все свое состояние.

Во время венчания случился неприятный инцидент из-за того, что Мария Клавдиевна была незаконнорожденной.

В кабинет, где молодожены должны были сочетаться браком, пригласили церковного батюшку и родителей жениха, но, когда потребовались официальные документы о рождении Марии Клавдиевны, батюшку наскоро выпроводили, а в кабинет пригласили Рафаила.

Все поняли, что случилось что-то непредвиденное. Гости сидели в каком-то оцепенении. Дверь отворилась, и из кабинета вышел взволнованный, с разгоряченным лицом Рафаил. Уверенной походкой он подошел к Марии Клавдиевне и, торжественно подав ей руку, пригласил пройти в кабинет подписать бумаги. По дороге жених шепнул невесте:

— Все улажено, не волнуйтесь, в обиду я вас не дам.

Приведем рассказ Марии Клавдиевны, записанный после свадьбы:

«Впервые в жизни я расписывалась в официальной книге, кроме того, меня смутила окружающая обстановка. Неловко взявшись за перо, я занесла руку и уже старательно выводила: Мария Морицовна фон Дезен, как вдруг со всех сторон раздались хором надо мной неистовые возгласы. Схватив мою руку, мать с силой отдернула ее от книги. В недоумении, ничего не понимая, я подняла голову. Мать давно оправилась. Лицо ее было энергично, глаза горели. Повелительным голосом она продиктовала мне: Мария Клавдиевна Пятковская...

Документы мои оказались, по-видимому, в полной исправности. Странно... Росла я под именем Марии Морицовой, и тут же, как во сне, мне припомнилось, что давно-давно, в туманном детстве, меня звали Марией Георгиевной... Уединившись со мной, Рафаил рассказывал о случившемся. Наша судьба висела на волоске. Оказалось, что Софья Павловна и хор болтливых единственно пренебрегли семьей Николаевых, не посвятив вовремя их одних в знаменитую тайну. Матери пришлось

перед подписью все самой объяснить»^[103].

Вторым мужем Марии Клавдиевны в 1892 году стал богатый предприниматель, владелец нескольких заводов, князь Вячеслав Николаевич Тенишев. Женившись на Марии Клавдиевне, князь встретил равного по широте души человека, разделявшего его взгляды и надежды на русскую культуру. Вскоре он доверил жене распоряжаться частью своего состояния, эти деньги тратились на благотворительные проекты, была создана бесплатная художественная школа в Петербурге, которой руководил друг М. К. Тенишевой Илья Репин. Преподавали там и А. А. Куренной, и П. Е. Мясоедов, и многие другие известные художники. В 1893 году у княгини Екатерины Константиновны Святополк-Четвертинской, своей лучшей подруги, Тенишевы купили имение Талашкино, расположенное в 18 километрах от Смоленска, где был создан свой оркестр народных инструментов, свой театр и несколько художественных мастерских. Мария Клавдиевна постепенно обрела себя, нашла свое дело и стала известной на всю Россию меценаткой, «настоящей Марфой-Посадницей», как называл ее Н. К. Рерих. Ведь благодаря ей в Талашкино и Фленове были возрождены старинные народные промыслы, создан в Смоленске музей «Русской старины», именно благодаря финансовой поддержке М. К. Тенишевой многие художники смогли реализовать свои грандиозные замыслы. Стоит вспомнить, что журнал «Мир искусства» издавался в основном на деньги М. К. Тенишевой, да и само объединение «Мир искусства» постоянно требовало от нее немалых материальных затрат.

Николай Константинович Рерих был знаком с М. К. Тенишевой давно. Мария Клавдиевна писала в своем дневнике о нем, как об одном из самых близких друзей:

«Я давно знала Рериха. У меня с Николаем Константиновичем установились более чем дружеские отношения. Из всех русских художников, которых я встречала в моей жизни... это единственный, с кем можно было говорить, понимая друг друга с полуслова, культурный, очень образованный, настоящий европеец, не узкий, не односторонний, благовоспитанный и приятный в обращении, незаменимый собеседник, широко понимающий искусство и глубоко им интересующийся. Наши отношения — это братство, сродство душ, которое я так ценю и в которое так верю. Если бы люди чаще подходили друг к другу так, как мы с ним, то много в жизни можно было бы сделать хорошего, прекрасного и честного...»^[104]

В 1899 году Вячеслав Николаевич Тенишев был вызван в Петербург к Сергею Юльевичу Витте, министру финансов, торговли и промышленности Российской империи, он предложил ему быть генеральным комиссаром на Всемирной Парижской выставке, которая должна была открыться в 1900 году. Витте ценил В. Н. Тенишева, прозванного между своими, за свою неутомимую предприимчивость и деловитость, «русским американцем». Позже Сергей Юльевич писал: «Комиссаром этой выставки со стороны России был назначен мной князь Тенишев, весьма богатый человек, сделавший состояние собственным трудом, начав службу на железной дороге техником с содержанием в 50 руб. в месяц. Он в Париже очень широко устроился и по своим практическим знаниям был совершенно на месте. Сын этого Тенишева, теперешний член Государственной думы, был тогда еще мальчиком»^[105].

Именно на этой выставке Николай Рерих, живший тогда в Париже, был представлен княгине М. К. Тенишевой. Мария Клавдиевна, считая своего мужа неспособным разбираться в искусстве, заказала художникам Врубелю, Коровину, Давыдовой, Малютину, Головину и Репину расписать для Парижской выставки несколько балалаек, две из них оформила сама Тенишева. Илья Репин в последний момент отказался, чем поставил ее в неудобное положение. Выручил Врубель, сделав на две балалайки больше. На выставке был представлен целый балалаечный оркестр, который стал одной из диковин русского отдела. В Париже Мария Клавдиевна вынуждена была заниматься не только пропагандой русского искусства, но и сопровождать мужа на все приемы, куда бы его ни пригласили.

«Небывалой величины персонал Комиссариата, кроме дела, широко пользовался прелестями Парижа, — с грустью вспоминала М. К. Тенишева, — и даже положительные, серьезные отцы семейства так злоупотребили удовольствиями в столице мира, что, в конце концов, надорвали свои силы, вернулись в Россию больными, а иные даже поплатились жизнью... Мне на долю выпала самая неблагоприятная роль. Как жена главного комиссара, я изображала официальное лицо и должна была бывать на всех приемах, балах, предложенных нам французским правительством и иностранными посольствами, и принимать деятельное участие в ответных приемах. Такое времяпрепровождение... очень утомляло меня... Весь этот шум, тысячи незнакомых лиц, огромный водоворот, в котором я вращалась, и постоянное сознание, что это только фейерверк, мимолетное происшествие в моей жизни, что люди, с которыми мне много приходилось видеться, мало мне симпатичные и интересные, ничего общего со мной не имели, что все это было ненужное и ненастоящее, дело без начала и конца — все это было не

по мне, не по душе...»^[106]

В 1903 году В. Н. Тенишев умер, все его состояние перешло по наследству жене. Кроме сложного производства, осталось и огромное количество обязательств перед кредиторами и пайщиками, разобраться в которых Мария Клавдиевна смогла с большим трудом, но дела пропаганды народного искусства не предала.

Княгиня М. К. Тенишева долго уговаривала Николая Рериха приехать к ней и погостить в ее имении Талашкино, где часто собиралась передовая часть петербургских художников. Как она сама говорила, ей «хотелось оказать Николаю Константиновичу такой прием в Талашкино, чтобы оно ему понравилось, чтобы он полюбил его». Позже М. К. Тенишева признавалась, что втайне надеялась на то, что когда-нибудь он с семьей поселится по соседству. Она, как и многие, несколько переоценивала финансовые возможности семьи Н. К. Рериха.

«Мне всегда не хватало общения с человеком, живущим одними со мной художественными интересами, — писала в дневнике М. К. Тенишева. — Кроме того, Николай Константинович — страстный археолог, а я всю жизнь мечтала с кем-нибудь знающим покопаться в древних могильниках, открыть вместе страницу седого прошлого. Всякий раз, что я находила при раскопках какой-нибудь предмет, говорящий о жизни давно исчезнувших людей, неизъяснимое чувство охватывало меня. Воображение уносило меня туда, куда только один Николай Константинович умел смотреть и увлекать меня за собой, воплощая в форму и образы те давно прошедшие времена, о которых многие смутно подозревают, но не умеют передать во всей полноте. Я зову его Баяном, и это прозвище к нему подходит. Он один дает нам картины того, чего мы не можем восстановить в своем воображении...»^[107]

В день приезда Н. К. Рериха вместе с женой в имении княгини М. К. Тенишевой случился пожар, но это не омрачило дальнейшего пребывания гостей в Талашкино.

«В день приезда Елена Ивановна Рерих, утомленная дорогой, ушла к себе в десять часов, — писала в своих воспоминаниях Мария Клавдиевна, — а мы с Николаем Константиновичем сидели на балконе, выходящем в сад, в дружной беседе. Но мало-помалу разговор наш стал падать, мы сделались рассеянными, наблюдая за небом, которое вдруг, несмотря на поздний час, стало светлеть, становиться все алее и принимать красноватый оттенок. Я заметила, что освещение идет из-за дома, и, обеспокоенная, поднялась с кресла, говоря: „Не пожар ли это?“ И как бы в

ответ слышались крики: „Пожар“, забили в набат все талашкинские колокола в разных местах, забили в гонг, которым нас обыкновенно сзывают к столу... Мы бросились в залу, которая выходила на другой балкон во двор, и в окна увидали все деревья и здания усадьбы резкими черными силуэтами на фоне огромного яркого зарева. Мы выскочили на улицу, весь дом поднялся в смятении, все бросились бежать, крича друг другу: „Где пожар? Что горит?“ Дом опустел в один миг, но я не потерялась. Переловив всех собак, заперла в своей комнате, чтобы их в суматохе не передавили, и потом побежала на пожар. В первую минуту я ужаснулась, горело в стороне конского завода. Мысль, что, может быть, уже горят наши бедные лошади, до того взволновала меня, что я в уме решила, хоть с опасностью для жизни, выносить жеребят»^[108].

В этот день катастрофы не произошло.

«К счастью, однако, горел не конский завод, а два близ него стоящих сенных сарая, накануне набитые свежим сеном, — продолжала писать о пожаре М. К. Тенишева. — Чтобы у нас не было никакого сомнения в наличности злого умысла, подожгли оба сарая одновременно. Они отстояли довольно далеко один от другого и были разделены глубоким, заросшим травой рвом. Это был несомненный поджог. Тушить сено невозможно, и потому мы предоставили сараям догорать, и все свои силы направили только на охрану конского завода, самого близкого строения к огню. Елене Ивановне так и не удалось хорошенько отдохнуть. Она еще не ложилась, как поднялся шум и суматоха, и она снова вышла к нам. Мы все были так взволнованны, что почти до рассвета не расходились. Досадно было, что день приезда моих друзей омрачился такой крупной неприятностью»^[109].

Но именно из-за этого поджога и других неприятностей с крестьянами, для которых М. К. Тенишева в своем имении и на свои деньги открыла школу со множеством студий для развития народных ремесел, со своим театром и подсобным хозяйством, через год она оставила Талашкино и уехала в Европу.

Николаю Рериху долго не давало покоя то, что в 1903 году, на выставке «Современное искусство», ему так и не дали оформить свою комнату. Однажды в разговоре он предложил М. К. Тенишевой для пробы оформить сначала шкаф в одной из ее комнат в Талашкине. Уже 30 сентября 1903 года он писал Марии Клавдиевне: «...с особым удовольствием могу заняться сочинением расписного шкапика. Это будет мой первый опыт по художественно-прикладному пути. Можно ли ограничиться акварелью и рисунком, или же нужен и шаблон?»^[110] В конце концов, Николай

Константинович оформил в Талашкине целую комнату.

Н. К. Рерих придумывал эскизы шкафа для М. К. Тенишевой довольно долго. Через месяц Николай Константинович в письмах к Марии Клавдиевне все еще спрашивал о деталях: «Пожалуйста, известите меня, могу ли я при сочинении шкапика иметь в виду медные бляхи с добавлением узоров, или вещь должна быть только для дерева? Мне хочется сделать маленький шкапик; на поверхности его будут медные бляшки»^[111].

Уже наступил декабрь, а Николай Рерих все не знал, как убедить Марию Клавдиевну в том, что лучше оформить в одном стиле всю комнату, нежели делать эскизы для маленького шкафчика. И только после того, как благодаря ему в Обществе поощрения художеств прошла выставка изделий талашкинских мастерских, он уже смело заговорил об изготовлении фриза для одной из комнат дома в Тенишевой.

16 февраля 1904 года он писал Марии Клавдиевне о фризе: «...его можно выполнить по серому сукну шерстью, нитками и шелком с легкой подкраской»^[112].

Теперь идея оформить комнату в Талашкино увлекла и М. К. Тенишеву, тем более что в 1903 году она помогла организовать приезд на выставку «Современное искусство» своего друга, известного французского ювелира, Лалика и знала, что Н. К. Рериху не досталось свободной комнаты для воплощения своих замыслов по устройству стилизованного интерьера.

15 марта 1904 года Николай Рерих уже смело писал М. К. Тенишевой: «У меня явилась мысль набросать целую обстановку рабочей библиотеки, в которой мог бы быть фриз. Одно дело сочинять вещь-одиночку, но гораздо завлекательнее обдумывать целое, чтоб каждая вещь должна войти целесообразно органически необходимой частью. Посылаю Вам два наброска общего вида комнаты; все детали можно сделать отдельно и удобопонятно»^[113].

А уже через десять дней, когда подруга М. К. Тенишевой Елена Васильевна Сосновская случайно приехала в Петербург, проект библиотеки обрел общие очертания: «Ничего не имею против, если фриз будет написан, ибо по холсту можно очень красиво его написать — как русский гобелен. Для шкафа, печи, кресла, ковра, скатерти, занавесок, лампы и пр[очего] сделаю отдельные рисунки и воспользуюсь пребыванием Елены Васильевны, чтобы на словах пояснить разные предположения. Относительно пропорций предметов в каждом прошу Вас не стесняться, так как Вам виднее, и если признаете лучшим делать что-либо более

глубоким или плоским, то, пожалуйста, приказывайте, как найдете лучше»^[114].

В конце концов М. К. Тенишева согласилась и посчитала даже очень занятым, если такой большой художник, как Николай Рерих, возьмется оформить одну из ее комнат в древнерусском стиле. Обрадованный согласием М. К. Тенишевой, Н. К. Рерих 16 мая выслал ей большое количество эскизов возможных обстановок. К ним он приложил разъяснение: «Высылаю Вам 25 разных проектов. Если бы Вам показалось более удобным воспользоваться не для комнаты, а для отдельных предметов, то я ничего против не имею. Разные подробности размеров и техники я объяснил Елене Васильевне... Эскизы для шкафа, вероятно, будут немножко коротки, и края их можно немного вытянуть. Хорошо бы пока увидеть до резьбы только нарисованными на досках; в натуральной величине, вероятно, что-либо захотелось бы изменить, если покажется тяжеловатым. Хотя спокоен я за стол, малый коврик, занавески к окнам и дверям и скатерть. В каком положении дело с фризом? Пишется ли он и каким способом?»^[115]

К концу года обстановка и оформление библиотеки в усадьбе Талашкино по проекту Н. К. Рериха были закончены. Стены библиотеки украсили три фриз: «Охота на Моржей», «Олени» и «Пляски», они изображали северные мотивы и были выполнены в керамике, поэтому несколько отличались по колориту от эскизов. Возможно, если бы М. К. Тенишева не уехала из России в Париж на несколько лет из-за начавшихся беспорядков, то Рериху удалось бы создать еще несколько интерьеров для талашкинского господского дома.

Через много лет Николай Константинович вспоминал о М. К. Тенишевой:

«Может быть, с моей оценкою не согласятся те, которые знали Марию Клавдиевну извне, среди условно-общественных улыбок. Именно в ней искание жило так напряженно и глубоко, что сущность его далеко не всегда она выносила наружу. Чтобы узнать эту сторону ее природы, нужно было встречаться с нею в работе, и не только вообще в работе, но и в яркие созидательные моменты работы... Действительно, всю душою она стремилась охранять ценные ростки знания и искусства... Посмотрим итоги, что Мария Клавдиевна сделала. Она дала городу Смоленску прекрасный музей, многим экспонатам которого позавидовал бы любой столичный музей. Она дала Русскому музею прекрасный отдел акварели, где наряду с русскими художниками были представлены и лучшие

иностранные мастера. Но тогдашняя администрация музея не поняла этого широкого жеста, и чудесные образцы иностранного искусства не были приняты, точно мы не можем мыслить шире мертвых рамок. Вспомним и другой случай крайней несправедливости. Смоленская епархия, с благословения епископа, назначила к продаже с аукциона церковные предметы из Смоленской соборной ризницы. Мария Клавдиевна, стремясь сохранить эти ценные предметы для Смоленска, послала хранителя своего музея Борщевского для приобретения с публичного аукциона этих церковных художественных предметов. Вместо признательности за действие на пользу города Смоленска некий генерал Б. в печати оклеветал Марию Клавдиевну за „разграбление Смоленской ризницы“. Дело дошло до суда, и, конечно, клеветник был посрамлен. Но это показывает, как обстояло дело и какие нападения приходилось выносить собирательнице для народной пользы.

Сколько музеев сохраняет память о Марии Клавдиевне! Музей Общества поощрения художеств, Музей Общества школы Штиглица, Музей Московского археологического института и многие другие хранилища сохранили в себе приношения Марии Клавдиевны. А сколько школ было создано или получало нужную поддержку! Наконец — художественное гнездо Талашкино, где Мария Клавдиевна стремилась собрать лучшие силы для возрождения художественных начал.

Вспомним, как создавались художественные мастерские в Талашкине. Вспомним воодушевляющие спектакли. Вспомним посылки учеников за границу. В ту самую мастерскую, которая затем оказалась жилищем Марии Клавдиевны. Вспомним все меры, предпринятые Марией Клавдиевной к поднятию художественной промышленности и рукоделия в смоленском народе»^[116].

Последним, что переполнило чашу терпения Марии Клавдиевны, было то, что, когда, уже переехав в Смоленск, она попыталась для сохранения своей талашкинской коллекции народного искусства открыть в городе Музей русской старины, вся местная администрация выступила с резкой критикой этой идеи. В 1903 году Марии Клавдиевне пришлось преодолеть огромные бюрократические препоны, чтобы получить разрешение на строительство. А когда в 1905 году музей наконец-то был открыт, он породил в городе нездоровые толки и недовольство, и в конечном счете вся инициатива М. К. Тенишевой привела к тому, что против нее возбудили судебное дело, основанное на вымышленных фактах и обвинениях.

Княгиня М. К. Тенишева вернулась из Парижа в Талашкино только в 1908 году, именно тогда у Марии Клавдиевны возникла идея закончить

росписи усыпальницы церкви Святого Духа, построенной для своего умершего мужа во Фленове, недалеко от Талашкино. Церковь, созданная по проекту С. В. Малютина, так и осталась незаконченной. Росписи стен не были осуществлены из-за беспорядков 1905 года. Но после многих жизненных невзгод и предательств друзей Мария Клавдиевна посчитала, что Николай Рерих единственный художник, который мог бы должным образом оформить церковь, выполнить новые росписи и мозаики. Именно с такой просьбой обратилась М. К. Тенишева к Николаю Константиновичу.

Начиная с 1908 года и по 1912 год Н. К. Рерих трудился сначала над эскизами, а затем непосредственно над росписями стен церкви Святого Духа. В 1910 году Н. К. Рерих закончил работу по созданию мозаик, и в Петербургской мастерской В. А. Фролова был размещен заказ. Николай Константинович лично приезжал в мастерскую и заключал договор на исполнение работ: «Принят мною от Н. К. Рериха заказ на исполнение мозаикой образа Спаса Нерукотворного с предстоящими ангелами мерою около 80 кв. аршин для фасада храма в имении кн. М. К. Тенишевой в Смоленской губ. на сумму 7000 руб. Оригинал образа, а также и картон в натуральную величину предоставляется мне заказчиком. Мозаика должна быть исполнена прочной, точно по оригиналу, причем работы производятся под наблюдением и с одобрения Н. К. Рериха. Прочность мозаики устанавливается сроком на три года, в течение которых я отвечаю (починками) за цельность исполнения работы...»^[117]

Каждый год часть лета Н. К. Рерих с семьей жил и работал в Талашкине. Жена художника Елена Ивановна вспоминала:

«В 1911 году мы проводили лето в Смоленской губернии в имении княгини Марии Клавдиевны Тенишевой, где Николай Константинович с помощниками и учениками расписывал храм. В начале августа Николай Константинович должен был по делам съездить в Петроград. Накануне отъезда он мне сказал:

— Мне очень хотелось бы знать, что нам делать с таким количеством купленных [ценных] бумаг? Постарайся увидеть во сне.

Наутро на вопрос, видела ли я что-либо, я сказала:

— Не видела, но слышала голос, сказавший мне — все бумаги продать.

Николай Константинович уехал с твердым намерением продать все бумаги. Но по приезде в столицу, когда он поведал о своем намерении знакомым банкирам и друзьям, все определенно восстало против такого решения и сказали ему:

— Не продавать нужно, но покупать, все бумаги стремительно идут

вверх.

В результате таких настояний и советов Николай Константинович купил еще бумаг, а через несколько недель произошел инцидент, вызвавший Балканскую войну, и все ценности стремительно полетели вниз»^[118].

Росписи в церкви Святого Духа выполнялись по приклеенному к штукатурке холсту, и поэтому, когда обнаружилось, что стены из-за неудачного фундамента сыреют, а фрески портятся, в 1914 году княгиня М. К. Тенишева вызвала Рериха в Талашкино. Николай Константинович приехал вместе со своим братом Борисом, и они попытались спасти внутреннее убранство храма. Но никакие меры, предпринятые разными архитекторами и художниками, к сожалению, не помогли. В конце концов фрески погибли.

ОСЕННИЕ САЛОНЫ В ПАРИЖЕ

В 1906 году Сергей Дягилев, один из основателей объединения «Мир искусства», при поддержке княгини М. К. Тенишевой, открыл в Париже на Осеннем салоне выставку русского искусства, на которой, при сильном противодействии С. П. Дягилева и А. Н. Бенуа, Н. К. Рерих смог представить только 16 своих картин.

Для С. П. Дягилева это было первое серьезное предприятие, принесшее ему известность в Европе, успех и необходимые связи в высших кругах. Причина, по которой С. П. Дягилев решил устроить русскую выставку в Париже, вначале была чисто личной. Как писал об этом Сергей Лифарь: «После пятнадцатилетней крепкой, неразрывной и интимной дружбы, в феврале 1905 года он поссорился с Димой Философовым. Личные отношения Дягилева, Димы Философова и Валечки Нувеля в это время так перепутались, что вряд ли они и сами хорошо понимали их... Как бы то ни было, но Валечка Нувель выдал Диму Философова, сказав Дягилеву, что тот отбивает у него его друга Вики, поляка-студента. Узнав об этом предательстве Димы, Дягилев тотчас же отправился в ресторан Донона, где, он знал, должен был быть Д. В. Философов. Д. В. Философов действительно сидел у Донона с З. Н. Гиппиус-Мережковской, ужинал и вел с нею религиозно-философские разговоры. Дягилев влетел в отдельный кабинет и нарушил их tête-à-tête такой ужасающей сценой, что лакеи повыскакивали отовсюду, произошел грандиозный скандал — и Дягилев с Философовым не только перестали дружить, но и не кланялись друг другу. Весною 1906 года Дягилев с секретарем Мавриным уехал в заграничное путешествие — в Грецию, Италию, Францию и Германию... — завоевывать Европу»^[119].

Специально для Парижского салона был подготовлен альбом-каталог. Во вступительной статье Александр Бенуа писал, что эта выставка дает представление об историческом развитии русского искусства, так как в картинах художников «имеется общность, которая совершенно отлична от того, что обычно понимается под русской сущностью»^[120]. Конечно, решивший во что бы то ни стало завоевать Европу, С. П. Дягилев не мог оставить каталог без своего, хотя бы маленького, предисловия.

«Цель настоящей выставки, — писал Дягилев, — не заключается в том, чтобы полным и методически добросовестным образом представить все русское искусство в различные эпохи его развития. Выполнение

подобной задачи представило бы непреодолимые трудности и сомнительную пользу. Многие имена, некогда знаменитые, потеряли в настоящее время свою славу — одни временно, другие навсегда. Очень многие художники, которым их современники придавали преувеличенное значение, кажутся теперь лишенными всякой ценности, так как они не оказали никакого влияния на современное нам искусство. Этим-то и объясняется сознательное отсутствие произведений многих художников, которых слишком долго рассматривали на Западе как единственных представителей художественной России и которые слишком долго искажали в глазах европейской публики истинный характер и настоящее значение национального русского искусства. Настоящая выставка представляет собою обзор развития нашего искусства, как его видит новый глаз. Все, что только оказывало непосредственное влияние на современное мировоззрение нашей страны, представлено на ней. Это верный образ художественной России наших дней с ее искренним порывом, с ее почтительным восхищением перед прошлым и с ее пламенной верой в будущее».

Но о Николае Рерихе и о его искусстве в этих статьях не было ни слова. Несмотря на все это, Рерих хотел, чтобы его картины все же попали в этот альбом, и написал меценату выставки М. К. Тенишевой письмо с просьбой узнать принцип составления каталога.

В октябре 1906 года из Парижа М. К. Тенишева ответила Николаю Рериху:

«...Насчет альбома — заведуют Бакст и Бенуа, и по их указанию будут выбраны 50 картин. Как я жалею, что Вы не похлопотали для этой выставки, чтобы попали на нее „Иноземные гости“ от государя и „Древняя жизнь“ от Щербатова... В „Figaro“ ничего посылать нельзя, потому что Ars'ene Alexandre уже написал свой отзыв, и вообще „Figaro“ весь к услугам [великого князя] Владимира Александровича, над которым властвует Дягилев. Вероятно, он метит на место [И. И.] Толстого, которого превосходно обошел...

Да, вот я верю, что если бы влить теперь свежей крови, свежее веяние в художественные дела, то эта узкая корпорация, захватившая все позиции, могла бы пошатнуться...»

Княгиня Тенишева была недовольна поведением нагловатого С. П. Дягилева, а после того как в Петербурге распространились слухи, что его в скором времени назначат на пост вице-президента Академии художеств, вместо И. И. Толстого, стала даже опасаться давления со стороны С. П. Дягилева и его друзей. Петербургские газеты всерьез обсуждали возможное

назначение. Так, газета «Слово» 3 августа 1907 года писала:

«...В карьере г. Дягилева, кроме выставки портретов и выставки произведений русских художников за границей, трудно отметить что-либо значительное, которое имело бы серьезное влияние на развитие русского искусства, если совершенно беспристрастно разобраться во всем, что сделано этим художественным деятелем. Можно представить себе, во что обратится наша академия, когда бразды правления перейдут к г. Дягилеву, человеку партийному и, в убеждениях своих художественных, крайнему!»^[121]

Но когда стало ясно, что слухи остались только слухами и никакого назначения даже и не планировалось, Мария Клавдиевна Тенишева решила по-своему устроить в следующем 1907 году выставку русского искусства на Осеннем Парижском салоне. На этот раз на выставке было представлено более 130 картин Николая Рериха и «никакие дягилевы и бенуа» помешать этому уже не могли.

3 июня 1907 года из Парижа княгиня М. К. Тенишева писала Н. К. Рериху:

«В Вашем письме от 24 мая Вы говорите, что у Вас накопилось 135 номеров для выставки. Не забывайте, прошу Вас, что зал, в котором мы будем выставять, невелик, и если присоединятся к нам Головин, Нестеров и Билибин, то места едва хватит. Помните, я как-то написала Вам, что французы ценят только творения индивидуальные на национальной почве. Посылаю Вам вырезку из „Gazette des beaux arts“ — разбор наших композиторов, как видите, и в музыке повторяется то же самое, что и с картинами. Дягилеву и Бенуа, в особенности последнему, такие статьи, что черту ладан, а я ликую и радуюсь!

Будет страшно жаль, если наши художники поступят, как всегда, то есть в последнюю минуту откажутся. Случай этот — выставить здесь настоящее русское искусство после двух художественных салонов — едва ли повторится, и я более чем уверена, что успех этой национальной выставки будет большой... Яковлева не знаю, да он только пишет дифирамбы Дягилеву! Не думаю, что ему дадут дойти до меня!...»^[122]

Но С. П. Дягилев не собирался так просто отдавать в руки М. К. Тенишевой «Осеннюю русскую выставку», принесшую ему мировую известность. Он всеми силами пытался заставить художников отказаться от участия в ней, и отчасти ему это удалось.

«...Дягилев... будто бы сказал, что он не позволит Головину выставлять у меня его собственность, т. к. это его декорации»^[123], —

писала Рериху Тенишева. Она с трудом справлялась с интригами С. П. Дягилева и его друзей. Княгиня просила Николая Константиновича срочно приехать в Париж, чтобы помочь открыть «Осенний русский салон». Тем более что уже пришлось отказаться от организации выставок в Лондоне и Брюсселе, а Парижская была на грани срыва. По поводу всех этих перипетий архитектор барон Константин Константинович Рауш фон Траубенберг писал Николаю Рериху:

«Как Вы были правы, Николай Константинович, убеждая меня, что с русской братией пива не сваришь! И что организаторам, если они не обладают грубостью Дягилева, приходится бросать лучшие начинания»^[124].

Н. К. Рериху пришлось ввязаться в это противоборство М. К. Тенишевой и С. П. Дягилева, так как салон состоял большей частью из его картин, и он не смог отказать княгине в ее просьбе о помощи. 31 октября (13 ноября) 1907 года Мария Клавдиевна писала из Парижа Н. К. Рериху:

«Сегодня, наконец, после Вашей ответной депеши, я поняла, что с Головиным больше ничего не выйдет. Возмутительное отношение, лучше сказать — нахальное, меня утвердило в мысли, что с этими людьми навеки все кончено... Больше ждать мне нельзя, пора приступить к каталогу, типография пристаёт, и если будет каталог дурно исполнен, свалят на задержки с нашей стороны. Каталог издаст художественный журнал „Art d’ecoratif“, хотят сделать хорошо, а для этого нужно время. Теперь не задержите с ценами, пришлите скорее.

Откроем выставку 4-го декабря. Надеюсь, что на это время Дягилев уедет из Парижа, а то, того и гляди, он напакостит. Все больше и больше убеждаюсь, что мы с Вами остались одни...»^[125]

Николай Константинович, бросив все свои дела, поехал в Париж. Из Парижа за день до открытия выставки он писал своей жене:

«Среда 8 час. утра

Милый Мисик, как-то все у Тебя? Устройство выставки кончено. Сегодня придут уже всякие писатели. Кажется, отзывы будут хороши. Пока княгиня оставляет за собою три моих эскиза ангелов — на желтом фоне — нынешнего лета. У Билибина она берет почти всю сказку о Салтане.

Видел Голубеву — она очень постарела. По рассказам Маковского, видимо, — все глупости. Сегодня буду у Щукина — Мережковский читает своего Павла I. А завтра — страшный день. Разослано 3500 приглашений.

Сейчас еду заказать спальное место на воскресенье. К вечеру устаю очень — это топтанье на одном месте очень утомляет. Жакен взял себе 7

Принцесс. Denis Roche берет Березы... Пусть Маковский не забудет написать в Сецессион, чтобы они и эмали княгини прислали. Приехать мне было необходимо — иначе княгиня бы расстроилась. Теперь очень довольна. Пиши, как у Тебя?

Целую всех крепко. Думаю сходить к доктору — говорят, очень хороший. Целую Николай Рерих»^[126].

Париж наконец признал Н. К. Рериха. Его картины на выставке, организованной М. К. Тенишевой, имели большой успех. В первый день было продано сразу 10 картин.

22 ноября 1907 года Николай Константинович восторженно писал своей жене из Парижа:

«Четверг. 6 часов вечера. Милый и дорогой Мисик.

Сейчас было открытие. Хорошо обошлось. Много народу. Отзывы прямо восторженные. Голубевы взяли этюд (400 фр.). Княгиня [М. К. Тенишева] — ангелов (450 фр.). Архитектор [Павел Федотович] Алёшин — Руслана (180 фр.). В субботу будет Министр. Завтра начнется пресса!

Спешу послать. Из... посольства никого не было. Верно, Принцесса надула. Поклон от де Прекура Ривьера, Жакена.

Целую крепко, Майчик.

Завтра — у доктора. Де Прекур Ривьер — князю [П. А. Путятину] поклон. Страшно устал — с 1 часа до 6 часов на ногах»^[127].

В Париже Рерих пробыл недолго, он даже не остался на закрытие выставки, но успел побывать на первом чтении, ставшей впоследствии знаменитой, драмы Дмитрия Мережковского «Павел I», вошедшей в трилогию «Царство зверя», и познакомиться с поэтом Николаем Гумилевым. Успех Парижского салона был грандиозный, но был и скандал. Сергей Дягилев подговорил К. Е. Маковского написать разгромную статью о выставке Тенишевой. Вместо статьи 29 ноября в «Петербургской газете» вышло интервью, где среди прочего приводились такие слова К. Е. Маковского:

«Подобного безобразия я в жизни не видел... Выставка состоит из картин, написанных в каких-то серых, грязных тонах и повешенных вперемежку с разными тряпками, изделиями княгини Тенишевой»^[128].

Николай Рерих был расстроен таким отзывом о своих картинах, которых на выставке было более ста тридцати, и 2 декабря 1907 года в газете «Слово» появилось другое интервью, названное журналистом Н. Г. Небуевым «Негативы». Николай Рерих отвечал Константину Егоровичу Маковскому: «Я возмущен, взбешен, хотя это на меня вовсе не походит.

Бесит меня русская скверная привычка — вредить всему русскому, пользуясь для этого хотя бы клеветой... Ведь все от строки до строки неправда, что он говорит про выставку княгини Тенишевой... Не мне, конечно, говорить о достоинстве картин, выставленных там мною и Билибиным, — нас только двое, но мы представлены полно. Но я считаю долгом отметить, насколько французы заинтересованы нами. И у меня, и у Билибина французское правительство купило по картине для музея Люксембургского. Купило в конце года, в декабре, когда обычно никаких покупок не делается... Из тенишевских „тряпок“ в первый же день продано на 3000 франков. Да публикой куплено в первый день у меня 10 картин, а у Билибина — 8. Подобного успеха никто из участников не ожидал. Да и не мог ожидать... Исполать ей [Тенишевой] за то русское дело, которое она совершает на чужбине, не слыша от своих соотечественников ничего, кроме непонятной, ни на чем не основанной травли... Из истории русского искусства Талашкина не выкинуть. Особенно теперь, когда оно так нашумело в Париже»^[129].

В это время Е. К. Святополк-Четвертинская, подруга княгини Тенишевой, писала Н. К. Рериху об успехе выставки:

«9/22 декабря 1907 г. Париж

...Последние новости — это, что три дня назад приезжал посол с г. Нелидовой. На выставке много народу. Вышивки все распроданы. Через неделю закрытие... Вообще, французы довольны этой выставкой, говорят „не банально“... Вот Билибина совсем не заметили на выставке Дягилева, а теперь говорят, что его значение будет как Walter Crane'a...»^[130]

Вскоре после знакомства Николая Рериха со своим тезкой Николаем Гумилевым в журнале «Весы» появилась статья поэта, описывающая эту встречу и саму выставку:

«„Выставка нового русского искусства в Париже“ 5 декабря н. ст. состоялась l'inauguration^[131] выставки нового русского искусства в Париже. Нужды нет, что в ней участвуют всего пять артистов и что помещение на rue Caumartin^[132] очень мало, — оригинальность замысла, дополненная большим художественным вкусом, искупает все. Устроители хотели здесь представить ту часть русского искусства, которая занимается воскрешением старинного стиля и, что еще интереснее, — старинной жизни. Поэтому здесь старательно изгнан элемент антикварности или подражательности, и художники еще раз хорошо доказали мысль, что тот, кто действительно поймет и полюбит русскую старину, найдет ее только в своем воображении.

Королем выставки является, бесспорно, Рерих. Мне любопытно отметить здесь его духовное родство с крупным новатором современной французской живописи Полем Гогеном. Оба они полюбили мир первобытных людей с его несложными, но могучими красками, линиями, удивляющими почти грубой простотой и сюжетами, дикими и величественными, и, подобно тому, как Гоген открыл тропики, Рерих открыл нам истинный север, такой родной и такой пугающий.

Из больших картин Рериха наиболее интересна изображающая „Народ курганов“, где на фоне северного закатного неба и чернеющих елей застыло сидят некрасивые коренастые люди в звериных шкурах; широкие носы, торчащие скулы — очевидно, финны, Белоглазая Чудь. Эта картина параллельна другой, бывшей в Salon d'Automne^[133]. Там тоже северный пейзаж, но уже восход солнца, и вместо финнов — славяне. Великая сказка истории, смена двух рас, рассказана Рерихом так же просто и задумчиво, как она совершилась, давно-давно, среди жалобно шелестящих болотных трав.

„Песня о викинге“ — вещь изысканная по благородству красок, серых, синей и бледно-оранжевой: от сбегающего вечера еще суровее старые стены дедовского дома, белокурая грустная девушка поет о ком-то далеком, а перед нею, среди сверкающего облака в яростной схватке сшиблись две призрачные ладьи.

„Сокровище Ангелов“ — камень с изображением дракона на одной стороне и распятого человека на другой. Это — вековое сопоставление добра и зла, и его ревниво охраняют толпы ангелов, прелестных ангелов XII века монастырской России.

Интересна была мысль поставить рядом Рериха и Билибина, одного — как представителя скандинавских и отчасти византийских течений в русском искусстве, другого — как поборника течений восточных. Билибину удалось создать ряд вещей чарующих и нежных, *des petites merveilles*^[134], как сказал один известный француз, говоря о его картинах. Наверно, такие же грезы смущали сон Афанасия Никитина, Божьего человека, когда, опираясь на посох, он шел по бесконечным степям к далекому и чудесному царству Индейскому. Былина о Вольге, это самое величественное произведение русского духа, нашла в Билибине чуткого ценителя и иллюстратора, передавшего всю ее своеобразную красоту. Кроме „Вольги“ на выставке есть его иллюстрации к „Золотому петушку“, „Царю Салтану“ и вещи, рисованные для „Золотого руна“.

Княгиня Тенишева выставила свои эмали и керамику и, кроме того,

работы крестьянок Смоленской губернии, сделанные под ее наблюдением. Она и проповедуемое ею крестьянское искусство имеют большой успех в Париже, так что многие вещи уже проданы, некоторые даже французскому правительству.

Два остальных экспоната — архитектор Щусев и скульптор барон Рауш фон Траубенберг — выставили очень мало, но оба, особенно последний, обнаруживают вкус и любовное изучение старины.

Выставка, несмотря на свою миниатюрность, производит вполне законченное впечатление»^[135].

Выставка, о которой так восторженно писал Николай Гумилев, была организована княгиней уже после забастовки и пожара, случившегося в школе народных ремесел в ее имении. Княгиня переехала в Европу вместе со своей подругой Екатериной Константиновной Святополк-Четвертинской. Вспоминая об этом смутном времени, Мария Клавдиевна писала:

«1905 год... Закрывает мастерские и стала готовиться к отъезду. Я чувствовала, что в Талашкине мне делать больше нечего, и каждый день, проведенный в этом запустении, в этом вдруг замолкшем улье, который иначе и представить себе нельзя было, как кипящим жизнью и деятельностью, только еще больше растравлял меня... С тех пор Талашкино мне постыло, сердце оторвалось от него.

За последнее время в моих мастерских царил разлад. Из-за малейшего пустяка рабочие возмущались, выражали недовольство, происходили какие-то объяснения, целой гурьбой уходили, чтобы отстоять одного, снова возвращались, но становились на работу неохотно. Работа не клеилась, стоило только отвернуться, как все бросают работу, о чем-то кучкой разговаривают... Нет сомнения, что это была стихийная буря, пролетевшая над Россией, что многое свершилось под ее влиянием, что много людей было захвачено ею даже против воли, но все же я скажу, что моя школа разрушилась от преступного и безнравственного отношения учителей... Потом стало известно, что они всей душой были в движении — у нас выписывались огромные тюки прокламаций и раздавались ученикам...

Преступники, преступники... Слепые, бессовестные люди... Это те, которые ратуют за народ, кричат о благе народа — и разрушают с легким сердцем то немногое, те редкие очаги культуры, которые создаются тяжелыми единичными усилиями отдельных лиц. Разрушают то, что было сделано для этого народа с любовью, инициативой и большими денежными затратами. Сами-то они что могут дать народу? Да и любят ли они его действительно? Не есть ли это просто желание показать себя, играть

какую-то роль? И вот берутся учить тому, чего они сами еще хорошо не понимают, до чего сами еще недоразвились... Собравшись налегке, не уверенные в том, доедем ли мы до границы, мы двинулись в путь: я, Киту, ее мать кн. Е. И. Суворова, Лидин, две горничные, Булька, все с крошечным багажом. Запершись в купе, я горько плакала, прощаясь с Россией, не зная, увижу ли я ее снова... Позади осталось все, что я любила, вся моя работа, все, чем жила и с чем думала дожить до последнего часа своей жизни, чему хотела послужить до конца... Позади одни сожаления, разбитые надежды, страх и чувство горькой обиды... Впереди — туман, неизвестность... Точно жизнь кончилась, и не за что было уцепиться самой маленькой надежде...

В каждом вагоне было по два солдата. Из вагонов третьего класса неслись песни и крики. На каждой станции были слышны споры, брань, истерики. Публика, заждавшаяся на станциях, почти с бою брала вагоны. Поезд тянулся медленно, уже не по расписанию, а как Бог даст. Да и не могло быть уверенности в исправности пути. Приехав в Двинск, мы пересели в норд-экспресс. Нас уверяли, что он дойдет только до Вильны (в сущности, никто ничего не знал), и мы уже стали строить планы, как в Вильне найдем лошадей и поедем до границы. Однако в Вильне мы узнали, что поезд проследует дальше. Наконец, переваливши границу, мы вздохнули свободно, почувствовав себя в тихой и благоустроенной стране и обрета твердую почву под ногами...»^[136]

Придя в себя после пережитого в России, княгиня Тенишева не могла сидеть сложа руки. Обосновавшись в Париже, она продолжала пропагандировать русскую старину и народные ремесла.

«На следующий год я надумала показать Парижу талашкинские произведения и познакомить его с кустарными работами наших крестьянок, — вспоминала Мария Клавдиевна. — Я выписала все оставшиеся у меня на руках после закрытия „Родника“ и мастерских вышивки и деревянные изделия, наняла залу на „рю Комартен“ (Société des artistes modems^[137]) и устроила выставку, носящую национальный характер. Кроме того, я пригласила участвовать Рериха, который выставил несколько картин, Билибина, приславшего несколько акварелей, Щусева и Покровского, давших талантливые эскизы церквей.

Оставалось несколько дней до открытия, как вдруг на меня напал страх. Я не была избалована успехом подобных предприятий у себя на родине, и мне снова почудилось, что эта выставка возбудит обидные насмешки, иронические улыбки, недоумевающие взгляды, что она встретит

полное непонимание моих намерений, меня снова будут критиковать и ругать газеты... Снова заняли у меня те же места в душе, вспомнилось, что все мои попытки и начинания в России объяснялись только фантазерством, честолюбием, капризами избалованной женщины. Я снова пережила все эти обвинения. Испытав во Франции необычайный успех в других предприятиях, я не хотела бы подставлять спину под новые удары. Мне сразу стало так страшно за свое смелое предприятие, что в самую последнюю минуту я уже хотела дезертировать, была готова заплатить за залу, но только чтобы отказаться от выставки. Тут уж меня поддержали окружающие, предсказывая успех, и не дали мне отступить.

На открытие я разослала приглашения, и приехало много любопытных, которые давно слышали о моих планах. Успех выставка имела с первого дня, вещи понравились, заинтересовали и художников, и профанов, раскупались очень бойко, так что я с радостью убедилась в неосновательности своих страхов. Вся пресса единодушно заговорила о нашей выставке в самых лестных выражениях. Среди покупателей промелькнуло множество известных лиц, художников, коллекционеров, любителей, артистов, как, например, Сара Бернар и художник Кларен, который так восхитился моей выставкой, что протрубил о ней всюду, и один привел много публики. Не было дня, чтобы он не являлся на выставку и не уносил с собой какой-нибудь вещицы. Торговля шла так бойко, что скоро ни одного предмета не осталось. Я, конечно, не выручила затраченных денег, даже части их, но, несмотря на это, мне был очень приятен сочувственный прием нашему родному искусству.

Меня просили устроить вторую подобную выставку, но, к сожалению, у меня не хватало больше материала, так как подобная же выставка в Праге совершенно истощила мои запасы, возобновить же их было уже невозможно, да и негде, потому что мастерские мои больше не работали и „Родник“ был закрыт. В Праге к моей выставке отнеслись не только сочувственно с художественной стороны, но настолько же оценили в ней проявление национального чувства, увидали в ней желание послужить своей родине. Несмотря на то что меня там не было, я получила оттуда от разных, совершенно незнакомых мне людей самые лестные, сочувственные письменные и газетные отзывы.

Из всего того, что мне писали за эти годы французы, англичане и чехи, можно было бы составить целую книгу похвальных отзывов»^[138].

ТЕАТР

В декабре 1907 года, после успеха на Осеннем салоне в Париже, Н. К. Рерих заявил о себе как серьезный театральный художник. «Старинный театр», только что созданный в Петербурге Н. Н. Евреиновым и Н. В. Дризенем, пригласил его оформить спектакль по пьесе Евреинова «Три волхва», написанной по мотивам старинной латинской рукописи второй половины XI века. Театр открывал свой сезон серией одноактных пьес, первой из которых была «Три волхва». Спектакль делался с размахом, на сцене должно было находиться более ста артистов, которые воссоздавали унисонное пение XI века.

Перед Н. К. Рерихом была поставлена сложнейшая задача — создать такие декорации, чтобы огромное количество артистов могло не только петь, но и хоть как-то двигаться на небольшой сцене зала Кононова, арендованной Н. Н. Евреиновым и бароном Н. В. Дризенем. Музыку восстанавливали по старинным нотам композиторы И. А. Сац, А. К. Глазунов и профессор консерватории Л. А. Сакетти.

Декорации Николая Рериха представляли собой сумрачное нагромождение каменных зданий средневекового города с папертью храма на переднем плане. Спектакль состоял из трех небольших пьес: пролога XI века «Три волхва», в оформлении Н. К. Рериха, пастурели XIII века «Игра о Робене и Марион», в оформлении М. В. Добужинского, и миракля XIII века «Действо о Теофиле», над переводом которого трудился Александр Блок, в оформлении И. Я. Билибина.

Вся сложность постановки «Трех волхвов» заключалась в том, что на паперти собора должна была разместиться огромная толпа, изображающая изнуренный и измученный болезнями народ, собравшийся с ночи, в ожидании чуда исцеления, а по краям сцены — полуголые самобичеватели. Занавес поднимается. Восходит солнце, и начинается религиозная мистерия. На паперти, в окружении толпы, исполняется спектакль в стиле XI века и после слов актера, изображающего Ирода: «Пусть истребят мечом младенцев!» — большая толпа статистов, находящаяся на сцене, в беспорядке и с фанатизмом бросается на паперть церкви, чтобы разорвать ненавистного Ирода. Тут гаснет свет, и первая сцена спектакля заканчивается.

Во время такого беспорядочного действия некоторые декорации могли не выдержать и разломиться на глазах у публики. Николай Рерих

самолично проверял их надежность, боясь провала первого в своей жизни серьезного спектакля. И провал спектакля произошел, но вовсе не из-за слабости декораций, а из-за плохой игры актеров и огромного количества плохо обученных статистов. Зато публика обратила внимание на декорации Н. К. Рериха. Спектакль вовсю ругали, обвиняли в бездарности Н. Н. Евреинова, а Николая Рериха хвалили на все лады, сокрушаясь, что режиссер так испоганил великолепные декорации художника плохой игрой молодых актеров. И хотя некоторые театральные критики и отмечали новаторство «Старинного театра», публика все же отказалась поддерживать подобного рода эксперименты. Устроители так и не смогли больше продать билеты ни на второй, ни на третий спектакли, несмотря даже на то, что специально для постановок были изготовлены старинные инструменты — всевозможные монохорды, органиструмы, гамбы, а оркестру «Старинного театра» пришлось немало потрудиться, прежде чем освоить игру на столь непривычных инструментах.

Сергей Маковский в одной из своих статей писал об этой постановке: «Пролог Евреинова — бледная попытка оригинального творчества и яркий диссонанс в общем созвучии театра. „Действо о трех волхвах“ не спасли даже превосходные декорации Рериха, красивое богатство костюмов и глубоко впечатляющая музыка по подлинному тексту XI века».

Театр Н. Н. Евреинова сумел показать публике два представления и просуществовал недолго. Не было достаточных сборов, чтобы заплатить многочисленной толпе артистов. Только в мистерии «Три волхва» было задействовано более ста человек. Именно из-за большого количества статистов этот спектакль не участвовал в московских гастролях весной 1908 года. В том же году, накануне закрытия театра, в «Московском еженедельнике» появилась статья Александра Бенуа, в которой он писал о своих товарищах из «Мира искусства», принявших участие в постановках Н. Н. Евреинова, и о труппе театра. По его словам, это были «любители, юноши-студенты, впервые попробовавшие свои силы на подмостках», поэтому, «за исключением первых спектаклей, зал пустовал»^[139].

Во время работы над декорациями в «Старинном театре» Н. К. Рерих сблизился с поэтами Александром Блоком и Сергеем Городецким, они тогда переводили две старинные французские пьесы XIII века. В этом же году вышла в свет первая поэтическая книжка Сергея Митрофановича Городецкого «Ярь», оформленная Рерихом. Одно стихотворение — «Славят Ярилу» — было посвящено Николаю Константиновичу:

Дубовый Ярила

На палке высокой
Под деревом стал,
Глазами сверкал.
Удрас и Барыба —
Две темные глыбы —
Уселись рядом.
Покрыты холстами,
Веселые жрицы
Подходят.
И красны их лица,
И спутан их волос,
Но звонок их голос!..
«Удрас, Удрас...»

Через много лет Сергей Городецкий рассказывал своим ученикам, что обложке, выполненной Рерихом, он придавал мистическое значение и даже потом, в первом томе своего собрания сочинений, вновь использовал рисунок Н. К. Рериха, считая, что это защищает его талант от дурного глаза. Один из учеников С. М. Городецкого, Л. А. Дубаев, вспоминал:

«Когда разговор зашел о первых книгах, он распахнул дверь соседней комнаты, и мы вошли в святую святых — его библиотеку, которая поразила изобилием стеллажей, заполненных книгами и журналами, большая часть которых была издана еще в прошлом столетии. Здесь дышала сама история „серебряного века“ русской поэзии. Сергей Митрофанович бережно достал с полки свою первую книгу, ту самую, о которой восторженно отзывался Блок и немало добрых слов высказывал Брюсов. Погладив ладонью обложку и задумавшись о чем-то далеком, он как-то торжественно произнес: „А знаете, молодые люди, кто оформлял эту мою первую книжку? Это был великий Рерих...“ Он перевернул несколько страничек и стал читать стихотворение „Славят Ярилу“. Но уже после первых строк глаза его увлажнились, он вздохнул, положил книгу на стол, прикрыл ее дрожащей ладонью и тихо произнес:

— Эта книга стала моим счастливым талисманом!»

Неудачи «Старинного театра» не подрывали авторитета режиссера А. А. Санина, именно его пригласил Сергей Дягилев в Париж для своих, ставших впоследствии знаменитыми, «Русских сезонов». В Гранд опера Санин поставил несколько русских спектаклей. 1908 год принес С. П. Дягилеву успех, а на следующий сезон он уже имел неограниченный

кредит и высокое покровительство царской семьи. Но неожиданно все субсидии прекратились. Матильда Кшесинская, обиженная тем, что С. П. Дягилев не предложил ей ни одной большой роли, а взял в труппу молодую Анну Павлову, сделала все, чтобы имя Дягилева звучало в придворных кругах не иначе как с эпитетами — пройдоха, шулер и обманщик.

Балерина Тамара Платоновна Карсавина, участвовавшая в «Русских сезонах» Дягилева, вспоминала:

«В распоряжение Дягилева был дан театр Эрмитажа, где мы и начали репетировать. Во время антрактов придворные лакеи разносили чай и шоколад. Внезапно все репетиции прекратились... После нескольких дней напряженного ожидания, во время которых циркулировали слухи о распадении нашего предприятия, мы снова начали работать, но на этот раз в маленьком театре „Кривое зеркало“, на Екатерининском канале. Во время антракта режиссер нашей труппы объявил, что Дягилев приглашает всех артистов в фойе закусить, и во время этой закуски произнес маленькую речь: „Несмотря на то, что у нас отняли обещанную поддержку, — сказал он, — судьба нашей антрепризы нисколько не пострадает. Вдохновитель полагается на здравый смысл и доброжелательство труппы, которая будет продолжать работу, не обращая внимания на злонамеренные сплетни“» [\[140\]](#).

Причина такого резкого охлаждения к С. П. Дягилеву высоких чинов была в неожиданной смерти основного покровителя всех дягилевских начинаний, великого князя Владимира Александровича.

Положение стало еще тяжелее, когда у С. П. Дягилева отняли все костюмы и декорации Мариинского театра, теперь необходимо было заказывать новые. Среди художников, к которым обратился Сергей Дягилев, был и Н. К. Рерих, его настоятельно рекомендовал режиссер А. А. Санин. Дягилев решил, что Николай Рерих оформит два спектакля, в постановке А. А. Санина — оперу А. П. Бородина «Князь Игорь» и оперу Н. А. Римского-Корсакова «Псковитянка».

Сложности у Дягилева продолжались, он не мог никому толком сказать, каким будет репертуар у него на новом «Русском сезоне». Не было даже известно, какой парижский театр предоставит сцену для спектаклей.

Поэтому режиссер Александр Акимович Санин написал Николаю Константиновичу Рериху:

«...Я убежден, что ты сейчас занят „Игорем“ для Сергея Павловича. И очень хорошо — ты в этой вещи будешь „велик“. Если бы ты не существовал, тебя надо было бы для „Игоря“ выдумать и родить. Я еще с Сергеем Павловичем не кончил, он говорил со мной долго. Думаю, что в январе кончим. Так вот, покамест работай над „Игорем“. И тут есть

Уродство. Ты творишь по планам твоим. Значит, мне придется к твоим декорациям пригонять всю постановку, если я поеду. Если бы у Дягилева был порядок, надо было бы нам сговориться обо всем, хотя бы в самых общих чертах (я говорю о внешней стороне), а далее отдать тебя твоему вдохновению. Я знаю, что ты и сам это любишь так делать. Ты ведь при всем размахе и богатстве твоей фантазии настоящий человек порядка — стоит войти к тебе в школу [Общества поощрения художеств] и подняться на лестницу. Но все это не беда. „Игорь“ будет ставиться по твоим эскизам и декорациям»^[141].

Наконец-то все трудности преодолены. В Париже, при поддержке французских друзей Сергея Дягилева, была объявлена подписка на русские спектакли. Дягилев собрал достаточно средств, чтобы снять парижский театр Шатле (Chatelet); правда, количество спектаклей все же пришлось уменьшить.

Друзья по объединению «Мир искусства» решили начать сокращения со спектаклей, оформленных Н. К. Рерихом, и поэтому большая часть эскизов к декорациям для «Князя Игоря» оказалась ненужной. Николай Константинович не спорил, он не мог вести себя как Александр Бенуа или Константин Коровин, который после того, как предложили сократить и его оперу «Руслан и Людмила», потребовал использовать оставшиеся не у дел декорации для дивертисмента С. П. Дягилева «Пир горой», на что всем пришлось согласиться.

Теперь после всех изменений репертуар русских спектаклей в Париже выглядел так: «Павильон Армиды» Н. Н. Черепнина; «Половецкие пляски» из «Князя Игоря» А. П. Бородин; «Пир горой» («Le Festin») дивертисмент, в котором С. П. Дягилев хотел показать русские танцы, поставленные М. И. Петипа, на музыку Н. А. Римского-Корсакова, П. И. Чайковского, М. П. Мусоргского, М. И. Глинки и А. К. Глазунова; «Клеопатра» на музыку А. С. Аренского, М. И. Глинки, М. П. Мусоргского, Н. А. Римского-Корсакова, С. И. Танеева, А. К. Глазунова, Н. Н. Черепнина; «Сильфиды» на музыку Шопена; «Борис Годунов» М. П. Мусоргского; «Псковитянка» (под названием «Ivan le Terrible») Н. А. Римского-Корсакова и первый акт «Руслана и Людмилы» М. И. Глинки.

А. Н. Бенуа работал над декорациями и костюмами к «Павильону Армиды» и «Сильфидам», Н. К. Рерих — над «Половецкими плясками», К. А. Коровин — над «Le Festin», для которого решено было воспользоваться уже сделанными декорациями второго акта «Руслана и Людмилы». А. Я. Головин вместе с К. Ф. Юоном и Н. К. Рерихом работал над «Псковитянкой» («Борисом Годуновым»), Николай Константинович

оформил второе и третье действия оперы.

С. П. Яремич, по макетам А. Н. Бенуа, работал над декорациями «Сильфид».

27 мая 1909 года А. А. Санин писал Н. К. Рериху из Парижа об успехе спектаклей:

«Дорогой Николай Константинович!

Сейчас лишь свалил главную тяжесть, поставил „Псковитянку“. Успех громадный. Избит, без голоса, искалечен, нечеловеческие усилия положил, но успех чистый, возвышенный, и я удовлетворен. Посылаю Вам печать. На первом спектакле твой „Игорь“, идет тоже при громадном успехе. „Армида“ провалилась вдрызг... „Пир горой“ тоже назван французами „окрошкой“, их не проведешь. Вот вчера победа была полнейшая.

От Ваших эскизов, от Вашего громадного таланта ничего не осталось. Вся эта сволочь намалевала какую-то кустарщину. Старался освещением скрасить работы г. Анисфельда. Даже Дягилев перешел на мою сторону и ругался с Анисфельдом на чем свет стоит... Гибель происшествий, гадостей, сплетен, курьезов, но над всем этим настоящая художественная победа — „Игорь“ и „Псковитянка“, и вся остальная грязь, пошлость и пакость где-то остались позади.

Крепко, крепко Вас целую. Сердечный привет жене Вашей.

Как я рад, что „Армида“ и прихвостни провалились. Как смогли они под русским флагом показывать это уродство.

Действуйте!!! Пришлю еще все интересное.

Весь ваш разбитый и торжествующий А. Санин»^[142].

Действительно, парижские и петербургские газеты наперебой сообщали об успехе дягилевских спектаклей и о замечательных декорациях Н. К. Рериха.

Корреспондент парижской газеты Ж. Бланш восторженно писал: «Я не имею чести лично знать Рериха... Сужу о нем только по декорациям в Шатле и нахожу их чудесными... Все, что я видел в Шатле, переносит меня в музеи, на всем видно глубочайшее изучение истории, и во всем этом нет обыденщины, банальности и нудной условности, к которым так привыкла наша театральная публика... С самого начала это — сплошное очарование для глаз. Персидские миниатюры и индийские шали самых безумных рисунков, витражи собора Парижской Богоматери или сад, полный гераниумами, в сумерках грозного дня, вот что напоминала мне эта поразительная картина. Петренко [Кончаковна] на ложе, покрытом кавказскими коврами в кругу половецких жен, представляла группу красных и черных тонов, проникнутую поразительным благородством и

поэзией... Танцовщицы после печальной песни Кончаковны делают первое па. Кавказские шелка, переливающиеся, подобно цветным стеклам витражей, сливаются друг с другом под сменяющимися то красными, то синими огнями рамп. Затем появляются хористы — половцы в длинных одеждах синевато-серого и синевато-зеленого оттенков, отороченных мехом. У них в руках копья, наконечники которых, окутанные красной материей, вносят новую ноту на фоне серого с шафрановыми отливами неба. Кончак напоминает японского самурая или византийского императора. В его одежде преобладает черное с золотом. И вот начинаются половецкие пляски, и с этой минуты до конца разворачиваются самые искусные, самые сложные и непредвидимые комбинации линий, ритма. О, эти малахитовые зеленые стрелки! Разве они не сошли живыми с Ниневийских барельефов! А финал, в котором зеленые воины подхватывают на плечи голубых, желтых, фиолетовых танцовщиц!»^[143]

Но А. А. Санин был недоволен тем, как исполнили декорации и костюмы. «Я совершенно изношен, разбит нервно, „очухаться“ не могу, — писал он Николаю Рериху в Петербург. — Нет, баста — сюда я больше не езду. Да, дело имеет громадный успех, да еще „Игорь“ произвел фурор, но на душе смутно, горько, обидно. Помнишь, я тебя сюда звал. Теперь говорю тебе по секрету, но с полной откровенностью — я радуюсь, что ты не приехал. Тебя много бы здесь оскорбило, огорчило бесконечно. Дело изменило свой характер окончательно. Ни порядку, ни репетиций, ни забот эстетических, ни художественных уже нет. Пекутся блины. С божьей помощью спектакль проходит, ну и слава создателю, чтобы „дать“, „физически дать“ спектакль, приходится все бросить, на все плюнуть и спасать хоть основное, главное. Подлец Неменский не приготовил к сроку костюмы всех персонажей, и Дягилев приказал собрать их отовсюду. Ни поставить, ни осветить декораций толком не успели, не имели никакой физической возможности, все это сложилось импровизационным образом. Погибли мечты, погибли мизансцены, которые мы рассмаковывали дома. И все же твой талант горел могуче, потрясающе... Мне кажется, что в этой дикой свистопляске мне удалось все же передать пролог, затмение, простоту и наивность народную, и потом этот уход на войну грозной тяжело вооруженной гурьбой — было чуть что-то от „каменного века“, от времен седых и могучих. Повторяю тебе, „Игорь“ идет с триумфом»^[144].

Н. К. Рериху всегда не очень везло на театральных декораторов, которые обычно, если за ними не следил автор, переделывали и переиначивали первоначальный замысел. «Русский сезон» в Париже 1909

года не был для Рериха первой встречей с французскими театральными декораторами. Еще в 1908 году он сделал эскизы для «Снегурочки» Н. А. Римского-Корсакова, которые были так исковерканы и переделаны парижскими театральными художниками, что Рерих долго носил в себе обиду. Эта история также была связана с С. П. Дягилевым.

Тогда княгиня М. К. Тенишева, уже напрочь разругавшаяся с Дягилевым, в очередной раз решила доказать несостоятельность талантливого антрепренера.

«Как ни много было у меня неожиданностей в Париже, но все-таки я никогда не думала и не предполагала, что мне придется пойти по следам Дягилева, — вспоминала потом Мария Клавдиевна Тенишева. — Мне рассказывали, что он познакомился с директором „Опера Комик“ г. Каррэ и наобещал ему, как говорится, туры на колесах и, между прочим, даровую партитуру „Снегурочки“ и свое участие в постановке этой оперы. Но, по-видимому, у него на уме было что-то совсем другое, так как когда Каррэ, серьезно поверив Дягилеву и сделав массу приготовлений для постановки этой новой для Парижа русской оперы, выпустил анонсы о предстоящей новинке, то вдруг обнаружилось, что Дягилев ничего из обещанного не выполнил. Очутившись в таком затруднении, Каррэ, как мне передавали, стал всюду искать способа со мной познакомиться, в надежде, что я, может быть, смогу ему помочь. Это было в то время, когда я устраивала выставку талашкинских изделий. От художника Кларена он услышал обо мне и попросил его нас познакомить. Раз как-то, когда я была на моей выставке, Кларен пришел с ним, представил его мне, и тот сразу же обратился ко мне, прося моей помощи и поддержки. Потом он приехал ко мне домой и рассказал подробно все, что проделал с ним Дягилев. Конечно, даровой партитуры „Снегурочки“ он не получил, а должен был заплатить за нее десять тысяч франков, кроме того, Дягилев создал ему еще всевозможные затруднения, не дав ни рисунков декораций, ни костюмов»^[145].

М. К. Тенишева взялась помочь Каррэ, но не могла обратиться ни к одному из бывших мирискусников с просьбой оформить спектакль для «Опера Комик», не поставив в известность о готовящемся спектакле С. П. Дягилева. М. К. Тенишева хотела, чтобы все проходило в строжайшей тайне, и поэтому ей оставалось только одно — просить Н. К. Рериха сделать эскизы к декорациям оперы «Снегурочка». Хотя дело и окутывала полная секретность, С. П. Дягилев все равно узнал о том, что М. К. Тенишева пытается перетянуть на себя всю организацию русских спектаклей в Париже. Тогда Сергей Дягилев решил переманить и Рериха, уверяя всех, что декорации Николай Константинович делал специально для

него. Но художник предпочел не обижать княгиню и не стал ввязываться в новую интригу Сергея Дягилева.

«Несмотря на то, что все шло прекрасно, не обошлось, конечно, в таком огромном и сложном деле без шероховатостей, — вспоминала М. К. Тенишева. — Желая помочь Каррэ, я достала ему эскизы декораций Рериха, сделанные им из дружбы ко мне. Эта услуга была принята, однако как вмешательство в ту область, где считал себя непогрешимым театральным декоратор Жюссон, самолюбивый, обидчивый и избалованный человек. Он не желал, чтобы его учили, сказал, что не допустит никакого вмешательства в свои дела, и тщательно скрывал все декорации до генеральной репетиции. Каррэ не посмел ему противоречить и на все мои вопросы о декорациях отвечал уклончиво или уверял меня, что все идет прекрасно. Каков же был мой ужас, когда на генеральной репетиции я увидела в первом акте турецкие минареты, на избах ползучие розы, в долинах пирамидальные тополя и лес из каштановых деревьев!!.. Я не могла скрыть своего негодования и обрушилась на Каррэ. Он был смущен, расстроен, но дело было непоправимо. Затем во дворце Берендея я увидела массу бамбуковых табуреток с красными кисточками и не могла удержаться, чтобы не крикнуть на весь театр, что это невозможно. На этот раз мой вопль был услышан, Каррэ тотчас же подбежал ко мне с записной книжкой, записал все, что я ему сказала, и немедленно заказал подходящую мебель»^[146].

На самом же деле и у Николая Рериха на эскизах были изображены заснеженные пирамидальные тополя, а среди деревенских домов вздымались странные круглые крыши, чем-то отдаленно похожие на минареты, но когда французский декоратор все это превратил в гротеск, декорации вызвали только удивление. Но 28 апреля (11 мая) 1908 года премьера «Снегурочки» прошла с большим успехом, этим была не довольна только княгиня М. К. Тенишева. Наверное, С. П. Дягилев, и тот был бы в восторге от таких кассовых сборов и не обращал бы внимание на «немного» испорченные декорации. Но Мария Клавдиевна считала эту постановку просто провальной:

«Второй шероховатостью была сама примадонна „Опера Комик“, г-жа Каррэ. Легкомысленная, малообразованная, с бедным по металлу голосом, она попала в примадонны лишь благодаря своему положению жены директора. Французы от нее отреклись, и не проходит недели, чтобы ее где-нибудь в газетах не продернули. Но она широко пользуется своим положением и влиянием на Каррэ и не допускает ни хороших певиц-сопрано, ни даже постановки тех опер, в которых ей нет роли. В „Снегурочке“ г-жа Каррэ так же, как и Жюссон, решила действовать по-

своему, и сама придумала себе костюм, но не смогла справиться с кокошником. Все эскизы, представленные главным театральным костюмером и рисовальщиком Фурнери, были ею забракованы, а своего чего-либо создать она, как видно, не смогла. Однажды, часов в девять вечера, когда у меня сидели гости, мне сказали, что приехал Каррэ и просит уделить ему несколько минут для переговоров. Я попросила его в кабинет и, выйдя к нему, застала его с женой. У нее в руках было что-то странное. Оказалось, вместо русского девичьего кокошника ей сделали нечто вроде турецкого тюрбана. Кроме того, вещь была сама по себе возмутительна по безвкусию и плохому исполнению. Со слезами на глазах г-жа Каррэ стала просить меня помочь ей. Я, конечно, согласилась, и на другое утро ко мне по приказанию Каррэ приехали театральные мастерицы. Поработав с ними часа два, я добилась от них красивого, изящного кокошника, вышитого жемчугом. Во всем же остальном г-жа Каррэ действовала по-своему. И Снегурочка появилась в первом действии в голубом, во втором — в зеленом, с какими-то длинными мочалками, парике вместо традиционной русской косы, с Берендеем она здоровалась за руку на английский лад (шэйк-хендс), и вообще Каррэ придала этой роли почти комический, опереточный, а не невинный и трогательный характер, как это должно было быть. Впрочем, ожидать от нее чего-либо другого было трудно. Сомневаюсь, чтобы она была способна на другое отношение к роли.

Постановка „Снегурочки“ обошлась дирекции в двести тысяч франков и имела огромный успех, несмотря на все нелепости, которые бросались мне в глаза, но которые французская публика просто не заметила. Я не посещала этих представлений, было слишком противно видеть все эти несуразности»^[147].

Но уже после «Русских сезонов» 1909 года в Париже, открывшихся премьерами (19 мая — «Половецкие пляски» А. П. Бородин и 24 мая — «Псковитянка» Н. А. Римского-Корсакова) в оформлении Николая Рериха, следующие «Русские сезоны» С. П. Дягилев проводил без Н. К. Рериха и больше не приглашал режиссера А. А. Санина. До революции Николаю Рериху удалось оформить у С. П. Дягилева только балет И. Ф. Стравинского «Весна священная», занавес к симфонической картине «Сеча при Кержеце» на музыку Н. А. Римского-Корсакова и переделать все декорации и костюмы для полной постановки, ставшей очень популярной в Европе оперы «Князь Игорь» А. П. Бородин. Другие же декорации либо неожиданно становились ненужными или отменялись сами постановки, либо восторженное и многообещающее письмо С. П. Дягилева оказывалось пустым звуком.

С И. Ф. Стравинским Николай Рерих познакомился еще в 1904 году, в доме Митусова, родственника своей жены. О своей работе вместе с Н. К. Рерихом над балетом «Весна священная» Игорь Стравинский вспоминал:

«В июле 1911 г., после премьеры „Петрушки“, я поехал в имение княгини Тенишевой под Смоленском, чтобы встретиться там с Николаем Рерихом и составить план сценария „Весны священной“; Рерих был хорошо знаком с княгиней, и ему очень хотелось, чтобы я ознакомился с ее русской этнографической коллекцией. Я поехал из Устилуга в Брест-Литовск, где, однако, обнаружил, что должен два дня ждать поезда на Смоленск. По сему случаю я уговорил проводника товарного поезда разрешить мне ехать в вагоне для скота, где очутился наедине с быком! Бык был привязан всего одной, не внушавшей доверия веревкой, и когда он стал сердито взирать на меня, я укрылся за моим единственным маленьким чемоданом. Я, наверное, являл странное зрелище, когда в Смоленске покинул эту корриду с довольно дорогим чемоданом в руках (во всяком случае, он не был похож на багаж бродяги), очищая свою одежду и шляпу с видом облегчения. Княгиня Тенишева предоставила в мое распоряжение домик для гостей, где мне обслуживали горничные в красивой белой форме, с красными поясами и в черных сапожках. Я занялся работой с Рерихом, и через несколько дней план сценического действия и названия танцев были придуманы. Пока мы жили там, Рерих сделал также эскизы своих знаменитых задников, половецких по духу, и эскизы костюмов по подлинным образцам из коллекции княгини. Между прочим, в то время наш балет носил русское название „Весна священная“. „Le Sacre du printemps“ — название, придуманное Бакстом, годится только для французского языка. На английском название „The Coronation of Spring“ (Венчание весны) ближе к моему первоначальному замыслу, чем „The Rite of Spring“ (Весенний обряд)... Я торопился с окончанием „Весны“, поскольку мне хотелось, чтобы Дягилев поставил ее в сезоне 1912 г. В конце января я отправился в Берлин, где тогда находилась балетная труппа Дягилева, чтобы обсудить с ним подробности постановки. Он был очень расстроен здоровьем Нижинского, о котором говорил часами. О „Весне священной“ он сказал только, что не сможет поставить ее в 1912 г. Увидев мое разочарование, он попытался успокоить меня приглашением сопровождать его балетную труппу в Будапешт, Лондон и Венецию — дальнейшие этапы гастролей. Я действительно поехал с ними в эти города — все они были мне тогда незнакомы, — и с того времени очень полюбил их. Это было настоящей причиной, почему я так легко принял отсрочку постановки»^[148].

Сам Николай Рерих довольно скупно рассказывал о совместной со Стравинским работе над скандальным и всемирно известным балетом.

«Вспомним музыкантов и писателей, русских и иностранцев, бывших в Талашкине, — писал Николай Рерих. — Стравинский на балясине Малютинского теремка написал лад из „Весны священной“... Но часто, ох как часто лучшие мечты оказывались искаженными. В 1913 году в „Весне священной“ заднее панно картины, к моему ужасу, вместо полусферы начали вешать павильоном со складками по углам — поперек пейзажа. Позвал Дягилева: „Смотри, что за ужас!“ Дягилев вскинул монокль и, увидев, что дело безнадежно, „успокоил“: „Да ведь смотреть-то кто будет!“ На том и кончилось»^[149].

МОЛОДОЙ ДА РАННИЙ

Назначение 30-летнего Николая Рериха на должность директора школы Общества поощрения художеств в 1906 году, естественно, не могло не вызвать зависти и негодования многих молодых и пожилых художников. «Молодой да ранний», — называли его мирискусники.

В день вступления в должность в почтовый ящик Общества поощрения художеств было опущено несколько анонимных писем, среди которых самым безобидным был текст такого содержания:

«Делай, негодяй, революционную Школу Императорскую».

Подобные письма появлялись и среди домашней почты Николая Константиновича.

С приходом нового директора школа Общества поощрения художеств совершенно изменилась. Были приглашены новые преподаватели: В. В. Матэ, Я. Ф. Ционглинский, которого Рерих знал по выставкам «Мира искусства», А. Афанасьев, автор иллюстраций к сказке П. Ершова «Конек-Горбунок», и график И. Я. Билибин. Пришли в школу и старые товарищи по мастерской Куинджи — К. К. Вроблевский, В. И. Зарубин, А. А. Рылов и Н. П. Химона, художественный критик С. К. Маковский, архитектор А. В. Щусев, скульптор И. Андреолетти и многие другие.

Такой смене преподавательского состава, естественно, препятствовали ставший теперь вице-председателем Общества М. П. Боткин и вице-президент Академии художеств граф И. И. Толстой. Правда, и у Рериха тоже нашлись высокие покровители — принцесса Е. М. Ольденбургская, председательница Общества поощрения художеств.

В первый же год Н. К. Рерих восстановил в школе педагогический совет, который был почти упразднен прежним директором Сабанеевым. При старом директоре функции совета были сведены к тому, что два раза в год, накануне экзаменов, члены совета посещали классы и высказывали свое мнение, с которым, конечно, никто не считался. При Николае Константиновиче он стал руководящим органом школы, все планы обсуждались вначале на совете, а потом утверждались директором школы.

Театральный художник Елена Михайловна Бебутова-Кузнецова, представительница русского авангарда 1920–1930-х годов, а в то время ученица школы Общества поощрения художеств, вспоминала, как однажды, во время очередной весенней выставки ученических работ, приехала жена петербургского градоначальника в сопровождении одного из

своих знакомых и властно заявила, что хочет немедленно перед открытием осмотреть выставку учащихся. Она буквально оббежала все залы и, ничего не сказав, тут же уехала. А через час по телефону позвонил градоначальник и потребовал директора Художественной школы. Рерих взял трубку.

— Говорит градоначальник, господин директор, сейчас моя жена была в залах на выставке ваших учащихся, и буквально от стыда не знала, куда ей смотреть, всюду голые мужчины и совершенно голые женщины, это самый откровенный разврат, и этим занимаются юноши и молодые девушки — учащиеся. Чему вы их учите? Будьте любезны принять соответствующие меры, чтобы прекратить это безобразие.

— Хорошо, — спокойно отвечал Рерих, — меры будут приняты, будьте спокойны.

Несколько человек находились в это время в зале и с ужасом ожидали, какие же меры будут приняты.

— Неужели убирать будут все, кроме натюрмортов, и все наши труды и надежды пропадут даром?

Вдруг послышался холодный и решительный голос Николая Константиновича:

— Семен, принесите из склада негрунтованного холста, аршинной ширины.

Семен появился с целым тюком сурового холста.

— Теперь, — сказал Рерих ученикам, — сделаем перевеску: мужские модели отдельно по правой стенке, а женские по левой. Помогайте и запоминайте, что и как висело раньше.

Все ученики тряслись за свои шедевры и хорошо запомнили, где какая картина висела.

— Теперь протягивайте холст, закрывая мужчин от пояса до колен, женщин — от плеч до колен.

Рерих был очень доволен и улыбался своему изобретению.

Когда все было сделано, он позвонил в редакцию журнала «Огонек» и попросил прислать фотографа срочно отснять выставку, а когда будут готовы фотографии, поместить их в ближайшем номере.

Это возымело действие. Публика буквально хлынула в первый же день вернисажа и очень быстро заполнила выставочный зал. Обнаженные модели, стыдливо прикрытые холстом, вызвали шум и хохот.

К официальному открытию Рерих велел снять холст и развесить экспонаты, как прежде.

— Что же будет теперь, Николай Константинович? — спрашивали испуганные ученики Рериха.

— А ничего не будет.
— А если градоначальник не удовлетворится этим?
— Тогда я пошлю его в Эрмитаж, ему это будет полезно, наверное, там он никогда не был. Посмотрит Рубенса и другие картины.

И действительно, градоначальник сел в такую калошу, что не рад был, что связался с директором школы, и решил промолчать.

Победа осталась за Рерихом, и это еще больше подняло его авторитет в школе и в Обществе поощрения художеств.

Уже в 1909 году Николай Рерих стал действительным членом Императорской академии художеств, и с этого момента свои официальные письма он подписывал «Академик Н. К. Рерих». Представление, написанное накануне голосования в Академии художеств, как бы подводит итог и очерчивает основные вехи первого периода жизни Н. К. Рериха:

«Сведения о художественной деятельности лиц, предложенных в 1909 г. к удостоению почетным званием Академика.

Рерих Николай Константинович.

Родился в С.-Петербурге в 1874 году, по окончании гимназии К. Мая в 1893 году поступил на юридический факультет Императорского С.-Петербургского университета и в Императорскую академию художеств, окончив оба учебных заведения в 1897 году. В Академии занимался в мастерской под руководством профессора А. И. Куинджи, а в 1900 году в Париже под руководством Ф. Кормона.

В 1898–1900 гг. читал курс лекций в Императорском СПб. Археологическом институте. В 1898 году был приглашен помощником секретаря в Императорское Общество поощрения художеств, где с 1901 года был секретарем и с 1906 года директором рисовальной школы. В 1894 году произвел ряд археологических исследований по поручениям Императорского Русского археологического общества в Императорской Археологической комиссии.

В 1897 году с конкурсной выставки П. М. Третьяков приобрел картину „Восстал род на род. Гонец“ для своей Московской галереи.

В 1899 году на выставке в Императорской академии художеств была картина „Сходятся старцы“ и в 1900 году там же — картина „Поход“ (Старая Русь), удостоенная премии по

исторической живописи от Императорского Общества поощрения художеств.

После заграничной поездки, в 1902 году в Императорской академии художеств были выставлены картины „Заморские гости“, „Зловещие“, „Княжая охота“, „Идолы“, „Волки“, „Поход Владимира на Корсунь“, из которых „Заморские гости“ составляют собственность Е. И. В. Государя Императора. „Зловещие“ — собственность Русского музея Императора Александра III, „Княжая охота“ — собственность Е. В. Принца Петра Алексеевича Ольденбургского, „Идолы“ — собственность княгини М. К. Тенишевой и „Поход Владимира на Корсунь“ — собственность Московской городской галереи бр. Третьяковых.

Из картин, выставленных в 1902–1904 гг. в „Мире искусства“ и в „Союзе Русских художников“, поступили: „Город строят“ — в Московскую городскую галерею бр. Третьяковых, „Древняя жизнь“ — в собрание князя С. А. Щербатова, „Заповедные места“ — в собрание М. Якунчиковой, „Север“ — в собрание П. Н. Перцова.

В 1903 году совершил поездку по старым русским городам, причем результаты поездки (73 этюда) были выставлены в помещении Императорского Общества поощрения художеств и удостоились посещения Е. И. В. Государя Императора и Государынь Императриц; впоследствии все этюды были отосланы в Америку в составе выставки г. Гринвальда. В том же 1903 году в помещении „Современного искусства“ была устроена князем Щербатовым и В. В. фон Мекком отдельная выставка произведений, на которой было собрано около 270 номеров.

С 1904 по 1908 год были устроены отдельные и частичные выставки в следующих городах: Праге, Вене, Берлине, Дюссельдорфе, Милане, Венеции, Париже, Лондоне, причем Миланская международная выставка удостоила почетным дипломом (вторая награда), а в Париже избран членом Осеннего салона, членом Национальной академии в Реймсе и членом Доисторического общества, а французское правительство приобрело картину „Человек со скребком“ (Каменный век). Избран в члены правления Общества архитекторов-художников, избран товарищем председателя Общества изящных искусств при Лиге образования. С 1906–1909 гг. принимал участие в декорации храмов (мозаичные эскизы) на Пороховых заводах под

Шлиссельбургом, в Почаевской Лавре, в женском монастыре в Перми и в церкви имени В. В. Голубева.

Им выполнены следующие театральные постановки:

1. В 1908 году, по предложению французской дирекции, сделаны эскизы для „Снегурочки“.

2. В 1908 году сделана постановка для мистерии „Три волхва“ (Старинный театр).

3. В 1909 году выполнены декорации и костюмы для „Князя Игоря“ (в Париже).

В 1909 году имел счастье представить картины и этюды Е. И. В. Государю Императору и Государыне Императрице. Из картин поступили: „Бой“ — в Московскую городскую галерею братьев Третьяковых, „Пещное действо“ (XVII в.) — в Русский музей Императора Александра III. Из прочих выставленных произведений находятся: „Дочь змеи“, „Эскиз стенописи“ и „Псковский мотив“ — в собрании княгини М. К. Тенишевой, „Соглядатаи“ — в Нижегородском музее Новгородские этюды — в собрании Е. И. В. Принцессы Евгении Михайловны Ольденбургской, 6 рисунков — в собрании С. С. Боткина. По вопросам искусства и археологии сделан ряд рефератов и публичных лекций в Петербурге и Москве».

За время своего директорства Николай Константинович добился расширения территории школы, скульптурные классы и некоторые мастерские были переведены в новые помещения, в Демидов переулок.

Ежегодно, в соответствии с новыми планами, увеличивалось число классов, художественно-промышленных мастерских и количество учеников. Школа стала одним из самых авторитетных художественных учреждений, теперь ее называли второй Академией художеств, и даже Александр Бенуа, всегда завидовавший Н. К. Рериху, написал в своей статье, опубликованной в газете «Речь» 14 мая 1910 года:

«На старом, прогнившем дуплистом пне вдруг появились зеленые ростки, и возникает надежда, что пенёк снова может вырасти в дерево... Самое закоснелое из российских художественных учреждений оказывается вдруг способным на обновление и жизненность. Это чудо произошло благодаря энергии одного человека, одного художника — Рериха, заслуживающего все большего и большего уважения за ту последовательность, с которой он борется за живое искусство против мертвечины и казенщины... Рерих принял наследство, и, как мудрый

хозяин, не стал его сразу ликвидировать, ломать и переименовывать, а наметил ряд исправлений, которые он рассчитал совершить в последовательном порядке, не подвергая всего дела в риск и авантюру. Для этого требовалась большая выдержка и полное самосознание»^[150].

Сам Николай Константинович Рерих вел класс композиции. Иосиф Гурвич, поступавший учеником в школу Общества поощрения художеств, в бытность директорства Н. К. Рериха, вспоминал, как проходил конкурсный прием:

«...Я целую ночь не спал, все думал — что мне скажет господин Рерих? Вспомнил, что рекомендательное письмо в Академию художеств не показал господину Митусову. Я побежал пораньше в школу. Степан Степанович Митусов отказался читать письмо и сказал:

— Николай Константинович Рерих принимает учеников только по сочиненным композициям, а не по рекомендательным письмам. Он говорит: „Композиция должна быть воспитываема у художников с самых первых шагов в искусстве. Молодой художник должен развивать в себе эту способность“.

У нас школа свободная — для всех. Учиться в классах будете, смотря по способностям. Переходить в следующий класс можете через каждый месяц — педагогический совет каждый месяц просматривает ученические работы и способных учеников переводит в следующий класс. Не делаете успехов — будете сидеть в классе год и больше, пока не сделаете работу, достойную для перевода в следующий класс. Ученик, не делающий успехов в течение полугода, сам уходит из школы, как показывает практика. Для особенно выдающихся учеников обучение проводится по особой программе. Как видите, у нас нет шаблона. Запомните, мой друг, слова нашего директора школы Рериха: „У нас учатся лишь во имя знаний художественных“.

Для того чтобы попасть в класс обсуждения эскизов к господину Рериху, очередь занимали с шести часов утра, и я оказался последним.

„Класс обсуждения эскизов“ оказался огромной пустой комнатой. Вахтер в тужурке серого цвета с серебряными пуговицами стоял у входа, и в руках у него были молоток и гвозди. Строго в порядке очереди вешал он эскизы на стенку, в два ряда. Никакой мебели в классе не было, за исключением стола и двух табуреток. Желających попасть на урок оказалось человек двадцать. Среди присутствующих были и нищие молодые люди в одежде с чужого плеча вроде меня, и великосветские барышни в сопровождении лакеев с седыми бакенбардами, в белых чулках, и заводские рабочие в темно-синих рубашках. Все хотели попасть к

знаменитому художнику и с волнением ожидали, что скажет маэстро...

Наконец вахтер прибил к стенке и мой, последний эскиз. Он позвонил в большой старинный колокол со львом вместо ручки, вышел из класса и закрыл за собой дверь.

Через несколько минут в класс вошел Николай Константинович Рерих.

Он улыбнулся и сказал:

— Здравствуйте, господа! Существует заблуждение, что раньше человек должен научиться рисовать и живописать, а уж потом думать о композиции. Однако многие, кто сызмальства не потянулись к эскизам, позже и вовсе утратили эту способность. Запомните это. В этом и основа нашей школы. Петр, где начало?

Вахтер показал начало экспозиций. Мэтр встал посредине комнаты, бегло осмотрел все работы, вывешенные на стене. Затем возвратился к тому месту, где было начало.

— Автор этой работы, подойдите ко мне, — сказал он.

Подошла молодая девушка, великосветская барышня. Оказалось, что она — знакомая господина Рериха.

— Здравствуйте, как здоровье ваших высокосиятельных родителей, как поживает ваша тетушка — графиня Зубова?

Получив от девушки ответ, Рерих начал внимательно рассматривать ее композицию: в дорогой раме восемнадцатого века была изображена масляными красками девушка с распущенными волосами. Она молитвенно смотрела на неимоверно синие небеса. Называлась композиция: „Вера, надежда, любовь“.

— Какая пошлость! Сударыня, передайте вашей многоуважаемой матери мои наилучшие пожелания и скажите ей, что вы понапрасну занимаетесь живописью. Художника из вас не выйдет, это пустая забава. Петр, кто следующий?

Следующим оказался молодой человек с волосами до плеч, с большим белым бантом, в заплатанных штанах и рваных башмаках. Он гордо смотрел на присутствующих и нагло — на Рериха.

Молодой человек, по-видимому, считал, что он сделал в области живописи большие открытия. На суд маэстро он представил безвкусную картину в неотесанных, небрежно сколоченных полках вместо рамы — закат солнца, рисунок в стиле расписных кроватей. (В те далекие годы была мода на железные кровати, на которых были нарисованы бушующие моря и цветущие леса.)

— Молодой человек, сколько вам лет? — спросил господин Рерих.

— Двадцать пять, — последовал ответ.

— За двадцать пять лет вы научились самому плохому. Ваш путь в живописи — от живого творчества к скучному шаблону. Вы не поняли главного в искусстве, вы не искали первооснову творчества, вы искусственно разделили видимый мир на скучные, безжизненные части. В вашем искусстве самое неприятное — натурализм. Из реализма развивается здоровое искусство, тогда как натурализм приводит в тупик... И вам, молодой человек, будет сложно выпутаться из этого тупика. Живопись — это не рукоделие, не ремесло, это творчество. Почему вы хотите заниматься непременно живописью? В жизни есть много прекрасных профессий... Поверьте мне, я хотел бы сказать вам доброе слово, ободрить и поддержать вас, вы нуждаетесь в этом... но не могу — это будет ложь. Губительная ложь.

Молодой человек сказал в ответ:

— Я не согласен с вашими выводами. Вы тенденциозно судите о моих работах, господин Рерих.

— Искусство жестоко, молодой человек, за неправду оно мстит непризнанием. Петр, кто следующий?

Уже прошло более пятнадцати человек, а оценки показанных работ оставляли желать лучшего... Надо уходить, пока не поздно, решил я, меня ждет такая же участь, как и других. И я начал пробираться к выходу. Господин Рерих это заметил.

— Мальчик, — сказал он, — надо иметь мужество выслушать мнение о вашей работе, а потом уходить. Петр, закрой дверь!

Нет, нет, надо избавиться от этого всеми недовольного барина.

Зачем я сюда пришел? Я наметил план бегства: одно окно не было плотно закрыто, а рядом с окном водосточная труба — остается быстро подбежать к окну, раскрыть его и спуститься по трубе на мостовую. Но господин Рерих разгадал мой план.

— Петр, закрой хорошо окно, где стоит наш юный художник.

Мой план провалился. Я с нетерпением ждал конца. Наконец подошла моя очередь. Господин Рерих сказал:

— Мальчик, о вашей композиции я поговорю с вами отдельно, а вы, господа, свободны.

Когда в классе мы остались вдвоем, господин Рерих сказал:

— Я устал...

Мы сели на табуретки напротив моей композиции. Я первый раз в жизни сидел рядом с таким большим художником.

Рерих долго меня расспрашивал о моей жизни. Выслушав, сказал с большим волнением:

— Сколько вы за свои детские годы перестрадали... горя навидались. Ваш эскиз показывает, что у вас чистая душа художника. Я знаю, что такие люди, как вы, эту чистоту чувств, невзирая на страдания, проносят сквозь все житейские невзгоды до конца жизни. Я почитаю за честь учить вас, быть вашим учителем. И все сделаю, чтобы вам помочь, чтобы развить ваше дарование и чтобы вы не ругали меня всю жизнь. Слушайте меня внимательно: вам предстоит очень тяжелая жизнь. Не поймут ваше искусство. Над вами будут издеваться. Все будет делаться для того, чтобы не допускать вас на выставки, чтобы вы умерли в неизвестности. Но вы будете не одиноки — все, что есть передового в нашем искусстве, будет с вами, на вашей стороне. И все искупится в день победы вашего искусства. Вот что я хотел вам сказать по долгу моей совести как человек и как художник.

Поверьте мне, я вас не обманываю. Не смотрите на меня, как на „барина“, я — художник. Я так же не люблю высокопоставленных бездельников, как и вы.

И я поверил господину Рериху. Поверил потому, что моя дорогая матушка всегда говорила мне: „Сын мой, пойми, что твоя жизнь, как жизнь всякого рабочего, будет очень тяжелой. Чтобы жить на свете, надо быть сильным, смелым, честным, любить народ и труд“.

В сущности, господин Рерих говорил то же самое. Я поверил моему будущему учителю. Он — честный человек...

От учителя я побежал к моему спасителю — студенту Академии художеств. Выслушав мой рассказ, он сказал:

— Никто не поверит, что так с тобою, с мальчишкой, разговаривал сам Рерих. Это здорово! А как же господин Рерих думает тебя учить?

Господин Рерих сказал:

— Наша школьная программа не годится для вас. Вас учить надо по-другому. Вы будете знать только трех учителей: я вас буду учить композиции и живописи; художник Рылов — рисунку обнаженного человека и животных; художник Химона — рисунку человеческой головы. Приходите завтра к Степану Степановичу, ему будут даны указания, что делать дальше.

Он протянул мне руку и крепко пожал. Мне было тогда двенадцать лет.

На следующий день, когда я пришел к Степану Степановичу, для меня на столе лежало новое пальто, теплое, зимнее. Новые ботинки, белье, новый костюм. Теплый шарф, ящик для красок. Большой набор масляных красок в огромных тубах немецкой фирмы „Мевес и К°“. Я переоделся во все новое. Малы оказались только ботинки»^[151].

Если мы обратимся к воспоминаниям Иосифа Гурвича, то увидим, как школа Общества поощрения художеств разительно отличалась от других художественных учебных заведений Петербурга:

«Я прибыл из Киева в столицу русского царя без копейки денег, в туманный осенний день, в одной рубашке и рваных башмаках. От петербургских луж мои рваные башмаки совсем размокли. Долго я бродил по столице, пока не добрался до Академии художеств.

Тяжела дверь Императорской академии художеств.

Я несколько раз подходил к этой двери, но не решался открыть ее. Наконец я набрался храбрости и открыл врата к „свободным художествам“. Перед моим взором в этот пасмурный, серый, дождливый день возникло море огня и света. Дорогие ковры переливались разными цветами радуги. Человек с золотой полоской на фуражке, с огромными золотыми пуговицами, в белых перчатках важно стоял у двери, ожидая приезда президента Императорской академии художеств. Я перешагнул порог академии. Человек с золотыми пуговицами зарычал, как лев, мгновенно очутился возле меня, схватил за шиворот и выбросил меня на улицу»^[152].

Когда же Иосиф Гурвич открыл дверь школы Общества поощрения художеств, его встретил улыбающийся швейцар:

«Меня встретил такой же швейцар, как в Академии художеств, только с серебряными пуговицами, и вежливо спросил:

— Вы, молодой человек, к его высокопревосходительству господину Рериху?

Я удивился, откуда этот человек „в серебре“ знает, куда я иду.

— Поднимайтесь на второй этаж, комната номер пять.

Я постучал в дверь. Открыл мне человек лет тридцати, веселый, подвижный.

— Вы к Николаю Константиновичу? Эскиз, композицию принесли?

— Принес!

— Приходите с эскизом завтра, к двенадцати часам. Будем знакомы, моя фамилия Митусов, меня величают Степан Степанович. — И он протянул мне руку. — В нашей школе не имеет значения, сколько вам лет, кто вы такой — граф или дворник. Наша мечта сделать школу народной. Школа у нас платная. Если вы способный мальчик — мы вас освободим от платы за обучение, не оставим вас в беде. В нашей школе все зависит от самобытности искусства ученика, от его творческих способностей. Не волнуйтесь, будьте как дома. Судя по вашему эскизу „Весна“, все будет в порядке. Итак, мой мальчик, завтра ровно в двенадцать часов дня будьте в классе обсуждения эскизов. Занятия будет вести директор школы Николай

Константинович Рерих. Предупреждаю, юноша, чтобы потом не вышло недоразумения, — господин Рерих суров, но справедлив. Его любимые слова: „Веселей любите труд, будьте всегда сами собой. Будьте проще и любите природу“. До завтра, желаю удачи.

На выходе человек с серебряными пуговицами спросил у меня:

— Как дела?

— А что за человек господин Митусов? — поинтересовался я.

— Господин Митусов, хотя и не художник, а сочинитель музыки, музыкант.

— А кто такой музыкант?

Швейцар от души рассмеялся:

— Ох, и рассмешил ты меня, парень! Неужели ты не знаешь такого слова „музыкант“? Ну а читать-писать можешь?

— Могу! Меня один студент, „друг народа“, научил. Подходяще учил. Я даже читал книги графа Льва Николаевича Толстого. Барин, а любил нашего брата.

— Вот такой и господин Рерих, только он не граф и не князь. И школу нашу, говорят, направляет в сторону народа. Эх, парень! Неужели я был бы с тобою так вежлив? Много тут шляется всяких оборванцев вроде тебя. После вас, голоштаных, я должен каждый раз вытирать пол. Ходи за вами, как нянька!

— А ты бы не ходил!

— Как не ходил? Сам директор школы меня вызвал к себе и в присутствии господина секретаря школы сказал: „Предупреждаю, швейцар, если вы не будете вежливы с молодыми людьми, которые меня спрашивают, ругать их будете за рваные башмаки, за то, что, по несчастию, пачкают пол и не могут давать вам чаевых — сниму с работы, выброшу из школы. Смотрите, не доводите до греха. Вы что, забыли, как сами приехали в лаптях из деревни?..“ Это ведь, парень, сказал сурьезный человек, большой человек, он слов на ветер не бросает. Вот и вожусь с вами... Одним словом — служба, ничего не поделаешь»^[153].

Многие художники, окончившие школу Общества поощрения художеств, вспоминали Николая Константиновича Рериха добрыми словами.

В апреле 1913 года «Петербургская газета» опубликовала статью «Беседа с юбиларом Рерихом»:

«На днях ученики и ученицы школы Императорского Общества поощрения художеств чествовали своего директора, Н. К. Рериха, по случаю исполнившегося 15-летия его службы в „Обществе“.

Н. К. Рерих начал службу в Императорском Обществе поощрения художеств должностью помощника секретаря, потом он был помощником директора музея, потом секретарем и, наконец, в 1906 году был назначен на должность директора школы.

За 7 лет пребывания г-на Рериха в школе, он поднял ее на значительную художественную высоту.

Лучшим доказательством этого являются ежегодные ученические выставки этой школы.

— Какие преобразования вы ввели в ней? — спросили мы г-на Рериха.

— При мне введен целый ряд новых классов, как-то: чеканная мастерская, иконописная, рукодельная, ткацкая, класс медальерный, класс графики, класс рисования животных и так далее.

Введено также чтение анатомии, чтение лекций по древнерусскому искусству, увеличены классы фарфоровый и керамический.

Наконец, введены заново классы натурно-фигурный и головно-живописный.

Что касается наших выставок, то печать неоднократно дарила меня лестными отзывами, находя, что выставки школы Общества поощрения художеств не уступают даже академическим.

Несомненно, что школьные выставки за мое пребывание сильно разрослись.

Достаточно сказать, что они уже не помещаются, как прежде, в школе, а требуют более обширного помещения и устраиваются в большом выставочном зале Императорского Общества поощрения художеств...

— Сколько человек обучается в школе Общества поощрения художеств?

— Общее количество обучающихся в школе и в отделениях колеблется от 1500 до 1600 человек.

— Это считается много?

— Очень. Наша школа самая многочисленная из имеющих в России.

— Куда преимущественно поступают окончившие курс?

— Смотря по избранной специальности.

Часть ежегодно поступает в Академию художеств. Часть идет в преподаватели разных учебных заведений. Наконец, часть — на фабрики, по соответствующим производствам...

— Кого из новых преподавателей вы пригласили?

— Многих. Щуко, Билибина, Линдемана, Щусева, Рылова, Наумова, Варфоломеева, Цейдлера, Плотникова и других.

В будущем году нашей школе исполнится 75 лет...» [\[154\]](#)

Теоретических занятий в школе не было; преподавали только один предмет — историю искусств (историю древнегреческого искусства, древнерусской живописи, западноевропейского искусства).

Остальные занятия проводились по свободному выбору учеников. Особенно поощрялась во всех классах композиция. Композиция, как говорили ученики, это «царица школы Рериха»^[155].

В школьной литографской мастерской издавались на русском и французском языках «Ежегодники» работ учеников.

На Мойке работала школа живописи, в Демидовском переулке — школа скульпторов и прикладного искусства. Не имели никакого значения социальное происхождение, национальность, знатность или бедность; плата за обучение была доступной. Для поступления в эти школы не требовалось никаких документов, не нужны были экзамены, все решал только творческий конкурс.

Николай Константинович Рерих добился того, что за Невской Заставой была открыта бесплатная рисовальная школа для рабочих, а в основной школе был открыт класс по подготовке мастеров по фарфору.

Н. К. Рерих организовал класс «сочинения мебели, стульев, столов, шкафов» и «малой архитектуры». Были приглашены выдающиеся молодые архитекторы Владимир Алексеевич Щуко и Алексей Викторович Щусев. Для того чтобы искусство стало более доступным народу не только через книгу, но и через этикетку, «через рисунок обоев», — был создан класс графики, которым руководил Иван Яковлевич Билибин. Н. К. Рерих добился издания учебников для начальных школ с иллюстрациями художника и его учеников.

При школе был открыт класс керамики и класс витражей. Николай Константинович договорился с известной хлебопекарней «Филиппов и К°» о создании цеха, где бы возобновили традицию выпечки русских «печатных пряников». Пряники, изготовленные по рисункам учеников школы, изображали людей, зверей и были раскрашены разными цветными кремами.

Был даже организован класс рисования цветов с натуры. Класс анималистики возглавлял ученик А. И. Куинджи А. А. Рылов. Для рисования прямо в класс привозили животных из зоологического сада или из цирка. В школе открыли класс литографии, офорта и монументальной живописи. Школа разрасталась.

К 75-летию создания школы выпустили даже открытку с портретом Н. К. Рериха и надписью: «Подобает быть живописцу смиренну, кротку, неспраднословну, не смехотворну, не сварливу, не завистливу, не

пьяницы...».

ПРЕМЬЕРЫ, ПРЕМЬЕРЫ...

С постановками «Снегурочки» Рериху постоянно не везло. Когда для вновь открывшегося в Петербурге Русского драматического театра Николаю Константиновичу предложили полностью оформить спектакль, то он надеялся, что новый театр наконец-то воплотит его давнишнюю мечту — представить петербургской публике свою «Снегурочку». Богатый владелец мукомольных заводов А. К. Рейнеке снял для постановок помещение Панаевского театра, на Адмиралтейской набережной. Николаю Рериху дали неограниченный кредит на изготовление декораций «Снегурочки», так как именно этой пьесой открывался первый сезон Русского драматического театра.

Премьера состоялась 15 сентября 1912 года, и началась она со скандала. Николай Константинович, увидев декорации на генеральной репетиции, потребовал снять свое имя с афиш и программ, посчитав, что его замыслы так испоганены, что зрители могут подумать, что он исписался как художник. Однако дирекция театра ответила, что ничего менять не собирается и считает, что исполнители декораций только улучшили произведение художника.

Николай Константинович был так возмущен, что за день до премьеры 14 сентября 1912 года отправил в газету «Биржевые ведомости» письмо следующего содержания:

«Ввиду появления в печати и на программах моего имени (которое я просил Дирекцию снять) касательно постановки „Снегурочки“ в Русском драматическом театре, считаю долгом заявить, что мною были даны эскизы, вся же остальная работа произведена без всякого моего участия и, к сожалению, не лицами, мною указанными»^[156].

Но редакция газеты, побоявшись богатого и влиятельного предпринимателя и владельца театра А. К. Рейнеке, опубликовала письмо Н. К. Рериха только после премьеры, а рядом с письмом поместила статью, где среди восторженных похвал говорилось:

«Простота эпохи, загадочность и одновременно прямолинейность сказки переданы художественно, декорация и костюмы сделаны по эскизам академика Рериха, и это были настоящие декорации и настоящие костюмы того седого времени, когда царили премудрые Берендеи и правили по сердцу народом»^[157].

В театре был аншлаг, на афишах красовалось имя Н. К. Рериха, а в

угоду несговорчивому художнику приписали: художник-исполнитель декораций — Н. Ф. Белый. Далее шли имена режиссера Е. П. Карпова и композитора Н. И. Привалова.

Николай Рерих считал все это форменным издевательством, а богатый предприниматель А. К. Рейнеке платил журналистам, и они наперебой хвалили декорации академика Н. К. Рериха.

Петербургская газета «Театр» специально в день премьеры опубликовала статью критика С. А. Луслендора «На генеральной репетиции „Снегурочки“», где без иронии говорилось:

«То, что театр выбрал для первого спектакля „Снегурочку“ и пригласил Рериха — добрый знак».

Ежедневно почти все петербургские газеты печатали анонсы и хвалебные отзывы о спектакле.

Столичный театральный критик Энге в статье «Театральное эхо», опубликованной в «Петербургской газете» на следующий день после премьеры, писал, что «Декорации красивы и фантастичны, в выдержанном русском стиле, особенно удачна декорация пролога. Костюмы новые и стильные»^[158].

Лишь через несколько дней после премьеры Н. К. Рерих смог дать небольшое интервью газете «Вечернее время», где выразил свою точку зрения на исполнение декораций:

«Академик Рерих высказался о своей постановке — „Снегурочки“ в театре Рейнеке следующим образом:

„Мое письмо в редакцию одной газеты вызвано было тем, что, придя на последнюю репетицию, я нашел состояние декораций для меня неприемлемым. Удалось ли художникам театра исправить их к первому спектаклю, мне неизвестно“.

Мы спросили Н. К. Рериха о том, как он относится ко все увеличивающейся работе живописцев-художников для театра.

— Это вполне понятно. В течение многих лет художники были почти совсем лишены декоративных и монументальных задач. Одно время они старались забыть о монументальной живописи, уходя в маленькие и графические вещи. Но, так сказать, „свое“ заговорило, и я считаю влечение художников к театру как одно из стремлений всех нас к монументальной живописи. Что делать! Кроме театра наши художники нигде не могут вывить себя на больших плоскостях»^[159].

И если в утреннем выпуске газеты «Биржевые ведомости» 17 сентября 1912 года было напечатано письмо Н. К. Рериха, выражавшее его

возмущение по поводу декораций к «Снегурочке», то уже в вечернем выпуске вышло интервью, озаглавленное «Академик Н. К. Рерих о своих постановках», в котором редактор газеты вычеркнул практически все, что касалось спектакля, оставив только такие строки:

«По поводу постановки „Снегурочки“ академик Рерих, на днях возвратившийся в Петербург (после работ по росписи храма в имении кн. Тенишевой), говорит:

— В постановке „Снегурочки“ я совершенно не участвовал; мною были даны только эскизы».

Вторая часть интервью была посвящена другой постановке, тем более что она-то никакого скандала не предполагала, да и ставиться спектакль должен был не в Петербурге, а в Москве:

«...я много работал над „Пер Понтом“ для Московского Художественного театра, который пойдет 2-го октября, для чего мне придется несколько раз еще побывать в Москве. „Пер Понт“ в объеме, задуманном сейчас, пойдет в 14-ти картинах. Мне и моим помощникам: Замирайло, Яремичу, барону Клодту, Наумову, Петрову, Земляницыной пришлось много работать. Сам я с большим интересом ожидаю первого представления, так как в России „Пер Понт“ идет впервые, и мне никогда не приходилось слышать во всем объеме музыку Грига... Все лето я работал по росписи храма в имении княгини Тенишевой. Работаю темперой. В этом году еще не закончил, но надеюсь закончить будущим летом»^[160].

Действительно, Николаю Рериху было не до скандалов, ведь он давно уже подписал договор с Московским Художественным театром на оформление спектакля по пьесе Ибсена «Пер Гюнт». Необходимо было часто приезжать в Москву, чтобы тщательно следить за изготовлением декораций и костюмов, ведь могла повториться история со «Снегурочкой», хотя договор и предусматривал полную в этом смысле свободу художника. Согласно договору, необходимо было исполнить к «Пер Понту» четырнадцать эскизов декораций и несколько десятков эскизов костюмов и бутафории. Помощник Владимира Ивановича Немировича-Данченко, Константин Александрович Марджанов еще 26 октября 1911 года сообщил Н. К. Рериху подробности договора:

«Владимир Иванович просит меня официально уведомить Вас, что театр предлагает Вам следующие условия: 1. За каждый эскиз декорации по 200 руб., т. е. за все четырнадцать 2800 р. 2. Столько же театр уплачивает за работу лицам, которые по Вашему указанию и под Вашим руководством будут писать декорации. 3. За все эскизы костюмов, бутафории и др.

мелочей театр предлагает круглую сумму в 1000 руб. 4. Плата производится... 1/3 сейчас, одна в середине работ и одна по окончании их. Если условия эти Вы принимаете, не откажите прислать на мое имя свое согласие, и тотчас же Вам вышлют договор и 1200 с лишним рублей (т. е. одна треть)»^[161].

Началу сотрудничества Н. К. Рериха с Московским Художественным театром положили два обстоятельства — это письмо художника М. В. Добужинского, написанное К. С. Станиславскому еще в феврале 1909 года, и то, что в школе Общества поощрения художеств училась племянница одного из основателей МХАТа — Владимира Ивановича Немировича-Данченко, Е. М. Бебутова. После просьбы К. С. Станиславского помочь в подборе художников для оформления спектаклей Художественного театра М. В. Добужинский 2 февраля 1909 года написал из Петербурга в Москву письмо, в котором называл знакомых ему петербургских художников: «Мои друзья, которым я передал о Вашем предложении совместной работы, — с радостью соглашаются. Театр Ваш мы все давно любим и уважаем, и это то, о чем только можно было мечтать. Вопросы, которые Вам хочется разрешить, также близки и нам, но кажется, что искать то или иное решение можно было бы при непосредственной уже работе в театре. Что касается „Месяца в деревне“, то Бенуа, Бакст и Сомов, которые могли, по-моему, заинтересоваться этой постановкой, убедили меня взять на себя эту работу — их же интересуют теперь иные вещи... Бенуа интересуется Мольером, Рерих — Ибсеном, Кустодиев — Островским и Билибин — русскими историческими пьесами... Бенуа прямо мечтает о такой работе, где бы он мог быть не только декоратором, но и участвовать в самой постановке, что именно Вам и желательно...»

К. С. Станиславский не сразу решился на постановку «Пер Гюнта» Ибсена, многое останавливало. Во-первых, сказка состояла из 14 картин, и спектакль должен был длиться четыре с половиной часа. Кроме того, представления обычно начинались в 19.30, а значит, учитывая антракты, заканчивались далеко за полночь. Пьеса «Пер Гюнт» Ибсена еще ни разу не шла на российской сцене, и нужно было осуществить правильный перевод сцен и диалогов. Специально для того, чтобы вжиться в образ и на месте ощутить скандинавский колорит, вся труппа театра поехала в Норвегию. Режиссером спектакля совет театра назначил В. И. Немировича-Данченко, его помощниками — К. А. Марджанова и Г. С. Бурджалова, а художником стал Николай Рерих. Работа над пьесой продолжалась почти три года.

После премьеры Сергей Городецкий писал из Москвы Н. К. Рериху:
«Дорогой Николай Константинович.

Когда я вчера увидел, как Пер Гюнт возвращается к Сольвейг, я не мог удержать слезы тоски и восторга. Вид пламенных сосен, синей реки и высокой избушки теперь навсегда во мне и со мною, как и сама светлая Сольвейг, ждущая там. Как чудесно Вы сделали все эти пейзажи!

Целую вас крепко.

Ваш С. Городецкий»^[162].

Мой отец, известный поэт-переводчик и литературовед Лев Александрович Дубаев, ученик С. М. Городецкого, рассказывал, что Сергей Митрофанович часто вспоминал об этом спектакле, восхищался поэтичностью декораций Николая Рериха и считал каждую из них поэмой души «Северного странника».

Но премьерный спектакль не стал выдающимся событием сезона, зато все декорации очень нравились самому Н. К. Рериху, режиссерам и артистам. Кроме того, на этот раз Николай Рерих, чтобы следить за постановкой, регулярно приезжал в Москву. Любые переделки в декорациях и костюмах обязательно согласовывались. Николай Константинович посещал большую часть репетиций Художественного театра, где не сидел молча, а давал советы и комментарии. Театр начал готовиться к гастрольной поездке в Петербург со спектаклем. 7 февраля 1913 года, дабы избежать повторения неприятностей, которые возникали с Русским драматическим театром Рейнеке, помощник режиссера Г. С. Бурджалов писал Николаю Рериху в Петербург:

«Ввиду того, что придется приспособлять к сцене Михайловского театра несколько картин „Пер Гюнта“, а в особенности картины I-ю и II-ю, то не найдете ли Вы полезным, если для выяснения этих вопросов я приеду в Петербург... Привезу эскизы некоторых изменений на Ваше усмотрение»^[163].

Причем в следующих письмах Г. С. Бурджалов даже настаивал на личном присутствии Н. К. Рериха при переделке декораций.

Параллельно с работой над «Пер Гюнтом» Николай Константинович выполнял заказы еще нескольких театров.

После такой грандиозной постановки Ибсена Московский Художественный театр больше не имел возможности заказывать Н. К. Рериху декорации. Однако К. А. Марджанов, один из режиссеров «Пер Гюнта», нашел мецената миллионера В. П. Суходольского и создал в 1913 году свой «Свободный театр», где собирался поставить несколько пьес Мориса Метерлинка. Для работы в новом театре К. А. Марджанов пригласил режиссеров Александра Яковлевича Таирова и Александра

Акимовича Санина, который, естественно, порекомендовал привлечь к работе в качестве художника-декоратора своего давнего друга Н. К. Рериха. В этом выборе свою роль сыграло и то, что трехтомное собрание сочинений Мориса Метерлинка, изданное в Петербурге в 1906–1907 годах, оформлял именно Николай Рерих.

«Свободный театр» просуществовал недолго, причина закрытия была банальной, не хватило денег на финансирование смелых замыслов его организатора К. А. Марджанова. Но и за такой короткий срок были поставлены: опера М. П. Мусоргского «Сорочинская ярмарка», оперетта Ж. Оффенбаха «Прекрасная Елена», пантомима А. Шницлера «Покрывало Пьеретты» на музыку Э. Дохнаньи, мелодрама А. Доде «Арлезианка» на музыку Ж. Бизе, пьеса Бэпримо и Хазельтона «Желтая кофта».

Николаю Константиновичу Рериху предложили сделать декорации сразу к нескольким спектаклям бельгийского драматурга Мориса Метерлинка — «Принцесса Мален», «Пелеас и Мелисанд», «Слепые». С начала 1913 года Николай Рерих усердно трудится над оформлением «Принцессы Мален». Было изготовлено более 14 эскизов, подготовлены макеты и со дня на день предполагалось приступить к репетициям. Но неожиданно К. А. Марджанов отложил работу с актерами, у него начались трения с А. Я. Таировым и В. П. Суходольским. Тогда А. А. Санин предложил Н. К. Рериху срочно оформить уже поставленную в план оперу Римского-Корсакова «Кашей Бессмертный». Николай Константинович сделал несколько эскизов, но тут из Москвы почему-то перестали приходить письма, все как будто замерло. Николай Рерих попросил Александра Бенуа помочь в этой странной ситуации, так как считал неудобным самому навязываться театру. Александр Бенуа, оформлявший для «Свободного театра» спектакли, написал письмо А. А. Санину, который сразу же с извинениями ответил Николаю Рериху:

«Дорогой Колечка! Бенуа сообщает мне, что ты только руками разводишь и ничего не понимаешь в происходящем, почему де я тебе не пишу ничего о „Кашее“ и наших общих мечтаниях и планах... Я слишком люблю и ценю тебя, чтобы играть тобой, ставить тебя в смешное, нелепое положение. Когда постановка будет решена Суходольским, пройдут все мытарства, тогда лишь я совсем готовый обращусь к тебе. У Марджанова со мной твой „Кашей“ окончательно и решительно определен, но нельзя же играть твоим временем, силами, вдохновением. Ведь эскизы „Мален“ глупо стоят на столе. Я не хочу, чтобы с тобой повторилась на „Кашее“ та же история. Я сам хлопочу безумно о „Кашее“, отвоюю смету, чтобы работа твоя была для тебя и приятна, и интересна, и продуктивна, и выгодна. Я

думаю вскоре приехать к тебе (раньше сообщу тебе об этом) на день, на два. Это уже будет настоящее дело. Заказ „Кашея“ не мифический, а истинный, земной в многострадальном „Свободном театре“...»^[164]

Позже Николай Константинович вспоминал о неудавшейся постановке в «Свободном театре»:

«Жаль, что не состоялась „Принцесса Мален“ в Свободном театре в Москве. Все было готово, но случился крах антрепризы. Кто-то из меценатов взбунтовался против одного из директоров, и начался развал. Санин таинственно шепнул мне: „Забирайте эскизы и уезжайте, здесь пороховым пахнет“. Не однажды Санин спешил с добрым советом. Всегда нравилось, когда режиссер Санин надевал костюм хориста и вмешивался в толпу для энтузиазма. Даже в трудные часы жило в нем вдохновение»^[165].

Николай Рерих приложил немало усилий и потратил уйму времени, создавая декорации к «Принцессе Мален», и не собирался просто так бросать уже сделанную с таким старанием работу. Он стал искать способ поставить этот спектакль на петербургской сцене, и «Театр Музыкальной драмы» согласился. Теперь необходимо было получить обратно эскизы и макеты.

Руководитель «Свободного театра» вроде бы и не отказывался от «Принцессы Мален», но было ясно, что премьера откладывается на неопределенное время. Николай Константинович 18 января 1914 года решил написать знакомому московскому врачу и коллекционеру А. П. Ланговому письмо с просьбой посмотреть в кабинете дирекции «Свободного театра» «синий эскиз» к «Принцессе Мален» — «коридор с цветными стеклами». Рерих очень надеялся на возможность получить обратно хоть часть эскизов и просил А. П. Лангового подключить к спасению своих работ московского художника Игоря Грабаря: «Если бы и Грабарь его посмотрел, а то у меня мало синих вещей, а все больше желтые да красные»^[166].

Н. К. Рерих писал и в дирекцию театра, требуя прислать эскизы и макеты к «Принцессе Мален» в Петербург для доработки и исправлений. А. А. Санин чувствовал себя виноватым перед художником и, узнав о том, что Н. К. Рерих просит свои эскизы и макеты, пытаясь оправдаться, писал 24 января 1914 года:

«Я всегда тебя считал замечательным талантом, но не знал, что ты еще гений-провидец... Ты выбрал поистине „психологический момент“»^[167].

Часть эскизов Рерих все-таки получил, только это не меняло дела, в «Театре Музыкальной драмы» Петербурга решили полностью пьесу не

ставить. Режиссер театра И. М. Лапицкий предложил Н. К. Рериху переделать эскизы, после чего спектакль был назван «Сестра Беатриса». Состояла она из симфонической картины М. О. Штейнберга «Принцесса Мален», похожей на пантомиму, и небольшой трехактной оперы, написанной меценатом театра А. А. Давидовым на сюжет пьесы Мориса Метерлинка «Сестра Беатриса». Декорация для всего спектакля была выполнена только одна, и оформление сцены менялось с помощью разного освещения. Премьера состоялась 18 декабря 1914 года и не вызвала восторженных публикаций в прессе. Спектакль играли в пользу Комитета по оказанию помощи пострадавшим от войны бельгийцам. Все газеты писали о благотворительности и хороших декорациях Н. К. Рериха, но старались поменьше говорить о неудавшемся спектакле. Единственным утешением было то, что М. О. Штейнберг посвятил свою симфоническую картину лично художнику Николаю Константиновичу Рериху.

РУССКИЙ ОККУЛЬТИЗМ

Французский посол в России Морис Палеолог записал 21 ноября 1916 года в своем дневнике:

«Занятие тайными науками всегда было в почете у русских; со времени Сведенборга и баронессы Крюденер, все спириты и иллюминаты, все магнетизеры и гадатели, все жрецы эзотеризма и чудотворцы встречали радушный прием на берегах Невы.

В 1902 г. воскреситель французского герметизма, маг Папюс, настоящая фамилия которого — д-р Анкосс, приехал в Петроград, где он скоро нашел усердных поклонников».

Папюс (Жерар Анкосс) на самом деле приезжал в Россию трижды — в 1901, 1905 и 1906 годах. До самой смерти (1916 год) он переписывался с императором и императрицей. В Петербурге доктор Папюс основал от имени «Верховного совета Ордена мартинизма в Париже» ложу «Креста и Звезды», членами которой стали Николай II с супругой, вдовствующая императрица Мария Федоровна, великие князья Николай Николаевич и Петр Николаевич и многие высокопоставленные придворные. По личному распоряжению Николая II были переведены на русский язык и изданы книги Папюса: «Первоначальные сведения по оккультизму», С.-Петербург, 1904 год; «Философия оккультиста или Оккультизм и Спиритуализм», С.-Петербург, 1908 год; «Кабалла, или Наука о Боге, Вселенной и Человеке», С.-Петербург, 1910 год; а также «Генезис и развитие Массонских символов», напечатанная в типографии Санкт-Петербургской одиночной тюрьмы в 1911 году. О мартинизме Папюс говорил так:

«Орден мартинистов — служит центром распространения посвящения. Он учрежден с целью быстрого усвоения оккультизма и Христианского придания запада».

Еще в 1901 году, из Франции, Николай Рерих писал своей невесте:

«Что же касается до прописных сентенций Твоих родных и знакомых, то они меня мало трогают, ибо цыплят по осени считают, а я отнюдь не считаю, чтобы моя осень наступила или даже приближалась. Лишь бы я сам знал, что я делаю, а там хоть бы не только тряпкой, а даже и много хуже прозывали — это до меня не касается. И до Тебя касаться тоже не должно — неужели каждому факту, только и есть одно объяснение — ведь и это путь близоруких людей, которые глубже поверхности заглянуть не могут. Какая у нас — русских — скверная манера ни во что ставить

человеческую личность и раскусывать ее, словно она орех. Ведь слушаешь людские речи, так выйдет, надевай камень на шею и умирай — ан нет, не умрем, а будем сражаться!

Вчера был со мной курьезный случай. Сочинил я эскиз „Мертвый царь“ — когда скифы возят перед похоронами тело царя по городам его. Вечером же был у знакомых, и втянули меня в столоверчение, в которое, как я, помнишь, говорил Тебе, вовсе не верю. Можешь представить себе мое изумление, когда стол на мой вопрос: „какой из моих сюжетов лучший?“ выстукивает: „скифы мертвого человека хоронят“. Никто из присутствующих не мог знать этого сюжета, ибо я сочинил его в тот же день и никому еще не рассказывал. Вот то чудеса? А все-таки в столы еще не верю, надо еще как-нибудь испытать».

Морис Палеолог в своих воспоминаниях упоминал об особой мистической связи между императором Николаем II и доктором Папюсом:

«В последующие годы его здесь видели неоднократно во время пребывания его большого друга знахаря Филиппа из Лиона; Император и Императрица почтили его своим полным доверием; последний его приезд относится к февралю 1906 г. И вот газеты, дошедшие к нам недавно через скандинавские страны из Франции, содержат известие о том, что Папюс умер 26 октября [1916 года]. Признаюсь, эта новость ни на одно мгновение не остановила моего внимания, но она, говорят, повергла в уныние лиц, знавших некогда „духовного учителя“, как называли его между собой его восторженные ученики».

Далее бывший дипломат пересказывает мистическую историю, которую ему поведала некая дама:

«В начале октября 1905 г. Папюс был вызван в Санкт-Петербург несколькими высокопоставленными последователями, очень нуждавшимися в его совете ввиду страшного кризиса, который переживала в то время Россия. Поражения в Маньчжурии вызвали повсеместно в Империи революционные волнения, кровопролитные стачки, грабежи, убийства, пожары. Император пребывал в жестокой тревоге, будучи не в состоянии выбрать между противоречивыми и пристрастными советами, которыми ежедневно терзали его семья и министры, приближенные, генералы и весь его двор. Одни доказывали ему, что он не имеет права отказаться от самодержавия его предков, и убеждали не останавливаться перед неизбежными жестокостями беспощадной реакции; другие заклинали его уступить требованиям времени и лояльно установить конституционный режим. В тот самый день, когда Папюс прибыл в Санкт-Петербург, Москва была терроризована восстанием, а какая-то

тайнственная организация объявила всеобщую железнодорожную забастовку. Маг был немедленно приглашен в Царское Село. После краткой беседы с Царем и Царицей он на следующий день устроил торжественную церемонию колдовства и вызывания духов усопших. Кроме Царя и Царицы, на этой тайной литургии присутствовало одно только лицо: молодой адъютант Императора, капитан Мандрыгга, теперь генерал-майор и губернатор Тифлиса. Интенсивным сосредоточением своей воли, изумительной экзальтацией своего флюидического динамизма духовному учителю удалось вызвать дух благочестивейшего Царя Александра III; несомненные признаки свидетельствовали о присутствии невидимой тени... Дух ответил: „Ты должен, во что бы то ни стало, подавить начинающуюся революцию; но она еще возродится и будет тем сильнее, чем суровее должна быть репрессия теперь. Что бы ни случилось, бодрись, мой сын. Не прекращай борьбы“.

Изумленные Царь и Царица еще ломали голову над этим зловещим предсказанием, когда Папюс заявил, что его логическая сила дает ему возможность предотвратить предсказанную катастрофу, но что действие его заклинания прекратится, лишь только он сам. исчезнет „с физического плана“. Затем он торжественно совершил ритуал заклинания»^[168]. В октябре 1916 года Папюс умер, исчез с физического плана, значит, катастрофы и революции оставалось ждать недолго.

С 1912 года царская семья начала постепенно отходить от мартинизма, оказавшись теперь под влиянием Распутина, при этом, естественно, никаких репрессий против членов ордена не последовало. Друг Мориса Палеолога, английский дипломат Джордж Бьюкеннен и Анна Вырубова писали и о другой мистической связи царской семьи, только теперь с Распутиным, который объявил, что после его смерти падет и российское самодержавие. Как мы помним, Распутин был убит в декабре того же 1916 года.

Семья Рерихов интересовалась спиритизмом, у них в доме часто устраивались спиритические сеансы, на которые приглашались друзья и высокопоставленные сановники. На одном из таких сеансов побывал друг Рериха по «Миру искусства» художник Игорь Грабарь.

«...кто-то сказал нам в редакции, что Рерих зовет нас — Дягилева, Бенуа, меня и еще кой-кого — прийти к нему вечером на Галерную... прибавив, что у него будет знаменитый медиум Янек, вызванный в Петербург, помнится, из Варшавы специально для царя и царицы, до страсти увлекавшихся спиритизмом. Я был не любитель столоверчений: мне бывало всегда жаль времени, понапрасну потраченного на пустяки, и

было противно превращаться на целый вечер в объект беззастенчивого издевательства ловких, но недостаточно умных шарлатанов. Бенуа уговорил меня, однако, пойти, сказав, что это может быть забавно и просто интересно. Так как я был глубоко убежден, что все пресловутые „материализации“ и прочие фокусы не могут производиться одними только патентованными шарлатанами без содействия кого-нибудь из своих, из лиц, принадлежащих к дому, в который медиум приглашен, то я условился с двумя из гостей, моих единомышленников, кажется, с Раушем фон Траубенбергом и еще кем-то, кого не припомню, что я „разомкну цепь“ и попытаюсь в темноте пошарить и пошалить. Нас, как водится, предупредили, что „размыкание цепи — опасно для жизни“ и в лучшем случае может навлечь на виновников такой удар дубинкой по голове со стороны вызываемого духа, от которого не поздоровится. Кроме того, Рерих нас всех оповестил, что Янек самый сильный современный медиум и в его присутствии материализация духа принимает совершенно реальные формы, вплоть до полной осязательности. К нему благосклонен и потому постоянно является некий горный дух, воплощающийся в образе обросшего волосами человека, но „боже упаси до него дотронуться: будет беда“.

Огни потушены. В комнате нестерпимая жара от множества народа, составившего над столом цепь из рук. Вдруг раздаются странные звуки: не то гитары, не то балалайки. Что-то в комнате задвигалось и застучало.

— Началось, — слышался шепот.

Под столом было особенно беспокойно. Видимо, дух пыжился из всех сил материализоваться. Я решил, что настало время действовать, потихоньку высвободил свои руки от соседей справа и слева и, опустив их под стол, стал шарить. Через несколько минут я нащупал какую-то шкуру; провел руками по ее складкам, легко набрел на что-то твердое — не то темя, не то колено, которое шкура покрывала, и стал рвать ее к себе. Шкура не уступала, ее крепко держали, но возня была заметна, и через несколько минут я почувствовал сильный удар кулаком в спину, от которого вскрикнул и поднялся. Еще кто-то через мгновение зажег электричество, и все кончилось. Сеанс был сорван, вернее, был признан не вполне удавшимся.

Как увидим в дальнейшем, Рерих не только остался на всю жизнь пребывать в Оккультных эмпиреях, но впоследствии значительно усилил и усовершенствовал свои оккультно-трансцендентальные, потусторонне-практические приемы»^[169].

ПЕТРОГРАД — ГРАД ОБРЕЧЕННЫЙ

Шел 1916 год, жена Рериха Елена Ивановна настаивала на срочной поездке в Финляндию, но Николай Константинович все откладывал и откладывал отъезд. Наконец, после окончания экзаменов в школе Общества поощрения художеств, Николай Рерих сдался и на Рождество всей семьей отправились в Финляндию. Как писан об отъезде Рерих: «Решили, поехали. Конечно, бабушки и тетушки считали такую морозную поездку сумасшествием. Было 25° мороза по Реомюру. Вагон оказался не топленным — испортились трубы. Все же доехали отлично. „Сейрахуоне“, гостиница в Сердоболе, оказалась совсем пустой. Ладога с бесчисленными скалистыми островами — очаровательна»^[170].

Рерихи попали на север Ладоги, в Сердоболь, совершенно случайно. Когда все было готово к отъезду из Петербурга, выяснилось, что все известные петербургской элите гостиницы заняты. Поездка срывалась, но неожиданно выручил друг Рериха дирижер Леопольд Ауэр, он надоумил ехать в незнакомый городок Сердоболь.

16 декабря 1916 года Рерихи выехали из Петербурга в Финляндию.

«Карелия была хороша для моих нескончаемых бронхитов и пневмоний», — говорил позже Рерих, проведя в холодном вагоне почти сутки.

После праздников они вернулись в Петербург, а вскоре вновь засобирались в Финляндию, так как в Сердоболе арендовали имение в Юхинлахти на Ладожском озере.

В начале 1917 года Рериха прочили в министры изящных искусств, но «ползучая пневмония» опять заставила Николая Константиновича выехать в Карелию. Позже Рерих с ностальгией вспоминал те времена, когда пересекать границу было очень просто, да и Финляндия была частью России.

«Когда в декабре тысяча девятьсот шестнадцатого года мы, по моей болезни, выехали в Финляндию, странно вспомнить теперь, как легко и естественно тогда на паспорте оказался штампель Выборга. Потом надолго мы вообще забыли о паспортах, ибо оказалось, что мое имя было лучшим паспортом».

Русская революция накрыла многих своей пенистой волной и утянула в море противоречий и взаимного непонимания. Н. К. Рерих, как и многие деятели культуры, воспринял октябрьские события сначала с

воодушевлением, а потом с горьким разочарованием. До конца жизни эти два отношения к Советской России пересекались в душе художника, рождая то надежду на преобразование или возрождение былых культурных ценностей, то полное неприятие той социалистической системы, которая установилась в России.

Участвовал ли Рерих в революции? Однозначно на этот вопрос не ответишь. 8 марта 1917 года Рерих вместе со своими товарищами по «Миру искусства» подписал воззвание Комиссии по Делах Искусств при Исполнительном Комитете Совета рабочих и солдатских депутатов:

ВОЗЗВАНИЕ

Комиссия по Делах Искусств при Исполнительном Комитете Совета рабочих и солдатских депутатов

Граждане! Старые хозяева ушли, после них осталось огромное наследство. Теперь оно принадлежит всему народу.

Граждане, берегите это наследство, берегите дворцы, они станут дворцами вашего всенародного искусства, берегите картины, статуи, здания: это — воплощение духовной силы вашей и предков ваших.

Искусство — это то прекрасное, что талантливые люди умели создать даже под гнетом деспотизма, и что свидетельствует о красоте, о силе человеческой души.

Граждане, не трогайте ни одного камня, охраняйте памятники, здания, старые вещи, документы: все это — ваша история, ваша гордость. Помните, что все это — почва, на которой вырастает ваше новое народное искусство.

М. Горький, Н. Рерих, А. Бенуа, М. Добужинский^[171].

Появлению этого воззвания предшествовало несколько собраний на квартире писателя Максима Горького. Подробно об этих встречах рассказывал художник П. И. Нерадовский:

«Четвертого марта А. М. Горький пригласил к себе на квартиру 50 художников, архитекторов и общественных деятелей.

Когда я вошел к Горькому, он стоял посреди комнаты с группой пришедших, рядом с ним Ф. И. Шаляпин, который серьезно слушал Алексея Максимовича, и М. Ф. Андреева. Во всю комнату был накрыт чайный стол, в конце которого кипел самовар... Приглашенные все больше наполняли комнату, продолжая разговоры, начатые в передней при встрече. Среди собравшихся я увидел художников Александра Бенуа, Билибина, Добужинского, Петрова-Водкина, Рериха, архитекторов Фомина, Щуко, потом вошли певец Ершов, художник Нарбут и другие... Чтобы начать общую беседу, для которой все собрались, А. М. Горький предложил всем

сесть за стол. Когда уселись, Горький встал и сказал о задачах настоящего совещания. Он говорил о необходимости создать организацию, которая ведала бы охраной памятников искусства и старины, всех исторических памятников, ставших отныне достоянием народа; о необходимости сейчас же выбрать комиссию, которой поручить безотлагательно составить воззвание ко всем гражданам с призывом беречь памятники истории и искусства, затем обратиться в Совет рабочих и солдатских депутатов с заявлением о содействии. За чаем началась общая беседа, на которой обсуждались разные предложения, после чего выбрали комиссию. Поручили ей составление текста воззвания, с которым решено было направить делегацию в Смольный».

Уже 6 марта комиссия, почти в полном составе, была принята Советом рабочих и солдатских депутатов Петрограда. Было составлено «Воззвание о сохранении произведений искусства», проект воззвания о сохранении художественного наследия в этот же вечер подписал Исполком Петросовета. А через день его опубликовали в «Известиях Петроградского Совета рабочих и солдатских депутатов»^[172]. 13 марта комиссия была утверждена Исполкомом Совета рабочих и солдатских депутатов под названием «Комиссия по вопросам искусства», а Временным правительством — как «Особый совет по делам искусств».

Рерих, находясь в Карелии, написал Александру Бенуа об этой комиссии, которая должна была, среди прочего, заняться и реорганизацией школы Общества поощрения художеств, директором которой был Николай Константинович: «Неужели опять вернуться к культурному безразличию? Неужели можно думать о свободной жизни без знания, без радости искусства? Спуститься ли искусству до толпы, или же властно поднять толпу до найденных пределов искусства? Скоро ли искусство нужно будет толпам? Я верю человечеству, но всегда боюсь толпы. Сколько над толпой противоречивых, злых эманаций. Так много вредного, нечеловеческого. Творим картины, но, может быть, надо сидеть в Комиссиях? Кто знает? Письмо твое мне многое напомнило из наших сидений. Неужели опять будем сидеть?»^[173]

Для Рериха комиссия превратилась в безнадежное предприятие. А начиналось все действительно хорошо. Николай Рерих оказался среди руководителей «Особого совета по делам искусств при Комиссаре над бывшим Министерством двора и уделов». Председателем был избран А. М. Горький, товарищами председателя, то есть первыми заместителями — А. Н. Бенуа и Н. К. Рерих. Однако в состав особого совещания вошли

титулованные особы и бывшие руководители государственных художественных учреждений, среди них были и великий князь Константин Константинович Романов, писавший стихи под псевдонимом К. Р., и бывший вице-президент Академии художеств граф И. И. Толстой, а также Г. В. Плеханов и Д. С. Мережковский. Уже по составу было понятно, что просуществовать эта организация долго не сможет.

Совет был разбит на секции, в трех из которых состоял Н. К. Рерих: секция «по художественному образованию», «законодательная» и секция «музеев и охраны памятников искусства».

Комиссия вместе с советом должна была следить за развитием художественного образования, за выставками, делами музеев, выработать статьи будущего устава Ведомства изящных искусств, способствовать сохранению художественных ценностей, выработать новый стиль искусства. Совет и комиссия предполагали заботиться о распространении художественных идей, они принимали решение об учреждении новых памятников и об организации новых праздников. Из канцелярии комиссара Временного правительства Н. К. Рериху, в его директорскую квартиру в дом на Мойке, стали приходить официальные пакеты с приглашением на заседания комиссий:

«Уполномоченный Советом по делам искусств для организации художественно-музейной секции его, князь В. Н. Аргутинский-Долгоруков просит Вас пожаловать на заседание секции, имеющее быть в пятницу 16-го сего июля в 9 часов вечера (Зимний дворец)».

Совет по делам искусств обсуждал множество вопросов и принимал по ним огромное количество решений, которые чаще всего не выполнялись, а если и выполнялись, то совсем не так, как этого хотели члены совета. Сплошные неразрешенные проблемы и бесконечные заседания на тему: «Об организации Комиссии для приемки дворцового имущества», «О целесообразности эвакуации художественных ценностей из Петрограда», «О запросе Совета рабочих и солдатских депутатов Петергофского района о дальнейшей судьбе сооруженного на средства рабочих, но еще не открытого памятника Александру II», «О просьбе товарища обер-прокурора Святейшего Синода о доставлении для украшения зала Синода взамен портретов особ царствующего дома картин духовного содержания, принадлежащих бывшему Ведомству Двора», «О судьбе эрмитажных коллекций и коллекций Зимнего дворца, которые передаются Эрмитажу». После многочасовых заседаний члены совета поздно вечером расходились по домам, чтобы на следующий день вновь попытаться остановить разрушение.

Подпись Н. К. Рериха стояла под многими обращениями и постановлениями как совета, так и комиссии. Один из таких документов вызвал даже раскол среди членов совета. Обращение было следующего содержания: «При старом государственном строе, в тех ненормальных условиях, при которых развивалась наша художественная жизнь, во многих городах задуманы, а частью даже и осуществляются разного рода памятники. Исходя из того, что значительная часть их не удовлетворяет требованиям художественного вкуса, Особый совет по делам искусств при комиссаре над бывшим Министерством двора и уделов и Комиссия по делам искусств, утвержденная при Исполнительном Комитете Совета рабочих и солдатских депутатов, постановили обратиться ко всем правительственным и общественным учреждениям, в ведении которых находится сооружение этих памятников, в особенности предназначенных к увековечению памяти династии Романовых, с настоятельной просьбой приостановить все работы по созданию этих памятников, а о проектах и начатых работах довести до сведения Особого совещания по делам искусств (Зимний дворец)».

Многие начинали понимать, что А. М. Горький-Пешков не пойдет на компромисс, и часть членов комитета вышла из его состава. Они решили в противовес комиссии Горького создать Министерство изящных искусств, Н. К. Рериха называли одним из возможных кандидатов на пост министра. Такое предложение льстило Николаю Рериху, но расклад сил был уже ясен, и он отказался.

7 сентября из Сердоболя Рерих уже более откровенно пишет о комиссии и новом правительстве. Его детище — школа при Обществе поощрения художеств гибнет без средств:

«Степан Петрович (Яремич), вероятно, передал мою записку о школе. Как странно, что именно в революционном правительстве — просветительство должно гибнуть и нищать. Положение дела еще хуже, нежели я писал, ибо мои данные были от весны, а осень принесла во всем ухудшение. Надо придумать для школы хотя бы и сокращенные, но такие формы, чтобы она без нищенства могла бы стоять на своих ногах. Трудно это говорить мне, строителю, но нужно что-то сделать своими средствами, нежели ждать наше правительство, которое богачу Зубову помогает. Мне представляется тип свободных художественных мастерских, и живописных, и прикладных. Таким путем без громоздких классов мы все же сохраним идею единого искусства. Если вообще творчество и строительство будет возможно. Напиши о твоих настроениях и работах»^[174].

Все лето 1917 года Рерихи провели в имении ректора Сортавальской

семинарии О. А. Реландера. Местечко называлось Юхинлахти. Николай Константинович писал о нем Александру Бенуа: «Каждый день приносит ужасные вести: помни, что я живу на Yhinlahtia, а в переводе: на заливе Единения. Само слово напоминает о том, что нужно, чтобы спасти культуру, спасти сердце народа»^[175].

Осенью Рерихи были вынуждены переехать, так как снимать имение стало дорого для семейного бюджета. В это же время Н. К. Рерих пытался спасти свою школу, уже переименованную из Императорской во Всероссийскую. Из Карелии 10 октября 1917 года Рерих пишет искусствоведа А. П. Иванову:

«Дорогой Александр Павлович, получил Вашу весточку. Прочувствовал ее. Вот как нас раскидало! Живу в Сердоболе, больной — опять ползучее воспаление. Когда пройдет — бог знает. Дождь бьет в окна. Передо мной страницы К. Гамсуна с его маленькой культурой. Та же пароходная пристань. Те же интересы малого городка. Дороговизна убивает все. Мешок рж[аной] муки — 250 р., кило масла — 22 руб. и т. д. Как и все россияне, живем, проживаем запасы, вернее проедаем, а что впереди? Предлагали мне продать нидерландцев, но разве друзей продают? А может быть, этот сантимент более неуместен? Школа распускается, а мне, строителю, можно ли в роспуске участвовать? Учащиеся говорят: будем жить на „дефицит“, хоть пропади все дело, а сегодняшний день наш. При моей дальнозоркости такое положение разрушает все надежды. Приходы „Общества“ те же, а расходы ушестерились — формула ужасная в своей ясности. В августе я отказался от директорства и остался попечителем школы. Каждодневную работу передал Химоне. Комитет это считает временным, но я-то знаю, что к прежнему нет возврата. Есть мысль (неисправимый оптимизм) о новых формах сокращенной школы, но ведь их не дадут провести в жизнь. Если хотите, возьмите у моего брата мою августовскую записку о школе. Вы поймете ее и прочувствуете, особенно конец. Пока солнце взойдет — роса очи выест. Где же свобода и единство? Какие же темные силы все это съели? За это время я написал статью „Единство“ — о современном положении, конечно, печатать ее нигде. В прошлый приезд познакомился с Плехановым и Кропоткиным. Первый мне особенно понравился — в нем есть строительство! Второму, при его добрых глазах, мне трудно вложить в уста его речи из Писем бунтовщика. Несколько комично выходит.

Ото всего уходил в свою работу. Накапливал мечтания свои. Кому все это нужно? Нужно нам самим и тому неведомому народу, которому остатки (в виде старинной картины) перейдут. В „Единстве“ я провожу мысль об

анонимности творчества и думаю, что при перестройке жизни этот принцип пригодится. Ведь время все равно удалит личность. А мы творений духа временные стражи. И все-таки, что бы ни мыслили и как бы ни перекраивали жизнь, а все-таки светочами жизни будут стоять творения анонимные, причем подписи будут лишь сопроводительными нечеткими марками.

...У Грюнберга, кажется, все разваливается. Руманов в курсе этого дела. Трудно здесь жить с гамсуновской культурой. Ни малого, ни большого. Да и всем трудно. Одно плохо — нездоровье. Это уже сверх программы. Привет Вашей супруге. Пишите. Очень рад Вашим вестям. Сердечно Ваш Н. Рерих»^[176].

Николай Константинович в письме к Иванову упоминал и о своей статье «Единство». Эта статья, опубликованная в октябре 1917 года, весьма показательна в определении политических взглядов, сомнений и пристрастий Н. К. Рериха в этот период.

«Неужели... и нам придется спасаться на островах — от кого? От своих. Свои, свои! Откуда в вас эта безмерная дикость? Отчего замолчал в вас голос природы? Где ваш инстинкт, который даже собакам властно предъявляет природно-разумные требования? Отчего вы все утерjali? Ведь солнце и звезды были те же над вами? Каким безмерным трудом сможете вы искупить всю нашу дикость? Какие бездны откроются перед вами? Какие волны воплощений вам предстоят? Если бы вы только могли уразуметь это. Если бы вы могли знать больше того малого, что знаете. Откуда пришло самоуничтожение? Откуда восстание против знания и стремление к равнению по убожеству, по невежеству? Откуда изгнание свободы и замена ее тиранией? Если бы вы знали, что вы себе готовите! Приготовляете неумолимо. „Свои! Свои!“ Отчего тупоумны и недоброкачественны вожди ваши? Неужели запятнанный человек может стоять во главе чистой идеи? Вы убиваете душу народа. Но за это убийство вы заплатите безмерно и бесконечно. Убийство души народа и знания непростимо. И опыт, основанный на наследии пушки и насилия, не есть достижение.

Что общего с социализмом имеют дикие орды большевиков и им присных, с ярким тяготением к грабежу и насилию? Эти сборища одичалых рабочих, потерявших лик человеческий, но зато стремительно разбегающихся от первого выстрела. Все социалисты (если такие есть) должны восстать и уничтожить озверелые толпы. Дикари, они воюют с женщинами и с детьми! Большевики русские могут неотъемлемо гордиться одним, что ими нанесен смертельный удар социализму. Пусть сменит

мертвую букву будущее единство знания и духа. Пусть человечество очистится и твердо уничтожит негодяев и глупцов, им верящих. Глупость надо искоренить.

И тот, кто впишет в исторические исследования геройские страницы русского большевизма, тот скажет отвратительнейшую ложь. Мы поражены бессмысленностью и дикостью происходящего. Позорное самоуничтожение! Бездарная, кровавая трагедия с грабежами. Настоящий бунт рабов против знания. Неужели высокие принципы единства так безмерно далеки от этих дикарей? И чем возместят большевики миллиарды, которые они отняли у народа? Отняли своей грубой ложью. Новые налоги и безмерные тяготы будут памятью об одичалых, продажных большевиках. Документы их подкупности хранятся. И мы знаем, что не народ, не нация, а банда негодяев была предателями союзников. Большевики будут громить дворцы, будут разрушать храмы, будут вредить Финляндии, Украине. Они всюду внесут зерно черного начала. Во имя единства, во имя созидательной свободы, во имя законности пусть торопится народ убрать большевиков и тех предателей, которые с ними. Которые получили свои тридцать сребреников... Братья, помните, что наша Россия более всего страдает распушенностью мысли. Распушенность мысли есть следствие отсутствия морального воспитания. Конечно, не схоластически морального, а свободно морального. Различим всегда красивую, воздымающую мораль от мещанской сентиментальности... Не равнение по невежеству, но поднятие низов — единственная задача человечества. Материализм — есть собачья психология. В России особенно не укреплено чувство собственности. Неукрепленная собственность вредит возрастанию чувства достоинства. Отсутствие чувства достоинства вредит усовершенствованию. Когда свободный, сознавший чувство достоинства человек укрепитя в понимании собственности, тогда он тем легче дойдет от собственности личной до собственности народной, вселенской. И путь к единству золотого века только через эти три сознания. Но явиться могут они только при единстве духа. Заметьте: толпа наша всегда безумна. Толпа времени единства будет всегда священна и мудра. Насколько наши толпы далеки от священности свободной, настолько наше человечество далеко от великого единства...»^[177]

Второй темой этого воззвания стала идея об анонимности искусства:

«...Пусть будет ближайшим условием уравниения радости духа анонимность творчества. Вспомним чудесные скульптуры Египта и Греции. Вспомним изделия старого Китая, поражающие какой-то нерукотворностью. На них уже непонятные надписи. Замолкнувшие

навсегда имена. Наконец обратимся к увлекательным анонимным примитивам, часто с ярлыками, приклеенными лишь чьим-то тщеславием. Авторы этих творений не оставили нам имен своих. Они, видимо, и не стремились к этому. Ими руководили иные задачи. Они дали творения народу и стали творениями народа. Разве произведения стали хуже от их анонимности. Разве кому-нибудь, кроме торговца, нужно определенное имя выше художественного смысла картины? Пустой звук. Отошедший в забвение пустой набор букв. Необъяснимое клеймо. Подумайте об анонимности творчества. Это не выдумка, а условие вполне жизненное. В нем еще одна ступень возвеличения духа за преходящими пределами дня. В нем еще шаг в ускорении мечты человечества. Или все радости должны быть уничтожены? И тогда не нужны и возвеличения духа. Но без радости духа отбывается и весь смысл существования в этой жизни. Ближайшие условия творчества: внешняя анонимность и внутреннее одухотворение. Не этими ли признаками возросли творения древности, дошедшие до нас через все бури веков? В искусстве, в великом сердце народов с чуткостью и прозрением отражается все грядущее. И тем справедливее народам на всех ступенях развития искусство сберечь и возвеличить... Конечно, для высокого духа не пустое слово „братство“. И для безмерной, еще неосознанной просвещенности возможны равенство и единство. Единство — высшее одухотворение всего существующего... Лишь подвигом деятельным мечта претворится в жизнь. Мечта великая и мирная требует и подвиг великий и мирный. Не изгоняйте мечту звероподобные, злые в незнании своем! Откуда умирится злоба, если знание не увеличится? Откуда ширина горизонта, если глаза повязаны кровавой завесой? Еще прежнюю звериною тропую идет человечество. Где же ему уловить мечту самую чистую, самую свободную. Слепорожденный не знает, что есть свет. Не ведает раб рожденный свободу... Но пути неоспоримы. В поисках духа возникнет духотворчество. И сделает оно дух осязаемым даже для нашего грубого ощущения. Оборачиваясь к провозвестиям древности, зная, что самые отвлеченные пророчества чудесным путем ковали новую жизнь, мы обернемся и к древним знакам духа. Придет духотворчество. Опять легко смеяться. Легко утверждать, ничего не зная. Особенно легко нам, живущим в полуграмотной стране. Срам-то какой! А если бы каждый грамотный обучил двух неграмотных, то величайший позор отошел бы в область преданий. Но никакая темнота не угасит духа. Посмотрите опять на толпы. Во зле друг другу вредящие. Не может так продолжаться. Спешим от града до града. Слышен грохот тяжело обитых ворот. По каменному полу стучат спешные шаги. Одинокие. Нетронутые недра. Знания мало. Всегда будем

помнить, что мы знаем мало. Вступая в тень, встречая ночь, вспомним, что узнали нового. В чем поднялись? Не знаем. Не чувствуем. Изыщем пути. На побережье бесчисленны острые камни. Валуны. Прошедшие объятия волн. На гребне волны вознесенные. Уравненные. Вскройте их. Молотом оживите. В них аметисты, топазы, гиацинты. Кристаллы сверкающие. Отложения десятков тысячелетий. Испытайте. Ищите... А сколько из птиц перелетных отдадут жизнь за один перелет? За один перелет в край чудесный...»[\[178\]](#)

ГОВОРЯЩИЕ КАМНИ

Иосиф Виссарионович Сталин, народный комиссар по национальной политике, 27 ноября 1917 года приезжает в Гельсингфорс. Он выступает на съезде социал-демократов Финляндии и провозглашает принцип национального самоопределения, включая право на полное отделение народов и образование самостоятельных национальных государств. Этим воспользовалось правительство Финляндии и тут же потребовало немедленно осуществить свое право на независимость.

31 декабря 1917 года Совет Народных Комиссаров принимает Декрет о государственной независимости Финляндии. Таким образом, по парадоксальному стечению обстоятельств, буржуазия Финляндии получила власть из рук русских социалистов. Не помогла и запоздало организованная в январе 1918 года Финляндская революция, которая переросла в гражданскую войну. В Петрограде 1 марта был подписан договор об укреплении дружбы и братства между РСФСР и Финляндской социалистической рабочей республикой. Такое название для Финляндии предложил Владимир Ленин. Оставшиеся на территории Финляндии войска Советской России не смогли удержать власть.

На помощь буржуазному правительству Финляндии пришли германские войска, и вопрос о власти был решен быстро. На территорию Финляндии 3 апреля немцы высадили 12-тысячную «балтийскую дивизию», которая 13 апреля при поддержке артиллерии, под командованием генерала фон дер Гольца, вошла в Гельсингфорс (Хельсинки). И уже 15 мая сейм Финляндии принял решение о разрыве отношений с Советской Россией.

В августе 1918 года было заявлено, что мирные отношения между Советской Россией и Финляндией могут быть установлены только после присоединения к Финляндии Карелии и всего Кольского полуострова. С этого момента Финляндия — самостоятельное государство, а политика в отношении русскоязычных жителей становится отнюдь не лояльной.

В одном из писем известному финскому художнику Аксели Галлен-Каллеле, имевшему вес в правящих кругах Финляндии, Рерих в 1918 году пишет:

«Мой милый друг Аксель!

Надеюсь, что это письмо еще застанет Тебя в Каяни. Нужно, чтобы Ты срочно рекомендовал меня губернатору Выборга господину Хекселю. В

противном случае очень возможно, что мне придется покинуть Финляндию... С 1 сентября снова начнется выселение русских, проживающих в Финляндии. На этот раз никто не сможет остаться. Потому что оставят только тех, у кого есть работа или жилье. Не имея ни того, ни другого, я окажусь среди высланных... Когда мне сообщили эту новость, я засмеялся. Но только что я получил письмо от человека, которому доверяю. Этот человек советует мне заpastись рекомендательными письмами от исключительно известного и ценимого в Финляндии человека. Я сразу же подумал о Тебе. Твое имя мне поможет. Мне очень неловко Тебя вновь беспокоить, но что делать. Я утешаюсь тем, что, может быть, позже смогу Тебе помочь. Как бы я хотел видеть Тебя, поговорить с Тобой, знать, что Ты думаешь о том хаосе, который нас окружает. Если бы нас не преследовали, мы бы остались здесь еще на три недели, а на зиму остались бы в Выборге (там у нас намечено жилье)...

С благодарностью и дружбой. Твой Н. Рерих. 29 августа, Тулолансаари, Сортавала».

Именно к этому времени относится и первое письмо известного писателя Леонида Андреева, адресованное Николаю Рериху.

«Когда я узнал от Гуревичей, что Вы в Финляндии, я был чрезвычайно обрадован, — писал Леонид Андреев 30 сентября 1918 года. — ...Ведь я живу за границей не только в смысле территориально-политическом, но и в отношении душевном, а Вы для меня — свой. Со всей радостью и со всем душевным приветом я буду ждать Вас, у меня посветлело на душе, когда нынче я прочел Ваше письмо. Приезжайте, дорогой Николай Константинович!»^[179]

9 октября 1918 года германский принц Фридрих Карл Гессенский был избран королем Финляндии. В воздухе уже витали образы великой Германии, но начавшаяся в Берлине революция и поражение немецкой армии в Первой мировой войне превратили Финляндию 17 июля 1919 года из вассального государства в республику.

Еще в 1914 году в страны Балтии отправили выставку картин русских художников, среди которых были и тридцать картин Н. К. Рериха. Но Первая мировая война застала ее в Швеции, поэтому картины так и не смогли вернуться в Петербург, а продолжали оставаться в Шведском городке Мальмё.

В начале 1918 года шведский профессор Оскар Бьорк прислал Николаю Константиновичу письмо с просьбой приехать в Стокгольм и разобрать картины Русского художественного отдела. Н. К. Рерих не стал упускать такой возможности и согласился на поездку в Швецию, поставив

условие — обязательно организовать свою отдельную выставку в Стокгольме. Такое предложение, как нельзя лучше, устраивало Оскара Бьорка. Весной 1918 года семья Рерихов еще раз переезжает, теперь из дома Генеца в имение купца Баринава на остров Тулолансаари (близ Сердоболя).

Становилось уже ясно, что затворником прожить в Финляндии невозможно, необходимо восстанавливать старые связи. Подготовка к выставке заняла уйму времени, оказалось, что художник не имеет права без соответствующего разрешения перевозить свои картины по территории Финляндии, а уж тем более переправить их на выставку в Швецию.

Рерих решил воспользоваться своими знакомствами в Финляндии и снова обратился к своему другу, члену Финской академии художеств Аксели Галлен-Каллеле:

«Мы часто думаем о тебе, потому что вот уже больше года как мы в Финляндии. Зима застала нас в Сортавала... Теперь мы живем в Тулолансаари, это час езды от Сортавала на пароме. Я много работаю, природа этих мест мне бесконечно нравится. Мы были бы очень счастливы, если бы ты приехал провести у нас несколько дней. Я бы так хотел показать тебе последние работы. Милый друг, у меня есть к тебе большая просьба. Мне необходимо получить в сенате разрешение на перевоз моих картин и красок багажом. Я уверен, что если ты замолвишь словечко о значении моих работ, я получу это разрешение. Я также думаю, что несколько слов от тебя или от Художественного общества властям Сортавала могли бы мне очень помочь. До сегодняшнего дня мне не на что жаловаться, можно только восхищаться их любезностью. Но время бежит, мне хотелось бы, чтобы они узнали, что у меня есть друзья, ценящие мое искусство. Надеюсь, что это письмо дойдет до тебя. Буду счастлив узнать твои новости.

С искренней дружбой Н. Рерих. Сортавала, Тулолансаари, дом Баринава, 12 июля 1918».

Разрешение на провоз красок и картин было вскоре получено, и наконец осенью 1918 года Рерих вместе со своим старшим сыном Юрием выехали в Швецию. 8 ноября 1918 года открылась выставка картин Рериха в Мальмё, а потом в Стокгольме. Кроме старых были и новые картины, написанные уже в Карелии: «Вестник утра», «Еще не ушли», «Зов солнца», «Рыцарь ночи», «Северные острова», «Экстаз» и многие другие. Выставка имела большой успех и несколько поправила трудное финансовое положение семьи Рерихов. Многие картины были проданы в музеи и частные коллекции. Шведские, датские, финские газеты наперебой

расхваливали русского художника.

Но у Н. К. Рериха была и еще одна проблема, приведшая его в Стокгольм, — 14-летний сын Святослав не успел получить аттестат зрелости, так как вместе с отцом уехал в Финляндию, не закончив гимназии Карла Мая. В конце 1918 года в Стокгольме, в посольстве России в Швеции, Святослав успешно сдал экзамены за полный гимназический курс. Там же, в Стокгольме, Рерихи получили заграничные паспорта. Консул был очень рад встрече с известным художником, и все документы оформил без проволочек.

«№ 624

По Уполномочию Временного Российского Правительства

Объявляется через сие всем и каждому, кому о том ведать надлежит, что показатель сего российский гражданин Николай Константинович РЕРИХ, родившийся 27-го сентября 1874 года в г. Петрограде, имеет место жительства в Швеции. Сей паспорт действителен также для проезда из Швеции за границу и для возвращения в Швецию. Во свидетельство того и для свободного проезда дан сей паспорт от Российского Генерального Консульства в Стокгольме Ноября 23 / Декабря 6 дня 1918 года.

Генеральный Консул

Приметы: Рост: средний. Волосы: светло-русые с проседью. Глаза: синие. Лицо: овальное. Ос. приметы: нет. Пост. жительство: Петроград. 23 ноября 1918 г.».

Получив паспорт, Николай Рерих вдруг вспомнил, что неплохо бы оформить паспорт и для жены Елены Ивановны, но в отсутствие обычно такие документы не оформлялись, ни один чиновник консульства не хотел выписывать документ заочно, однако российский консул хорошо знал и уважал художника, поэтому на свой страх и риск собственноручно заполнил бланк паспорта, фотографии тоже под рукой не было, поэтому фото своей жены Николай Константинович вырезал из группового снимка.

«№ 625

По Уполномочию Временного Российского Правительства

Объявляется через сие всем и каждому, кому о том ведать надлежит, что показательница сего российская гражданка Елена Ивановна Рерих, родившаяся 31 Января 1879 года в Петрограде, отправляется из-за границы в Швецию. Сей паспорт действителен также и для проживания в Швеции. Во свидетельство того и для свободного проезда дан сей паспорт от Российского Генерального Консульства в Стокгольме Ноября 23 / Декабря 6

дня 1918 года.

Генеральный Консул

Приметы: Рост: средний. Волосы: темно-шатеновые. Глаза: карие. Лицо: овальное. Ос. приметы: нет. Пост. жительство: Петроград. 23 ноября 1918 г.».

Как совершеннолетний, свой первый паспорт сын Юрий получил вместе с родителями:

«№ 626

По Уполномочию Временного Российского Правительства

Объявляется через сие всем и каждому, кому о том ведать надлежит, что показатель сего российский гражданин Георгий Николаевич Рерих, родившийся 3 августа 1902 года в г. Окуловке Новгородской губ[ернии], отправляется из-за границы в Швецию. Сей паспорт действителен также и для проживания в Швеции.

Во свидетельство того и для свободного проезда дан сей паспорт от Российского Генерального Консульства в Стокгольме Ноября 23 / Декабря 6 дня 1918 года

Генеральный Консул

Приметы: Рост: средний. Волосы: шатен. Глаза: карие. Лицо: овальное. Ос. приметы: нет. Пост. жительство: Петроград. 23 ноября 1918 г.».

Выставка в Стокгольме проходила с 10 по 30 ноября в зале Гумессон. Картины Рериха в Швеции пользовались коммерческим успехом, среди покупателей были фабриканты и министры. В роскошном выставочном каталоге, рядом с цветными репродукциями, помещался шведский текст, в котором Н. К. Рериха представляли как русского художника с душой скандинава:

«Глядя на картины Рериха, шведский зритель чувствует себя в хорошо знакомой среде — среде древнескандинавских саг... Фантазия Рериха не знает границ... Кроме исторических и аллегорических картин им созданы портреты, фрески, эскизы к балетам и театральным декорациям. Из последних следует упомянуть эскизы декораций к спектаклю „Пер Гюнт“, которые, несмотря на совершенство (эскизы декораций воспроизводят природу Норвегии), были созданы художником, не бывавшим еще в Норвегии и в Скандинавии вообще... Следует упомянуть эскизы декораций... к спектаклям „Слепые“ и „Сестра Беатриса“ Метерлинка».

На этой выставке к Николаю Константиновичу подошел «странный человек», пообещавший ему золотые горы. Позже Рерих описывал эту встречу в темных тонах:

«...на выставку явился таинственный господин с невнятной фамилией, спрашивает:

— Вы собираетесь в Англию?

— Откуда вы это знаете?

— Мы многое знаем и пристально следим. Не советуем ехать в Англию. Там искусство не любят и ваше искусство не поймут. Другое дело в Германии. Там ваше искусство будет оценено и приветствовано. Предлагаем устроить ваши выставки по всей Германии и гарантировать большую продажу. А чтобы не было сомнения, можно сейчас же подписать договор и выдать задаток.

...Призрак с задатком!...»^[180]

Рерих от задатка отказался не только потому, что строил планы на поездку в Англию — согласившись, ему пришлось бы закрыть выставку, а она приносила хорошие деньги. Картины Николая Рериха отправились по скандинавским странам. В Норвегии они оказались 10 января 1919 года. В Копенгагене, в выставочном зале «Ovenlyssalen» на улице Бредгаде, успех был не меньший, чем в Швеции, и, конечно, публика особо отмечала картины, в которых есть скандинавские мотивы. Одна из норвежских газет писала: «Среди выставленных картин можно упомянуть... сюиту из Карелии и работу по сюжету предания о Велюнде, изображение смерти Ньяла...»

Далее выставка переехала в Данию, потом в Финляндию.

25 ноября 1918 года Леонид Андреев писал Рериху о шведской выставке: «Жалко, что я не видел и не знаю последних Ваших картин, тех, что на выставке, и не могу моими глазами проследить глаза публики: как они смотрят на вот это, это. Конечно, успех должен быть, но, как мне всегда казалось, не у толпы: она примет Вас только на веру, в очаровании красок, а к миру Ваших видений смогут подойти только немногие. Но мне хотелось бы видеть, как они видят? Как они смотрят? лица и глаза? Вместе с Вами походить бы по выставке и подсмотреть смотрящих»^[181].

В то время когда барон Карл Густав Маннергейм, регент Финляндии, объявлял об очередном роспуске Сейма, гельсингфорсская русскоязычная газета писала о Н. К. Рерихе, выехавшем в Швецию с выставкой своих картин:

«Художник Н. К. Рерих предполагает, как мы слышали, устроить выставку своих картин в Гельсингфорсе. Несомненно, это будет крупным художественным явлением, которое доставит русскому населению кроме высокого эстетического наслаждения и некоторое удовлетворение

национальному самолюбию: творчество этого художника развернется перед глазами тысяч посетителей, которые смогут смотреть его картины, одну из славных страниц русской культуры.

Недавно картины Н. К. Рериха были выставлены в Мальмё (в Швеции), где они имели большой и заслуженный успех. Приводим извлечение из критической характеристики, данной Н. К. Рериху одною из датских газет:

„На Балтийской выставке в Мальмё русский отдел был одним из наиболее выдающихся. С чисто художественной точки зрения он, однако, далеко не может сравниться с немецким, как и шведским и датским. Он имеет собственное настроение. Фантазия много работала здесь. Он имеет замечательные противоположности. Нечто благородное, нечто давно умершее в западной Европе, нечто исходящее из Византийской культуры смешалось здесь с крайне новыми течениями. Первобытная сила и слабость, вырождения, грубость и тонкость ведут борьбу. Но замечательнее всего проблески великой, нетронутой души народа, которые проглядывают то здесь, то там. Эти проблески заметны в больших, ярко написанных картинах А. Е. Яковлева и его же портретах художников и ученых; еще более заметны они в чудесной картине Д. С. Стеллецкого „Марфа Посадница“, но лучше всего они воплощены в произведениях Николая Рериха.

Его выставка была очень обширна; большой зал содержал исключительно его работы. Он обладает редким даром сильных декоративных эффектов. Как сказал один опытный критик, многие из его картин могли бы быть воспроизведены в тканях и мозаике.

Выставка Рериха в „Ovenlyssalen“ на Bredgade дает до некоторой степени новый взгляд на его произведения. Он является здесь, прежде всего, талантливым театральным живописцем. Он обладает фантазией и удивительным умением схватывать эффектное. Он пишет смело, широко, законченно, он часто обходит тонкости, которые придают картине очарование, и его произведения надо смотреть на расстоянии нескольких метров. Его краски соответствуют его манере писать. Он опускает свои кисти в чистые, яркие краски и не боится сильных контрастов, но его искусство имеет блестящие возможности в области театральных эффектов...“^[182]

Столь же хвалебные отзывы поместили и другие скандинавские газеты. Творчество Н. К. Рериха характеризовалось в них как: «Метерлинк в живописи», «волшебная земля Рериха», «живопись черного опала», «говорящие камни».

13 и 14 января в «Svenska Dagblatt» публиковалась большая статья Николая Рериха о русском искусстве, вызвавшая огромное количество сочувственных отзывов. Газеты писали, что «Н. К. Рерих исполнил то, что в настоящее время должен исполнить каждый культурный русский деятель, т. е. предъявить то, что в России является наиболее ценным в культурном отношении». В тот же год Николай Рерих был избран членом Художественного общества Финляндии.

ДЕРЖАВА РЕРИХА

Возможно, теперь, когда многие европейские газеты писали о Рерихе как о гениальном художнике, он мог не опасаться депортации за пределы Финляндии. Но рисковать Николай Константинович не стал. Из Финляндии 12 февраля 1919 года он писал С. П. Дягилеву:

«Считаю, что наше дело теперь пропагандировать Россию во всех областях. Здесь в Финляндии — дело маленькое, надо выступать шире... Извести, милый, что можно сделать для моего приезда и для моего выступления. Буду с нетерпением ждать твой ответ. Буду сердечно рад с тобой увидаться после всего пережитого. По сию сторону надо держаться вместе и утверждать русское искусство за границей»^[183].

Сергей Дягилев не заставил себя долго ждать, письмо Николая Константиновича пришло как нельзя кстати: в это время в Англии вместе с Томасом Бичемом Дягилев возобновил свои знаменитые «Русские сезоны». В письме к Николаю Константиновичу Дягилев, со свойственными ему преувеличениями, обещал многое, писал о возможном устройстве выставок картин Н. К. Рериха в Англии и о создании декораций для нескольких спектаклей «Русских сезонов», с огромным размахом организуемых в Европе. Конечно, Николай Константинович сразу принял предложение Дягилева, тем более что и паспорта, полученные в Стокгольме для легализации пребывания Рерихов в Финляндии, давали возможность легко пересечь границу с Англией. Тем временем выставка картин Н. К. Рериха становилась все более популярной.

Газета «Русская жизнь» с энтузиазмом поддерживала своего известного соотечественника. Именно эта финская газета поместила 29 марта 1919 года знаменитый очерк Леонида Андреева «Держава Рериха», который определил будущее отношение к творчеству и деятельности художника. Этот очерк вышел в день открытия выставки картин в салоне Стриндберга, который располагался на одной из центральных улиц Гельсингфорса (Хельсинки). Леонид Андреев писал его с 24 февраля по 1 марта, и только 2 марта 1919 года отослал Н. К. Рериху с припиской: «Дорогой мой друг! Целился написать статью как раз к первому (российская привычка — в последний срок!) и промахнулся: оказалось, что в феврале, несмотря на декреты, всего 28 дней, и я на день опаздываю. Именно: кончаю статью сегодня вечером и завтра, оставив себе копию на всякий случай, почтою посылаю Вам вместе с этим письмом. Только не

судите строго! Говоря по чистой совести, очень трудно (а минутами казалось, невозможно) сосредоточить мысль на чем-либо ином, кроме треклятого большевика. С какою радостью в иное время я не только лизнул бы от Вашего творчества, как сейчас — а окунулся бы с головой, постарался бы нырнуть на самое дно!»^[184]

Рериху эссе очень понравилось, и он организовал его публикацию в газете «Русская жизнь», к самому открытию выставки.

Выставка проходила помпезно. Вступительную речь произнес Аксели Галлен-Каллела, он зачитал приветствие Н. К. Рериху от правительства Финляндии. Почти все финские газеты поместили статьи об этой выставке, тем более что главный художественный музей Финляндии — Atheneum — объявил о покупке картин Н. К. Рериха для постоянной экспозиции. Статья Л. Андреева была сразу переведена на финский язык и опубликована в апрельском номере журнала «Otava» с пометкой «Написана Леонидом Андреевым специально для „Otava“»^[185].

«Рерихом нельзя не восхищаться, — писал Леонид Андреев в своем эссе, — мимо его драгоценных полотен нельзя пройти без волнения. Даже для профана, который видит живопись смутно, как во сне, и принимает ее постольку, поскольку она воспроизводит знакомую действительность, картины Рериха полны странного очарования; так сорока восхищается бриллиантом, даже не зная его великой и особой ценности для людей. Ибо богатство его красок беспредельно, а с ним беспредельна и щедрость, всегда неожиданная, всегда радующая глаза и душу».

Как истинный друг, Леонид Андреев не скупился на похвалы: «Видеть картину Рериха — это всегда видеть новое, то, чего вы не видали никогда и нигде, даже у самого Рериха. Есть прекрасные художники, которые всегда кого-то и что-то напоминают. Рерих может напоминать только те чарующие и священные сны, что сняты лишь чистым юношам и старцам и на мгновение сближают их смертную душу с миром неземных откровений. Так, даже не понимая Рериха, порою, не любя его, как не любит профан все загадочное и непонятное, толпа покорно склоняется перед его светлой красотой. И оттого путь Рериха — путь славы. Лувр и музей Сан-Франциско, Москва и вечный Рим уже стали надежным хранилищем его творческих откровений; вся Европа, столь недоверчивая к Востоку, уже отдала дань поклонения великому русскому художнику».

Именно писатель Леонид Андреев первым создал мифологему вокруг имени и творчества великого художника, он показал новый образ — образ художественной Державы Рериха:

«Колумб открыл Америку, еще один кусочек все той же знакомой земли, продолжил уже начертанную линию — и его до сих пор славят за это. Что же сказать о человеке, который среди видимого открывает невидимое и дарит людям не продолжение старого, а совсем новый, прекраснейший мир! Целый новый мир! Да, он существует, этот прекрасный мир, эта держава Рериха, коей он единственный царь и повелитель. Не занесенный ни на какие карты, он действителен и существует не менее чем Орловская губерния или королевство Испанское. И туда можно ездить, как ездят люди за границу, чтобы потом долго рассказывать о его богатстве и особенной красоте, о его людях, о его страхах, радостях и страданиях, о небесах, облаках и молитвах. Там есть восходы и закаты, другие, чем наши, но не менее прекрасные. Там есть жизнь и смерть, святые и воины, мир и война — там есть даже пожары с их чудовищным отражением в смятенных облаках. Там есть море и ладьи... Нет, не наше море и не наши ладьи, такого мудрого и глубокого моря не знает земная география. И, забываясь, можно... позавидовать тому рериховскому человеку, что сидит на высоком берегу и видит, видит такой прекрасный мир, мудрый, преображенный, прозрачно-светлый и примиренный, поднятый на высоту сверхчеловеческих очей».

Создавая мифологему, Леонид Андреев, естественно, не забывал и о скандинавских корнях Николая Константиновича. Он писал о русском скандинаве, выросшем на образах знаменитого эпоса Калевала и произведениях Генрика Ибсена:

«Ища в чужом своего, вечно стремясь небесное объяснить земным, Рериха как будто приближают к пониманию, называя его художником седой варяжской старины, поэтом севера. Это мне кажется ошибкой, Рерих не слуга земли ни в ее прошлом, ни в настоящем, он весь в своей мире и не покидает его.

Даже там, где художник ставит себе скромной целью произведение картин земли, где полотна его называются „Покорением Казани“ или декорациями к норвежскому „Пер Гюнту“, — даже и там он, „владыка нездешний“, продолжает оставаться творцом нездешнего мира; такой Казани никогда не покорял Грозный, такой Норвегии никогда не видел путешественник. Но очень возможно, что именно такую Казань и такую битву видел грозный царь в грезах своих, но очень возможно, что именно такую Норвегию видел в мечтах своих поэт, фантазер и печальный неудачник Пер Гюнт — Норвегию родную, прекраснейшую, любимую. Здесь как бы соприкасаются чудесный мир Рериха и старая, знакомая земля — и это потому, что все люди, перед которыми открылось свободное море

мечты и созерцания, почти неизбежно пристают к рериховским „нездешним“ берегам. Но для этого надо любить север. Дело в том, что не занесенная на карты держава Рериха лежит также на севере. И в этом смысле (не только в этом) Рерих — единственный поэт севера, единственный певец и толкователь его мистически-таинственной души, глубокой и мудрой, как его черные скалы, созерцательной и нежной, как бледная зелень северной весны, бессонной и светлой, как его белые и мерцающие ночи».

Последующие критики, искусствоведы, каждый по-своему, будут развивать образ, созданный Леонидом Андреевым, — «Мир Рериха», — заменяя северные мотивы, воспетые писателем, мотивами Индии и Тибета.

«И еще одно важнейшее можно сказать о мире Рериха, — продолжал Леонид Андреев, — это мир правды. Как имя этой правды, я не знаю — да и кто знает имя правды? — но ее присутствие неизменно волнует и озаряет мысли особым, странным светом. Словно снял здесь художник с человека все наносное, все лишнее, злое и мешающее, обнял его и землю нежным взглядом любви — и задумался глубоко... что-то прозревая... Хочется тишины, чтобы ни единый звук, ни шорох не нарушил этой глубокой человеческой мысли. Такова держава Рериха. Бесплодной будет всякая попытка передать словами и ее очарование и красоту; то, что так выражено красками, не потерпит соперничества слова и не нуждается в нем. Но если уместна шутка в таком серьезном вопросе, то не мешает послать в царство Рериха целую серьезную бородатую экспедицию для исследования. Пусть ходят и измеряют, пусть думают и считают, потом пусть пишут историю этой новой земли и заносят ее на карты человеческих откровений, где лишь редчайшие художники создали и укрепили свои царства»^[186].

Финские газеты в своих похвалах не отставали от русскоязычных, но не обошлись и без некоторой ложки дегтя. Главной для финских критиков была близость картин Рериха по духу и тематике скандинавам. Так, Эдвард Рихтер в газете «Helsingin Sanomat» говорил о Рерихе как о человеке, живущем духом Скандинавии, считая его фантазию чисто скандинавской. Рихтер делал акцент на то, что художник описывает главным образом историю и мифологию скандинавов, поэтому уделял внимание эскизам Рериха к декорациям, из которых были представлены на выставке работы к спектаклям Мориса Метерлинка «Принцесса Мален» и Генрика Ибсена «Пер Понт».

«Ему лучше всего удаются такие работы, как эскизы театральных декораций, — писал Рихтер. — В них проявляется весь блеск сине-зеленой сказочной гаммы, и в них фантазия художника получает такую

таинственную силу, о которой наше примитивное театральное искусство может лишь мечтать. Я бы посоветовал всем друзьям театра познакомиться с Рерихом».

В другой статье «Частные выставки», в газете «Dagens Press», критики обращали внимание на древнерусские мотивы картин Рериха, но и здесь — «Рерих живет во времени, которое уже давно минуло. Он любит древних викингов, какими они когда-то пришли в Россию, он вжился в их жизнь и чувства».

Либерально-буржуазная газета «Hufvudstadsbladet», выходившая в Гельсингфорсе на шведском языке, также поместила статью о художнике, в которой Сигне Тандефельт отмечала эскизы к декорациям:

«Его цвет, его фантазия и пафос, его огромные знания всегда находят наилучшее выражение в театральных работах... Сильные эффекты, которые вообще свойственны живописи Рериха... достигаются его мастерским владением цветом и высокой техникой. Рерих не относится к природе с уважением или любовью, он берется за нее довольно грубыми руками, подчиняет ее своей идее. Она для него является полем, где он ведет поиск цветовых решений и драматических настроений...»

Сигне Тандефельт выражала общее мнение финской художественной критики, что русское в произведениях Рериха хоть и присутствует, но как-то «приглушено и прикрыто».

Газета «Uuden Suomen Iltalehhti» вообще назвала Н. К. Рериха русско-скандинавским живописцем, который наиболее известен как мастер фантастико-аллегорической декорации, и в этом отношении он сильно повлиял на других художников Финляндии.

Наверное, только газета «Karjala», издаваемая в Випури, осмелилась поместить статью, да и то под псевдонимом, в которой Рерих рассматривался не как скандинав, а как русский художник, запечатлевший на своих полотнах «Русь эпохи варягов». Конечно же, когда речь зашла о декорациях к спектаклям Ибсена, критик даже несколько обиделся за финских художников:

«Краски и воображение Рериха получают свои права в эскизах театральных декораций, особенно к историческим и сказочным пьесам. Для нас они являются новыми, колоритными, выполненными с богатой фантазией. Действительно, есть повод пожелать, чтобы и у нас начали развивать искусство театральной декорации и освободились от тех не только условных, но и безвкусных сценических украшений, которые укоренились в нашем театре».

А когда речь зашла о скандинавских пейзажах, критик, спрятавшийся

за псевдонимом «Jörö», уже более откровенно писал о чуждости русского духа финскому: «Пейзажи, виды Финляндии кажутся финнам холодными и чужими». Больше всего публике и покупателям понравились финские пейзажи Н. К. Рериха, и именно они были в первую очередь раскуплены на выставках, организованных в Гельсингфорсе. Но эти пейзажи просто возмутили художественную критику, которая увидела в них, по выражению журналиста из «Hufvudstadsbladet», — «отсутствие чувств в искусстве Рериха». Журналистка Сигне Тандефельт объясняла это тем, «что Рерих, собственно, не является художником, но бурлящая жизнь его фантазии, его страдания, полные драматичности, а также огромный опыт и знания делают его искусство сильным и индивидуальным».

Эдвард Рихтер из газеты «Helsingin Sanomat» объяснял эту русскую холодность тем, что «у художника вполне достаточно чувства цвета, но, несмотря на это, в манере письма он может быть странно сухим и безжизненным, что особенно чувствуется в пейзажах. Собственно говоря, он только во вторую очередь художник, который обладает возвышенным чувством цвета, прежде всего он поэт... а также археолог и декоратор».

Финская критика назвала Рериха русско-скандинавским художником. Но финном признавать не хотела, поэтому искала в его картинах нечто чуждое для финской живописи и выступила против покупки музеем Атенеум (Atheneum) полотен Н. К. Рериха, считая, что одной картины, купленной раньше, вполне достаточно. Николай Константинович очень рассчитывал на деньги, которые мог получить от продажи, но после выставки в Гельсингфорсе ни один из представителей музея, несмотря на обещания, не предложил Рериху заключить договор на приобретение у него картин.

Рерих был очень удивлен таким положением вещей. Он не знал, что предпринять, и после некоторых раздумий 6 апреля написал своему другу Галлен-Каллеле:

«Мой дорогой друг! Будь так добр, дай мне хороший совет, что мне делать с выставкой? Все отношения хороши и блестящи, но Atheneum не появляется, и все покупатели исчезли. Может быть, мне нужно самому обратиться к Atheneum, но я полагаю, что такое персональное обращение неудобно»^[187].

Галлен-Каллела действительно ускорил покупку картин, и уже 15 апреля, в день закрытия выставки, русскоязычная финская газета «Русская жизнь» писала:

«На днях специальная комиссия музея Атенеум посетила выставку картин академика Рериха и приобрела для Атенеума две картины „Замок“ и

„Принцесса Мален“.

До настоящего времени в Атенеуме имелась лишь одна картина русского художника. Финские льды растаяли перед искусством нашего художника и академика Рериха. Национальный музей в Гельсингфорсе также ведет переговоры с Рерихом о приобретении его картин. Покупаются картины и финнами для частных коллекций. В области живописи финнам еще отчасти чужды своеобразные краски и тонкое восприятие природы новейшей живописи, тем значительнее победа, одержанная своеобразным гением Рериха. По окончании выставки в Гельсингфорсе она переводится в Христианию, а затем непосредственно в Лондон. Как больно думать, что часть собрания картин большого русского художника не останется на родине, и русское богатство распылится своими золотыми блестками по музеям целого мира. Русский народ ныне — странник. Его искусство и литература тоже великий странник, но они идут по миру не с сумой, а с богатствами, которыми щедро поделятся с другими народами и все же останутся богатыми»^[188].

В мае 1919 года, в салоне Хорхаммера, состоялась последняя выставка работ Н. К. Рериха в Финляндии.

Для Николая Константиновича все было уже predetermined — обратно в Россию он не вернется. Остаться в Финляндии он тоже не хотел, а в сложившейся ситуации это было даже опасно, в феврале 1919 года Н. К. Рерих писал:

«...А теперь обращаюсь я к вам, которые остались во граде обреченном; к тем из вас, которые имеют международное значение! И к вам, друзьям, в рассеянии сущим!

Вы, что-то сохраняющие и затворяющие! Не затворите и совести вашей и не прикройтесь значением вашим убийц и предателей.

Поймите, что есть настолько злые вещи, что и приближаться к ним нельзя. Помните, что цель не освящает средства. Знание и искусство не живут на этих вредных корнях. Отличите же, наконец, признаки от сущности. Неужели же затворилась и совесть?

Пусть мой зов просочится к вам, и пусть сердце ваше подскажет вам, где истинный народ и где та ваша Родина, во имя которой вы должны принести все ваши силы и знания.

А вы, друзья, в рассеянии сущие! Пусть и к вам через все наваждения просочится зов мой. Соединимся невидимыми проводами духа. К вам обращаюсь, вас зову: во имя знания и красоты, для борьбы и труда соединимся»^[189].

Эта статья была опубликована в уже ставшей теперь эмигрантской финской газете «Русская жизнь» под названием «Ко времени».

Меньше чем через месяц, 28 февраля 1919 года, Н. К. Рерих добавит к этой серии статей пятую заключительную часть, так и не опубликованную:

«По поводу моих статей „Ко времени“ я получил ряд писем от лиц, мне неизвестных.

Сейчас, на отъезд, хочу сказать об этих письмах несколько слов... Наконец, было одно утверждение, по своей простоте всем очень близкое. Было утверждение, что теперь настало время каждому выявить свою истинную сущность.

Вспоминаю. Покойный Серов, чуткий и чистый, всегда говорил:

— Каждому человеку хоть раз в жизни приходится предъявить свой настоящий паспорт.

Именно такое время переживаем и сейчас. Каждый добровольно, свободно и явно должен вписать в графу „особые приметы“ несмываемыми чернилами свое определение.

Можно вписать: мужество, строительство, творчество, сознательная работа, ясность и твердость духа, желание познавать, стремление совершенствоваться, устремление к красоте и знанию.

Или: боязливость, продажность, приспособляемость, потворство, уродливость, ложь и невежество под мертвенным покровом пошлости. Сколько определений надлежит внести беспощадно.

Настало время каждому заполнить четко графу своего свидетельства жизни. Установить навсегда. Сделать тайное ясным. Час, к которому запись должна быть внесена, приближается.

И радостно, если мысли об этом неизбежном выявлении не будут пугать, но встанут на пути человеческого как придорожные знаки. Напоминающие. Указующие преддверие будущего светлого града»^[190].

Также определился и сам Николай Константинович, выбрав свой путь, надолго разлучивший его с родиной — Россией.

Леонид Андреев и его жена Анна Ильинична собирались приехать в Гельсингфорс на выставку картин Рериха. Для этого специально было получено разрешение на посещение Гельсингфорса на 8 дней с 24 марта 1919 года. Однако простуда и больное сердце Леонида Андреева заставили отменить поездку, они так и не приехали на выставку картин Н. К. Рериха. Несмотря на это, Леонид Андреев своим творчеством присутствовал на выставке. В конце торжественного открытия вернисажа актриса Л. Б. Яворская читала его статью «S.O.S.» и несколько стихотворений Рериха. Как писал Арабажин в своей статье «Русский праздник: Выставка картин

Н. К. Рериха»^[191], в газете «Русская жизнь», что именно там было объявлено о сборе средств в пользу Скандинавского общества помощи Российскому воину. Предполагалось из Гельсингфорса перевезти картины в столицу Норвегии Христианию (Осло), а потом в Лондон.

За месяц до отъезда Рерихов из Финляндии, 19 марта 1919 года, Леонид Андреев писал художнику: «Дорогой мой Николай Константинович! Вчера Анатолий Ефимович [Шайкевич] сообщил мне печальную весть, что Вы очень скоро, всего может быть через несколько дней, можете уехать в Европу. Это производит такое впечатление, как будто я должен ослепнуть на один глаз: ведь Вы единственная моя живая связь со всем миром, который лежит к западу от прекрасного Тюрисева. И значит — и видеться больше не будем? И говорить не будем? Дорогой мой, если это действительно случится, приезжайте хоть на один вечерок. Переночуете у меня, будем говорить!..»^[192]

Николай Константинович так больше и не увидел Леонида Андреева. В конце мая Рерихи с новыми паспортами были уже на пути в Англию. Последняя короткая остановка в Швеции, где с успехом прошла выставка картин художника, — и, наконец, Рерихи оказались в Лондоне.

4 сентября 1919 года Леонид Николаевич Андреев отправил Рериху письмо, которое догнало его уже в Англии. Прочитав его, Николай Константинович понял, что его спешный переезд был оправдан:

«Вернувшись, застал дом в переполохе. Только что на рассвете налетали аэропланы и бросали бомбы по соседству; одна брякнулась около Шереметевых. Жертв, кажется, нет, но грохот и паника были жестокие. Приходится для матери и детей уезжать, спешно укладываться и проделывать беженство. Поселяемся на даче Фальковского в Мустамяках, и адрес мой теперь, значит, такой: Мустамяки, дача Фальковского, Л. Н. Андрееву. Надоело это, мешает думать и сосредоточиться, дергает за нервы. Гудит, а кто? Нынче на рассвете видел стрельбу шрапнелью из Кронштадта, должно быть, тоже по аэроплану. Красиво, когда далеко. Наши говорят, что особенно страшно было, когда они, после бомб, пролетали обратно и гудели над самой крышей: им никто не мешает, и держатся они очень низко. В довершение зол я простудился, бегая раздетым смотреть стрельбу и слушать разные звуки, и сейчас пишу с трудом.

Все мои несчастья сводятся к одному: нет дома. Был прежде маленький дом: дача и Финляндия, с которыми сжился; наступит, бывало, осень, потемнеют ночи — и с радостью думаешь о тепле, свете, кабинете,

сохраняющем следы десятилетней работы и мысли. Или из города с радостью бежишь домой, в тишину и свое. Был и большой дом: Россия с ее могучей опорой, силами и простором. Был и самый просторный дом мой: искусство-творчество, куда уходила душа. И все пропало. Вместо маленького дома — холодная промерзлая, обворованная дача с выбитыми стеклами, а кругом — чужая и враждебная Финляндия. Нет России. Нет и творчества. Как кандалы, всюду волочу за собою большевика и тоску. Статьи — не творчество. И так жутко, пусто и страшно мне без моего „царства“, и словно потерял я всякую защиту от мира. И некуда спрятаться ни от осенних ночей, ни от печали, ни от болезни. Изгнанник трижды: из дома, из России и из творчества, я страшнее всего ощущаю для себя потерю последнего, испытываю тоску по „беллетристике“, подобную тоске по родине. И не в том дело, что мне некогда писать или я нездоров — вздор! — а просто вместе с гибнущей Россией ушло, куда-то девалось, пропало то, что было творчеством. Как зарницы, мигают безмолвные отражения далеких гроз, а самой грозы с ее жизнью — нет. Прочтешь что-нибудь свое старое и удивляешься: как это я мог? Откуда приходило в голову? Какой Вы счастливый, что, потеряв многое, как и я, сохранили творчество во всей его свежести и силе!

Ну, завтра буду о деле, а сейчас разболтался. О „Черных масках“. Только в дни революции я понял, что это не только трагедия личности, а и трагедия целой революции, ее подлинный печальный лик. Вот она, Революция, зажегшая огни среди мрака и ждущая званных на свой пир. Вот она, окруженная зваными... или незваными? Кто эти маски? Черновы? Ленины? Но они еще знают Сатану. А вот и они, частицы великой человеческой мглы, от которых гаснут светильники»^[193].

«Чудесный человек и мой большой друг»^[194], — написал Леонид Николаевич Андреев о Н. К. Рерихе в своем предсмертном письме 9 сентября 1919 года. 12 сентября 1919 года Леонид Андреев умер в загородном доме Ф. Н. Фальковского, в Нейволе, близ Мустамяки. Вся его жизнь уместилась на одном листе бумаги, в «Свидетельстве о смерти»: «Сим удостоверяю, что Леонид Николаевич Андреев скончался от паралича сердца 12-го сентября 1919 года в 6 часов вечера в Неволья дача Фальковского близ станции Мустамяки. Доктор медицины А. Пилацкий 12 сентября 1919».

Рерих потерял одного из своих лучших друзей. И не случайно, последнее письмо Леонида Андреева было адресовано именно Николаю Константиновичу:

«Дорогой друг! Сейчас получил Ваше письмецо об „английском судне“, которое отвезет меня в Англию. Боже, как я взволновался! Жена хотела тотчас же посылать телеграмму: не получили! Да, того письма „с приглашением“ я не получил — затерялось — пропало! Более аккуратно приходят только заказные.

Не могу писать, простужен, голова, сердце и прочее. Пропадает ценное время: должен работать, кончать Сатану, готовить материал для поездки. Просто беда!

За Ваше милое внимание и заботу — благодарность от сердца. Если я совсем не пал духом и начинаю бодриться, то это делаете Вы (и Гуревич).

Обнимаю, Ваш Леонид Андреев. 10 сентября 1919 г.»^[195].

С Рерихом Леонид Андреев связывал многие свои надежды и планы, которым, к сожалению, не удалось осуществиться. Чтобы понять всю колоссальность замыслов писателя, обратимся к его дневнику.

27 апреля 1918 года, Финляндия, Ваммельсу:

«Гибель великодержавной России так грандиозна и неожиданна, что никто в нее по-настоящему еще не верит: ни немцы, ни даже сама Россия; будто дурной сон, который вот-вот кончится пробуждением. Колосс, у которого так трудно было оттягать какой-нибудь Порт-Артуришко, валяется на земле и без сопротивления (какое сопротивление у трупа!) отдает всякому желающему кошелек, одежду, наперсный крест, какие-то ладанки, зашитые на шее. Что-то берег при жизни, что-то копил и прятал в голенище или под рубаху — теперь все открыто, бери каждый. Флот, крепости, целые земли и города, Киевы и Одессы. И все в крови, за что ни хватись, липнут красные руки... Думал я о том — в бессонницы — какого наказания заслуживает Ленин. И нашел: нет такого наказания, которое могло бы искупить меру его вины. Для мелкого „героя“ или преступника есть Георгий или каторга, расстрел, есть двугривенный и арестантские роты — но для такого? Для Иуды человечество придумало угрызения совести и самоубийство — ну а если у Иуды нет совести? Что вообще делать с Иудой, у которого нет совести? Есть совесть умная, и есть совесть глупая. И люди глупой совести, подобно Горькому, не усмотрели в своем пораженчестве

одного обстоятельства. Когда русские солдаты и офицеры отправлялись на войну, они были связаны с остальной Россией как бы некоей смертной клятвой: мы, идущие, умрем, но вы, оставшиеся, будете продолжать наше дело. И когда они, борясь до последнего, умирали, они в смерть уносили уверенность, что оставшиеся будут продолжать; и только эта уверенность давала им силу защищаться, бороться и умирать. И передумывать оставшиеся не имеют уже права, ибо клятва дана мертвому. Только он мог бы освободить от клятвы, но он — мертв»^[196].

«1 мая 1918... Сегодня в Питере торжества „по Луначарскому“: первомайский праздник с участием Бенуа и Гржебина. Интересно, что было — если вообще что-нибудь было. Совести у этих мерзавцев нет, и то, что под боком гибнут спровоцированные финны, соблазненные и обманутые, не помешает им соответственно украсить. Этот ничтожный и нечестный Луначарский — давний приятель и соратник Горького; много раз они, вероятно, целовались, и много раз Горький смотрел на него теми влюбленными глазами, которые он так хорошо умеет делать»^[197].

Это было написано Андреевым на даче в Финляндии в Ваммельсу, куда он, как и Н. К. Рерих, вместе с семьей уехал из революционного Петербурга. Правда, Рерих оказался в более спокойном месте, но и туда, в Сартавалу, в Юхинлахти, доходили военные и революционные раскаты. 19 августа 1918 года, в то время, когда Николай Рерих просил Аксели Галлен-Каллелу помочь официально остаться в Финляндии, чтобы не оказаться среди высланных русских, Леонид Андреев писал:

«Готовили питье интернационалисты. Наливал Ленин. Разносили шкалики социалисты. Потчевал Горький. Плакала Россия и ее бабы... Живем в тумане. Ничего достоверного, слухов много и мучительное чувство, что где-то вблизи что-то совершается, а что — только гадаем.

Третьего дня из вполне достоверного источника передали, что в ночь с 13-го на 14-е в Питере шла жестокая стрельба, орудийная и пулеметная. Испуганные обыватели не раздевались и не ложились спать. Но кто в кого, по какому случаю и чем кончилось — абсолютно неизвестно. И догадаться трудно!

Теперь еще новость. Наши финки были, как всегда, в народном доме на воскресных танцах и ныне рассказывают, что весь народ в жестокой тревоге и даже не танцевали. Говорят, что Россия объявила войну Финляндии, что над Ино были два аэроплана, сбросившие прокламации с извещением, что 20-го (завтра) начнется обстрел крепости с кронштадтских фортов. Русских, то есть нас, будут немедленно высылать,

и нашу Альму [домработницу] спрашивали уже, где она думает после нас устроиться»^[198].

Эта проблема волновала всех русских жителей Финляндии, ведь репатриация грозила каждому. Финская газета «Hufvudstadsbladet» 30 мая 1918 года даже называла точное количество высланных русских — 12 122 человека. В этой связи консервативная гельсингфорсская газета «Uusi Päivä» напечатала статью, в которой одобрялось правительственное решение о высылке русских, но высказывалось мнение, что нет надобности распространять эту меру на ученых и художников, которые «не были причастны к русификации Финляндии до 1917 года и не представляли собой никакой политической опасности для страны»^[199]. Правда, среди художников и ученых, на которых не должна распространяться эта мера, газета называла только одного И. Е. Репина.

Газета «Русский вестник» сразу же отозвалась на это предложение резкой статьей Василевского «Только Репину можно», в которой, в частности, говорилось: «...было бы любопытно видеть картину выселения и не „амнистируемого“ цитируемой выше газетой Леонида Андреева, более десяти лет творящего в своем уголке в уединении Райволы»^[200].

Н. К. Рериха, естественно, ждала такая же участь — стать репатриантом. У него было только одно преимущество — это отсрочка высылки, так как все-таки Рерихи давно поселились в Сердоболе и имели арендованное жилье. Именно в 1918 году революция забросила в Сердоболь Иосифа Владимировича Гессена, члена партии кадетов, ставшего впоследствии известным благодаря изданию многотомного «Архива русской революции» и редакторству берлинской эмигрантской газеты «Руль».

«В конце концов мы очутились в Сердоболе, крошечном городке у Ладожского озера, высадившись на вокзале в числе нескольких десятков, свезенных из разных финских курортов, — мужчин, женщин и детей и огромной массы разного багажа, — вспоминал Иосиф Владимирович, уже много лет живя в эмиграции. — Встречены мы были совсем негостеприимно: нам говорили, что оставаться здесь нельзя, что ни продовольствия, ни помещений свободных нет, предлагали немедленно ехать на лошадях в Петрозаводск и угрожали выслать принудительно. В старых записях моих весьма подробно изложены наши мытарства, но когда впоследствии я познакомился с невероятными ужасами эвакуации Крыма и Кавказа, стало ясно, что мы были баловнями судьбы. Мне, в частности, она очень мило улыбнулась сразу, на вокзале.

В Сердоболе уже несколько месяцев проживал известный художник Рерих. Услышав от кого-то о моем приезде, он разыскал меня и проявил дружеское участие, служившее среди враждебной обстановки очень приятным и ценным утешением. В Сердоболе, как во всяком финском городе, как бы мал ни был, имеется безукоризненная гостиница Социетэтсгузет, но о ней и думать нельзя было вследствие чрезмерной дороговизны — она была уже захвачена мультимиллионерами, швырявшими деньгами. Все же кров мы нашли, пусть более чем скромный, с голоду не умерли, хотя сделанное на вокзале предупреждение о недостатке продовольствия побудило миллионеров скупить все, что было в лавках, и сразу невероятно поднять цены. Точнее, обед из двух блюд без хлеба стоил уже 18 м., небольшой буханок ржаного хлеба 25 м., крошечная комната — 400–500 м. в месяц и т. д. Размерами своими Сердоболь заставлял вспомнить об Устьысольске, но лишь для того, чтобы подчеркнуть обидную разницу культуры: здесь господствовало и бросалось в глаза не каменное здание полицейского управления с присутственными местами, а изящной постройки мужской и женский лицей, учительская семинария с образцовой школой при ней, коммерческое училище, мореходные классы. Чуть не в каждом доме имеется фисгармония, чистота и порядок образцовые, комнаты натоплены жарко, финн считает, что на мороз нужно выходить с запасом тепла, дающим возможность одеваться легко, и примитивные клозеты устроены подальше от дома, в глубине двора, в деревянных, совершенно незащищенных от холода, сарайчиках.

Надо было подумать, как скоротать время. К счастью, среди беженцев оказался один настоящий педагог, так что с грехом пополам сыновья могли продолжать учебные занятия, а я решил погрузиться мыслями в прошлое и изложить их на бумаге... Известия об успехах противника действовали возбуждающе на осевших в Сердоболе сановников и миллионеров. Бывший товарищ министра внутренних дел и потом товарищ председателя Государственной Думы князь Волконский безапелляционно уверял, что немцы не ради финнов высадили здесь десант, а для занятия Петербурга, что не сегодня-завтра мы в „Де цуге“ поедem туда и, предвосхищая шевелившиеся очевидно у самого возражения и недоумения, раздраженно пояснял:

— Что же делать, батенька! Сами-то вот до чего доигрались, так уж жаловаться и привередничать нечего.

Больше всего поражало, что он спешил засвидетельствовать свою новую „ориентацию“ перед замкнутыми, на все пуговицы застегнутыми финнами, не без злорадства слушавшими преждевременные излияния. И

хотя практическая бесцельность таких настроений весьма быстро и ярко определилась, они, рассудку вопреки, все ширились, возникали все в новых вариантах... Мы жили очень замкнуто, встречаясь только с Каминка ежедневно за совместным обедом, и с Рерихом. Он ежедневно заходил за мной в 10 ч., когда я должен был освобождать комнату для занятий детей с педагогом, и мы часа два-три гуляли по окрестностям Сердоболя. Перед глазами висит подаренная акварель с надписью: „на память о хождениях по северным путям“ и очень удачный портрет, присланный из Америки в 23 г. „на добрую память перед отъездом в Индию“... Напрягая всю пытливость, вглядываюсь в его умное сосредоточенно серьезное, монгольского типа, лицо. Чуть заметная косоватость глаз подчеркнута скошенным резко вправо взглядом, он не любит смотреть собеседнику в упор, со стороны видней и легче застигнуть неподготовленным для наблюдения постороннего глаза. Наши прогулки были восхитительны и сами по себе, и потому, что Рерих был исключительно интересным собеседником, и чем дальше, тем все более словоохотливым. Он обо всем говорил серьезно; тщетно силюсь вспомнить улыбку на его лице, да она и не подходила к нему, нарушала бы стильность. Равным образом не вспоминаю, чтобы возник между нами спор. Я предпочитал спрашивать его, в особенности по вопросам художественного творчества: он держался мнения, что все великие имена являются воплощением коллектива безымянного; не говоря уже о гениях Эллады, Рубенс, Микеланджело, Леонардо, в сущности, имена собирательные — им приписываются, кроме собственного творчества, и много чужих равноценных творений их современников и учеников... Да ведь и у меня этот неистовый Дягилев силком отобрал незаконченную картину: „Город строят“ и, сколько я ни убеждал, упрямо отвечал: „ни одного мазка больше. Долой академизм! и картина произвела фурор“. Это было ответом на вопрос, не потому ли реализм передвижничества, имевший столь шумный успех, и уступил место символизму, что в нем заключалось внутреннее противоречие — он кичился жизненной правдой, но не смел показать всю правду, над многими сторонами быта не решался поднять завесу, и поле творчества было более ограничено, чем для литературы.

Эти темы глубоко волновали моего собеседника, а когда мы ближе познакомились, он все чаще стал заговаривать о таинственных силах, неосновательно отвергаемых цивилизацией, о многих достижениях древних культур, бесследно исчезнувших, о телепатии, случаи которой, как нарочно, обнаружились и в наших отношениях, и, наконец, признался в своей глубокой привязанности к теософии и заявил, что если бы не дети, он

с женой охотно переехал бы в Индию, в Теософскую общину. Я не очень этому поверил, а оказалось, что он действительно направился в Индию, побывал и в Тибете, и взял с собой и сыновей, тогда прелестных многообещающих мальчиков, преклонявшихся перед отцом. Его художественное творчество, необычайно плодовитое, явственно отражало теософскую устремленность. Таинственные зовы, беспокойное томление, безответное моление о чуде и дерзостное утверждение чуда, мятежная тоска, жгучая обида звучит и веет с бесчисленных полотен. Ему не годятся масляные краски, прельщающие прозрачностью и блеском, он не признает резко очерченных линий, тянет к неясному, расплывчатому, а потому он вернулся к средневековой темпере, придающей строгость и суровость вызывающим загадкам. Ему и „натура“ не нужна была, между отвлеченностью и реальностью, между легендой и фактом для него не существовало грани»^[201].

С Леонидом Андреевым Рерих увиделся позже, проездом из Сердоболя в Стокгольм, где у него намечалась выставка. Сразу же после этой встречи Николай Рерих дал интервью русскоязычной финской газете «Русский листок», издававшейся К. И. Арабажиным в Гельсингфорсе, позднее слившейся с газетой «Северная жизнь» и с марта 1919 года переименованной в «Русскую жизнь».

«Рерих перед отъездом был у Андреева, провел у него много времени и был очарован, — писал „Русский листок“ 2 ноября 1918 года. — Л. Андреев похудел, но лицо сделалось еще утонченнее, еще более вдумчивым и проникновенным. Оно озарено какой-то высшей, духовной красотой, и держит он себя как-то особенно хорошо и достойно в эти дни великой скорби России...»^[202]

После встречи с Николаем Рерихом Леонид Андреев еще сильнее укрепился в своих антибольшевистских убеждениях и спланировал свои будущие выступления в печати, которые должны были пробудить всех сколько-нибудь мыслящих людей от гипноза большевистской революции.

В 1935 и 1937 годах Николай Константинович вспоминал разговоры на даче Леонида Андреева:

«Как-то сложилось так, что наши беседы обычно бывали наедине. Профессор Каун в своей книге об Андрееве приводит со слов вдовы покойного забавный эпизод. Она говорила ему о своем удивлении, когда во время наших бесед с Леонидом он говорил о своей живописи, а я — о своих писаниях. Действительно, такие эпизоды бывали, и мы сами иногда от души смеялись, наконец заметив такую необычную обратность

суждений»^[203]. «Помню наши беседы на хвойном берегу в Териоках в 1918 году: „Не досмотрели, вот не досмотрели чего-то! А ведь оно было, и было так близко“; а в это время Кронштадт грохотал какими-то неведомыми залпами. Не уберегли Леонида Андреева. И тогда говорил, и теперь говорю это. Нужно быть бережливее. К людям нужно быть бережливее, к таким особенным, в дозоре болеющим, как Леонид»^[204].

Действительно, во время этих прогулок (Рерих никогда не спорил со своим собеседником), родилась идея защиты человечества от варварства и от... большевизма.

Перед самым отъездом в Англию Николай Константинович в своем письме подбадривал Леонида Андреева и звал вслед за собой ехать в Англию или в Америку:

«Дорогой и родной Леонид Николаевич, как мы и думали — всякие силы ополчились на выставку мою: 1) Три дня валил снег и закрыл все верхние окна — зажгли с утра огонь. 2) Свиристствует испанская болезнь. 3) Общая неуверенность в будущем сейме. 4) Большевизм Венгрии. 5) Ссора в здешних художественных кругах (междоусобица). Все сразу! Но тем не менее держимся. Позиций не уступили и внимание к выставке большое. Сегодня вышла Ваша статья в „Otava“ (имеется в виду статья Андреева о Рерихе „Держава Рериха“). Еще раз убеждаюсь, насколько нужна всякая пропаганда русского дела. Ведь лишь на наших языках мы говорим полноправно. Надо и Вам на Запад. Там мы заварили бы целое „осведомительное бюро“ о России — о той России, которую мы знаем и о которой, кроме нас, немногих, кто же говорить может? А такая борьба во имя культуры и правды делается все необходимее, ибо подземный пожар ползет, и его надо заливать. Да и вообще отсюда надо ехать. Русская колония в Гельсингфорсе — хлам, почти вся хлам! Когда Маннергейм, случайно не могший попасть на выставку, прислал состоящего при себе, чтобы передать его привет и пожелание успеха, — мне стало неприятно, ибо весь русский особый Комитет отсутствовал. Вообще к нам, деятелям культуры, — обидное пренебрежение! Простое внимание отсутствует. Ну да черт с ними, ведь не для них же работаем. Ведь не их солнцу радуемся! Да, опасайтесь всячески Ляцкого, — зловреден. Я это узнал уже не из Арабажинских источников.

Перед отъездом хочу сказать Вам, как часто буду вспоминать о Вас и буду посылать Вам призывные флюиды. Об издании буду говорить здесь (уже и говорилось) и в Стокгольме. Это и уместно, и необходимо. А Вы берегите себя. Шлю привет Анне Ильинишне. Всякое Ваше слово,

догнавшее меня, принесет мне сердечную радость и осветит путь мой. Крепко Вас целую и надеюсь увидаться на Западе. Душевно с Вами, 3 апреля 1919 года Н. Рерих. Отплываю 19-го»^[205].

Об издании брошюры «S.O.S.», написанной Леонидом Андреевым, Николай Рерих действительно говорил со всеми своими друзьями и знакомыми.

Этой статье суждено было стать самым известным и широко печатаемым, переведенным на многие языки пропагандистским воззванием против большевиков. Призыв Леонида Андреева слышали впервые из уст известной русской актрисы Л. Б. Яворской в Гельсингфорсе в феврале 1919 года — тогда все русскоязычные газеты писали о слезах на глазах слушающих и об «одной из самых сильных и ярких страниц творчества не только нашего талантливого писателя, но и мировой литературы»^[206].

Появились заголовки «Спасите!», «S.O.S. Спаси наши души. Призыв Л. Н. Андреева». Эту статью Яворская прочитала и на открытии выставки картин Рериха в Гельсингфорсе, и что самое главное, именно картину Н. К. Рериха «Меч мужества» выбрал Л. Н. Андреев для обложки отдельного издания «S.O.S.». На ней были оттиснуты два имени: крупно — Леонид Андреев и помельче, внизу под картиной — Н. К. Рерих.

Леонид Андреев ждал не только всемирного признания своего воззвания, но и, по возможности, финансовой поддержки. Но интерес стран Антанты был односторонним, они приветствовали сепаратистские настроения на территории бывшей Российской империи. А текст самого призыва Андреева перепечатывали с купюрами, тем более что статья обвиняла союзников в бездействии и равнодушном отношении к большевикам.

29 марта 1919 года Леонид Андреев, уже столкнувшись с непониманием иностранцев, писал Н. К. Рериху:

«Дорогой мой Николай Константинович!.. За кусочек Вашей „державы“ сердечная благодарность, а что Вы уезжаете-таки, серьезно и окончательно — для меня невознаградиво. В то же время даже и на судьбу пожаловаться нельзя: в самом деле, Вам надо ехать, это хорошо и для дела, и для Вас. Конечно, я и завидую мало-мало: с каждым днем труднее здесь и невыносимее жизнь. С одной стороны — рук приложить не к чему, так они и болтаются в рукавах, с другой — видимо, растет черная сила. Вдруг начались юдофобские выступления, и довольно решительного характера. И доносы, доносы...

Хотел написать письмо Маклакову, да не стоит, Вы ему лучше можете рассказать, что здесь, чего ждем, чего боимся и на что надеемся.

Теперь, после провала С.О.С. за границей, я начинаю опасаться неистовости моих слов — и цензуры. Вот Венгрия обсоветилась... Для меня это факт огромнейшего значения и — если Антанта сразу не возьмет таки быка за рога — может вовлечь Европу в новую мировую войну. Голод, полный развал культуры, победа варварства над Римом и новое темное Средневековье. А разве их, господ Согласие, об этом не предупреждали? Не заклинали и не умоляли? Все слова сказаны... Между прочим: кто сулил мне эти 10 тысяч марок? Я внес уже их в бюджет, а теперь недоумеваю: если соврали, то Бог с ними, но нужно знать, на что я могу рассчитывать, а то я из этих денег чуть новых двухэтажных штанов не построил! Простите, милый друг, что я обременяю Вас этими пустяками, но так уж вышло. Скажите им (а кто это?), чтобы они прямо сносились со мною. Надо бы сделать Вам пожелания на дорогу, да что! Поезжайте, и пусть Вам будет там лучше, чем здесь нашему брату. Все-таки думаю почему-то, что расстаемся ненадолго: должен же быть конец этому треклятому периоду! Но, пожалуйста, дорогой, пишите оттуда, это будет мне чрезвычайно дорого. Только ничего не пишите соблазнительного: о весне, вежливости, музеях и книгах. Крепко обнимаю Вас и целую. Будьте здоровы, живите и работайте, у Вас еще такая дорога впереди. Бог в помощь! Неизменно любящий Леонид Андреев 29 марта 1919 г.

Голубчик, пришлите мне полсотни экземпляров брошюры С.О.С. и с Вашим рисунком — ведь я его еще не видал. Нужно для раздачи хорошим людям»^[207].

Николай Рерих не только помог в издании и переводе «S.O.S.» на несколько языков, но и занимался распространением брошюры среди эмигрантов. Многие русскоязычные и иностранные газеты перепечатывали воззвание Леонида Андреева. Достаточно назвать лишь некоторые многотиражные издания «S.O.S.»: 24 марта и 28 сентября 1919 года — газета «Общее Дело» (Париж); 29 марта 1919 года — бесплатное приложение к газете «Русская жизнь» (Гельсингфорс); отдельные издания 1919 года: «S.O.S.!» Гельсингфорс; «S.O.S.!» Виипури (с рисунком Н. К. Рериха «Меч мужества» на обложке); «S.O.S. Спасите!» Париж; сразу два издания с предисловием В. Л. Бурцева, Нью-Йорк, под названием «Спасите!: Обращение к цивилизованному миру». В том же 1919 году статью перевели на английский язык, и уже 1 марта 1919 года английская газета «The Times» (Лондон) печатала отрывки из возвания. Финская газета «Nya Fyren», выходившая на шведском языке, печатала статью Л. Андреева даже с продолжением из номера в номер. Практически всем изданиям предшествовали переговоры, которые проводил Николай Рерих, и

причем всегда довольно успешно. Появился издатель, который даже пообещал выплатить гонорар за издание брошюры. Рерих аккуратно пересылал деньги и гонорары Леониду Андрееву в Финляндию.

23 апреля 1919 года Л. Андреев благодарил Рериха за все хлопоты: «Сейчас, перед отправкой на почту, получил Ваше письмо и деньги, милый друг. К написанному раньше могу прибавить от всей души: эх! Читали ихнюю резолюцию? Вообще — не хочется, не могу говорить. Вас еще раз крепко целую. Конечно, мы вместе и твердо. Пишите мне и давайте адрес, Леонид Андреев»^[208].

Лондонский Комитет Освобождения России издал брошюру Андреева «S.O.S.» на английском языке, с предисловием П. Н. Милюкова, тиражом в 10 тысяч экземпляров.

Скоропостижная смерть Леонида Андреева расстроила некоторые планы, которые они с Николаем Рерихом собирались осуществить в Англии, а затем и в Америке. Леонид Андреев писал о них Николаю Константиновичу:

«Дорогой друг мой!.. Вот три пути, которые сейчас открываются передо мною, — это жизнь. Один — я беру на себя целиком все дело антибольшевистской пропаганды, как я писал и предлагал Карташеву и другим, и вступаю в здешнее правительство с портфелем министра пропаганды и печати. Понимаете: все целиком! Организацию во всей ее огромности помимо собственного писания. Живу, значит, либо в Ревеле, либо где придется, езжу взад и вперед, целые дни разговариваю, ищу и настраиваю людей, а ночью пишу, борюсь с инерцией и слабодушием. Труд, который только под силу железному здоровью, а я болен, болен!.. Но долг обязывает работать для России, и вот завтра я еду в Гельсингфорс добиваться того, что есть мой несомненный конец как художника и живой твари...

Второй путь. Не добившись толку в Гельсингфорсе (эти маленькие люди боятся меня), еду в Америку. Там читаю лекции (на каком языке?) против большевиков, разъезжаю по Штатам, ставлю свои пьесы, продаю издателям „Дневник Сатаны“, и миллиардером возвращаюсь в Россию для беспечальной маститой старости. Это уже лучше. Поездка может быть неудачною (я болен и сваливаюсь после первой лекции, или американцы просто не хотят слушать меня), но она может, при счастливо сложившихся обстоятельствах, превратиться и в триумфальное шествие: увижу людей, которые любят меня, получаю импульсы к новой художественной работе и, утратив душу, может быть, подтяну и тело, которое у меня всегда плетется сзади. Уже давно доходят слухи, что в Штатах ко мне относятся

очень хорошо; когда-то меня приглашали для турне и сулили огромный успех; и сейчас случается, что неведомый мистер из Кентукки вдруг присылает мою книжку для автографа. Отчего не поверить чуду? Случилось же вчера ночью, что к нам в [дом] попал упавший с лошади и заблудившийся полупьяный финский офицер, напугал женщин, на коверканном языке стал говорить о своей любви к Леониду Андрееву и, узнав, что таковой перед ним, проделал целую сцену поклонения в духе Достоевского, я не знал, куда деваться от бурного юноши. А ведь — финн! И как он размахивал револьвером, грозя убить М. Горького, а мне говорил, что если я стану большевиком, то и он станет большевиком! Серьезно: ведь есть же, должно быть, люди, которые верят мне и моему слову, — а я их не вижу, как ослепший, вечно служу над собой панихиду, унынием и тоской о личной судьбе убиваю здоровье. Америка!

Но как добратся до нее? Где найти доброго и щедрого импресарио, не мошенника? Как прожить это время, пока таковой найдется? Где добыть денег, что[бы] обеспечить семью на время отъезда? (Я хочу ехать с женой и маленьким сынишкой, остальные здесь.) У меня украли штаны, сапоги — как соорудить новые и какого они должны быть фасона для Америки? Все эти вопросы, серьезные и ничтожные, во всяком случае пустые для разумного и практичного человека — для меня сплошь проклятые, сплошь неразрешимые вопросы — ах, до чего я младенчески беспомощен в жизни, только теперь это вижу! А сегодня день моего рождения: ровно сорок восемь лет хожу я по земле, и так мало приспособился к ее порядкам.

И третий, наиболее вероятный путь — это больница. Но эта дорога так мрачна, и вообще я тут подхожу к таким мыслям и решениям, что лучше остановиться...

Завтра, как говорил, еду в Гельсингфорс. Но заранее убежден в неудаче и оплакиваю зря затраченные деньги. Новый и еще мне не вполне известный и сомнительный состав правительства, робость и половинчатость условий, которые мне поставят и которые сделают мой труд непродуктивным и бессмысленным, несомненные попытки, которые будут сделаны для полного обкорнания моей независимости публициста и превращения меня в редактора правительственного вестника... Сейчас подали телеграмму от Карташева: „Все глубоко изменяется, дело продолжается, Ваш приезд обязателен и необходим“. Стало быть — в министры? Еду — но не только не сжигаю моста за собою, а еще старательнее строю новый.

Просьба к Вам огромная: поспособите младенцу Леониду относительно Штатов. У Вас есть знакомства и связи в Америке (а я растерял все адреса

и написал только одно письмо по фантастическому адресу некоему Г. Бернштейну, чуть ли не покойнику). Возле Вас, вероятно, и существуют американские журналисты и кроткие импресарио (а в Тюрисеве их нет), и Вы, наконец, настоящий деятельный друг, чем я и решил нагло пользоваться...»^[209]

Об организации антибольшевистского агитационного центра Л. Н. Андреев писал 30 августа 1919 года и К. Д. Набокову, поверенному в делах русского посольства в Лондоне:

«Глубокоуважаемый Константин Дмитриевич!

Позволю себе, не имея чести быть лично знакомым с Вами, обратиться к Вам с большой просьбой; пусть оправданием мне послужат трудные обстоятельства, в которых мы все живем.

Я решил ехать на некоторое время в Америку (в Штаты). Цель поездки агитационная, противобольшевистская. По дороге я хотел бы заехать в Лондон для беседы и согласования моих действий с видами моих политических друзей; в частности, мне необходимо поговорить с Павлом Николаевичем [Милюковым]. Не будете ли Вы так добры и не окажете ли мне содействие в получении английской визы? Я тороплюсь, а если начинать хлопоты о визе здесь, то уйдет масса времени.

Еду я с моей женой, Анной Ильиничной (здоровье не позволяет мне ездить одному), и с десятилетним сыном Саввой.

Усиленно извиняюсь за беспокойствие...»^[210]

Леонид Андреев подробно писал о своих планах бывшему министру иностранных дел, лидеру кадетской партии П. Н. Милюкову, находившемуся тогда в Англии:

«...Я не политик; моей задачей, как публициста-лирика (если можно так выразиться), было непосредственное воздействие на души, статьи же в журналах и притом на расстоянии требуют совсем иных качеств. Отсюда мое решение: на свой страх и риск, заручившись содействием какого-нибудь импресарио, ехать с агитационною целью в Соединенные Американские Штаты. Я не буду здесь объяснять, почему из всех стран Согласия я остановился на Америке, но думаю, что при известных усилиях с моей стороны и при помощи друзей из этой поездки может выйти толк; во всяком случае, я не останусь бездейственным, когда все руки в работе, и ближе подойду к смыслу пропаганды, нежели оставаясь в Финляндии. И мне необходимо заехать в Лондон, чтобы поговорить с Вами. Сколь я не политик, мне все же придется не только касаться политики, но и порядочно залезть в нее, и здесь я хочу просить у Вас указаний, так как глубочайше

верю в Ваше понимание и опыт, и не хочу в вопросах, касающихся всей России, быть самочинным и слишком индивидуальным. Передо мною и сейчас стоит целый ряд чисто политических вопросов. где мое личное до известной степени уже расходится с общим, и было бы крайне нежелательно, чтобы это расхождение могло повести к вреду для общего русского дела. Есть у меня на этот счет и некоторые особые предположения и поручения, о которых всего удобнее побеседовать при свидании.

Н. К. Рерих пишет, что для меня есть какое-то дело и работа. Еще не знаю, в чем она заключается, но допускаю возможность остаться в Англии на более продолжительное время; впрочем, это вопрос новый и сложный... В надежде скоро увидеться крепко жму Вашу руку и еще раз сердечно благодарю за доброе отношение»^[211].

В Лондоне, в зале «Essex Hall», 19 сентября 1919 года проходил вечер памяти Леонида Андреева.

«После смерти Леонида было в Лондоне устроено поминальное собрание, — вспоминал Н. К. Рерих. — И я говорил о нем и читал некоторые письма. После собрания подходит Милюков и в большом изумлении спрашивает меня:

— Оказывается, вы были большими друзьями, как же никто об этом не знал?

Отвечаю:

— Может быть, о многом не знали, да ведь и никто и не спрашивал.

Леонид Андреев был моим особенным другом»^[212].

АНГЛИЯ, НОВЫЕ ДРУЗЬЯ, ТАГОР

Книга стихов Николая Рериха, написанная большей частью в Финляндии, к лету 1919 года была почти готова. Возникла срочная необходимость перепечатать рукопись на машинке, для последующего издания. Найти в Лондоне машинистку, владеющую русским языком, оказалось не так-то просто. Рериху посоветовали обратиться в издательство на Флит-стрит, там работал русский эмигрант Владимир Шибаев, который с радостью откликнулся на просьбу художника. Николай Константинович пригласил Владимира Шибаева на свою выставку, открывавшуюся в мае 1920 года в Goupil Gallery. Уже тогда вокруг имени Рериха образовывалось множество домыслов и слухов. Позже Рерих вспоминал об открытии этой выставки:

«Еще в 1920 году во время моей выставки у Гупиля в Лондоне заявился некий чиновник из Министерства иностранных дел и смутил бедного директора галереи. Сказал, что картины вовсе не мои, что Рерих убит в Сибири и сам чиновник присутствовал на панихиде. Пришлось повидать его и уверить в моей самоличности». Причем чиновник авторитетно уверял, что вот этот Рерих на самом деле — самозванец, ибо настоящий Рерих в 1918 году похоронен, и он лично присутствовал на его похоронах.

Известный русский поэт Николай Асеев, поверив в смерть Н. К. Рериха, даже написал по этому случаю стихотворение, датированное 14 октября 1918 года, и прочитал его на вечере, посвященном памяти Рериха:

Тому, кто шел на безымянный берег,
В могилу клали меч, копье и лук.
Кто ж на щиты тебя поднимет, Рерих,
Последний, может, рюриковский внук?
Вели коня в седле за павшим князем,
И посреди вонзенных в землю стрел
Гроб на костер слагали, а не наземь,
Чтоб он при всех в живом огне сгорел.
А ты, плененный древней русской сказкой,
Влюбленный в память сумрачных времен, —
Твой конь увяз среди трясины вязкой
Во тьме, в лесу до шелковых стремян...

Но верим мы: пройдут года, и ты, чей
Упорный взор испепелял века,
Восславишь старый, пламенный обычай —
Ладью времен вернет твоя рука.
Не нашим поколеньем, быть может,
Грядущим — исполнен будет он:
Зажгут костер, тебя на шит возложат
И понесут весной на горный склон.
Промчатся снова кругом лета, зимы...
О юноши, взгляните же назад:
Князь на костре горит неугасимо,
И пламя, пламя плещется в глаза!

Николай Константинович Рерих с юмором отнесся к столь странному известию, сказав, что теперь долго проживет.

После переезда в Лондон, Николай Константинович устроил своего сына Юрия в Высшую школу восточных языков при Лондонском университете, на индоиранское отделение. Именно там Юрий познакомился с индусом, в будущем известным индийским лингвистом — Сунити Кумар Чаттерджи, лично знавшим Рабиндраната Тагора. Кумар часто бывал в доме, который снимали Рерихи в Лондоне, не далеко от Гайд-парка на Квинс Гейт Террас (Queens Gate Terrace), 25, здесь он нашел уважение и понимание Николая Константиновича.

В Лондон, вместе со старшим сыном, 5 июня 1920 года приехал Рабиндранат Тагор, и уже через 12 дней Рерихи оказались среди приглашенных в доме известного индийского поэта.

Ратхиндранат Тагор, старший сын поэта, вспоминал первую встречу Николая Константиновича с отцом, состоявшуюся 17 июня 1920 года:

«...после обеда Сунити Чаттерджи привел Николая Рериха, русского художника, и его двух сыновей; Рерих показал нам альбом репродукций своих картин. Картины действительно замечательны. В западном искусстве нет ничего подобного. На отца они произвели очень большое впечатление... Вся семья собирается в Индию в сентябре. Их искренняя простота и естественные манеры очаровывают, они так свежи, так отличаются от чопорности англичан. Мы хотели бы узнать их поближе...»^[213]

После этой встречи 24 июня Рерих написал первое письмо Рабиндранату Тагору: «Дорогой мастер! Пусть мои слова напомнят вам о

России...» Николай Константинович пригласил Тагора приехать и посмотреть картины в мастерской, ведь живая картина — это не типографская репродукция. Тагор принял приглашение художника и вскоре вместе со своими друзьями посетил мастерскую.

Друг Тагора, сопровождавший его во время путешествия по Европе, Кедарнат Дас Гупта так вспоминал встречу Рабиндраната Тагора с Н. К. Рерихом в Лондоне: «Это случилось 14 лет тому назад в Лондоне. В это время я находился в доме Рабиндраната Тагора, и он сказал мне: „Сегодня я доставлю вам большое удовольствие“. Я последовал за ним, и мы поехали в Саут Кенсингтон, в дом, наполненный прекрасными картинами. И там мы встретили Николая Рериха и мадам Рерих. Когда мадам Рерих показывала нам картины, я думал о нашем прекрасном идеале Востока: Пракрити и Пуруша, человек, явленный через женщину. Это посещение навсегда осталось в моей памяти».

Специально к приезду Рабиндраната Тагора в мастерской на самом видном месте были поставлены картины, навеянные индийскими сюжетами. Некоторые из этих картин были еще не закончены, но Николай Константинович посчитал, что главное не завершенность произведения, а тема, которая была видна уже в эскизах. В это самое время Рерих работал над индийской серией — «Сны Востока». Кедарнат Дас Гупта вспоминал, что все помещение было увешано картинами и повсюду лежали многочисленные эскизы.

Во время этой встречи Рабиндраната Тагора изумило название поместья Рерихов — Извара, очень похожее на имя индийской богини Ишвар.

После знакомства с Н. К. Рерихом Р. Тагор проникся большой симпатией к русскому художнику и, почувствовав некую близость души, 24 июля написал письмо, в котором выразил свой восторг от творчества Николая Константиновича:

«24 июля 1920 г. Кенсингтон Пелис Меншионз (Лондон)

Дорогой друг!

Ваши картины, которые я видел у Вас в мастерской в Лондоне, и репродукции некоторых Ваших картин, появившиеся в журналах по искусству, глубоко захватили меня. Они заставили меня осознать то, что является, конечно, очевидным, но все же должно быть снова и снова открываемо нами в самих себе: что Истина беспредельна. Когда я пытался найти слова, чтобы описать самому себе идеи, заключенные в Ваших картинах, я не смог сделать этого. И не смог я потому, что язык слов может выразить лишь одну грань Истины, а язык картины находит в Истине свою

область, не доступную словесному выражению. Каждый вид искусства достигает своего совершенства лишь тогда, когда оно открывает в нашей душе те особые врата, ключ от которых находится в его исключительном владении. Когда картина является поистине великой, мы не должны иметь возможности высказать, в чем это величие, но все же мы должны видеть и знать его. То же самое относится и к музыке. Когда одно искусство может быть полностью выражено другим — это не настоящее искусство. Ваши картины ясны и все же невыразимы словами. Ваше искусство ограждает свою независимость, потому что оно великое искусство. Искренне Ваш Рабиндранат Тагор»^[214].

Не пройдет и года, как два великих деятеля искусства снова встретятся, но теперь в Соединенных Штатах Америки, где Тагора будут называть индийским шпионом, а Рериха — русским эмигрантом, агентом Москвы. А многим позже, уже в Индии, Святослав Рерих в 1945 году женится на племяннице Рабиндраната Тагора, известной актрисе — Девике Рани.

Николай Константинович приехал в Лондон по приглашению Дягилева, чтобы восстановить уже изрядно потрепавшиеся декорации к опере Бородина «Князь Игорь» (Половецкий стан). Предполагалось, что в лондонском театре Ковент-Гарден будет поставлена целая серия русских спектаклей в рамках дягилевских «Русских сезонов». Финансовой частью проекта занялся продюсер Томас Бичем. Декорации были в плачевном состоянии, и Николай Рерих предложил С. П. Дягилеву:

— Пожалуй, вместо реставрации, не сделать ли нам новую...

А когда Н. К. Рерих увидел обтрепанные и разорванные декорации, он начал настаивать на изготовлении новых. Но английские антрепренеры обращали внимание на плохое состояние декораций только в последнюю очередь.

В Ковент-Гардене, «в Лондоне в 1919 году я видел „Половецкий стан“ в таком потертом виде, что с трудом мог узнать первоначальный колорит, — вспоминал Рерих. — На небе зияла огромная заплата. Когда же я спросил, что такое случилось, мне спокойно ответили: „В Мадриде прорвали, там сцена была меньше“»^[215].

Правда, в связи с недостатком средств не все декорации в дальнейшем были заменены на новые.

Новые постановки под эгидой частного лондонского театра Ковент-Гарден должны были принести Николаю Константиновичу немалые деньги. Уже в июле 1919 года Н. К. Рерих работал над декорациями к

операм Римского-Корсакова «Сказка о царе Салтане» и «Снегурочка». Н. К. Рерих 16 августа 1919 года композитору И. Ф. Стравинскому писал:

«Уже месяц как я в Лондоне. Ставлю „Царя Салтана“ и „Китеж“ для Бичема (Covent Garden)»^[216].

Постановки Дягилева были рассчитаны на вкус английской публики, для которой театр был простым развлечением. Это возмущало Николая Константиновича, но свое недовольство он по большей части выражал в письмах своим друзьям и знакомым и не особенно распространялся об этом в разговорах с самим Сергеем Дягилевым.

27 октября 1919 года Н. К. Рерих писал княгине М. К. Тенишевой:

«А если бы Вы видели последние постановки Дягилева — это уже не пропаганда, а уже началась профанация. Уже не балет, а цирк с канканом. Печально... в нашей здешней театральной жизни я никогда не видел такой беспорядок, как в частной опере Covent Garden. Это что-то неожиданное и часто недобросовестное. Как хочется, чтобы этого не было»^[217].

Через две недели его возмущение только усилилось. 7 ноября 1919 года Н. К. Рерих писал М. К. Тенишевой в Париж: «Но что это за опера! — наша Калуга или Царево-Коктайск, и притом величайшее самомнение. Все мы — и Коутс, и Комиссаржевский — опечалены театром, а публика ничего себе, и пишут, что успех большой. Настолько они не знают Россию, что все, что для нас из рук вон плохо, а им хорошо»^[218].

Однако успех театральных постановок, организованных Дягилевым, говорил о том, что им были угаданы запросы публики. Начались европейские гастроли «Русских сезонов», о которых Николай Константинович вспоминал:

«Уже в Лондон в 1920 году Дягилев прислал мне телеграмму-привет о пятисотенном представлении „Половецкого стана“».

В 1921 году, когда Н. К. Рерих вместе со своей семьей был уже в Нью-Йорке, художник Игорь Грабарь писал своей жене из Риги:

«А вот тебе более интересные новости, которые я почерпнул из английских журналов. Рерих перебрался из Швеции в Лондон, написал чертову гибель вещей, сделал там выставку, имеет сногшибательный успех, и картины у него берут нарасхват. Он целое состояние нажил... Я видел ряд его новых вещей, воспроизведенных в красках в английских журналах художественных, которые теперь выходят сплошь в трехцветках только. Вещи недурные, мало отличающиеся от прежних.

Там же, в Лондоне, сейчас и так называемый Саша Яковлев. перебравшийся туда из Китая, откуда привез множество замечательных

рисунков и картин. Его точный и острый рисунок и вся техника как нельзя более подходит именно к китайским [лицам] и одеждам. Это он неглупо придумал. Тоже имеет большой успех»^[219].

В Риге Игорь Грабарь перелистывал подшивку английского журнала «The Studio» за 1920 год, где в апрельском номере была помещена большая статья Н. А. Жаринцова «Russian painter: N. K. Roerich», рассказывающая о колоссальном успехе выставки Николая Константиновича в Англии.

Н. К. Рерих не был оторван от художественной жизни Лондона и, конечно, присутствовал на выставке Александра Евгеньевича Яковлева, тем более что Восток всегда притягивал к себе всю семью Рерихов.

«Помню выставку Яковлева в Лондоне в 1920 году, — писал Н. К. Рерих в „Листах дневника“, — большие выставочные залы были наполнены поразительными картинами из Китая. Какая в них была тонкость и убедительность, и в то же время не было никакого подражания, но повсюду отразилась самобытность»^[220].

Именно в это время начинается сближение Н. К. Рериха с Теософским обществом, организованным Еленой Петровной Блаватской. К теософам Рерихов привел Владимир Анатольевич Шибаев, он ввел их в круг своих друзей, увлекавшихся Востоком и мистикой. Хотя и без Шибаева Рерихи устраивали в Англии медиумические сеансы, на которых присутствовали Шкляверы, И. В. Гессен и многие другие русские эмигранты. Но все же помощь В. А. Шибаева была им необходима. Ему поручили показать медиумические автоматические рисунки Николая Константиновича Вадье — одному из лидеров Теософского движения. 6 июля 1920 года Николай Константинович и Елена Ивановна получили официальные удостоверения о членстве в Теософском обществе, зарегистрированные в Лондоне и подписанные Анни Безант, президентом «Общества», и Г. Бейли Увером — генеральным секретарем английского отделения Теософского общества.

Вместе с удостоверениями Рерихам было передано письмо от Г. Бейли Увера, в котором говорилось:

«Дорогой друг, позвольте мне, от имени Ваших братьев, сердечно приветствовать Ваше вступление в Теософское общество.

Я прилагаю к письму Ваш диплом и копию Обращения, иногда даваемого госпожой Безант вновь принятым членам.

На основании личного опыта братьев, я чувствую уверенность в том, что членство в нашем „Обществе“ даст Вам постоянно растущую возможность расширять и углублять те аспекты Братства людей, которые наиболее Вам близки.

Каждый член нашего „Общества“ выбирает свой собственный путь для передачи миру великой истины Братства. И потребность в этой вести столь же велика в области мысли, как и в мире конкретного действия; как в быту, так и в общественной жизни. Сила ее велика равно в молчаливом примере и в активном приложении. При любых обстоятельствах для Вас всегда есть возможность стать, в подлинном смысле слова, „активным“ членом нашего движения, и я рад, что внешним актом вступления в членство Вы укрепили свое положение в мире тех, с кем Вы уже были, без сомнения, давно связаны иными путями.

Я всегда рад знакомству с новыми членами, желающими приехать и встретиться со мной и способными в удобное время посетить для этой цели Штаб-квартиру...»^[221]

Н. К. Рерих вместе с семьей собирался отправиться в Индию еще в начале июня 1920 года, но оформить все необходимые документы в срок не успевал.

Въездные визы в Индию Рерихи получили только 28 июня 1920 года. Визу в Индию получил и В. А. Шибаев. Все были готовы к отъезду в длительное путешествие. Рерихи даже купили билеты на пароход до Бомбея, но тут их подвел антрепренер Томас Бичем. Его объявили банкротом и уже оформленные спектакли для Ковент-Гарден не принесли никакого дохода, а ехать в страну своей мечты совсем без денег Рерихи не могли.

Дягилев с труппой вернулся из Лондона в Париж для продолжения «Русских сезонов». Там он собирался поставить в новом варианте «Весну священную» Стравинского-Рериха. Николай Константинович еще 23 августа 1919 года, по просьбе Дягилева, писал Стравинскому:

«Не думаешь ли, что к летнему сезону хорошо возобновить в новой постановке Мясина нашу „Весну“, здесь она произвела бы впечатление. Как полагаешь? Сейчас здесь интерес к русскому велик»^[222].

Стравинский согласился на возобновление постановки балета «Весны священной», и у Н. К. Рериха родились новые идеи по оформлению спектакля, а 21 ноября 1919 года Николай Константинович уже сообщил Стравинскому: «Сейчас буду сочинять новые варианты декораций к „Весне“»^[223].

Конечно, скандально известный спектакль мог быть поставлен на английской сцене, но чтобы он имел успех в Париже, об этом никто и не мечтал, разве что только сам Дягилев, считавший, что всеобщее признание «Весны священной» в постановке Мясина сведет на нет популярность

предавшего его танцора Нижинского. Женитьба Нижинского стала для Дягилева сильным ударом, и каждый раз, когда это было возможно, Дягилев дискредитировал своего бывшего любовника, прославляя нового постановщика Мясина. Скандальный провал премьеры «Весны священной» в постановке Нижинского, только подогревал желание Дягилева превратить этот балет в один из самых известных в Европе.

Балерина Ромола, жена Нижинского и соперница Дягилева, так описывала скандальную премьеру «Весны священной»: «29 мая 1913 года в театре на Елисейских Полях впервые исполнялась „Весна священная“... Я волновалась, какой будет реакция светской аудитории. Я знала музыку „Весны“ и видела фрагменты танцев из-за кулис на последней репетиции... Ни один из нас не ожидал того, что произошло. Уже первые такты увертюры прозвучали под неодобрительное гудение зала, и скоро зрители начали вести себя не как добропорядочные парижане, а как непослушные, плохо воспитанные дети»^[224].

Один из театральных критиков, присутствовавший на премьере, Карл ван Вехтен, рассказывал об этом памятном вечере более подробно: «Часть зрителей возмутилась богохульной, как они считали, попыткой разрушить музыку как искусство и, охваченная гневом, начала свистеть. Оркестра почти не было слышно. Молодой человек, сидящий за мной в ложе, встал, чтобы лучше видеть, и в сильном волнении принялся колотить по моей макушке кулаками. Я же был настолько захвачен происходящим, что некоторое время не чувствовал ударов»^[225].

«Да, действительно творилось что-то неопишемое, — подтверждала рассказ Карла ван Вахтена Ромола Нижинская. — Люди свистели, оскорбляли актеров и композитора, кричали, смеялись. Монтё бросал отчаянные взгляды на Дягилева, который делал знаки продолжать играть. Споры зрителей не ограничились словесной перепалкой и в конце концов перешли в рукопашную. Богато разодетая дама, сидевшая в ложе бенуара, встала и дала пощечину молодому человеку, свистевшему рядом. Ее эскорт поднялся, мужчины обменялись визитными карточками, и на следующий день произошла дуэль. Другая светская дама плюнула в лицо одному из протестующих зрителей. Принцесса де Пуртале покинула ложу со словами:

Мне шестьдесят лет, но из меня впервые осмелились сделать дуру.

В этот момент разъяренный Дягилев крикнул из своей ложи:

Прошу вас, господа, позвольте закончить спектакль.

На мгновение воцарилась тишина, но только на мгновение. Потом шум возобновился с новой силой. Я бросилась за кулисы — там было не лучше,

чем в зрительном зале. Танцовщики стояли, чуть не плача, их била нервная дрожь, никто и не думал уходить в гримерные. Собралась толпа, и Василию пришлось пробивать дорогу для Нижинского. Он шел в репетиционном костюме, с лицом белым, как его крепдешиновая рубашка. Обоими кулаками он яростно отбивал ритм, крича:

— Раз, два, три.

Музыку нельзя было расслышать даже на сцене, и единственное, что управляло танцорами, это дирижирование Нижинского из-за кулис. Его лицо подергивалось от волнения. Мне было его так жаль, ведь я знала — этот балет — великое создание. Единственный спокойный момент наступил, когда пришло время танца Избранницы. Исполненный такой неопишуемой силы и красоты, он обезоружил даже неукротимую аудиторию. Эту партию, требующую от балерины невероятных усилий, превосходно станцевала Мария Пильц... В конце представления все были без сил. И снова Василий не смог удержать баррикаду, и гримерная Нижинского была взята штурмом Дягилевым с друзьями и балетоманами, принявшимися горячо обсуждать спектакль и реакцию публики. Теперь, когда все было позади, Вацлав воспринимал происшедшее спокойнее и, поскольку никто пока не нуждался в его энергии и поддержке, расслабился. Взбешенный Стравинский рвал и метал. Но все сошлись на том, что их совместное творение великолепно и когда-нибудь оно будет принято и понято. Все так перенервничали и переволновались, что не могли идти ужинать. Кто-то предложил поехать к озеру, и Сергей Дягилев, Вацлав Нижинский, Игорь Стравинский и Жан Кокто отправились в Булонский лес и только под утро вернулись домой»^[226].

Известный французский писатель, друг Дягилева и Нижинского, Жан Кокто вспоминал этот скандал несколько по-иному. Он писал, что «публика сыграла роль, которая ей была отведена. Она смеялась, хлопала, шипела, кричала голосами животных... Разгул переродился в настоящий бой. Стоя в своей ложе, со съехавшей набок диадемой, старая княгиня де Пуртале размахивала веером и кричала:

— Впервые за 60 лет кто-то отважился одурачить меня!

Благородная леди была искренна: она действительно была убеждена, что все происходящее — мистификация».

Через несколько дней после премьеры Стравинский давал интервью в июньский номер парижского журнала «Жиль Блаз», он всячески защищал себя и балетмейстера. О декорациях и костюмах Н. К. Рериха в этой суматохе даже не вспоминали.

«Стравинский раздражен, — писал журнал „Жиль Блаз“. — Публика,

посетившая спектакль, реагировала на его новое сочинение „Весну священную“ нестройными выкриками и смехом, в которых терялись жидкие аплодисменты. Но нужно отдать композитору должное — он не кажется расстроенным и не крушит своих завистников. Мы почувствовали это, когда интервьюировали его вчера:

— Что моя музыка не может быть признана сразу, я полностью осознаю. Но отсутствие доброжелательности со стороны публики ничем неоправданно. Мне кажется, что следовало бы повременить с выражением своей разочарованности хотя бы до конца представления. Это было бы и вежливо и честно. Я предложил нечто новое и думаю, что те, кто когда-то аплодировал „Петрушке“ и „Жар-птице“, несколько обескуражены. Но я рассчитывал и на понимание. Я действовал честно; предыдущие сочинения были гарантией моей искренности и могли бы стать доказательством того, что я не имел намерений эпатировать слушателей. Во время премьеры, когда смятение публики достигло такого размаха, что танцоры не могли расслышать музыку, мы, Стравинский, Нижинский, Добужинский и Рерих, были встревожены не столько тем, что наше самолюбие ущемлено, сколько назревавшей опасностью прервать спектакль. И это награда за 130 репетиций и целый год работы. Нижинского критиковали за его хореографию; кто-то сказал, что она не соотносится с музыкой.

Они ошибаются. Нижинский — превосходный художник. Он способен совершить подлинную революцию в искусстве балета. Он не только восхитительный танцор, но и новатор. Его вклад в создание „Весны священной“ очень значителен. Однако я уверен, что когда-то, хотелось бы думать скоро, мою музыку поймут полностью. Неожданная новизна балета привела Париж в замешательство, но Парижу и известно, как вернуть себе самообладание и забыть свой „черный юмор“. Париж, который восхищается Нижинским-танцором, совершенно не понял его как хореографа. Это прискорбно, но факт...»^[227]

Скандал был настолько громким, что даже через пятьдесят лет балерина Мари Рамбер, помогавшая Нижинскому в постановке и танцевавшая в этом балете, вспоминала:

«На премьере Нижинский стоял на высоком стуле в кулисе. Видимый для нас, он пытался помочь нам попасть в такт. Кто-то с галерки закричал:

— „Un docteur! [Доктора!]“

Ему ответил другой голос:

— „Un dentiste! [Зубного врача!]“

Затем еще один:

— „Deux dentists! [Двух зубных врачей!]“

Это было ужасно. Нам было велено продолжать спектакль, но это было отвратительно. Однако мы дошли до конца. Нижинский прыгнул со стула. Занавес был уже опущен, и он сказал: „Дура публика!“»

Боялся ли повторения такого же скандала Николай Константинович? Несомненно. Правда, декорации для спектакля изготовили заново, некоторые костюмы переделали в мастерских К. Шанель, не говоря уже о новой сценографии Мясина, где было больше танцевальности, нежели в постановке Нижинского. Однако идея балета оставалась прежней, какой ее описывал Н. К. Рерих еще до первой премьеры 1913 года в письме Сергею Дягилеву:

«В балете „Sacre du Printemps“, задуманном нами со Стравинским, я хотел дать картины радости Земли и торжества Неба в славянском понимании. Я не буду перечислять программу номеров балета — в картинах программа не важна. Укажу лишь, что первая картина „Поцелуй Земли“ переносит нас к подножию священного холма, на зеленые поляны, куда собираются славянские роды на весенние игры. Тут и старушка колдунья, которая гадает, тут игры в умыкание жен, в города, в хороводы. Наконец наступает самый важный момент: из деревни приводят старейшего мудрейшего, чтобы он дал расцветшей земле священный поцелуй. Прекрасно стилизовал мистический ужас толпы талантливый Нижинский во время этого таинства.

После яркой радости земной во второй картине мы переносимся к мистерии небесной. Девушки ведут на священном холме среди заклятых камней тайные игры и избирают жертву, которую величают. Сейчас будет она плясать последнюю пляску, а свидетелями этой пляски будут старейшины, которые набросят на себя медвежьи шкуры в знак того, что медведь считается человеческим праотцем. Старейшины передадут жертву богу солнца Яриле. Я люблю древность, высокую в ее радости и глубокую в ее помыслах.

Не знаю, как отнесется Париж к этим картинам, до сих пор у меня о моих работах в Париже связаны прекрасные воспоминания. „Половецкий стан“ („Игорь“), шатер Грозного в „Псковитянке“, а также мои работы на выставке были оценены в Париже».

14 декабря 1920 года, в том же театре на Елисейских Полях, спектакль не был освистан. Публика благосклонно приняла новый вариант декораций, костюмов и балет в постановке Л. Ф. Мясина.

Николай Константинович с семьей в это время был уже в Америке, где вовсю шла подготовка к грандиозному выставочному турне его художественных произведений по всем крупным городам США.

Когда «Русские сезоны» в Лондоне в связи с банкротством Томаса Бичема неожиданно лишились финансовой поддержки — Рерихи оказались почти на мели. Небольшую надежду давала возможность продажи картин. Тогда, в 1920 году, был создан даже специальный попечительский Комитет выставки, в который вошли многие известные люди Англии.

На банкете, данном комитетом по случаю открытия выставки Н. К. Рериха в Лондоне, писатель-фантаст Герберт Уэллс, поднимая свой бокал, произнес речь, которую Николай Константинович несколько раз потом вспоминал в «Листах дневника»:

— Этот простой предмет, который никем из нас не рассматривается как нечто редкое, может, в известных обстоятельствах, стать редким сокровищем. Всегда возможно, что благодаря саморазрушительной ненависти цивилизация может быть стерта, и тогда человечеству заново придется начинать его культурные накопления в самых трудных условиях варварства...

Н. К. Рерих в комитет выставки хотел включить даже Уинстона Черчилля, но друзья отсоветовали, сказав, что если включить Черчилля — то ни один порядочный человек не останется в нем. Выставка получилась помпезной, но картин было продано мало.

Из-за газетной шумихи в Лондоне семью Рерихов обхаживали большевики, предлагая Николаю Константиновичу стать главой художественного образования в России. Вокруг них суетились иезуиты. Одна русская дама, которая перешла в католичество, выступала в качестве «засланного агента». Ей было велено самой не участвовать на спиритических сеансах в доме Рерихов, но все у них узнавать и потом передавать иезуитам. Товарищи эмигранты одновременно и завидовали и пытались присоединиться к удачливому соотечественнику, а некоторые без зазрения совести пользовались трудным финансовым положением Рерихов. Среди таких был и Скидельский, он предложил купить у Рериха две картины за тысячу триста долларов, при этом, продержав долго в приемной, заставил подписывать большое количество бумаг, удостоверяющих полный отказ художника от своих прав на картины, и Николай Константинович вынужден был согласиться.

Поэтому весьма кстати пришлось приглашение в США, где при поддержке члена Теософского общества Роберта Харше должна была быть организована серия выставок Н. К. Рериха по Америке.

Можно было принять и другое предложение, поступившее от друзей из Парижа. Товарищ по «Миру искусства» и «Союзу русских художников», театральный художник, живописец и график Сергей Юрьевич Судейкин 19

июля 1920 года писал Рериху:

«Здравствуйте, дорогой друг, Николай Константинович! Здесь мы живем дружно, и есть проекты воскресить выставку „Мир искусства“. Григорьев в Берлине, здесь — Яковлев, Сорин, Реми, Гончарова, Ларионов; Стелецкий в Каннах. Только не хватает нашего председателя, который предпочитает холодный Альбион Парижу, городу вечной живописи. С каким восторгом говорил о Вас недавно Ф. Журден, председатель Осеннего салона, вспоминая „Половецкие пляски“ и „Священную весну“. Я думаю, Николай Константинович, что если Вы тронули глаза и сердца рыбоподобных „бритов“, то здесь Ваше имя имело бы более горячих поклонников и друзей. Приходите и правьте нами. Судейкин».

Были и другие приглашения, но самым заманчивым оказалось предложение американцев. Сдав купленные заранее билеты на пароход до Бомбея и получив аванс, Николай Константинович Рерих с женой и двумя сыновьями 2 октября 1920 года отплыл на корабле в далекую Америку навстречу своей всемирной известности.

АМЕРИКА

Еще ни один русский художник не удостоивался такой чести — быть приглашенным в Соединенные Штаты Америки для проведения своей выставки в течение трех лет в 29 городах всех американских штатов. Сподвижник Рериха — Шибаетов в своих воспоминаниях пишет, что Николай Константинович даже отложил путешествие в Индию, настолько грандиозный проект, задуманный американцами, захватил художника.

На самом деле причины, побудившие Н. К. Рериха принять это предложение, были несколько иные. Полное банкротство Томаса Бичема привело к тому, что Николай Константинович не получил обещанных денег за оформление декораций у Дягилева, а приглашение в Америку давало возможность заработать достаточно средств для осуществления долгого путешествия в Индию и Тибет.

Действительно, Кристиан Бринтон (Christian Brinton) и директор Чикагского института искусств (Chicago Art Institute) Роберт Харше (Robert Harshe), предложили Рериху участвовать в двух масштабных проектах: серии выставок по всем штатам Америки и создании эскизов костюмов и декораций для Чикагской оперы (Chicago Opera Company). Предполагалось осуществить две постановки: «Снегурочку» Римского-Корсакова и «Любовь к трем апельсинам» Прокофьева.

Серия персональных выставок Николая Константиновича Рериха была открыта 4 декабря 1920 года экспозицией в Нью-Йоркской частной «Кингор галерее» (Kingore Galleries).

Первая выставка Рериха не обошлась без небольшого скандала. «Собралась вся знать, сливки города, — вспоминала этот день одна из ближайших сподвижников Н. К. Рериха Зинаида Лихтман, — знаменитости, миллионеры. Ждут открытия. И вдруг погас свет. Лишь через полчаса устранили неисправность. И вот я стою перед „Сокровищем ангелов“, „Языческой Русью“ и „Экстазом“ — тремя огромными полотнами сверхчеловеческой красоты и спокойствия, какие мог задумать и осуществить в красках только выдающийся ум, родственник Леонардо да Винчи».

Возможно, Рериху в тот момент вспомнился печальный эпизод, произошедший в Петербурге в 1908 году во время открытия выставки, организованной журналом «Старые годы». Она проходила в помещении Императорского Общества поощрения художеств, действительным членом

которого был Н. К. Рерих.

В залах было развешено 463 картины русских и зарубежных художников начала XVIII — середины XIX века из частных коллекций, экспозиция должна была вызвать большой резонанс. Организованная мирискусниками, она никак не устраивала вице-председателя «Общества» М. П. Боткина, давно затаившего злобу на Н. К. Рериха за его хлесткие публикации. Выставка, еще не открывшись, закончилась электрическим скандалом и потасовкой. Тогда об этом писали все столичные газеты.

Еще во время развешивания картин в здание начали приходить различные комиссии, которые предъявляли массу претензий к проводке и электроосвещению.

Все замечания были учтены, и устроители наконец получили разрешение на открытие выставки. На вернисаж прибыли великие князья и важные гости. Когда «августейшие» зрители, осмотрев картины, ушли, а публику еще не впускали в залы, неожиданно вице-председатель «Общества» М. П. Боткин, хитро улыбаясь, приказал погасить свет, сославшись на неисправности электропроводки. В то время генеральным комиссаром выставки был назначен барон Н. Н. Врангель, в порыве гнева он ударил Боткина по лицу. Тотчас был вызван полицейский пристав и составлен протокол. Выставка была сорвана. Постановление комитета по устройству «Выставки старинных картин», созванного сразу после неприятного инцидента, начиналось такими словами:

«Рассмотрев заявление барона Врангеля об увольнении его от должности Генерального комиссара, комитет нашел: поступок барона Врангеля, выразившийся в оскорблении действием 10 ноября М. П. Боткина, был вызван целым рядом совершенно неуместных и явно недоброжелательных действий М. П. Боткина, явно клонившихся к тому, чтобы выставка не была открыта своевременно... М. П. Боткин снова, невзирая на то, что помещение было сдано в полное распоряжение выставки „Старых годов“, приказал гасить электричество. На просьбу барона Врангеля отменить это распоряжение и предоставить ему, как Генеральному комиссару, право распоряжаться на выставке М. П. Боткин в грубой форме приказал служителям всех присутствующих, включая и гостей, „гнать вон“...»

Закончилось все достаточно прозаично. Несмотря на защиту друзей, в том числе и Н. К. Рериха — Н. Н. Врангель 10 декабря был посажен на три месяца в тюрьму, выставка была немедленно закрыта, а ее устроители понесли огромный ущерб, из-за чего пришлось в дальнейшем отказаться от организации подобных проектов.

«Однажды у нас были гости, — вспоминал об этом случае Н. К. Рерих, — и мы спокойно беседовали, когда прибежал взволнованный служитель и, не стесняясь присутствующих, заявил дрожащим голосом:

— Барон Врангель очень больно Михаила Петровича Боткина в глаз ударил.

Оказывается, в выставочном зале произошла целая драма. Устраивалась выставка старинной живописи, а по пожарным условиям градоначальник запретил открытие. Боткин пошел предупредить выставочный комитет об этом запрещении, а Врангель, думая, что виновником всего является сам Боткин, грубейшим образом кулаком ударил его в глаз...»^[228]

Можно представить себе состояние Николая Константиновича в тот момент, когда в Нью-Йоркской «Kingore Galleries» погас свет на целых полчаса. Однако публика не разошлась, и даже наоборот, прибавились опоздавшие. Подойти к художнику было невозможно из-за обилия журналистов, беспрестанно задававших вопросы. В такой момент к Рериху и его жене Елене Ивановне подвели Зинаиду Лихтман (Фосдик) — русскую эмигрантку, которая среди гомона английской речи произнесла несколько слов по-русски. Рерихи сразу прониклись к ней симпатией.

Вот как Лихтман описывает свое первое знакомство с будущими своими учителями и наставниками:

«Спутник, который привел меня на выставку — он был шапочно знаком с Рерихами, все время повторял, что должен обязательно представить меня Рерихам. Я говорю: неудобно, да они и заняты (их окружали какие-то люди). Но мой спутник упрямо стоял на своем. Наконец он подвел меня к Рерихам. Николай Константинович был среднего роста, с клинообразной бородкой; глаза у него синие, искрящиеся, удивительно доброжелательные. Рядом с ним стояла его жена, Елена Ивановна, такой поразительной красоты, что у меня перехватило дыхание. Меня назвали, Рерихи улыбнулись, особенно чудесной и ласковой была улыбка Елены Ивановны. Мы сказали друг другу какие-то общие фразы. А потом Елена Ивановна говорит:

— Приходите к нам сегодня в 7 часов в „Отель художников“ на чашку чаю»^[229].

Зинаида и ее муж Морис этим же вечером оказались в гостях у Рерихов. Зинаида настолько волновалась, что пришла раньше намеченного часа. Стесняясь подняться наверх, она долго просидела вместе с мужем на первом этаже гостиницы. Эта встреча действительно перевернула все в

жизни Зинаиды Григорьевны:

«Я приняла приглашение, удивляясь только, почему меня пригласили. Незнакомая им и тем не менее удостоенная приглашения посетить великого художника и его не менее великую жену (это я чувствовала, глядя на нее), я едва могла дожидаться вечера. Когда я вошла в большую студию и была принята с прекрасным гостеприимством, так естественно присущим русскому характеру, меня ждало много других, не менее удивительных сюрпризов. Этот великий человек и его жена приняли меня так, как будто знали меня! Более того, они начали говорить со мной о своих планах на будущее, их миссии в Соединенных Штатах и о том, что должно было последовать далее, в то же время выражая глубокий интерес к моей музыке и преподавательской работе. И что самое удивительное, наши пути должны были слиться; работа распространения искусства и знания среди молодежи Америки должна была ближе связать меня с ними!

В тот же самый вечер были заложены идеи общей работы — создания первой из наших организаций, основанных профессором Рерихом, — Мастер-школы объединенных искусств»^[230].

«Отель Художников» (Hotel des Artistes), в котором остановились Рерихи, был очень дорогим и престижным. Номер представлял из себя большую студию с роялем, к ней примыкала столовая, а на втором этаже располагались спальни. Остановиться в этом отеле Рерихам посоветовал американский художественный критик Кристиан Бринтон, автор вступительной статьи к каталогу, выпущенному к открытию выставки в Нью-Йоркской «Kingore Galleries». Вскоре Рерихам пришлось переехать в гостиницу подешевле.

Проведя лето в Санта Фэ, они поселились в Нью-Йорке, в пансионе на 82-й улице, продолжая искать более удобную квартиру. Осенью была снята новая квартира на 103-й улице, где они и прожили всю зиму.

Идея Николая Константиновича создать Школу Объединенных искусств была поддержана Зинаидой Григорьевной сразу. Она довольно быстро уговорила мужа принять предложение известного русского художника. И занялась реорганизацией уже давно существовавшего Фортепьянного института (Lichtman Institute).

Мысль о новой школе родилась незаметно, во время разговора за вечерним чаем, когда Зинаида Лихтман жаловалась Рерихам, что в Америке к искусству относятся как к бизнесу и ищут во всем выгоду, а молодежь почти не интересуется ни живописью, ни классической музыкой. Николай Константинович и Елена Ивановна говорили, что приехали в Америку, чтобы пропагандировать русскую культуру и искусство. Для этого Н. К.

Рерих предполагает, помимо художественного турне по городам, осуществить несколько постановок русских опер в Америке. И почему бы, например, для американской молодежи не создать Объединенный центр культуры, хотя бы на базе Института Лихтманов. Зинаида Григорьевна выразила сомнение, что помещение, в котором размещается их институт, слишком мало для таких громадных замыслов, на что Рерихи единодушно заметили, что все большое начинается с малого.

На следующий день после ночного чаепития Николай Константинович передал Зинаиде Лихтман примерный план занятий и схему новой Школы Объединенных искусств, благо он долгие годы работал директором школы Императорского Общества поощрения художеств и еще в 1917 году создал проект реорганизации своей школы в академию. Рекомендации, написанные для Зинаиды Лихтман, конечно, были несколько проще.

Вскоре в Америке начали появляться и другие рериховские учреждения. В Чикаго была создана международная организация «Cor Ardens» («Пылающее сердце»). Николай Константинович в своей книге «Adamant», изданной на английском языке нью-йоркским издательством «Corona Mundi», писал:

«„Cor Ardens“ признает искусство универсальным средством выражения свидетельства жизни. Оно признает феномен одновременного возникновения идеалов в искусстве во всех частях света и тем самым подтверждает творческий импульс вне зависимости от доставшегося наследия. Искусство должно твориться чистым духом во всей своей непреложности. „Cor Ardens“ являет реальное движение к объединению разделенных, но духовно близких людей...

Цели организации:

1. Создание международного братства художников.
2. Организация выставок без жюри, призов и распродаж.
3. Создание центров, в которых найдется место искусству и художникам всех стран.
4. Основание универсальных музеев, где будут храниться произведения искусства, подаренные мастерами.

„Cor Ardens“ станет эмблемой и символом братства художников.

Разве в этих словах не звучит победа духа? Разве хаос не открыл врата единения? Разве разъединенные физически души не начинают понимать друг друга языком высшего благословения?» [\[231\]](#)

В той же книге Рерих объяснял и причины создания еще двух культурных учреждений:

«Многие спрашивали меня в течение этого года, что за причина

основания в Нью-Йорке Института Объединенных искусств и „Corona Mundi“. Конечно, для лиц посвященных — основание этих учреждений не случайно. Оба учреждения отвечают нуждам нашего времени. Меня просили дать девизы для них, и я избрал две цитаты из моих статей. И твержу, что в наши дни, острой борьбы и международных недоразумений, они жизненно практичны.

Для института я предложил:

„Искусство объединит человечество. Искусство едино и нераздельно. Искусство имеет много ветвей, но корень един. Искусство есть знамя грядущего синтеза. Искусство — для всех. Каждый чувствует истину красоты. Для всех должны быть открыты врата „священного источника“. Свет искусства озарит бесчисленные сердца новой любовью. Сперва бессознательно придет это чувство, но после оно очистит все человеческое сознание. И сколько молодых сердец ищут что-то истинное и прекрасное. Дайте же им это. Дайте искусство народу, которому оно принадлежит. Должны быть украшены не только музеи, театры, школы, библиотеки, здания станций и больницы, но и тюрьмы должны быть прекрасны. Тогда больше не будет тюрем...“

Для „Corona Mundi“ следующее:

„Предстали перед человечеством события космического величия. Человечество уже поняло, что происходящее не случайно. Время создания культуры духа приблизилось. Перед нашими глазами произошла переоценка ценностей. Среди груд обесцененных денег человечество нашло сокровище мирового значения. Ценности великого искусства победоносно проходят через все бури земных потрясений. Даже „земные“ люди поняли действенное значение красоты. И когда утверждаем: Любовь, Красота и Действие — мы знаем, что произносим формулу международного языка. Эта формула, ныне принадлежащая музею и сцене, должна войти в жизнь каждого дня. Знак красоты открывает все „священные врата“. Под знаком красоты мы идем радостно. Красотой побеждаем. Красотой молимся. Красотой объединяемся. И теперь произносим эти слова не на снежных вершинах, но в суете города. И чуя путь истины, мы с улыбкой встречаем грядущее“.

...Без всякого преувеличения можно утверждать, что ни одно правительство не станет прочно, если оно не выразит действенное почитание всеобъемлющей красоте и высокому знанию. И если пути сообщения понесут для обмена не пушки и яды, но красоту и светлое знание, то можно представить, как ни одна рука в мире не поднимется уничтожить эти дары света. Есть одно положение, когда Красота всегда

побеждает, когда даже скептики и невежды умолкают и начинают сознавать, что перед ними стоит мощный двигатель»^[232].

28 октября 1920 года в Америку приехал Рабиндранат Тагор. 3 ноября 1920 года, когда еще велись переговоры с Кингором, владельцем нью-йоркской галереи, и художественным критиком Кристианом Бринтоном об организации первой выставки Рериха в Нью-Йорке, Елена Ивановна написала сыну Юрию в Гарвард (он перевелся из Лондонской Высшей школы восточных языков на отделение индийской филологии Гарвардского университета):

«Милый — родной мой мальчик!

Радуюсь каждому твоему письму. Работай и ни о чем другом не беспокойся. Все знание, которое ты можешь получить, заложено в тебе самом... Приехал Тагор. На днях Светка (Святослав Николаевич Рерих) пойдет его разыскивать»^[233].

А 8 ноября она писала: «Сегодня у нас будут Тагор и Pearson, а др[угие] народы придут их смотреть».

Столкнувшись с американской действительностью Рабиндранат Тагор был недоволен приемом и общественным резонансом в Америке. Скандальные газеты искали сенсации. Полное невнимание и неуважение к Тагору проявлял и его личный импресарио.

23 ноября 1920 года во время его лекции, на которой присутствовали Николай Константинович и Елена Ивановна, неожиданно сидевший рядом с Тагором на эстраде импресарио откинулся на спинку стула и громко захрапел на весь зал. Тагор, не зная что делать, с грустью посмотрел на спящего, но кто-то из публики без церемоний громко окликнул и разбудил его.

Открывшаяся в Нью-Йорке выставка становилась все популярней, она просто приковывала к себе внимание публики. Елена Ивановна 12 января 1921 года писала об успехе сыну:

«Выставка продолжает привлекать толпы. В субботу было около 1500 человек. Но продаж больше не слышно. Застой продолжается. Никто ничего не продает. Все удивляются, что у нас продано 2 вещи. Куплено: дворец Голицына „Хованщина“ и терем Садко с видом на Псков»^[234].

Между тем в Манхэттене, на 54-й улице (Manhattan, West 54 Street), в большом доме был арендован второй этаж, где и разместилась новая Школа Объединенных искусств, возглавляемая Лихтманами. Сначала все бралось в долг — от картин времени Ренессанса, которые предоставили известные галереи Нью-Йорка, до роялей Steinway, которые позднее были выкуплены

школой. Николай Константинович пригласил плотников и маляров из русских эмигрантов, которые отремонтировали и обустроили школу с любовью. Этаж был разделен на несколько студий, приемную и большую залу, где поместились у окна два рояля. По стенам поставили стулья, а в центре расположился стол для заседаний.

Само здание тоже представляло собой нечто необычное, это был дом Греческой церкви. Николай Константинович с Морисом Лихтманом сначала хотели арендовать помещение в «Отеле Художников», где совсем недавно, в фешенебельном номере, жили Рерихи. Но жизнь подсказала иное решение.

«Случайно по дороге, — вспоминал Николай Константинович, — задерживаемся и, благодаря этой случайности, при входе в подземную железную дорогу к нам бросается греческий художник с неожиданным возгласом:

— Уже три месяца ищу вас — не нужна ли вам большая мастерская?
— Конечно, нужна, где она?
— В доме Греческой церкви, на 54-й улице.
— Хорошо, завтра же пойдем осмотреть ее.
— Нет, невозможно, не могу больше держать ее. Если хотите видеть, идемте сейчас же.

И вот, вместо „Отеля Художников“, мы сидим у отца Лазариса, настоятеля Греческого собора, который уверяет меня, что я духовное лицо. Тут же решаем снять помещение, и под крестом Греческого собора полагается начало давно задуманному Институту объединенных искусств. Мастерская большая, но всего одна комната.

Говорят нам: „Неужели вы можете мечтать иметь Институт объединенных искусств в одной студии?“

...Итак, раздаются первые фортепианные этюды и реализуются мечты о живописных, вокальных и скульптурных классах. Скоро студию пришлось разделить на три помещения, и сама жизнь поддержала идею объединения...»^[235]

Постановка прокофьевской оперы «Любовь к трем апельсинам» откладывалась. В Чикаго шла опера Римского-Корсакова «Снегурочка» в декорациях Н. К. Рериха. В феврале 1922 года перед самым отъездом из Нью-Йорка Сергей Прокофьев писал Николаю Константиновичу об опере «Любовь к трем апельсинам»:

«Дорогой Николай Константинович, хотел забежать к Вам вчера вечером, чтобы обнять перед отъездом, но ввалилась ко мне какая-то предпринимательница, интересующаяся Апельсинами, задушила душевные

порывы. Ваши рукописи со мной в каюте; с удовольствием жду того момента, когда спокойно смогу подумать над ними, а затем поговорить с Дягилевым. Целую Вас крепко. С. Прокофьев».

К сожалению, в силу многих причин ни в Америке, ни в Европе С. С. Прокофьеву и Н. К. Рериху так и не удалось вместе поработать над этой оперой.

ВЕНЕЦ МИРА

В 1922 году старший сын Н. К. Рериха Юрий отправился в Париж, чтобы продолжить образование в Сорбонне, а Святослав уехал учиться в Гарвардский университет.

Вначале Юрий не хотел уезжать в Европу, однако такая поездка была необходима для претворения в жизнь планов Николая Константиновича. Елена Ивановна писала Юрию в Париж 28 октября 1922 года:

«Милый мой мальчик, не забудь свое поручение у Манциарли. Помни, что ты должен высоко держать наше имя. Она сейчас проникнута восторженным поклонением папе и видит в нем будущего лидера, а потому удержи ее в этом понимании. Это очень важно, ибо ты знаешь, что в Адьяре мы ничего не найдем...»

Чтобы понять, в чем же заключалось это «поручение», вспомним об одном создателе духовного учения — Кришнамурти. Родился Джидду Кришнамурти в 1896 году в Индии. Именно Кришну, сына индийского брахмана, руководители Теософского общества избрали проводником Мирового Учителя (Лорда Майтрейи), несмотря на то, что Анни Безант, глава Теософского общества, и провозглашала некогда в Америке: «Мы ищем Его, который должен прийти на сей раз на Западе, а не на Востоке, как две тысячи лет тому назад явился Христос». Кришну и его младшего брата Нитью теософы забрали у отца и занялись их воспитанием и обучением. Главным для посвящения было, конечно, изучение английского языка, для того чтобы будущий мессия мог общаться с главой Общества — Анни Безант.

По окончании первого этапа обучения в 1911 году была основана новая теософская организация — Международный Орден «Звезды Востока», во главе которого встал 15-летний Кришнамурти. Руководители Теософского общества Анни Безант и Чарлз Вебстер Ледбитер были объявлены покровителями нового Ордена, ставившего своей целью приготовить мировое сообщество к приходу Великого Учителя. Отец Кришнамурти, брахман Нариянья, доверил опеку над своими детьми Анни Безант, но неожиданно распространился слух о том, что Чарлз Ледбитер имеет с мальчиками противоестественную связь. Нариянья всеми силами пытался изолировать своих детей от Ч. В. Ледбитера.

Дело в том, что в 1906 году Чарлз Ледбитер оказался в центре сексуального скандала, произошедшего в Теософском обществе. С 1900

года Ледбитер ездил по Америке, Канаде и Австралии с теософскими лекциями. Во время своих проповедей он особое внимание уделял мальчикам-подросткам, родители не придавали этому значения, так как Ледбитер считался хорошим воспитателем и наставником. Но однажды двое мальчиков из Чикаго признались своим родителям, что Чарлз Ледбитер учит их неприличным манипуляциям. Об этом стало известно руководству Теософского общества, от Ледбитера потребовали объяснений, однако он, ничего не сказав в свое оправдание, подал прошение об отставке. Президент Теософского общества полковник Олкотт под напором многих членов Общества, после некоторого колебания, принял эту отставку. В Лондоне был даже создан специальный совет, посвященный этому скандалу. До смерти полковника Ледбитер жил в Англии, но после того как в июне 1907 года президентом была избрана Анни Безант, он был восстановлен в членстве и вернулся в Теософское общество. Преодолеть предубежденное отношение к Ледбитеру было очень трудно. На восстановление Чарлза в должности Безант потратила целый год. Только в феврале 1909 года он смог переехать в штаб-квартиру Теософского общества в Индии в Адьяр и заняться, наконец, поисками среди мальчиков подходящей кандидатуры для воплощения нового мессии.

Отец Кришнамурти, узнав эту историю, стал беспокоиться за своих сыновей и потребовал, чтобы Безант оградила их от влияния Ледбитера. Просьбы Нараяны во внимание не были приняты, а товарищи по Обществу своими советами и рассказами только усиливали негодование отца, теперь требовавшего вернуть ему детей. В январе 1912 года он послал Анни Безант письмо, в котором угрожал судебным разбирательством. Мальчиков пришлось тайно увозить опять из Индии в Европу. Безант объявила, что уезжает из Бомбея 10 февраля, но корабль отплыл в Европу еще 3 февраля. Судебное дело было все же открыто. Вначале оно было проиграно Теософским обществом, и только английский Высший совет признал права Анни Безант в опеке над мальчиками. К тому времени Кришнамурти исполнилось уже 18 лет.

После всех судебных скандалов и ставшей достоянием гласности «мессианской» роли Кришнамурти ни один известный английский колледж не принимал мальчиков в число учеников, оставалось только одно — сразу поступать в Лондонский университет. Вступительные экзамены Кришнамурти проваливал несколько раз подряд. После очередной неудачи он попросил Анни Безант разрешить ему изучать французский язык в Париже.

Здесь Кришнамурти познакомился с Ирмой Владимировной де

Манциарли, русской теософкой, жившей в Париже со своим мужем французом и дочерьми — Марсель (Мар) и Иоландой (Ио). Кришнамурти особенно привязался к старшей дочери де Манциарли — Марсель, которой было тогда 19 лет. Она до конца жизни будет следовать за Кришнамурти и всеми силами поддерживать его учение.

Ирма Владимировна де Манциарли, известная в теософских кругах как переводчица «Бхагавадгиты», была хорошо знакома с Рабиндранатом Тагором, Шри Ауробиндо и многими другими известными индусами. Она вступила в Орден «Звезды Востока» (организованный для Кришнамурти) и привела в него своих дочерей, где стала одним из постоянных авторов журнала «Вестник Звезды» («Herald of the Star»), издаваемого Орденом.

Рерихи, естественно, были в курсе всех мессианских перипетий Теософского общества, в которое они вступили еще в 1920 году в Англии. В журнале «Вестник Звезды» появлялись и статьи самого Николая Константиновича.

Именно через Теософское общество Николай Константинович мог легко получить приглашение для оформления виз в колониальную Индию.

Рабиндранат Тагор в то время Рерихам помочь не мог, так как начавшиеся в Индии беспорядки превратили многих известных индийских деятелей в глазах английских колониальных властей в опасных революционеров. Связь с руководством Теософского общества Рерихи поддерживали через Владимира Анатольевича Шибаяева и Ирму Владимировну де Манциарли.

Первое приглашение в Индию было получено от Вадьи, руководителя Теософского общества, а после того как Вадья разошелся с Обществом, было получено второе приглашение от Кришнамурти. Но теперь, когда путь в Индию для Рерихов был открыт, неожиданно возникли новые неприятности.

20 марта 1923 года из Парижа пришло письмо от Юрия Рериха, в котором он рассказывал родителям о своих неугасающих чувствах к Марсель, дочери де Манциарли, и о том, что в ближайшее время состоится их помолвка. А это означало одно: Кришнамурти не только откажется от своего приглашения, но, так как сам был увлечен Марсель де Манциарли, сделает все, чтобы Рерихи не были приняты в Индии.

«...Я понимаю путь Бхакти! И как все правильно, что Мама в течение наших бесед мне говорила, — писал в Америку родителям влюбленный Юрий Рерих. — Женское начало — великая вещь и дает столько же творчества, я теперь ощущаю на себе. И я так горд, что будущая жена моя — выдающийся человек. И прошу Вас, умоляю Вас, не разбивайте моего

счастья. Ведь теперь то несчастье, которое мне грозило, прошло, ибо я еду в Индию и на Восток (на этом очень настаивает Мара). Она говорит, что здесь мне нет места и нужны новые пути. Словом, то, что Вы мне говорили... Вы знаете, как мне трудно все это писать, ибо словарь мой таких слов раньше не знал. Главное, что между нами не было объяснений, а все вышло естественно, несмотря на то, что я решительно не понимал творящегося. Ведь символ, который я все время вижу, чашу и голубое яйцо, — египетский символ maternite и paternite. Ведь нужно же было нам пойти вместе на лекцию Moret!!.. Я знал, что Париж мне многое принесет. В течение трех дней в моей комнате работал обойщик, которого звали Mercelle — т. е. Мара. Нужно же было такое совпадение! Иду к Поволоцкому, русский книжный магазин, и вижу на прилавке 20 экз. нового сборника Ал. Ремизова „Мара“. Я вышел оттуда с головокружением и еле дошел до Ecole des Langues orientales. Словом, я безумно счастлив и хочу эту радость передать Вам. Все остальное устраивается. Даже если у нас разница в годах (Мара старше меня на 3 года), но ведь наша связь на духовном плане, и это не мешает. Имейте в виду, что она думает, что мне 21, так что не говорите о моих истинных годах. Я сам этот вопрос выясню.

Не удивляйтесь моему словоизвержению, но я хочу, чтобы все правильно поняли: то, что случилось, было неизбежным, ибо я это чувствовал еще в Гарварде. Ведь я был так там одинок, и так это одиночество меня сокрушало. Не было человека, который меня бы понял и духовно, и умственно. Среда заедала, и я пребывал в тупике. Теперь окно прорублено. Все кругом светло, и я сам стал светел... Я стал гораздо мягче, и это сильно помогает в жизни. Все должно быть по-новому, ибо все новое у меня... Нам даются красивые вещи, и все сбывается. Ирма Владимировна страшно счастлива и только боится, правильно ли Вы поймете все случившееся. Но я знаю, что Вы уже знаете все...

Мара ведь Вас очень любит, и мы вместе мечтаем о Вашем приезде. Не странно ли Вам будет все это читать? Но не удивляйтесь, наша жизнь — сказка. Сказка глубокая и прекрасная. Письмо это только для Вас. Думаю сейчас много о Маме. Мне кажется, что и она будет рада. Имейте в виду, что мы с Марой не влюблены, а глубоко друг друга любим. Это не есть мимолетное впечатление. Если чаша будет разбита, мне не останется ничего делать, как идти жертвовать собою в какой-нибудь безумной экспедиции в Африке или Индокитае. Итак, телеграфируйте Ваше согласие. Жду с тревогой и нетерпением. Милая мама, пойми своего сына, ведь не пустые фразы говорю. Помните, возврата быть не может, ибо слишком уж Ирма Владимировна рада случившемуся... Ведь все мы здесь хотим

прийти в Россию с Востока. Итак, жду, жду, жду Вашего ответа. Крепко Вас всех обнимаю и глубоко люблю... Глубоко надеюсь, что в течение Вашего пребывания в Париже все выяснится ко благу...

Боюсь также, что в наши письма вкрался элемент неискренности. Не знаю, правильно ли я чувствую. Надеюсь, что все, что содержат мои письма, остается только у Вас, а то трудно писать. Писал я только Вам, и вообще все, что касается последних месяцев, должно остаться между нами. Чувствую себя бесконечно одиноким, и только с Марою прихожу в нормальное состояние спокойствия... Мара шлет привет и ждет письма от Вас...

Жду долларов. Крепко целую, Юрий Рерих».

В одном из следующих писем Юрий просил родителей не огорчаться, если они прочтут в последнем мартовском номере «Herald of the Star» сообщение о его помолвке. Была в этом письме и другая наивная просьба к родителям ни в коем случае ничего не говорить в Америке Кришнамурти о помолвке с Мар де Манциарли.

Еще не завершились необходимые переговоры с Кришнамурти о приглашении и приеме в Индии, как все задуманное Н. К. Рерихом могло из-за этой помолвки полететь прахом. Николай Константинович говорил: «Мадам Манциарли... опять укусила в уже нанесенную рану, объявив о помолвке Юрия и своей дочери именно в теософском журнале, а не газете, то есть, чтобы это известие пошло по теософским кругам»^[236].

Проблема состояла в том, что журнал, в котором опубликовали объявление о помолвке, являлся печатным изданием теософского ордена, созданного специально для Кришнамурти, и скрыть от него это событие было бы просто невозможно. Все знали, что Кришнамурти категорически против замужества сестер Манциарли, считая их посвященными только одной духовной цели. Поездка в Индию оказалась на грани срыва. Елена Ивановна и Николай Константинович вынуждены были выехать в Европу на несколько месяцев раньше, чтобы разрешить создавшуюся ситуацию. Свадьба Юрия так и не состоялась.

Финансовое благополучие Рерихи обрели благодаря неожиданному знакомству с биржевым маклером Луисом Хоршем. Американская журналистка Фрэнсис Грант, которая писала о художнике, после первой встречи с Николаем Константиновичем согласилась заниматься газетной рекламой его выставок. Фрэнсис Грант была знакома со многими известными политиками и финансистами Нью-Йорка, одним из первых она представила Николаю Константиновичу Луиса Хорша.

Луис и его жена Нетти имели дом в одном из самых престижных

районов Нью-Йорка. У них на вечеринках всегда собиралась американская финансовая элита. Круг знакомых Луиса Хорша был поистине огромным. Он мог без труда найти необходимые деньги для любого мало-мальски выгодного предприятия: как для создания издательства, музея, организации экспедиции, так и для покупки концессий на Алтае. Поэтому, как только Луис Хорш оказался среди друзей Н. К. Рериха, все учреждения, создаваемые Рерихами, превратились в коммерческие предприятия, приносящие доход.

Организованный Н. К. Рерихом в 1922 году международный центр искусства «Corona Mundi» (Венец мира) сразу же превратился в прибыльное предприятие по организации выставок и продаже картин. Конечно, просто так американские предприниматели и банкиры деньги не давали, и для получения большой ссуды пришлось заложить в банк 300 полотен Николая Рериха, которые до этого путешествовали по городам США.

Игорь Грабарь, оказавшийся в то время в Нью-Йорке с выставкой картин советских художников, естественно, не мог не зайти в Музей имени Рериха.

«Из нью-йоркских русских не было тогда в Нью-Йорке только Рериха, — писал И. Э. Грабарь. — Как раз перед нашим приездом он уехал в Индию по приглашению Рабиндраната Тагора, прибывшего из Индии на собственной яхте. Еще в Москве, задолго до отъезда, мы знали о существовании в Нью-Йорке музея, специально посвященного Рериху. Об этом мы были оповещены плакатами и рекламами, присланными из Америки в Москву и Ленинград. Это был даже не просто музей, а некий высший институт, или своего рода академия, носившая нескромное название „Corona Mundi“ — „Венец мира“. Музей Рериха и был „венцом мира“ — ни больше ни меньше. Разумеется, мы отправились в музей, занимавший небольшой особняк одного из миллиардеров, в центре города. Когда мы пришли в музей, на его стенах не было ничего, кроме тех же плакатов с названием „Corona Mundi“. Впрочем, был еще большой портрет Рериха — работа его сына и бюст работы скульптора-эмигранта Дерюжинского. Мы поинтересовались: где же картины Рериха? Нам сказали, что их нет, и никто не мог сказать, где они. В музее было пустынно, всюду стояла мебель, была налицо вся обстановка, не было только хозяев ее, не было вообще жильцов. Только в одной комнате мы нашли группу из нескольких девушек, рисовавших с натуры какую-то женщину. Заинтересованные виденным, мы расспрашивали, кого могли, обо всем этом, желая добраться наконец до рериховских картин. В Москве

нам рассказывали, что Рерих пользуется в Америке баснословным успехом, что нет музея, где бы не было его картин, что он давно уже безумно богат и т. д. По наведенным справкам оказалось, что все картины Рериха были взяты одним „патроном“ богачом в залог за выданную ему ссуду. Что касается успеха рериховских картин, то здесь дело также обстояло не столь блестяще, как об этом рассказывалось»^[237].

Именно Луису Хоршу и его связям на первых порах Н. К. Рерих был обязан своим благосостоянием. Но и Хорш уже в последующие годы, используя имя Николая Рериха, увеличил собственные капиталы в несколько раз.

Утром 8 мая 1923 года Елена Ивановна, Николай Константинович и Святослав Николаевич Рерихи, Нетти и Луис Хорши отплыли на корабле «Mauritania» из Америки в Европу. В Париже они начали готовиться к экспедиции. 23 августа 1923 года Рерихи получили от английских властей разрешение на въезд в Индию. Далее путь их лежал в Вену, где они предполагали встретиться с В. А. Шибаевым, но неожиданно австрийские власти отказали во въездных визах. Николай Константинович по этому поводу возмущался: «Сегодня нам отказано в австрийской визе. Непостижимо, но это так. Все страны хотят меня, но Австрия не хочет...»^[238]

Поэтому летом 1923 года Рерихи вынуждены были переехать в Швейцарию, в городок Сан-Мориц, где и произошла их встреча с В. А. Шибаевым. Николай Константинович предложил Шибаеву присоединиться к его экспедиции в качестве секретаря и переводчика. Специально для обсуждения планов путешествия он приехал к Н. К. Рериху в отель Сувретто Хауз. Помимо обязанностей секретаря он должен был с помощью связей Рерихов организовать компанию по торговле чаем. С 26 июля по 6 августа В. А. Шибаев находился в Швейцарии, где вместе с Рерихами и Хоршами обсуждал дальнейшие планы развития рериховских учреждений.

Последователей и друзей у Н. К. Рериха к октябрю 1923 года по всему миру было уже довольно много. Так, в Харбине работал соратник Рерихов Петр Алексеевич Чистяков, там же жил и младший брат Н. К. Рериха, Владимир.

В это время сын Юрий Рерих учился на Средне-Азиатском и Монголо-Тибетском отделениях Парижского университета, совмещая это с занятиями на военном и юридическо-экономическом отделениях, где познакомился с известными французскими учеными и политиками. В 1923 году Юрий получил степень магистра индийской словесности и 17 ноября

1923 года на пароходе «Македония» вместе с отцом, матерью и братом отплыл из Марселя в Бомбей.

Долгожданная встреча со сказочной, загадочной страной приближалась с каждым днем. С борта парохода Николай Рерих писал В. А. Шибаеву об удивительных совпадениях и созвучиях, которые должны были говорить об успехе начатого путешествия:

«24 ноября 1923 г., Аден.

Родной Яруя, выяснилось, что еще из Адена можно послать весть. За эти дни прошли мимо горы Синай; прошли мимо скал 12 апостолов, а через три дня пройдем мимо залива в Арабском море Khorya Morya [Курия-Мурия]; а над носом корабля — Орион. Разве не чудесно? Все священные символы собрались на одном пути, обычно здесь бывает самая страшная жара, но сейчас ветер идет навстречу — переход считается небывало прохладным...»^[239]

Уже на пароходе Н. К. Рерих узнал, что за ним ведет слежку английская разведка, все письма вскрываются и читаются. 2 декабря 1923 года, после того как корабль вошел в Бомбейский порт, Рерихи отправили телеграмму в Америку о благополучном прибытии в Индию.

БЕЛУХА

Нетти и Луис Хорши, оставив в Европе Рерихов, 13 сентября вернулись в Америку.

Через три дня после приезда в Нью-Йорк Хорши пригласили всех посвященных к себе в отель «Plaza», где Нетти, в качестве посланника Рерихов, торжественно раздала знаки, привезенные из Парижа и заказанные специально Николаем Рерихом для узкого круга своих последователей. Каждый знак представлял собой небольшой красный кусок пергамента, на котором были изображены в круге чаша, перстень и змея.

Во время церемонии вручения знаков Нетти передала слова Рерихов: «по вечерам каждый должен сосредоточиваться на знаке...»^[240].

Хотя Хоршам не было позволено присутствовать при получении Великой реликвии, зато им была открыта одна из тайн будущего:

«Е. И. и Н. К. будут жить на Алтайских горах, будет выстроен храм, план которого будет дан через Светика, и Сибирь будет центром России»^[241].

В парижский банк лично для Рерихов была доставлена посылка, в которой и находилась священная реликвия — волшебный камень, отождествляемый с Граалем. Вот одна из сложенных о нем легенд:

«...сказ идет о знаменитом черном камне... в незапамятные времена из других миров упал чудесный камень — Чинтамани индусов или Норбу Ринпоче тибетцев и монголов. И с тех пор часть этого камня блуждает по земле, возвещая новую эру и великие мировые события... некий Владыка владел этим камнем и... темные силы пытались похитить сокровище... Камень этот черен, необуздан и пахуч, и зовется Началом Мира. И он шевелится, как одухотворенный. Так завещал Парацельс... Камень изгнанник, странствующий камень мейстерзингера... камень проявляется и... указывает мировые события. Когда камень горяч, когда камень дрожит, когда камень трещит, когда камень изменяет свой вес и цвет, — этими явлениями камень предсказывает владельцу будущее и дает ему возможность знать врагов и опасности или счастливые события... это камень на Башне Ригден-Джапо, чьи лучи проникают все океаны и горы на благо людей... Черный камень скитается по земле. Знаем, что китайский император и Тамерлан владели камнем. Знающие люди говорят, что великий Соломон и Акбар владели сокровищем, давшим им чудесные силы. Сокровище мира — так называется камень»^[242].

На деревянном ящике со священным камнем было написано аккуратным почерком:

Madame et Monsieur N. Roerich
5 Place Vendôme
Banque
Banquiers Erust
de la port de M. M

Сам камень лежал в старинной кованой и обтянутой кожей шкатулке.

6 октября 1923 года Рерихи сообщили в Америку: «Сегодня в 11 часов утра получен обещанный великий дар. Огромная радость. Рерихи»^[243].

Зинаида Лихтман после получения телеграммы написала: «Значит, получен великий дар. Мы все бесконечно счастливы. Как это случилось, не знаем, но надеемся получить подробности. В школе между всеми полная гармония и великая радость по поводу события»^[244].

Утром того же дня все руководители рериховских учреждений в Нью-Йорке знали о получении реликвии. Среди посвященных был и Г. Д. Гребенщиков.

По поручению Николая Константиновича в 1924 году в Америке при Нью-Йоркском Музее Рериха Георгием Дмитриевичем Гребенщиковым было создано издательство «Алатас». Предполагалось, что оно выпустит в свет основную часть книг Рериха.

До революции Николай Рерих с Георгием Гребенщиковым знаком не был, но имел общий круг друзей. В 1913 и 1914 годах издательство писателей опубликовало два тома рассказов Г. Д. Гребенщикова «В просторах Сибири». С этого момента о нем заговорили как об одном из талантливых рассказчиков о жизни русского Севера. Литературная критика того времени писала, что Г. Д. Гребенщиков, сын горнорабочего и казачки, окончив только четыре класса школы, стал известным писателем.

На самом деле, после четырех классов были многие жизненные мытарства: работа в судебных управлениях, знакомство с Л. Н. Толстым и даже учеба в Томском университете. Затем Гребенщиков стал членом Императорского географического общества, познакомился с А. М. Горьким и опубликовал в 1917 году в петербургском издательстве «Огни» две книги рассказов «Змей Горыныч» и «Степь да небо». В это же время в издательстве А. М. Горького «Парус» должен был выйти роман Г. Д. Гребенщикова «Чураевы — хроника одной старообрядческой семьи». Но

революция в России забросила Георгия Гребенщикова в Париж, где в 1921 году эмигрантский журнал «Современные записки» напечатал первый роман из многотомной эпопеи «Чураевы». Теперь у него появились деньги, а книги стали переводить сразу на несколько языков. В 1922 году, купив виллу в Висбадене, Г. Д. Гребенщиков становится респектабельным эмигрантом.

В 1923 году в Париже во время подготовки к Первой Американской Центрально-Азиатской экспедиции и произошло знакомство Николая Рериха с Гребенщиковым. Георгий Дмитриевич решил уехать в Америку. Весной 1924 года вместе с женой он оказался в Нью-Йорке. А уже в 1925 году, при финансовой поддержке Николая Константиновича, купил у графа Ильи Львовича Толстого небольшое имение на реке Помпераг в штате Коннектикут. Именно там он и организовал из бывших русских эмигрантов знаменитую общину «Чураевка». С этого момента все свои силы он отдает общему с Н. К. Рерихом делу — созданию издательства «Алатас», название которого в переводе означает «Белый камень».

В 1924 году вместе с книгой самого Н. К. Рериха «Пути Благословения» издательство «Алатас» одной из первых выпустило в свет книгу Алексея Ремизова «Звенигород Окликанный. Николины притчи».

Будучи другом и сотрудником рериховских учреждений, Г. Д. Гребенщиков был посвящен далеко не во все планы Николая Константиновича.

В конце 1923 года Николай Рерих доверительно писал в Америку:

«Гребенщиков и Завадский не знают:

1. О получении Камня. (Знают лишь легенду без отношения к нам.)
2. О сообщениях через столик (слышали о видениях, писаниях и голосе).

Знают:

1. О грядущей Единой Религии.
2. Об Алтае — как избранном месте Храма.
3. Немного знают о Белой Ложе. Видели портрет Учителя»^[245].

В 1929 году, когда Н. К. Рерих вместе с сыном Юрием по окончании Первой Американской Центрально-Азиатской экспедиции приехали в Америку, Георгий Гребенщиков вспоминал о том, как создавалось издательство «Алатас»:

«Так и было, и никогда не забуду, как однажды, подъезжая к селу со стороны деревни Убинской, увидел белый, далеко сиявший в солнечных лучах, лежавший на южном склоне высокого холма кварцевый камень. И русские звали его киргизским именем Алатас, что значит — белый крепкий

высокий Аллахов камень. И этот камень врезался в моей памяти на всю жизнь как нечто светлое, как символ близости родины, как знак близкой встречи с матерью, как светлый, высоко горящий на солнце своею белизной маяк для путника и, наконец, как нечто вечное, неистребимое по своей крепости.

Много лет спустя, когда волею судьбы я стал уже романистом, накануне 1924 года мне посчастливилось встретиться с Н. К. Рерихом. Он направлялся тогда в Индию и принял меня в доме на рю де Мессин в Париже. Я предложил ему помочь мне основать книгоиздательство, и, когда он это одобрил, и мы стали выбирать для книгоиздательства название, я снова вспомнил свое детство и, как путевой маяк, тот белый камень Алатас. Николай Константинович не только это одобрил, но и обогатил его своим замечанием:

„В слове этом трижды повторяется буква „А“ — а эта буква означает собой нечто изначальное и живоносное“.

И Николай Константинович внес свой пай на основание дела, помог нам переехать в Америку и здесь, в его отсутствие, но с помощью его друзей-американцев, „Алатас“ 7 мая 1924 года был инкорпорирован и начал свою жизнь как американская корпорация.

Корпорация „Алатас“ в течение пяти лет испытала целый ряд материальных затруднений и все-таки не только не погибла, но и находится на пути к дальнейшему развитию. Именно это скромное, с сибирским именем книгоиздательство выпустило одну из самых важных философских книг Н. К. Рериха под названием „Пути Благословения“. Эта книга, между прочим, вошла в пантеон мировой литературы, будучи избрана в библиотеку международных сокровищ человеческой мысли (Избранные книги мировой литературы при Лиге Наций). А теперь под знаком того же белого сибирского камня только что вышла новая книга Николая Рериха под заглавием „Сердце Азии“»^[246].

В день приезда Николая Константиновича и его сына Юрия в Нью-Йорк 24 октября 1924 года Зинаида Лихтман написала в дневнике:

«Николай Константинович по дороге к школе рассказал, что в Париже ему плохо говорили о Тарухане [Г. Д. Гребенщикове], а Ремизов прямо просил, чтобы Николай Константинович не давал Тарухану „Пути Благословения“ для продажи и рассылки, ибо он не сделает это хорошо. Ремизов написал новую чудную книгу, говорит в ней о Черном Камне Клятвенном и о Матери Мира. Возможно, мы ее в будущем издадим... Потом он [Н. К. Рерих] нам говорил об „Алатасе“. Условие с авторами: 10 % — автору, 10 % — „Алатасу“, 80 % — на издержки, книгопродавцам,

расходы по жалованию и найму и на печатание книги, что не должно превысить 20 %. Одобрительно отозвался об обличье книг и сказал, что нам нужно будет иметь в будущем книжный магазин. „Алатас“ должен выпустить акции, и пусть их продает Тарухан»^[247].

А через несколько дней после приезда Николая Константиновича встал вопрос о том, что же делать с авторами, которые не хотят отдавать эксклюзивные права на свои произведения издательству. Разрешил эту проблему Николай Константинович:

«10 % и ничего больше авторам, которые не хотят нам давать эксклюзивные права и кооперироваться, а кооперирующимся авторам — 10 % и половина с чистой прибыли по исключении всех расходов»^[248].

В это же время Николай Константинович делился и своими грандиозными планами, в которых Г. Д. Гребенщикову отводилась не только роль руководителя издательства.

Зинаида Лихтман вспоминала слова Николая Рериха о том, что Гребенщиков «поедет обратно в Берлин и Париж, где он должен получить концессии на земли в Алтае под [разработку полезных ископаемых] для агрикультурного применения. На высоте 7000 футов будет построен Храм, а город — в долине. На высоте 11 000 футов будет место Встреч»^[249].

Причем он должен указать необходимые заповедные места на Алтае: «Вечером Н. К. пришел к нам и рассказал, что имел длинный разговор с Таруханом и спрашивал его про места на Алтае, и он их все знает. Вот где он нужен — указать точно места и получить на них концессии. Говорил с ним о его вечере и направил его к Вирену и русским студентам. Одним словом, определил его линию»^[250].

Именно для осуществления таких планов Николай Константинович создавал компанию «Белуха» и издательство «Алатас». На собрании учредителей издательства 28 октября 1924 года была решена судьба акций.

«...важные постановления Николая Константиновича, — писала об этом дне Зинаида Лихтман. — Его вступительная речь о том, что пора „Алатасу“ стать на деловую почву — выпустить акции, 51 % держать у основателей, а 49 % — для продажи...»^[251]

Вскоре были определены структура и план работы новой корпорации Н. К. Рериха «Белуха».

До покупки земли в штате Коннектикут Г. Д. Гребенщиков вместе с женой жил в здании Музея Н. К. Рериха, впрочем как и Морис и Зинаида Лихтманы. Здесь же находился и офис «Алатаса», за который должен был платить музею Г. Д. Гребенщиков.

«Сегодня Николай Константинович... беседовал с Таруханом [Г. Д. Гребенщиковым], и тот сказал, что напечатать три книги обойдется в полторы тысячи долларов. Обещал приготовить материал и карту Белухи. Вечером мы собрались у Порумы [Нетти Хорш], Тарухан принес карту, показал Белуху, долину под ней и нужные места, Николай Константинович забрал с собой все, так что сегодня был важный день — решился вопрос о „Белухе“ и были даны места»^[252].

Корпорация «Белуха» должна была стать основой финансового благосостояния рериховских учреждений, а разработка известных Г. Д. Гребенщикову месторождений, расположенных в горном Алтае, могла бы превратить эту корпорацию в непотопляемую компанию с постоянным крупным доходом.

Николай Рерих форсировал события. В дневнике 10 ноября 1924 года Зинаида Лихтман написала:

«О „Белухе“ — должна быть поставлена, как и все акционерные общества: акции должны продавать по подписке, в банках и частным образом, но не на бирже. До 27-го года желательно собрать миллион долларов и, возможно, к тому времени послать инженеров для изысканий. Одобрил идею Тарухана давать лекции о Сибири на английском и таким путем приблизиться к Форду. Сказал, что Елена Ивановна Рерих не понимает одного во всем плане — как это Николай Константинович не будет на Белухе в начале дел, чтобы дать план всех начинаний»^[253].

Издательство «Алатас», созданное Н. К. Рерихом в тесной связи с корпорацией «Белуха» при видимой самостоятельности Г. Д. Гребенщикова, управлялось именно Николаем Рерихом.

«Сегодня утром Николай Константинович мне рассказал, — записала Зинаида Лихтман 11 ноября 1924 года, — что он уже внушил идею бюджета Логвану [Луису Хоршу] и Поруме [Нетти Хорш], и они в восторге от этого, а затем сказал им, что расходы по „Алатасу“ — это приход для „Белухи“. Ведь всем известно, что иностранцы хотят вывезти из Сибири горы золота, а потом на награбленные деньги там же богадельню построить. Ну а мы затеваем благодаря „Алатасу“ настоящий кооператив, ибо печатаем книги на двух языках и переписываемся с русскими писателями, живущими в России. Днем у нас было собрание с адвокатом, он длинно читал устав „Алатаса“, и выяснилось, что каждый получает по 60 акций, передавая их на хранение Логвану [Луису Хоршу], за что и получает расписку. Час продолжалось подписывание бумаг, затем все было объявлено Тарухану...»^[254]

В 1928 году Николай Константинович убеждал своих сотрудников, что, несмотря ни на что, надо сохранять с Г. Д. Гребенщиковым «лучшие отношения». Зинаида Лихтман записала слова Н. К. Рериха: «Тарухан, теперь работающий для себя, но, безусловно, талантливый, может быть полезен к 1936 году на Алтае, когда начнется „Белуха“. А что он ищет свою выгоду, то все придут для личной выгоды»^[255].

Николай Константинович закрывал глаза на то, что большинство книг, вышедших в издательстве «Алатас», принадлежали самому Г. Д. Гребенщикову, но среди сотрудников это вызывало бурные обсуждения.

«...мы спросили:

— А что, если Тарухан предложит новое издание „Чураевых“?

Николай Константинович ответил:

— Нет, эта книга должна теперь быть редкой».

Несмотря на разговоры, Г. Д. Гребенщиков настоял на переиздании первой книги своего романа-эпопеи «Чураевы». Было решено «принимать его таким, каков он есть, и считаться с его средой».

Николай Константинович часто повторял своим сотрудникам:

«Сибиряк всегда рад не работать, получив за это деньги, а если не удастся, просит благословения. С ним надо жить, беря его приветливостью, ибо от него нужны указания на места в Сибири. Принимать его легко, жалования не прибавлять, если потребует, спросить: „А как расход ляжет на „Алатас““? В крайнем случае согласиться на печатание еще одного тома „Чураевых“. Наре [жене Гребенщикова] жалования пока не прибавлять. Если Тарухан предложит что-нибудь невозможное, сказать — это не подходит и прекратить на этом спокойно»^[256].

Созданная Г. Д. Гребенщиковым русская община «Чураевка» должна была послужить основой для развития корпорации «Белуха». Идеи общинного строительства, провозглашаемые Гребенщиковым и Рерихом, эхом отозвались даже в далеком китайском городе Харбине. Здесь организовали литературное объединение «Молодая чураевка» при Христианском союзе молодых людей. Ее руководителем стал поэт-эмигрант Алексей Грызов-Ачаир. Потом создали кружок Сибирской молодежи, а затем А. А. Грызов-Ачаир преобразовал его в общину «Молодая чураевка».

В 1927 году Г. Д. Гребенщиков писал своему другу и соратнику в далекий Харбин:

«Дорогой Алексей Алексеевич!

Получил ваше письмо от 23 августа 1927 г. с прекрасной вестью о

вашем решении учредить „Молодую Чураевку“ на Сунгари. Это для меня уже сама радость в действенном ее свершении. Очень хорошо, что вы прежде всего решили твердо установить основную цель вашей общины. Что касается моих советов, то, если они могут вам помочь, я дам их вам со всей охотой.

По-моему, основная цель должна быть самой далекой и прекрасной настолько, чтобы казалась почти недостижимой. Так оно и будет: чем выше вы будете идти, тем еще выше вам захочется. Конкретная, начальная цель должна быть — Общее Благо, в чем бы оно ни проявлялось. Пусть каждый принесет в Общину все лучшее, что он может в смысле отвлеченных идей или искусства, но каждый должен проникнуться сознанием необходимости труда, часто самого тяжелого. Избравши основную цель, решайте так, чтобы после начала дела не колебаться и не отступать, ибо сомнения и колебания губительны.

При начале организации, да и всегда, бойтесь многоречия и многоречивых и старайтесь использовать каждый час времени для практического, фактического созидания. Никогда не надо связывать работу неподвижными постановлениями. Ваш аппарат должен быть гибким и подвижным, как всякое торговое предприятие. Не бойтесь быть хорошими, суровыми дельцами. Рука ваша должна быть твердой, и требования к себе и к другим суровы и определены... Пожалуйста, нигде ни в какой чужой стране не чувствуйте себя эмигрантами, но чувствуйте везде необходимыми людьми, твердою походкою идущими к высокой цели. И когда так идете — во всякой стране, всякому народу вы делаете лишь добро. И когда так будете творить вашу Общину, у вас все больше будут расти силы, а с ними и возможности».

Еще в первом письме, которое Г. Д. Гребенщиков отправил из Америки в Харбин, он рассказывал о создании своего Сибирского скита «Чураевка» в штате Коннектикут: «Милые друзья!

Не отвечал на ваши письма так долго не только потому, что было некогда, но и потому, что не хотел вас огорчать всей здешней правдой. Уж очень тяжела Америка первые три года даже для тех, кто имеет в ней лучших друзей и удачу. Но после трех лет упорного труда, терпения и всевозможных испытаний могу сказать: Америка все еще строится и потому является страной действительно неограниченных возможностей. Впрочем, всякий здесь по-своему находит путь ко благу, да и благо понимается разнообразно... Помню, была Страстная Суббота, 18 апреля 1925 года, когда я стал твердою ногой на кусок дикой, но теплой земли в штате Коннектикут. Да, это было: не чувство собственности, а чувство

твердого шага и независимости пережил я в тот час. „Вот здесь, наконец, сколочу из простых досок прочный и большой письменный стол, и буду писать упрямо, независимо и долго“. А в полдень на Пасхе, в сетке мягкого весеннего дождя, среди березок, выбрал полянку для хижины. Забивая первый колышек, помню, обратился к Востоку и вместо молитвы крепко подумал:

— Да будет здесь, в Америке, Сибирский скит!

Знал, что именно отсюда укучую на Алтай, на котором пора строить что-нибудь огромное, из яшмы и гранита — на многие века»^[257].

7 сентября 1927 года Г. Д. Гребенщиков писал в Харбин «Кружку Сибирской молодежи» о развитии всемирной общины «Чураевки», в которой переплелись идеи буддизма с идеями христианства:

«И опять, являясь следствием ваших действий, бросаются в глаза стихи того же Михаила Барташева „В Буддийском храме“, где с чувством, присущим широкой и глубокой мысли истинного христианина, автор вдумчиво изображает лик благословенного Гаутамы, который дал миру такое учение, которое вместе с учением Христа являет высочайшую ступень человеческого духа и действия в обыденной жизни. Настал час для всех народов зорко осмотреться вокруг, и в глубь веков, и в будущее и понять, что теперь уже немыслимы узкорелигиозные и узконационалистические перегородки на нашей планете, где только одно радио соединяет нас в одну братскую трудовую семью.

И так радостно, что в вашей среде, в числе всего лишь 18 или 20 юных тружеников света устами самого младшего члена вашей общины (назовем благоговейно это слово с большой буквы: Община, и запомним до поры до времени), устами 15-летней Галины Ко-вой произносятся слова о Сибири как о родине, прекраснее которой нет на свете... Как единый монолит, должны объединиться наши действия, пусть разные по форме, но одинаковые по силе устремления к великому Будущему — это действия к практической борьбе (запомните, не к работе только, но именно к борьбе) за право творить свою новую, великую, всемирную Сибирь. И как прекрасно складываются мысли вашего руководителя Алексея Алексеевича Грызова-Ачаира о „всемирной сибирской связи“, о всемировой Чураевке. Это ничего, что мы пока не можем работать с вами вместе, здесь или в Сибири, но зато с удвоенной силой будем работать вдали друг от друга, зная, что рано или поздно встретимся на радостно цветущей и единой ниве — на работе для построения новой, светлой Родины, Страны Великого Будущего. Ибо то, что кажется невозможным сегодня, станет неизбежным

завтра...»^[258]

Много позже, когда Н. К. Рерих окажется в Маньчжурии, эта дружба с русскими эмигрантами очень поможет ему в далеком китайском городе Харбине, в начале Второй Американской Центрально-Азиатской экспедиции.

Концессии на Алтае в конечном счете были получены. Но до 1930 года Николай Константинович так и не сумел осуществить свой грандиозный план, еще 6 июля 1929 года стало известно, что Н. К. Рерих утратил права на концессии. Своим сотрудникам Николай Константинович объяснял неудачу корпорации «Белуха» довольно просто — не было достаточного количества людей.

Дело в том, что Советское правительство посчитало нецелесообразным продлевать контракт на концессии. На письмо, посланное Н. К. Рерихом, после долгих согласований 12 февраля 1930 года пришел официальный ответ, что переговоры можно возобновить, но теперь посредником будет созданная в Америке торговая Советско-Американская корпорация «Амторг». Причем переговоры предлагалось вести открыто. Для Рериха такое афиширование отношений с Советской Россией в момент выдачи английских виз для поездки в Индию и оформления в собственность земли в Кулу было подобно грому среди ясного неба, тем более что Николай Константинович уже подал документы на получение американского гражданства, и по неясным причинам ответ задерживался в недрах бюрократической машины.

И если в 1928 году для Рериха распространение слухов о его связи с Советской Россией через концессии и корпорацию «Белуха» было нежелательно, то в 1930 году оно могло уже просто разрушить многие его проекты.

И «...когда в газетах, — учил своих сотрудников Н. К. Рерих, — пройдет слух, что Николай Константинович советский подданный, сказать, что он давно американский подданный...»^[259]

Но вернемся в 1924 год, когда английская разведка только строила планы по дискредитации Н. К. Рериха, а Советская Россия еще ожидала приезда великого художника в Москву.

9 ноября 1924 года сестра Лидия писала Н. К. Рериху из Петрограда, незадолго до того переименованного в Ленинград:

«Дорогой Коля, получила на днях Твою открытку с американским адресом и недоумевала, почему Ты так скоро покинул Индию, но сегодня пришло Володино письмо, и тогда мы узнали, в чем дело, он написал, что

Ты до 10 декабря пробудешь там и, следовательно, успеешь получить мое письмо. Боре я передала Твое письмо, которое Ты прислал в июле, и теперь передам, что Володя пишет из Твоего письма к нему, но не знаю, заставит ли все это его взяться за перо. У него какое-то отвращение к корреспонденции. Мы все уговариваем его написать и Тебе, и Володе, но он постоянно обещает и не пишет. Зуля — его жена — даже сердится на него за это, но ничего не помогает. Правда, он страшно занят и сильно устает, но все же мог бы собраться, наконец, и ответить».

Советская Россия не забыла о своем знаменитом соотечественнике. Несмотря на то что Николай Константинович был эмигрантом и, казалось бы, на его имя должно было распространяться табу, как и на многих писателей и художников, покинувших во время революции родину, советские газеты вспомнили о 50-летию великого художника, правда, в газетах перепутали число, но такая случайность была не в счет. Поэтому Лидия, сообщая об этом брату, с некоторой гордостью и уважением выводила «ТЫ» с большой буквы:

«Недавно писали у нас в газетах о Тебе по поводу 50-летия Твоего, но вышло комично, что стиль перепутали и сообщили, что 27-го по новому стилю. Напиши, какие этюды написал Ты в Индии и что работал Светик. Как было бы приятно посмотреть Твою выставку. Долго ли Ты думаешь пробыть еще в Индии? Сообщи нам Твой адрес в Индии, чтобы написать через Ригу, это будет скорее. Читала я Твою книгу, которую получила. Пришли, если можно, Твои книги на русском... Замечено, что Ты стал философом, а по стилю напоминает Тагора. Может быть, Ты будешь смеяться над моим суждением, но это так».

Родственники ждали приезда Николая Константиновича в Советскую Россию и надеялись, благодаря его авторитету, изменить свое бедственное положение.

«23 сентября нового стиля нам пришлось пережить наводнение по силе такое же, как было сто лет тому назад, — жаловалась Николаю Рериху Лидия. — У нас квартира в 1-м этаже, и в комнатах было на аршин воды, а во дворе больше аршина. Вообще вода была только на один фут ниже, чем в 1824 году... Маму я отвезла к Боре, как только можно было проехать, потому что пешком она не может идти, и там она пробыла это время, а сейчас она вернулась домой, так как теперь все просохло. Полы и двери все перекосились, но приходится тут жить, потому что нет квартиры, а если есть, то с ремонтом на 1 или 2 тысячи рублей, ну это, конечно, невозможно, получая в месяц около 100 руб.

Напиши, как Вы живете? Тут один художник говорил нашему

знакомому, что Ты стал миллионером, но я этому не верю. Если бы Тебе хорошо жилось, так Ты не прислал бы в прошлом году маме 40 франков. Хотя, конечно, было неосторожно с Твоей стороны не упомянуть в письме, сколько Ты посылаешь. Может быть. Ты выслал 40 долларов, а нам передали 40 франков. Там было 2 бумажки по 20 франков, одну я разменяла и купила маме фунт леденцов, только на это хватило, а другие 20 франков мама хранит, как драгоценность, в знак того, что любимый сын вспомнил о ней. Она всегда очень скучает, когда нет от Тебя известий».

Лидия ставила Николаю в пример младшего брата Владимира, который даже из белогвардейского Харбина присылал родным письма почти каждый месяц и часто вкладывал туда заработанные доллары.

«Вот Володя довольно часто пишет, каждый месяц от него письма получаем, а иногда он Маме присылает по 10–15 долларов... Жаль, что он один, если бы он мог жить с Тобою или с нами, ему бы лучше было... Напиши поподробнее, как Вы живете, что делаете... Мы все целуем Вас всех и желаем успеха. Твоя Лиля».

Но Николай Константинович уже определил для себя путь в далекий Тибет. Возвращаться в Советскую Россию, не заручившись ничьей поддержкой, было бы просто опасно и опрометчиво.

Индия и Китай, вот две страны, по территории которых должна пройти первая экспедиция Николая Рериха.

ПОИСК

15 августа 1924 года Н. К. Рерих написал из Индии В. А. Шибаету об организации коммерческих проектов:

«Родной Яруя, возьмите представительство (из Германии или других дешевых стран) на:

- 1). Дешевые сорта пахучего цветного мыла.
- 2). Дешевые часы.
- 3). Дешевые фальшивые жемчуга и блестящие безделки.

Здесь может быть дело. Вообще, World Service может получить значительное расширение на чае и прочих вещах. Так как Вам крюк небольшой ехать через Париж, то лучше встречайте меня в Париже (Hotel Lord Byron, rue Lord Byron, Paris 8). Из Америки думаю выехать 10 или 15 декабря. Значит, около 20-го декабря буду в Париже. Конечно, точный день телеграфирую Вам из Америки. Проездом через Берлин все-таки спросите о судьбе моих картин, задержанных в Мюнхене...»^[260]

12 сентября с коммерческими учреждениями и планами экспедиции все было решено, только вот от В. А. Шибаету почему-то письма задерживались. Из Индии перед самым отъездом Н. К. Рерих писал Шибаету:

«Родной Яруя, думаем, что Ваши письма пропадают. Все прислали „свои желания“, но лишь от Вас нет. Светик так хотел помочь по чайному делу, но ждал напрасно. Через 10 дней выезжаем. Очень возможно, что найдете меня около 20 декабря в Берлине. Сообщу окончательно из Парижа».

Многие личные вещи, вывезенные некогда Н. К. Рерихом в Финляндию, все еще оставались недоступными, брать их с собой в 1919 году в Англию было накладно, а везти их потом в Америку — совершенно невыносимо. Благо В. А. Шибаету теперь жил в Риге и мог позаботиться об оставленных вещах Николая Константиновича.

«Если до поездки сюда, — писал из Индии В. А. Шибаету Н. К. Рерих, — получите вещи из Финляндии, привезите мне ящик для красок и ножки к нему. Все мои этюды и начатые картины пошлите в Америку. Остальные вещи запишите — мы дадим указания. Если найдете среди книг книги Крыжановской или Гофмана (русские), привезите сюда. Если найдете I том моих сочинений — пошлите в Америку».

Н. К. Рерих все это время путешествовал по Индии. Наконец, семья

обосновалась в доме Талай Пхо Бранг под Дарджилингом в княжестве Сикким, где, по преданию, останавливался популярный в народе Далай-лама V и куда приходили на поклонение многие буддийские монахи. Именно здесь судьба Н. К. Рериха переплелась с судьбой далекого Тибета и тайной политикой правителей Лхасы. Под давлением англичан Далай-лама, светский правитель Тибета, произвел в государстве переворот и лишил власти Таши-ламу — духовного правителя Тибета. Под покровом ночи Таши-лама сбежал из Лхасы и, несмотря на посланную за ним погоню, сумел укрыться в Китае. Во время бегства он тайно побывал и в доме Талай Пхо Бранг под Дарджилингом. Николай Рерих оказался в центре захватывающих событий, от которых зависела судьба всего буддийского мира. Геше Ринпоче, сторонник Таши-ламы, также приехал в Дарджилинг. Благодаря сыну Юрию, который сносно знал тибетский язык, Николай Рерих подружился с геше Ринпоче из Чумби, которого тибетцы считали воплощением Дзон-капа (великого реформатора буддизма), и с другими сторонниками Таши-ламы, считавшими власть Далай-ламы незаконной. Позднее, в 1926–1927 годах, находясь в России, а затем в Монголии, Николай Рерих будет всячески поддерживать Таши-ламу и содействовать его возвращению в Тибет в качестве главы всех буддистов.

Н. К. Рерих в 1924 году в походном дневнике написал:

«Таши-лама через Сикким и Калькутту, путями Китая проехал в Монголию. Никогда такого не бывало. Тайна. Впрочем, может быть, через Сикким проехал лишь отводный отряд, а сам лама двинулся на Монголию».

Многие ученые ламы покинули Тибет и перебрались в Непал и провинцию Сикким. Н. К. Рерих подробно записал свой разговор с одним из лам, сторонников Таши-ламы:

«В 1924 году ученый лама, достойный ученик основателя монастыря, получивший от него полное учение и много пророчеств, говорил нам о будущем, стоя перед впечатляющим изображением грядущего Владыки:

— Истинно, приблизилось время Великого Пришествия. По нашим пророчествам, эпоха Шамбалы уже началась. Ригден-Джапо — Владыка Шамбалы уже готовит свое непобедимое войско для последнего боя. Все его сотрудники и вожди уже воплотились.

— Видели ли вы танку — знамя Владыки Шамбалы и Его победу над злыми силами?

— Когда наш Таши-лама в прошлом году принужден был бежать из Тибета, он взял с собою лишь немногие знамена и среди них несколько картин Шамбалы. Многие ученые ламы покинули тогда Ташилунпо. Только что из Тибета пришел геше-художник — гелонг из Ташилунпо. Он знает,

как писать танку Шамбалы. Существует несколько вариаций на этот сюжет. Вы должны иметь в вашем доме хотя бы одну из них, где в нижней части картины изображен последний победоносный бой Владыки...

— Истинно, исполняются древние пророчества... В давних веках было предсказано, что перед временем Шамбалы произойдут многие поразительные события. Многие зверские войны опустошат страны. Разрушатся многие державы. Подземный огонь потрясет землю... Землетрясения в Японии разрушили храмы. И теперь наш почитаемый Владыка покинул свою страну».

По всем предсказаниям близился конец света, и это особенно чувствовалось на Востоке. Следуя примеру духовного вождя Таши-ламы, из Тибета прибыл один из наиболее уважаемых Высоких лам, геше Ринпоче. Уважаемый лама в сопровождении нескольких лам и художников следовал по Сиккиму, Индии, Непалу, Ладаку, всюду воздвигая изображения Благословенного Майтрейи и неся учение Шамбалы, тем самым провозглашая приближение конца света.

Геше Ринпоче со своей многочисленной свитой посетил Талай Пхо Бранг — дом Рерихов в Дарджилинге и, увидев там изображение Ригден-Джапо, Владыки Шамбалы, сказал:

— Вижу, что вы знаете о наступлении времени Шамбалы. Ближайший путь успеха через Ригден-Джапо. Если вы знаете учение Шамбалы — вы знаете будущее.

Оставив 22 сентября в Дарджилинге Елену Ивановну и Юрия, Н. К. Рерих отправился морем из Бомбея в Марсель и, пробыв несколько дней во Франции, вместе с сыном Святославом на пароходе «Аквитания» 24 октября 1924 года вернулся в Нью-Йорк. Утром журналистка Фрэнсис Грант организовала пресс-конференцию прямо на пароходе. Газеты наперебой печатали восторженные статьи о великом художнике и путешественнике. В Нью-Йорке уже открылся Музей Н. К. Рериха, а о его будущей экспедиции говорили на каждом перекрестке.

Еще в 1923 году в Америке Н. К. Рерих заложил фундамент будущего музея. Вначале он предложил назвать его именем Нетти и Луиса Хоршей, так как главное финансирование должны были обеспечивать именно они. В конце концов, решили назвать его именем основателя — Николая Константиновича Рериха.

Приехав в Нью-Йорк, первым делом Николай Константинович занялся оформлением документов для проведения Первой Американской Центрально-Азиатской экспедиции. Параллельно велись переговоры о получении концессий на Алтае для разработки серебряных рудников и

обязательных, в связи с этим, поездках в Париж и Берлин. В издательстве «Corona Mundi» уже вышли в свет две книги Н. К. Рериха «Adamaht» и альбом картин. «Алатас» выпустил книгу «Пути Благословения», причем печаталась она при поддержке В. А. Шибаева в Риге, в двух вариантах, с ятиями и без. Появились и новые книги о жизни Н. К. Рериха, написанные Н. Селивановой («The World of Roerich: A Biography», 1922 год) и М. А. Кузьминым («Рерих», 1923 год).

К 1924 году было создано семь рериховских учреждений: «Cor Ardens», «Master School of United Arts», «Corona Mundi. International Art Center», «Roerich Museum», «World Service. Pancosmos Corporation», «Alatas», «Beluha Corporation». Готовилось также открытие нового пресс-центра музея «Nev Syndicate». В том же году вышла в свет мистическая книга Елены Ивановны Рерих «Листы сада Мории».

Все будни были посвящены хлопотам, связанным с получением всевозможных разрешений, виз, рекомендательных писем. Несмотря на огромную занятость, Н. К. Рерих успел прочитать несколько лекций в университетах и принять участие в художественных выставках. Наконец, 10 декабря 1924 года Николай Константинович, оставив младшего сына Святослава в Нью-Йорке проследить за развитием уже действующих компаний, отплыл вместе с Морисом Лихтманом на корабле «Paris» во Францию.

Из Марселя в конце декабря 1924 года Н. К. Рерих позвонил в Берлинское советское посольство и договорился о встрече с полпредом Николаем Николаевичем Крестинским, которого ему рекомендовали в Америке. Разговор должен был идти о приобретении концессий на территории горного Алтая и об объединении всей Азии под эгидой новой религии.

Еще в Нью-Йорке Н. К. Рерих обсудил все подробности с Бородиным. К сожалению, эта беседа сохранилась только в пересказе Зинаиды Лихтман:

«Пришел Бородин, долго разговаривал с Николаем Константиновичем, вызвал по телефону Монреаль и устроил так, что Николаю Константиновичу не надо туда ехать, ибо оттуда пошлют телеграмму в Париж. Бородин сказал Николаю Константиновичу, что главное для них — это объединение Азии, а дело, о котором они теперь говорят, второстепенно. Николай Константинович его спрашивает: а знает ли он, что объединение Азии может идти через религию? Он ответил, что знает. А знает ли он, что это можно осуществить именем Будды? Он согласился. А будут ли с этим согласны и в Париже? Бородин ответил, что там они не

глупы. И так пришли к полному взаимопониманию, что сделало сегодняшний день очень важным»^[261].

После телефонного разговора Н. К. Рерих сразу же выехал в Берлин. Он объяснил Н. Н. Крестинскому, что хотя и организует свою экспедицию под американским флагом, но все же нуждается в покровительстве советских дипломатических представителей в Центральной Азии. Николай Рерих подробно рассказал об оккупации Тибета британскими войсками, о сложной ситуации на границах, о том, что англичане ведут среди местного населения пропаганду против Советского Союза. Он говорил о религиозных преследованиях и о дискриминации национальных меньшинств в Китайском Туркестане, вспоминал о буддийских пророчествах, о спасении мира и о возможном единении коммунизма с буддизмом.

Потом речь зашла о сроках оформления виз, о возможности получения экспедиционных паспортов и других бумаг, подобных тем, которые были уже получены в Париже у китайского посланника, — это паспорта, дававшие право въезда в Синьцзян, и ходатайство посланника к китайскому правительству о содействии экспедиции.

Рассказ Н. К. Рериха о его индийских впечатлениях был подробно записан одним из сотрудников посольства и вместе с прошением отправлен в Москву. Г. В. Чичерин лично прочитал все присланные бумаги и решил немного подождать с ответом. И только в марте 1925 года, после долгого обсуждения, было дано добро на все предложения Н. К. Рериха.

Из Марселя Николай Константинович вместе с В. А. Шибаевым 28 декабря 1924 года на японском корабле «Катору Мару» отплыли в Индию.

«Плавание по Средиземному, Красному и Аравийскому морям, — вспоминал это путешествие В. А. Шибаев, — длилось более двух недель, с одной лишь остановкой в Порт-Саиде, откуда мы сначала доехали на машине до Гизы, а затем на традиционных верблюдах к пирамидам. Там была снята интересная фотография верхом на верблюдах на фоне пирамид, посланная фотографом нам вдогонку и полученная в Индии много позже, но где она осталась, к сожалению, за все эти годы мне не удалось выяснить. Далее опять на такси в Суэц, где нас и всех остальных участников этой гизехской экспедиции (большой частью японцев) уже ожидал „Катору Мару“»^[262].

Во время плавания Николай Константинович проникся большой симпатией и уважением к японцам, увидев в них своих будущих союзников. В путевом дневнике «Алтай-Гималаи» он писал:

«Японцы не упускают возможности побывать около пирамид. Эта нация не теряет времени. Надо видеть, как быстро-зорко шевелятся их бинокли и так настойчиво насущны их вопросы. Ничего лишнего. Это не вакантный туризм усталой Европы. „Ведь мы же договоримся, наконец, с Россией“, — деловито, без всякой сентиментальности говорит японец. И деловитость пусть будет залогом сотрудничества. В Каире в мечети сидел мальчик лет семи-восьми и нараспев читал строки Корана. Нельзя было пройти мимо его проникновенного устремления. А в стене той же мечети нагло торчало ядро Наполеона. И тот же завоеватель империи разбил лик великого Сфинкса. Если обезображен Сфинкс Египта, то Сфинкс Азии сбережен великими пустынями. Богатство сердца Азии сохранено, и час его пришел»^[263].

Вскоре корабль прибыл на Цейлон в Коломбо. На этом морская часть путешествия Рериха и Шибаева закончилась. Далее путь лежал через Талайманнар и Адамов Мост, затем по восточному побережью на север Индии.

«Наконец, на горизонте показалась земля — Цейлон, и мы причалили в Коломбо, — продолжает свои путевые заметки В. А. Шибаев. — Остановились в гостинице Галле Фас и посетили все местные достопримечательности: побережье Маунт Лавиния, где тяжело

нагруженные плодами пальмы низко сгибались над берегом, обласканным прибоем Индийского океана; паломничали по древним храмам Канди. Цейлон поражает богатством своей растительности. Помню, например, огромное изобилие и разнообразие бананов: есть малюсенькие розово-красные, но столь ароматные, что когда снимаем их кожуру, по всей комнате распространяется чудный запах, а другие — такие большие, что одному с ним не справиться. Потом через Талайманнар, мост Адама и Данушкоти, вдоль восточного берега Индии на север в Калькутту. По дороге, конечно, не могли не заглянуть в Адьяр, где наша соотечественница, великая Елена Петровна Блаватская, так ложно и жестоко оклеветанная мировыми скудоумами, когда-то давно сидела на той же каменной скамье у впадения реки Адьярки (как она нарекла ее) в Бенгальский залив, где сидели и мы. Николай Константинович подарил учрежденному ею для исследования великих основ древневосточной философии обществу картину „Вестник“ — но боюсь, что этого так и не поняли и позднее предались идолопоклонению молодому инду (Кришнамурти) и автократическому правлению председателя [Анни Безант]»^[264].

Тогда, в 1925 году, индийская теософская газета «Новая Индия», главным редактором которой была президент Теософского общества Анни Безант, восторженно писала:

«18 января, в воскресенье утром, профессор Николай Рерих подарил музею в Адьяре свою картину „Вестник“ как дань памяти о мадам Блаватской. Доктор Д. Г. Казинс представил профессора Рериха собравшимся на церемонию. Он сказал, что имя Рериха стало известно с тех пор, как художник открыл миру свое возвышенное видение Прекрасного.

Затем профессор Н. К. Рерих снял покрывало с картины и сказал: „В этом доме Света позвольте мне вручить картину, посвященную Елене Петровне Блаватской. Пусть она явится завязью будущего Музея имени Блаватской, который примет девиз: „Красота есть одеяние Истины““... Принимая картину от лица президента Теософского общества, отсутствующего в настоящий момент в Адьяре, господин К. Джинарадхадаса сказал, что профессор Рерих проделал значительную работу по синтезу искусств. Он основал в Америке институт, где все виды искусств смогли быть объединены вместе. Такой синтез ставил задачу дать то, чего не дали великие достижения религии, философии или науки. Люди недостаточно постигли в себе чудо воскрешения Господа, что всегда так прекрасно было проявлено в искусстве. Они имели склонность

воспринимать искусство просто как эстетическое удовольствие»^[265].

Индийский теософский журнал «Мадрасская почта» писал:

«Интересная церемония состоялась в воскресенье утром в Адьяре, в штаб-квартире Теософского общества, где проф. Рерих подарил „Обществу“ свою картину, названную „Вестник“. Он посвятил ее своей прекрасной соотечественнице, мадам Блаватской, одной из основателей Теософского общества. На церемонии присутствовало многочисленное собрание людей, включая многих постоянно проживающих членов Теософского центра. Доктор Казинс представил профессора Рериха и охарактеризовал его как художника, который является не только творцом картин, но и великим посланником, утверждающим истинное искусство, который широко известен в мире как мастер цвета.

Затем Рерих вручил картину, на которой изображена фигура человека, входящего в Гималайский храм в ранний утренний час»^[266].

В Адьяре в том же 1925 году была издана книга на английском языке под названием: «Вестник. Картины Рериха». На первую страницу Николай Константинович поместил репродукцию своей работы с надписью: «„Вестник“. Николай Рерих. Музей Блаватской. Адьяр». Далее сообщалось, что весь доход от продажи книги поступит на нужды Музея Блаватской в Адьяре.

В сборнике было семь статей о Н. К. Рерихе. Открывала книгу статья Леонида Андреева «Держава Рериха». Затем шла статья Жозефа Фингера, опубликованная еще в 1921 году в Калькутте в «Modern Review» при содействии Рабиндраната Тагора, после нее эссе Ирмы Владимировны де Манциарли, впервые увидевшее свет в журнале «Вестник Звезды» («Herald of the Star»), издаваемом специально для Д. Кришнамурти.

Де Манциарли называла Николая Рериха «Великим практическим мистиком». Здесь она говорила об особом таланте Николая Рериха:

«Мы не сможем описать всех его картин, — утверждала де Манциарли, — будем надеяться, что мир увидит их. Но мы можем передать вам идею его поэтических произведений... его стихи, это евангелие рериховской Красоты».

В Адьяре состоялась еще одна важная для Н. К. Рериха встреча, о которой, уже после окончания Первой Американской Центрально-Азиатской экспедиции, он вспоминал с некоторой иронией, но тогда этой встрече уделялось особое значение.

«Николай Константинович за ужином очень картинно и уморительно описал, как в Адьяре он был приглашен на святую трапезу к Кришнамурти,

— вспоминала рассказ Рериха Зинаида Лихтман, — как они все сидели на полу на пальмовых листьях, им подавали какую-то гадость. Как нога Николая Константиновича устала и потянулась к пальмовому листу святого человека, по правую руку которого он сидел. Как Николай Константинович подобрал свою ногу.

Как все молчали. Потом аудиенция у Кришнамурти, когда надо было снять ботинки, и Николай Константинович сказал: „Ну, заяц — так заяц!“ Знаменитая речь Кришнамурти после долгого молчания, когда он сказал: „Помогите нам“, прося Николая Константиновича дать рисунки здания, которое он собирался строить. Мы хохотали до слез: как В. А. Шибаев наткнулся на урну с пеплом Е. П. Блаватской; как им показали место, где на почтенного Ледбитера наплевал дух; как В. А. Шибаев слышал шаги гнома и чувствовал себя либерально, ибо Николай Константинович без него бы, наверно, уверовал во все»^[267].

Поездке Н. К. Рериха в Адьяр предшествовала бурная переписка с руководителями Теософского общества. В конце марта 1924 года, находясь в Дарджилинге, он предложил Анни Безант создать в Адьяре Музей искусств имени Е. П. Блаватской:

«Дорогая госпожа Безант!

...Если „Общество“ готово рассмотреть мое предложение, я готов предложить в качестве дара Музею Блаватской свою картину „Вестник“, написанную здесь и посвященную памяти этой великой женщины... Помимо этого, я сообщаю Вам, что американское издательство „Алатас“ намеревается опубликовать небольшую и недорогую книгу с репродукцией упомянутой картины и несколькими статьями, выражающими ведущие принципы моего творчества...

Доход от этой книги будет прибавлен к средствам музея. Если мое предложение согласуется с намерениями „Общества“, буду рад узнать Ваше решение по этому вопросу...»^[268]

Идея создания в Адьяре Музея Е. П. Блаватской была неоднозначно принята в Теософском обществе, возникло много споров и предложений. Одни говорили, что для музея необходимо возводить отдельное здание, а это потребует огромных финансовых затрат. Другие считали такую затею преждевременной. Но все решило предложение Н. К. Рериха — основать Музей Блаватской в одной комнате, где вполне могли бы уместиться все экспонаты.

В апреле Николай Константинович получил письмо от английского искусствоведа доктора Джеймса Казинса, одного из руководителей

Теософского общества. Он сообщал, что на теософской конференции, проходившей в Адьяре, было принято решение о создании Музея Е. П. Блаватской. В ответ Рерих написал Казинсу:

«Действительно, не имеет значения, будет ли Музей имени госпожи Блаватской начат с одной комнаты или же потребует отдельного здания. Важна сама идея, вокруг которой соберутся лучшие творческие усилия. Мне пришлось несколько раз начинать большие учреждения с одной комнаты, но уже через год они приобретали обширные помещения. Надеемся посетить Адьяр в начале следующего года и привезти с собой мою картину „Вестник“. К тому времени также, возможно, уже будет готова обещанная книга»^[269].

Книга, о которой говорил Н. К. Рерих, как мы уже знаем, была напечатана в Адьяре, в типографии Теософского общества «Vasanta Press», немного меньшим тиражом, чем предполагалось. Но это не меняло сути — она стала первой книгой, посвященной Музею Е. П. Блаватской, а картина «Вестник» стала первым его экспонатом.

ПЕРВАЯ ЭКСПЕДИЦИЯ

Из Адьяра Н. К. Рерих с В. А. Шибаетым отправились в Дарджилинг. Перед началом экспедиции необходимо было завершить переговоры с индийскими компаниями о поставках чая в Ригу. После Шибает вернулся в Европу, для того чтобы продолжить работу по организации чайного экспорта, который по плану Н. К. Рериха должен был принести большую прибыль.

После недолгих приготовлений Николай Константинович вместе с сыном Юрием и женой Еленой Ивановной отправился в путешествие по Центральной Азии. Юрий Рерих вел дневник экспедиции и подробно описал начало пути:

«6 марта 1925 г. наша экспедиция покинула Дарджилинг, а с ним и дружественное княжество Сикким. Спуск по склонам Восточных Гималаев, покрытых джунглями, оставляет неизгладимое впечатление. Внимание путешественников привлекают тропическая растительность и бесконечный поток горцев, бредущих по накатанным телегами дорогам. В Силигури мы прибыли ночью. Поезд шел по Бенгальской равнине, покрытой джунглями, обширными болотами — рассадниками тропической лихорадки и затопленными рисовыми полями. Сквозь густой покров тропической ночи можно было наблюдать за незнакомой жизнью около мерцающих костров, разбросанных среди джунглей, и у порогов деревенских хижин, уютящихся меж пальмовых деревьев. Люди в белых тюрбанах и дхоти переходили с места на место, а на железнодорожных станциях воздух звенел от пронзительно высоких голосов торговцев чаем, питьевой водой и сигаретами. Все вокруг казалось живым от непрерывного движения под сенью ночи.

Рано утром поезд прибыл на большую станцию Силдах. После уединения в Гималаях путешественник будет непременно поражен полуевропейским, полувосточным видом города. Улицы Калькутты с автомобилями, конными экипажами, рикшами и разноцветной толпой прохожих напоминают поток, в котором странным образом перемешались Восток и Запад. После суетливого и жаркого дня в большом городе и визита в штаб-квартиру Бенгальского азиатского общества, которое является плодом сотрудничества между западной и восточной школами, мы вновь сели в пенджабский почтовый поезд, чтобы за двое суток миновать пыльные равнины Северной Индии»^[270].

8 марта 1925 года Елена Ивановна, Николай Константинович и Юрий были в приграничном городе Равалпинди, расположенном на территории нынешнего Пакистана.

«Повсюду мужчины в форме цвета хаки, а городской базар пестрит разноцветными одеждами, что так характерно для приграничного района. Среди пенджабцев и местных жителей выделяются красивые хазарцы и воинственные патаны...»^[271]

Путешественникам предстояло пересечь несколько границ разных государств, что невозможно было бы сделать без соответствующих разрешений. Весь путь экспедиции утвердили, и самовольное изменение маршрута могло привести к печальным последствиям и даже аресту или выдворению за пределы той или иной страны или княжества.

«В нескольких милях от Шринагара проходит одна из самых красивых дорог в мире, окаймленная рядами высоких тополей. Вокруг расстилается знаменитая Кашмирская долина, опоясанная белоснежными горами, — продолжал записывать в дневник Юрий Рерих. — Около трех часов дня мы прибыли в Шринагар, где на нас накинута целая толпа кашмирцев. Отталкивая друг друга и пронзительно крича, они рекламировали дома-лодки, или шикары, и другие местные достопримечательности. В общем, это было довольно жалкое зрелище. Устроив штаб-квартиру в гостинице „Недоу“, мы сразу же занялись подготовкой к путешествию в Ладак и в пустыни Китайского Туркестана, лежащие по ту сторону высокогорных перевалов Каракорума и Санджу. Трудное и длительное путешествие в горы требует основательной подготовки; каждая деталь его должна быть продумана тщательнейшим образом, так как путешествие из Кашмира в Китайский Туркестан проходит по самому высокогорному пути в мире. Шринагар — последняя стоянка, где можно закончить все приготовления и запастись провизией»^[272].

Тем временем В. А. Шибаев был уже на пути в Ригу, где его ждало письмо Николая Рериха, написанное в Шринагаре (Сринагаре) 1 апреля 1925 года:

«Родной Яруя, привет тебе с озер Кашмира. Холодно, лежит снег. Вчера нашу лодку чуть не разбило бурей. Но вдруг наступила тишина, и мы успели до первого шквала укрыться в речку. Перед нами лежит дорога на Гильгит. Не была ли на этой дороге тетя Анни [Анни Безант]? Как Вы доехали? И как все Ваши дела? Вам и Чехембуле [Кордашевскому] привет. Духом с вами.

Боремся за разрешение идти в Ладак. Лхаса препятствует. Сражаемся».

Действительно, утвердить весь маршрут, проходивший по территории заповедного Тибета, было чрезвычайно трудно. Ждать ответа от официальных лиц приходилось довольно долго, поэтому оставалось время на небольшие путешествия по Кашмиру и на поиски обходных путей. Вскоре за экспедицией начала следить английская разведка и пресекать все попытки пройти в Тибет окружным путем.

«Мы были рады покинуть индийскую Венецию [Шринагар] и снова почувствовать себя на открытых просторах прекрасной долины. Запомнилась нам и прогулка по озеру Вулур, — писал Ю. Н. Рерих. — Мы наняли большую лодку-дом „Монарх“, принадлежавшую приветливому кашмирцу Собра Вангану, и отправились в короткое путешествие к озеру Вулур. Плавание по каналам было не слишком интересным. Лодка медленно продвигалась меж низких берегов. Сами каналы узкие, и вода в них не всегда чиста. Большое озеро Вулур окружено высокими горными хребтами, и в ясную погоду на их склонах играют причудливые тени. Мы высадились в Бандипуре — маленькой деревушке с несколькими хозяйственными постройками. Здесь начинается дорога, которая ведет через Гилгит, Хунзу и Сарыкол в Кашгар и Таримский бассейн. На озере разыгрался сильный шторм, во время которого оборвались тросы, соединяющие лодку с берегом, и ветер унес ее прочь. Лодочники потратили несколько часов на борьбу со стихией. Лодки-дома не предназначены для дальнего плавания, и лодочники никогда не рискуют уводить их от берега в ветреную погоду. Лодка-дунга, в которой находился наш переводчик-китаец и слуги, лишилась из-за ветра крыши. Так как лодочники сочли нашу ситуацию опасной, то мы решили сократить свое пребывание на озере»^[273].

Всякий раз, после подобных путешествий, приходилось возвращаться обратно в Шринагар. Получить разрешение на проход экспедиции в Тибет не удалось, и Рерихи решили, дабы не терять время, подняться как можно выше, в горы, и пусть в обход, но все-таки хоть немного приблизиться к цели своего путешествия. 15 апреля экспедиция направилась в Гульмарг — высокогорную станцию Кашмира, где могла оказаться не прикрытая пограничниками дорога в Тибет.

16 апреля 1925 года Николай Рерих писал В. А. Шибаеву: «Пробиваемся в Лех, но пока безрезультатно... Сейчас стоим под горою, на которой убит Алал Минг. Все письма читаются».

Рерихи все время ощущали над собой контроль, видели противодействие английских колониальных властей и понимали, что любое письмо может быть использовано как повод для отказа в пропуске экспедиции.

И вот 18 мая 1925 года Николай Рерих уже уверенно написал в Ригу своим сотрудникам:

«Нам разрешен въезд в Малый Тибет. Шли львами и рычали во благо».

Но официальные документы Рерихи смогли получить только в августе. В Риге В. А. Шибаев и будущий участник следующей экспедиции Н. В. Кордашевский все это время безрезультатно пытались наладить продажу индийского чая в Советскую Россию.

Николай Константинович подбадривал их в своих письмах: «5 июня 1925 года. Если Панкосмос [компания „World Service. Pancosmos Corporation“] в течение года не установит продуктивные отношения с Моей страной, то смысл его исчезнет. Значит, не упустите наследство тети Ани [Англии]. Если первая легкая возможность упущена, найдите вторую и решите ее хотя бы и трудно, но безотложно. Помните, Христос и Будда исповедовали Литургию жизни в строительном Труде».

8 августа экспедиция выехала из Гульмарга в Лех и через десять дней оттуда направилась через перевал Каракорум в Хотан. Там было уже рукой подать и до столицы Тибета — Лхасы. Когда город Лех исчез за горизонтом, Николай Рерих написал в своем дневнике:

«Наконец можно окончательно оставить всю кашмирскую ложь и грязь. Можно забыть полуразрушенный Шринагар. Можно забыть, как победители играют в поло и гольф, когда население гибнет в заразах и полном отупении. Можно отвернуться от подкупных чиновников Кашмира. Можно забыть нападение вооруженных бандитов на наш караван с целью задержать его. Пришлось шесть часов пробыть с поднятым револьвером. А в довершение всего полиция составила от нашего имени телеграмму, что мы ошиблись, и нападения не было. Кто же тогда ранил семь наших людей? Можно пожалть плечами в ответ на такую невежественность. Даже моравская миссия в Лехе не отстала и уведомила нас о согласии сдать нам один из их домов, если я дам подписку, что не будем заниматься „пропагандой религиозной, полурелигиозной и т. д.“. При этом никто не мог пояснить, что значит таинственная „полу... и т. д.“. Кто же даст подписку в том, что не нарушит никому не понятных пределов „полу... и т. д.“. Обошлись и без помещений миссии — во дворце ладакского короля. Только в горах чувствуете себя в безопасности. Только в пустынных переходах не достигает вас невежественность»^[274].

Преодолев перевал, 14 октября экспедиция вошла в китайский город Хотан, где столкнулась с теми же проблемами, которые задержали ее в Шринагаре.

Первые дни в Хотане не предвещали никаких неприятностей, Рерихи

были приняты самим таотаем-губернатором, и в честь Николая Константиновича даже организовали торжественный прием.

«Трудно было поверить, что мы находимся в Хотане — древнем царстве нефрита и одном из самых цветущих оазисов китайской провинции Синьцзян, — вспоминал Юрий Рерих. — Современный город с крытыми базарами и пыльными улочками скрывал облик древнего Хотана, бывшего когда-то очагом буддийского учения и крупнейшим средоточием торговли Центральной Азии.

В древних китайских анналах город известен под именем Юйтьена; местное название его Кустана, или в китайской транскрипции — Чьиу-сатан-на (Чьиу-тан)»^[275].

Когда, казалось бы, для дальнейшего путешествия ничто не предвещало серьезной угрозы, неожиданно началась чехарда.

События развивались стремительно. Вначале Н. К. Рерих пришел в магистрат за разрешением на зарисовки и фотографирование самого города и его окрестностей. Но тут же получил отказ. Николаю Константиновичу сказали, что руководство обратится за инструкциями к генерал-губернатору провинции. Очень раздосадованный всем этим, Рерих решил заявить протест таотаю и напомнить ему о его обещании содействовать работе экспедиции.

Тем временем из Урумчи прибыл новый судья, и отовсюду поползли тревожные для экспедиции слухи, что он враждебно относится ко всем иностранцам, хотя и кичится своими современными взглядами.

«Началось! — писал в путевом дневнике Николай Рерих. — Приставленный к нам Керим-бек оказался негодяем. Амбань, тупо улыбаясь, говорит:

— В доме писать картины можно, а вне дома нельзя.

Спрашиваем причины; он опять улыбается еще тупее и повторяет то же самое. Просим его письменно подтвердить его заявление, но он наотрез отказывается. Указываем, что экспедиция послана именно с целью художественной работы и что в паспорте нашем это сказано. Амбань трижды глупо улыбается и повторяет свое необоснованное запрещение»^[276].

Во всем остальном, внешне, отношения с властями оставались достаточно миролюбивыми.

Вскоре после приема, устроенного в честь профессора Н. К. Рериха, у губернатора заболел младший сын. Елена Ивановна согласилась оказать помощь больному и, взяв лекарства из экспедиционной аптечки, поехала к

губернатору. Мальчик вскоре поправился, а спустя некоторое время губернатор-таотай Ма Шао-ву в личной беседе намекнул Юрию Рериху, что доброта его матери спасла участников экспедиции от многих неприятностей в Хотане. Эти недвусмысленные намеки насторожили Рерихов, но так как разрешения на продвижение экспедиции в глубь Тибета все еще не было, быстро покинуть Хотан они не могли.

Спустя несколько дней после приезда в город нового судьи, губернатор неожиданно, вместе со своей свитой и новым судьей, нанес официальный визит в дом, где остановились путешественники, под предлогом выразить благодарность г-же Елене Ивановне Рерих за спасение сына. Губернатор прибыл в сопровождении вооруженной охраны. С самого начала беседы чувствовалось, что у таотая и нового судьи есть какое-то важное сообщение и что-то или кто-то мешает передать его Рерихам. Поэтому Николай Константинович решил пригласить их на чай в комнату Юрия. Он прикрыл двери, ожидая откровенного разговора, но Ма Шао-ву и судью такая обстановка насторожила. Озираясь по сторонам, они внимательно осмотрели комнату и обменялись краткими репликами насчет ящиков, сложенных в углу.

Внезапно таотай кашлянул три раза, дверь распахнулась, и комнату заполнили солдаты, которые выстроились вдоль стен. Рерих посчитав, что, возможно, его экспедиция по каким-то причинам арестована. Но, зная восточный характер, не показал своей растерянности, а только выразил недоумение по поводу такого количества солдат. Таотай в ответ улыбнулся и предложил не обращать на солдат никакого внимания. Разговор продолжился на общие темы, пока, так же неожиданно, судья не заинтересовался китайскими экспедиционными паспортами.

Николай Константинович уже не первый раз предъявлял властям Хотана свои пекинские паспорта, пересланные ему в Индию китайцем Вай-Чао-пу через представителя Китая в Лиге Наций господина Чэн Ло. На этот раз реакция гостей была неожиданной, они насмешливо заметили, что экспедиционные паспорта недействительны в этой провинции, и что пекинское правительство ничего не сообщало о Рерихах и их экспедиции в Синьцзян, и что господин Чэн Ло не имел права давать Рерихам какое-либо разрешение на въезд. При этом судья и губернатор, на искреннее удивление Н. К. Рериха, приняли угрожающий вид. Они стали жестикулировать, плевать на пол и ухмыляться. У Николая Константиновича было только одно преимущество, он мог советоваться на русском языке, не боясь, что его поймут.

Н. К. Рерих решил не уступать, а попробовать показать свою силу,

чтобы восстановить кем-то подорванное уважительное к себе отношение. Он предупредил, что власти Хотана не имеют права угрожать экспедиции и презрительно относиться к паспортам и возвращать американскую экспедицию обратно в Лех. Николай Константинович сослался на то, что если разрешения на продолжение экспедиции он не получит в Хотане, то экспедиция безотлагательно свяжется с британским консулом в Кашгаре и потребует у генерал-губернатора Синьцзяна разрешения продолжить свою работу. И тогда местным властям будет очень стыдно за свое поведение, и они тем самым подорвут свой авторитет в международных кругах. После бурной дискуссии таотай со своей свитой и судьей удалились.

На следующий день рано утром судья Чанг снова приехал к Рерихам и сообщил, что от генерал-губернатора Синьцзяна, из Урумчи, получена телеграмма, приказывающая экспедиции вернуться в Индию через перевал Санджу.

Телеграмма оказалась подделанной у местного губернатора, но даже если бы это и было правдой, то вернуться таким путем в Индию Рерихи никак не смогли бы, так как наступила зима и перевал уже давно занесло снегом.

После этого визита судьи Николай Константинович отправил письмо майору Гиллану, британскому консулу в Кашгаре, с просьбой о содействии продвижению экспедиции. Его послали через обычное почтовое отделение, и оно вскоре вернулось обратно с припиской, что губернатор Хотана отдал распоряжение перехватывать всю корреспонденцию, отправленную Рерихами в Британское консульство. Письма и телеграммы, посланные в Нью-Йорк, Париж и Пекин, тоже вернулись обратно. Положение становилось опасным. Николай Константинович еще не знал, что это только начало всех преследований и проволочек, которые им успешно подстраивала английская разведка, считая его экспедицию военно-разведывательной акцией США.

В результате распоряжений властей Хотана экспедиция оказалась совершенно отрезанной от внешнего мира и должна была сама искать какой-нибудь способ связи. Местное население сочувственно относилось к богатым европейцам, захваченным вероломным губернатором. Несколько торговцев даже вызвались отвезти письма Н. К. Рериха в консульство Кашгара. Но больше всех смогли помочь два калмыка, предложившие очень простой способ, которым они сами успешно пользовались. План заключался в следующем: один из калмыков будет стоять с письмом в руках около почты, и в последний момент, когда почтальон уже оседлает лошадь, он подбежит к нему и вручит письмо, например, в Британское

консульство, с адресом, написанным по-тюркски и по-китайски. Китайский почтальон сердито воскликнет:

— Вечно вы опаздываете!

И, не глядя на адрес, бросит письмо в одну из сумок. Такой способ себя оправдал, письма быстро доходили до адресата. Ответ получали дней через шестнадцать, его тоже посылали не по почте, а передавали с оказией.

Начались морозы, вода в арыках покрылась льдом, а разрешения на продолжение экспедиции все еще не было.

29 декабря 1925 года в дом, где остановились Рерихи, нагрянул с обыском судья. Он привел с собой несколько младших офицеров. На возмущение Николая Константиновича судья заявил, что в экспедиции имеется огромное количество боеприпасов и какое-то «стреляющее колесо», с помощью которого можно уничтожить весь хотанский гарнизон и все население Хотана менее чем за десять минут.

Квадратные ящики с консервами, закупленными агентством через Кокбурн в Кашмире, давно вызывали у судьи подозрение, что Рерихи везут огромное количество боеприпасов. В итоге проверки все вооружение экспедиции, состоявшее из двух винтовок, одного двуствольного ружья, трех револьверов и одного ящика патронов, было опечатано и увезено в неизвестном направлении. При этом было сказано, что если возникнет необходимость, то обратно его можно получить только в Кашгаре.

На следующий день Н. К. Рериху сообщили, что теперь властей Хотана американские бумаги совершенно не интересуют, и потребовали русский дореволюционный паспорт. Совершенно случайно у Рерихов оказались их дореволюционные паспорта. Документы были тщательнейшим образом скопированы, а так как прочесть китайцы в этих бумагах ничего не смогли, то сделали вид, что отослали копии бумаг куда следует.

После этого Н. К. Рерих уже не просил разрешения двигаться в глубь Тибета, он решил с экспедицией вернуться немного назад и в обход через Кашгар пробиваться в сторону Урумчи, надеясь, что оттуда намного проще попасть в Лхасу. Немедленно начались приготовления к выходу экспедиции из Хотана в Кашгар. Местные власти молча наблюдали за тем, как Рерихи нанимали караван верблюдов, чтобы отвезти багаж в Кашгар, как закупали продовольствие и необходимые для путешествия вещи. Казалось, что все складывалось благополучно.

1 января 1926 года, когда все было готово к отправке в Кашгар, вдруг снова явился представитель губернатора и холодно сообщил:

— Таотай приказывает вам ехать в Дуньхуан в Анси, а не в Кашгар.

Путь, который предлагали экспедиции, пролегал через пустыню и места, контролируемые бандитами. Н. К. Рерих попытался возразить, сказав, что у них отобрали все оружие и что в кашгарском почтовом отделении их ждут денежные переводы, но все было напрасно. Николай Константинович в дневнике подробно записал эту беседу с хотанским чиновником:

«Первого января рано утром приезжает вестник таотая и конфузливо заявляет:

— Господин таотай назначает вам ехать на Дуньхуан, а не на Кашгар.

Мы говорим:

— У нас отобрали все оружие, ехать пустыней без оружия нельзя. Не только ни одна экспедиция, но каждый купец, идущий через пустыню, имеет при себе оружие. Кроме того, нам присланы деньги на Кашгар. Кроме того, наши сотрудники-американцы едут на Урумчи. И, в-четвертых, сам таотай только что согласился на наш выезд на Кашгар.

Посланный улыбается:

— Все это верно, но господин таотай прислал меня сказать, чтобы вы ехали через пески на Дуньхуан.

— Но ведь туда трудно ехать! Но ведь сам таотай сказал, что в провинции Ганьсу — разбойники!

— Совершенно верно, но господин таотай изменил свое решение и указывает вам путь через пустыню в Дуньхуан.

— Значит, мы не можем осмотреть ни Яркенда, ни Кашгара, ни Аксу, ни Кучи? Ведь все эти распоряжения китайских властей наносят оскорбление Соединенным Штатам!

— Поговорите сами с господином таотаем. Сегодня Новый год, и, если хорошенько попросите господина таотая, может быть, он опять изменит распоряжение.

— Но мы не просить желаем, а хотим справедливости.

Вестник только улыбается и опять предлагает ехать сегодня к таотаю.

Тут же нам шепчут колоритную подробность. Ящик для нашего оружия, неисповедимо сделанный огромных размеров в виде гроба, несли на палках четверо. Эта процессия ввалилась во двор таотая во время его праздничного завтрака. Китайцы опять зашептали: „Гроб“, а сам таотай побледнел и велел нести ящик скорее вон со двора в ямынь амбана.

Сидение у таотая превысило всякие меры терпения. Мы говорили ему о необходимости разменять американские чеки в Кашгаре. Говорили о необходимости лечить зубы. Говорили о спешной необходимости сообщить с Нью-Йорком. Говорили, что своим поведением он оскорбляет

достоинство Америки. Говорили о всех причинах и доводах. Но таотай ответил, что мы можем идти или через перевал Санджу (Санджу-диван) обратно в Индию (что явно нелепо, ибо перевал до июня закрыт льдом), или можем пойти пустыней на Аньси (безоружными, через разбойников, о которых он сам предупредил нас), или мы будем задержаны в Хотане. Я указал, что насильственное задержание есть арест, к чему мы не подали никаких оснований. Таотай твердил свое, повторяя, что наш паспорт, выданный по приказу пекинского правительства, не годен.

— Неужели г-н Чэн Ло, представитель Китая в Лиге Наций, не знает, как выдавать паспорта?

Но таотай ни о какой Лиге Наций вообще не слышал. Я указал, что ввиду такого оскорбительного отношения я желаю вообще уехать из Китая. Таотай свое. Люди таотая хохотали за его спиной и показывали на его голову. Препирались нескончаемо... Вот мы вернулись в дом арестованными. Сидим на уже уложенных сундуках и кончаем день Нового года писанием обращения к консулам Кашгара:

„Экспедиция Рериха накануне отправления в Кашгар была арестована китайскими властями Хотана, без всякого повода со стороны экспедиции.

Ввиду отсутствия консула Соединенных Штатов, настоящим обращаемся к представителям иностранных держав в городе Кашгаре с настоятельной просьбой оказать самое серьезное содействие для немедленного разрешения экспедиции следовать на Кашгар. В случае если разрешение кашгарского таотая недостаточно, просим телеграфировать за наш счет генерал-губернатору области Урумчи.

Три причины заставляют нас неотложно спешить, а именно:

- 1) необходимость сообщить с нашими представителями из Америки;
- 2) необходимость видеть врача шведской миссии;
- 3) необходимость получения денег в Кашгаре“»^[277].

После того как Рерихи отослали это письмо, сидеть сложа руки и ждать ответа было просто невыносимо. Почти каждый день к ним приходил господин Чанг из магистрата Хотана. И каждый раз он доставлял какую-нибудь поразительную телеграмму — то с приказом о немедленном аресте экспедиции, то о немедленной высылке или конфискации всего имущества. Рерихи же в свою очередь подгадывали так, чтобы каждый раз, когда приезжал господин Чанг, они могли предъявить ему очередное письмо от майора Гиллана или телеграмму из Америки — главным было показать любую новую бумагу, которая приводила в уныние чиновника, удивлявшегося большой прозорливости Рерихов.

Во все дипломатические представительства в Кашгаре Н. К. Рерих

отправил одинаковые письма в надежде на то, что хоть одно из них все же дойдет до адресата и найдет сочувствие у местных дипломатов.

Эти письма переписывались множество раз и посылались в Кашгар разными путями. Их получили все дипломатические представительства. Только в Советское консульство пришло сразу три одинаковых письма, на последнем была сделана приписка — «Положение становится опасным. Действия таотая угрожающи. Оружие наше конфисковано».

Среди них было и письмо, отправленное еще 6 декабря 1925 года, лично советскому консулу в Кашгаре М. Ф. Думпису:

«Уважаемый господин консул! Из прилагаемых телеграмм Вы увидите, что наша экспедиция, о которой Вы уже могли слышать, терпит притеснения со стороны китайских властей Хотана... Мы уверены, что во имя культурной цели экспедиции Вы не откажете в своем просвещенном содействии. Не найдете ли возможным сообщить соответственно власти Урумчи, а также послать прилагаемые телеграммы через Москву...»

В это время друзья Николая Константиновича делали все возможное, чтобы помочь экспедиции выехать из Хотана в любом направлении.

Переговоры занимали уйму времени, каждый визит к губернатору или в магистрат длился от пяти до шести часов.

Наконец, 20 января 1926 года Рерихи получили письмо от майора Гиллана, в котором он сообщал, что генерал-губернатор распорядился немедленно выпустить экспедицию из Хотана. Это были приятные новости, и все путешественники радовались предстоящему переходу в Кашгар, хотя их путь и удлинялся. Не желая оставлять безнаказанным козни губернатора Хотана, Николай Константинович Рерих подготовил длинное обвинение, которое собирался лично отдать генерал-губернатору в Урумчи.

Только 28 января караван смог покинуть Хотан. Впереди еще были долгие месяцы пути и чинимые английской разведкой препятствия. Путь в заповедный Тибет для Н. К. Рериха оставался закрытым. Английский консул радовался, что из-за отсутствия оружия рериховская экспедиция не пошла более коротким путем через пески на Дуньхуан (Тунь-хуан) в провинцию Ганьсу и при хорошем стечении обстоятельств ее все же удастся вытеснить не только за пределы горного Тибета, но и за пределы Синьцзяна.

Без оружия, но под охраной, приставленной губернатором Хотана, экспедиция двигалась в сторону Кашгара. Ночи выдались холодные, и все согревались у огромного лагерного костра.

Еще перед отъездом из Хотана китайский переводчик Цай Су Ю сшил

большой желтый флаг, что вызвало недоумение у Николая Рериха. На расспросы китаец отвечал, что так необходимо, иначе могут продолжиться неприятности, начавшиеся в Хотане. На знамени Цай Су Ю написал по-китайски название экспедиции. Флаг доверили одному из солдат, который ехал впереди и устанавливал его в местах будущих стоянок. Как оказалось, Цай Су Ю поступил очень мудро. На всем пути до Кашгара местные власти проникались большим уважением к экспедиции, считая ее официальным посольством. Юрий Рерих говорил:

— Здесь питают больше уважения к куску материи, чем к нашим пекинским паспортам.

Во время первой остановки Николай Константинович обнаружил, что солдаты, сопровождающие экспедицию, и некоторые работники-китайцы оказались заядлыми курильщиками опиума, а из-за этого они поздно вставали и постоянно мешали быстрому продвижению. Так или иначе, но находчивость переводчика избавила Рерихов от многих формальностей по проверке документов и позволила за 15 дней благополучно добраться до Кашгара.

Английский консул майор Гиллан был очень удивлен, когда экспедиционный караван без потерь вошел в Кашгар. Он явно надеялся, что на пол пути Рерихов остановят и направят через практически непроходимый перевал обратно в Индию.

12 февраля 1926 года на въезде в Кашгар, недалеко от моста через реку Тумен, Николая Константиновича приветствовали несколько ординарцев майора Гиллана в алых униформах. Передав послание, в котором британский консул приглашал всех на обед, они тут же уехали. Через некоторое время вновь появились всадники, теперь это были местные беки и даргамы, посланные губернатором Кашгара торжественно встретить экспедицию, превратившуюся, благодаря флагу, в официальное посольство.

Еще не доезжая до Кашгара Рерихи узнали интересные подробности о противодействиях экспедиции в Хотане. В своем дневнике Николай Константинович писал:

«Керкем-бай, он же Молдаван, так поразительно похожий на европейца, выдавал себя за персидского подданного, но оказался беглым директором Оттоманского банка и католиком. Вот уж подлинно безобразное наслоение, и становится понятнее, почему он три недели задерживал наши телеграммы. В его мастерской, по изданиям Британского музея, подделывают ковры. С какой фирмой в Лондоне или Париже он в связи, и в каких антикварных магазинах встречаются его подделки?»^[278]

30 января 1926 года Н. К. Рерих с болью в сердце напишет: «Влево

уходит нить каравана. Куда она? Ведь это направление идет прямо на Тибет, на Чантанг. Так и есть, они идут на тибетские озера за солью»^[279].

Из разговоров солдат Николаю Константиновичу стало ясно, что губернатор Хотана думал, что караван обязательно вернется назад, чтобы, несмотря ни на что, все-таки добиться разрешения на проход в Тибет. Но Хотан теперь был далеко, и ближайший путь лежал в обход пустыни Такла-Макан.

В Кашгаре Рерихи направились в Британское консульство, где их радушно встретил майор Гиллан. Консульство занимало идеальное местоположение, а из окон открывался прекрасный вид на реку Тумен.

Н. К. Рерих еще в пути получил приглашение от английского консула, в котором тот просил остановиться в его доме. Русско-Азиатский банк со своей стороны любезно предлагал Рерихам свои три комнаты в Кашгаре.

Николай Константинович был приятно удивлен тем, что все хорошее в Кашгаре местное население называло русским. Хорошие дома — русские, хорошие кони — русские, хорошие телеги — русские и даже хорошие сапоги — тоже русские.

В город экспедиция прибыла накануне Китайского нового года. Этот праздник означал, что впереди будет долгий вынужденный отдых.

Первый день пребывания в Кашгаре прошел в воспоминаниях. Все рассказывали о пережитых трудностях в Хотане и обсуждали с дипломатами планы на будущее. Наконец-то Николай Константинович получил возможность свободно переслать письма. В телеграмме, посланной генерал-губернатору Урумчи, сообщалось о прибытии в Кашгар экспедиции Рерихов, и секретарь Китайского консульства Джордж Чу пообещал побеседовать с кашгарским таоинем и его министром иностранных дел господином Тао о необходимых для Николая Константиновича визах.

«Консул ждет нас завтракать, пока приготовят дом Русско-Азиатского банка, — записал в дневнике Юрий Рерих. — Консул и его жена участливо расспрашивают о хотанских делах. В банке говорят „о характере“ китайского управления. Оказывается, хотанский таотай известен по всей провинции, и никто не удивлен его поступками. Приходит караван. Приемка вещей. Сложности нет».

Разместились Рерихи в просторном помещении Русско-Азиатского банка. Советский консул и все европейцы считали, что Н. К. Рерих должен побывать в Урумчи, чтобы лично переговорить с генерал-губернатором и получить от него все необходимые бумаги, иначе трудности могут повториться. Это совершенно меняло планы Николая Константиновича:

вместо Аньси пришлось ехать в Урумчи, к северу от Тянь-Шаньских гор. На выборе такого маршрута особенно настаивал английский консул Гиллан, уверяя Рериха, что такой путь будет наиболее правильным, при этом он говорил, что в провинции Синьцзян назревают беспорядки, а на границе между Синьцзяном и Ганьсу уже идет война, и что через провинцию Ганьсу идет маршал Фэн Юйсян, а верховный комиссар Синина Ма Чжуньин (позднее эмигрировавший в 1934 году в СССР), намерен выступить вместе с ним, и при этом совершенно неизвестно, смогут ли плохо дисциплинированные войска наместника Ян Цзиньсиня сдержать наступление армии Фэна.

На всем протяжении пути от Кашгара до Урумчи имели хождение различные деньги, из-за этого возникли некоторые проблемы. В свой путевой дневник Н. К. Рерих внес такую запись:

«Приходит директор отделения Русско-Азиатского банка Анохин. Новая волна информации. В каждой части провинции свои деньги, трудно принимаемые в соседнем уезде. В Кашгаре — сары; в Урумчи — ланы, стоимостью в одну треть сара; в Кульдже — свои ланы, которые население называет рублями. При этом половина или четверть лана достигается разрыванием знака на соответственные части. Вследствие этих операций денежные знаки обращаются в труху, лишенную всяких обозначений. Когда же является необходимость вернуть знаку его прежние размеры, то подклеивают куски случайной бумаги. Можно получить ланы, на которых половина состоит из объявления о продаже мыла, или что-нибудь настолько же неожиданное»^[280].

15 февраля Николай Константинович с женой и сыном нанесли официальный визит местному губернатору, веселому толстяку, который проявил неподдельный интерес к затруднениям в Хотане. Губернатор отклонил просьбу британского консула. Оружие формально Рерихам не вернули, оставив его опечатанным в ящике, но отдали экспедиции как бы на хранение. Разрешения на раскопки и занятия живописью правитель Кашгара, естественно, не дал. Он удивлялся тому, что прибывшие европейцы спрашивают его о каких-то странных вещах, и поэтому осторожно намекнул, что экспедиция может продолжать работу, и лишь, в случае, если только местные жители будут против, то необходимо будет приостановить раскопки или другие занятия.

Паспорта, признанные в Хотане недействительными, чудесным образом в Кашгаре оказались правильными. Николай Константинович все же настоял на том, чтобы власти Кашгара выдали экспедиции документы, подтверждающие законность паспортов, а министр иностранных дел

господин Тао в сопроводительном письме рекомендовал местным властям оказывать экспедиции всяческое содействие.

19 февраля наконец-то пришел долгожданный ответ из Урумчи от генерал-губернатора Синьцзяна. Он выражал желание познакомиться с Рерихами лично и сердечно приглашал их к себе в столицу. Однако о каких-либо возможностях продолжения художественной и научной работы экспедиции в телеграмме не упоминалось.

Долго оставаться в Кашгаре смысла не было. Николай Константинович решил, что все проблемы можно легко уладить в Урумчи при поддержке Советского консульства. Неожиданно возникли новые трудности, задержавшие экспедицию еще на несколько дней. Никак не удавалось сформировать караван — не хватало лошадей.

«Найти лошадей здесь, по-видимому, еще труднее, нежели в Яркенде, — писал Н. К. Рерих. — У доктора Яловенко нашлись все лекарства, нужные нам. Его маленький госпиталь гораздо более оборудован, нежели в шведской миссии».

Советское консульство снабдило Рерихов не только лекарствами, но и большим количеством российских газет.

В это время английская разведка не догадывалась об истинных целях экспедиции Н. К. Рериха. Она ничего не знала о дальнейшем маршруте и только строила свои предположения — что же на самом деле происходило во время Американской Центрально-Азиатской экспедиции. В одном из отчетов читаем:

«В июне 1920 года Рериху была дана виза в Индию, но он не приезжал до 1923 года. Формальной целью его визита было писание ряда картин. В мае 1925 года чиновник из Нью-Йоркского бюро паспортного контроля сообщил, что Николай Рерих и его сын Юрий находятся в Кашмире и хотят отправиться в Тибет. Он также добавил, что, находясь в Соединенных Штатах, Рерих был заподозрен в коммунистических симпатиях»^[281].

Последующие отчеты, полученные с 1925 года, лишь укрепляли сомнения в отношении действительных целей приезда Рериха в Индию. В донесениях сообщалось, что его деятельность исследователя, археолога, художника и теософа являлась только камуфляжем и что он вполне мог являться коммунистическим эмиссаром. Чиновники английской разведки так объясняли свои действия:

«В 1925 году Музей Рериха в Нью-Йорке запросил для американской научной экспедиции под руководством Рериха разрешение проследовать в Лех в Ладаке в целях годичной художественной работы. Правительство Индии дало разрешение и предоставило экспедиции всяческую помощь.

Позднее, в этом же году, резидент в Кашмире сообщил правительству Индии, что Рерих, очевидно, внезапно изменил свое решение и объявил о намерении возвратиться в Соединенные Штаты через Китай и Японию и хочет проследовать в Китайский Туркестан из Леха, получив уже к этому времени от китайского правительства необходимые визы. Правительство Индии ответило, что не имеет против этого возражений. В начале ноября 1925 года генеральный консул его британского величества в Кашгаре сообщил правительству Индии, что Рерих находится в Хотане с женой и сыном, и снял дом, в котором он намерен прожить несколько месяцев перед отъездом в Пекин. В 1926 году у Рериха возникли трудности с китайскими властями, которые разоружили и насильственно задержали группу. Он путешествовал с паспортом 1917 года, выданным русским Временным правительством, и заявлял, что является американским подданным. Как явствует, трудности с властями Хотана возникли из-за того, что они подозревали Рериха в съемке района Хотана. С помощью генерального консула его британского величества в Кашгаре ему, однако, удалось уйти из Хотана и направиться в Кашгар. Несмотря на беспокойные обстоятельства в Китае, Рерих настаивал на продолжении путешествия через страну. В феврале 1926 года Рерих и его группа покинули Кашгар. Их ружья и револьверы им были возвращены, когда они прибыли в Урумчи».

Майор Гиллан был совершенно уверен в антисоветской настроенности Рерихов, о чем постоянно писал в своих донесениях. Что же касается Николая Константиновича, то он с искренней симпатией и восхищением вспоминал о Кашгарском британском консуле:

«Приходят консул Гиллан с женою. Оказывается, оба они шотландцы. Среди шотландцев мы давно встречали симпатичных людей, и эти принадлежат к хорошему типу шотландских кланов»^[282].

Только 28 февраля экспедиция сумела покинуть Кашгар. Вся европейская колония собралась на проводы Рерихов. В это время часть каравана уже ушла вперед, так как из-за нехватки лошадей снаряжение отправили на повозках еще утром. Вместе с караваном кашгарские власти решили препроводить в Урумчи и одного преступника — благо экспедицию сопровождал отряд китайских военных. Правда, негласно они следили за Рерихом, чтобы тот случайно не изменил свой маршрут, а официально для того, чтобы защищать караван от бандитов.

Николай Константинович категорически возражал против такого попутчика. Преступника, под честное слово, отправили одного до следующего крупного города Аксу, где он сдался властям и потом снова присоединился к каравану. Только в Куче экспедиция, в конце концов,

избавилась от нежелательного спутника.

Оставив вдалеке Кашгар и британского консула, уверенного в том, что Николай Рерих надолго задержится в Урумчи, так как «Ситуация в восточных провинциях может создать трудности и опасности для продолжения их путешествия через Китай, но даже если это так, практически невозможным является то обстоятельство, что антиреволюционно-настроенному бывшему русскому подданному будет разрешено вернуться в Советскую Россию, если он даже будет просить об этом».

Постепенно становилось все жарче. Начиналась весна. На подходе к Карашару, в ущелье, стояла китайская застава. Рерихов попросили вновь предъявить свои паспорта — вот здесь как раз и помогло сопроводительное письмо губернатора Кашгара.

КРАСНЫЙ ВСАДНИК

В Карашаре, расположенном недалеко от озера Баграшкуль, вся семья Рерихов впервые почувствовала себя свободной от конвоя. Военные, посланные из Кашгара, в конце концов оставили экспедиционный караван.

Недалеко от города, в горах, находились развалины монастыря, и Рерихи свернули к нему. Как ни странно, но на всем протяжении похода экспедиция встречала много русских эмигрантов. Когда она находилась еще в городе Куче, Николай Рерих в своем путевом дневнике писал:

«Поехали смотреть американское предприятие Бреннера из Нью-Йорка. Дело кишечное и шерсти. Состав заведующих русский — П. Г. Полтавский, Дмитриев, целая артель трудящихся, бодрых людей. Своеобразная коммуна с ребятишками и радостным сознанием растущего труда. Дело развивается. При полной примитивности аппаратов надо любоваться прекрасными результатами. Вот разбирают и промывают шерсть. Вот на самодельном прессе прессуют ее. Тут же ждет вереница верблюдов, чтобы поднять белые вьюки шерсти и нести их в Россию, в Тяньцзинь, в порты на Европу и Америку. У всей артели нет книг, на всю братию лишь одно Евангелие и случайный том Короленко. Была радость, когда могли дать им старые газеты и две книги. Рассказы о делах, о сартах. Хвалят убитого таотая. Расспрашивают, что творится в мире. Дмитриев умело подходит к местным нравам путем религиозных рассуждений. Таким путем нетерпимость и суеверие, распространяемое муллами, находит отпор. А нетерпимости очень много. И много местных баев собирались задушить новое иностранное дело. Дмитриев и Полтавский являются пионерами Америки в этом крае. Полтавский послал своих детей девяти и двенадцати лет в Ташкент для образования. Малыши доехали одни через перевалы — ладно. Пишут отцу и хвалят жизнь. Дмитриев — алтаец родом. Вынес много странствий. Был разносчиком сластей. В переходах узнал край и нашел подходы к людям. Вся группа производит живое впечатление. Слушает рассказы наши об Америке. Дмитриев рассказывает о богатствах минеральных Торгоутского и Илийского края»^[283].

В Карашаре первым экспедицию встретил русский — эмигрант Сенкевич, представитель местного правителя Белиан-хана.

Казалось, вокруг были одни друзья, но и здесь Рерихи встретили со стороны местных властей противодействие. Им снова не разрешали продолжать путь по намеченному маршруту.

«Еще не настал вечер, как поступила новая синьцзянская гадость, — 28 марта Н. К. Рерих записал в дневнике. — Приезжает взволнованный Сенкевич и передает, что амбань не разрешает идти короткой горной дорогой, а указывает продолжать путь через пески и жар Токсуна, по длинному и скучному тракту. Новое глумление, новое насилие, новое издевательство над художником и человеком. Неужели мы не можем видеть монастырей? Неужели художник должен ездить одними сыпучими песками? Спешим к таотаю. Старик будто бы болен и не может принять. Секретарь его кричит с балкона, что ехать можно, что амбань устроит все нужное. Едем к амбаню. Его нет дома. Секретарь его говорит, что амбань „боится за нас из-за большого снега на горной дороге“. Мы объясняем, что теперь снега нет, что нам не надо идти через высокий Таже-даван, что мы пойдем через более низкий Сумун-даван.

В семь часов обещали принести ответ. Конечно, снег амбана вовсе не белого цвета... Ждем вечер и готовимся все-таки к отъезду. Вечером пришел ответ. Принесли его племянник таотая и почтмейстер. Конечно, ответ отрицательный. Несмотря на жару, на духоту и пыль, мы должны длинным путем идти через горячий Токсун. Елена Ивановна Рерих заявляет, что она умрет от жары, но китайцы улыбаются и сообщают, что у их губернатора сердце маленькое»^[284].

Посоветовавшись, Рерихи решили отправить в Урумчи телеграмму генерал-губернатору Синьцзяна:

«Будьте добры указать магистрату Карашара разрешить экспедиции Рериха следовать в Урумчи горной дорогой. Здоровье Е. И. Рерих не позволяет продолжать путь по знойной песчаной пустыне длинного пути. Горная дорога гораздо скорее позволит дойти до Урумчи».

Теперь оставалось только ждать ответа. Николай Константинович предложил на время перебраться выше в горы, в ставку торгутского хана, а затем и дальше в монастырь Шарсюме. Все встали с восходом солнца — торопясь уйти раньше, чтобы местные власти и исчезнувший на время конвой не успели выдумать новых причин для задержки. Экспедицию провожал Сенкевич.

«В широкополой шляпе и в желтом старом френче лихо сидит на иноходце, — вспоминал этот день Николай Рерих. — Точно выехал из ранчо Новой Мексики. Идем желтой степью, высокая трава. Солнце палит. На севере опять слабый силуэт гор, отдельные серые юрты, стада верблюдов. Наездники в круглых, тибетского покроя шапочках... доходим до ставки. Базар — чище, чем в сартских городах. Белые строения ставки торят на солнце. Стены, дворы, проезды выведены широко. Нас ведут через

широкий двор в большую комнату. Белые стены, черная китайская мебель, шкура медведей. Чаепитие. Приносят карточку от гегена-регента (за малолетством хана) — Добу-дунцорын-чунбол. Это тот самый перевоплощенец Сенген-ламы, о котором упомянуто в сиккимских заметках. Завтра увидим его. Стоять будем на поле за ставкой против гор — отличное ощущение»^[285].

Но местные власти не позволили экспедиции находиться в горах, потребовали немедленно спуститься в город. А после категорического отказа Рерихов вернуться, прислали солдат и в конце концов заставили караван двинуться по дороге, пролежавшей по жаркой пустыне.

«Вся цель экспедиции исчезла, — возмущался Николай Константинович. — Надо только мечтать скорей покинуть китайскую территорию. Через два часа идем требовать обратно наш паспорт и письмо о причинах высылки. Отдают паспорта при официальном письме о том, что высылка производится по требованию карашарского таотая по обвинению нас в съемке карт. Дают и арбы, только бы скорей нас вывезти. Говорю, что мне 52 года, что я был почетно встречен в двадцати трех странах и что теперь подвергаюсь в первый раз в жизни высылке — с территории полунезависимых торгутов. Какая тут независимость, это просто рабство. Унизительное рабство: вопреки всем обычаям Востока — выгнать гостя! И куда же мы пойдем? В жару Токсуна? И вынесет ли Елена Ивановна? Именно жару сердце ее не выносит. Где же ближайшая граница, чтобы укрыться от китайских мучителей?»^[286]

2 апреля Рерихи покинули Карашар, и только 11 апреля, пережив в пути песчаную бурю, оказались в Урумчи. Первое впечатление у Н. К. Рериха от этого города было восторженным:

«Широкая улица с низкими домами русской стройки. Читаем вывески: „Кондитерская“, „Ювелир“, „Товарищество Бардыгина“... Появляется посланный от фирмы Белиан-хана и везет нас в приготовленную квартиру. Низкий белый дом. Две комнаты и прихожая. Но вот затруднение: для нашего внедрения надо выселить двух русских, это так неприятно. Едем к Гмыркину — представителю Белиан-хана — посоветоваться. Оказывается, в Урумчи все переполнено. Домов нет. Придется стоять в юртах за городом. Это лучше. Юрий с Гмыркиным скачут искать место для стоянки. Ходят какие-то люди. Всем им обязательно нужно знать, кто мы, откуда, зачем, надолго ли, сколько людей с нами, что в ящиках? Обедаем у Гмыркиных. На обеде у Гмыркиных целый стол русских. Оказывается, сегодня важный день. Дугу призывал к себе дунган и заявил им, что ничего против них не

имеет. В начале марта здесь была мобилизация; при этом было объявлено, что призываются все, а дунган не нужно»^[287].

Чувствуя себя более спокойно и уверенно, Николай Константинович в первый же день, в Урумчи, решил разобраться с обидчиками и, используя свои связи, захотел организовать хоть какое-то расследование самоуправства губернаторов.

Неожиданно в лагере появился молодой китаец Чжу Дахен, отлично владевший русским языком. Он, как и все, улыбался, потом искренне возмущался поступками губернаторов Хотана и Карашара и уверял, что готов всячески помочь. Он тут же пригласил Юрия и Николая Константиновича к Фан Юаньняню — комиссару департамента иностранных дел Синьцзяна, и к самому Янь-дуту (Ян Цзинь-синю) — генерал-губернатору Синьцзяна. Чжу Дахен провел Рерихов через многочисленные ворота и закоулки. И вот они вместе с сановниками пьют чай. Те подкладывают им сахар и уверяют, что в Хотане и Карашаре местными властями были сделаны ошибки и что Рерихи, несомненно, великие люди и потому должны простить малых людей, запутавшихся в своих мелких страхах. Сановники наперебой убеждают уважаемых гостей, что ничего подобного повториться в Урумчи не может, так как здесь живут цивилизованные люди. Николай Константинович долго ждал хотя бы маленького намека на расследование, но китайские чиновники только охали и сочувствовали, а о разбирательстве не говорили ни слова.

Через год возглавив местных гоминьдановцев, этот же комиссар иностранных дел Фан Юаньнянь организовал убийство генерал-губернатора Синьцзяна Ян Цзиньсиня, надеясь добиться подчинения Синьцзяна центральному китайскому правительству. Но после гибели Яна пост наместника захватил комиссар департамента внутренних дел Цзинь Шучжэнь. Он заявил о подчинении Нанкину, но фактически оставил в Синьцзяне все без изменений. Гоминьдановские организации были закрыты, а Фан Юаньнянь и другие гоминьдановцы казнены.

В то время когда Николай Константинович и Юрий возвращались по тем же путаным закоулкам, обсуждая слова китайских сановников, солдаты перетряхивали экспедиционное снаряжение. Этот случай заставил Н. К. Рериха совершенно изменить маршрут каравана.

«Именно в ту минуту, — вспоминал Николай Константинович, — у нас был сделан подробный обыск полицмейстером в сопровождении татарина-переводчика. Опять Елена Ивановна была допрашиваема о наших художественных работах, опять вся нелепость была проделана от начала до

конца. Как же можно верить уверениям...»^[288]

Николай Константинович уже не сомневался, что путь необходимо держать в Советский Туркестан. А там, возможно при поддержке советских властей, более тщательно организовать свою экспедицию.

Однако генерал-губернатор китайской провинции Синьцзян был не так прост, как казалось на первый взгляд. Получив от англичан сведения о якобы антикитайской деятельности Рерихов, он приказал выслать с территории Синьцзяна тех иностранцев, которые помогали Н. К. Рериху и его экспедиции. Первым в этом списке, конечно, стоял советский консул в Кашгаре М. Ф. Думпис, он действительно сумел помочь Рерихам покинуть Хотан и оказаться в Урумчи. Следующими были другие русские, лояльно относившиеся к советской власти или тайно на нее работавшие, а значит, менее защищенные, нежели дипломаты.

Из Урумчи советский консул Е. А. Быстров уже давно отправил необходимые бумаги в Москву для получения разрешения экспедиции Рериха въехать на территорию Советской России. Но почта из Синьцзяна в Москву шла долго, да и китайские чиновники должны были взвесить все «за» и «против», прежде чем передавать письмо или телеграмму, полученную из страны Советов.

26 апреля Н. К. Рерих, ожидавший хороших вестей из Москвы, с горечью писал в дневнике:

«Сегодня иностранная колония провожает Сенкевичей. Уезжают они по требованию китайцев, ибо Сенкевич слишком многое знает. Почта задержалась на семь дней. Вероятно, препятствует ледоход на Иртыше»^[289].

Николай Константинович даже не предполагал, что разрешение на въезд и транзитные визы уже давно отправлены из Москвы, и только китайские власти намеренно задерживают их получение.

Во время разговора с Е. А. Быстрым Н. К. Рерих случайно узнал, что в советском представительстве давно лежит большой бюст Ленина, так и не установленный на территории консульства из-за того, что нет подходящего постамент. Николай Константинович пообещал консулу, что сделает необходимые эскизы, и уже на следующий день предложил свою концепцию памятника.

Монумент должен был представлять собой усеченную масонскую пирамиду, где вместо глаза расположилась бы голова Ленина. Эта идея всем очень понравилась. Вскоре при участии Н. К. Рериха началось сооружение постамент. Такая активная деятельность Николая

Константиновича очень насторожила местные власти. И поскольку английские дипломаты неоднократно предупреждали генерал-губернатора Синьцзяна о том, что художник, вероятно, является советским или американским шпионом, то теперь, когда начали в Урумчи возводить памятник вождю мирового пролетариата. Н. К. Рерих в глазах местных властей стал во много раз опаснее. Вскоре со стороны китайцев началось скрытое противодействие строительству.

«Местный священник сделал из Ленина кесаря, — писал Н. К. Рерих. — Какие-то люди из русской колонии затруднялись прийти на открытие памятника Ленину, опасаясь контрверзы с религией. Но священник сказал проповедь и указал:

— Воздайте Богу божие, а кесарю кесарево!

Тогда затруднение исчезло»^[290].

Дуту (генерал-губернатор), вконец перепуганный сообщениями английских агентов, решил запретить строительство памятника Ленину.

«Наконец дуту „просветился“, — с горечью написал в дневнике Николай Константинович, — и окончательно запретил открытие памятника Ленину. Интересно, какова будет судьба гигантских шагов, качелей, городков и клуба? Еще очень опасные занятия на дворе консульства — теннис. Не будет ли конфликта „водяного бога“ и с этой противозаконной игрой?»^[291]

В конце апреля Рерихи поняли, что чем больше они сближаются с работниками Советского консульства, тем хуже к ним относятся власти Урумчи. Уже ни письма, ни телеграммы не приходили, и у Рерихов теперь не осталось сомнений в том, что их умышленно задерживают.

Однажды появился местный полицейский, который спросил Елену Ивановну, не ведет ли ее муж дневник, на что она ответила, что дневник давно отослан из Кашгара в Америку. Рерихи боялись очередного обыска и решили наиболее важные бумаги передать советскому консулу Е. А. Быстрову, чтобы тот с оказией переслал дневники и документы им в Россию.

Праздник 1 мая 1926 года Рерихи отмечали в Советском консульстве. Из записок Николая Рериха:

«Первомайский праздник в консульстве. В 12.30 — обед с китайцами. Двор консульства красиво и красочно убран. Под большим навесом, увешанным яркими коврами, накрыты столы на сто человек. Рядом стоят три юрты для мусульман, где вся еда приготовлена без свинины под особым присмотром мусульманина. Перед юртами сиротливо стоит

усеченная пирамида — подножие запрещенного памятника. Невозможно понять, почему все революционные плакаты допустимы, почему китайские власти пьют за процветание коммунизма, но бюст Ленина не может стоять на готовом уже подножии. Вся иностранная колония в сборе: здесь и итальянцы, и немцы, и англичане, и сарты, и киргизы, и татары, и другие. Работа объединения, совершенная консулом Быстровым за полгода, поражающая. И все единодушно тянутся к нему с лучшими пожеланиями. Китайские власти все налицо, кроме самого дуту, который счел за благо „заболеть“ и предпочел послать вместо себя своего девятилетнего сына. Против нас сидит Фань. Он ничего не ест, кроме хлеба. Или диета, или ненависть, или верх подозрительности. Тут же сидит брат дуту — старик, ввергнутый в опалу своим правительствующим братом за либеральные воззрения. За обедом первым напился комендант крепости. Начал безобразничать, разбил несколько рюмок, толкнул ламу и, наконец, ногою подбросил поднос с мороженым. Этот случай с мороженым заставил китайцев принять меры, и комендант крепости был удален посредством полицмейстера и своих собственных солдат. Из китайцев больше всех был возмущен поведением коменданта девятилетний сын дуту. У него даже слезы выступили от негодования. Он забрал с собою разбитую рюмку, верно, чтобы представить своему отцу. Китайцы дружно чокались за процветание коммунизма.

Молодой хор спел несколько песен. Еще раз все потянулись к Быстрову с приветом. Гурьбою уехали китайцы. Е. П. Плотникова говорит мне: „А мы, бывало, ходили смотреть на вас в щелочку, когда вы приходили к Куинджи“. Оказывается, она знала и Архипа Ивановича, и жену его В. Л. И вот в Урумчи мы толкуем о Куинджи, вспоминаем его кормление птиц, вспоминаем его безбоязненные свободные речи, его анонимную помощь учащимся всех родов знания. Не ржавеет память Куинджи.

Так обидно, что „Ленин“ не успели написать на подножии „запрещенного“ памятника. Ведь к этому имени тянется весь мыслящий Восток, и самые различные люди встречаются на этом имени.

После обеда играют в городки и теннис. Через неделю будут открывать клуб. На маленькой сцене клуба кроме русских пьес предположено ставить мусульманские и китайские... Приносят куличи и яйца от Гмыркиных и М. Завтра Пасха»^[292].

Рерихи уже чувствовали что-то неладное, но еще не знали о том, что генерал-губернатор Синьцзяна считал Николая Константиновича опасным пропагандистом и искал любую возможность отправить экспедицию подальше от своей столицы.

«Вчера на обеде кто-то говорил нам, что вряд ли скоро удастся уехать из Урумчи, — писал Н. К. Рерих 2 мая. — Может ли это быть? Столько срочного, столько безотлагательного впереди, а здесь полное бездействие. Сидение на сундуках! Ожидание каждого дня. Ничего из Америки. Почему друзья не действуют там? Даже срок выезда Мориса и Зинаиды Лихтманов неизвестен. Впрочем, может быть, что-то опять на телеграфе или на почте пропало. Или телеграммы дойдут через полгода. Здесь и так бывает. Телеграмма от апреля дошла в октябре»^[293].

3 мая консул Е. А. Быстров сообщил Рерихам хорошую весть — пришла телеграмма, в которой говорилось, что экспедиции разрешено пересечь советскую границу. Отправлена она была еще 2 апреля 1926 года, когда Рерихи находились в Карашаре. Теперь становилось ясно, что оставаться так долго в Урумчи не было необходимости и что китайские власти специально задерживали выезд экспедиции из Синьцзяна.

На следующий день Николай Константинович устроил у себя в доме прощальную выставку. Посмотреть серию «Майтрейя» пришли Быстровы, Плотниковы, Яковлева, Зинькович, Алейников, Пурины, Краузе и другие. Начались приготовления к отъезду из Урумчи — сборы, укладка вещей и подготовка каравана.

Только 14 мая 1926 года Рерихи наконец получили у генерал-губернатора Синьцзяна экспедиционный паспорт до Пекина, длиною в рост человека. В паспорте было указано количество всех вещей и их подробное описание. Был проведен последний обыск снаряжения экспедиции, но ничего подозрительного найти не удалось, несмотря на то, что англичане в Урумчи прислали не одно сообщение об антикитайской деятельности Рериховской экспедиции.

К каравану власти приставили возчиков, выдававших себя за китайских подданных. На самом же деле они оказались русскими из Бухары. Когда это выяснилось, то началась чехарда с паспортами.

16 мая наконец караван смог покинуть Урумчи. Провожать Рерихов пришли Быстровы и почти все работники Советского консульства и Госторга. В этот же день на местной таможне китайский трехаршинный паспорт сберег экспедиционное имущество. Здесь все тщательно перепроверили, задали множество вопросов, но конфисковывать что-либо побоялись. Несмотря на скептическое отношение Николая Константиновича, такой экзотический паспорт исправно помогал Рерихам на всем пути экспедиции в Советскую Россию.

Ночью 23 мая, когда Рерихи все еще были на пути к российской границе, неожиданно им сообщили, что неподалеку остановились

«странные китайцы» и что у них какое-то секретное поручение от генерал-губернатора, и едут они то ли в Пекин, то ли в Москву. Вместе с таким сообщением Рерихам посоветовали уезжать немедленно, привязать или заглушить колокольцы и погасить огни. Зная характер генерал-губернатора, Николай Константинович не заставил себя долго уговаривать, и караван немедленно тронулся в путь.

На следующий день его нагнали эти «странные китайцы». Началось форменное безобразие — они тут же развели кизяковый огонь, выедающий глаза, капали везде маслом и обливали всех недопитым чаем, бесцеремонно вышагивали взад и вперед по лагерю, и все время плевали то на палатки, то в сторону Рерихов. Николай Константинович на такие провокации не обращал внимания. Не найдя больше никакого повода для конфликта, китайцы оставили лагерь и ушли.

27 мая предстоял следующий таможенный досмотр. На этот раз таможенник, предупрежденный «странными китайцами», которые обогнали караван, долго придирался к Н. К. Рериху и его экспедиции, изображая полное непонимание. Он хотел вскрыть печати генерал-губернатора, испортить паспорт, чтобы на следующей остановке экспедицию смогли задержать. Потом ему захотелось снова пересчитать все вещи и, наконец, он попытался вообще отнять китайский паспорт, выданный для следования в Пекин, на котором была русская виза. Просьбами и угрозами Рерихи еле отговорили таможенника от такой затеи. На все эти издевательства чиновника ушло около четырех часов, и только в шестом часу вечера Рерихи смогли продолжить свой путь. До следующей остановки было двадцать пять верст. Но караван не прошел и версты, как сломалось подпиленное кем-то колесо у телеги. Предстояла жуткая ночь в горах на самом опасном перевале. Поэтому благоразумнее было вернуться обратно к злополучному китайскому посту.

Все неприятности закончились только 28 мая, когда Рерихи миновали последний пограничный пост и вошли в первое русское село Покровское. Можно было в тот же день уехать на пароходе, но Рерихи поддались на уговоры местных жителей и остались в селе на три дня, до следующего рейса. 1 июня, добравшись до Тополевого Мыса, они пересели на корабль «Лобков», который повез их на встречу с новой Советской Россией. В Семипалатинск они прибыли в три часа утра. Николай Константинович заехал в Госторг с письмом от Быстрова. Здесь были получены новые бумаги, в Омский Совторгфлот, с просьбой выделить для Рерихов места в международном вагоне, и 8 июня они уже были в Омске, где впервые увидели свежие московские газеты, печатавшие статьи об успехах

экспедиции Н. К. Рериха.

После бесконечных издевательств синьцзянских властей Советская Россия показалась раем. В Омске, в местном отделении ОГПУ, Рерихов попросили сдать оружие на хранение. Николай Константинович не уставал поражаться особой предупредительности и заботливости советских чиновников. Управляющий Омским Совторгфлотом лично проводил Рерихов на железнодорожный вокзал, чтобы с именитыми гостями не произошло никакого недоразумения.

10 июня 1926 года Николай Константинович, Елена Ивановна, Юрий, ладакец Рамзана Кошаль и лама Лобзанг выехали из Омска в Москву — столицу Советской России. В донесениях ОГПУ сообщалось:

«Выехал в Москву художник Рерих с женой, сыном, тибетским ламой и мальчиком тибетцем»^[294].

Естественно, ОГПУ приставило своего агента к знаменитым иностранцам, и сам агент не скрывал, что сопровождает их в Москву, но держался на расстоянии и только иногда таинственно подмигивал Рерихам то на вокзале, то в поезде.

РОССИЯ, МОСКВА

Из Семипалатинска Николай Константинович отправил телеграмму в Нью-Йорк Зинаиде и Морису Лихтманам, чтобы они немедленно выезжали в Советскую Россию. Визы американские сотрудники получили сразу же после письма, присланного Еленой Ивановной еще из Кашгара:

«С восторгом читали „Известия“, прекрасное строительство там, и особенно тронуло нас почитание, которым окружено имя учителя — Ленина... Воистину это — новая страна, и ярко горит заря Учителя над нею... Пишу эти строки, а за окном звенят колокольчики караванов, идущих на Андижан, — в новую страну. Трудно достать лошадей, все потянулись туда».

16 апреля 1926 года в Америку пришла телеграмма о прибытии экспедиции Н. К. Рериха в Урумчи, а 28 апреля Морис и Зинаида Лихтманы выехали в Европу, чтобы оттуда отправиться в Советский Союз.

Встреча с Н. К. Рерихом была назначена в Москве. По странному совпадению и Лихтманы, и Рерихи прибыли в столицу в один и тот же день.

«Приехали утром в 11 часов, добрались до отеля и обнаружили там телеграмму, извещающую нас о том, что наши любимые также прибыли этим утром, — писала в своем дневнике Зинаида Лихтман 13 июня 1926 года. — Позвонили к ним в отель и узнали, что они только что приехали... Мы помчались туда и к огромной радости обнаружили, что Елена Ивановна приехала с сыном. Как прекрасно все они выглядели, и какая радость чувствовать их присутствие»^[295].

Приезд Николая Константиновича в Москву был связан не только с получением разрешения на продолжение экспедиции по территории Советского Горного Алтая, но и еще с одним щекотливым делом, о котором, возможно, догадывалась английская разведка, теперь с трудом контролировавшая Тибетские монастырские общины.

11 июня 1926 года нарком иностранных дел Г. В. Чичерин после встречи с Н. К. Рерихом писал к секретарю ЦК ВКП(б) В. М. Молотову:

«Тов. МОЛОТОВУ Копии Членам Политбюро...

Уважаемый товарищ.

Приехавший в Москву художник Рерих, большой знаток буддизма, только что объехал значительную часть Тибета и Китайского Туркестана. Он проник также в некоторые области северной Индии. Там имеются

буддийские общины, отвергающие официальный ламаизм и стоящие на точке зрения первоначального учения Будды с его примитивным потребительским коммунизмом. Это способствует их симпатии к коммунистической программе и к СССР. Это обстоятельство связывается с их борьбой против поддерживающих ламаизм официальных верхов буддийских государств.

Эти буддийские общины поручили Рериху возложить на гробницу Владимира Ильича небольшой ящик с землей того места, откуда происходил Будда. Рерих привез этот ящик и спрашивает, что с ним делать. Он предполагает передать его в Институт Ленина. Кроме того, эти буддийские общины прислали письмо с приветствиями Советскому государству. В этих приветствиях они выдвигают мысль о всемирном союзе между буддизмом и коммунизмом. Рерих предлагает передать эти письма точно так же в Институт Ленина.

Прилагаю переводы этих двух писем. Если бы с Вашей точки зрения было признано допустимым опубликование этих писем, то нужно будет еще выяснить у Рериха, возможно ли это с конспиративной точки зрения, ввиду крайне деспотических методов английских властей в этих местах. С коммунистическим приветом Г. В. Чичерин».

В письмах говорилось о том, что Николай Константинович Рерих является официальным представителем тибетских буддистских кругов, готовых начать переговоры с Советской Россией об освобождении Лхасы от почти оккупировавшей ее Англии и восстановлении на всей территории Тибета и Китайского Туркестана буддийского правления. При этом идеи коммунизма, отказавшегося от христианской религии, были ближе по своим идеям тибетским монахам, большей частью поддерживавших Таши-ламу как духовного правителя Тибета, вынужденного бежать из Лхасы от проанглийски настроенного светского правителя — Далай-ламы.

Вместе с письмами Николай Рерих привез шкатулку со священной землей Тибета как великий дар тибетских иерархов.

«Только глубокое осознание коммунизма дает полное благосостояние народам, — говорилось в первом письме. — Нам известно, что некоторые слои крестьянства не могут вместить идею коммунизма. Необходимо новое обстоятельство, которое введет их в русло истинной общины. Таким всемирным обязательством будет принятие коммунизма Буддийским сознанием.

Если Союз Советов признает буддизм учением коммунизма, то наши общины могут подать деятельную помощь, и сотни буддистов, рассыпанных по миру, дадут необходимую мощь неожиданности.

Доверяем посланному нашему Акдордже передать подробности нашего предложения — можем утверждать, что неотложно нужны меры для введения мирового коммунизма как ступени неотложной эволюции.

Посылаем землю на могилу брата нашего Махатмы Ленина.

Примите совет и привет наш».

Чтобы понять, насколько серьезно отнесся к письмам, привезенным Н. К. Рерихом, нарком иностранных дел Г. В. Чичерин, обратимся к проблеме, связанной с идеей присоединения Монголии к СССР. Причем понятие Монголии в этом случае включает в себя огромную территорию, часть из которой в конце концов осталась в составе Китая, а часть — в составе СССР.

В ходе гражданской войны в Китае осенью 1924 года вновь встал вопрос о Великой Монголии. Это произошло из-за неожиданного усиления У Пэйфу — одного из лидеров чжилийской группировки, поддерживаемого Америкой.

27 сентября 1924 года полномочный представитель СССР в Китае Л. М. Карахан сообщил наркому иностранных дел Г. В. Чичерину, что «победа У Пэйфу грозит еще и следующей неприятностью. Несомненно, что, покончив с Чжан Цзолинем и аньфуистами, У Пэйфу направит свое внимание на Внешнюю Монголию, и сейчас, в случае победы У Пэйфу, эта опасность может быть очень реальной, ибо У Пэйфу — фанатик, который носит с идеей объединения всего Китая вооруженной рукой»^[296].

В октябре 1924 года, во время противостояния между китайскими военными группировками — чжилийской прозападной (У Пэйфу) и фэньтяньской прояпонской (Чжан Цзолинь), командующий группой войск У Пэйфу, генерал Фэн Юйсян, прозванный за свои взгляды «христианским генералом», предал своего покровителя, поднял восстание и, воспользовавшись моментом, захватил Пекин. Он объявил о том, что сформировал новое правительство и будет проводить в жизнь новую внешнюю политику Китая. Естественно, советские дипломаты поспешили использовать новую расстановку сил для осуществления давней мечты — объединения Монголии и Китая в одно социалистическое государство, а если это будет возможным, и превращения Монголии в одну из социалистических республик СССР.

12 ноября 1924 года Л. М. Карахан писал Г. В. Чичерину: «Теперешний кабинет, созданный Фэном, я бы назвал лучшим кабинетом... для урегулирования вопроса о Монголии... Монгольские делегаты могут приехать в Пекин не для того, чтобы принять участие в строительстве нового Китая, что Вы считаете одиозным, а для того, чтобы вступить в

переговоры с пекинским правительством. Когда в Пекине такая каша, как сейчас... их можно было бы заставить принять такое соглашение с Монголией, которое было бы приемлемо и для нас, и для Монголии»^[297].

Но Фэн Юйсян не мог долго удерживать власть в Пекине. В конце ноября 1924 года, сознавая неустойчивость своего положения, Фэн Юйсян, воспользовавшись вспыхнувшим в городе Калгане бунтом, неожиданно перебросил туда свои войска, формально для умирения недовольных, а на самом деле — для подготовки новой военной базы на территории Внутренней Монголии. Одновременно он объявил свои войска «народно-революционной армией». 5 декабря 1924 года Л. М. Карахан докладывал Г. В. Чичерину: «Задача, которую поставил себе сейчас Фэн Юйсян, заключается в том, чтобы тем или иным способом заполучить себе несколько провинций, по возможности, ближе к нашим границам, а в дальнейшем — в комбинации с партией Гоминьдан, Монголией и нами укрепиться, увеличив свою армию и совершив новый переворот, который даст ему возможность создать сильное и устойчивое правительство. Мне кажется, что партия Гоминьдан должна установить хороший контакт с Фэном и иметь на своей стороне народную армию. Это увеличило бы удельный вес Сунь Ятсена на севере, и, когда наступит время, армия Фэна в комбинации с партией Гоминьдан решили бы положение на Севере»^[298].

Монгольское правительство такие перспективы не очень устраивали. А. Данзан, представитель Монголии в Москве, 22 ноября изложил в письме Г. В. Чичерину свою позицию: «Правительство полагает, что СССР примет меры, чтобы убедить Сунь Ятсена не увлекаться пекинскими перспективами „Объединения“, тем более что Сунь уже был раз использован покойным Юанем для укрепления реакционной власти... Правительство просит Народный комиссариат иностранных дел принять меры, чтобы Пекин непосредственно сделал Урге предложение о посылке представителя. Правительство намерено через будущего неофициального представителя в Пекине потребовать гарантии национальных интересов монгольского народа, восстановления автономии Барги, предоставления автономии синьцзянским монголам и предоставление во временное управление Монголии округов Жехе-гол, Чахар, Суйюань»^[299].

Еще осенью 1924 года, когда экспедиция Николая Рериха была на пути в Хотан, резко обострилась обстановка на монгольской границе с Синьцзяном. Дело в том, что часть населения Западной Монголии, в основном казахи и киргизы, недовольные мерами Урги по объединению монгольских племен, перешли границу Китая и поселились близ города

Шара-Сумэ. Монгольское правительство попыталось силой вернуть беженцев. С августа по октябрь 1924 года между монгольскими и китайскими пограничными отрядами постоянно происходили столкновения, при этом монгольское правительство заявляло синьцзянским властям свои претензии на территорию Алтайского округа.

«Алтайский округ во времена прежнего господства Цин находился под управлением кобдоского наместника... — читаем в одном из ультиматумов, посланных из Урги (Улан-Батора) в столицу Синьцзяна Урумчи. — Алтайский Урянхай и другие хошуны, а также массы казахов, придерживаясь прежнего законного управления, охотно подчинились правительству прежней автономной Монголии. Они... и сейчас неоднократно обращались к нынешнему монгольскому правительству с просьбой об управлении ими по-старому».

Вопрос о статусе Алтайского округа в составе Синьцзяна вставал еще в мае 1924 года, когда Китайскому правительству было заявлено:

«Наше монгольское правительство, следуя помыслам народа, организовало для алтайских урянхайцев отдельный аймак. Ваше же китайское правительство, жестоко подавив национальные права монголов, живущих в Алтайском округе, самовольно присоединило эту область к провинции Синьцзян, организовало уезд, а подданных монголов, не спрашивая их согласия, отдало под управление высокого чиновника... Право Китая захватывать Алтайский округ и управлять им не имеет никакого отношения к учению великой китайской революции, а проистекает из произвола силы».

Тем временем войска генерала Фэн Юйсяна, поддержанные Коминтерном и Гоминьданом, вошли на территорию Синьцзяна. В начале 1925 года руководство Коминтерна, совместно с иностранным отделом ОГПУ, который возглавлял Меер Абрамович Трилиссер, изучало возможность нанесения удара в тыл маньчжурскому правителю Чжан Цзолиню из Монголии через Баргу. Причем встал вопрос о полном отделении Внутренней Монголии от Китая. 22 июля 1925 года М. А. Трилиссер писал в секретном донесении наркому иностранных дел Г. В. Чичерину: «Баргинские экстремисты еще с 1912 г. сохранили организационные силы и традиции по борьбе за отделение Барги от Китая... и способность к быстрой военной организации партизанских отрядов... Необходимо использовать таких влиятельных князей, как Даманда, Наймэ-ван, Фушуна, Цэдагуна и др., способных предоставить до 1000 всадников»^[300].

С июня 1925 года советское оружие перебрасывалось во Внутреннюю

Монголию в Калган для вооружения народной армии Фэн Юйсяна. Первоначально оружие шло из Верхнеудинска (Улан-Удэ) до Калгана, путь каравана занимал в среднем две недели, потом, после переговоров с правительством Монголии, оружие переправлялось через Ургу (Улан-Батор). Советское правительство тратило на вооружение Фэн Юйсяна более 1 миллиона долларов в год. Эта сумма по сравнению с 20 миллионами долларов, ассигнованными Японией на вооружение Чжан Цзолиня, казалась не столь огромной. Для правительства Советской России это были все же не малые затраты, но военные действия в Синьцзяне могли привести к великой азиатской социалистической революции. Все эти обстоятельства только усугублялись желанием монгольского правительства присоединить к себе все территории Внутренней Монголии и часть территории Синьцзяна, против чего категорически выступал Фэн Юйсян.

В такой ситуации возможность получить новых союзников в Тибете очень заинтересовала наркома Г. В. Чичерина, но та форма, в которой подавалась идея объединения многих народов Востока, все-таки шла вразрез с основной линией партии. Во втором тибетском письме, которое Николай Рерих вручил Чичерину, были такие слова:

«На Гималаях Мы знаем совершаемое Вами.
Вы упразднили церковь, ставшую рассадником суеверия.
Вы уничтожили мещанство, ставшее проводником
предрассудков.
Вы разрушили тюрьму воспитания.
Вы уничтожили семью лицемерия.
Вы сожгли войско рабов.
Вы раздавили пауков наживы.
Вы закрыли ворота ночных притонов.
Вы избавили землю от предателей денежных.
Вы признали, что религия есть учение всеобъемлемости
материи.
Вы признали ничтожность личной собственности.
Вы угадали эволюцию Общины.
Вы указали на значение познания.
Вы преклонились перед красотой.
Вы принесли детям всю мощь Космоса.
Вы открыли окна дворцов.
Вы увидели неотложность построения новых домов Общего
Блага!

Мы остановили восстание в Индии, когда оно было преждевременным, также признали своевременность Вашего движения и посылаем Вам всю нашу помощь, утверждая Единение Азии!

Знаем, многие построения совершатся в 28–31–36 годах.

Привет Вам, ищущим Общего Блага! Дано в Бурхан Булате 1925 год».

Г. В. Чичерин проявил неподдельный интерес к словам Н. К. Рериха и просил всех оказывать содействие этому странному «полубуддисту-полукоммунисту». Предложение наладить связь с тибетскими иерархами, пусть даже посредством русского эмигранта, выступавшего некогда против советской власти, было заманчивым, и Г. В. Чичерин принял его без колебаний.

Кого же представлял Николай Константинович, когда с официальным визитом отправился в Министерство иностранных дел? Сторонников бежавшего из Лхасы Таши-ламы или другие силы?

Япония в 1926 году уже понимала, что значит благосклонность тибетских иерархов. В Токио давно обратили внимание на Таши-ламу, бежавшего из Тибета и не схваченного благодаря постоянным переездам по территории от Пекина до Внутренней Монголии. В сентябре 1926 года в Нагасаки японскими властями, при участии Таши-ламы, был проведен съезд. С этого момента любые передвижения Таши-ламы по Востоку вызывали международный резонанс и привлекали пристальное внимание всего мира, в том числе и Москвы. Полномочный представитель СССР в Монголии П. Н. Никифоров в одном из секретных донесений в Москву передавал свою беседу с представителем Далай-ламы в Улан-Баторе. Он писал, что по информации из Тибета, в Пекине Таши-ламе (Панчен-ламе) чинят препятствия, и что, может быть, советскому правительству «пора вмешаться, в смысле содействия возвращению Панчен-ламы в Тибет, и если нужно, то помочь бежать из Китая»^[301].

План П. Н. Никифорова получил одобрение у наркома иностранных дел Г. В. Чичерина. Участие Н. К. Рериха в организации переговоров с Таши-ламой тщательно скрывалось. П. Н. Никифоров, ничего не зная о посланиях, врученных Н. К. Рерихом Советскому правительству, в декабре 1926 года из Улан-Батора писал в одном из донесений:

«В Монголии, в настоящее время в Улан-Баторе, появился известный художник, путешественник Николай Константинович Рерих, который в августе направляется в Тибет. Этот Рерих настойчиво ставит вопрос о

необходимости возвращения Богдо [Таши-ламы] в Тибет, приводя теологические обоснования. Я полагаю, что Рерих на кого-то работает, а может быть, даже хочет установить наше отношение к этому вопросу»^[302].

Николай Константинович получил временное разрешение на пребывание в столице, при этом ему категорически запретили посещение Ленинграда:

«Гр. Рериху, с семьей едущему в Америку по транзитной визе, разрешено временное пребывание в городе Москве на срок 14 дней до 29 июня 1926 г. без права выезда в другие города и местности Союза ССР. 15 июня 1926 г. № 6-р г. Москва»^[303].

Целую неделю Николай Константинович вместе с приехавшим к нему из Ленинграда братом Борисом ходил по всевозможным инстанциям, оформляя документы для получения концессий на разработку месторождений в Алтайском крае. Н. К. Константинович хотел добиться регистрации, в соответствии с советскими законами, корпорации «Белуха» для разработки месторождений.

Вскоре у Н. К. Рериха состоялись встречи с руководством ОГПУ и Концессионного комитета, а потом с начальником горного отдела Главного экономического управления ВСНХ В. М. Свердловым, он побывал дома у жены Л. Д. Троцкого, возглавлявшего тогда концессионный комитет, у наркома иностранных дел Г. В. Чичерина, у наркома просвещения А. В. Луначарского, у Л. Б. Каменева и даже у Н. К. Крупской. Стоило только назвать имя Николая Рериха, и все двери открывались. Пока Николай Константинович ходил на деловые встречи, Юрий вместе с матерью, Зинаидой и Морисом Лихтманами посещали московские музеи. Составлял им компанию и приехавший вместе с ними в Москву тибетский лама. После 20 июня, когда в одной из газет появилась маленькая заметка о том, что в Москву приехал известный художник, гостиницу стали осаждать и старые знакомые, и просто любопытные.

7 июля выяснилось, что для отправки в Америку собранных в экспедиции предметов искусства необходимо специальное разрешение музейного отдела ЦК. Такое же разрешение требовалось и на вывоз картин самого Н. К. Рериха. Весь следующий день с раннего утра Морис Лихтман с Николаем Константиновичем ходили по инстанциям, собирая необходимые документы. Но все эти хлопоты не помешали Рерихам увидеться со старыми друзьями: К. С. Станиславским, А. В. Щусевым, А. А. Бахрушиным, И. Э. Грабарем.

Но не все встречи были так приятны для Николая Константиновича.

«Красная газета» опубликовала интервью с А. Бенуа, в нем он пересказал практически все сплетни о Н. К. Рерихе. Позже, в январе 1927 года, Николай Константинович писал в Америку:

«Даже А. Н. Бенуа был введен в заблуждение и сообщил парижские сплетни о Тибете и о папском проклятии. Когда, по беседе Бенуа, я был в Лхасе, именно тогда я проезжал Москву. А один старый чудак в Ленинграде так размахался, что при упоминании моего имени кричал: — „К черту Гималаи“. Забавно».

Несколько раз в своих «Листах дневника» Н. К. Рерих с обидой вспоминал это злополучное интервью, которое могло тогда изменить благосклонное отношение советских властей.

«Третий раз Бенуа вредительствовал в 1926 году в Москве, где мы оба были одновременно. Он знал, что его газетная клевета могла быть вредною, и тем не менее он давал в газеты облыжные измышления»^[304].

«Не однажды Бенуа давал обо мне необоснованные, вредительские сообщения. Когда летом 1926 года Бенуа и мы были на Родине, он ухитрился дать в московских газетах измышленное известие о том, что Папа меня проклял. Спрашивается, к чему такое сочинительство?»^[305]

Неудачно сложилась и судьба картин из серии «Майтрея», переданных наркому просвещения А. В. Луначарскому. Восемь картин нарком вначале принял с радостью, но вот определить их в какой-либо музей не смог, так как художественная комиссия посчитала их некоммунистическими и несколько декадентскими.

В письмах Николай Константинович неоднократно спрашивал Игоря Грабаря о судьбе этих картин. Но Игорь Эммануилович долго не мог рассказать ему правду, и только после выхода в свет в 1937 году своей «Автобиографии», где были такие строки: «Рерих предложил в дар советским музеям целую сюиту своих монгольских картин, но их отклонили», — он решился сообщить Н. К. Рериху, что картины, переданные им Луначарскому, так и не были определены в государственный музей, а после долгих споров отданы А. М. Горькому, на даче которого они и висели до самой его смерти. Николай Константинович с некоторой досадой записал в дневник:

«Грабарь пишет много о благоустройстве жизни художества. Между прочим, он сообщает, что моя серия „Красный Всадник“ (привезенная нами в Москву в 1926 году) находится в Музее Горького в Горках, где он жил и скончался. Вдвойне я этому порадовался. Во-первых, Алексей Максимович выказывал мне много дружества и называл великим интуитивистом. Во-

вторых, восемь картин „Красного Всадника“ — гималайские, и я почувал, что в них Алексей Максимович тянулся к Востоку. Не забуду его рассказ о встрече с факиром на Кавказе»^[306].

Об этой серии картин вспоминала и художник Валентина Михайловна Ходасевич, дочь старшего брата известного поэта:

«В один из приездов в 1935 году в Горки в столовой я увидела развешанными на стенах восемь картин Н. Рериха. Они озарили довольно неуютную большую столовую и поражали (как всегда рериховские вещи) каким-то свечением красок. Эти картины в основном запомнились по цвету — золотисто-лимонному, оранжевому и багряному. Как мне сказали, Рерих был проездом через СССР из Гималаев в Америку и оставил эти вещи в Москве. Картины эти нравились Алексею Максимовичу. Правда, он говорил про них лишь: „любопытные вещи“. Более ранние работы Рериха Горький больше ценил и отдавал ему должное как одному из крупнейших самобытных русских художников»^[307].

Предстоящий переезд экспедиции Н. К. Рериха на Алтай и далее через Монголию в Лхасу тщательно скрывался ее участниками, и на то были причины. Наибольшее противодействие продвижению экспедиции в Тибет оказывали английские спецслужбы, да и китайские власти не отличались особенным дружелюбием. Поэтому всем знакомым говорили, что дальнейший путь экспедиции пройдет через Абиссинию (Эфиопию), и далее — в Центральную Африку.

Игорь Грабарь в книге «Моя жизнь. Автобиография» писал о своем удивлении и непонимании того, почему же Рерих его убеждал в том, что экспедиция держит путь в Африку. В воспоминаниях он досадовал на Николая Константиновича за его вынужденную скрытность:

«Вернувшись из какой-то командировки, я узнал, что ко мне неоднократно звонил Рерих, приехавший в Москву и остановившийся в Гранд-отеле. На следующий день я столкнулся с ним у входа в отель, и он повел меня к себе. Большой номер был весь завален огромными вализами, упакованными в отъезд.

— Завтра уезжаем.

— Куда?

— В Абиссинию.

— Зачем?

— Там есть такое замечательное озеро, что из-за него одного стоит туда ехать.

И Рерих назвал мне мудреное наименование озера. Он действительно

на другой день уехал с семьей, но говорили, будто не в Абиссинию, а снова в Монголию. Проверить я этого не мог, но если это так, то непонятно, для чего было уверять меня, что он едет в Абиссинию.

В тот же день я виделся с А. В. Луначарским, спросившим меня, были у меня Рерих. Я сказал, что был у него в номере и очень удивился, узнав, что он завтра вновь уезжает.

— Ах, какой занятный человек, — сказал Анатолий Васильевич с усмешкой, — уверяет, что он коммунист, но на мистической основе. И с какими референциями он к нам приехал»^[308].

Зимой 1925 года, когда рериховская экспедиция находилась еще в Хотане, Игорь Грабарь, только что вернувшийся из Нью-Йорка, где он проводил выставку советских художников, был вызван наркомом иностранных дел Г. В. Чичериным.

«Зимою 1925/26 года меня вызвал из Наркоминдела к телефону Г. В. Чичерин и спросил, не знаю ли я, где может находиться в данное время художник Рерих, — вспоминал позднее И. Э. Грабарь. — Я сказал, что, по моим сведениям, он в 1924 году уехал к Рабиндранату Тагору в Индию, откуда собирался пробраться в Тибет; вернее всего, что он все еще где-нибудь там, ибо едва ли успел за это время вернуться в Нью-Йорк.

— Какого-то художника Рериха с женой и сыном задержали недавно в Монголии; может быть, это тот самый?

— Несомненно, это он.

— А как вы думаете, желательно его возвращение к нам?

— Возвращение Рериха, художника столь значительного и столь известного, можно только приветствовать»^[309].

Вначале приезд Николая Константиновича в Москву рассматривался как его возвращение на родину. Но планы у Рериха были иные.

Уже находясь в Новосибирске, 22 июля 1926 года Зинаида Лихтман записала в дневнике: «...Они оба (Елена Ивановна и Николай Константинович) советуют нам не скрывать нынешнюю поездку от Гребенщикова. Говорить, что у Н. К. все идет замечательно, но теперь он направляется в Абиссинию, и мы действительно не знаем его адреса»^[310].

Английские и американские газеты сразу подхватили эту весть и на все лады обсуждали дальнейший маршрут Художественной экспедиции Рериха. 25 июля «New York Times» опубликовала заметку «Рерих на пути в Африку. Художник и его экспедиция оставляют Москву для Абиссинии». Дезинформация удалась, весь мир считал, что Рерих едет в Африку.

«Экспедиция искусства, возглавляемая профессором Николаем

Рерихом, — писала газета, — собирается оставить Москву и отбыть в Африку, где будет продолжать работу в Абиссинии и Центральной Африке — так было заявлено вчера Международным Центром Искусства (International Art Center), „Короной Мунди“ (Corona Mundi), 310 Riverside Drive...»

«Экспедиция оставила Нью-Йорк в 1923 году, чтобы получить панораму картин Востока, а также сокровищ искусства. Рерих посетил Тибет, Малый Тибет и Индию и Китайский Туркестан, где работе препятствовал таотай, который угрожал, что возвратит экспедицию через Каракумский перевал, зимой это означало бы смерть. Благодаря вмешательству Государственного департамента, экспедиция была выпущена и пришла в Омск, а оттуда в Москву, где Рериха встретил дружественный прием у Луначарского, министра образования, и Станиславского, директора Московского театра искусства...»

«Экспедиция привезла более 150 картин, которые располагаются в одном из залов Музея Рериха (Roerich Museum) в нашем городе (Нью-Йорке)»^[311].

Несмотря на исчерпывающую публикацию, английская разведка не могла понять, каким образом Николай Рерих, занимавшийся до недавнего времени антибольшевистской пропагандой, до сих пор не арестован.

В одном из отчетов английской разведки, составленном в 1932 году, читаем:

«Узнав об изменении плана Рериха, МИД в Лондоне запросил британского поверенного в делах в Москве, который сообщил, что он ничего не слышал об их группе, но что Рерих, являясь владельцем паспорта, выданного Временным правительством (1917), почти точно будет арестован, если он вступит на советскую территорию».

«В подтверждение того факта, что группа проследовала в Москву, колониальное Министерство по делам Индии специально попросило бюро паспортного контроля внести группу в список лиц, которым визы не выдаются без разрешения самого правительства. В группу входили: Николай Рерих, его два сына, Юрий и Святослав, и Владимир Шибаев...»

«В апреле 1927 года Британская миссия в Москве сообщила, что Рерих прибыл в советскую столицу в конце 1926 года, затем отправился в Ленинград на два или три месяца, и там в научных кругах с ним обращались как с важным лицом. Миссия также доложила, что она не располагает сведениями, каким образом Рерихи преодолели трудности, связанные с гражданством, но установила, что он добился благосклонности Советов и, возможно, стал советским гражданином. Сообщалось, что из

Ленинграда он уехал в Монголию, а затем в Ургу».

А через год агент английской разведки писал из Москвы: «Я сообщил, что профессор Рерих прибыл в Москву осенью прошлого года, вскоре после отъезда из Урумчи. Он вошел в контакт с единомышленниками в Москве, а затем проследовал в Ленинград на два или три месяца, где в научных кругах с ним обращались, как с лицом явно важным. Я не имею информации о том, встретил ли он какие-либо трудности, связанные с его гражданством, но мне сообщают, что он проявляет симпатии к Советам, и не исключено, что он стал советским гражданином»^[312].

Но Николай Константинович становиться советским гражданином не собирался. Еще в Урумчи он уговорил консула А. Е. Быстрова сделать вид, что вторая телеграмма, присланная наркомом иностранных дел Чичериным, о необходимости принятия Рерихом советского гражданства, пришла в посольство якобы уже после того, как экспедиция покинула Синьцзян. А. Е. Быстров, рискуя многим, даже ценой своей жизни, выполнил просьбу мастера, поскольку стал поклонником философского творчества Николая Константиновича и Елены Ивановны Рерихов.

Рерихи покидали Москву спешно, в день похорон Ф. Э. Дзержинского, скоропостижно скончавшегося после очередного заседания пленума ЦК партии.

Прочитаем дневник Зинаиды Лихтман, написанный, для конспирации, на английском языке:

«22 июля 1926 года... похороны и толпы людей, музыка, пушечные залпы, все выдающиеся личности проходят мимо — мы стоим на балконе [гостиницы „Метрополь“]. Очень нервничаем, что можем опоздать к поезду; наконец подъехали три автомобиля, и мы, среди огромных толп людей, военных со знаменами, громкой музыки, удостаиваемся самых удивительных, необычных проводов. Люди дружелюбны, очень заинтересованы, наблюдают за нами, приветствуют нас, посылают приветствия далеким друзьям в Америке. Участники похоронной процессии на нашем пути великодушно расступаются, как по волшебству, даже почтительно, давая нам проехать. Незабываемый день, великий отъезд. Е. И. вспомнила виденный ею сон: их пятеро, идущих сквозь толпы, музыка, солдаты в синих фуражках, знамена, — и ей было сказано, что это в Москве»^[313].

Солдаты в синих фуражках могли прийти и за ними, если бы они вовремя не покинули Москву.

АЛТАЙ

26 июля 1926 года поезд с участниками Первой Американской Центрально-Азиатской экспедиции прибыл из Москвы в Новониколаевск (Новосибирск). Оттуда все отправились по Оби в город Бийск, с пересадкой в Барнауле. Пароход опаздывал на целые сутки, и пришлось задержаться в Барнауле. Николай Константинович за это время успел встретиться с местными художниками и со своим бывшим учеником А. Н. Борисовым, который вел в городе студию.

30 июля начался второй этап экспедиции. Предстояло пройти многие километры по Горному Алтаю, чтобы оказаться вблизи знаменитой горы Белуха. В этом путешествии принимал участие тибетский лама Лобзанг, сопровождавший Николая Константиновича от самого Леха. Зинаида Григорьевна Лихтман называла его Геген.

У Рерихов был еще один спутник, который прошел вместе со всеми большую часть экспедиционного маршрута — старший караванщик, молодой ладакец Рамзана Кошаль, но он неожиданно решил покинуть лагерь.

«Рамзана ушел в Ладак, — сокрушался Николай Константинович, — не вынес северных низин.

— Или уйду, или умру.

Конечно, вся жизнь ладакцев проходит на высотах не ниже двенадцати тысяч футов. Жаль Рамзану. Спокойно оставляли на ладакцев охрану всех вещей. А ойротские ямщики на ладакцев не похожи»^[314].

8 августа Н. К. Рерих завел разговор о Г. Д. Гребенщикове и о издательстве «Алатас». К этому времени было выпущено около десяти книг, среди них: три тома эпопеи «Чураевы» и «Былина о Микуле Буяновиче» Г. Гребенщикова, «Николины притчи — Звенигород Окликанный» А. Ремизова, «Пути Благословения» Н. Рериха и «Чаша Востока» — письма Махатм в переводе Е. И. Рерих. Уже готовились к изданию очередные тома эпопеи Г. Гребенщикова «Чураевы», книги К. Бальмонта — «Голубая подкова. Стихи о Сибири», А. Ремизова — «Клятвенный камень».

Многочисленные хвалебные отзывы прессы о книгах «Алатаса» сделали издательство известным в Америке и Европе.

Целый день Рерихи обсуждали разные неприятности, связанные с «Алатасом» и Г. Д. Гребенщиковым. Несмотря на авторитет, издательство

было убыточным. Стало ясно, что в Европе, в Америке и в России невозможно было сколько-нибудь выгодно продать книги.

Именно это и привело в дальнейшем к тому, что по особому соглашению, подписанному 17 марта 1927 года между корпорацией «Алатас» и Г. Д. Гребенщиковым, издательство перешло в его личное ведение и было перенесено из Нью-Йорка в русско-американскую старообрядческую общину «Чураевка».

Теперь путешествуя по Алтаю, Н. К. Рерих не раз вспоминал Гребенщикова.

«Поповцы, беспоповцы, стригуны, прыгуны, поморцы, нетовцы (ничего не признающие, но считающие себя „по старой вере“), — писал в дневнике Николай Константинович. — Сколько непонятных толков. А к Забайкалью среди семейских, т. е. староверов, ссылавшихся в Сибирь целыми семьями, еще причисляются и темноверцы, и калашники. Темноверцы — каждый имеет свою закрытую створками икону и молится ей один. Если бы кто-то помолился на ту же икону, то она сделается оскверненной и негодной. Еще страннее калашники. Они молятся на икону через круглое отверстие в калаче. Много чего слышали, но такого темноверия не приходилось ни видеть, ни читать. В лето 1926 года! Тут же и хлысты, и пашковцы, и штундисты, и молокане. И к ним уже стучится поворотливый католический падре. Среди зеленых и синих холмов, среди таежных зарослей не видеть всех измышлений. По бороде и по низкой повязке не поймете, что везет с собою грязно одетый встречник»^[315].

Николай Рерих теперь понимал, с какими трудностями может встретиться организованная для разработки полезных ископаемых американская корпорация «Белуха» в Горном Алтае. 14 августа в Верхнем Уймоне Н. К. Рерих натолкнулся на караван другой экспедиции, также занимавшейся разведкой полезных ископаемых. Руководил ею советский инженер-геолог Падуров, который рассказал, что ленинградские ученые намерены организовать в следующем году более масштабную экспедицию в эти места. Рериху надо было спешить, но где взять людей? Проводник по пути показывал заброшенные шахты, заводы. Под ногами находили золото и каменный уголь — край был действительно богатым. Из Верхнего Уймона Николай Рерих посылал письма в Москву наркому Г. В. Чичерину и в Горно-Алтайск председателю облисполкома Алагызову. Он надеялся, что советские чиновники поддержат его идею культурного строительства в Алтайском крае. Но, по мнению партии, «полубуддист» Н. К. Рерих, да к тому же и американец, не должен был заниматься просветительской деятельностью в советском Алтае.

В Усть-Кане находилась последняя телеграфная станция. Рерихи решили дать телеграмму в Америку, но телеграфист так испугался, что предложил Рерихам послать телеграмму почтой в Бийск.

«Ему не приходилось иметь дело с таким страшным зверем, как Америка, — читаем в дневнике Н. К. Рериха. — Но мы настаиваем, и он обещает послать, но предварительно запросив Бийск»^[316].

На протяжении всего пути Н. К. Рерих заводил разговоры с местными жителями, чтобы выяснить их отношение к американцам и возможному масштабному строительству в Горном Алтае:

«Кооператор Вахрамеев бодро толкует:

— Мы-то выдержим, только бы машины не лопнули. Пора бы их переменить.

И считает он число подвод с сельскими машинами.

— Приезжайте с нами работать, — зовут американцев. Этот дружеский зов прошел по всей Азии»^[317].

Николай Константинович вместе с семьей намеревался после окончания всех странствий поселиться в Горном Алтае, но все больше и больше убеждался в невозможности такого кардинального решения. Объединение коммунизма с буддизмом в Горном Алтае оказалось неосуществимым. Впереди их ждала далекая Монголия и еще более далекий, но заманчивый Тибет.

Время шло, Николай Рерих теперь видел, что советский Алтай не сможет стать основой для корпорации «Белуха».

26 августа 1926 года Рерихи вместе с Зинаидой и Морисом Лихтманами выехали на пароходе «Жорес» из Бийска в Новониколаевск. Телеграммы для Америки в Бийск так и не пришли, и только 27 августа, в Новониколаевске, стало возможным хоть какое-то сообщение с Америкой. 30 августа из Ленинграда приехал брат Н. К. Рериха Борис, он рассказал некоторые новости:

«— Толкуют, что вы пропали.

— Неужели во второй раз... похоронят? Откуда это неиссякаемое стремление клеветы и всяких ложных выдумок?

— Говорят, что много распространено поддельных картин... Рассказывают целые забавные истории и даже называют несколько имен, таким порядком... заработавших. Говорят, В. и Р. — один в Ленинграде, а другой в Москве поработали»^[318].

Из Новониколаевска пути участников экспедиции разошлись. Не дожидаясь родителей, Юрий уехал в Верхнеудинск (Улан-Удэ), Морис и

Зинаида Лихтманы уже упаковали вещи и готовились к отъезду в Нью-Йорк, транзитом через Москву, а Борис Константинович с нетерпением ждал возможности вернуться в Ленинград.

3 сентября Лихтманы и Борис Рерих сели на московский поезд, Николай Константинович и Елена Ивановна стали собираться в дальнюю дорогу в Верхнеудинск, откуда было рукой подать до столицы Монголии Урги (Улан-Батора).

«Незачем слишком ограничивать себя Белухой, — писала в эти дни в своем дневнике Елена Ивановна Рерих. — Задача всей Азии шире — Гималаи тоже могут быть столицей. Север и юг должны быть уравновешены. Каждый приносит камень к любимому месту — так безграничен план»^[319].

УРГА — ТИБЕТ

Утром 9 сентября 1926 года на двух автомобилях Николай Константинович, Елена Ивановна и Юрий выехали из Верхнеудинска по направлению к Монголии.

Вскоре экспедиция остановилась в пограничном городке Троицкосавске (Кяхта). Дальше простиралась территория другого государства.

«Около полуночи, в кромешной темноте, мы въехали в Троицкосавск и направились к большой белой гостинице, которая по удобствам превосходила гостиницу в Верхнеудинске. — вспоминал Юрий Рерих. — На следующий день члены экспедиции отправились на пограничный пост отметить свои паспорта. После завершения необходимых формальностей мы пересекли границу и направились к небольшому караульному посту, где находились монгольские солдаты, одетые в меховые тулупы и вооруженные современными ружьями и саблями. Один из солдат запрыгнул в машину и сопровождал нас до монгольского пограничного города Алтын-Булака, известного прежде под названием Маймачен, — главного пограничного пакгауза китайской торговли... Мы стояли у великого географического рубежа: позади остались таежные просторы Сибири, а впереди, насколько видит глаз, простираются обширные степи Центральной Азии. Алтын-Булак — небольшой городок со смешанным населением из русских, монголов и китайцев. Во время жестоких сражений возле Троицкосавска и Алтын-Булака в 1918–1921 гг. город был стерт с лица земли, а китайское население уничтожено»^[320].

Комиссар монгольской заставы находился в отъезде, и экспедиции пришлось довольно долго ждать его в управлении. По словам Юрия, это был небольшой дом в полукитайском, полуевропейском стиле. В комнатах стояли длинные столы, за которыми на высоких табуретах сидели монгольские служащие в национальных халатах, подпоясанных широкими поясами красного и желтого цвета, и больших сапогах с загнутыми носами. Монголов удивило, что американская экспедиция двигалась в их страну через Советскую Россию. Один из них долго расхаживал по комнате и, остановившись перед Рерихами, задумчиво произнес:

— Америка.

В это время другой служащий пограничной заставы, молодой секретарь, громко читал большой бумажный свиток, в котором

оговаривался статус экспедиции Рерихов. Остальные монголы невозмутимо курили длинные китайские трубки и внимательно разглядывали прибывших европейцев. Только через четыре часа все необходимые документы были оформлены, и Рерихи спокойно смогли покинуть пограничный город, чтобы вскоре оказаться в столице Монголии — Урге.

При въезде в столицу, на маленьком пропускном пункте, все путешественники обязаны были предъявить заграничные паспорта, полученные в монгольском пограничном комиссариате. Рерихи остановились около небольшой деревянной лачуги и вручили паспорта мрачному монгольскому солдату в остроконечном меховом шлеме и бушлате цвета хаки. Ничего не сказав, он унес все документы в барак и долго не появлялся. Рерихам уже казалось, что начались синьцзянские неприятности, и, решив действовать, Николай Константинович вошел в дом, чтобы узнать о причине задержки. Увиденное там его поразило: два офицера играли в шахматы, а солдат с паспортами ждал, когда его начальство закончит игру. Подоспевшие Рерихи хором высказали свое недовольство, и бумаги тотчас были отмечены, а офицеры спокойно продолжили свою игру.

В Урге Рерихи старались жить незаметно. Для штаб-квартиры был снят небольшой четырехкомнатный дом с двумя просторными дворами и конюшнями, где Рерихи и жили до самого начала третьего этапа Первой Американской Центрально-Азиатской экспедиции. Некоторое время Рерихам удавалось сохранить инкогнито, но когда полпред П. Н. Никифоров узнал, что художник находится в Урге по заданию советского правительства, он стал обхаживать Рерихов, устраивая постоянные аудиенции с членами правительства Монголии. Николай Константинович был этим очень недоволен, но отказать П. Н. Никифорову не мог. Оставалось только сожалеть о проваленной конспирации.

«Трудная у них была зима, никакой помощи от тех, кто ее обещал, только препятствия, мелкие неприятности, глупые советы вроде того, который дал Никифоров, — подарить монгольскому правительству картину, на чем он настаивал, — писала позже, в Урге, Зинаида Лихтман после разговора с Рерихом. — Николай Константинович неохотно, но сделал это, раскрыв таким образом свое местопребывание. Но монголы были весьма учтивы и ценили его величие и значение»^[321].

Действительно, монгольское руководство очень серьезно отнеслось к подарку Н. К. Рериха: картину повесили в приемной премьер-министра, на специальном заседании правительство приняло решение предложить Николаю Константиновичу нарисовать эскизы здания, где бы могла

храниться подаренная им картина, и вынесло художнику особую благодарность.

«Благодарственное письмо правительства Монгольской Народной Республики гражданину СССР, другу Николаю Рериху.

В кратком прозрении созидательной работы светлого будущего монгольского народа он написал великолепную картину, видя великого Всадника (мужа), несущегося в пространстве со знаменем свободы для народов обширной страны Монголии. И эту свою картину вместе с текстом на русском и монгольском языках поднес в подарок правительству. О том, как правительство с благодарностью приняло этот подарок, будет напечатано в нашей официальной газете.

Товарищ Николай Рерих увидел и осознал возрождение нашего монгольского народа и поднес подарок — картину „Великий Всадник“. Это является великопамятным событием, поэтому правительство считает своим долгом глубоко благодарить Николая Рериха. 17 года 4-ой луны 6 дня. (6 апреля 1927 г.)

Секретарь правительства Бальджи Нима».

Причина такого отношения к подарку у монголов была мистическая. В августе 1926 года у местного ламы случилось видение: все монголы, обратившись к западу, молились.

Вдруг появился Великий Всадник и повернул их головы на юго-восток.

Рерихи приехали в сентябре 1926 года с Запада, так что монгольские пророчества сбывались — на картине Н. К. Рерих изобразил именно красного Великого Всадника. Монголы долго обхаживали Николая Рериха, уговаривая его сделать для них проект храма-библиотеки, где и будут храниться подаренная картина и священные книги. Причем было решено, что храм соорудят из порфира и яшмы.

Тем временем Рерихи в Урге уже подготовили к печати две книги: «Община» и «Основы Буддизма», которым придавалось особенное значение. Об издании этих книг Николай Рерих писал в дневнике: «Кончается печатание книг „Основы буддизма“ и „Община“. Трудно дать книге соответствующий облик в маленькой типографии. Прежний лама, теперь литограф, с любовью переписывает для книги „Будду Побеждающего“ с огненным мечом. Опять посланец правительства. Просят разрешения перевести на монгольский „Основы буддизма“»^[322].

Книгу «Основы буддизма» печатали без указания автора и издательства. Сами Рерихи не случайно отводили ей ведущую роль в будущем реформировании буддизма, и она действительно произвела в

монгольских буддийских кругах сильное брожение. Ее авторство даже приписывали известному тибетскому ламе Агавану Дорджиеву, организовавшему в 1909 году строительство в Петербурге буддийского храма и являвшемуся в 1926 году неофициальным представителем Далай-ламы в СССР. Кстати, Николай Рерих до революции входил в созданный Агаваном Дорджиевым комитет по строительству буддийской святыни и даже принял участие в отделке храма. В 1930-х годах Агавана Дорджиева арестовали как японского шпиона, он умер 29 января 1938 года в верхнеудинской тюрьме от паралича сердца.

Во время пребывания Рериха в Москве Дорджиев организовывал в Ленинграде, в буддийском храме, выставку, которая должна была показать атеистический характер буддийской религии, один из основных постулатов так называемого обновленческого движения в ламаистской церкви, во главе которого стал сам Хамбо-лама Агаван Дорджиев. Эти же идеи развивались и в книге «Основы Буддизма». В последний раз сообщение об этой выставке появилось в июне 1926 года в газете «Правда»:

«Открывающаяся осенью в Ленинграде, впервые в мире, буддийская выставка вызвала большой интерес в странах Востока и Западной Европы. В выставке пожелали принять участие: Япония, Китай, Тибет, Монголия и другие страны. Главную массу экспонатов на выставке составят богатейшие коллекции по буддизму, собранные музеями Ленинграда»^[323].

Наученный горьким опытом предыдущего путешествия в Синьцзян, Николай Рерих распорядился изготовить знамя экспедиции. Его шили бурятские ламы, которые после долгих просьб были приняты Рерихом в караван. Юрий тем временем занимался военной подготовкой участников экспедиции.

«Юрий учит их ружейным приемам, — писал Н. К. Рерих. — Прикупили еще восемь карабинов-маузеров. Забавляет всех стоящее в столовой механическое ружье — „льюис“. Пусть знают, что оружия у нас достаточно.

Случай во время маневров. Монгольский полк брал штурмом укрепления, а с другой стороны наш конвой выполнял ту же задачу. Можете себе представить остолбенение обеих сторон, когда они неожиданно столкнулись с винтовками наперевес»^[324].

В то время когда Рерихи набирали людей для своего каравана, кто-то в Урге распустил слух, что американской экспедиции требуется 900 человек. Люди пошли валом: безработные, русские эмигранты, сибирские казаки, бывшие монгольские и китайские солдаты. Все они уверяли Николая

Константиновича, что их жизнь полностью разбита, что им нечего терять, нечего оставлять в Монголии, и они, естественно, желают принять участие в «американском научном приключении». Большую часть посетителей Рерихи отослали обратно, а наняли лишь шестнадцать монголов, чье «прошлое и настоящее» они смогли установить у местных жителей. Но для каравана в Лхасу было необходимо найти подходящих людей среди тибетцев Урги. Удалось отыскать только несколько тибетцев, пожелавших вернуться на родину.

Через месяц Рерихи набрали достаточное количество людей, они должны были стать боевой силой в случае конфликта с бандами грабителей. Штаб-квартира Рериховской экспедиции и два прилегающих к ней двора заняли будущие участники тибетского каравана. Часовые расположились у входа, чтобы не пускать посторонних. В одном дворе поставили несколько палаток, в которых разместились нанятые люди, рядом устроили хранилища с запасами продовольствия и оружия. В другом — держали лошадей конвоя.

Ежедневно Юрий Рерих проводил с экспедиционной охраной занятия: учил их стрелять из ружей, показывал, как действовать в случае нападения на лагерь бандитов, как ухаживать за своим оружием и лошадью. Юрий объяснял новобранцам обязанности часового, учил подавать сигналы и вести разведку, чтобы экспедиционный караван мог противостоять любой опасности.

Охрана, поставленная у дома, и ежедневные военные занятия вызывали некоторое недоумение у советских посольских работников. Уже больно все это напоминая подготовку к военной операции. У Николая Константиновича и Юрия на то были веские причины. В монгольском дневнике Н. К. Рериха есть такая запись:

«Выстрел. Пуля пробила окно. Хорошо, что Юрий как раз в эту минуту отошел от окна. Кто стрелял? Намеренно? Или озорство?»^[325]

Еще 16 октября 1926 года в Советское консульство подбросили анонимное письмо, в котором Николая Рериха называли белогвардейцем:

«Тов. обратите внимание, этот художник наделает делов. Релих это — самый настоящий белобандит. В среду у него было собрание из 10 чел. белогвардейцев в 1 час ночи, живет он в доме Петрова, он это с целью и снял там квартиру вдали от курена, я знаю его давно белобандита. Бурдуковский Василий Петрович оказывает ему всякое содействие, убрать не мешало бы этого Релиха из консульского поселка, а то он наделает делов, потом нерасхлебаш... У него цель завлечь красноармейцев. Некоторые к нему ходят, я это знаю, примите срочные меры... У них

намерение взорвать Полпредство, там твори Бог волю, никто ничего не знает... у Релих прислуга есть, она все знает...»

После того как в дом к Рерихам подбросили написанное таким же почерком анонимное письмо, Николай Константинович вместе с Юрием решили обратиться за помощью в Советское консульство. Сотрудник консульства аккуратно записал все подозрения Николая Рериха и подшил анонимки в дело.

«По их мнению, — докладывал чиновник, — это происки англичан, на том основании, что англичане знают, что они работают в Тибете и... потому стараются делать всякие гадости, результатом которых должен являться их отъезд отсюда».

Рерихам так и не удалось выяснить, кто же на самом деле был автором анонимных посланий.

«Тов. Релих убирайся подобра по-хорошему из Консульского поселка то мы тебя сами старикашка перетащим...» — продолжали писать «доброжелатели».

И в Москве в ноябре 1926 года такие же «доброжелатели» уже положили на стол заместителя председателя ОГПУ Начальника Иностранного отдела Меера Абрамовича Трилиссера перевод английской статьи Н. К. Рериха «Насильники искусства», изданной в Лондоне еще в сентябре 1919 года. Эта статья действительно могла легко скомпрометировать Николая Константиновича перед советской властью.

«Нужно открыть глаза общественности на мошенничество, так искусно организованное большевиками, злоупотребляющими средствами науки и искусства, — писал Н. К. Рерих. — Интеллектуальные круги во всем мире поймут, что вместо „петроградских Медичей“ перед ними Иуды Искароты с их вечными 30 сребрениками. Вульгаризм и лицемерие. Предательство и подкуп. Искажение всех святых основ человечества — вот что такое большевизм. Это наглый монстр, обманывающий человечество. Монстр, который владеет россыпями драгоценных камней. Но подойдите поближе! Не бойтесь взглянуть! Камни-то ненастоящие. Только слабый зрением не увидит, что их блеск фальшив. В этих отблесках гибнет мир. В этих отблесках гибнет настоящая духовная культура...»^[326]

В других неприятностях, преследующих Н. К. Рериха, обвинить англичан было уже трудно. Деньги, переведенные из Америки транзитом через Москву, в Урге чудесным образом из американских долларов превратились в мексиканские.

Удивлению Николая Константинович не было предела, тем более что мексиканские доллары представляли собой серебряные монеты частью

неизвестного происхождения.

Николай Рерих слал в Америку письма, писал запросы в Советское консульство, наконец, из США пришла телеграмма, которая, казалось, должна была разрешить все недоразумения.

«Из Нью-Йорка № 8/12. 26 октября. Полпредство СССР для Рериха. Как видно из вашей телеграммы, вы получили две тысячи мексиканских долларов по первому платежу, тогда как мы перевели две тысячи американских долларов. Просим получить разницу там в банке. Мы послали также второй платеж пятьсот и третий платеж две тысячи. Всего вместе послано четыре тысячи пятьсот американских долларов тчк...»^[327]

В материалах ОГПУ сохранились копии денежных переводов, по ним можно проследить, сколько денег было переведено из «Tradesman's National Bank Philadelphia» в Монголию: 12 октября — 2000 долларов, 20 октября — 500 долларов, 28 октября — 2000 долларов, 29 ноября — 3000 долларов. Общая сумма, которую должен был получить Николай Рерих, к 15 декабря 1926 года, по подсчетам ОГПУ, составила 7500 американских долларов.

Николай Константинович, посоветовавшись с тибетцами, решил согласиться и взять в банке серебряные мексиканские доллары: пусть для перевозки денег придется навьючивать лишних лошадей, зато в пути можно будет избежать всяких недоразумений, связанных с бумажными деньгами. Однако получить разницу между мексиканскими и американскими долларами в банке оказалось не так просто. Не одну телеграмму пришлось послать в Москву и Нью-Йорк, прежде чем Монгольский банк частично вернул потерянные мексиканские деньги.

Для перехода экспедиции через Тибет одних только китайских и монгольских паспортов было недостаточно.

Поэтому, чтобы не повторилась синьцзянская история, еще в ноябре 1926 года Н. К. Рерих обратился к тибетскому представителю в Урге с просьбой оформить необходимые бумаги. Этот чиновник, занимавший должность доньера, сообщил ему, что он охотно поможет американским путешественникам, если, конечно, получит разрешение от своего правительства. С одним из тибетских караванов в Лхасу было передано письмо о Н. К. Рерихе, а на имя Его Святейшества Далай-ламы была отправлена длинная петиция с просьбой телеграфировать ответ через Калькутту и Пекин о пропуске экспедиции.

Не дождавшись ответа из Лхасы, Рерихи в феврале 1927 года обратились с аналогичным прошением к тибетскому представителю в Китае, который, прежде чем дать ответ, тоже отправил телеграмму в Лхасу. После многочисленных и настоятельных просьб специальное официальное

лицо из тибетского консульства в Урге было приглашено в Пекин для того, чтобы связаться оттуда по телеграфу с Лхасой и получить ответ. Тибетский лама вернулся в конце марта с хорошими новостями — лхасское правительство наконец решило выдать паспорта американской экспедиции. После этого представитель Далай-ламы в Урге быстро оформил документы на путешествие по Центральному Тибету и вручил Н. К. Рериху специальное письмо пограничным властям с просьбой не препятствовать продвижению каравана. Николай Константинович уговорил тибетского представителя дать ему также рекомендательное письмо к Его Святейшеству Далай-ламе в том, что члены экспедиции — настоящие буддисты.

В это время другой, торговый, караван пришел из Урги в Лхасу и объявил себя официальным посольством Советского монгольского правительства, но тут же был взят под стражу и выдворен за пределы Тибета. Именно с этим караваном Рерихи отправили еще одно письмо, уведомляющее лхасские власти о прибытии американской экспедиции.

Английские спецслужбы тем временем гадали, где же находится Н. К. Рерих и куда должна двигаться его экспедиция. 25 августа 1927 года, когда караван уже шел по территории Тибета, в депеше из Лондона английскому резиденту в Сиккиме полковнику Бейли указывали:

«Едва ли необходимо предупреждать правительство Тибета до тех пор, пока мы определенно не узнаем, что Рерих движется в Тибет».

Всю информацию о маршруте экспедиции английские власти большей частью получали из газет.

Так к одному из донесений британской разведки была подшита статья из «New York Times» от декабря 1926 года символично названная «Николая Рериха нет ни в России, ни в Азии...», в ней говорилось:

«Путешествующий в прошлом году через Памир в Советский Туркестан Н. Рерих должен был достигнуть Москвы еще в начале ноября. Возможно, что его экспедиция была отрезана группой „Басмачей“, мятежников против Советской России, которые часто пересекают советскую границу»^[328].

Наконец, все приготовления к экспедиции закончились. Необходимое оборудование, палатки и обмундирование должны были привезти из Америки Лихтманы. Приехав весной 1927 года в Москву, Морис и Зинаида Лихтманы, уже вместе с новыми участниками экспедиции, врачом Константином Николаевичем Рябининым и братом Николая Рериха Борисом, на поезде отправились в Ургу через Верхнеудинск. Через много лет в Ленинграде Константин Рябинин во время допроса в ОГПУ так

объяснял свое участие в экспедиции Н. К. Рериха:

«Совершенно неожиданно для меня, так как с профессором Н. К. Рерихом я не виделся более 10 лет, я получил приглашение, через его брата Б. К. Рериха, сопровождать профессора, проживавшего с 1926 года в Урге, в его экспедиции по Монголии... После полного моего отказа по телеграфу, я все-таки согласился, так как снова получилась телеграмма с приглашением... 13-го марта 1927 года я был вызван дома к московскому телефону Б. К. Рерихом, который сообщил мне, что приехали из Нью-Йорка друзья профессора Н. К. Рериха в Москву и что я с вечерним поездом должен выехать в Москву, чтобы получить паспорт... Мы выехали 17-го марта, в четверг, в Ургу по Сибирской железной дороге вчетвером — М. М. Лихтман, его супруга З. Г. Лихтман, Б. К. Рерих и я»^[329].

29 марта 1927 года в Урге Рерихи встречали всех у себя в доме. Описание дома в Консульском переулке сохранилось только в рассказе Зинаиды Лихтман:

«Прелестный небольшой домик, низкое крыльцо с двумя ступеньками, большой широкий двор. Вы сразу же попадаете в столовую, где стоит встроенный деревянный шкаф, два сдвинутых стола и стулья, большая печь, отапливаемая дровами. От столовой ведет небольшой вестибюль, в котором стоит вешалка с меховыми пальто, а также раковина, где вы часто моете руки из-за страшной пыли. Крошечная комнатка Юрия: книжные полки, стол и раскладушка. Затем вы проходите в комнату побольше, в центре небольшой столик, несколько стульев, занавешенные полки с многочисленными лекарствами и материалами, на стенах очень красивые танки, делающие комнату столь красочной. В ней два окна. Николай Константинович рисовал в этой комнате всю зиму. Справа от нее расположена комната Елены Ивановны очень маленькая, с двумя окнами, двумя раскладушками (Николай Константинович тоже спал здесь) и небольшим столиком. Чудесные танки на стенах и Святыня, вся устланная лиловым бархатом (третье окно использовалось специально для этого). В центре стоял Будда, занавешенный хатыками, несколько меньших Будд, также занавешенных хатыками, много бусинок из сандалового дерева, хрусталя, медные чаши, где горело масло, священные маленькие фигурки и изображения — все это производило неизгладимое впечатление. Елена Ивановна работала всю зиму, и днем и ночью, чтобы подготовить к печати две книги. Во дворе также стояли две юрты — одна служила туалетом и ванной (ванна небольшая, цинковая), в другой юрте, побольше, жила и спала прислуга (буряты и тибетцы). Повар Людмила Богданова, прекрасная русская девушка, на которую было указано еще в Урумчи, и ее

четырнадцатилетняя сестра готовят еду. Рерихам прислуживают также два тибетских ламы и Кончок, который путешествует вместе с ними. Еще у них в доме есть Дедка, прекрасный тибетский старец, которого Николай Константинович называет „полчеловека“; он убирается в комнатах и топит печь, но с ними он не поедет. Остальные слуги — буряты. Всего десять слуг, но неумелых, необученных, сырой материал»^[330].

Свой первый день в Урге Зинаида Лихтман вспоминала в ярких тонах:

«Трудно описать, с какой радостью мы встретились — нам хотелось сразу же узнать обо всем и все им рассказать. У них также есть секретарь и технический помощник, Павел Константинович Портнягин, молодой человек двадцати четырех лет — не очень приятный, но, возможно, он изменится, и от него будет больше пользы. Но самой важной новостью для нас было строительство двадцатичетырехэтажного здания, которое должно начаться в Нью-Йорке. Такие большие перспективы и возможности!»^[331]

Экспедиция начиналась с трудностей, недоговоренности и непонимания.

«Грустно видеть, — вспоминала Зинаида Лихтман, — что доктор К. Н. Рябинин и Портнягин — два гостя в экспедиции, хотя и оплачиваемые, которые должны были бы сотрудничать, не хотят работать, только всё требуют, особенно доктор»^[332].

Ни один из братьев Николая Константиновича не захотел принять участие в труднейшем этапе Первой Американской Центрально-Азиатской экспедиции. Борис поспешно вернулся к своей жене и к больной матери в Ленинград, а Владимир так и не решился приехать из Харбина в Ургу.

Почти целый месяц в Урге укладывали экспедиционное снаряжение. Неожиданно советский торгпред стал убеждать Н. К. Рериха как можно скорее покинуть Монголию, так как получил указание задержать экспедицию до прибытия из Москвы Я. Г. Блюмкина, а это могло означать только одно — арест Николая Константиновича. Пообещав всяческую помощь, торгпред сказал, что не сможет теперь официально помогать экспедиции и во время подготовки необходимых документов должен формально отсутствовать. Было решено подключить к организации выезда экспедиции из Урги в Тибет монгольское правительство. Советник правительства Монголии Джамсарано занялся оформлением всех документов для таможни. В последний день в Урге возникло еще одно «неожиданное» затруднение.

«В семь тридцать пришел Джамсарано с одним чиновником, чтобы провести Рерихов через таможню, — писала Зинаида Лихтман. — Мы

вместе выпили чай. Замечательно, что он привел с собой ламу, который будет сопровождать их до границы. Сказал, что работал всю ночь, готовил необходимые пропуска для этого ламы, чтобы он мог отправиться вместе с ними. Такое уважение и внимание! Около девяти мы вышли во двор, и вдруг Джамсарано спрашивает, где ваши номера и лицензии на машины, без них вас не пропустят. Стало очевидным, что по небрежности, или чего еще хуже, торгпред не позаботился об этом вопросе. И началось самое необъяснимое и возмутительное. Николай Константинович и Юрий носились от одного места к другому, стараясь получить номера. Каждый чиновник сваливал вину на другого, пытаясь выгородить себя, а монголы, видя это, смеялись над таким проявлением некомпетентности. Должно отметить, что Джамсарано носился по всем инстанциям, стремясь поправить положение, — его желание помочь поразительно. Поползли различные слухи, что отъезд хотели задержать, но, наконец, в три часа они принесли номера — Николай Константинович и Юрий, оба измучены»^[333].

Главная цель была достигнута — все советские дипломаты решили, что предприняты огромные усилия для того, чтобы задержать экспедицию. Наконец, днем 13 апреля 1927 года, из Урги, на автомашинах, выехал караван Первой Американской Центрально-Азиатской экспедиции. Провожали Рерихов все — Зинаида и Морис Лихтманы, брат Николая Рериха Борис, «внезапно» вернувшийся с охоты советский торгпред и советник монгольского правительства Джамсарано. Вся группа на автомобилях сопровождала экспедицию до Сенгена, ближайшего монгольского таможенного поста. Вот так начался третий этап рериховской экспедиции, называемой еще «Миссией Западных буддистов в Лхасу» или «Посольством Западных буддистов в Тибет».

На следующий день, 14 апреля 1927 года, Лихтманы, погрузив свой багаж, в 5 часов утра, на самолете, вылетели из Монголии в Москву.

Морис и Зинаида Лихтманы вместе с Борисом Рерихом, как американские журналисты, побывав на первомайском параде на Красной площади и решив все проблемы с вывозом рериховских картин в Америку, поехали в Ленинград, откуда через месяц вернулись в Нью-Йорк, чтобы вскоре организовать съезд западных буддистов.

Тем временем «New York Times» опубликовала очередную статью, в которой говорилось о путешествии Н. К. Рериха как об экспедиции, якобы организованной советской Академией наук:

«Москва, 4 апреля. — Николай К. Рерих, известный художник и исследователь, только что оставил Ургу, столицу Независимой Монгольской Республики, отправившись во главе экспедиции,

спонсируемой Ленинградской академией наук, в двухлетнюю поездку в Тибет, в который он, вероятно, войдет через Китайские территории...

Несколько месяцев назад профессор Рерих путешествовал в малоизвестных областях к северу от Гималаев. Несмотря на долгое пребывание в Америке, Рерих сохранил свое российское гражданство. Он оставил своих компаньонов в Китайском Туркестане, пересек Российскую границу. Тогда он, очевидно, исчез. Запросы, сделанные через Британскую миссию, ничего не выявили. Теперь известно, что он провел некоторое время в Москве, где заключил соглашение с Советскими властями, а затем поехал в Ленинград и вступил в контакт с Академией наук, чтобы добиться помощи в осуществлении этой экспедиции»^[334].

Николай Константинович боялся любой огласки своего путешествия, теперь, когда его экспедицию называли советской, можно было ожидать любых неприятностей в контролируемом англичанами Тибете.

Узнав об этой статье еще в Урге, Николай Рерих срочно телеграфировал в Нью-Йорк, чтобы сотрудники музея немедленно опровергли это утверждение — так как официально экспедиция именовалась Американской. К. Н. Рябинин в своей книге «Развенчанный Тибет» писал:

«Получена телеграмма из Нью-Йорка, сообщающая о появившейся в „New York Times“ пространной телеграмме из Москвы о поручении Николаю Константиновичу экспедиции в Тибет якобы Академией наук. Немедленно телеграфируем и восстанавливаем истину — экспедиция имеет отношение только к американским учреждениям. Как выяснилось, „Times“ не поместила последней достоверной версии. Поместили ли ее три или четыре другие нью-йоркские газеты? Слышно, что это уже вторая странная выходка со стороны „Times“»^[335].

Через 12 дней экспедиция на автомобилях прибыла в монастырь Юм-бейсе, перевалочный пункт паломников, путешествующих из Монголии в столицу Тибета Лхасу. Далее можно было идти только горными тропами, поэтому машины пришлось отослать обратно в Монголию. Экспедиция, потеряв время на аренду и организацию каравана, двинулась на лошадях и верблюдах в глубь Тибета. До границы Монголии еще были многие километры пути, а торговый представитель СССР в городке Юм-бейсе сообщил Николаю Рериху, что из-за каких-то неприятностей политического характера советский представитель в Бала-Цайдаме был неожиданно выслан и теперь поддержки в Цайдаме у экспедиции не будет.

Экспедиция продвигалась вперед по безлюдным тропам, изредка

встречая на пути груженные караваны. На пятнадцатый день путешествия из Юм-бейсе в Шибочен буряты, принимавшие участие в экспедиции, заговорили об обратном пути. Они услышали, что китайцы во Внутренней Монголии опрашивают караваны и убивают всех бурят и русских.

Конечно, это были только слухи, переданные одним из встречных караванов, но такие разговоры имели под собой и некоторую реальную основу. Дорога, по которой двигался караван Рерихов, оказалась опасной, зато безлюдной, поэтому шансов встретить на ней разбойников было гораздо меньше, но буряты заявили, что поедут обратно только через Англию, так как боятся китайцев. Никто не стал их разубеждать, что этого сделать просто невозможно. Между тем экспедиция действительно рисковала встретиться с китайскими войсками, которые, по слухам, находились где-то поблизости.

На двадцать второй день пути караван наконец пришел в Шибочен. Здесь один из бурят, испугавшись дальнейших трудностей, объявил, что не будет участвовать в походе. Экспедиция шла в Лхасу самым коротким путем, но такой путь был плохо знаком караванщикам, и поэтому иной раз Рерихи оказывались за многие километры от предполагаемого места.

На этой сложной дороге к Н. К. Рериху должен был присоединиться еще один участник путешествия полковник Кардашевский, уже выехавший из Тяньцзиня. Чтобы он не разминулся с караваном, близ местечка Сучжоу была устроена стоянка.

Уже в пути Рерихи узнали, что Америка, Англия, Франция, Италия и Япония объявили ультиматум Китаю^[336], а значит, экспедиция может в любой момент быть арестована китайцами как диверсионный американский отряд.

В далеких горах до путников доносились только гул китайской гражданской войны и слухи о многочисленных военных переворотах. Впечатления о беспокойном положении в Китае привез и Н. В. Кордашевский, присоединившийся к экспедиции 28 июля 1927 года.

Караван, по мере своего продвижения, постоянно обновлялся, так как дорога, пролежавшая через труднопроходимые горные перевалы, требовала большого напряжения сил и от людей, и от животных. В середине сентября экспедиция уже шла по территории Тибета, и Рерихи торопили караван, чтобы к началу ярмарки попасть в город-таможню Нагчу, последний заслон на пути к столице Лхасе. Чем ближе подходил караван к Лхасе, тем сложнее было договариваться с властями.

На одной из тибетских застав произошла небольшая остановка, были пересчитаны лошади и досмотрен багаж, а начальник заставы задал

естественный для Тибета вопрос:

— Какова ваша цель посещения Тибета?

— Это — Американская экспедиция, снаряженная несколькими американскими учреждениями, — ответил Рерих.

— Амери, Амери, Амери-хан, — повторил несколько раз начальник заставы и быстро составил отчет. Юрий случайно в него заглянул и оторопел:

В такой-то день тибетского восьмого месяца года огненного зайца прибыл в Шенгди король Амери, чья цель изучать буддизм и приобретать священные тексты и изображения.

Николай Константинович и Юрий пытались возражать и пробовали объяснить чиновнику, что слово «американец» не может переводиться как Амери-хан, а таможенник говорил, что знаком с монгольским и знает, что «хан» по-монгольски «король» и не надо морочить ему голову. Бурное возмущение и протесты со стороны Рерихов только подтверждали правильность его предположения, чиновник заявил, что члены экспедиции напрасно пытаются скрыть от него истинное положение своего лидера, чье имя — «Амери» и чей ранг обозначен монгольским словом «хан». Тибетские паспорта, выданные в Монголии, никоим образом не интересовали таможенного чиновника.

Тем временем в России события развивались таким образом. После смерти Ф. И. Дзержинского ключевые посты в ВСНХ заняли другие люди. На октябрьском пленуме из партии был исключен Л. Д. Троцкий и концессионный комитет изменил свою политику. А сотрудники ОГПУ сожалели, что так легко отпустили Н. К. Рериха из Монголии в Тибет.

В октябре 1927 года, на последней пограничной заставе перед Нагчу, караван Н. К. Рериха снова задержали. Вначале показалось, что это очередная проверка документов, но потом эта короткая остановка превратилась в долгую зимовку, за время которой были испробованы все возможности получить разрешение идти дальше в Лхасу.

Началось все с переговоров с мелкими чиновниками, а закончилось встречей с главнокомандующим Восточными Тибетскими войсками генералом Кушо Кап-ши-па. Это был молодой человек лет двадцати четырех, который гордо заявил, что он является чиновником 4-го разряда и имеет право лично сообщить Далай-ламе о прибытии великих гостей. Казалось бы, все должно разрешиться быстро, тем более что личный секретарь генерала оказался хорошим знакомым Юрия Рериха, которого он знал еще по Дарджилингу.

Разговор с генералом Кап-ши-па проходил доверительно, и Н. К. Рерих рассказал ему о цели своего визита в Лхасу. После дружеского общения отношение генерала к Н. К. Рериху резко изменилось. Кап-ши-па стал доброжелательным и даже изъявил желание проводить всех в лагерь и лично помочь Рерихам с процедурой таможенного досмотра вещей, ибо «совсем неуместно маленькому чину касаться вещей большого человека». Николай Константинович отдал распоряжение немедленно готовиться в поход и тут же послал с гонцом составленное секретарем письмо к губернаторам в Нагчу. Кроме того, генерал пообещал Николаю Константиновичу лично написать Далай-ламе сообщение о рериховском посольстве.

На следующий день после досмотра лагеря экспедиции Кап-ши-па предложил Рерихам переехать вместе с караваном поближе к ставке, где он и закончит все формальности. При этом генерал предупредил, что теперь въезд в Нагчу категорически воспрещен всем иностранцам, но Рерихов, таких высоких гостей Тибета, этот запрет не коснется, и снова подтвердил, что ради них он пока остается здесь и еще раз лично напишет о буддийском посольстве Далай-ламе.

Лагерь экспедиции был перенесен поближе к ставке главнокомандующего. Вскоре Николай Константинович получил записку с просьбой срочно приехать к генералу для переговоров. Друживший с Юрием секретарь рассказал, что рано утром было получено какое-то

письмо из Нагчу и что его содержание ему пока неизвестно.

В сообщении, присланном из Нагчу, говорилось, что гражданский и духовный губернаторы не решаются принять на себя ответственность за то, чтобы пропустить экспедицию вперед, так как очень боятся существующего категорического указания Далай-ламы о запрещении въезда в Нагчу всех иностранцев. А потому они просят главнокомандующего, как старшего по рангу, взять на себя ответственность за проезд экспедиции. Кап-ши-па принял неожиданное для Рерихов решение, он вызвал двух губернаторов Нагчу к себе в ставку. Генерал писал:

«Великий Посол Западных Буддистов Рета-Ригден [Н. К. Рерих] изъявил согласие обождать еще сутки, а потому обоим губернаторам предлагается немедленно прибыть в ставку Главнокомандующего Востоком Тибета».

Но ответа на такое столь категоричное послание не последовало, и ни один из губернаторов из Нагчу не приехал.

13 октября 1927 года к Рерихам прибыл гонец, он выразил большое удивление, почему Рерихи еще стоят здесь, а не едут прямо в Нагчу. Затем он сообщил всякие интересные подробности, которые несколько насторожили Рерихов. Оказывается, что полковник Ф. М. Бейли, английский резидент в Сиккиме, и генерал Бахадур Ладен Ла находятся в Гянзе. Было несколько странным, что в это время года Ф. М. Бейли спешно выехал в горную часть Тибета, наиболее близко расположенную к Лхасе, и что о прибытии Рерихов в Лхасе знали еще тогда, когда экспедиция подходила к Улан-усу.

Это означало, что в дело о пропуске Рерихов в Лхасу вмешалась еще одна сторона — разведка Англии. Тогда, в августе, английские власти ждали, что Н. К. Рерих приедет в Индию, чтобы через Сикким, ближним путем, попасть в Тибет. 10 августа 1927 года в официальном письме из Министерства внутренних дел говорилось:

«Я высылаю экземпляр бумаги, упомянутой ниже, относительно предполагаемого визита профессора Рериха в Тибет и прошу предпринять шаги, чтобы предотвратить въезд этого русского через любые порты в Мадрасском, Бомбейском и Бенгальском президентствах, если он предпримет таковую попытку».

Именно поэтому полковник Ф. М. Бейли вынужден был немедленно приехать в Гянзе. Английское колониальное правительство Индии рекомендовало Ф. М. Бейли следить за возможным развитием событий вокруг неожиданно объявившейся на подходах к Лхасе экспедиции Н. К.

Рериха и требовало от полковника решительных действий — «Вы должны немедленно проинформировать правительство Индии, как только получите известия о движении Рериха в Тибет».

Николай Константинович все же не хотел верить в то, что его друг Ф. М. Бейли хоть как-то причастен к задержке экспедиции.

17 октября неожиданно выяснилось, что главнокомандующий Кап-ши-па уезжает на следующий день, а разрешения на пропуск экспедиции в Лхасу все еще не выписано. Николай Константинович в ультимативной форме заявил о необходимости срочной встречи с генералом, и после продолжительных переговоров ему назначили время на 10 часов утра следующего дня.

Палатки главнокомандующего уже сворачивались, войско собиралось оставить лагерь. Н. К. Рерих на следующий день окончательно убедился, что попал в труднейшую ситуацию. Кап-ши-па не захотел излагать в письме то, что Н. К. Рерих намеревался сказать Далай-ламе при личной встрече, и предложил ему попробовать самому написать в Лхасу по-тибетски. Каково же было удивление генерала, когда Юрий быстро и красиво стал писать на тибетском языке. После такого поворота дел главнокомандующий пообещал, что пришлет к Рерихам гонца, который и отвезет его в Нагчу. Однако ни гонец и никто другой так и не приехал. Кап-ши-па решил ретироваться и больше не вмешиваться в противостояние Великих иерархов, каковыми были Н. К. Рерих и Далай-лама.

Конверт с посланием к Далай-ламе пока оставался у Рерихов: «Посол Собора Западных Буддистов Рета-Ригден прибыл 10-го числа сего месяца в Чортен-Карно. С тех пор вот уже восемь дней, как Посольство бесцельно стоит здесь. Паспорт Посольства, выданный далай-ламским представителем в Урге, уже послан в Нагчу. Несмотря на это. Посольство принуждено оставаться здесь. Если Посольству не будет позволено на днях двинуться в Нагчу, то всей идее Посольства, а также Учению Благословенного будет нанесен непоправимый вред. Посол Рета-Ригден — человек Великой Страны, и если Посольство будет принуждено долго оставаться на холодном нагорье, то Правительство Соединенных Штатов Америки, а также все члены Буддийского Собора будут чувствовать себя весьма оскорбленными.

Каждый день кто-либо из состава Посольства заболевает. Вчера заболела супруга Посла и полковник, начальник охраны Посольства. Близ Чортен-Карно, в пути, с секретарем Посольства случился припадок горной болезни. Если один из девяти членов Посольства скончается или заболеет, то это будет причиной многочисленных осложнений, ответственность за

которые полностью падет на пограничные власти. Доктор Посольства свидетельствует, что здоровью членов Посольства может быть нанесен непоправимый вред, тем более что некоторые лекарства кончаются. Если Посол не будет иметь возможности вести переговоры. Учению Будды будет нанесен большой вред.

24-го числа будущего месяца в Америке соберется Буддийский Собор. Если к этому числу не будет получено письма от Посла из Лхасы, весь Собор почувствует себя оскорбленным. Потому губернаторы Нагчу должны оказать полное содействие Посольству, в противном же случае будет причинен непоправимый вред. Скорейше прошу прислать соответствующий ответ».

Николай Константинович размышлял, что же предпринять дальше. Английского резидента, полковника Ф. М. Бейли, Н. К. Рерих считал своим хорошим другом. Он не понимал, что же могло явиться причиной их задержания на перевале совсем рядом с Нагчу. Неужели инцидент, произошедший во время еще первой встречи с главнокомандующим тибетскими войсками Кап-ши-па, когда генерал пригласил Николая Константиновича в свою ставку?

Тогда Н. К. Рерих, во главе представительства экспедиционного каравана, впервые отправился к Кап-ши-па. Впереди делегации шел участник экспедиции Ламанжапов с изготовленным в Урге флагом, потом Н. К. Рерих, а за ним Юрий и Н. В. Кордашевский. По местному обычаю все были без оружия, дабы показать доверие и не оскорбить главнокомандующего. По дороге в ставку Юрий стал терять сознание из-за резкой перемены давления. Совсем недавно они преодолели очень трудный горный перевал, и Юрий попросил доктора Рябина присоединиться к посольству.

Несмотря на плохое самочувствие Юрия, отменять свой визит Николай Константинович не захотел. Пришлось идти еще 8 километров. На полдороге у Юрия случился приступ, и его сняли с лошади. Но и это не остановило Николая Константиновича.

Тут подъехал тибетский чиновник от главнокомандующего и объяснил, что Николай Константинович должен немедленно ехать к генералу. Не имея возможности говорить по-тибетски без переводчика, Николай Рерих решил, что, передав подарки, он сразу же вернется обратно.

Не доезжая шагов трехсот до ставки, тибетцы знаками попросили Н. К. Рериха и его спутников слезть с коней. После этого началась невероятная чехарда. Подошли какие-то чины, судя по всему, приближенные главнокомандующего, и что-то стали показывать, о чем-то говорить и

возбужденно жестикулировать. Н. К. Рерих старался объяснить по-английски, что он не может ждать и что хочет только передать подарки и вернуться в экспедиционный лагерь.

Тибетцы, не поняв ни слова, посчитали, что Н. К. Рерих обиделся за задержку, тут же принесли часы, чтобы на них показать, сколько осталось до аудиенции у главнокомандующего.

Затем выяснилось, что делегацию ожидали к 5 часам вечера, а было еще 11 часов утра. Тибетцы принесли круглые подушки, предложили Н. К. Рериху немного отдохнуть, и ушли. Осталась только толпа зевак, разглядывавшая диких европейцев.

Через полтора часа пришел солдат, и Николай Константинович попробовал объяснить ему, что все устали и желают вернуться обратно в лагерь. Солдат, очень внимательно выслушав и ничего не поняв, жестом попросил следовать за ним. Тут же подошли чиновники и знаками попросили развернуть флаг экспедиции. У входа в шатер специально для приема Н. К. Рериха были выстроены часовые, они как-то недружно вскинули свои ружья в непонятном приветствии. Увидев это странное зрелище, Н. К. Рерих наконец вошел в палатку главнокомандующего. Внутри было довольно просторно. Одну треть занимало возвышение, на которое сел молодой главнокомандующий в шелковом желтом халате. Николай Константинович со своими спутниками сел по правую руку от генерала, а слева расположились три тибетца, его ближайшие помощники.

Недоразумения продолжались, и Н. К. Рерих решил сразу передать главнокомандующему подарки. Тибетцы заулыбались, стали что-то говорить, но никто из гостей их, естественно, не понимал, а потом воцарилось долгое молчание. Тогда флаг экспедиции, оставленный Н. К. Рерихом возле шатра, внесли внутрь, выказав тем самым особое уважение к посольству. Офицеры внимательно рассматривали европейцев, а главнокомандующий приветливо улыбался. Положение становилось напряженным и безвыходным.

Спасение пришло неожиданно — вдруг в шатер внесли скамейку и покрыли ее коврами. Появился Портнягин и сообщил, что Елена Ивановна и Юрий Николаевич уже на пути к ставке. Николай Константинович вздохнул с облегчением. Вскоре у ворот остановились всадники, и в палатку вошли Елена Ивановна и Юрий, который тут же обратился с приветствием к генералу на тибетском языке. Такого главнокомандующий не ожидал, брови его малоподвижного лица удивленно поднялись, немое противостояние закончилось.

Потом, через много дней ожидания, выяснилось, что в свите

главнокомандующего были тибетцы, знавшие английский язык. К сожалению, Рерихов не насторожило и то, что главнокомандующий лично остановил их на самых подступах к Нагчу, в то время как других иностранцев проверяли и задерживали уже в самом городе-таможне. И главное, на что должны были обратить внимание, — главнокомандующий Кап-ши-па принадлежал к древнему княжескому роду, резиденция которого находилась рядом с Гянзе, куда срочно приехал полковник Ф. М. Бейли.

Дело в том, что бумаги, полученные Н. К. Рерихом от представителя Далай-ламы в Урге, давали ему возможность беспрепятственно следовать прямо на Лхасу и в Нагчу это быстро бы выяснилось. Главнокомандующий Кап-ши-па, изображая из себя благодетеля Рерихов, все время выдумывал сложности, с которыми якобы столкнулась экспедиция.

Все письма, отправляемые Николаем Константиновичем, перехватывались главнокомандующим и возвращались обратно под разными предлогами. Передача оружия, привезенного караваном лхасскому правительству, также не входила в планы английской разведки. Но даже после того как главнокомандующий узнал о том, что Н. К. Рерих является высоким западным буддийским иерархом, он не только не остановил досмотр каравана, а проделывал это несколько раз.

Николай Константинович пугал главнокомандующего тем, что если не будет принята их делегация, то на Западе будет избран свой Далай-лама, но 25-летнему генералу было совершенно наплевать на западных или каких-либо других буддистов. Однако он начинал понимать, что по совету английских резидентов ввязался в очень сложное и опасное для своей карьеры дело. И 16 октября, оставив с экспедицией одного из своих офицеров, спешно уехал в Гянзе, чтобы отчитаться перед англичанами и потребовать с них еще большую плату, нежели они ему пообещали.

Все письма, посланные Н. К. Рерихом полковнику Ф. М. Бейли, становились достоянием английской разведки. Сам Ф. М. Бейли не только был в курсе положения экспедиции, но и цинично обрекал ее участников на неминуемую гибель, требуя от генерала Кап-ши-па отослать Рерихов через самые трудные перевалы в Китай.

Между тем после ухода главнокомандующего ничто и никто не мог бы помешать Рерихам самовольно направиться в Нагчу, а оттуда — в любом направлении. Поэтому оставшийся следить за экспедицией майор втайне распространял слухи, что между Нагчу и Лхасой стоит огромное тибетское войско. Николая Константиновича пугали все, при этом сами тибетцы не верили, что караван будет послушно стоять в самом неудобном, продуваемом месте и не двинется вперед, несмотря даже на сильный

мороз.

Письма, которые присылали губернаторы Нагчу, были двусмысленными, что позволяло Н. К. Рериху принимать любые решения. Но приставленный к экспедиции майор честно исполнял свое поручение, толкуя любое слово не в пользу Рерихов. В восточной стране, далекой от цивилизации, Николай Константинович хотел все решить по-европейски.

Поэтому он придумывал уважительные письма, а Юрий переводил их на тибетский язык. Большая часть писем так и не доходила до адресатов, возвращаясь через несколько недель обратно в лагерь экспедиции с каким-то невразумительным оправданием.

Третье письмо, посланное Николаем Константиновичем 23 октября 1927 года губернаторам Нагчу, было намного короче двух предыдущих:

«Из наших двух предыдущих писем, вами полученных, вы уже знаете, в каком тяжелом положении находимся и мы сами, и весь наш караван. Со времени отсылки писем наше положение еще более ухудшилось и сделалось смертельно опасным. Глубокий снег лишил животных травы, а холод еще более отягчил наше расстроенное здоровье. Из них вы знаете высокие священные цели нашего прихода для воссоединения Буддизма. А потому вы не можете дать нам погибнуть среди снегов нагорья Чантанга. Особые обстоятельства нашего положения позволяют вам разрешить нам немедленно продвинуться в Нагчу, откуда мы должны снестись и с Лхасой, и с Америкой. Вы поймите, что наше продвижение совершенно необходимо, иначе произойдет непоправимый вред».

28 октября Рерихи, не видя выхода из создавшегося положения, решили написать самому Далай-ламе.

«Ваше Святейшество!

По избранию Буддийского Собора в Америке, я, как Глава Западных Буддистов, принял на себя поручение отправиться во главе первого Посольства Западных Буддистов, чтобы лично передать Вам Грамоту, Орден Будды Всепобеждающего и радостное сообщение о предуказанном пророчествами развитии Учения Благословенного на Западе. Путь от Америки до Тибета занимает около восьми месяцев, охватывая более шестнадцати тысяч английских миль. Пройдя все необычайные трудности этого пути, мы радостно приблизились к внутренней границе Тибета, но здесь вместо радости нас ожидало величайшее разочарование. Точно преступники, несмотря на мое высокое общественное положение, мы были насильственно задержаны властями Нагчуцзонга. Среди холода наступившей зимы на Чантанге, опасно заболевая, доканчивая наши продовольственные припасы, мы здесь остаемся уже 21 день без всякой

надежды на продвижение. Чистосердечно мы сообщали властям Нагчуцзонга и приставленному к нам майору задачи и истинное положение нашего Посольства. Прилагаю при сем копии писем к властям, из коих Вы изволите усмотреть все подробности дела, насколько серьезные последствия проистекают из нашего несправедливо-насильственного и оскорбительного задержания — кто-то наносит вред первому Буддийскому Посольству. Мы уверены, что не от Вас исходили распоряжения об этом оскорбительном задержании мирного Буддийского Посольства, которому угрожает полная гибель, и также мы уверены, что Вы, как носитель Учения Благословенного, не можете оставить дела, не выслушав моих личных представлений.

Прошу Вас отдать распоряжение о пропуске нас для личных Вам представлений».

Вместе с этим письмом было отослано и сообщение губернаторам Нагчи, в котором говорилось:

«Сегодня 21-й день, как вы нас здесь насильственно задержали. В письмах мы искренне сообщили вам священные задачи нашего Буддийского Посольства, надеясь на вашу помощь, но вместо помощи вы обрекаете нас на замерзание в Чантанге. Здоровье наше уже подорвано; пищи мы достать не можем. После означенного срока голод и холод заставят нас двинуться в Нагчу, где вы в письме вашем обещаете нам почетный прием».

12 ноября Рерихам принесли обратно все письма, посланные губернаторам Нагчу, и письмо Далай-ламе, вернулись также и телеграммы в Америку. Прошло целых две недели с того момента, как они были отправлены, но майор заявил, что их случайно нашли по дороге в Нагчу.

Только теперь Н. К. Рерих понял, что экспедиция отрезана не только от внешнего мира, но и даже от ближайшего города Нагчу. Было написано впустую огромное количество просьб, телеграмм и писем, и, несмотря на все это, на расстоянии двух дней пути от Нагчу, Рерихи провели на высокогорном перевале почти 73 дня.

17 декабря 1927 года было решено перебраться к монастырю, расположенному в менее продуваемом ветрами месте. Но и там экспедиции пришлось зимовать в летних палатках вплоть до 19 января 1928 года, когда караван наконец сам отправился из монастыря в Нагчу.

Английские власти добились своего. Караван был деморализован. Из-за морозов большинство животных погибло, а Николай Константинович уже больше не хотел ехать в Лхасу, он собирался вернуться в Индию в Дарджилинг.

Но и в этом английские власти видели для себя опасность. Когда в ноябре 1927 года Юрий Рерих писал письмо полковнику Ф. М. Бейли, он и не предполагал, что все неприятности исходят именно от него:

«Мы ожидаем письма из Лхасы вот уже 32 дня. Нас вынудили жить в летних палатках с минимальными запасами продовольствия и фуража. У нас не осталось топлива, в то время как температура здесь около 30 градусов ниже нуля. Местное население не может удовлетворить наши нужды.

Половина животных из нашего каравана погибла, в то время как другая — на краю гибели. Лошади и мулы получают только полфунта зерна в день, в то время как у верблюдов вообще нет никакого корма. Насильственное задержание сказывается на здоровье всех членов экспедиции. Госпожа Рерих была плоха во время всего путешествия, и наш доктор опасается за ее сердце. Пульс у нее — 125. Я сам был на волосок от смерти из-за острого приступа горной болезни на вершине перевала к северу от Чунарчена»^[337].

На все просьбы у полковника Бейли уже был давно заготовлен один ответ, который по счастливой случайности не догнал караван Рерихов:

«Дорогой профессор Рерих, я слышал, что Вы прибыли в Нагчу и что намерены проследовать оттуда в Сикким, чтобы войти в Индию. Я пишу, чтобы сообщить Вам, что ни Вам, ни членам Вашей группы не будет позволено войти в Сикким или Индию»^[338].

Только в марте 1928 года Н. К. Рериху, к большому неудовольствию английских резидентов, было позволено идти намеченным маршрутом в Индию. Губернаторы Нагчу всячески намекали, что не препятствуют продвижению посольства в Лхасу и не могут удерживать его караван. Но Николай Константинович уже решил, что иметь дела с Далай-ламой не будет, тем более, он всегда не любил намеков и тихих советов, а конкретного приглашения из Лхасы он так и не получил. Наконец Н. К. Рериху разрешили двигаться в любом направлении, и он с экспедиционным караваном отправился в Сикким. Ф. М. Бейли узнал о выходе Н. К. Рериха из Нагчу из официального письма, полученного им из Лхасы.

«Письмо от министра Тибета полковнику Ф. М. Бейли, политическому агенту в Сиккиме, от 24-го дня 1-го месяца года Земляного дракона (15 марта 1928 года).

Причина посылки этого письма вызвана необходимостью проинформировать Вас о том, что в 1 месяц года Земляного дракона (27 февраля 1928 года) мы получили Ваше письмо от 15-го дня 12-го месяца

Огненного зайца (5 февраля 1928 года). Американцы, именуемые Рел-таг Ригден, прибыли на границу Шангти. Хотя эти люди добивались от нас разрешения войти в Лхасу, в согласии с Вашим первым письмом и последующими приватными письмами, мы не разрешили иностранцам войти в Лхасу. В Вашем прошлогоднем письме Вы просили вернуть этих людей. Они попросили у нас разрешения идти назад из Нагчу (1) через Намру (2), Нагтзанг (3), Сага (4), Шекар (5), Тингу (6), Кампа (7) и через Сикким, а не по внутреннему Тибету. Мы разрешили им вернуться через места, упомянутые выше. Мы отрядили нашего человека сопровождать их»^[339].

Все, что мог сделать теперь английский резидент в Сиккиме, так это немедленно послать телеграмму в Лхасу, а чуть позже отправить и письмо, в котором говорилось:

«От полковника Ф. М. Бейли, политического агента в Сиккиме, министрам Тибета, Лхасы, Тибет, от 13 апреля 1928 г., Гангток...

Я получил Ваше письмо от 24-го дня 1-го месяца (15 марта 1928 года). В Вашем письме ко мне от 23 декабря Вы сообщили, что приказали правителю Нагчу отослать этих людей (Рел-таг или Ригден) „назад“, но теперь я узнал, что Вы посылаете их в Индию. Мы не хотим иметь этих людей в Индии, поэтому я протелеграфировал Вам указание отослать этих людей назад тем путем, которым они пришли. Я надеюсь, что Вы сделали это»^[340].

Когда караван был уже на пути в Индию, такие письма и телеграммы уже не имели значения. Но полковник Ф. М. Бейли до конца не знал, правду ли сообщают лхасские власти. Может быть, встреча Н. К. Рериха с Далай-ламой все-таки произошла и поэтому экспедиция спокойно возвращается в Индию.

Только в мае экспедиция пересекла границу Индии и вошла в княжество Сикким. Никакие противодействия английских властей теперь не могли помешать Н. К. Рериху. В одном из отчетов полковник Ф. М. Бейли писал:

«Получено сообщение, что группа Рериха прибыла сегодня утром в Сингхик, в двух переходах или в 24 милях отсюда. Делаются усилия, чтобы задержать их, но они могут прибыть завтра и, уверен, будут пытаться послать телеграммы. Могу ли я проинструктировать телеграфное ведомство не отправлять их послания?»^[341]

ВОЗВРАЩЕНИЕ В ИНДИЮ

Все еще считая английского резидента подполковника Ф. М. Бейли своим другом, Юрий Рерих 16 мая 1928 года снова написал ему в Гангток:

«После богатого событиями путешествия, Рериховская американская экспедиция достигла 15-го мая Кампа-дзонга. Мы надеемся, что Вы были информированы Тибетским правительством о нашем намерении пересечь индийскую границу в Сиккиме. Вы, вероятно, получали наши письма, посланные из Монголии и Китая (Анси). Все письма, адресованные Вам из Тибета, были возвращены тибетскими властями, кроме одной телеграммы, посланной из Нагчу, получение которой было подтверждено объединенными губернаторами Нагчу-дзонг. Мы вручим все письма Вам по прибытии в Гангток.

Мы предполагаем достичь Тхангу 18-го мая. Профессор Рерих будет очень Вам обязан, если Вы любезно пошлете необходимые распоряжения и позволите нам использовать Дак-бунгало... Профессор Рерих должен приехать в Гангток вероятно ранее, чем остальная часть экспедиции. Он сообщит Вам все детали относительно нашей экспедиции по прибытии. Пожалуйста, сделайте нам любезность и отправьте в Нью-Йорк приложенные к письму телеграммы... Полковник Кордашевский, помощник профессора Рериха, так же пошлет телеграммы полковнику Стюарту, британскому военному атташе в Пекине. Профессор Рерих и все наши американские учреждения, которые организовывали экспедицию, будут благодарны за любую помощь, предоставленную экспедиции... Я посылаю Вам это настоящее письмо специальным посыльным от Кампа-дзонга до Лачена, надеясь, что местные власти в Лачене отправят это письмо Вам. Все мы будем очень рады встретить Вас снова и рассказать Вам о всех наших приключениях в Центральной Азии. Любезно сообщите нам, если мы могли бы использовать бунгало в Гангтоке в случае, если оно не занято, мы могли бы перенести туда наш лагерь.

С наилучшими пожеланиями госпоже Бейли от всех нас»^[342].

Полковник Бейли не имел никаких сведений о продвижении экспедиции, кроме писем Рерихов и нескольких донесений агентов, специально отправленных полковником навстречу каравану.

Врач экспедиции К. Н. Рябинин в 1930-е годы вспоминал:

«В Шекаре дошли слухи, что приезжал человек от британского резидента из Гангтока (Сикким), который пробыл дней десять и

расспрашивал, кто едет, собирал все слухи, на Востоке обычно бегущие вперед в самом несуразном виде.

Первая остановка на территории уже исключительно английского влияния в Сиккиме, хотя это номинально и отдельное (как Непал и Бутан) магараджество с 1924 года, была в бунгало (дом для путешественников) в Танку. Здесь высота еще тысяч 12 футов, далее идет спуск с Гималаев до г. Даржилинга (Дорчжилинг — страна молний), где высота уже менее 7000 футов. В Лачене (небольшое поселение) были уже местные сельские власти, которым сообщено было, что едет из Тибета экспедиция через Гангток в Даржилинг. По приглашению резидента (был выслан навстречу при въезде человек из непальской стражи в национальной одежде, то есть довольно странной цилиндрической шапке с павлиньим пером, босой и с ножом у пояса), профессор, его супруга и сын проехали прямо в резиденцию, где им были отведены особые комнаты, я же проехал с караваном в дом для остановки — бунгало, где и жил до другого дня, когда мы выехали в Даржилинг»^[343].

Через несколько недель из Дарджилинга в Китай уехали П. К. Портнягин, К. Н. Рябинин и А. А. Голубин. Из Шанхая каждый из участников экспедиции отправился своим путем: К. Н. Рябинин через Тяньцзинь — в Советскую Россию; П. К. Портнягин — в эмигрантский Харбин, так как при переходе индийской границы, чтобы не компрометировать Рерихов, был вынужден уничтожить советский паспорт; А. А. Голубин решил остаться в Шанхае; Н. В. Кордашевский уехал из Бомбея в Европу, в Ватикан.

Тем временем английская разведка уже составила для себя краткие характеристики на каждого участника Американской Центрально-Азиатской экспедиции:

«Полковник Николай Викторович Кордашевский был заместителем командира Конной Охраны Ее Императорского Величества. 15 мая 1917 года был переведен в чин подполковника в Дюнстенфорс на британскую военную службу и был номинально приписан к 13-му гусарскому полку.

Позже он был приписан к штабу района Хамадан под командованием полковника Рикардса (Rickards). После он был приписан к 1/9 Гемпширскому (Hampshire) полку и переехал вместе с ним во Владивосток, где он был передан в распоряжение полковника Р. Джонсона (R. Johnson) — командующего Британскими войсками в Омске. Оттуда он переехал в Екатеринбург под командование генерала Блера (Blair) (который позже умер, будучи военным атташе в Сербии). Приблизительно в сентябре 1918 года Кордашевский был переведен в Британскую Сибирскую военную

миссию, под командование Сэра А. Кнокса (А. Кнох). В октябре 1918 года он был приставлен к (белогвардейской) Армии Дутова. Позднее Кордашевский переехал в Читу с атаманом Семеновым. Оттуда^ приблизительно в январе 1919 года, Кордашевский перебрался в Пекин, где оставался до октября 1919 года. После этого через Индию и Лондон он поехал в свой дом в Литве. В марте 1927 года Кордашевский поехал в Пекин, где он встретился с военным атташе полковником Стюартом (Stuart) и отсюда проследовал в Калган, а затем через горы Нань-Шаня в Тсайдан, где он встретил экспедицию Рериха.

Александр Алексеевич Голубин. Возраст 35 лет. Служил в 315-м Глуховском полку. После революции — военнопленный в Германии. Вернулся в Россию и воевал под командованием Колчака (был личным телохранителем генерала Бакича), отступал с войсками от Чугучака до Урумчи и оттуда переехал в Китай, где был нанят для закупки мехов британской фирмой в Тяньцзине „Liddle and Co“. Фирма рекомендовала его Полковнику Кордашевскому как связного.

Врач Константин Николаевич Рябинин. Доктор медицины, был медицинским советником отдела министерства внутренних дел последнего Императорского правительства. Во время революции он сбежал в Ургу через Томск и работал на карантинной станции в Сангине, приблизительно 25 миль от Урги. Он служил там, пока не присоединился в марте 1927 года к экспедиции Н. К. Рериха.

Павел Константинович Портнягин. Приблизительно 25 лет. Уссурийский казак (его старший брат — офицер бывший казак, в настоящее время живет в Шанхае). Его отец был торговцем в Японии. Портнягин родился во Владивостоке. Во время революции жил там же. После революции в 1922 году уехал в Харбин, где работал в автомагазине.

В 1926 году он, как механик, приехал в Ургу из Калгана, на китайской машине и должен был на ней же и вернуться в Калган. Но Монгольское правительство издало распоряжение, что машины должны быть задержаны. Портнягин остался в Урге без работы, где профессор Рерих подобрал его и даже смог получить разрешение от монгольского правительства, чтобы Портнягин сопровождал экспедицию. Он имел при себе паспорт от правительства Колчака во Владивостоке, который и был предъявлен.

Две девочки — Мила Михайловна Богданова, возраст приблизительно 20 лет, и Ираида Михайловна Богданова 13 лет. Они — сироты. Отец был забайкальским казаком. Они жили в Урге, подрабатывая на меховой фирме, и Рерихи приняли их к себе как служанок. Они предполагают взять их в Америку»^[344].

О том, каким образом экспедиционный врач Константин Рябинин из советского подданного превратился в беженца и эмигранта, рассказывал он сам в 1930 году:

«...придется вскоре же ехать обратно через Китай, где не спрашивают паспортов, так как при выезде через Европу придется визировать мой советский паспорт во французском и германском консульствах, а оттуда англичане могут узнать, что я советский гражданин, профессор же не хотел давать на себя каких-либо подозрений, в то же время, видимо, опасался интереса англичан моей личностью и каких-либо расспросов. Юрий Николаевич Рерих предупредил меня, что обо мне он сказал, что я приглашен из какого-то местечка или пункта в Монголии, где был профессор, что я русский беженец после революции, давно живу в Монголии, показывал монгольский паспорт и что тут проездом, возвращаюсь к себе через Китай»^[345].

В августе 1928 года из Америки в Дарджилинг на встречу с Рерихами выехали Фрэнсис Грант, Зинаида и Морис Лихтманы — все они ждали от Николая Константиновича дальнейших указаний по созданию буддийского центра в Америке. Через несколько дней приехал в Дарджилинг и Святослав Рерих. Николай Константинович работал над книгой «Алтай-Гималаи», описывающей перипетии только что закончившегося путешествия. Переводом на английский язык занимались Фрэнсис Грант и Зинаида Лихтман.

«Затем начали работать над „Алтай-Гималаями“, — вспоминала Зинаида Лихтман. — Обложка должна быть темнее. Буквы черные, а не белые. „Ведущая“ — ярче и чище (не так грязно, как теперь) или же „Чаша не расплесканная“ в одном тоне — синем, но цвет бумаги не подходит к колориту „Ведущей“. На карте должны быть Урга и Алтай»^[346].

Приходилось многое изымать из английского варианта дневника экспедиции.

Зинаида Лихтман писала: «Пришлось ему менять все касающееся Тибета и в поздних главах — касающееся России. Тут мы хохотали до слез. В одном месте было сказано „третий интернациональный стол“. Я, не прочтя последнего слова, говорю:

— Николай Константинович, это надо вынуть!

Николай Константинович говорит:

— Да ведь это же стол. Это не 3-й Интернационал. Халат красный — нельзя! Снег белый — нельзя! Вот до чего дошли.

Затем в последних главах, где говорится о путешествии пароходом по

Иртышу к Оби, Николай Константинович говорит:

— Все выкинуть. Опять пароход, опять матросы. Еще скажут, что я пропаганду делаю.

Говоря о мальчике, встреченном на пароходе, Николай Константинович его вычеркнул, сказав:

— Еще неизвестно, каким он вырастет. А вдруг негодяем!»^[347]

По прибытии в Дарджилинг Н. К. Рерих хотел хоть как-то наказать виновных в задержке экспедиции, только писал он, естественно, не английскому правительству, а в Тибет Далай-ламе.

Жаловался Николай Константинович и местным буддийским иерархам. Об одной такой встрече, произошедшей 18 августа 1928 года, рассказывала Зинаида Лихтман:

«Затем поехали в Чум, кроме Елены Ивановны, которая себя очень плохо чувствует: руки, ноги ломит, и сердце болит — перебои, нет дыхания. Монастырь новый, построен 20 лет тому назад. Римпоче, бывший настоятель монастыря Чумби, — второе духовное лицо после Таши-ламы в Тибете. Поднялись наверх в его приемную, сидели на низких покрытых коврами скамеечках, Римпоче — на возвышении вроде трона. Перед нами маленькие столики. Угощение — тибетский чай с маслом, противного вкуса, беспрерывно подливает. Плохие статуи, танка. Переводчик — лама Мингиюр, учитель и друг Юрия. Николай Константинович все время упорно твердил о том, как возмутительно поступило с ним тибетское правительство, продержав пять месяцев на высотах, варварски относясь, а ведь титул Далай-ламы — Защитник всего живого. А обращались власти с экспедицией, как с бандитами. А теперь и на письма не отвечают. Римпоче вначале уклончиво говорил, что его дело — религия, с правительством Тибета он ничего не имеет, никого не знает. Но потом сказал, что правительство там теперь очень странное и времена плохие. Спросил, много ли буддистов в Америке. Обрадовался, узнав, что много. Николай Константинович продолжал твердить о тибетских властях. Римпоче сказал:

— У вас есть уши, и вы слышите. У вас есть глаза, и вы видите. И у вас есть сердце, и вы понимаете. Благо будет вознаграждено, а зло наказано.

После ужасного чая пошли в храм слушать службу»^[348].

25 мая газета «New York Times» опубликовала телеграмму, отправленную Н. К. Рерихом еще 16 мая 1928 года из Сиккима.

«Сикким, Индия, 16 мая. Музей Рериха, Нью-Йорк.

Американская экспедиция Рериха после многих затруднений достигла

Гималаев. Таким образом, закончилась большая Центральная Азиатская экспедиция. Много художественных и научных результатов. Уже послано несколько серий картин в Нью-Йорк. Последняя посылка из Монголии пришла благополучно. Много наблюдений относительно Буддизма.

Экспедиция, стартовавшая в 1924 году и преодолевшая тогда путь от Сиккима до Пенджаба, прошла Кашмир, Ладдак, Каракорум, Хотан, Кашгар, Карашар, Урумчи, Иртыш, Горный Алтай, Монголию, Центральную Гоби, Кансу, Цай-дам, Тибет.

Мирный Американский флаг прошел всю Центральную Азию. Всюду тепло приветствуемый, кроме Хотана и правительства Лхасы. В дальнейшем движении от Хотана экспедиции помогал британский консул в Кашгаре. На территории Тибета были атакованы вооруженными грабителями. Превосходство нашего огнестрельного оружия предотвратило кровопролитие. Несмотря на Тибетские паспорта, экспедиция насильственно остановлена властями Тибета 6 октября, два дня пути к северу от Нагчу. С особой жестокостью экспедиция удерживалась в течение пяти месяцев на высоте 15 000 футов, в летних палатках среди сильного мороза, минус 40 по Цельсию.

Экспедиции не хватало топлива и фуража. Во время задержки в Тибете пять человек погибло: монголы, буряты и тибетцы. Девяносто животных каравана также погибли. По приказу властей все письма и телеграммы, адресованные лхасскому правительству и в британскую Калькутту, были перехвачены. Запрещено было говорить с проходящими караванами. Запрещено было покупать продукты у населения. Деньги и лекарства были на исходе. Присутствие трех женщин в караване и больных сердечной недостаточностью не были приняты в расчет местными властями. С большими трудностями 4 марта экспедиция начала движение на юг. Все девять европейских членов экспедиции остались в живых. Смело преодолены трудности исключительно суровой зимы. Много научных результатов накоплено после четырехлетнего путешествия. Николай Рерих».

К 1 ноября 1928 года были готовы к печати книги «Алтай-Гималаи», «Шамбала», «Криптограммы Востока». Елена Ивановна написала новые мистические книги.

В Индию приехал и В. А. Шибаев, чтобы работать личным секретарем Николай Константиновича.

В июне 1929 года, оставив Елену Ивановну в купленном доме в Кулу, Николай Константинович вместе с Юрием и Святославом через Италию и Францию отправился в Нью-Йорк, где уже выстроили высотное 24-этажное

здание нового Музея Рериха.

«New York Times» 9 мая 1929 года сообщала, ссылаясь на «Associated Press», что Николай Рерих возвращается в Нью-Йорк предположительно 22 мая, по пути он заедет в Италию и Францию и приплывет домой в Америку на корабле «Majestic». «В этом путешествии его будут сопровождать ориенталист Юрий Рерих и художник портретист Святослав Рерих»^[349].

ДОМ МАСТЕРА В АМЕРИКЕ

Пароход с Николаем Константиновичем и Юрием на борту 18 июня 1929 года вошел в гавань Нью-Йорка. Два катера с журналистами и близкими причалили к кораблю, когда тот стоял еще на рейде. На пирсе Николая Константиновича приветствовали члены Нью-Йоркского городского комитета и сотрудники рериховских учреждений. На автомобилях и в сопровождении полицейских мотоциклистов Н. К. Рерих вместе с друзьями проехал через весь город. Встречали русского художника с почестями, как главу страны. Вереница автомобилей, с воем сирен проследовав по улицам Нью-Йорка, остановилась у нового 24-этажного здания Музея Рериха. Николай Константинович с гостями, полюбовавшись общим видом «Мастер-дома», зашел в вестибюль. Экскурсию по всем двадцати четырем этажам решили провести после чая. Бегло осмотрев парадный вход, лестницу и первый этаж, с тем же эскортом поехали в ресторан «Балтмор» пить чай. Затем все гости вернулись в «Мастер-дом». Экскурсию решили начать с этажей, где расположилась Школа Объединенных искусств, организованная Н. К. Рерихом.

На следующий день, в здании музея, в честь Николая Константиновича был устроен грандиозный прием. Вечером в «Восточном Зале», декорированном флагами всех наций и убранном цветами, накрыли столы. Председательствовал на приеме видный финансист Чарлз Р. Крейн (Charles R. Crane) — вице-президент фирмы «Крейн-Компани». «Восточный Зал» высотного «Мастер-дома» вместил в себя более пятисот самых известных людей Нью-Йорка. На приеме присутствовали учителя Школы искусств, ученики, друзья и просто приглашенные, и все они хотели познакомиться или быть представленными великому художнику и ученому.

20 июня в первом часу дня был организован ланч в ресторане «Clairmont» на двадцать четыре персоны, во главе с Гектором Фуллером, руководителем протокола мэрии Нью-Йорка, который представил Н. К. Рериху видных политиков и финансистов. Господин Фуллер произнес торжественную речь, в которой высоко оценил заслуги Н. К. Рериха в мировой культуре. В ответной речи Николая Константиновича прозвучали слова благодарности американскому народу, он называл Америку страной будущей мировой эволюции. Выступил и Чарлз Крейн, он много говорил о новом мировом порядке и о роли академика Н. К. Рериха в духовном

перерождении Востока.

После приема все гости на автомобилях в сопровождении мотоциклистов отправились в городское управление, где в 3 часа 45 минут были приняты мэром Нью-Йорка господином Джеймсом Уолкером. Гектор Фуллер представил Николая Константиновича мэру, назвав его величайшим ученым и исследователем, способствующим делу мира.

В ответ Н. К. Рерих сказал, что рад вернуться в Америку, о которой он всегда говорил с любовью, неся по Азии американский флаг. Мэр в свою очередь назвал Н. К. Рериха «посланцем доброй воли», добавив, что приветствует его от имени семи миллионов жителей города Нью-Йорка. Затем все отправились в новый дом Н. К. Рериха.

Уже на следующий день газета «New York Times» напечатала статью, где о Рерихе говорилось, как о величайшем ученом, исследователе Азии, и ни слова — как о художнике. Прочитав эту статью, Николай Константинович был очень недоволен:

— Все говорят об ученом, исследователе, а о художнике — ни слова. Скоро скажут!

В неофициальной беседе с мэром профессор Рерих рассказывал ему, что самый первый небоскреб был сооружен в Тибете еще в XVII веке, и он счастлив, что такой небоскреб, как «Мастер-дом», построен в Америке.

В «Мастер-доме» не все устраивало Н. К. Рериха. Вначале предполагалось вершину здания украсить буддийской ступой, таким образом дом превращался бы в настоящий Буддийский центр — резиденцию западного Далай-ламы. Но ступа не получилась, и вместо нее выстроили обыкновенный шпиль, лишь слегка походивший на буддийское культовое сооружение.

Внимательно осмотрев помещения, Николай Константинович очень расстроился, а увидев рисунок потолка в вестибюле музея, сказал, не выдержав, что, мол, раньше была «линия», а теперь «дизайн». Потолок «Восточного Зала», где проходил прием, ему также не понравился, Николай Константинович тут же решил одно окно замуровать, так как оно портило торжественный вид зала. Н. К. Рериха приводили в уныние кривые потолки, неровные окна, а осмотрев на верхних этажах маленькие комнаты — квартиры для сотрудников, он уже совсем тихо произнес:

— Это прямо ужасно.

Закончив экскурсию по дому, Николай Константинович почувствовал себя плохо и только и смог, что вымолвить:

— Черт знает что настроили внутри и снаружи.

И уехал в гостиницу.

На следующий день, понимая, что перестраивать уже ничего нельзя, он придумал всему оправдание: «Дом построен по современным условиям жизни».

Н. К. Рериху предстояло ехать в Вашингтон на встречу с президентом Соединенных Штатов Америки Гербертом Гувером. Будущую встречу обсуждали заранее все сотрудники рериховских учреждений и в конце концов пришли к выводу, что Николаю Константиновичу пока не нужно везти в подарок президенту свою картину, а сделать такое подношение в октябре, когда состоится торжественное открытие высотного здания Музея Рериха — тогда все газеты заговорят и о подарке, и о художнике. Таким решением Николай Константинович был недоволен, но поддался на уговоры и не взял с собой в Вашингтон ни одной из своих картин.

24 июня 1929 года в 4 часа дня в Нью-Йорк пришла телеграмма от Н. К. Рериха, в ней говорилось о чудесном приеме у Гувера, о том, что Америка может гордиться таким президентом и что Гувер предложил ему стать гражданином США.

На следующий день выяснились подробности этой встречи. Во время аудиенции присутствовали: конгрессмен Сол Блум (Bloom), Луис Хорш и Юрий Рерих, но на встречу не была приглашена журналистка Фрэнсис Грант, так как Блум был против этого. Президент подробно расспросил Н. К. Рериха про Урумчи, поинтересовался возможностями торговли с Китайским Туркестаном и Тибетом. Николай Константинович был раздосадован тем, что Блум все время вслушивался в разговор и не давал ему поговорить с Гувером приватно. Мало того, Блум постоянно намекал художнику, чтобы он преподнес какой-нибудь подарок президенту. Николай Константинович очень жалел, что не взял картину с собой, и попросил Гувера принять от него в дар одно из его полотен, которое вышлет ему по возвращении в Нью-Йорк. Так он и сделал. Однако уже 2 июля пришло письмо из Вашингтона от секретаря Гувера Акерсона о том, что президент не может принять такой дорогой подарок от Н. К. Рериха. На отосланной Николаем Константиновичем картине стояла печать, где была указана сумма страховки в 10 тысяч долларов. Это поставило президента в неловкое положение — либо считать картину взяткой, либо необходимо заплатить эту сумму художнику. Николай Константинович был потрясен и немедленно командировал в Вашингтон Луиса и Нетти Хоршей, чтобы они встретились с секретарем Гувера и объяснили ему, что 10 тысяч долларов — это просто сумма страховки за картину, самовольно установленная агентом при ее отправке. В тот же день все благополучно разрешилось. Вечером позвонил Луис Хорш и сообщил, что Акерсон принял картину для

Гувера на условиях, что Н. К. Рерих напишет письмо, что картина не имеет никакой коммерческой ценности. Рерих назвал это идиотизмом, но согласился, чтобы не обострять отношения с Белым домом.

21 августа Святослав Рерих прислал телеграмму, что он в скором времени приедет в Нью-Йорк. 29 августа 1929 года он осмотрел «Мастер-дом» и, в отличие от Николая Константиновича, остался вполне доволен новым высотным зданием.

27 сентября 1929 года, в одном из залов Музея Рериха, под руководством Г. Д. Гребенщикова прошло первое собрание сибиряков и друзей Сибири. Они хотели создать особую Сибирскую группу друзей Музея Рериха.

Вступительное слово Г. Д. Гребенщикова всех вдохновило. Он говорил о грандиозных планах по сооружению гостиницы и аэродрома в своем американском имении-общине «Чураевка». Присутствовавший на собрании Николай Константинович приветствовал сибиряков:

«Хорошо, что вы начинаете ваше дело небольшою группой; главное, что у вас имеется идея красивого устремления к созиданию и единению вокруг такого прекрасного символа, как страна великого будущего — Сибирь, и как живое воплощение красоты — Алтай. Когда мы не так давно проходили через Алтайские высоты, то нам показывали пути и потаенные, ведомые лишь избранным, далекие тропинки к священным местам, именуемым Беловодье. Мы каких-нибудь шесть лет тому назад начинали наше дело тоже только в одной комнате, и вот теперь вы видите, как все растет и именно растет для воплощения лучших символов в действительную жизнь».

После этого выступил Е. А. Москов, он прочел свою статью о связи России и Америки через искусство и о путях, которыми Рерихи ведут человечество к более совершенной грядущей жизни.

В конце своей пламенной речи Е. А. Москов задал риторический вопрос: куда же ведут русский народ эти пути? Но Н. К. Рерих вовсе не считал этот вопрос риторическим и поспешил на него ответить:

— Пути эти все те же — в Беловодье.

Как бы продолжая мысль Н. К. Рериха о Беловодье и Алтае, Г. Д. Гребенщиков прочел несколько глав из своей, еще неизданной книги «Алтай — Жемчужина Сибири»^[350].

Приближался октябрь. Официальное открытие музея, приуроченное к 40-летию культурной деятельности Николая Константиновича, состоялось 17 октября 1927 года. Как и ожидалось, это событие привлекло особое внимание журналистов.

«New York Times» писала:

«Официально открылся Музей Рериха.

Музей, посвященный искусству профессора Рериха, имеет в своей экспозиции больше чем 1000 его картин. Из них 600 составляют цикл, законченный им в течение недавней Рериховской Центрально-Азиатской экспедиции, этот цикл впервые представлен публике целиком. Другие картины, написанные ранее, в том числе и работы, привезенные из России, Италии, Швейцарии и Америки, тоже находятся на выставке, размещенной в небоскребе... Открытие нового здания совпало с сороковой годовщиной творческой деятельности профессора Николая Рериха — художника, писателя и исследователя, в чью честь и был основан в 1924 году музей. Новое здание, с его характерными издержками небоскреба, построено из кирпича... На нижних этажах размещаются: музей и его службы, школа всех искусств — „Master Institute of Roerich Museum“ и „Corona Mundi“, Международный художественный центр Музея Рериха, занимающийся организацией выставок мирового искусства. На верхних этажах — квартиры.

Первая выставка „Corona Mundi“ в новом помещении посвящена художественным сокровищам Тибета, собранным профессором Рерихом во время его Азиатской экспедиции, включая священные знамена и изображения»^[351].

Чикагский журнал «Москва» в октябре 1929 года писал:

«Редакция с особым чувством восхищения и радости отмечает одно из крупнейших событий в победном движении русской культуры. Этим летом в Америку возвратился из пяти-летнего путешествия по странам Востока крупнейший современный русский художник, философ и ученый Н. К. Рерих.

19 июня его приветствовали крупнейшие представители всех искусств и просветительно-художественных учреждений почти от 20 наций, причем русская литература была представлена известным писателем Г. Д. Гребенщиковым... мы приветствуем его появление в Америке, которая воздвигла ему еще при жизни прекрасный памятник — Музей имени Рериха, единственный 24-этажный дом искусства и назвала его „Мастер Билдинг“, что по-русски можно перевести как Дом Учителя.

Поистине Н. К. Рерих... является одним из великих учителей Света, которому мы и посвящаем настоящий номер „Москвы“. Это тем более уместно, что 17 октября 1929 года в Нью-Йорке состоится чествование Н. К. Рериха по случаю 40-летия его культурной деятельности. Это чествование будет ознаменовано как открытием новых галерей в „Мастер

Биллинге“, так и открытием всего 24-этажного монумента, посвященного имени нашего великого соотечественника. Поистине русским людям есть чем гордиться, когда русская культура идет повсюду такой победной поступью. Привет одному из могикан и творцов-подвижников, Русскому Витязю Н. К. Рериху»^[352].

Тем временем над рериховскими учреждениями уже нависли две опасности. Первая из них исходила из Англии.

30 июля Зинаида Лихтман написала в своем дневнике:

«Сегодня разразилась бомба, тяготу которой мы чувствовали все время. Пришла телеграмма из Кулу, извещающая, что правительство не позволяет им купить землю и хотят вернуть уже уплаченные ими деньги. Это самое серьезное, что можно было ожидать. Николай Константинович, Юрий, Фрэнсис, Луис немедленно поехали в Вашингтон на встречу с сенатором Джонсоном и пойдут к английскому послу. Это уже объявление войны, и придется бороться. Конечно, Николай Константинович внутренне очень обеспокоен, боясь за здоровье Елены Ивановны, но все же проявил изумительную силу и мудрость и, конечно, победит. Увидим, какие новости будут завтра. Жаль, что он не послал сразу отсюда всю сумму сполна, как он хотел, ибо, ожидая свидания с Ловенстейном, он потерял много дней. Сегодня у Н. К. были на завтраке полковник Бейли с женой и старик Крейн. Потом пошли смотреть картины. Н. К. подарил им и Крейну по картине. Бейли оба — неприятны, высматривают, как и все англичане, ищут все глазами и ушами»^[353].

На следующий день стали предприниматься меры для того, чтобы заставить английское правительство признать право на покупку земли в Кулу. Для этого Николай Константинович, Луис Хорш и Фрэнсис Грант спешно отправились в Вашингтон, чтобы на правительственном уровне решить эту проблему.

«Вечером приехали из Вашингтона Николай Константинович, Луис Хорш и Фрэнсис Грант, — записала Зинаида Лихтман. — Говорят, что все прошло успешно — сенатор Джонсон свел их с мистером Каслом из Госдепартамента, который оказался очень милым человеком, и он обещал послать телеграмму американскому консулу в Калькутту (Фрезеру, очевидно) для исследования „недоразумения“, почему Николаю Константиновичу не дают право на землю, уже им приобретенную. Затем они были у Акерсона, и тот сказал, что Гувер скоро напишет письмо с благодарностью за картину, ибо он ее принял и весь эпизод забыт. Был очень любезен и просил написать ему письмо о медали для Гувера. Затем

они были в английском посольстве, их очень любезно принял секретарь, Николай Константинович дал ему приготовленный меморандум, они любезны, но, конечно, видны их истинные намерения»^[354].

2 августа пришла телеграмма от Елены Ивановны Рерих, в которой говорилось, что на предложение заплатить сполна за землю правительство еще не дало ответа, но, возможно, скоро придет положительное решение.

Вторая проблема, возникшая у Н. К. Рериха, была связана с финансовым кризисом в США, он ударил не только по рериховским учреждениям, но и по личным сбережениям. Святослав к тому времени увлекся игрой на бирже и в момент кризиса потерял немалые суммы. Н. К. Рерих срочно искал выход и во всем винил Англию. 29 октября Зинаида Лихтман с горечью писала в дневнике:

«Страшная паника на бирже продолжается. Светик потерял все, да и вся страна в ужасном состоянии. Николай Константинович говорит, что это работа Англии, но где же правительство? Что же значат слова Гувера, который вчера уверял, что все в блестящем состоянии. Это страшная вещь!»^[355]

Еще через день она записала:

«Как мы узнали, Гувер отказался дать заявление по поводу положения страны, Уолл-стрит возмущена им. Англия скупила массу бумаг, устроив всю эту панику, и, видно, люди около Гувера вроде Акерсона помогли в этом. Паника продолжается — финансовый кризис хуже, чем во время войны. Положение прямо ужасное»^[356].

Положение было действительно ужасное, все акции рериховских учреждений стремительно падали. Кинотеатр в высотном здании пришлось закрыть, так как он приносил одни только убытки. Школа также не приносила дохода. Ресторан, построенный по настоянию Луиса Хорша, оказался убыточным, а договоры, заключенные с арендаторами квартир в высотном здании, из-за инфляции стали нерентабельными: квартплата не покрывала расходов на содержание здания и выплаты по ссудам и займам, полученным на его строительство. Симфонический оркестр, организованный при музее Василием Завадским, требовал оплаты своих репетиций, при этом даже не думая о том, как принести музею хоть какую-нибудь прибыль.

«Был Гуттенгейм, миллионер, и сказал, что Америка не сможет оправиться от этого краха. Боссом сказал, что Америка уничтожена извне в смысле влияния и финансов. Конечно, не отрицает, что это Англия»^[357], — продолжала свои записи Зинаида Лихтман.

Все сотрудники и Н. К. Рерих с сыновьями переехали жить в высотное здание, так как оплачивать снятые на стороне апартаменты стало слишком дорого. Помещение кинотеатра сдавали под любые мероприятия. Неожиданно банк отказал музею в обещанном займе. Ситуация обострялась. Николай Константинович говорил, что у него создалось впечатление, будто вся страна обанкротилась. Он предпринял новые шаги для поднятия престижа и предложил отправить свои картины в разные страны мира, для того чтобы они там представляли Нью-Йоркский музей, преобразовывая его, таким образом, из американского в международный.

Тем временем Луис Хорш приготовил каждому из сотрудников, в том числе и Рерихам, арендные договоры на квартиры в высотном доме. Из-за инфляции эти договоры превращали владельцев квартир в арендаторов. Возмущенный этим, Николай Константинович на глазах у сотрудников порвал свой договор и посоветовал им сделать то же самое. Денег катастрофически не хватало, и Луис Хорш уже отчаялся найти у кого-либо заем под любые проценты.

В январе 1929 года предстояло платить по кредитам, а инфляция сжирала все доходы. Наконец, Луис Хорш договорился с «National City Bank», который под залог облигаций музея пообещал дать ссуду. При этом необходимо было представить арендный договор от «Мастер-дома» — музею, поскольку банкиры справедливо полагали, что произведения искусства и культуры всегда будут в цене. Пришлось согласиться и на это.

Сначала деньги дал только «Chemical Bank». 3 января 1930 года, когда все рериховские учреждения оказались на грани полного банкротства, Луис Хорш объявил, что заем в 70 тысяч долларов наконец-то получен. Его предоставили на три месяца, и благодаря усилиям Хорша проценты были вполне приемлемые. После того как «Chemical Bank» выделил кредит Музею Рериха, не желая оказаться в проигрыше, свои услуги предложил и «National City Bank».

10 января произошел очередной скандал. Корреспондент одного из американских деловых журналов заявил, что «Master Building», как теперь называлось высотное здание Н. К. Рериха, хотя и заплатил проценты за декабрь, но не имеет фонда для погашения задолженности в следующие месяцы. Ресторан, как оказалось, принес вместо прибыли — 16 тысяч долларов убытка. Это еще более усугубило ситуацию. На следующий день после этой публикации недовольный всем, и особенно своим зависимым финансовым положением, Святослав решил отказаться от поездки в Индию, он сказал, что не хочет тратить деньги отца и поэтому остается в Америке.

14 февраля Нетти Хорш отплывала на корабле «Saturnia» транзитом через Италию в Индию к Елене Ивановне Рерих. Николай Константинович уже мечтал об отъезде, ему надоели бесконечная суматоха и вечные проблемы. Было решено, что он и Юрий уедут 4 апреля. Святослав должен был покинуть Америку 15 апреля, а Фрэнсис Грант решила ехать только 18 апреля.

Тем временем Н. К. Рерих закончил работу над эскизами декораций и костюмов для «Весны священной» И. Ф. Стравинского. Эта работа могла принести деньги, необходимые для уплаты долгов.

Л. Ф. Мясин в Филадельфийской филармонии решил поставить скандально известный балет И. Ф. Стравинского, а узнав, что Н. К. Рерих находится в Америке, тут же написал ему письмо, обещая золотые горы и полную творческую независимость. Николай Константинович, естественно, согласился на участие в постановке, но желаемых денег этот заказ не принес, да и отношение американских антрепренеров к художнику было совершенно равнодушным. Когда Николай Константинович выразил желание посмотреть костюмы для «Sacre du Printemps» («Весны священной»), ему ответили, что их уже показывали миссис Рис, мистеру Мэкан, и поэтому ему их видеть не обязательно. Теперь он уже жалел, что зря потратил время.

Близилась премьера «Весны священной», но Николаю Константиновичу не хотелось ехать в Филадельфию. Он был очень обижен на устроителей балета. Поэтому 15 февраля туда поехал его сын Юрий, чтобы хоть как-то проконтролировать изготовление и установку декораций. Поездка была недолгой, устроители балета хотели все решать сами. Несколько раз Юрий ездил в Филадельфию, чтобы обсудить условия оплаты за декорации, благо поездка туда и обратно занимала всего полдня. В Филадельфии у Юрия появились новые друзья, готовые оказать помощь рериховским учреждениям. Заработать деньги решили на продаже старинных картин. Прибыль оказалась минимальной, и Святослав был недоволен и все время повторял, что уж лучше играть на бирже, чем торговать чужими картинами с аукциона. В апреле состоялась премьера «Весны священной», на которой Н. К. Рерих присутствовать не захотел.

Еще в марте стало известно, что обещание президента Гувера дать Н. К. Рериху американское гражданство осталось только словами — в паспорте ему было отказано. Через несколько дней из английского посольства в Вашингтоне пришло письмо. В нем говорилось, что ответ из Лондона по поводу виз в Индию для Николая Константиновича и Юрия Николаевича Рерихов так и не пришел, что посольство решить этот вопрос

не может и поэтому им необходимо ехать в Лондон. Святославу Рериху было отказано в визе в Индию еще раньше.

НАДЕЖДА

Николай Константинович и Юрий Николаевич Рерихи 4 апреля 1930 года сели на корабль «Majestic» и в 10 часов вечера отплыли из Америки в Европу. Они планировали заехать в Париж, но Елена Ивановна писала из Индии, что категорически против этого, что вначале необходимо решить все дела в Англии.

Однако там Николай Константинович Рерих натолкнулся на стену непонимания. Предложение нью-йоркского английского консула — получить визы в Лондоне — было вероятнее всего шуткой или сознательным обманом. В Англии визы для въезда в Индию Рерихам как раз и не хотели давать.

28 мая 1930 года в своем дневнике Зинаида Лихтман написала:

«Получено письмо от Николая Константиновича — положение у них там невыносимо — повсюду уже были, но виз не дают. То причина большевизм, то приверженность к старому правительству, то пропаганда Форда; что теперь будет, не известно, Николай Константинович намекает, что придется продолжать работу, сидя в Европе, и что Нетти Хорш придется ехать домой из-за Флавия, а Энта останется»^[358].

Были предприняты всевозможные шаги для того, чтобы заставить английское правительство изменить свое решение. Елена Ивановна Рерих продолжала оставаться в Кулу, а мужа и сыновей английские власти не пускали к ней в Индию.

«Логован [Луис Хорш], теперь получая письма от Порумы [Нетти Хорш] передает несколько слов из их содержания, но не показывает их, — писала по горячим следам Зинаида Лихтман. — Получилась телеграмма от лорда Реадинга о том, что он жалеет, но не может помочь в визе Николаю Константиновичу из-за decision of government [решения правительства]. Получила ее „Mundi“ в ответ на свою телеграмму к нему... [Мадам Бейли жена полковника Бейли резидента в Сиккиме] рассказала ему [Луису Хоршу], что глава здешней английской secret service [разведки], ее лучший друг, очень враждебен к Николаю Константиновичу, не дает ему визы, сообщив, что Николай Константинович не был в местах, указанных им, получает советские деньги. Одним словом ужас, что он говорил»^[359].

За несколько месяцев Н. К. Рерих поднял все свои связи, но в отношениях с Лондоном ничего не менялось, виз в Индию не давали, причем и официальных объяснений тоже. Позже, в 1939 году, Николай

Константинович вспоминал:

«Дело с визами причинило нам не только бесчисленные хлопоты, но, больше того, оно нанесло неизгладимый вред для наших просветительных учреждений. Все визное дело и само начало его было несказанно безобразно. Весною 1930 года мы возвращались из Нью-Йорка в Индию, где в то время была Елена Ивановна. Обратились к британскому консулу в Нью-Йорке, он как-то странно замялся и предложил нам, раз мы едем через Европу, взять визу в Лондоне. Мы последовали консульскому совету, но когда прибыли в Лондон, то нам в Министерстве Иностранных Дел сказали, что виза нам вообще не будет выдана. Тут-то и началось памятное визное дело. Семнадцать государств хлопотали о выдаче нам визы. Необоснованный отказ вызывал всеобщее справедливое возмущение. Один дипломат передавал, что на обеде в Букингемском дворце старшина дипломатического корпуса воскликнул:

— Все-таки это дело более чем странно! — И все поняли, что имелось в виду наше визное дело.

Кроме иностранных правительств и лучшие английские представители много раз посетили улицу Даунинг с самыми сильными заявлениями. Так, в одно время там побывали герцог Соммерсетский, кардинал Бурн и архиепископ Кентерберийский, лейборист Тревельян... Писали Гордон Боттомлей и Гальсворти... Хагберг Райт, директор Лондонской библиотеки, написал своему правительству чрезвычайно сильное письмо, заканчивая его словами, что он надеется, что „разум возьмет верх“... Дело о визе нашей так разрослось, что его возили по коридорам Министерства в тачке. Наконец я спросил определенно, когда будет выдана виза. Нам ответили, что она выдана не будет (опять-таки без всяких объяснений). Я спросил:

— Это окончательно?

И господин в желтом жилете ответил, низко поклонившись:

— Окончательно!»^[360]

В Лондоне о Николае Рерихе довольно быстро стали распространяться всевозможные слухи и домыслы. Английские власти всячески пытались дискредитировать авторитет художника и ученого с мировым именем. Николай Константинович через много лет вспоминал эти полные лжи и обмана месяцы, проведенные в Англии:

«В 1930 году, в Лондоне же ко мне явился профессор Коренчевский и после всяких замысловатых вступлений сказал:

— Есть у меня один вопрос, на который Вы мне, наверно, не ответите.

Когда же я заинтересовался таким оборотом и сказал, что готов ему ответить, он таинственным голосом провещал:

— Ведь вы не Рерих, а Адашев.

Когда же я настаивал на том, что я есмь я, он с хитрым видом закончил:

— Я так и думал, что вы мне не скажете истину.

Вот с какою кромешною тьмою приходится встречаться. Даже не знаешь, где границы этого Гран-Гиньоля! Тогда у нас осталось впечатление, что Коренчевский умалишенный, но, очевидно, таких безумцев на свете довольно много, ибо они всячески продолжают свое своеобразное рекламирование.

В том же Лондоне проживают некая В. и архитектор Б., которые одновременно рассказывали, что мы взяли в плен Далай-ламу со всеми его сокровищами. Самого-то Далай-ламу мы, в конце концов, отпустили, но все несметные его сокровища оставили при себе. Взрослые пожилые люди не гнушаются и такими рассказами. В некой газете я сам читал, что, встречаясь с людьми, мне понравившимися, я пригоршнями вынимаю из кармана бриллианты и рубины и одариваю ими их. Известный Вам барон М. в Лондоне спрашивал доверительно Шклявера:

— Ведь от одного взгляда Рериха волосы седеют?!

Вот Вам и товарищ председателя Думы. Поистине, мы живем еще в каком-то мрачном средневековье»^[361].

Несмотря на препятствия, Николай Константинович Рерих продолжал бороться за получение английских виз для въезда в Индию. И только после того, как стало ясно, что все возможности исчерпаны, Николай Константинович решил переехать во Францию и там попытаться предпринять какие-то меры.

«Вечером было сообщение от Николая Константиновича, чтобы мы писали с 30-го мая на Париж, — читаем в дневнике Зинаиды Лихтман. — Мы совсем теряемся в догадках, как все это окончится. — Пока в Индии разгорается пожар и положение плохо...»

Сторонники Н. К. Рериха добились того, чтобы от имени государственного секретаря США была послана телеграмма английским властям с просьбой разрешить ему проехать в Индию к больной жене.

А в это время британская разведка искала повод для того, чтобы выдворить Елену Ивановну из Индии.

2 апреля 1930 года агент Д. М. Даннет докладывал в Индию:

«В телеграмме государственного секретаря содержится незначительное сообщение о том, что миссис Рерих очень больна... Мы можем попросить директора Разведывательного бюро как можно скорее

выяснить, действительно ли миссис Рерих очень больна»^[362].

Английская разведка готовила Елене Ивановне Рерих унижительную «проверку» ее болезни.

Главный секретарь правительства Пенджаба Д. Бойд писал 3 мая 1930 года секретарю колониального правительства Индии Х. В. Эмерсону:

«Я хотел бы сообщить для сведения правительства Индии, что чиновник подотдела Кулу 19-го навесит миссис Рерих, когда ему доложили о ее болезни. Она, однако, не вызывала доктора. Он опять навесит ее 21-го и видел миссис Рерих, которая, по его мнению, была в добром здравии. Можно считать, что леди не так больна, чтобы возникала необходимость в присутствии мужа»^[363].

Сотрудник английской разведки М. Ф. Клири в одном из донесений от 20 мая 1930 года высказывал мнение по поводу предпринимаемых Н. К. Рерихом усилий добиться от Англии разрешения на въезд в Индию:

«Я не думаю, что мы должны менять свою позицию в отношении Рериха только потому, что его жена оказалась ипохондриком или даже хроническим инвалидом. Она была достаточно сильной, чтобы вынести суровость экспедиции 1924–1928 годов в Тибет и другие страны. Я очень сомневаюсь в правдивости заявления, что она не может предпринять морского путешествия. Если мы будем потакать этому, Рерихи будут наступать на нас, и я думаю, что мы должны держаться как можно дольше против этого русско-американского чудака, который пытается сильно „ухватить“ правительство и добиться разрешения поселиться в Индии»^[364].

Елена Ивановна Рерих, понимая свое непрочное положение, приняла решение переселиться из Кулу в более отдаленный поселок Келонг, находившийся за перевалом Ротанг. Это место считалось труднодоступным, правительственный врач не захотел ехать в такую даль и преодолевать опасный перевал, а другого врача для освидетельствования Елены Ивановны английские власти найти не смогли. Оставалось одно — ждать, когда она сама спустится с гор в долину. Но Елена Ивановна, зная о планах английского правительства, не спешила менять места жительства.

Заместитель секретаря при колониальном правительстве Индии С. Н. Рой писал 17 сентября 1930 года главному секретарю правительства Пенджаба Д. Бойду:

«Правительство Индии было бы радо, если миссис Рерих, как только она вернется в Кулу в начале октября, была бы сразу неожиданно извещена о том, что местное правительство договорилось с гражданским хирургом Кангры о медицинском обследовании и что, если обследование покажет,

что она нуждается в сопровождении мужа для скорейшего возвращения в Европу, виза будет выдана только для этой цели»^[365].

В июле 1930 года, конечно не без участия английских спецслужб, начались проблемы с американской прессой. Сотрудники рериховских учреждений всячески пытались противодействовать газетной шумихе. Зинаида Лихтман в дневнике писала:

«Днем Луис Хорш вызвал, сообщил, что вчера был репортер от „Times“, который хотел узнать детали, почему Николаю Константиновичу не дали визы. Луис Хорш ответил уклончиво, желая выиграть время, и послал сообщение Николаю Константиновичу с запросом. Николай Константинович ответил, чтобы ничего не сообщать в печать. Несмотря на это, сегодня в „Times“ появилась заметка о Николае Константиновиче и отказе Англии дать ему визу. Кроме того, manager Editorial Department [менеджер отдела передовых статей] вызвал Луиса Хорша и сказал ему, что они расследовали и получили от anglo sudian office reason of refusal To grant visa to Prof. R. because of his past sympathy for Russia [что причина отказа в выдаче виз профессору Н. К. Рериху в его прошлых симпатиях к Советской России], на это Луис Хорш ответил, что они не имеют права печатать это, ибо это не правда и принесет вред учреждениям. На что тот ответил, что они are responsible people and newspaper [ответственные люди и газета] и напечатают, безусловно, этот statement [утверждение]. Я советовала Луису Хоршу отрицать этот statement очень энергично и пригрозить „Times“ судом...»^[366]

На следующий день «New York Times» опубликовала официальное письмо, присланное английским департаментом. Работники рериховских учреждений в тот же день опубликовали опровержение, но английские власти разослали свое заявление сразу в несколько американских газет. Николай Константинович по телефону из Парижа просил не предпринимать никаких действий через прессу, чтобы не поднимать скандала. Но нежелательные публикации все же стали понемногу появляться в печати. Тем временем в Париже Николай Константинович, при поддержке друзей, встречался с официальными лицами и продолжал бомбить прошениями и требованиями английские инстанции. Французское правительство послало официальный запрос в Лондон, но ответ пришел отрицательный.

Н. К. Рерих в 1939 году вспоминал: «Наш друг, французский посол Флорио, разразившийся целой нотой по поводу наших виз и имевший об этом целые длительные словопрения с британским правительством,

посоветовал нам возвращаться в Париж, тем более что Президент Думерг назначил нам аудиенцию. В Париже продолжалась эта война на ставку крепости нервов. Некоторые эпизоды ее, несмотря на трагизм, были даже забавны. Так, когда шведский посол граф Эренсверг сделал свое представление по нашему делу, ему было сказано, чтобы он не беспокоился, так как и посильнее Швеции державы не имели успеха».

Основной причиной отказа Н. К. Рериху во въезде в страну английские власти называли беспорядки в Индии, которые не дали бы ему возможности спокойно проводить археологические раскопки и изыскания. Они утверждали, что в связи с этим местные власти не могут обеспечить его безопасность.

Цинизм, с которым английские власти отказывали всем просителям, не уменьшал упорства Николая Константиновича. Тем временем в Нью-Йорке работники английской разведки долго расспрашивали сотрудников о Кордашевском и других участниках Первой Американской Центрально-Азиатской экспедиции. В Антверпене Николай Константинович и Юрий попытались получить въездные визы на только что оформленные в Париже французские паспорта, но англичане равнодушно смотрели на любые документы — фамилия Рерих означала только одно — никакой Индии.

Между тем во Франции произошло очень важное событие: Рерих сумел доказать свое дворянское происхождение и даже баронство. С этого момента Николай Константинович стал подписывать свои письма «de Roerich». Он изготовил новые бумаги и конверты с фамильным гербом.

Вопрос о собственном дворянском происхождении давно мучил Николая Константиновича, тем более что его жена была княжеского рода, внучатой племянницей М. И. Голенищева-Кутузова. До революции Николай Рерих называл себя потомком Рюриков, ссылаясь при этом на неопровержимые доказательства.

В свое время князь Сергей Щербатов, художник и меценат, участник пресловутой петербургской выставки «Современное искусство», был очень обижен и зол на Рериха именно из-за его претензии на именитость предков. Прожив остаток жизни в Америке, князь не забыл обид и довольно резко писал о Н. К. Рерихе:

«Совершенно иной, но столь же отдельно от остальных художников стоявшей фигурой был в Петербурге таинственный Рерих. В разные сферы, включая дворцовые, он проникал охотно и умело, с расчетом и тонким выбором. Он умел сказать, что нужно, и бить в цель, добиваясь им намеченного и делая карьеру. Если для Головина, от меня ничего не ждавшего и ничего во мне не искавшего, я был просто собеседником и

большим любителем искусства и театра, для него, видимо, приятным, то для Рериха я был „князем Щербатовым“ — это я чувствовал, и это мне было тягостно, хотя он, видимо, хотел играть роль друга и бывал очень мил и всегда интересен. Он занимал довольно выдающийся пост директора отличного культурного учреждения на Морской — Общества покровительства художеств, почетной председательницей которого была принцесса. На мой вопрос и на предложение высказаться по какому-нибудь вопросу, связанному с его деятельностью, он отвечал обычно:

— У меня еще нет мнения, пока не выскажется принцесса...

Человек он был, несомненно, умный, хитрый, истый Тартюф, ловкий, мягкий, обходительный, гибкий, лстивый, вкрадчивый, скорее недобрый, себе на уме и крайне честолюбивый. О нем можно сказать, что интрига была врожденным свойством его природы. На нем была словно надета маска, и неискренний его смех никогда не исходил из души. Всегда что-то затаенное было в его светлом, молочного цвета лице с розовыми щеками, аккуратно подстриженными волосами и бородой. Он был северного — норвежского типа и довольно прозрачно намекал, что его фамилия Рерих связана с именем Рюрик. Как — оставалось не вполне понятным... А талантлив Рерих был несомненно, и также несомненной была его горячая любовь к искусству; обслуживая многое и прислуживаясь многим, он искусству служил искренне...»^[367]

Восстановив баронство, Н. К. Рерих открывал для себя двери многих аристократических домов, получая поддержку в европейском обществе. Еще в 1900 году Николай Константинович, как бы стесняясь своего происхождения, несколько иронично писал своей невесте Елене Ивановне Шапошниковой:

«Милостивая Государыня

Наидрожайшая невеста моя Елена Ивановна.

Напрасно думаете утрудить рученьки Ваши отодранием меня за хохол мой, ибо он таковой у меня маленький и оной критики Вашей противостоять не в состоянии.

Тоже напрасно думаете, что спать ложимся мы с петухами; мы хотя и купеческого сословия, но дворянские привычки с малых лет исполнять приобываем и вечером сидим в трактире, ведем разговоры и слушаем машину, и когда машина играет что-либо чувствительное для сердца, то мысленно и почтительно целую я Ручки Ваши. Опять же напрасно думаете Вы, Елена Ивановна, что храплю я „Во всю Ивановскую“ — скажу, как приятно было мне слышать из сахарных уст Ваших наше любимое купеческое слово — то пренапрасно Вы на меня такие размышления

имеете, оной привычки храпеть мы не имеем, а ежели во сне когда и присвистываем, то в самую умеренную пропорцию. В трактире непутственных разговоров мы не водим, а ведем компанию с людьми солидными. Первое, коммерции советник Свиньин — двор строительных материалов содержит и покойный Царствие Небесное, Папенька Ваш про него слыхивал. Второе, купеческий сын Александр Иванович Косоротов — галантерейными товарами шибко приторговывает. В-третьих, греческого короля поставщик Куинджев восточный магазин имеет. С оными людьми мы водим компанию.

За благовонийстыми духами я послал мальчика и настрого приказал прежде не брать, а понюхать, чтобы не было обману и духи крепко бы пахли. Малец нюхал и чихал даже, следовательно духи — добротные.

Понимает ли Тевяшев толк в товарах, и до того мне дела нету, но хочет он купить у меня оптом партию очень большую и такие покупатели нам с руки. В среду прикончу дела мои торговые и еду повидать Ваши ясные глазки.

Почтительнейше целую ручку маменьки достопочтенной Екатерины Васильевны и пальчики Ваши несчетное число раз перецеловывая и Господа о здравии Вашем моля усердно пребуду почтительнейше.

Купеческий сын и москательного магазина владелец Николай Константинович сын Рерихов. Санкт Петербург»^[368].

В Европе Рерих продолжал предпринимать все возможное и невозможное, чтобы скорее вернуться в Индию к жене Елене Ивановне.

30 июля 1930 года Елена Ивановна писала, что положение в Индии очень серьезное, в долинах происходят волнения и ей приходится ездить домой в сари, подчеркив лицо.

Визовое дело Рериха принимало все больший общественный резонанс. Сотрудники рериховских учреждений упорно и методично рассылали прошения во все английские инстанции и обращались за помощью к влиятельным людям.

7 августа 1930 года американский митрополит Платон написал официальное письмо в поддержку Рериха. Под давлением колоссального количества писем английские власти стали уже сомневаться в целесообразности отказа выдачи виз Н. К. Рериху и его сыну, но так просто уступить общественному мнению не позволяла честь мундира. Первой уступкой министерства иностранных дел Англии был отказ от всех неофициальных ответов, которые ранее направлялись в газеты.

А тем временем болезнь Елены Ивановны обострилась. Николай Константинович переслал в Нью-Йорк письмо для передачи президенту

США Гуверу. Луис Хорш, в обход всех недоброжелателей, сумел передать его президенту лично. И 1 сентября было решено написать петицию, составленную от имени всех заступников и отправить ее в министерство иностранных дел Англии. Это не испугало английские власти, а наоборот, разозлило. В Болгарии британская разведка организовала распространение среди монархистов слухов о большевизме Н. К. Рериха. При этом упоминались ранняя книга стихов Рериха «Цветы Мории» и книги, написанные Еленой Ивановной.

11 сентября из Индии пришло сообщение о критическом состоянии здоровья Елены Ивановны, а на дорогу Рерихам, при лучшем стечении обстоятельств, потребовалось бы около трех недель. Но английские власти пока не собирались пускать Николая Константиновича ни к здоровой, ни к больной, ни к умирающей жене, хотя уже и стали побаиваться общественного резонанса. 28 августа 1930 года заместитель секретаря при правительстве Индии С. Н. Рой писал:

«Мы не можем рассчитывать на то, что государственный секретарь выразит удовлетворение по поводу нашего обещания осмотреть по возвращении Е. И. Рерих в Наггар в начале сентября. Ее возвращение может быть отложено, и, если болезнь будет иметь фатальный исход, мы можем оказаться в ужасном положении».

Поэтому на очередную просьбу спикер английского парламента ответил, что вопрос о визах находится еще на обсуждении, а что касается болезни Елены Ивановны, то если она смогла участвовать в труднейшей гималайской экспедиции, то со здоровьем у нее, наверное, все в порядке.

Постепенно положение с визами зашло в тупик. Американский посол во Франции уже отказался помогать Н. К. Рериху, заявив, что это не его дело, так как Рерих не гражданин США. В такой ситуации Николай Константинович потребовал ускорить подготовку меморандума в свою защиту и просил своих сотрудников вновь обратиться за поддержкой к митрополиту Платону, чтобы тот послал телеграмму президенту Гуверу.

24 сентября возникла еще одна идея: помимо Общества друзей Музея Рериха, предполагалось создать Всемирное общество единения женщин и с помощью этой организации собрать подписи в поддержку Елены Ивановны с просьбой выдачи виз для ее мужа. Специально для давления на английское правительство Г. Г. Шклявер ездил на заседание Лиги Наций, но там на его заявление не обратили внимания, мир уже приближался к следующей мировой войне. Рерих раздаривал свои картины, альбомы, искал новых друзей и союзников.

6 октября папа римский передал через кардинала Франции письмо для

Н. К. Рериха со своим благословением и благодарностью за альбом репродукций, посланных ему в дар Николаем Константиновичем.

На следующий день Николай Константинович написал письмо английской королеве в надежде на содействие в сложившейся ситуации. Но не дождавшись от нее ответа, нашел свое решение. На официальном обеде французский колониальный министр пригласил Н. К. Рериха и его сына во французскую часть Индии. В это время Н. К. Рерих уже запасся визами во все колонии других стран в Индии, он собирался использовать их как козырь при получении английской визы, но после официального приглашения французского министра Николай Константинович поступил иначе.

Было решено, что 11 октября Николай Константинович выедет в Пондишери, во Французскую Индию, и уже оттуда попробует повлиять на колониальные власти. Ходили слухи, что английскому правительству надоела настойчивость Рериха и виза должна быть выписана уже в этом месяце.

Елена Ивановна Рерих писала из Индии американским сотрудникам, что трудности, связанные с получением виз, только помогли приобрести новых друзей и проверить на прочность старых.

Прошел уже год с момента первого отказа в английских визах, а Николай Константинович никак не мог встретиться с женой. В октябре 1930 года, в то время, когда корабль Рериха был на пути в Коломбо, помощники Елены Ивановны, без ее ведома, дали согласие на медицинское освидетельствование. В Англии снова подняли вопрос о визах, решение должно было быть принято в строжайшей секретности от непримиримых врагов Николая Константиновича. Разорвать этот заколдованный круг решил принц Уэльский.

4 ноября Николай Константинович и Юрий Рерихи прибыли в Пондишери. На просьбу выдать въездные документы они снова получают отказ, и даже принц Уэльский не сумел перебороть бюрократическую машину английской разведки. Тогда Н. К. Рерих попросил своих друзей немедленно послать петицию, подписанную сотнями известных людей. Были вновь разосланы письма во все инстанции от имени нескольких десятков учреждений и организаций.

Наконец Рерих решился обратиться к самому вице-королю Индии:

«Абсолютно невозможно везти ее вниз, на жаркую равнину. Доктора, которые знают ее состояние, подтверждают, что она может совершить морское путешествие ценой своей жизни. Низкие места и жара в равной степени убийственны для нее. Последние шесть месяцев беспрерывных

волнений и справедливое возмущение всеми клеветническими слухами и газетными сообщениями нанесли серьезный ущерб ее здоровью... Я уверен, что Вы примете в расчет действительно трагическое положение нашей семьи и дадите нам разрешение посетить Кулу, которая является единственной целью нашей поездки».

Последним аргументом Н. К. Рериха было то, что вместе с ним приехал и личный врач Елены Ивановны. Николай Константинович позже вспоминал эти события: «Перед нашим отплытием из Марсея мы дали телеграмму британскому министру Гендерсону о нашем отъезде в Пондишери, на что он телеграфировал нам, что это „принято во внимание“. Кроме французской визы во все пять французских владений в Индии мы запаслись еще португальской визой в Гоа и в португальское селение около Бомбея. Британский консул в Пондишери был чрезвычайно встревожен нашим приездом, тем более что по местному обычаю приезжие в Пондишери имели возможность посещать и Мадрас. Британский консул озабоченно спрашивал нас, что мы будем делать, если виза все же не будет выдана. Мы сказали, что приобретем имение в Пондишери, а затем будем ездить во французский Чандранагор (в 20 милях от Калькутты), в Гоа, в Каракал и в другие места, согласно нашим визам. Наши сожители по гостинице в Пондишери уверяли, что на деньги, потраченные на одни телеграммы, можно выстроить целый большой дом»^[369].

Между тем английский консул в Пондишери вовсе и не думал проводить врачебное освидетельствование жены Рериха, он в мягкой форме отказал Н. К. Рериху, заявив, что медицина не его профиль.

17 ноября генерал Бахадур Ладен Ла официально заявил английским властям, что, по его сведениям, Н. К. Рерих находится на «советской службе» и что он участвовал в распространении «найденных в погребках Индии» антиправительственных листовок. Немедленно последовал протест со стороны рериховских организаций, а 21 ноября было составлено письмо английской королеве. 25 ноября из Лондона пришел ответ, что виза Рериху будет выдана с условием, что он поедет в Кулу и заберет жену.

Положение создалось крайне неприятное, такого обещания Николай Константинович дать не мог. Один из сотрудников музея был срочно командирован в Лондон, где, несмотря на уверения английских чиновников в симпатиях Н. К. Рериха к большевикам и революционерам, он все же сумел добиться визы для Николая Константиновича и его сына.

5 декабря 1930 года виза была выдана. Через месяц пребывания в Пондишери Н. К. Рерих получил разрешение на поездку в Кулу, правда, с оговорками и ограничениями: «Профессору Рериху было дано разрешение

посетить Британскую Индию на условиях покинуть ее, в случае необходимости, в течение трех месяцев»^[370].

Но это было уже не страшно, Николай Константинович и на этот раз вышел победителем. Вот что он писал потом в дневнике:

«После месяца пребывания в знойном Пондишери мы в одно прекрасное утро на площади увидели чапраси (служащего) британского консула, бегущего к нам, махая какой-то бумагой. Оказывается, виза от вице-короля. В последнее свидание с нами британский консул удивленно спрашивал:

— В конце концов, скажите, что все это значит?

Мы отвечали:

— Если даже вы не знаете, то как же нам знать?

Некоторые злые языки поговаривали, что все то дело устроено нами же для рекламы, настолько непонятен был этот нелепейший эпизод от начала до конца. Но кто возместит потраченное время и огромные расходы, вызванные всеми этими перипетиями? Когда смотрю на толстенную папку нашего визного дела, то даже невероятно бывает вспомнить все вреднейшие человеческие попытки пресечь культурную работу. Но с тех пор в мире произошло столько всяких злостных ухищрений, что наш эпизод, длившийся без малого год, становится лишь одним из показателей современной „цивилизации“, быстро утрачивающей всякую человечность»^[371].

ПАКТ РЕРИХА

Идея создания международной организации по охране культурных ценностей возникла у Н. К. Рериха еще до революции, в 1904 году, в Петербурге.

Замысел проекта сформировался в общественный договор всех стран мира под названием «Пакт Рериха» только к 1929 году. Николай Константинович начал активно привлекать к осуществлению своего плана видных общественных деятелей Америки.

Зинаида Лихтман в 1929 году написала в своем дневнике: «Затем пришли Николай Константинович и Светик. Н. К. говорит, что интересно, что [Уильям] Бора ответит на план of Art Treasures Protection [Защиты сокровищ искусства], который они оставили у него»^[372].

Задуманный Николаем Константиновичем Пакт сразу нашел поддержку у многих конгрессменов и политиков. Было решено обнародовать проект и дать о нем информацию, но многие газеты не захотели печатать текст рериховского Пакта, считая его несерьезной забавой известного художника. Зинаида Лихтман 12 февраля 1930 года с сожалением писала:

«Хотя Фрэнсис и дала вчера в пять газет „Roerich Pact“, сегодня ни в одной из них ничего об этом не появилось. Николай Константинович очень огорчен этим отношением прессы»^[373].

И только одна газета, «New York Times»^[374], в этот день напечатала заметку о «Пакте Рериха».

За время пребывания Николая Константиновича в Европе его проекты обрели последователей во многих странах, и уже начиная с 1929 года можно было писать историю создания Пакта.

В Нью-Йорке первые комитеты учредили в 1929 году, а в Париже и Брюгге — в 1930 году.

Из разных государств стали поступать приветственные письма, выражавшие восхищение идеей создания «Знамени Мира» и одобрение Пакта. Это движение породило многих энтузиастов. Поэт Марк Шено (Chesneau) и писатель Александр Лемариес (Lesmaries) совершали турне по городам Франции, призывая всех присоединиться к благородной миссии Н. К. Рериха. Две французские академии, «Academic des Baux-Arts» и «Academic des Sciences Morales et Politiques», одни из первых поддержали проект «Знамени Мира», были написаны докторские диссертации,

посвященные рериховскому движению.

13 сентября 1931 года в Бельгии в городе Брюгге открылась Первая Международная конференция Пакта, которая вызвала большой резонанс в культурных кругах. В том же году, в издательстве Музея Рериха, вышел первый том сборника приветствий и документов «Roerich Banner of Peace».

Теперь каждый день, в разных газетах появлялись сообщения о конференции в Брюгге.

Так, газета «New York Times» сообщала о принятых на конференции документах и о ходе самих заседаний:

«BRUGES, Бельгия, 12 сентября древний город Брюгге готовится к конференции Рериховского Пакта. Здесь собралось 400 делегатов из многих стран, в том числе и из Соединенных Штатов. Конференция начнется завтра с праздничной мессы в соборе и официальной церемонии во Дворце правительства провинции.

В понедельник начнет работу Генеральная Ассамблея. Секции конференции рассмотрят возможность защиты картин и художественных объектов в военное время.

Одна секция поднимет вопрос о подземных хранилищах при музеях, в то время как другая будет обсуждать проблемы защиты библиотек и коллекций монет... Ассамблея рассмотрит программы воспитания детей, программы по организации лекций в военных академиях, школах местной полиции и пожарных командах, о необходимости защиты произведений искусства.

Делегат от Бельгии, археолог Камилл Тюльпинк, организатор и президент конференции, заявил, что главная ее цель состоит в том, чтобы научить людей предпринимать необходимые меры для сохранения ценных предметов искусства прежде, чем начнутся военные действия... Почетным президентом конференции был избран Николай Рерих, всемирно известный художник и основатель „Roerich Pact of Peace“»^[375].

На следующий год 8 августа в том же городе Брюгге состоялась Вторая Международная конференция «Пакта Рериха», в результате которой основали новую международную организацию «Fondation Roerich pro Pace, Arte, Scientiae et Lahore».

Следующий шаг был сделан в 1933 году, когда 17–18 ноября в Вашингтоне состоялась Третья Международная, теперь уже, конвенция «Пакта Рериха», в которой участвовали дипломатические представители из 36 государств. Отчет Конвенции, которую директор Панамериканского союза признал «одной из самых удачных конвенций, когда-либо состоявшихся в Вашингтоне», был напечатан в виде отдельной книги,

названной вторым томом «The Roerich Pact and Banner of Peace».

Международная конвенция утвердила Постоянный комитет, избрав почетными президентами академика Николая Константиновича Рериха и его супругу Елену Ивановну Рерих, а почетным председателем и покровителем Пакта — министра земледелия Генри Уоллеса. Председателем Пакта стал Луис Хорш. Вице-председателем — журналистка и сотрудник рериховских учреждений Фрэнсис Грант, а генеральным секретарем — профессор Нью-Йоркского университета археолог Ральф Макгоффин.

Постоянный комитет размещался, как и все учреждения Рериха, в высотном здании «Мастер-дома». В декабре 1933 года в городе Монтевидео в Уругвае состоялась Седьмая конференция Панамериканского союза, объединившего страны двух американских континентов. Ее участники единогласно приняли «Пакт Рериха» и рекомендовали своим правительствам подписать этот договор. В течение 1934 года руководители 21 государства Северной, Центральной и Южной Америк назначили своих делегатов, дав им полномочия подписать международный договор. Своим представителем президент Соединенных Штатов Америки выбрал министра земледелия Генри Уоллеса.

Вот одно из его выступлений в переводе В. А. Шибаетова, личного секретаря Н. К. Рериха, напечатанное сразу в нескольких газетах:

«Я считаю, что „Пакт Рериха“ является неизбежной ступенью в развитии международных отношений. Никогда еще раньше не было такой необходимости в этом идеале. В то время, когда отдельные нации работают над своими индивидуальными экономическими и национальными проблемами, также важно, чтобы они признали свою ответственность, как члены мировой общины наций. Я не один из тех, который предложил бы туманные мечты вместо творческого действия, и именно поэтому я утверждаю, что настало время всем идеалистам создать действительность завтрашнего дня и собраться вокруг символа международного культурного единения. Настало время произнести зов к признанию красоты, науки и образования, которые идут поверх национальных ограничений, чтобы укрепить то, что мы ценим каждый в своей форме управления и обычаях. Именно ввиду этого я считаю ратификацию „Пакта Рериха“ таким значительным шагом вперед. Принятие Пакта знаменует наступление новой эпохи, когда все, кто действительно любят свою собственную страну, в добавление к этому признают также и необычайные вклады в Культуру, приносимые другими странами, и будут почитать то общее духовное начало, которое объединяет в одно братство всех художников, всех ученых,

всех воспитателей и всех истинно религиозных людей, какова бы ни была их вера. Я чувствую, что наш теперешний век является крупным должником по отношению к академику Рериху, благодаря созданию им этого идеала — ибо только такие идеалы дают реальность нашим попыткам создать и материальное благо, и выработать усовершенствованную общественную организацию для его распределения. И в то время, когда мы работаем над этими мириадами индивидуальных проблем, мы должны иметь объединяющий принцип, которому все наши сердца могут дать свою высшую клятвенную верность. Только так можем мы работать с верою и в ожидании той духовной и культурной деятельности, символом которой является „Пакт Рериха“»^[376].

Председателем комитета в Париже стал член Гаагского Верховного Международного трибунала барон М. А. Таубе, а генеральным секретарем доктор международного права Г. Г. Шклявер. Комитетом в Брюгге руководил вице-консул Греции Камил Тюльпинк. Покровителем Пакта в Бельгии избрали М. Адачи, председателя Гаагского Верховного Международного трибунала. Город Брюгге предоставил в распоряжение комитета целый дом для организации музея, посвященного деятельности «Fondation Roerich».

В 1934 году были основаны комитеты «Пакта Рериха» в Харбине, в Манчжоуго, в состав которого вошел архиепископ Нестор, председателем стал Н. Л. Гондатти, а вице-председателем назначили профессора Г. К. Гинса. Появился комитет и в Брюсселе, руководимый председателем М. де Мунком и генеральным секретарем Гендриксом, членом Верховного суда. Почетными членами этого комитета были избраны — министр граф де Виарт и губернаторы Люксембурга и Западной Фландрии. Местные комитеты образовались и в Балтийских странах под председательством К. И. Стуре. Появились они практически во всех странах Европы за исключением Германии и СССР.

15 апреля 1935 года в Вашингтоне в Белом доме «Roerich Pact» подписали все члены Панамериканского союза: США, Аргентина, Боливия, Бразилия, Чили, Коста-Рика, Куба, Доминиканская Республика, Эквадор, Эль-Сальвадор, Гватемала, Гаити, Гондурас, Мексика, Никарагуа, Панама, Парагвай, Перу, Колумбия, Уругвай и Венесуэла. Считалось, что «Пакт Рериха» впервые по-настоящему объединил страны Северной и Южной Америки.

Ожидалось, что в скором будущем к этому культурному договору присоединятся и другие государства. Центральные газеты Соединенных Штатов Америки печатали статьи, посвященные этому событию,

приводился полный текст обращения президента, речи представителей правительств и иностранных министров. По всему миру газеты отдавали целые полосы под статьи об этом историческом дне.

Подписание «Пакта Рериха» происходило в кабинете президента Рузвельта, где собрался весь дипломатический корпус. В присутствии министра иностранных дел Корделла Холла, министра земледелия Генри Уоллеса, директоров Панамериканского союза д-ра Лео Роу и д-ра Гиль Боргеса и членов правления Музея имени Рериха, представителей Постоянного комитета, за большим круглым столом «Roerich Pact» был подписан. Министр Уоллес, покровитель Пакта, передал перо Луису Хоршу, председателю Постоянного комитета, как исторический сувенир. На торжестве не было самого главного человека, инициатора этого международного договора Николая Константиновича Рериха.

В этот же день президент США Франклин Рузвельт обратился к американцам по радио со следующей речью:

«Можно приветствовать, что именно в этот день, обозначенный как День Пан-Америки всеми правительствами республик Американского континента, членами Пан-Американского союза был подписан договор, отмечающий еще одну ступень к охранению культурных достижений наций этого полушария. Открывая этот договор для присоединения к нему всех наций мира, мы предоставляем этот насущный принцип сохранения современной цивилизации к всемирному признанию. В основе этого договора лежит гораздо более духовное значение, нежели это явствует из самого текста Пакта. Это лишь одно из многих выражений основной доктрины континентальной ответственности и солидарности, столь важной для настоящего и будущего... По случаю празднования Дня Пан-Америки, снова посвятим себя задаче проведения в действие основных общих интересов всех наций этого материка. Провозгласим снова нашу приверженность к этим высоким принципам международного сотрудничества и взаимопонимания, которые, как я уверен, явятся великим приношением Америки для цивилизации»^[377].

После президента Рузвельта по радио выступили министр Уоллес, министр Панама доктор Рикардо Альфаро и президент Музея Рериха Луис Л. Хорш.

Генри Уоллес в своей речи провел параллель между «Пактом Рериха» и «Красным Крестом» и говорил о необходимости «охранения тех культурных сокровищ, которые признаются просвещенными умами всех стран достойными для охранения, несмотря на всю напряженность и озлобленность борьбы в физическом и экономическом мире... Сегодня нам

приличествует выразить признание гению академика Николая Рериха, в уме которого впервые возникло это Знамя и Договор. Желательно, в переживаемое нами время, поднять над миром этот идеал единства человеческого сердца вне национальностей, в преклонении перед красотой, культурой, религией, наукой и просвещением. В каждой стране имеются тысячи людей, воодушевленных этими высшими, широкими человеческими устремлениями, и они приветствуют „Пакт Рериха“, как средство проявления на земле этих неосязаемых сил, которые издавна были признаны ими, как истинные путеводные светочи международного дружелюбия... Я верю, что „Пакт Рериха“ находится в полной гармонии с глубочайшими и самыми сокровенными законами Вселенной и что он стал реальностью в особо значительное время!»^[378]

Луис Хорш тоже отдал дань уважения инициатору Международной конвенции:

«Договор, который был заключен сегодня в Белом доме между двадцатью одной нацией Америки подписанием „Пакта Рериха“, ввел в жизнь соглашение о ненарушимости произведений человеческого гения — таким образом, сохраняя истинное достояние человечества для потомства. Это светлое событие ставит значительную веху в деле международного понимания и дружелюбия, а также полагает новую ступень для духовного и культурного прогресса человечества»^[379].

Все говорили о мире и, конечно, о Н. К. Рерихе. Так, министр Панамы, доктор Рикардо Альфаро, сказал, что «совершившийся сейчас исторический акт является знаменательной победой в вечной борьбе лучших чувств человека против разрушений войны... И тогда великий идеалист, и ревностный апостол мира, академик Николай Рерих дал миру план международного договора о признании нейтральности и об охране культурных ценностей человечества. И сегодня республики Западного полушария достигли великой чести провести высокий проект к успешному заключению. Конференция в Монтевидео поддержала „Пакт Рериха“, и сегодня все страны Америки подписали этот договор, открытый для подписи всех наций мира. Таким образом, впервые в истории мира нейтральность и охранение Культуры включены в единый и цельный закон международного права. Глубокое значение этого события было подчеркнуто любезным гостеприимством, оказанным президентом США Рузвельтом всем уполномоченным наций, подписавших Пакт, приглашением их утвердить этот исторический акт в Белом доме»^[380].

Жаль, что Николай. Константинович не смог услышать восторженную

речь министра иностранных дел США Корделла Холла, произнесенную вечером в помещении Панамериканского союза, в которой он восхищался гением Н. К. Рериха.

Индия также поддержала идею «Пакта Рериха», но ратифицировала его только через много лет, когда перестала быть колониальным государством. Среди поддерживавших Н. К. Рериха и выступавших в его поддержку были: Рабиндранат Тагор, Джагадис Боше, Радхакришнан, Ч. В. Раман, Джэмс Казинс, Калидас Наг, Сунити Кумар Чаттерджи, Кашияп, С. Ф. Рамасвами Мудельяр, О. С. Ганголи; художники: Асит Кумар Халдар, Биресвар Сэн, Н. С. Мехта, Шри Девамитта Дхармапалла и многие другие. Поддержали «Пакт Рериха» и общественные, и государственные учреждения: Индийский институт исторических исследований, Аллахабадский музей, Бхарат-Кала-Бхаван в Бенаресе, Общество Маха-Бодхи, Союз женщин Индии, Союз буддистской молодежи на Цейлоне, Маданалалле колледж, Траванкорское культурное общество. Известный индийский писатель Свами Джагадисварананда (Swami Jagadiswarananda) говорил:

«Академик Рерих, основатель и водитель единственного в своем роде гуманитарного движения, сам является олицетворением мирового Искусства и мировой Культуры. Правильно доктор Казинс признал его „от Гималаев в духе“, ибо он действительно пророк нового человечества и вестник нового мира культуры, Рерих — наш вождь — открыл новую знаменательную главу в истории человечества тем, что основал движение Пакта. Да докажет предстоящая Конвенция культуры всем воинствующим народам мира, поднимая Знамя Мира Рериха, что искусство и культура являются божественными проявлениями — мировым сокровищем всего человечества, и да будет написано на вратах всех учреждений мира: „Не вражда — но Помощь! Не разрушение — но Утверждение Гармонии и Мира! Не ненависть — но Единение!“»

У РУБЕЖА

В марте 1934 года русскоязычная американская газета «Рассвет» писала:

«На пароходе „Париж“ прибыл в Нью-Йорк известный художник Николай Константинович Рерих со своим сыном Юрием Николаевичем.

Рерих провел в Пенджабе (Индия), около самых Гималайских гор, четыре года. Там же находится основанный Рерихом институт научных исследований, посвященных археологии, этнографии, местной медицине и местным языкам...

— Самое главное, — заявил Рерих, — это сотрудничество между всеми людьми, ибо настоящий кризис не материальный, как это принято считать, а духовный.

Николай Константинович рассказывает о том, что во всех странах очень сердечно относятся к его искусству. В Алахо-боде в Бенаресе его искусству посвящены специальные залы, где выставлены многие его картины...»^[381]

Николай Константинович и Юрий приехали в Америку, чтобы закончить переговоры об организации Второй Американской Центрально-Азиатской экспедиции, которую в отличие от первой называли ботанической. Дело в том, что министр земледелия США Генри Уоллес, друживший с Николаем Константиновичем, предложил ему под эгидой своего министерства провести ботаническую (агрикультурную) экспедицию по Центральной Азии.

Еще не утвердили план маршрута, а Луис Хорш уже вел переговоры с Генри Уоллесом о финансировании экспедиции. Заманчивое предложение Генри Уоллеса, при поддержке американского правительства, казалось чуть ли не единственным спасением учреждений Рериха от банкротства. Генри Уоллес хотел обойти Государственный департамент США и самостоятельно, силами министерства, организовать экспедицию. Но задуманную слишком масштабно, ее невозможно было скрыть ни от журналистов, ни от Госдепартамента. Началось противодействие американских ученых-биологов, которые считали, что такой экспедицией должен руководить только американский специалист-биолог, а не какой-то русский эмигрант. Подобные рассуждения впоследствии привели к тому, что в Маньчжурии, куда она отправилась в 1934 году, Н. К. Рерих оказался в странном положении руководителя, которому не подчиняются его же

сотрудники.

Еще в конце 1931 года Николаю Рериху пришлось оправдываться перед журналистами:

«В письмах ваших сообщается, что какие-то индивидуумы упрекают друзей наших в том, что они будто бы считают меня богом, желая этим как бы задеть и друзей, и меня. Какая вредительская чепуха!

Ответ на все готов. Посмотрим, насколько нелепо кощунство темных. В чем же заключается в моей деятельности то, что вызывает их негодование?

Я пишу книги, посвященные искусству и знанию, посвященные культуре. Очень многие делают то же самое. Метерлинк, Бернард Шоу, Уэллс, Тагор часто появляются со своими книгами и занимают общественное внимание, но никто не негодует.

Мне посвящено несколько биографий и симпозиумов, но сравнительно с литературой, посвященной другим художникам и деятелям знания и искусства, их гораздо меньше издано в Америке. Правда, в России и в Европе за период от 1907 до 1918 года было издано девять монографий и несколько десятков особых номеров художественных журналов, посвященных моему творчеству. Но никто не негодовал, и все это считали совершенно естественным реагированием общественного мнения.

В течение семнадцати лет до приезда в Америку я руководил художественными школами и различными просветительными, художественными и научными учреждениями. Школа Общества поощрения художеств, в которой было до двух с половиной тысяч учащихся и восемьдесят профессоров, в обиходе постоянно называлась школой Рериха. Учащиеся говорили: „Пойду к Рериху“ или „учусь у Рериха“, и никто из комитета нашего не претендовал на такой глас народный... И опять никакого негодования не возбуждалось в общественном мнении... Я пишу картины, что совершенно естественно для всякого художника. Я пишу много картин, что опять-таки не является небывалым в истории искусства. Мои художественные выступления, как в России, так и в Европе, доставили мне как признание общественное, так и почетные награды и избрания. Никто не негодовал на эти проявления общественного мнения. На международных выставках меня приглашали занять отдельные залы, и никто не протестовал против таких решений жюри.

Мне приходилось постоянно выступать за сохранение сокровищ творчества и за улучшение быта художников и ученых. И эти мои зовы никто не считал чем-то сверхъестественно божественным, но, наоборот, к

моему сердечному удовлетворению, мне неоднократно удавалось помочь моим собратьям в искусстве и науке... Возьмем ли мы идею Знамени Мира и последний номер бюллетеня нашего музея, посвященный конференции в Бельгии, — быть может, какой-то злоязычник начнет упрекать в том, почему „Пакт Рериха“ называется так, а не иначе. Но почему же он тогда не возражает против „Пакта Келлога“ и всех прочих пактов и установлений, символически носящих определенное имя. Возьмем ли мы образование многих Обществ, которые захотели принять мое имя, новость ли это? Уже давно в России существовали кружки Рериха, и все время нам приходится совершенно неожиданно наталкиваться на существование подобных кружков, даже совершенно нам неведомых...

Наконец, когда из темных намерений, из вымогательства известная темная личность почтила меня большою статьею под названием „Шарлатан“, то в самом содержании статьи он привел столько раздутой лжи якобы о торжественных моих всемирных шествиях, что в самых дружественных статьях не было сказано столько величия и мощи, сколько приписал язык злобы, и автор статьи сам не заметил, что содержание статьи опровергло его же название.

Спрашивается, что же делается мною такого дурного, что бы могло возбудить чье-то негодование, если только это не есть выражение мелкой зависти или злобы?

Гималайский Институт научных исследований — неужели это дурно или сверхъестественно? Или моя забота о собирании отделов искусства кому-то не дает спать? Или кажется „божественным“, что мое двадцатипятилетие праздновалось в России, а сорокалетие деятельности в Америке, когда пришло десять тысяч друзей. Все мои призывы к охранению сокровищ искусств и науки — разве это противоестественно? Писание картин, сам смысл которых, казалось бы, должен был вызывать добрые мысли, неужели и это противоестественно? Руководство школою с желанием дать хорошее художественное образование массам, неужели и это или „шарлатанство“, или „божественность“? Поднесение мне особой медали, выбитой в Бельгии, — но ведь не я же сам ее себе поднес. Почетный Легион — но ведь многотомны списки носителей этого ордена? Звезда Св. Саввы или Северная Звезда Командора — но, вероятно, шведский король был бы очень изумлен, узнав от шептунов, что он дал мне ее не за художество, но наградил бога или шарлатана. Французские ученые и художественные Общества, Югославская академия, Археологический институт Америки и другие учреждения во многих странах — неужели они давали свои отличия не за факты, им вполне известные, но за

божественность или за шарлатанство. Или кого-то тревожит имя на здании?...»^[382]

В 1934 году, оказавшись в Харбине, Николай Рерих столкнулся с безграничным почитанием, а спустя полгода с такой же неудержной злобой и неприятием. И если первая была порождена его искусством и книгами, то вторая — политической конъюнктурой, главную роль в которой играли интересы оккупировавшей территорию Китая Японии. Только во время маньчжурской экспедиции Н. К. Рерих понял, какую роковую ошибку совершил, высказав в прессе восторженное отношение к японцам. В сложившейся политической ситуации это шло вразрез с генеральной линией дипломатического корпуса США.

В 1935 году американские газеты опубликовали несколько статей, в которых связывали работу ботанической экспедиции с работой некоего пропагандистского центра, организованного Николаем Константиновичем Рерихом. Экспедиция постепенно превращалась из ботанической в политическую. Поводом для такой газетной атаки послужили санкционированные японскими властями еще в конце 1934 года публикации в харбинских изданиях. Японцы хотели, чтобы русские эмигранты считали Н. К. Рериха советским или американским агентом, желающим разрушить все устои, чудом сохранившиеся в среде русской эмиграции.

Николай Константинович опять вынужден был оправдываться в письме к Генри Уоллесу:

«В опубликованной в „Вашингтон Стар“ статье упоминается господин А. П. Фридлэндер из Пекина, представленный в качестве моего уполномоченного в этом городе. Это совершенно не соответствует действительности. Господин Фридлэндер — служащий Тихоокеанской грузовой корпорации, которая предоставляет нам транспортные услуги (эта пекинская фирма была представителем экспедиций Эндрюса и доктора Гедина).

Нелепо утверждать и о каких-либо подозрениях в адрес экспедиции среди монгольских властей. Многим из них известна моя нынешняя репутация и моя репутация в бытность мою в России, и они даже намекали, что кто-то из последних иностранных путешественников по Внутренней Монголии и прилегающим регионам пытался вызвать недоверие к экспедиции. Вы заметите также, что факты о моей деятельности в Соединенных Штатах грубо искажены в этих статьях. Очень схожая статья, очевидно исходящая из того же источника, появилась в британском тяньцзинском ежедневнике „Пекин-Тяньцзин Таймс“ от 24-го июня (копия

статьи будет направлена Вам сразу же, как только мы ее получим). Редактор газеты признался, что источник его информации исходил из Калгана. Господин Пауэл, автор статьи в „Чайнес Трибюн“, посещал Калган в июне, прибыв из Маньчжурии. Некоторые газетные заявления были упомянуты нами в Пекине еще до нашего отъезда во Внутреннюю Монголию, и несколько наших американских друзей предупредили нас о том, что кто-то в иностранной колонии в Пекине и Тяньцзине очень активен в распространении ложных слухов. Наши изыскания на месте показывают, что существует некий иностранный источник, вовлеченный в это дело, но это, разумеется, не оправдывает недозволенных действий господина Пауэла. Мы будем держать Вас в курсе всех событий, хотелось бы лишь добавить, что до сих пор экспедиция не имела никаких конфликтов ни с японскими, ни с монгольскими, ни с китайскими, ни с советскими властями. Поистине, кажется странным, что несколько лет назад те же газеты обвиняли меня в просоветских симпатиях, а сейчас, похоже, обвиняют в связях с русской Белой Эмиграцией».

Через много лет журналист Пауэл, а за ним и Пеглер вновь стали публиковать компрометирующие Н. К. Рериха материалы. Это было связано с начавшейся президентской предвыборной кампанией Генри Уоллеса, которая и привела к полному провалу его политической карьеры. Сам Николай Константинович крах Уоллеса связывал с предательством Луиса Хорша, который присвоил себе практически всю собственность Рерихов в Нью-Йорке. В этой истории Генри Уоллес играл неблагоприятную роль, поддержав необоснованные претензии финансиста рериховских учреждений на имущество Николая Константиновича в США.

Американские участники экспедиции, приехав в Харбин, где их несколько месяцев ожидали Николай Константинович и Юрий, заявили, что Н. К. Рерих руководителем экспедиции не является, а документы, выданные департаментом земледелия, подложны. От такой наглости Н. К. Рерих даже не знал, как защититься, так как ботаников поддержал американский консул в Харбине. Николай Константинович, сам того не желая, нажил в его лице врага, еще раньше послав в государственный департамент США письмо, в котором рассказал о нескольких неблагоприятных поступках консула.

В конце концов, Николай Константинович все же добился отправки ботаников обратно в Соединенные Штаты. Но японцы, боявшиеся до этого связываться с Н. К. Рерихом, видя за ним могущественную сверхдержаву — США, теперь почувствовав некоторую слабость его позиций, тут же нанесли Николаю Константиновичу очередной удар. В эмигрантских

газетах Н. К. Рериха называли не иначе, как агентом Москвы или США. Кроме того, японцы ограничили маршрут экспедиции, не позволив ей пройти по территории, примыкающей к границе Монголии. Конечно, при этом они заботились о своих геополитических и военных интересах и вряд ли даже какой-либо другой экспедиции позволили бы двигаться тем же маршрутом. Оказавшись в довольно трудном положении, в конце 1934 года Николай Рерих вынужден был перебраться из оккупированной японцами Маньчжурии в пока еще свободный Китай.

В июне 1935 года Николай Константинович писал:

«Вчера читаем в „Норд Чайна Стар“ знаменательную статью под заглавием „Песчаные бури приканчивают эру пионеров в Соединенных Штатах“. В статье приводятся слова заведующего оросительным отделом департамента внутренних дел. Он указывает на умножающиеся песчаные бури и засухи, препятствующие делу земледелия. При этом замечается, что если в ближайшем же будущем не будут приняты меры для закрепления почвы растительностью, надвигающееся бедствие приблизится с необычайной быстротой.

Поистине, меры, принимаемые президентом Рузвельтом и министром земледелия Уоллесом, неотложны и своевременны. За время одного поколения уже можно убеждаться, как меняются климатические и прочие условия местности. Даже немногие годы жестокого небрежения уже отзовутся труднопоправимо. Потому-то всякие насаждения так неотложно нужны.

Также еще вчера, когда брались образцы почв, думалось: конечно, почвы должны быть исследованы и сопоставлены. Не только почва, но даже виды насекомых могут способствовать и своеобразному размножению и питанию растительности. Но поверх всего все-таки будут полезны семена тех злаков, которые в течение столетий противостояли суровым условиям.

Несомненно, что условия Монголии на границе степи и барханной пустыни могут давать множество поучительных примеров. Когда из Гоби, из далекого Такла-Макана, приносятся вихрями клубы песка и пыли, иногда можно опасаться, что местная, вообще поздно появляющаяся растительность не выдержит; но любопытно наблюдать, как, несмотря на всякие затруднения, трава все же начинает пробиваться.

Можно наблюдать, что кажущиеся бедными травы очень питательны и жадно поедаются скотом. И скот на глазах оправляется.

Не так много разновидностей этих сухостойких трав и кустарников. Очевидно, в веках произошел отбор. В то время как в соседней Маньчжурии, где условия немногим сравнительно отличаются, имеется

более восьмисот видов растений, тогда как в барханной Монголии, по-видимому, их не более трехсот. Но не в том дело. Важно иметь перед собою хотя бы и немногочисленные, но устойчивые и питательные злаки. Они вполне выполняют обе необходимые задачи — и закрепляют почву, и пригодны для питания скота.

Неожиданная разнородность растительности в Маньчжурии вызвала старую легенду. „При сотворении мира все страны получили свою растительность и животный мир, но Маньчжурия почему-то была забыта. Тогда ангел воззвал к Богу об этой забытой стране. А Господь ответил:

— Посмотри, что у тебя осталось в мешке, и вытряхни все остатки.

Оттого-то так в Маньчжурии неожиданно разнообразны растительность и животный мир. Странно сочетались образцы и жаркого и северного климата“.

Эту легенду рассказывал мне генерал Хорват, много потрудившийся над всякими землеустройствами и в Маньчжурии, и ранее того в Закаспийском крае. Даже среди пустыней насаждений генерал Хорват вынес много оптимистических заключений. При проведении железных дорог в Туркестане была спешная необходимость укрепить движущиеся барханы, и в несколько лет эта задача была успешно выполнена. Кроме трав и кустарников, помогали насаждения вяза-карагача, тополя и некоторых пород ивы.

Конечно, местности Маньчжурии, более богатые растительностью, менее подходят для наблюдения, нежели барханные степи Монголии. Если уж противопоставлять нечто неслыханным песчаным бурям и торнадо, то нужно брать нечто самое испытанное, простейшее и полезнейшее»^[383].

Но неожиданно в тексте рериховского эссе появляется и политическая сторона вопроса: «И в самой Монголии уже начинают думать об образцовых хозяйствах, о насаждениях и об улучшении скота.

Из недавних постановлений монгольского правительства можно видеть, что следующие нововведения для устройства страны признаны неотложными: I. Местный автономный институт должен быть учрежден для образования служебных лиц Монголии. II. Монгольские войска должны быть коренным образом преобразованы. III. Госпитали и другие санитарные учреждения должны быть устроены во Внутренней Монголии для лечения больных и для предотвращения чумы. IV. Основы движения Новой Жизни, установленные маршалом Чан-Кай-Ши, должны быть приняты во Внутренней Монголии, и новые показательные деревни должны быть учреждены. V. Культурные учреждения должны быть учреждены для улучшения образования монголов. VI. Нормальные школы

должны быть повсюду открыты для образования учителей Монголии. VII. Производительные, промышленные и кредитные кооперативы должны быть установлены, чтобы развивать природные богатства страны, способствовать торговле и снабжать посредством займов средствами монгольских промышленников. VIII. Должно озаботиться построением путей сообщения во всей Внутренней Монголии. IX. Специальное бюро должно быть устроено для проведения телефона и телеграфа и почтовых учреждений во всех сеймах и знаменах Внутренней Монголии.

Все перечисленное является высокополезными насаждениями, которые, естественно, вызывают сочувствие всех мыслящих о культуре. Итак, мы видим в различных странах, наряду со смятениями дня сегодняшнего, истинную заботу о будущем. Являются как бы два вида работы. Одна, чтобы утихомирить напряжение и смущение дня сегодняшнего, а другая — в благородных устремлениях построения будущего. Эта вторая работа должна наполнять каждого культурного работника радостью. Правда, мы не увидим сегодня следствий этой благородной работы. Только завтра, когда блеснет это светлое завтра, мы увидим и зазеленевшие барханы, и повсеместные школы, и образцовые фермы. Но для того, чтобы их увидеть завтра, нужно сегодня же о них подумать и помочь им». «Один из самых полезнейших злаков — трава благая»^[384].

Но в далекой Америке судьба ботанической экспедиции уже была решена. Сначала Николаю Константиновичу заявили, что работы на территории Китая необходимо свертывать, так как его деятельность получила нежелательный политический резонанс. Н. К. Рерих еще надеялся, что исследования можно будет продолжить в Индии, но, проплыв морем через Шанхай в Индию, он понял, что теперь ботанические изыскания придется прекратить и, более того, невозможно будет даже вернуться в Соединенные Штаты, где по доносу Луиса Хорша Рериха ждала налоговая полиция, желавшая немедленно истребовать с него налоги за проведение Первой Американской Центрально-Азиатской экспедиции 1925 года. Было ясно, что после этого и финансовые затраты Второй экспедиции будут поставлены американскими властями под сомнение. С этого момента путь в Америку для Николая Константиновича был навсегда закрыт.

ПРЕДАТЕЛИ

1936 год для Н. К. Рериха превратился в целую вереницу судебных разбирательств, предательств и объяснений.

Луис Хорш, как президент Музея Рериха, разослал во все страны письма, в которых объявлял о закрытии всех учреждений, созданных за 15 лет Николаем Константиновичем. Руководители рериховских организаций оказались в трудном положении. Такой раскол и предательство в центре организации порождал целую волну непонимания. В шестом номере альманаха «Оккультизм и Йога» друг Николая Константиновича Александр Асеев поместил открытое письмо, озаглавленное «Под знаком предательства»:

«Письма и газеты принесли известия о поразительном предательстве, совершившемся в самом сердце Рериховского строительства. Ближайшие и ответственные американские сотрудники Рериховы г. Хорш с супругой и г-жа Эстер Лихтман (сестра Мориса Лихтмана, одна из руководителей рериховских учреждений в Америке) задались целью уничтожить культурное строительство Рерихов и верных им сотрудников. Одержимые злобой, корыстолюбием и честолюбием предатели не останавливаются ни перед чем, чтобы опорочить ставшее им ненавистным имя. Они рассылают циркулярные письма, пишут доносы, распространяют гнуснейшую клевету... Главные предатели г. Хорш с супругой являлись содиректорами-пайщиками треста всемирно-известного Института Объединенных Искусств, основанного Н. К. Рерихом в Нью-Йорке. В 1923 году, уезжая в Индию, Н. К. Рерих назначил президентом Института г. Хорша. сам оставаясь как основатель, почетный президент и пайщик этого и других основанных им учреждений. Кроме того, г. Хоршу, как казначею и заведующему всей финансовой частью учреждений, были переданы на хранение паи остальных сотрудников-пайщиков Треста: Н. К. Рериха, Е. И. Рерих, М. Лихтмана, З. Лихтман, Фрэнсис Грант.

И вот г. Хорш, без малейшего повода со стороны Н. К. Рериха и Треста, самовольно объявил об исключении из состава Треста всей основной группы начинателей дела; иначе говоря, г. Хорш и его супруга своими двумя голосами исключили пять остальных членов совета Треста! Объявив себя единственным владельцем всех семи паев Треста, г. Хорш с супругой явился узурпатором, захватчиком чужой собственности.

Для защиты справедливости и коллегиального начала г. М. Лихтман,

как вице-президент, подал в суд на действия г. Хорша. В настоящее время происходит судебное разбирательство.

Но друзья Рерихов не дремали; они основали комитет Защиты, называемый „Комитетом друзей Музея Рериха“, и повели крестовый поход за культурные начинания, основанные Н. К. Рерихом.

Такова в общих чертах история этого предательства.

Глубоко возмущенные работой предателей мы, — друзья-почитатели Е. И. и Н. К. Рерихов в Югославии, изъявляем нашу полную солидарность со всеми постановлениями и действиями комитета и заочно присоединяемся к таковым.

В заключение нам хочется выявить внутренний эзотерический смысл действий Хорша и его со-предателей, ибо внешний ток событий являет лишь манифестацию формирующегося на Тонких Планах бытия. Так явственно на наших глазах завязывается схватка сил Света и тьмы.

Черная ложа не дремлет. Иерофанты зла знали, куда нанести удар, и он направлен в сердце Рериховского Строительства. Их цель — лишив главный Ашрам культуры имени Николая Константиновича, размагнитить этим ту высокую насыщенность духовности, которая неразрывно, магнетически, связана с именем Николая Константиновича, как с живым терафимом Иерархии Света. Мы знаем, что с именем Рериха, как Легата Сокровенной Общины сопряжены сильнейшие магниты Грядущего.

Так должны быть поняты сила и направление стрелы зла; так, в ином, углубленном понимании осознается смысл предстоящего судового суждения. Но знаем: „Свет побуждает тьму“, — мы уверены, что эта космическая формула выразится и в вердикте земного суда.

Предательство, провокация, вероломство — обычная, излюбленная тактика Черной Ложи, недаром на тысячу ладов твердится в Учении: „особенно остерегайтесь предательства!“ И чем мощнее потенциал света, тем неприметнее свивает предательство свои черные гнезда. 13 лет носили лже-сотрудники маску почитанья и преданности, — поистине изысканное предательство!

1936 год наступил, и поле Армагеддона клубится и огне-дышит в ярой, великой битве. Предательство в Рериховском Строительстве — отображение и завязь этой Битвы на Земном плане.

Грозна и напряженна битва Света со тьмою, но да послужит нам мантрамом слово Ученья:

„Из Начала боролись темные, из Начала Мы побеждаем!“ Друзья-почитатели Е. И. и Н. К. Рерихов в Югославии»^[385]. Из-за предательства Луиса Хорша Николай Константинович потерял все. В 1935 году рижский

сотрудник Н. К. Рериха Рихард Рудзитис писал:

«В Музее Рериха, главный центр которого находится в Нью-Йорке, истинно осуществляется синтетический пожизненный труд Н. К. Рериха и его возвышенные творческие, вступающие в горизонты будущего помыслы... Уже давно Н. К. Рерих мечтал о Музее Пифагора и Платона — Доме Муз, где, как сестры в дружеском сожительстве, обитали бы все девять муз — рядом с богинями изящных искусств также богини наук. Так и Музей Рериха со своими многочисленными отделами и учреждениями во всех странах мира хочет дать человечеству не только высшие проявления творческой красоты, но и показать самые совершенные достижения в области знания... В 1923 году основался сам музей с коллекцией из 315 картин Рериха, и, наконец, в 1929 году, с помощью друзей и благодаря организаторским способностям самого водителя, воздвигнулось монументальное, чудесное строение, наиболее великолепный в нашем столетии Храм Искусства и Культуры — 24-этажный „Дом Мастера“ — „Master Building“, по своей величине и гармоническим пропорциям являющийся поистине благородным символом будущей архитектуры.

Собрание картин Н. К. Рериха в музее значительно увеличилось после его Среднеазиатской экспедиции — это 500 картин его так называемой Гималайской серии, где выявляются просторные высоты его симфонического творчества. Уже после постройки здания музея было собрано около 1000 художественных творений Рериха. Это число с каждым годом все еще увеличивается новыми чудесными знаменами творческого духа... В музее были основаны отделы искусств свыше десяти стран. Большого внимания заслуживает также Тибетская библиотека музея, заключающая в себе, между прочим, 330 священных книг религии Бен-По, которые приобретены во время Азиатской экспедиции. Библиотека помещается в особом Восточном зале, отделанном в восточном стиле тибетским художником Дон-Друпом. Кроме того, отдельные залы „Музея“ созданы в честь Николая и Елены Рерих. Существуют комнаты, посвященные Св. Сергию, Св. Франциску, Спинозе и т. д., где, таким образом, положено основание будущему Музею религий. Часть помещений музея отведена для многообразных научных коллекций Гималайского научного института... В 1926 году при музее было основано Общество Друзей Музея Рериха — международная организация, посвященная тем идеалам братства и культуры, которые должны быть достигнуты путем искусства и науки и которые запечатлены Рерихом в его картинах и книгах. С другой стороны, цель этого общества — осуществить мечту Рериха, явить синтетический мост между культурами Запада и Востока,

способствовать во благо человеческого будущего братскому сотрудничеству между духовными откровениями Азии и научными достижениями Европы.

Среди почетных советников и покровителей музея и „Общества“ значатся такие славные имена, как Свен Гедин, Рабиндранат Тагор, Массарик, Эйнштейн, Бозе, Раман, Милликан, Келлог и другие.

Общество начало свою деятельность в многочисленных секциях. Основаны секции, посвященные национальным группам, желающим познакомить Америку с культурными достижениями своих стран. Русско-сибирским отделом заведует известный русский писатель Г. Гребенщиков... Далее, существуют секции, посвященные философам и подвижникам: Оригену, Св. Франциску и Спинозе. Кроме того, есть отделы и Общества с общекультурными идеалами, таковы Лига Нового Человечества, Клуб Юных Идеалистов, Ассоциация Ценителей Мысли, Академия Творческого Искусства, Центр юных музыкантов, Центр Шекспира, Биософический институт и т. д. При Обществе Рериха состоят и следующие весьма важные организации: Всемирная Лига Культуры, Единение женщин, Пан-Американская Ассоциация женщин и, наконец, комитет „Пакта Мира“. Во всех этих секциях и обществах происходит поистине весьма интенсивная, одухотворенная и наиболее позитивно-культурная деятельность!.. Основались отделы Общества имени Рериха во всех частях света, и в настоящее время их уже свыше восьмидесяти в тридцати странах. Всех их объединяет одна общая цель и общее устремление: способствовать взаимному сотрудничеству и содружеству народов и отдельных личностей во имя искусства и знания. Нужно отметить, что при некоторых Обществах (в Париже, Брюгге, Белграде, Загребе, Риге, Бенаресе, Буэнос-Айресе и т. д.) открыты также музеи картин Рериха... Многосторонняя деятельность Нью-Йоркского центра выражается, прежде всего, в устройстве лекций, концертов, драматических спектаклей, в способствовании и укреплении международных сношений в области искусства и знания и т. д. В одном только 1930–1931 году Общество, в сотрудничестве с музеем, устроило около 100 вечеров, где выступали многие замечательные деятели культуры. Многие вечера посвящались также искусству отдельных наций, например, французской, финской, японской, латышской и др... Общество поддерживает целый ряд важных культурных учреждений, находящихся в прямом ведении музея...

Институт Объединенных Искусств — синтетическая школа, поставившая своим девизом объединение искусств и объединение людей в искусстве... Институт разделяется на отделы по всем многообразным отраслям искусства. Некоторые отделы с течением времени еще более

расширились и дифференцировались. Основывались, например, также и Общества, посвященные специальным отраслям музыки: камерной, церковной и т. д. В школе немалое внимание уделено и курсам прикладных искусств, цель которых — дать просвещенных и творческих ремесленников... Далее следует упомянуть отделы для слепых (с обширной библиотекой) и для дефективных детей. При институте учреждены также 42 стипендии... Свои педагогические линии, кроме своих школ, Рерих хочет провести также в „Институте Продвижного Воспитания“, далее в „Латино-Американском Институте“, цель которого способствовать взаимопониманию между американскими нациями...

Другое обширное практическое начинание музея — „Corona Mundi“: Международный художественный центр „Венец Мира“... В залах музея „Corona Mundi“ устраивает многочисленные выставки, посвященные искусству отдельных эпох, наций и личностей. Так, бывают выставки современных американских мастеров, французских, испанских, немецких, индийских, японских, бразильских, австралийских и других художников, показываются коллекции русских икон, тибетские священные знамена, проекты домов и т. д. Передвижные выставки „Corona Mundi“ несут искусство в самые отдаленные углы Америки, в самое сердце народа. Эти выставки посещают бесчисленные американские школы, институты, университеты, музеи, библиотеки и различные общества, а также и такие учреждения, которых красота до сих пор миновала, но где благословение прекрасного наиболее нужно: детские приюты, больницы и тюрьмы!..

Третье учреждение — Пресса [Пресс-центр] Музея Рериха — своим девизом поставило его слова: „Основы Новой Эпохи зиждутся на Красоте и Знании“. В план прессы входит выявление героических творческих достижений человечества в печатном слове. В ведении этого учреждения, кроме периодических изданий, имеющих связь с „Музеем“, находится также издательство „Новая эпоха“ (New Era Library), своими духовно-возвышенными изданиями представляющее истинный образец прессы будущего...

Объединяя в себе все отрасли прекрасного, являясь истинным центром культуры, музей — „Дом Мастера“, кроме вышеупомянутых учреждений, включает в себе также так называемые Apartments — небольшие, но гармонически устроенные квартиры, являющиеся превосходным общежитием как для учеников Института Объединенных Искусств, так и для членов Общества имени Рериха. Эти члены, среди которых много художников, писателей, учителей и которые связаны между собою, общим культурно-художественным вдохновением и стремлениями воплотить

прекрасное в жизнь, живут, таким образом, как в постоянном взаимном творческом вдохновении, так и в воспитательном влиянии духовной атмосферы музея»^[386].

Не вспомнил Рихард Рудзитис, разве что, о ресторане, находившемся в здании «Дома Мастера», гостинице, имевшей своих клиентов, и о том, что президентом всего этого здания являлся Луис Хорш. Николай Константинович хоть и значился почетным президентом, но все финансовые документы готовил и подписывал по доверенности Л. Хорш. Переговоры по капиталовложениям, долгам и налогам вел тоже Л. Хорш. Поэтому, когда он предложил «переизбрать» почетного президента и изменить его обязанности, руководство рериховских учреждений разделилось на две неравные части. Л. Хорш голосовал против Николая Константиновича от имени самого Н. К. Рериха, Е. И. Рерих, Ю. Н. Рериха и С. Н. Рериха, по доверенности данной ему всеми членами семьи. При голосовании Л. Хорш использовал и все акции, отданные ему не только семьей Рерихов, но и другими пайщиками треста.

Несмотря на такую абсурдную ситуацию, американский суд во время процесса, длившегося не один десяток лет, присудил практически все имущество Рерихов Луису Хоршу. В результате музей и здание были переименованы, картины Николая Константиновича оказались под арестом в связи с неуплатой налогов американскому государству из сумм, потраченных на Первую Американскую Центрально-Азиатскую экспедицию.

Решения, принятые на государственном уровне, были действительно потрясающими: отказав ранее Н. К. Рериху в американском гражданстве, с него потребовали уплатить налоги.

УРУСВАТИ

Владимир Анатольевич Шибаев, секретарь Николая Константиновича, родился в 1898 году в Риге, в семье банковского служащего. Его отец хотел дать ему коммерческое образование, и Владимир поступил вначале в Рижское Коммерческое училище биржевого общества, а потом перевелся в Коммерческое училище Петра Первого в Петрограде. По окончании училища В. А. Шибаев сдал экзамены в Политехнический институт и проучился там два курса. Используя семейные связи и владея в совершенстве английским языком, будучи еще студентом, В. А. Шибаев переехал в Лондон, где устроился работать в одно из издательств. Там в 1919 году и произошла первая встреча В. А. Шибаева с Н. К. Рерихом. В 1920 году Николай Константинович предложил Шибаеву стать своим личным секретарем в предстоящей экспедиции в Индию. Свою радость от такого предложения В. А. Шибаев описывал в дневнике:

«Я решил всем сердцем посвятить себя работе и потому радостно встретил последовавшее немного позже его предложение поехать с ним и его семьей в Индию, куда он, по приглашению великого индийского поэта и писателя Рабиндраната Тагора, намеревался вскоре выехать. С моим знанием английского языка я должен был присоединиться к ним в качестве личного секретаря Рериха. Индия — искусство и философия Востока. Неужели эти потаенные мечты, недавно казавшиеся такими утопическими, могли бы вдруг претвориться в действительность!»^[387]

С этого момента жизнь Владимира Шибаева была неразрывно связана с деятельностью Н. К. Рериха, а с 1928 года он стал постоянным секретарем семьи Рерихов.

Еще раньше, когда Рерихи и не предполагали, где же именно будет куплен или построен дом для организации нового Института гималайских исследований «Урусвати», они отправились в Западные Гималаи, чтобы решить, в каком месте можно создать свой новый исследовательский центр. Рерихи выбрали нетронутую цивилизацией долину Кулу. Путешественники остановились в местечке Симла, чтобы навести некоторые справки о местности, там, в отеле, Николай Константинович случайно познакомился с раджей Манди, богатым владельцем недвижимости в самой Кулу. Раджа и его жена предпочитали жить в крупных городах, иногда подолгу оставались во Франции и Италии и редко задерживались в своих гималайских имениях. Как выяснилось, раджа был не прочь расстаться с некоторыми из

своих поместий, в которые даже не заезжал. На расспросы Рериха, где лучше всего остановиться в Кулу, раджа порекомендовал обратиться к плантатору Дональду, тоже владельцу нескольких домов. Тут же было написано рекомендательное письмо, и вскоре получен ответ от Дональда, что у него есть свободная вилла «Манор» в Наггаре, которую он согласен сдать в аренду. О том, как Николай Константинович и Елена Ивановна выбрали дом в Кулу, ставший впоследствии их пристанищем на многие годы, рассказывал в своих воспоминаниях В. А. Шibaев:

«В Кулу, сказал раджа, живут несколько плантаторов, и некий Дональд имеет там несколько домиков. Списавшись с Дональдом, он порекомендовал свой домик — „Манор“ в Наггаре, мы всем караваном двинулись дальше, в Патанкот. Туда поездом, а там предстояло нанять несколько машин и грузовиков. Кроме четырех Рерихов были две помощницы Елены Ивановны из Монголии — Людмила и Раиса Богдановы, был я и, помимо нескольких грузовиков с имуществом, картинами и холстами Н. К., была и вся конюшня Юрия Николаевича, за исключением его тибетского конюха Тендаина, отправленного верхом из Дарджилинга на рысаке Юрия Николаевича. Первая ночевка была в Палампуре, на высоте тысячи метров, и помню, что это было в конце декабря 1928 года, так как мне удалось достать елочку и маленькие свечи, и в далеких Гималаях засверкала традиционная русская рождественская елка. После следующего переезда ночевали в Манди, где раджа предоставил Николаю Константиновичу удобную дачу. К вечеру третьего дня, проехав на машинах ущелье Ут, мы достигли долины Кулу, которую местные жители часто называют „долиной трехсот шестидесяти богов“. В то время горные дороги в тех местах были так узки, что движение по ним проходило лишь в одну сторону с двухчасовыми перегонами и разъездами. Только в особо важных случаях, по специальному указанию раджи посылались по станциям распоряжения о задержке встречного проезда. Такой привилегией, как правило, пользовались Рерихи, что значительно ускоряло их поездки. За долиной Ут мы нашли местечко Доби, где нас встретил плантатор Дональд с тем, чтобы проводить в Катрайне к мостику через реку Беас, т. к. вилла „Манор“ находилась на другом берегу этого шумного горного потока... Мост тогда был старый, бревенчатый. Пришлось слезть с лошадей и вести их под уздцы. Отсюда начинался крутой подъем по тропинке. Все мы, за исключением Елены Ивановны, поехали верхом на лошадях, а Елену Ивановну понесли в „данди“.

Это — род портшеза, где сидят, протянув ноги, как на кушетке. Несут его на плечах шестеро парней и рядом идут шестеро запасных,

подпирающих „данди“ на трудных, крутых подъемах и каждый час сменяющих друг друга. Так Рерихи достигли Наггара, где на высоте двух тысяч метров им было суждено провести около двадцати лет, вплоть до самой кончины Николая Константиновича. Помню, как сейчас, как на следующее утро все встали рано, вышли на площадку перед домом, где лежал первый снег. Слегка щипал мороз, но светило яркое солнце, воздух был чудесно чист и прозрачен, как нигде, кроме Гималаев, мне не приходилось испытывать. Все чувствовали себя прекрасно, особенно Етена Ивановна, которой, после полной лишений Центрально-Азиатской экспедиции, нужно было быть очень осторожной. Врачи как раз и рекомендовали ей высокогорные условия жизни. Стоя на площадке, мы наблюдали протекающую с севера на юг реку Беас. Маленькими точками вдали казались дома в Доби, Катраине и Манали. Выше на севере красовалась двуглавая вершина, вечно покрытая снегом. Она напоминала букву „М“, как и окрестила ее, за отсутствием местного названия, Елена Ивановна.

Позднее мы вышли на прогулку по единственной пролегавшей здесь тропинке. Пройдя сколько-то к северу, мы обнаружили большой каменный двухэтажный дом, который заметили еще накануне из долины. Дом был идеально расположен на отроге горного хребта и оказался незаселенным. Сторож-индус показал нам фруктовый сад и все постройки. Представьте наше удивление, когда мы на садовой и домашней утвари обнаружили монограмму „Н. R“, т. е. английские инициалы Елены Ивановны (Helena Roerich). Потом мы узнали, что это инициалы покойного Хенри Ренника, построившего этот дом по возвращении из Бирманского похода. Постройка была солидной, каменные стены — полуметровой толщины. Теперь дом принадлежал радже Манди, однако он годами пустовал, т. е. сам раджа в такое уединенное место не заглядывал. Николаю Константиновичу и Елене Ивановне очень понравился этот дом, и они решили, что он больше всего подошел бы им для постоянного житья, тем более что несколько выше по склону находилась другая площадка со строениями, которые после реконструкции можно было бы приспособить для института „Урусвати“. Приступили к сложным и длительным переговорам с министром финансов раджи (сам раджа непосредственно такими делами не занимался). В конце виллу, носившую название „Hall Estate“, удалось приобрести вместе с близлежащим участком земли для института и довольно замысловатыми правами и обязанностями, среди которых фигурировало письменное условие между богом Джамму, британским правительством и владельцем участка и дома о пользовании водой.

Вечером Дональд показал нам прекрасную большую золоченую статую Будды, привезенную из того же похода полковником Осборном, тогда же построившим дом неподалеку. Дональд тут же намекнул, что ему она не нужна, и, конечно, Николай Константинович сразу же приобрел это прекрасное художественное изображение. Не буду отвлекаться на длинное описание поездок в Манди и торга с министром финансов. Скажу лишь, что Николай Константинович приобрел это имение, и еще до завершения купчей, в январе 1929 года, мы все торжественно переселились туда. Елена Ивановна водворила приобретенное изображение на самое почетное место в зале верхнего этажа, где кругом на стенах были развешаны ценнейшие тибетские танки, картины и художественные предметы, привезенные из Центральной Азии»^[388].

Владимир Шибаев, как никто другой, подробно описал обстановку и расположение комнат в доме Рерихов в долине Кулу:

«Архитектурно дом был так прост, что его можно описать несколькими фразами. Представьте себе квадрат со стороной около 15 метров, разделенный вдоль и поперек двумя параллелями, так что средняя полоса почти вдвое шире крайних. Получается как внизу, так и наверху по девять комнат, из которых все угловые маленькие (четыре на четыре метра), средняя самая большая (семь на семь) без окон, а четыре остальных комнаты — четыре на семь метров. Вот и весь план. Вход в дом был с юга через среднюю комнату — это была передняя с лестницей наверх. Налево от передней — угловая комната — рабочий кабинет Юрия, в котором были ценнейшие книги, манускрипты, танки, изваяния, скульптура, ковры и тибетские коврики, на стульях леопардовые шкуры. От передней прямо была большая, но темноватая без окон столовая, и от нее налево, то есть на запад, — студия Николая Константиновича, а от студии направо — угловая северо-западная комната — кабинет и мой секретариат. Из нее направо, или же через другую дверь из столовой на север, была моя комната-спальня рядом с ванной в угловой комнате. Из столовой направо, то есть на восток, была кладовая, а из нее крытый проход вел в отдельную кухню. В Индии, как правило, для кухни строится отдельное помещение рядом с домом. И, наконец, последняя угловая комната, из передней направо, была комнатой Людмилы и Раи Богдановых, двух помощниц Елены Ивановны. Рядом с их комнатой была их ванная.

Наверху была как бы святая святых — самое дорогое, заветное и прекрасное место, можно сказать — музей... В центре большой, но бесколонный зал, украшенный многими танками на стенах и с большой золотой статуей Будды на полке над камином. Каминами мы не

пользовались, так как комнаты отапливались керосиновыми печами. По углам стояли стол, диван и кресла, на полу громадный тяжелый персидский ковер, и у большой стоячей лампы (электричества тогда в доме еще не было) хороший американский патефон, но тоже не электрический, а старомодный заводной. В одной из верхних комнат был балкон над большой, поросшей белым клевером площадкой. В гостиной висели все новые и лучшие картины Николая Константиновича; тут же были и два больших книжных шкафа со многими уже тогда редкими русскими изданиями и манускриптами. Тут иногда, но очень редко, принимали особенно именитых гостей, хотя большей частью гостей принимали внизу, в кабинете Юрия, или с чаем в столовой, или же, если им показывались новые картины Николая Константиновича, это делалось рядом в студии.

Широкая стеклянная дверь вела из гостиной на балкон, немного шаткий, отчего мы всегда боялись выпускать на него слишком много лиц сразу. С балкона открываясь чудесный вид на всю долину, и только из угловой комнаты (кабинета Елены Ивановны) вид был еще более прекрасен — на север, на исток реки Биас и вечно белоснежную гору М. Цепь вершин на противоположном берегу Биаса была тоже порядка шести тысяч метров, и потому тоже в вечном снегу. И завершая круг комнат наверху, направо от зала, то есть на восток, была большая спальня Юрия и Святослава, а крайняя угловая — их ванная. Кстати, вода, конечно, была не проточная, а привозилась на муле из лесного родника»^[389].

Перестроенное для нужд института «Урусвати» здание располагалось немного выше жилого дома, а вновь возведенный в 1932 году дом для биохимической лаборатории и помещения для сотрудников находились в более чем ста метрах в стороне, выше на крутом склоне горы. Здесь же на откосе, спускающемся к небольшой речке Чаки, были разбиты опытные плантации лекарственных растений, которыми ведал Святослав Николаевич. Юрий Николаевич с сотрудником института, ученым ламой Лобзанг Менгиюром изучали и переводили древние тибетские фармакопеи.

Добраться в дом Рерихов было всегда очень сложно. Зимой, из-за снежных заносов, сообщение часто вообще прерывалось, летом же путь от ближайшей железнодорожной станции до Наггара занимал два-три дня. И лишь в тех случаях, когда по распоряжению раджи Манди временно закрывали встречное движение, выехав из Патанкора в 6 часов утра, можно было к позднему вечеру доехать до Катрайна, откуда начиналась крутая четырехкилометровая горная дорога к дому Рерихов. У Катраинского моста Рерихи обычно встречали гостей, чтобы проводить их к себе. На автомобиле в то время можно было добраться только до этого места, и

поэтому гараж Рерихов находился внизу. Въезд на территорию виллы прикрывали низкие ворота на каменных столбах. За ними, вдоль укрепленных каменной кладкой откосов, поднималась дорожка к самому дому. Его окружал фруктовый сад, достопримечательностью которого был громадный старый деодар. Под этим великаном, на низеньком постаменте стояла старинная каменная статуя всадника Гуго Чохана. Ее нашли неподалеку в поле, и поначалу не придали этому особого значения. Однако оказалось, что это изображение одного из почитаемых покровителей здешних мест, старого раджпурского раджи Гуги-Чохана. У этой статуи и старого дерева любили фотографироваться Рерихи и их гости. Эта статуя пользовалась большой популярностью у местного населения и привлекала паломников даже с дальних окрестностей Кулу.

Институт гималайских исследований «Урусвати» был основан Н. К. Рерихом сразу после Первой Американской Центрально-Азиатской экспедиции. Николай Константинович понимал, насколько мало изучена Средняя Азия и Индия, и чтобы вести дальнейшие исследования, необходимы систематические полевые изыскания. Институт «Урусвати» представлял собой как бы постоянную экспедицию, находившуюся в непрерывном контакте с изучаемыми объектами и местностями. Научный отдел в институте разделился на несколько секций, и каждой отраслью заведовали опытные специалисты — ученые из разных стран.

Ботаническо-биологическое отделение в течение первых четырех лет совершило целый ряд походов в глубь страны, создало многочисленные коллекции, часть которых была послана в университеты, музеи, ботанические сады, в том числе и в Советскую Россию. Археологическо-этнографическое отделение под руководством сына Н. К. Рериха Юрия собрало интересный материал по истории и этнографии Индии. Ю. Рерих издал свой капитальный труд «Trails to Inmost Asia. Five years of exploration with the Roerich Central Asian Expedition», в котором систематизировал научные результаты предшествующих экспедиций. Будучи превосходным знатоком восточных языков, Юрий составил грамматику и словарь лахульского наречия, перевел некоторые тибетские медицинские книги.

Институт «Урусвати» выпускал свой ежегодник, где публиковались многие известные ученые-востоковеды. Почетными членами или сотрудниками научного отдела института значились выдающиеся люди самых разных стран. Многие университеты и культурно-просветительные учреждения поддерживали деловые отношения с Гималайским институтом, обменивались с ним как лекциями, так и печатными трудами. Институт имел своих членов-корреспондентов во всех частях света. К сожалению, из-

за финансовых неприятностей и проблем с американским центром вышло только три номера ежегодника «Урусвати».

О научной деятельности Института «Урусвати» подробно рассказал в 1935 году Рихард Рудзитис:

«Научная организация „Урусвати“ (Гималайский Институт исследований в Индии) занимает весьма важное место в жизни „Музея“. Этот институт построен на высоте 6000 футов в долине реки Кулу, в чудесной местности, которая является как бы перекрестком древнеазиатских культур. Сам гималайский воздух здесь как бы насыщен древней мудростью, здесь на каждом шагу встречаются знаки вековой истины в бесчисленных памятниках, священных местах и святилищах, в развалинах городов. Долина Кулу была также местожительством множества подвижников, святых, или Риши. С другой стороны, кроме религиозно-археологических ценностей эта долина открывает громадное поле деятельности для исследований в области естествоведения, физики и медицины. Уже сама растительность здесь из-за вулканической почвы изумительно богата, встречаются бесчисленные разнообразные породы и виды растений и деревьев, так, например, в одной только окрестности Урусвати насчитано около шестидесяти пород яблонь. Потому не даром народное сознание долину Кулу называет Серебряной Юдолью.

Урусвати — „Утренний луч“ — означает зарю света науки. „Урусвати“ как всеобъемлющий научный институт, созданный для улучшения жизни всего человечества, стремится исследовать и синтезировать все многообразные факторы сущего, применяя новейшие научные методы и открытия. Институт создан с целью дать прочное основание науке будущего. Вот почему этот институт имеет то же значение в области науки, как Нью-Йоркский музей в области искусства... В последнее время сильно развилось и медицинское отделение института, исследуются и разводятся местные целебные травы, собираются и анализируются достижения тибетской и древнекитайской медицины и фармакологии. Недавно открылась биохимическая лаборатория с отделом борьбы против рака. Известно, что тибетская медицина уже с давних пор удачно применяет средства против рака и туберкулеза, все подобные средства в Институте исследуются самым тщательным образом. Далее следует упомянуть богатую библиотеку и музей института, предстоит также работа по установке электрической станции. Средства на постройку зданий Института дал как сам Николай Константинович, так и Нью-Йоркский музей и прочие друзья этого благого начинания... Урусвати является также духовным центром и местопребыванием Николая Константиновича и его

супруги Елены Ивановны, откуда они руководят и вдохновляют все свои общества и учреждения, своей огненной мыслью и одухотворенным словом созидая и укрепляя то величественное культурное строение, которое, с каждым годом все более расширяясь, всеми своими основаниями и сводами вырастает в будущую гармонию человечества»[\[390\]](#).

ДЖАВАХАРЛАЛ НЕРУ

Шла Вторая мировая война, войска Гитлера стояли под Москвой. Находясь вдали от России, Николай Константинович Рерих всеми силами пытался помочь своей родине.

В первые дни Великой Отечественной войны старший сын Н. К. Рериха Юрий написал в российское посольство просьбу о зачислении его добровольцем на фронт, а сам Николай Константинович стал изыскивать любые возможности для поддержки воюющей Советской России.

В 1943 году Н. К. Рерих писал:

«До чего хочется сделать что-то на пользу русского воинства, Русского Красного Креста, русского народа! Давали мы индийскому Красному Кресту. Давали — на самолеты. Все это ладно, но хочется и в Индии устроить что-то полезное для русской победы. Дали мы четыре больших картины — две моих и две Светика, которые должны дать не менее двадцати тысяч рупий. Кроме того, цветных воспроизведений на 1300 рупий, каталог, входная плата и значительная часть с продажи — все это должно дать не менее тридцати тысяч...

Святослав телеграфирует: „Выставка должна быть отложена“. Значит, он натолкнулся на непреодолимые трудности. Чували мы, что в Дели неладно. В Лондоне будут устраивать трехдневный национальный праздник. Будут флаги и речи и слова, слова и слова. В Австралии тоже национальный праздник в честь русского воинства, но в Дели будет глухо и немо.

Святослав хотел дать отличное радио, посвященное 23 февраля. Удастся ли? Столько подводных камней! Всякие сэр-горбачи изрыгают исподтишка злую слюну. А ведь как Святослав старался устроить что-то хорошее во славу русскую! Сейчас от него вторая телеграмма о том, что подобная выставка может быть устроена в Бомбее в июле. Кто знает, может стать такое решение — наилучшее. Видимо, в Бомбее нашлись деятельные друзья. Увидим... Слушаем каждое радио. Русские победы перевернули великую страницу истории. Ганди — тоже страница истории. Много решается. Лагорское радио передало прекрасный привет Святослава русскому воинству. В Калькутте, в Карачи, на Цейлоне — процессии»^[391].

1 ноября 1941 года Николай Константинович писал в своем дневнике:

«А ведь все мы свидетели, как до русских потрясений были указаны

грядущие события. В 1927 году в Тибете были указаны события в Испании. В 1929 году были подробно указаны бедствия великих армий под Дюнкерком. И с какими показательными подробностями прозрены события! А Финляндия, Англия, резня в Хотане, вступление русских войск в польское Полесье, прохождение войсками Ирана... Сейчас война изуродовала всю жизнь. Прервалась переписка. Неизвестна судьба многих друзей. Книги и архивы, может быть, уничтожены. Общества пресечены. Мысль человеческая — в оковах. Утеснители культуры кричат о ее спасении. Знание подавлено. Гуманизм забыт. Искусство забито. Армагеддон!»^[392]

В 1942 году в Америке вышла в свет брошюра с первым годовым отчетом Американо-Русской Культурной Ассоциации (АРКА). В конце книжки был помещен очерк Н. К. Рериха под названием «Подвиг», в котором он объяснял американцам смысл русского слова «подвиг», не имеющего аналога в английском.

«Пусть АРКА хотя бы в утеснении все же творит свое доброе дело, — писал Николай Константинович своим сотрудникам. — У Вас уже накапливается для отчета много полезных достижений. Включайте туда же и „Подвиг“: этот лист говорил о том же добре. Вот мы мечтали о Лиге Культуры. Уже заложены были основы ее. Но разве Хорш и его шайка могли иметь что-либо общее с Культурой? А ведь сейчас такая Лига очень нужна. Можно себе представить, как нелегко было грабителям десять лет носить маску культурных работников! Хитро притворились они, чтобы выждать час ограбления. Все-таки удивительно, что общественное мнение трусливо замолчало позорные, антикультурные преступления Хорша. Ведь его действия не только уголовны — они антикультурны. В этом позор не только Хоршу, но и его пресловутому „покровителю“, вернее, прикрывателю»^[393].

Николай Константинович Рерих постоянно жил и работал в Кулу. Он приглашал к себе в гости разных ученых, путешественников, политиков и писателей, но особенно любил принимать друзей.

В 1940-х годах в Кулу к Рерихам часто заезжали разные люди, но не все могли легко попасть в их гостеприимный дом. Новый секретарь, занявший место уехавшего В. А. Шибаева, вначале беседовал с желающими повидаться с Рерихом, и только через несколько дней гость получал ответ о возможности аудиенции.

Еще в конце 1939 года Николай Константинович приглашал к себе в Кулу Джавахарлала Неру. Вот одно из писем Неру, в котором он извинялся

за невозможность приехать к Рерихам:

«2 февраля 1940 г.

Дорогой д-р Рерих, недавно Пандит Бадж Мохан Вьяс из Аллахабадского муниципального музея передал мне книгу, содержащую репродукции некоторых ваших картин. Я был счастлив получить от вас этот очень красивый подарок, и я особенно ценю его, так же как и добрые мысли, которые его вдохновили. Я должен извиниться перед вами за то, что задержался с моей благодарностью. Но я закрутился в суматохе нашей сегодняшней политики и к тому же я очень много разъезжаю. Вы уж простите меня за эту непреднамеренную нелюбезность. Я — давний поклонник ваших величественных полотен и с удовольствием прочитал несколько ваших книг... Я надеюсь, что настанет день, когда мне представится возможность посетить вас в вашем прекрасном уединении в Долине Кулу.

Еще раз благодарю вас, с уважением и добрыми пожеланиями, искренне ваш, Джавахарлал Неру»^[394].

Между Рерихами и Неру завязалась переписка. Прошло два года. У Святослава возникла идея написать портрет Джавахарлала Неру и его снова стали приглашать в Кулу. Но для того чтобы посетить уединенный дом Рерихов, необходимо было, по обычаям Индии, личное приглашение главы семьи. Поэтому Святослав Рерих решил надолго не откладывать свой визит к Джавахарлалу Неру в Аллахабад и 20 января 1942 года отправил из Бомбея телеграмму:

«Планирую визит Аллахабад на несколько дней начале следующей недели. Был бы благодарен, если бы вы смогли телеграфировать мне, „Тадж-Махал“, Бомбей, если вы окажетесь на месте. Шлю привет Святослав Рерих»^[395].

В этот же день пришел ответ: «Святославу Рериху, отель „Тадж-Махал“, Бомбей. Возвращаюсь Аллахабад двадцать четвертого. Буду до конца месяца. Надеюсь будете нашим гостем. Джавахарлал Неру»^[396].

Святослав Рерих был очень рад такому ответу, теперь у него появилась возможность не только лично пригласить Джавахарлала Неру в Кулу, но и написать задуманный портрет. Святослав приехал в Аллахабад, и Джавахарлал Неру принял приглашение посетить Кулу.

Наконец, 4 мая 1942 года Джавахарлал Неру отправил письмо, в котором просил встретить его в Лахоре и оттуда сопровождать в Наггар в Кулу.

«Г-ну Святославу Рериху через г-на Б. Дхингру

2, Гольф Роад, Лахор

Мой дорогой друг, Индира и я выезжаем из Аллахабада завтра вечером в Лакнау, где мы пробудем два дня. Оттуда мы едем в Дели. Мы будем в Дели 8-го и 9-го и остановимся по адресу: Гардинг авеню, 3. Вечером 9-го мы намерены отправиться в Лахор, чтобы прибыть туда 10-го утром. У меня нет особых дел в Лахоре, кроме как встретиться с некоторыми друзьями. Моя дальнейшая программа будет зависеть от ваших указаний относительно того, когда нам выезжать из Лахора. Возможно, было бы лучше отправиться одиннадцатого, чтобы в моем распоряжении были день и ночь в Лахоре. В Лахоре мы остановимся в доме Миана Ифтикар Уддина по адресу Айкман Роад, 21.

Я с нетерпением предвкушаю мой визит в Наггар и встречу с вашим отцом и матерью. Я благодарен вам за проявленную вами настойчивость, которая способствовала принятию мною решения в этом отношении, поскольку сам я колебался в определении моей программы.

Если вы уедете из Лахора до того, как мы туда прибудем, пожалуйста, оставьте подробные указания для меня в доме моего хозяина. Я хотел бы отметить, что нас будет сопровождать мой секретарь и, возможно, слуга.

Искренне ваш, Джавахарлал»^[397].

Николай Константинович с нетерпением ждал гостей. Джавахарлал Неру вместе с дочерью приехал к Н. К. Рериху в мае 1942 года. Английские спецслужбы всячески пытались помешать этой встрече, но их власть к 1942 году в Индии заметно ослабла. И все же первый день приезда Неру в Кулу был несколько подпорчен. Николай Константинович накануне получил письмо с угрозами, о котором потом вспоминал: «Характерно, что в день приезда Пандитджи [Джавахарлала Неру] получилось отвратительное письмо от М. — против Пандитджи, с угрозами нам. Разве в тюрьме мы? Эти угрозы на всех произвели гадкое впечатление. Придется расстаться с М. — так люди сами себе и вредят»^[398].

Но никакое противодействие англичан не смогло поколебать Н. К. Рериха в его желании встретиться и обсудить многие планы с лидером индийского народа в его борьбе за независимость от Англии.

Целых две недели пробыл будущий премьер министр Индии вместе со своей дочерью Индирой в гостях у Рерихов. Все это время Николай Константинович с восторгом излагал Джавахарлалу Неру свои идеи и новые проекты: «Говорили об Индо-Русской Культурной Ассоциации (ИРКА)...Пора мыслить о кооперации полезной, сознательной, — читаем в дневнике Н. К. Рериха. — Махараджа Индор приедет к нам через три

недели. Просит, чтобы Пандитджи [Джавахарлал Неру] слетал в Америку. Четыре с половиной дня туда, столько же обратно, и там один день — на беседу. Пандитджи, конечно, не поедет. Время ли, чтобы глава движения мог отсутствовать десять дней. Да и что родится из такой поездки?! Махараджа [Яшвант Рао Холькар] приедет к нам через три недели. Опять будет беседа об ИРКА»^[399].

20 мая Джавахарлал Неру провожал весь маленький городок Кулу. «Все наше народонаселение вышло провожать с цветами, с добрыми пожеланиями, — писал Н. К. Рерих. — Добро, добро — около Пандитджи. Все чувствуют, что он не только большой человек, надежда Индии, но и честнейший, добрый человек. Эти два ощущения очень важны в наши дни. К доброму сердцу тянется и все доброе, естественно. Мечтают люди о справедливости и знают, что она живет около доброго сердца. Трогательно, как народ восклицает:

— Да здравствует Неру!»^[400]

Святослав Рерих через много лет с особым трепетом вспоминал эту встречу с Джавахарлалом Неру:

«Вся наша семья всегда мечтала о том, как лучше сблизить русский народ и Индию. Это были мысли, которыми мы все жили и которые мы хотели видеть осуществленными как можно скорее. Помню, как мы впервые встретились с Джавахарлалом Неру. Он тогда только что вышел из тюрьмы и жил в Бомбее у сестры. Мы сидели вместе и беседовали, я сказал ему о заветной мечте Николая Константиновича сблизить наши народы. Помню, с каким интересом Джавахарлал Неру слушал об этом и сказал:

— Но как это провести в жизнь, как это осуществить?

И тогда родилась мысль, что перебросить мост между Советским Союзом и Индией можно сначала по культурным линиям; условия тогда были еще совсем другие. Это был 1942 год. Я попросил его приехать к нам в Кулу, чтобы они могли побеседовать с Николаем Константиновичем, ну и я хотел еще воспользоваться этим случаем и написать его портрет. Вскоре была сессия индийского Конгресса в Аллахабаде, я остановился у Неру, и мы каждый день обсуждали все эти интересные вопросы. Мы решили ехать в Кулу в мае месяце. Договорились встретиться с Джавахарлалом Неру в Лахоре и оттуда ехать в Кулу. Он приехал в Лахор с дочкой, с сопровождавшим его секретарем и еще одним другом семьи. Это было его первое путешествие в наши горы, никогда раньше он не бывал в этом районе. И вот мы ехали вместе, и на всех перекрестках нас встречали толпы людей, которые хотели побеседовать с Джавахарлалом Неру. Время было

тревожное, и мы очень медленно двигались по дороге. На ночь остановились в маленьком княжестве, где была беседа с местными литераторами, а на следующий день приехали в Кулу.

Неру провел у нас дней двенадцать, мы ездили с ним по долине, она ему очень понравилась, и он ее полюбил. Каждый день он беседовал с Николаем Константиновичем, Еленой Ивановной, Юрием Николаевичем, а я писал его портреты и написал два или три портрета. Он очень хорошо мне позировал — ведь для большого, настоящего портрета ему приходилось стоять, и мы с ним, конечно, подружились, это были, так сказать, основы наших контактов. Николай Константинович обсуждал с Неру планы, как на культурных основаниях перебросить мост между нашими странами. Самыми лучшими были культурные связи, и мы видим: в жизни они и остаются самыми надежными.

Как вы знаете, Джавахарлал Неру был исключительным человеком — он был, с одной стороны, большим писателем и поэтом и, с другой стороны, политическим деятелем. Он любил свою работу, любил народ, контакты с народом. Неру был бесстрашный человек, он абсолютно ничего не боялся и в самые трудные моменты никогда не терял равновесия и всегда стремился сделать что-то особенное, необычное — то, что нужно было именно для этого момента. Джавахарлал Неру много лет, вплоть до самой своей кончины, оставался нашим близким другом. Перед самой его смертью мы послали ему черешни и вишни, которые растут у нас, и, как мне передали, открыв глаза, он сказал:

— Мне кажется, они лучше даже кашмирских.

Я счастлив, что судьба свела меня с таким замечательным человеком, как Джавахарлал Неру. Уважение и восхищение древней культурой Индии, ее народом, которые отличали нашу семью, тоже находили отклик в сердце великого сына Индии. Глубоко интересовался он дружескими связями своей страны и России. Советского Союза»^[401].

Еще находясь в гостях у Рерихов, Джавахарлал Неру писал одному из своих друзей Яшванту Рао Холькару, тогдашнему махарадже центрально-индийского княжества Индора, который должен был в скором времени приехать в Кулу, чтобы помочь Николаю Константиновичу воплотить одну из его идей — создать Индо-Русскую Культурную Ассоциацию (ИРКА):

«Кулу, 19 мая 1942 г.

...Мы отправляемся из Наггара завтра после великолепного пребывания у Рерихов, которые могут служить примером самого совершенного гостеприимства. Я намерен приехать в Аллахабад в течение

недели после коротких остановок в Лахоре и Дели»^[402].

После того как в Кулу приехал Яшвант Рао Холькар, Николай Константинович невольно оказался в центре индийской революции. В начале июня 1942 года от махараджи центрально-индийского княжества Индора пришла телеграмма, которая поставила Н. К. Рериха в трудное положение:

«Ожидаем Ваше водительство в поддержке предложения Индора в письме к Рузвельту, которое даст новую надежду политического соглашения».

Николаю Константиновичу предлагалось выступить посредником в организации индийско-британских переговоров о независимости индийского государства. Об этой телеграмме Н. К. Рерих писал в дневнике:

«Рузвельт, два представителя русских и два китайца должны рассудить дело между Индией и Британией. Могут ли вмешиваться иностранцы в судьбу Индии? Она сама, только сама решит свое будущее. Слов нет, сложно оно.

Кроме неразрешимого Пакистана, уже появился Усиани-стан и Дравидистан, и могут проявиться и всякие другие станы. Все эти призраки разделения и раздора ужасают всех мыслящих о единении. „В единении — сила“. Газеты сообщают решение Ганди, чтобы каждый индус предлагал англичанам уехать домой. Вот до чего дошло!»^[403]

Англия предпринимала все меры, чтобы подавить восстание, которое все сильнее разрасталось в Индии. В августе 1942 года были арестованы основные лидеры индийского движения за независимость, среди них был и Джавахарлал Неру. Поводом к аресту послужило его воззвание: «Англичане — вон из Индии!»

10 августа 1942 года Н. К. Рерих писал о происходивших событиях:

«Само пространство вопит. Гималаи плачут. Не запомнят здесь таких ливней. Переполняется чаша. Дорога обваливается. Смятение жизни растет. В Бомбее и в Аллахабаде уже убитые и раненые. Первомученики за свободу! В Бомбее осадное положение. Радио сообщило, что телеграммы в Бомбей не идут. Аресты повсюду, арестованные увезены в неизвестном направлении. Дальнейших сведений по радио не будет, кажется, и в газетах будет молчание. Можно представить, какие чудовищные слухи поползут!.. Не знаем, как русский народ относится к событиям в Индии? Знает ли? Если и здесь сведения пресечены, то что же просачивается там, вдали? По словам британского радио, — арестованные будут лишены газет и всех сообщений. Особенно волнует народ, что арестованные увезены в

„неизвестном направлении“. При желании под этим можно многое предположить. Итак, Конгресс уничтожен, а коммунисты утверждены правительством. Такие комбинации трудно усвояемы народными массами. Также путаются люди между „доминионом“ и полным освобождением. К тому же и фантастический Пакистан с его неуловимыми границами остается энигмой. Ох, многострунные инструменты сложны для игры.

Во всем чуются грозные дни. Исчезновение сведений лишь усилит грозность»^[404].

У Николая Константиновича в конце лета 1942 года начались нелады со здоровьем.

«Хотелось бы поскорей поправиться. Слишком все напряжено, и нездоровье совсем не ко времени», — писал Н. К. Рерих.

К сожалению, болезнь всегда приходит не ко времени. После того как из Калимпонга специально для Н. К. Рериха был вызван врач, в дневнике художника появилась очередная запись:

«...Из Калимпонга едет наш доктор... Британское радио сообщает, что по всей Индии введена порка! В Дели сожжен Тоун-Холл и несколько официальных учреждений. Бомбей, Ахмедабад, Аллахабад, Люкноу, Бенарес, Горакпур, Назик, Калькутта, Мадрас — в брожении. Число убитых и раненых не сказано. Умер в тюрьме Махадев Десай, секретарь Ганди. Арестована сестра Неру Лакшми Пандит. Сапру отказался от посредничества. Правительство жалуется на ползущие „дикие слухи“. Чан-Кай-Ши посылает особую миссию в Индию для переговоров об освобождении. Реакция Москвы неизвестна. Не забыл же русский народ об Индии? Об индусских собратях? Конечно, радио о многом вообще не сообщает. Ни газеты — ничто не скажет об истинном положении. Каждый день новые осколки происходящего. Не перечисляю, ибо всего не знаем, а по осколкам судить нельзя. Ко всему надо прибавить: „Радио сообщает“! Газета окончательно отстала от происходящего, да и сама запуталась в своих измышленных заголовках. Ничего не знаем!»^[405]

В следующем году Николай Константинович Рерих задумал повторить свое путешествие в Лхасу, но английские власти отказали Рерихам в пропуске в Тибет и многозначительно намекнули, что, один раз покинув Кулу, Николай Константинович уже никогда не попадет в Индию. С большой досадой и грустью Н. К. Рерих читал в газетах сообщения об экспедициях, направлявшихся в Тибет и Лхасу:

«Американский майор повез от Далай-ламы подарки Рузвельту. Американцы в Лхасе. Германцы были в Лхасе. Британцы в Лхасе. Индусы в

Лхасе. Итальянцам можно быть в Тибете. Всем можно, только русским нельзя. Не так давно Юрий спрашивал в Дели о поездке в Тибет, и опять — „длинный нос“. И не тибетское правительство против. Мы имели достаточно уверений от тибетцев и китайцев. Весь затор — в британцах.

Почему? Даже причин не скажут. И теперь, когда за Москвою так ухаживают, русские ученые допускаются в Индию лишь в неотступном „сопровождении“. Представитель агентства ТАСС не может переменить квартиру, ибо рядом должен жить надзиратель.

Для отвода глаз правительство издает просеянный журнал „Новости Советского Союза“, но надзиратели и сопроводители все те же. В сущности — как было, так и есть. Группа индусов-друзей хотела лететь в Москву на свой счет (по 4000 рупий с каждого), для вида разрешение было дано, но аэроплан не был дан, ибо состав группы не понравился в недрах»^[406].

Но английское господство над Индией оказалось не вечным, индийская революция победила, Индия сразу распалась на несколько государств. В 1945 году освободили из тюрьмы Джавахарлала Неру. Отгремела победа Советского Союза, карта мира была перекроена, появились новые государства, новая политика, новый мировой порядок. 17 июня 1945 года Рерихи послали в Дели Джавахарлалу Неру телеграмму: «Счастливы, получив известие вашем освобождении наши лучшие мысли и теплые поздравления от всех в Наггаре»^[407].

ПУТЬ В РОССИЮ

Типография задерживала выпуск книги Барнета Конлана о Н. К. Рерихе, вместо декабря 1938 года она появилась лишь весной 1939 года. Издательство разослало книгу многим литературным критикам в надежде получить от них хорошие отзывы. Эмигрантская газета «Новая Заря» писала в те годы:

«Англичанин Барнет Конлан, поэт и критик написал монографию о Рерихе. Она роскошно издана на английском языке „Музеем Рериха“ в Риге, учреждением, прекрасно зарекомендовавшим себя культурной работой. Б. Конлан — не один из многих, он — человек высокого духовного уровня. Это сказывается на любой странице его книги. Он близок к европейским художественным кругам и чутко разбирается в вопросах искусства. Его суждения приобретают особый интерес... На каждой почти странице своей книги английский автор высказывает восхищение русским творчеством: чародейством рано умершего Скрябина, которого, как и Рериха, привлекал Восток; древней русской иконописью, театром, литературой.

— У русских, — говорит он, — величайший гений искусства.

И он верит, что России принадлежит будущее. Его влечение к русскому творчеству вполне понятно: ибо он исповедует, как и оно, Веру в священное искусство...»^[408]

А вот Александр Бенуа, писавший в эти годы Николаю Рериху восторженные письма, не смог удержаться от критики монографии в нескольких своих статьях.

Другая объемная книга о Н. К. Рерихе, написанная на русском языке харбинцем Всеволодом Никаноровичем Ивановым и русским шведом Эриком Федоровичем Голлербахом, вышла в свет в том же году. Несмотря на то что еще в 1937 году рижское издательство «Угунс» уже публиковало биографическую повесть Вс. Н. Иванова «Н. Рерих: Художник, мыслитель», именно переиздание книги в 1939 году дало повод для очередного недовольства А. Бенуа.

Если вначале Николай Константинович заботился о том, чтобы книга обязательно попала к Бенуа — «...полезно иметь несколько экземпляров монографии для раздачи, как, например, для отзыва „оборонцам“ и другим, дающим отзывы. Но для Александра Бенуа, пожалуйста, пошлите прямо от издательства из Риги»^[409], — то прочитав его статьи, он с досадой писал

своим друзьям в Ригу:

«Если этот тип после всех суперлативных (восторженных) писем ко мне, которые он писал за последнее время, сделал такую гадость в газете, то это лишь показывает его неисправимо-завистливую природу. Впрочем, такое эмигрантское суждение, несомненно, имеет и хорошую сторону, ибо многие другие, не погрязшие в тине люди, не только поймут побудительные источники, но и еще раз по достоинству оценят это болото. Ясно, что Бенуа не переваривает авторов статей монографии, и это вовсе не по литературным и художественным причинам, но опять-таки по болотному непониманию момента»^[410].

Отзыв Бенуа о книге был уж очень недоброжелательным, в этой статье он писал:

«Считается вообще, что гордыне Рериха нет пределов, что главной движущей силой, заставляющей его неразрывно сочетать личное творчество (и весь сопряженный с этим труд) с каким-то мировым мессианством (требующим еще больших, несравненно больших усилий), — что этим мотором является тщеславие. Такое мнение сильно распространено, и оно даже вредит серьезности успеха Рериха... Скажу откровенно, мне лично все это мессианство Рериха не по душе, и главным образом потому, что оно, с моей точки зрения, даже мешает Рериху-художнику исполнять свою главную, свою настоящую, свою художественную миссию. Лозунги, написанные на знамени этого мессианства, самые почтенные, и я особенно сочувствую тем, которые сводятся к словам „мир и благоволение“. Но почему-то мне не верится, чтобы можно было чего-либо достичь в проведении такой „программы“ посредством всего того, что возникло благодаря общественной деятельности Рериха. Я вообще не верю ни в какие конференции, пакты, лиги, речи, юбилеи и апофеозы... В книге о Рерихе очень много говорится именно о том благотворном действии, которое искусство оказывает на мировую душу, на умиротворение человечества, на всякое осеменение и процветание Добра. Против приписывания таких свойств искусству я не спорю, но я ощущаю внутренний протест, когда оба апостола Рериха начинают видеть в совокупности его общественной деятельности и художественного творчества какое-то могущественное целительное средство против современных грехов и ужасов. Очень замечательное, очень талантливое, подчас очень красивое творит Рерих; иные из его картин овеяны подлинным чувством поэзии, они приближают к нашему сознанию вещи, далеко от нас отстоящие и в пространстве, и во времени, и в мысли, но при всем том им присущ один недостаток, и этот грех я не могу иначе

охарактеризовать, нежели словом „импровизация“... И мне сдается, что „мессианство“ Рериха явилось, пожалуй, помехой заложенному в нем творческому началу. Живет ли в нем еще и ныне опаснейший дух гордыни или нет, мне трудно судить. Может быть, в „умудренном жизнью старце“ он и не живет, но когда складывалась творческая личность Рериха, этот дух в него вселился, и он же в дальнейшем сплелся с его более чистыми и простыми побуждениями».

Николая Константиновича огорчало не то, что издательство послало Александру Бенуа книгу Иванова и Голлербаха, а то, что один из сотрудников Рижского музея Н. К. Рериха, художник Алексей Юпатов, настойчиво просил Бенуа написать небольшой отзыв об этой монографии. Вот и получилось, что полную иронии статью Александр Бенуа написал по заказу Рижского музея.

Эти две книги объединяла не только тема. Николай Константинович, совместно с Рижским музеем, планировал выпустить еще вторую часть русской монографии, в которую должен был войти перевод книги Барнета Конлана. Монография, названная рижским издательством — «Рерих», положила начало целой серии книг, изданных на английском и русском языках, посвященных творчеству и деятельности художника.

«...Касательно монографии. Со временем Вы все вполне оцените удобство издания по частям, — писал Николай Константинович в Ригу. — Если статья Всева Иванова уже набирается, то пусть она и останется для первой части монографии, как прежде указано, на втором месте. Перевод статьи Конлана полезно сделать, ибо он пригодится для русского издания второй части монографии. Таким образом, в первую часть войдет; предисловие, Голлербах и Иванов. А в английскую: предисловие, Бабенчиков и Конлан. Во вторую часть русскую войдет Конлан, а остальное для второй части мы укажем со временем. В третьей части (если она осуществится) будет библиографический материал и еще какие-либо соответственные статьи. В списке у Вас имелось 150 воспроизведений — значит, для первой части, во всяком случае, не требуется никаких добавочных. В первую часть, таким образом, войдут последние картины, и это обстоятельство мы отметим в предисловии. Для первой части однотонные будут, кроме семи серии Тибет и четырех... русских... Таким образом, Вы имеете вполне достаточное количество для одноцветных, и большинство из них имеют готовое клише... Для верности пришлите нам корректурные оттиски. Английский текст предисловия Вы получите от Шклявера. Итак, бодро вперед. Сердцем и Духом с Вами»^[411].

Проблемы с изданием монографии начались с латвийской цензуры,

которая неожиданно решила запретить дальнейшее печатание книги. Когда же Рижское рериховское общество вновь получило разрешение на продолжение работы, сразу начались непонятные задержки в типографии. Несколько раз терялись оригиналы статей, клише, фотографий. Николай Константинович из Индии неоднократно высылал в Ригу статью Э. Ф. Голлербаха. Сумма, затраченная на печатание книги, оказалась несравненно большей, чем предполагалось. Янис Мисинь, владелец небольшой строительной конторы, выступавший спонсором рериховских изданий в Риге, поссорился с одним из руководителей Рериховского общества, врачом-гомеопатом Г. Ф. Лукиным. Из-за этого конфликта дела издательства несколько осложнились. Лукин предлагал все расходы по изданию книг взять на себя, но его средств явно не хватало. А оказавшийся в трудном финансовом положении Мисинь вместо поддержки друзей получил через адвоката ультиматум. Тогда в ответ он стал готовить в Рижском рериховском обществе раскол. Многие члены встали на его сторону и объявили о перевыборах, желая исключить Г. Ф. Лукина из правления. С большим трудом Николай Константинович и Елена Ивановна сумели разрешить конфликт, но из-за всех этих неприятностей издание второй и третьей частей монографии откладывалось на неопределенный срок.

Еще в 1938 году Николай Константинович просил советского консула в Индии рассмотреть вопрос о возвращении в Россию, но министерство иностранных дел художнику отказало. Н. К. Рерих стал искать другие пути для получения виз в СССР. Так Рижское общество, по его просьбе, вступило в переговоры с Советским посольством. Гаральд Лукин и Янис Блюменталь выступили главными посредниками между Рерихом и Латвийским советским полпредством.

Янис Блюменталь с 1937 года состоял членом коммунистической партии и поэтому имел хорошие связи в Советском посольстве. Все переговоры осуществлялись через третьего секретаря Советского полпредства в Латвии Михаила Ветрова. В обмен на разрешение Рериху вернуться в Россию советская сторона требовала от Общества доказать свою лояльность к Советской России.

Тогда Г. Ф. Лукин и Я. Г. Блюменталь решили издать альманах под маркой Рериховского общества, в котором хотели напечатать статьи об СССР. М. Ветров потребовал, чтобы в альманахе поместили хвалебные статьи о Сталине, о событиях на озере Хасан и обязательно чтобы говорилось о непобедимой мощи Красной армии.

Все переговоры с Советским посольством велись втайне, и многие

члены Общества не знали о планах Лукина и Блюменталья. Из-за этого возникало множество недоразумений и неприятностей. Так, 24 декабря в Рериховском обществе состоялся традиционный рождественский вечер. Михаил Ветров пожелал присутствовать на этом празднике. Рихард Рудзитис, председатель Общества, в своем дневнике писал: «Блюменталь когда-то подчеркнул, что его друзья [из Советского полпредства] будто бы следят за нашими вечерами по четвергам, что один их товарищ дает им свои отзывы, поэтому Иван (Янис) посоветовал делать их „по сознанию“, без эзотерики... Но здесь и возникла неясность с этим Рождественским вечером... Блюменталь за день позвонил и сказал, чтобы делали „без сентиментальности и причитаний“... Друг Блюменталья на второй день был у него и рассерженно сказал:

— У вас тут все старое, а раз так, то пусть ваш Рерих сидит в своих Гималаях.

Значит, весь этот вечер будто бы скомпрометировал все дело приезда Рериха, всю прогрессивную добрую славу в глазах друзей Блюменталья!»^[412]

После этих слов третьего секретаря полпредства Ветрова, казалось, можно было бы прекратить все попытки добиться получения въездных виз для Н. К. Рериха. Однако Янис Блюменталь не терял надежды. Издать сборник, посвященный Советской России в Латвии, оказалось не так-то просто. 26 марта 1940 года председатель Рижского общества писал в Индию Н. К. Рериху:

«Понятно, выход сборника может встретить большие затруднения, должно быть, пойдет через высшие отзывы, но, по мнению Гаральда, он пройдет с помощью влияния друзей [Советского полпредства]. В таком виде он покажется как бы полным доказательством направления, и „Общество“ к этому должно быть готово. Иван [Блюменталь] все же опустил статью о хасанских эпизодах, кажется, одну песню или несколько строчек. Все же главное — песни, статья о Шолохове, где немало хаоса отражается, и пр. Иван утверждает, что сборник необходим во всём предлагаемом им виде, потому, понятно, дальнейшее наше размышление отпадает... В сборнике предполагается также много клише из внутренней жизни страны [Советской России] и пр., а также репродукции картин Николая Константиновича. Не знаю, как отзовутся и наши писатели, ибо необходимо хотя бы несколько статей и из трех [Прибалтийских] стран...»^[413]

Рихард Рудзитис, в связи с таким поворотом дела, даже соглашался

сложить с себя полномочия председателя Общества, лишь бы вопрос о визах для Рерихов в полпредстве решился положительно. Но такие радикальные меры не изменили отношения Советского посольства. В апреле альманах, названный «Мысль и литературные записки», издательство отправило в латвийский отдел прессы для получения разрешения от цензора, и в скором времени, при поддержке полпредства, он вышел в свет.

Но из всех переговоров и уступок друзей Н. К. Рериха ничего путного не получилось. Положение в Обществе только осложнилось. 21 июля 1940 года была образована Латвийская ССР. И уже после вступления Латвии в СССР, находясь теперь в советской Риге, 20 сентября 1940 года Рихард Рудзитис писал в своем дневнике:

«Но если Ветров обманывал, и до Сталина не дошла информация о Н. К. Рерихе. Гаральд и Блюменталь так думали, но боялись спросить, послано ли правительству. Так в руках маленького чиновника была судьба всей эволюции. Пусть и так, задание должно быть исполнено стопроцентно правильно, все другое должно оставить в руках судьбы. Оба думают, что если бы Н. К. Рерих был в России, возможно, до войны бы не дошло. Но Гаральд сам несколько раз теперь говорил, что Н. К. Рерих сам попал бы в руки НКВД»^[414].

В июне 1941 года Гаральд Лукин прислал к Рерихам в Кулу телеграмму, в которой сообщал, что местные советские чиновники поставили вопрос о закрытии Общества в Риге, а вопрос о визах так и остался нерешенным. Но Николай Константинович, несмотря ни на что, не прекращал попыток получить разрешение вернуться в СССР.

В Америке положение рериховских учреждений стало плачевным. Несмотря на то что американские сотрудники продолжали свою деятельность, судебные издержки, связанные с бесконечными тяжбами с Луисом Хоршем и его союзниками, вконец разорили и без того уже не богатые рериховские организации. В довершение всех неприятностей всегда поддерживавший Николая Константиновича известный финансист и политик Чарлз Крейн серьезно заболел. Елена Ивановна, приободряя руководство нью-йоркских рериховских организаций, писала:

«...так ужасно болит сердце за всех и все. Особенно тяжело, что материально не можем прийти на помощь. Зиночка знает все трудные обстоятельства, и в каком медвежьем углу мы живем. Также знаете, что и друг Крейн, после моего письма с определенной просьбой о помощи, передал некоторую сумму на адвоката, но не только не ответил, но, даже получив заказанный им портрет, замолчал. Приняв его, вероятно, в счет

этой тысячи. Просить его мы больше не можем, тем более что здоровье его очень ослабело. Не знаю, чем помочь!»^[415]

В 1939 году Чарлз Крейн умер, и его дочь, получившая наследство, вынуждена была заплатить большие налоги. После всех выплат она даже не смогла выкупить заказанную у Н. К. Рериха картину.

Николай Константинович в письме в Америку с сожалением говорил: «Крейн заказал мне для своей дочери картину, которая накануне отправки отсюда была остановлена телеграммою Броди вследствие смерти Крейна. Таким образом, эта последняя воля покойного родственниками не была выполнена»^[416]. «Только что пришло письмо от дочери Крейна, в котором она пишет, что вследствие огромных расходов по налогам и всяким переменам она очень жалеет, что не может приобрести картину, и ей остается лишь любоваться ею в „Музее“, когда она бывает в Нью-Йорке»^[417].

В 1939 году 24 октября Николай Константинович Рерих написал свой последний завет:

«Собственности у меня нет. Картины и авторские права принадлежат Елене Ивановне, Юрию и Святославу. Но вот что завещаю всем, всем. Любите Родину. Любите народ русский. Любите все народы на всех необъятностях нашей Родины. Пусть эта любовь научит полюбить и все человечество. Чтобы полюбить Родину, надо познать ее. Пусть познание чужих стран лишь приведет к Родине, ко всем ее несказуемым сокровищам. Русскому народу, всем народам, которые с ним, даны дары необычные... Доверены пространства, полные всяких богатств. Даны дарования ко всем областям искусства и знания. Дана мысль об общем благе. Дано познание труда и бесстрашная устремленность к обновлению жизни. Народы поют и способны к украшению жизни. Где нарождается красота, там придет и расцвет всех трудовых достижений. В мирном труде познается и мир всего мира. В мире идет строительство и светлое будущее. А где постройка идет, там все идет. Полюбите Родину всеми силами — и она вас возлюбит. Мы любовью к Родине богаты. Шире дорогу! Идет строитель! Идет народ русский! Николай Рерих. Гималаи...»^[418]

И только накануне нового 1946 года в Индию Н. К. Рериху пришло особое письмо из Нью-Йорка, которое вселило в Николая Константиновича новую надежду на скорое возвращение в Советскую Россию.

«Дорогой мистер Рерих! — писал советский чиновник. — Комитет по делам искусств Советского Союза интересуется Вашими картинами, находящимися в настоящее время в коллекции м. Хорша в Нью-Йорке.

Комитет запрашивает Вас о возможности покупки всей коллекции. Мы будем Вам очень признательны, если Вы выскажете свое мнение по вопросу покупки Ваших картин Комитетом по делам искусств СССР для советских музеев.

В надежде на ответ от Вас. Искренне Ваш, Начальник отдела искусств и ремесел Амторга Гусев»^[419].

Николай Константинович видел в этом письме не просто интерес Советской России к своему творчеству, а возможность новых жизненных свершений и творческих проектов... Ему казалось, что запоздалый ответ может обидеть советских чиновников, и на следующий день отправил срочную телеграмму в Америку, в Амторг, о том, что письмо получено и скоро будет написан более подробный ответ.

Ответ Николай Константинович отправил в первый день нового 1946 года:

«Уважаемый гр. Гусев, Ваше письмо от 7 декабря дошло в наши снежные Гималаи 27-го. Вы уже имеете мою телеграмму, и я могу лишь подтвердить, что решение Художественного Комитета в Москве меня очень тронуло. Мы никогда не порывали отношений с нашей Родиной и там могли знать о моей художественной деятельности. Я всегда мечтал привезти на Родину плоды моей работы, включающей серии картин Гималаев, Монголии и Тибета, а также мои картины, посвященные русскому народу — „Александр Невский“, „Святогор“, „Настасья Микулична“, „Новая Земля“, „Партизаны“, „Мстислав Удалой“, „Ярослав“, „Богатыри проснулись“, „Победа“ и др. Мысленно я видел эти картины как русское достояние.

Вы запрашиваете мое мнение касательно картин моих, находящихся в Нью-Йорке. Конечно, я мечтал бы, чтобы все мною сделанное принадлежало русскому народу. Но имеются некоторые, не выясненные еще, обстоятельства, которые может Вам передать Зинаида Григорьевна Фосдик — о чем я ее и извещаю и прошу сообщить с Вами. Ввиду этих некоторых сложностей, я был бы счастлив предложить Родине собрание моих картин, находящихся у нас здесь. И если такое соображение отвечает желанию Комитета искусств, то я мог бы дать Вам подробные сведения о них. После совещания с Зинаидой Григорьевной Фосдик положение коллекции картин, находящихся в Нью-Йорке, Вам уяснится. С моей же стороны Вы встретите самое сочувственное сотрудничество во всем. Можно пожалеть, что почтовые сношения очень замедленны и оборот писем берет воздушной почтой почти два месяца. Что же касается нашей переписки с Москвою, то главное затруднение в том, что мы часто не

знаем, что именно дошло из наших писем и не задержались ли ответы. Я и моя семья всегда готовы принести наши труды на пользу народного строительства и послужить на Родине. Ожидая Ваш ответ о последующем, с искренним приветом...

Р. С. По последним сведениям, в Карачи уже приходят советские пароходы, и таким прямым рейсом отправка значительно упрощается»^[420].

Когда Николай Константинович писал это письмо, он еще не знал, что Луис Хорш не только не показал представителю Амторга самые знаменитые картины, но и объявил Н. К. Рериха давно умершим, и только значительно позже, получив письмо из Москвы, Гусев узнал, что художник жив-здоров и находится в Индии в своем доме в Кулу. Вместе с посланием в Амторг Н. К. Рерих отправил в Америку и письмо Зинаиде Фосдик, в котором он более откровенно написал о своих планах и о том, какое значение придает этой новой возможности вернуться в СССР:

«Только что начал очередное письмо, как пришло письмо из Амторга... Как видите. Вам придется созвониться и повидаться с Гусевым. И, конечно, это свидание будет началом хорошей дружбы. Вы понимаете, как заботливо и благожелательно нужно осведомить Гусева о том, что дело с картинами осложнено агрессией и захватничеством Хорша... Не следует говорить, что картины эти невозможно приобрести — пусть этот вопрос остается открытым... Конечно, Вы не будете вдаваться в чрезмерные подробности, чтобы не затемнить главное, а именно желание Комитета по делам искусств иметь картины для музеев СССР. Вы знаете, как люди быстро устают от подробностей не близкого дела и разочаровываются. Между тем Вы видите из моего письма Гусеву, насколько я сочувствую желаниям Комитета по делам искусств. Вы скажете также, что для охраны этих картин существует особая Корпорация, в которой Вы и друзья принимаете участие и которую Хорш пытается обойти. Теперь из конца письма Амторга можно видеть, что Комитет по делам искусств интересуется не только этими [картинами], но и вообще моим искусством, поэтому я сообщаю Гусеву, что у нас здесь, в Гималаях, находится большая коллекция моих картин, упоминание о которых Вы найдете в копии моего письма. Имейте в виду, что это обстоятельство чрезвычайно важно, которое должно быть доведено до прекрасного заключения... Также Вы обратите внимание на заключительные слова моего письма о готовности служения на Родине и, со своей стороны, подкрепите их известными Вам формулами о моей любви к Родине. Может быть, будет уместно и дать ему список статьи из журнала „Мысль“, которая у Вас имеется»^[421].

Возвращаться в Россию Николай Константинович собирался со всей семьей. Он писал Зинаиде Фосдик: «Если бы явился интерес к моей семье, то следовало бы упомянуть о Юрии и его необычном знании восточных языков и огромном историческом труде „О Народах Средней Азии“, который он не может закончить здесь из-за недостатка материалов, и в этом Родина могла бы прийти ему навстречу — ехать он всегда готов. Также, наверно, будет речь и о таланте Святослава, который сейчас является, несомненно, лучшим портретистом. Видите, какое важное обстоятельство надвинулось. И Вы чувствуете, с каким нетерпением мы будем ждать последующего. Главное, следует подчеркнуть в беседе значительность и красоту последних здешних картин, которую так оценивают здешние критики и музеи, а также и наше постоянное желание работать на Родине»^[422].

Николай Константинович волновался, что может не успеть и что представители Москвы могут передумать и купить картины другого художника или посчитать, что Рерихи не должны возвращаться в Советскую Россию из-за своих либеральных взглядов. Письмо к Зинаиде Фосдик Н. К. Рерих заканчивал восторженными словами:

«Вот какими важными обстоятельствами начинается 1946 год. Пусть он окажется годом благого строительства...посылаем это письмо вне очереди для ускорения. По получении этого письма немедленно созвонитесь с Гусевым...»^[423]

Почта из Америки в Индию и обратно шла долго. Иной раз ответа приходилось ждать два месяца. Почти в каждом послании в Америку Николай Константинович вспоминал о главной встрече:

«Теперь поверх всех текущих дел перед Вами стоит беседа с Гусевым...»^[424]

Но в отличие от других писем — важное послание достигло Нью-Йорка всего за 10 дней, и 15 января Зинаида Фосдик писала в Индию:

«Ваше значительное письмо от 2.1.46 пришло 12-го Января... и я тотчас позвонила в Амторг, но г-на А. Гусева не было в городе. Вчера днем он меня принял, и у нас была крайне интересная беседа. Во-первых, он мне показал Ваше письмо к нему и при этом объяснил, как он узнал о коллекции у Хорша, или вернее, что он узнал, что здесь имеется такая коллекция Ваших картин, и он пошел ее посмотреть раза три. Но, видимо, что-то его смущало, и он начал расспрашивать. Спросил Яременко, которого он знает, и последний ему сказал, что был суд с Хоршем и были затронуты картины. Тогда он написал в Наркомпрос письмо, сообщая о

наличии коллекции Ваших картин здесь. Там очень заинтересовались этим и просили подробностей. Хорш ему, оказывается, показал и предлагал двести тридцать картин, и когда Гусев написал о том количестве в Наркомпрос, ему оттуда ответили, что должно быть гораздо большее число картин в Нью-Йорке. Но когда там узнали о каких-то судах, о чем Гусев им писал, со слов Яременко, они ему указали обратиться к Вам, что он и сделал. По его словам, там желают иметь большую коллекцию Ваших картин, ибо там имеется всего около шести Ваших картин, не больше! (Он, вероятно, имел в виду Третьяковскую галерею.) Он сказал, что Вас чтут как великого русского художника, как русского патриота, любящего свою Родину, и что Ваши картины должны быть достойно представлены там. Привел в пример Репина, которого знают все, от мала до велика, и поэтому такое же отношение должно быть к Вам. Очень характерно!»^[425]

День ото дня, с каждым письмом, росла уверенность Николая Константиновича в том, что скоро поступит приглашение из Советского Союза и он вместе с семьей сможет наконец переехать в Москву или Ленинград.

Действительно, после переговоров с А. Гусевым Н. К. Рерих мог рассчитывать на помощь советского правительства в возвращении на родину. Как писала Зинаида Фосдик, узнав из письма Николая Константиновича о том, что у него в Индии имеется большая коллекция, включающая картины, особенно важные для России благодаря их историческим сюжетам, Гусев немедленно сообщил об этом в Наркомпрос. Глава Наркомпроса лично написал А. Гусеву о картинах Н. К. Рериха и «желательности иметь их в Советской России».

От Зинаиды Фосдик Н. К. Рерих узнал, что вся необходимая информация была передана А. Гусеву, оставалось только ждать ответа высоких советских чиновников.

«Это дало мне возможность, — писала Зинаида Фосдик, — сказать ему многое об этих последних картинах, их исторической ценности, а также о той непередаваемой панораме Азии и Гималаев, которая написана Вами и которую они могут без всяких затруднений получить прямо от Вас, причем даже отправка их будет несравненно облегчена благодаря пароходным сношениям. Сказала ему о том, как Индия ценит Ваше искусство, как высоко говорят о нем лучшие критики там, и как, несмотря на все это, Вашим давнишним желанием было видеть эти картины на Родине. Сказала ему также о той высокопатриотической работе, которая была проделана Вами во время войны, Ваших статьях, которые пересылались нами во Всесоюзное общество культурных связей с

заграницей (ВОКС), и появлении некоторых из них в журналах там... а затем я сказала о Вашем и всей Вашей семье горячем желании послужить Родине и о том, что я Вам выслала по Вашей просьбе отсюда анкеты, ибо там без представителя Советского Союза Вы не могли этого сделать. И теперь, ввиду того, что туда направляется представитель, Вы с ним снесетесь по его прибытии... На него произвел сильное впечатление факт о том, что Вы так думаете о Родине и работе там. Я много говорила о Юрии, его трудах, блестящем имени в Европе и Азии и его огромных знаниях. Он очень восторженно заметил, что Юрий найдет огромное применение своим знаниям на Родине. Также говорила о Святославе, его славе одного из крупнейших современных портретистов. Он крайне внимательно слушал, делал записи, и все это пойдет куда следует»^[426].

Но такие переговоры Зинаиды Фосдик с А. Гусевым только усложнили процесс покупки картин. Если до этого предполагалось купить картины у Луиса Хорша, то теперь эта возможность все больше превращалась в призрачный прожект. И хотя Зинаида старалась как можно реже упоминать о затянувшемся конфликте с бывшим финансистом рериховских учреждений, ей все же пришлось рассказать о судебных проблемах.

«Затем... я начала ему говорить, согласно с Вашими инструкциями в письме, о Хорше, нарушении им Вашего и нашего доверия, захвата всех учреждений и картин, нашего судопроизводства и нашего глубокого разочарования в здешних судах и судьях, в их подкупности и методах, примененных Хоршем для выигрыша дел. Все это, конечно, было сказано мною в сжатой форме, но он при этом делал пометки на своем нот-блоке. Затем я ему сказала о группе сотрудников, которую Хорш старается обойти. Выслушав все то, Гусев сказал, что Хорш жулик и что многое ему теперь делается ясно, а именно, он подозревал Хорша, что последний ему не показал самые значительные картины, а те, которые он желал продать в настоящее время. Затем на его вопрос о Вашем местожительстве Хорш неопределенно отвечал, а затем заявил, что Вас нет в живых!!!»

Упоминание о суде привело к тому, что А. Гусев осторожно намекнул — теперь ему, вероятно, рискованно иметь дело с Л. Хоршем.

«Но на это я ему спокойно ответила, — пересказывала свой разговор Зинаида Фосдик, — что наша группа настолько разочарована исходом нашего судебного процесса и так скорбит о том, что Ваши картины находятся в подвалах Хорша, где их никто не видит; и раз Хорш старается их распродать, как мы это узнали, нам гораздо желательнее видеть эти картины на Родине великого художника, где его оценят и где будет музей, посвященный его искусству, и мы, конечно, не будем чинить никаких

препятствий ему, и вопрос остается открытым для его дальнейших действий»^[427].

Почти в каждом письме Николай Константинович просил Зинаиду Фосдик проявлять особую осторожность и стараться не разочаровывать А. Гусева и других советских чиновников. Но картины продолжали оставаться в руках Л. Хорша, а чиновники продолжали вести друг с другом бесконечную переписку о возможности купить картины, находившиеся под судом.

Помимо забот о картинах, присвоенных Л. Хоршем, Николай Константинович постоянно в письмах напоминал о нехватке холста для картин. «Родные наши, добавляю только о холсте, — писал он из Индии в Америку. — Очень нужно! Картины в голове, а холста нет!.. Если денег хватит, можно и двойную порцию. Просто беда — ни здесь, ни во Франции нет холста. Неслыханно!»^[428]

Каждый день приносил Н. К. Рериху все новые известия о повышении цен, о беспорядках и о том, что многие друзья покидают взбудораженную гражданской войной Индию.

Связываться с покупкой спорных картин Амторг не решился. Рерихам оставалось только ждать решения Наркомата просвещения о покупке картин непосредственно в Индии. 1 апреля 1946 года Николай Константинович писал в Америку: «Вот сейчас прилетело доброе письмо Зины от 7 марта с целым рядом знаменательных сведений. Читали и радовались свиданию с Гусевым — все это ладно. Хорошо, что помнит об ожидании нами представителя. По всему судя, скоро егождемся. Наркомпрос уведомил Гусева, что они пишут мне непосредственно, но мы письма не имеем, да и не уверены, все ли до нас доходит. Потому не может ли Гусев запросить копию письма и через Вас переслать нам?»^[429]

Прошла неделя. Новые письма давали все больше и больше надежды, но и с такой же легкостью эту надежду отнимали: «Прилетело письмо Зины от 12–17 Апреля. В нем много напряжения — иначе и быть не может в нынешних обстоятельствах. Хорошо, что Вы повидали Гусева, и он теперь знает, что письмо о картинах мной не получено, и он об этом уже написал. Иначе люди, не зная, каковы у нас почтовые сношения, могут вообразить, что я не хотел ответить. Писать мне самому туда невозможно, ибо не знаю содержания их письма. Скорей бы, скорей бы!»^[430] «Прилетели Ваши вести от 25–29 Апреля и от 9–15 Мая. В них и радостное, и грустное. Радостно, что у Вас побывал Гусев, и обоюдное впечатление осталось доброе. Пусть бы поскорей все оборачивалось, а письмо-то так и не дошло. Скажем себе

— пока не дошло, а если оно вообще кануло в бездну?!»^[431]

Лето было в самом разгаре, а долгожданное письмо из Советской России все не приходило. «Голубочек не летит. Никакого письма нет как нет, — писал Н. К. Рерих. — Не думаю, чтобы Гусев считал это нормальным. Если письмо было, то, значит, оно где-то исчезло. Не могу же я писать неизвестному мне лицу: „Земля слухом полнится, что вы писали мне какое-то письмо“. Кроме смеха, такое обращение ничего не возбудит»^[432].

Потом приблизилась осень, а туман вокруг ожидаемого письма не рассеивался. «С одной стороны, хорошо, что Гусев и его корреспонденты уверились, что их письмо было „перехвачено“, но, с другой стороны, печально, что Гусев как бы умывает руки и все повисает в пространстве, а ведь спешность так необходима. Вот мы поступили по совету Гусева. Для ускорения даже телеграфировали. А теперь опять сидение у моря и ожидание голубя... Теперь здесь, в Калькутте, имеется торгпред Иолшин, получающий диппочту через Китай. В Дели живет представитель ТАССа Гладышев, получающий почту ТАССа. Значит, имеются вполне защищенные пути сообщения. Отчего же не воспользуются этими путями, ведь и Иолшин и Гладышев нас знают и передадут письмо. Хоть бы сдвинулось с места!»^[433]

В конце концов переговоры с А. Гусевым ни к чему не привели. Уже в октябре 1946 года Елена Ивановна писала в Америку:

«Конечно, Гусева трогать больше нельзя. С нашей стороны была уявлена готовность, и эта готовность нас никогда не покидает, ибо знаем, что все приходит неожиданно и в лучший срок, и тогда со всех сторон начнут подходить маленькие лодочки и каждая принесет свою посильную помощь. Так будет и теперь»^[434]. «События здесь малоутешительны. Вероятно, Вы знаете о происходящих безобразиях в больших городах. Хулиганство проявляется в худшей форме. Также разъединение между индусами и мусульманами подогревается, и неизвестно, во что оно выльется. Будем надеяться, что все же некоторое соглашение будет найдено»^[435].

Но накануне Нового года беспорядки в Индии только обострились. В долине Кулу, находящейся недалеко от Кашмира, стали слышны раскаты гражданской войны.

«Здесь междоусобие между мусульманами и индусами усиливается и распространяется, — писала Елена Ивановна в Америку. — Вожди выехали в угрожаемые местности для увещеваний. Пришлось взять даже старого

Ганди... Давно сказано, что мир гибнет от полумер и задыхается от попустительства, а сейчас применяются не полумеры, а четверть-меры. И, конечно, можно ожидать лишь новых приступов безумия»^[436].

Действительно, «безумия» повторились в индийском городе Хайдерабаде. Во время погрома, устроенного мусульманами, в музее «Шах Манзил» сгорело одиннадцать картин Николая Константиновича и его сына Святослава. Позже, побывав на месте погрома, Святослав Рерих писал отцу, что практически все картины погибли, а еще две гималайские картины в таком состоянии, что их отреставрировать уже невозможно.

В 1947 году, еще раз все обдумав, Николай Константинович окончательно решил для себя, что дальнейшая жизнь должна проходить в Советской России. 18 октября он писал своим друзьям в далекий Шанхай:

«Нас много спрашивают:

— Ехать?

И мы всем отвечаем:

— Да, да, да — ехать непременно во славу Родины, во имя созидательного труда.

Как хорошо, что Е. Н. уже получила добрую весточку от своих уехавших. Именно хорошо там. И встретимся там. Не откладывайте.

Ваши вести долетели к нам с большим запозданием.

Здесь ведь средневековые религиозные жестокие войны. Почта прервана уже давно. Заказных не принимают. А к довершению нахлынули небывалые ливни. Дороги снесены, и требуются месяцы для починки. Словом, уклад жизни нарушен. Телеграмму Ване мы пытались послать при случае — надеюсь, не пропала.

И еще у нас неприятное обстоятельство. Уж четвертый месяц я болею, и только теперь на пути к выздоровлению. Было очень тяжело, ведь никогда так болеть не приходилось. Вот все это и нарушило все связи. Так хочется на работу, на творчество.

И еще раз повторю мой совет:

— Ехать!

Там, на великой Родине, нужен всеобщий труд. Не бытовое прозябание, но бодрые достижения. Грабарь сообщил прекрасный завет Сталина, чтобы „академики жили не хуже маршалов“. „Москва — центр знания“. Забота о Культуре!

Не пишу о здешних событиях. Из газет Вы знаете хотя бы отзвуки происходящего... Итак, на новую ниву, полные любви к Великому Народу Русскому. Душевный привет от нас всех»^[437].

В одном из последних писем в Америку в ноябре 1947 года Николай Константинович говорил:

«События в Индии сейчас — лучший пример. Как только мир нарушился, сейчас же возникли тысячи труднооборимых обстоятельств, и человек — „венец природы“ — озверел. Все нарушилось, расстроилось, сломалось. Откуда недоговоренность? От отсутствия Мира, от забывчивости о Культуре. Прискорбно.

Вам чуются особые причины нашего молчания, но, прежде всего, и послать-то ничего нельзя. Так и не знаем, что дошло, а что вообще пропало. Там, где почта действует, там и представить трудно, что почта может вообще провалиться. Итак, имейте в виду всякие местные условия — они всюду теперь неестественны... Прилагаю, к примеру, S.O.S. одного из старейших обществ Индии. Таково положение культурных дел. Всюду беда!.. Мы здесь не распространялись о моей болезни, да и Вы, кроме внутренних друзей, никому не говорили. Тем неожиданнее запросы от неожиданных людей. Бывают дальние чувствования... Грустно, что столько сообщений погибло за эти месяцы. И никогда не узнаем, откуда шли эти, может быть, спешные вести»^[438].

За день до своей смерти Николай Константинович чувствовал себя довольно сносно, но уже понимал, что его мечта — вернуться на родину, в Россию, — теперь уже неосуществима. Как рассказывал потом его слуга, Николай Константинович позвал его и повел в сад, где спокойно, с какой-то определенной уверенностью, выбрал вековые деревья для своего погребального костра. Сколько же дел осталось незаконченными? Сколько замыслов не увидело свет в его картинах? Но неизбежность конца уже ощущалась в каждом движении великого мыслителя и художника.

13 декабря 1947 года Николая Константиновича не стало. Он умер легко, так же, как преодолевал бесконечные трудности и препятствия, возводимые завистниками и недоброжелателями. А 15 декабря, на склоне горы, немного ниже дома Н. К. Рериха, был зажжен погребальный костер.

Елена Ивановна писала в Америку:

«Посылаю Вам, родные, и последние снимки с него, уже лишь его оболочки. Но оболочка эта настолько просветленная и так отражает его сущность, что мне они ближе многих других. Таким он был последние месяцы жизни, когда я писала Вам, что он стал таким красивым старцем. Кротость, великое смирение запечатлелись на его лице. Прекрасная оболочка его была предана огню на обширной горной площадке нашего поместья с широким видом на три снежных гряды. На месте сожжения был водружен большой красивый осколок скалы с надписью на хиндустани под

знаком Знамени Мира. Скалу эту тащили издали примитивным способом. Люди с соседних деревень тащили скалу железными канатами и на валиках из больших деревьев, подталкивая камень такими же рычагами. Двигали по полдюйму с большими роздыхами. Тащили несколько дней, и все же осилили и водрузили на каменное основание, под которым находился оставшийся пепел от сожжения всего костра.

День сожжения выдался исключительно прекрасным и парадным; ни малейшего дуновения ветра, и все окружающие горы оделись в свежее снежное покрывало. Никогда раньше я не видела сожжения и должна сказать, что зрелище было грандиозно и прекрасно. Население сложило огромный костер из деодаров, густо политых ароматическими маслами. Когда его носилки, покрытые белыми цветами, были поставлены на кострище, костер был зажжен с четырех сторон, огромное пламя, как крылья, охватило его, скрыв его от нас, и устремилось ввысь, в безоблачную синеву. Ни малейшего дыма, ни малейшего угара, кроме прекрасного аромата деодарового и сандалового дерева. Через два с половиной часа все было кончено. Обычно сожжение берет до шести часов. Народ вынес свои заключения. Ушедший был большим Риши, и потому тело его было настолько чисто, что огонь сразу охватил его, и не было ни дыма, ни угара. На второй день мы собрали пепел, часть оставили на месте сожжения, а другую взяли с собою. Жутко было вернуться в дом опустевший. Жутко смотреть на стеклянную дверь его мастерской, из-за которой он больше не выглянет, не выйдет полюбоваться на горы и небеса, освещенные огнем солнечного заката.

Наш Светлый и Любимый будет жить в памяти народа. Просветленные сознания поймут, какой великий Дух ходил по Земле среди людей и будил их сознание ко всему Прекрасному и тем самым вливал в них Эликсир Жизни. Ганди, после своего убийства, стал Спасителем Мира, но еще большим станет наш Светлый и Любимый, когда будет собрано воедино все им созданное и оповещенное во Благо Человечества. Истинно, он заложил основание Новой Эпохи, Нового Мира.

Место сожжения его светлой оболочки охраняется и станет местом паломничества для многих почитателей... Мне еще трудно писать о его болезни и последних днях. Напишу позднее. Но прошу... для всех друзей и почитателей установить формулу, прекрасную и истинно верную, — „Сердце не выдержало количества яда, порожденного обезумевшим человечеством“... Щемит сердце лютая тоска об утрате лучшего многолетнего друга. Он ушел на зов Великого Владыки в три часа утра во сне, в самый торжественный день по индусскому календарю — в день

рождения Шивы! За неделю до смерти он видел Преподобного Сергия, стоявшего между нашими постелями и сказавшего: „Родные, зачем Вам мучиться здесь? Пойдемте со Мною, ко Мне, теперь же!“

Дух его хотел уйти; очень огорчился он хаотическим положением в Море — а мы еще скрывали от него все ужасы, творившиеся в нашей долине и в непосредственной близости от нас... Сердце не выдержало последних нагнетений и лютой тоски за утеснение всего культурного, несущего спасение молодому, подрастающему поколению»^[439].

На сером прямоугольном камне, поставленном на месте сожжения тела Н. К. Рериха, на языке хиндустани было написано:

«Тело Махариши Николая Рериха, великого друга Индии, было предано сожжению на сем месте 30 магхар 2004 года Викрам эры, Ом Рам».

Все индийские газеты откликнулись на смерть великого русского художника, всю свою жизнь посвятившего Индии и Тибету.

«Индия трогательно, красиво и мощно отозвалась на этот уход, — писала Елена Ивановна. — Газеты, журналы. Общества, и друзья, и знакомые ярко отметили незаменимую утрату для Мира великого творца чудесных образов, гиганта мысли и деятельности, замечательного человека, истинного Друга человечества. Ведь никто не уходил от него отягощенным, наоборот, он умел облегчить ношу каждого и направить на новый путь — путь устремления и мужественно осознанного труда во имя общего блага»^[440].

«Сейчас в Дели открыта выставка его картин. На открытии Неру сказал прекрасную речь о значении его творчества, особенно подчеркнув идею Знамени Мира. Открытие состоялось при огромном стечении посетителей и сейчас еще продолжается с таким же успехом»^[441].

На этой выставке в декабре 1947 года Джавахарлал Неру сказал о своем самом большом друге:

«Когда я думаю о Николае Рерихе, я поражаюсь размаху и богатству его деятельности и творческого гения. Великий художник, великий ученый и писатель, археолог и исследователь, он касался и освещал так много аспектов человеческих устремлений. Уже само количество картин изумительно — тысячи живописных полотен и каждая из них — великое произведение искусства. Когда вы смотрите на эти полотна, многие из которых изображают Гималаи, кажется, что вы улавливаете дух этих великих гор, которые веками возвышались над равнинами Индии и были нашими стражами. Картины его напоминают нам многое из нашей истории,

нашего мышления, нашего культурного и духовного наследия, многое не только о прошлом Индии, но и о чем-то постоянном и вечном, и мы чувствуем, что мы в долгу у Николая Рериха, который выявил этот дух в своих великолепных полотнах.

Хорошо, что эта выставка состоялась, несмотря на печальное обстоятельство смерти творца этих полотен, потому что искусство и труд Рериха имеют мало общего с жизнью и смертью личности. Они выше этого. Они продолжают жить и в действительности являются более долговечными, нежели человеческая жизнь...»^[442]

17 января 1948 года Елена Ивановна вместе с Юрием уехали из Кулу. В Нью-Дели они остановились в доме своего давнего друга Махараджи Манди. Теперь Елена Ивановна уже точно решила, что картины, все материалы и архив Николая Константиновича Рериха необходимо отвезти на родину, в Россию. В Дели Юрий встретился с советским послом, который пообещал полное содействие в их возвращении.

В Советском посольстве также пообещали, что вскоре будет специально выслан из России пароход, на котором доставят на родину бесценный груз — картины и архивы Николая Константиновича Рериха. 9 апреля 1948 года Елена Ивановна писала американским друзьям:

«Мы все еще в неведении не только об отходе, но и приходе нашего парохода. Все твердят об оказании нам стопроцентной кооперации всеми консульствами и посольствами, согласно указаниям из центра, но сам пароход все еще плавает где-то, окутанный непроницаемым туманом»^[443].

16 апреля начал несколько проясняться этот непроницаемый туман: «В субботу Светик с женою едет в Бомбей и там поищет для нас помещение среди окружающих холмов. Посольство дало обещание, что пароход будет направлен в Бомбей, и потому мы решили уже проделать часть пути. Но до получения телеграммы от нас, продолжайте писать по адресу: Манди Хаус — Нью-Дели»^[444].

Прошло два месяца, но неопределенность так и не исчезла, 8 июня 1948 года Елена Ивановна написала в Америку: «Все мысли летят в Новую Страну, но отъезд еще точно не обозначился. Терпеливо ждем утвержденного срока»^[445].

Ожидание переезда в Советскую Россию превратилось в бесконечное сидение на чемоданах. Елена Ивановна так и не увидела своей родины. 5 октября 1955 года ее не стало. А упакованные картины Николая Константиновича продолжали лежать на таможне в Бомбее, ожидая 1957 года, когда Юрий Рерих, по приглашению Генерального секретаря ЦК

КПСС Н. С. Хрущева, смог наконец вернуться в Россию вместе с огромным собранием картин выдающегося русского художника, общественного деятеля, поэта, писателя, философа и великого ученого.

Началась новая жизнь Николая Константиновича Рериха — жизнь в воспоминаниях, легендах, выставках картин и, конечно, в книгах, которые до сих пор еще хранят в себе много неразгаданных тайн.

ПРИЛОЖЕНИЕ

БИОГРАФИЧЕСКИЕ ЗАМЕТКИ ЕЛЕНЫ ИВАНОВНЫ РЕРИХ-ШАПОШНИКОВОЙ^[446]

I Род Шапошниковых^[447]

Прадед отца моего приехал в Россию при Петре Великом. Во время посещения Петром Прибалтийского края, прадед состоял бургомистром города Риги и преподнес Петру великолепную шапку Мономаха, шитую драгоценными камнями и отороченную бобром. Император остался доволен оказанным ему приемом и пригласил прадеда приехать в Россию и принять русское подданство с новым именем Шапошникова, намек на полученный дар. И тогда же император подарил прадеду свой походный кубок, вернее, серебряную стопу, с привинченной ко дну ее походной чернильницей. При стопе была и жалованная грамота. Кубок и грамота после смерти прадеда перешла к его сыну, а после смерти — к старшему в роду. После смерти старшего сына — моего деда, кубок достался второму сыну. В квартире второго сына случился пожар, и кубок вместе с грамотой сгорел.

У прадеда был лишь один сын, который женился на русской — Воронцовой. Ее сестра вышла замуж за князя Урусова, потомства не было. Но жена деда имела много детей, из которых до преклонных лет четыре сына и семь дочерей.

Из них старший сын, военный инженер и член Географического общества, погиб во время экспедиции Географического общества в Центральной Азии.

Второй сын был женат, имел одного сына, умершего 12-ти лет, других детей не было. Второй сын был одним из директоров Государственного банка, умер сравнительно рано.

Третий сын — тоже военный, семьи не имел.

Четвертый сын, самый младший член семьи, хотел быть художником либо военным, но мать настояла, чтобы он стал архитектором-академиком. Сын этот Иван был моим отцом. Женат был на Екатерине Васильевне Голенищевой-Кутузовой, внучке фельдмаршала Голенищева-Кутузова,

Светлейшего Князя Смоленского. Имел трех детей. Сына Иллариона, умершего 5-ти лет, и дочь Елену, уродившуюся в 1879 году, и вторую — Анну, умершую пяти лет. Дочь Елена вышла замуж в 1901-ом году за Н. К. Рериха художника, академика, и имела двух сыновей Юрия и Святослава.

Старшая дочь деда, сестра моего отца Анна Ивановна была замужем за генералом Постуновым. Георгиевским кавалером и богатым саратовским помещиком. Была бездетна, много путешествовала, была известна своей красотой и любовью к искусству. Многие музыкальные произведения были посвящены ей известными тогда композиторами.

Вторая дочь — Мария Ивановна — замужем была за генералом Борисовым, комендантом города Петергофа. Имела много детей, из которых выжили лишь два сына, оба военные. Петр — Георгиевский кавалер и Павел, служивший в Туркестане. Петр женился на Аничкиной, имел дочь... Павел потомства не имел.

Третья дочь — Елизавета Ивановна, невеста Кауфмана Туркестанского, но по настоянию матери разошлась с ним и вышла замуж за генерала А. Бадфорта, второго сына лорда Бадфорта. Мать его покинула Англию, и сын принял русское подданство, был принят в Пажеский корпус и пошел по педагогической деятельности, был, кажется, воспитателем в Пажеском корпусе. Елизавета Ивановна Бадфорд имела сына, который умер от чахотки довольно рано. Сын Владимир был женат на Варваре Николаевне Черлениевской, тоже умершей от чахотки. Осталась одна дочь Варвара, которая после смерти бабушки, оставшись полной сиротой, переехала к моим родителям и воспитывалась и закончила свое образование со мною вместе. О ней после революции не имеем сведений.

Четвертая дочь, Наталия Ивановна, была невестой инженера Сент-Илера, который умер накануне свадьбы от воспаления легких.

Пятая — Ольга Ивановна — умерла молодой...

Шестая — София Ивановна была невесткой героя турецкой войны — Войцеховского, убитого на войне.

Седьмая — Татьяна Ивановна — замуж не вышла.

Наш род Шапошниковых не имел других родственников этой фамилии.

II

Герб рода Голенищевых-Кутузовых

В Щите, имеющем голубое поле, изображен черный одноглавый орел с

распростертыми крыльями, имеющий над головою дворянскую корону, а в правой лапе — серебряную шпагу. Щит увенчан обыкновенным дворянским шлемом с дворянской на нем короною и тремя страусовыми перьями. Намет на Щите голубого и черного цвета, подложенный серебром.

Род Голенищевых-Кутузовых, как показано в Российской Истории и в Бархатной книге^[448], происходит от въехавшего в Россию к Благоверному Великому Князю Александру Невскому из немец честного мужа именем Гавриила, от которого пошли Кутузовы, происшедших от сего Феодора Кутузова, потомка Андрея Михайловича Кутузова, дочь была в замужестве за Казанским Царем Симионом. Помянутого же Кутузова брат родной Ананий Александрович имел сына Василия, прозванного Голенище. Потомки их, Голенищевы-Кутузовы, Российскому Престолу служили разные дворянские службы и некоторые находились и в знатных чинах и жалованы были от Государей поместьями и другими знаками Монарших милостей. Все сие доказывается сверх Истории Российской: Бархатной книгою, копией с жалованной на поместье Грамоты и родословной Голенищевых-Кутузовых.

Прадед Иван Голенищев-Кутузов был женат на Чириковой, по сохранившимся легендам, на страшно гордой своим родом и богатством помещице. Имел двоих сыновей и одну дочь в браке с помещиком Челищевым.

Старший сын, состоявший на военной службе, застрелился при трагических обстоятельствах. Его невеста, получив ошибочное сведение, что жених ее пропал без вести на войне, приняла Великий постриг за несколько дней до возвращения жениха. Жених не вынес удара. Посетил ее в монастыре, простился и, вернувшись к себе, застрелился.

Второй сын Василий, тоже военный, женился на Анне Васильевне Азарьевой и имел от нее восемь детей. Четыре сына, из которых двое умерли в детстве, и 4 дочери. Старший сын Иван получил воспитание в Императорском лицее и поступил на гражданскую службу, был Предводителем дворянства в своей губернии. Младший — Василий пошел по военной службе.

Старшая дочь Евдокия, в первом браке Митусова. после развода с ним вышла за князя Путятина, за Павла Арсеньевича.

Вторая дочь Анастасия вышла за князя Михаила Шаховского.

Третья дочь Екатерина вышла за Ивана Ивановича Шапошникова, архитектора — академика.

Четвертая — Людмила была замужем за Н. А. Рыжовым, за крупным городским деятелем в Петрограде.

Сын Иван был женат на Болотниковой, имел трех сыновей и одну дочь. Все три сына, старший, конногренадер, и второй Иван, талантливый морской офицер, и третий Александр — помещик, уже умерли, и дочь вышла замуж за бывшего лицеиста Липранди, дед которого был героем двух войн. Сведений о них не имеем.

Сын Василий Голенищев-Кутузов был женат на Анастасии Васильевне Серебряковой, отец ее был Василий Михайлович Серебряков, губернский предводитель дворянства в области Войска Донского и камергер Его Величества. Жена его из рода Небольсиных и внучка брата Платова. Василий Васильевич Голенищев-Кутузов имел четырех дочерей:

Старшая Нина или Анна сделалась настоятельницей монастыря в Палестине.

Вторая Анастасия вышла за сына генерала Чебыкина, командовавшего округой всей гвардии в Петрограде, имела сына и дочь. После революции жили в Александрии и Алжире.

Третья — Елена переехала в Америку и под фамилией мисс Бэзил живет и служит в каком-то просветительном учреждении.

Четвертая — Евдокия живет с матерью в Алжире, сведений от них не имеем.

Евдокия Васильевна Голенищева-Кутузова выдана замуж за Степана Николаевича Митусова, очень благородного человека и покровителя искусств. Имела от него сына Степана, но вскоре развелась и вышла за князя Путятина, имевшего четырех сыновей от первой жены, урожденной Шабельской, дочери генерал-аншефа и тоже богатой наследницы.

Младший сын умер в детстве и третий — Арсений утонул во время прогулки на яхте с товарищем камер-пажом Лазаревым за несколько дней до их производства в офицеры.

Старший Михаил по окончании Пажеского корпуса вышел в Драгунский полк, второй — Павел — в Кавалергардский Ее Величества полк. Оба брата женились на двух родных сестрах Екатерине и Ольге Зеленых. Павел имел одну дочь Наталью, Таточку, которая вышла замуж после революции за крупного местного капиталиста на Мальте.

Евдокия Васильевна Голенищева-Кутузова имела двух дочерей от князя Путятина — Софию и Марианну. София вышла за Дмитрия Потоцкого, георгиевского кавалера в первую войну с немцами. Имела от него двух дочерей — Марину и Софию.

Марина вышла замуж за американизированного голландца, финансиста Марка Лос Туккера, имела трех сыновей, из которых остался в живых один средний — Стеббин, талантливый музыкант-композитор.

Старший Марк — летчик, погиб в Корейской войне, младший Жержик скончался от злостного лейкозирования.

Сестра ее, Нока, замужем за швейцарским подданным в Америке Сан-Галли.

Анастасия Васильевна Голенищева-Кутузова вышла за князя Михаила Константиновича Шаховского, имела трех сыновей и двух дочерей.

Сын Константин, гродненский гусар, женился на Лионозовой, имел двоих сыновей. Михаила и Георгия, погибших во время войны и революции, и двух дочерей, старшая — Екатерина — вышла за барона Ван Ховена. После революции попала в Берлин, обладала изумительным голосом. Ничего о ней не известно, также и об остальной семье.

Сын Яков Шаховской был директором Агрикультурного училища в Псковской губернии во время второй войны с немцами, был женат на дочери местного священника. Имел трех сыновей и двух дочерей. Старший — Константин — священник. Вторым — Мстислав — священник. Вторым Мстислав, отбывая воинскую повинность, скончался в больнице в Ревеле. Младший заканчивал образование в университете. Старшая дочь вышла замуж, фамилию не помню, и младшая осталась при родителях.

Третья дочь Екатерина Васильевна Голенищева-Кутузова была замужем за архитектором — академиком Иваном Ивановичем Шапошниковым, имела дочь Елену, замужем за художником Академиком Николаем Константиновичем Рерихом, который был сначала секретарем, а затем директором школы Императорского Общества поощрения художеств, имела двух сыновей.

Четвертая дочь Людмила Васильевна Голенищева-Кутузова была замужем за Н. Ал. Рыжовым, который получил образование в Военно-Медицинской академии, практиковать не стал и пошел по городской службе, был членом городской управы в Петрограде. Людмила имела четверых детей.

Старшая дочь Людмила, разведенная с мужем, инженером Херст, еще до революции, умерла в Ленинграде.

Сын Борис был директором бывшего Императорского фарфорового завода, во время революции, вероятно, погиб.

Сын Николай был еще очень молод, по слухам, женился на дочери генерала Троцкого, а затем развелся и женился на Платовой, имел сына. Дальнейших сведений не имеем больше десяти лет.

Младшая дочь Ксения Рыжева вышла замуж за полковника Илью Эммануиловича Муромцева, специалиста по радиотелеграфу, [который] состоял членом Правительственной Комиссии по закупке военного

снабжения из Америки, уехала с семьей еще до революции. Ксения и муж ее уже умерли, две дочери их — Ксения и Галина — остались жить в Америке.

Илья был ближайшим родственником профессора Муромцева, председателя Первой Государственной думы при Временном правительстве.

Степан Степанович Митусов, сын Евдокии Голенищевой-Кутузовой от первого брака со Степаном Николаевичем Митусовым, во время революции состоял директором консерватории где-то на Севере России, был женат на Екатерине Потоцкой из ссыльных. Имел трех дочерей — Злату, уже погибшую во время второй войны с мужем и дочерью, Людмилу — тоже уже овдовевшую и младшую Татьяну. Сведений о них не имеем больше десяти лет.

Марианна Путятинна вышла замуж за генерала Маркова, имела сына Леонида и дочь Марианну, после революции жила в Бельгии.

Фамилии и роды, связанные с родом Голенищевых-Кутузовых: чаще других были князья Шаховские, Чириковы и Мусоргские^[449].

Так, Мусоргский — композитор оперы «Хованщина» и многих замечательных оригинальных музыкальных произведений. Он был офицером Преображенского полка и, обладая замечательным музыкальным талантом, стал учеником нашего композитора Глинки. Он умер сравнительно рано, ибо его невеста умерла от чахотки, он с горя стал пить и умер от белой горячки.

Не помню, чьей женой, дочерью или сестрой приходилась Кутузовым графиня Разумовская, но она оставила свое прекрасное поместье Васюдино с картинной галереей с портретом Императрицы Елизаветы, изображенной в виде Венеры, моему деду Василию Ивановичу Голенищеву-Кутузову. Портрет этот был вынесен из парадных комнат и помещен во внутренних покоях мужской половины обитателей, которые безжалостно объявили его мишенью своей меткой стрельбы.

Не помню, на ком был женат Михаил Илларионович Голенищев-Кутузов, брат моего прапрадеда^[450]. За свои заслуги он был пожалован графским титулом. После или во время Отечественной войны в 1812 году был пожалован Светлейшим Князем Смоленским. Он был правой рукой при Фельдмаршале Суворове, участвовал с ним, во время войны с Турцией, и при взятии крепости Измаил потерял один глаз. Михаил Илларионович не имел сыновей, только дочерей, потому титул Светлейшего Князя Смоленского, по желанию Императора Александра Второго, должен был

перейти по линии моего деда к его сыновьям, если кто из них отличится на военном поприще. Но никто из них не явил желания следовать по стопам деда.

Все дети моего деда Василия Ивановича Голенищева-Кутузова воспитывались на шкатулку Государя. Так четыре дочери получили образование и воспитание в Смольном институте для благородных девиц на Николаевской половине, а сыновья в Императорском лицее и в школе Кавалерийских...

Михаил Илларионович имел четыре либо пять дочерей^[451]. Только одна вышла замуж за русского — [Николая Алексеевича] Тучкова^[452], Главнокомандующего, он был убит на Бородинском поле^[453].

Старшая была в морганатическом браке с австрийским герцогом. Сын ее получил майорат и титул Графа Ольстона по саксонскому поместью. отсюда произошла фамилия графов Сумароковых-Эльстонов.

Третья была замужем за каким-то итальянским маркизом, и четвертая — тоже за каким-то иностранным аристократом, имена их можно, конечно, найти.

Помнится, упоминалась фамилия князей Кудашевых в связи с линией Смоленского.

Часто встречалась в родословной фамилия Кутузовых без добавочной Голенищевых...

Припоминаю фамилию Корвин-Круковских, фамилию жены его не помню. Они имели виллу где-то недалеко от Ниццы, и я с матерью ездила навестить их в нашу бытность в Ницце. Детей их, двух девочек и мальчика, помню смутно.

Языковы, Карповы.

III

Род бабушки Азарьевой

Прадед Василий Азарьев. помещик Новгородский и Тверской, бывший военный, был женат на Демидовой. Прожил с нею несколько счастливых... лет и неожиданно она скончалась. Незадолго до смерти она принесла мужу свое завещание, по которому она передавала ему все свое огромное состояние. На деда это произвело такое тяжкое впечатление, что он тут же бросил завещание в горящий камин. Но предчувствие оправдалось, и она скоро умерла.

Удар этот подействовал ошеломляюще на деда, и он даже как бы

утратил полное сознание. Перестал выходить из дома, заперся в ее бывших помещениях, окружил себя только ее изображениями и памятными вещами и целые дни проводил в слезах, не желая никого видеть. Так продолжалось несколько лет, и он буквально выплакал глаза. У него сделалась темная вода, и он совершенно ослеп. Положение его стало невыносимым. Наконец, родным удалось его уговорить жениться на родственнице, урожденной Ельчаниновой, которая страстно жалела его и решила пожертвовать свою жизнь, выйдя замуж за него и ухаживая за ним.

Ельчаниновы — монгольский род от одного из сыновей Чингисхана.

От этого брака было пять дочерей. Старшая Людмила вышла за барона Ап. Н. Гейкинга, военного, новгородского помещика, имела двух сыновей. Старшего, Николая Аполлоновича, горного инженера и в дальнейшем директора уральских горных заводов. Вторым был неудачником, и отец отказался от него, лишив его наследства. Но мать все же оставила ему небольшое имение с домом в Новгородской губернии.

Вторая дочь Елизавета — замужем за фон Барановым, отличалась своей тяжелой судьбой. Ее оклеветали в якобы жестоком обращении с крепостными и сослали в дальний монастырь, разлучив с маленьким сыном. Года через три вернулась в свое поместье, ибо злых людей постигла кара и главный клеветник, умирая, признался на духу в подлоге. Но жертва клеветы надорвала сердце и скоро умерла, народ признал ее святой.

Третья дочь Анна Васильевна, моя бабка, Голенищева-Кутузова по мужу, имела четырех дочерей и двух сыновей, двое других умерли в детстве.

Четвертая — София Васильевна вышла за Торопогрицкого, украинского помещика, состоятельного человека, имела четырех дочерей. Старшая, Зинаида, по мужу Сборило — чех — педагог, попечитель мужских казенных гимназий, — скоро умерла. Вера — замужем за Михаилом Набоковым, имела дочь Софию, которая вышла замуж за своего троюродного дядю Н. Ап. Гейкинга, и дочь Нюру — замужем за офицером Драгунского полка после окончания первой войны. Ничего не слышали о семье Петра Тороподинского, был сенатским чиновником.

Пятая дочь — Лидия Азарьева осталась одинокой не замужем.

Прабабка Ельчанинова имела брата или племянника офицера Преображенского полка и женатого на княжне Козловской. Также была в ближайшем родстве с родом Дириных. Два брата Дирины, оба военные, помимо своих других способностей, отличались редкою красотой. Один из них был губернатором или вице-губернатором в западных губерниях Прибалтийского края, о другом ничего не помню.

Пеликастрицкие, новгородские помещики тоже в близком родстве. Так Пеликастрицкая была необыкновенно красивой, имела много поклонников и после самоубийства второго поклонника она дала обет не показываться среди людей без маски. В имение тетки Путятиной висел прекрасный большой портрет ее, в белом атласном платье времени ампира, она сидит в большом, красном кресле и в руке у нее маленькая, белая атласная маска. Головка действительно очаровательная. Темнобронзовые волосы, курчавые и обрезаны, как у мальчика. Потомства она не имела. Умирая, она отпустила на волю своих крестьян и завещала им одно из своих поместий в Новгородской губернии. Народ чтит ее могилу, ибо она велела похоронить себя в освобожденной земле, под открытым небом.

Четвертая — Лидия Торопогрицкая вышла за полковника Ловцова, начальника военного округа, где, не помню, по слухам была очень счастлива.

IV

Род Путятиных

Дед Арсений Путятин был крупным помещиком в Новгородской и Тверской губерниях. Так же как и дед, Василий Иванович Голенищев-Кутузов, он был в числе выборных крупнейших помещиков в Государственную комиссию по ликвидации крепостного права и выработке условий освобождения крестьян.

Князь Арсений Павлович Путятин был женат на тверской помещице Мельницкой и имел сына Павла. Вторая сестра София Мельницкая была замужем за князем, потомства не имела и после смерти мужа жила с сестрой княгиней Путятиной в имение «Высокое» в Новгородской губернии.

Павел Арсеньевич Путятин первым браком был женат на [Ольге Ивановне] Шабельской^[454], дочери генерал-аншефа Шабельского, имел от этого брака четырех сыновей — Михаила, Арсения, Павла и Ивана, двое из них умерли, младший, Иван, в отрочестве и третий — Арсений, камер-паж, утонул во время прогулки на яхте со своим товарищем. Он приезжал в «Высокое» к бабушкам накануне производства в офицеры. Горе родных, потерявших единственного сына, трудно описать.

Старший Михаил по окончании Пажеского корпуса вышел в Драгунский полк, второй — Павел, в кавалергардский Ее Величества полк.

Оба брата наследовали от матери богатейшие угольные копи в

Орловской губернии. Оба брата были женаты на двух родных сестрах — Екатерине и Ольге Зеленых.

Отречение от престола Великого Князя Михаила Александровича произошло в квартире князя Павла Путятина в присутствии его жены и семьи, куда приехала делегация от Временного правительства с Милюковым и Керенским во главе для переговоров с Великим Князем Михаилом. После революции Путятин с женою Великого Князя Михаила, графиней Брасовой, уехали за границу, где и скончались; осталась в живых дочь князя Павла, которая вышла замуж за местного капиталиста и поселилась на острове Мальта.

Младшая линия Путятиных состояла из Михаила Сергеевича и Нила Сергеевича, женатых на сестрах, на дочерях адмирала Платова. Михаил Сергеевич начал карьеру морским офицером, продолжил чиновником по особым поручениям при Государе и императорской семье, и затем был назначен начальником Царского Села, резиденции Государя. Сергей Михайлович имел двух сыновей. Старший был женат на Великой Княгине Марии Павловне после ее развода со шведским принцем.

Дядя Вася, брат моей матери, был женат на дочери Василия Михайловича Серебрякова, Губернского предводителя дворянства в области Войска Донского и камергера Его Величества, имел трех дочерей от жены Небольсиной, внучки графа Платова.

Старшая дочь, Александра, была фрейлиной при Государыне Александре Федоровне, вышла замуж за Комлева, имела одного сына. Никаких сведений о них не имеем.

Вторая — Анастасия Васильевна — замужем за моим дядей, имела четырех дочерей.

Анна — настоятельница монастыря в Палестине.

Анастасия замужем за Чебыкиным, проживала в Александрии, имела двух детей — сына и дочь. Сын женился на дочери генерала Маркова и Марианны Путятиной.

Третья — Анна Васильевна замужем за богатым украинским помещиком Чарныш, отставным гвардейским гусаром, имела двух детей. Никаких сведений о ней не имеем.

Василий Михайлович Серебряков имел сестру, которая приняла постриг в самые молодые годы в силу видения, которое она имела еще в отрочестве. Она видела прекрасный храм и на стенах храма были вписаны женские имена. И услышала голос, сказавший ей, что она будет основательницей этого храма и женского монастыря при нем. Имена, записанные на стенах — имена ее сподвижниц. Среди них стояло и ее имя.

Она пожертвовала все свое большое состояние и стала настоятельницей монастыря. Все запечатленные на камнях стен имена ее сподвижниц явились ее сотрудницами. Народ почитал ее святой. В семье она пользовалась большим почетом. Конечно, она приехала на обручение и свадьбу племянницы за моего дядю, и очень одобрила всю нашу семью.

Помню ее, сидящую в большом, глубоком кресле, всю в черном и с таким добрым выражением глаз! Все родные с детьми собрались принять ее благословение. Я немного замешкалась, и мать моя тихо, но серьезно выговаривала мне.

Но добрые глаза ее остановились на мне, и она подозвала меня, и когда я подошла, чтобы принять благословение, она ласково положила руку на мою голову и, посмотрев на мою мать, громко и отчетливо сказала: «Она лучше вас всех». Это произвело сильное впечатление, и, вероятно, потому я стала любимицей моих родных, особенно моей новой тетки — жены дяди Василия. Жена моего дяди отличалась редкой добротой и чудесным нравом. Нрав ее наследовала ее старшая дочь — настоятельница монастыря в Палестине.

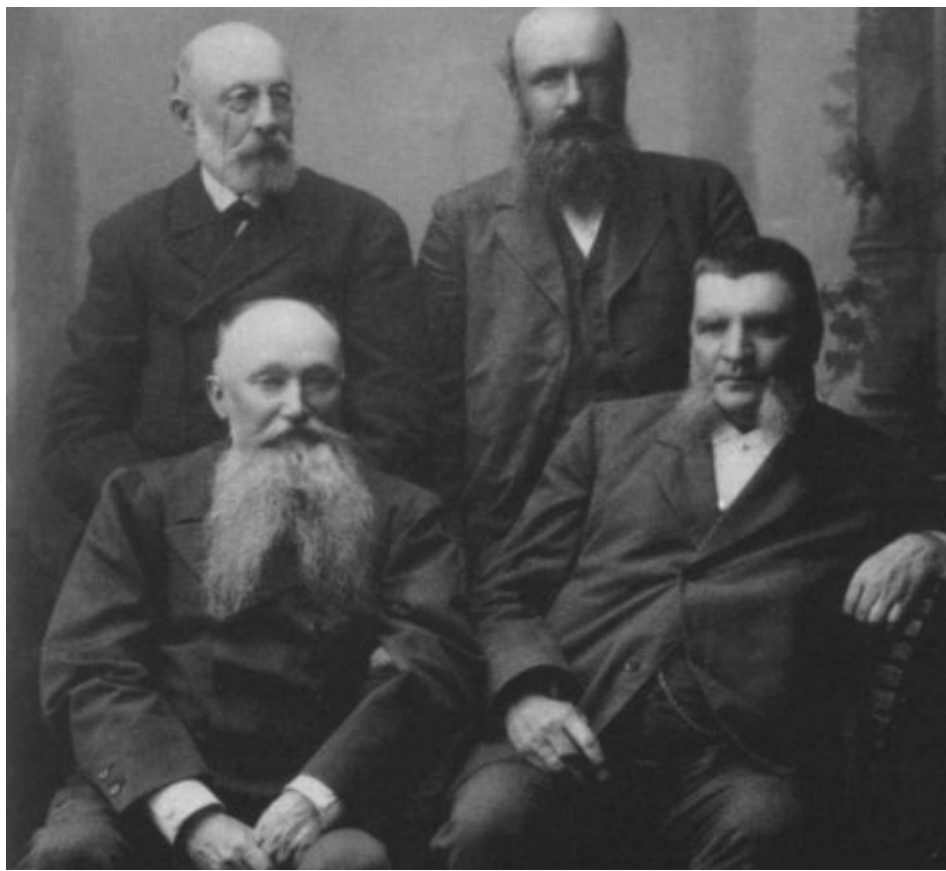
ИЛЛЮСТРАЦИИ

Н. К. Перух (1877?)

Семейная фотография. Слева направо: Мать Мария Васильевна (урожд. Калашникова), брат Владимир, сестра Лидия, отец Константин Федорович Рерих, Николай Рерих. С.-Петербург, 1884 г.

Отец Н. К. Рериха Константин Федорович Рерих с коллегами (внизу первый слева). С.-Петербург, конец 1890-х гг.

Н. К. Рерих — ученик гимназии Карла Мая. С.-Петербург. (1886?)

Н. К. Рерих — студент. 1897–1898 гг.

Елена Ивановна Шапошникова. 1900 г.

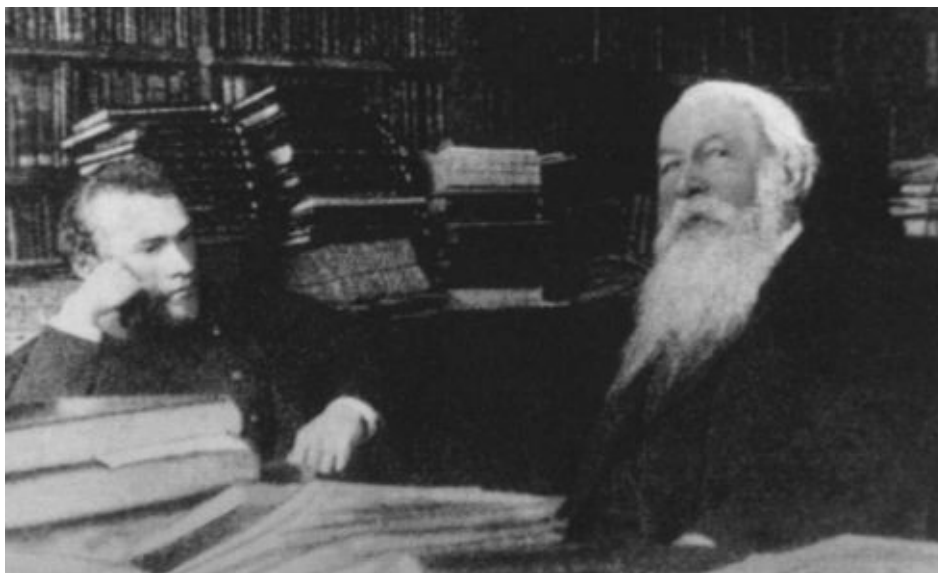
Н. К. Рерих и Е. И. Рерих во время раскопок на Валдае. 1904 г.

Юрий (слева) и Святослав Рерихи. С — Петербург. (1908?)

Юрий и Святослав с отцом. С.-Петербург, 1914–1915 гг.

Н. К. Рерих в рабочем кабинете у В. В. Стасова в С.-Петербургской Императорской публичной библиотеке. Конец 1890-х гг.

*Мастерская А. И. Куинджи. Третий справа в верхнем ряду Н. К. Рерих.
В центре — А. И. Куинджи. С.-Петербург. 1897 г.*

Н. К. Рерих. Чикаго, 1921 г.

Н. К. Рерих в окружении сотрудников. Нью-Йорк, 1920-е гг. Слева направо стоят: Луис Хорш, Софья Шафран (мать З. Г. Лихтман), Ю. Н. Рерих, Морис Лихтман, Татьяна и Григорий Гребеницковы. Сидят: Эстер Лихтман, Зинаида Григорьевна Лихтман, Н. К. Рерих, Нетти Хорш, Фрэнсис Грант.

Н. К. Рерих (крайний справа внизу) и В. А. Шибеев вместе с японскими туристами на фоне египетских пирамид. 1924 г.

*Е. И. Рерих и Ю. Н. Рерих во время Центрально-Азиатской экспедиции.
1927 г.*

З. Г. Лихтман, Н. К. Рерих, Ф. Грант, Ю. Н. Рерих после возвращения из экспедиции. Индия, Дарджилинг, 1928 г.

*Ю. Н. Рерих, Н. К. Рерих и советский консул В. А. Быстров. Урумчи.
1926 г.*

К. Н. Рябинин, П. К. Портнягин, З. Г. Лихтман, Н. К. Рерих. Монголия, Урга, 1926 г.

Ю. Н. Рерих, А. Е. Махон — британский полковник, сосед Рерихов, владелец имения в Кулу; Н. К. Рерих.

На обороте фотографии надпись: On return from the East-staying over night at Jogynidarnaggar resthouse. The Colonel and his car-Ford. Taken early morning before we left — and did the Trip to Naggar by 4 p.m. По возвращении с пасхальной всенощной в гостиницу для путешественников в Джогунидарнаггаре. Полковник и его автомобиль «форд». Сфотографировано ранним утром в день нашего отъезда в Наггар, намеченного на 4 часа дня.

В. К. Рерих, Ю. Н. Рерих и Н. К. Рерих (в квартире брата). Харбин, 1934 г.

Ю. Н. Рерих, Н. К. Рерих и В. А. Шибает. Кулу, конец 1930-х гг.

Н. К. Рерих, Е. И. Рерих, Ю. Н. Рерих и С. Н. Рерих. Кулу, конец 1930-х гг.

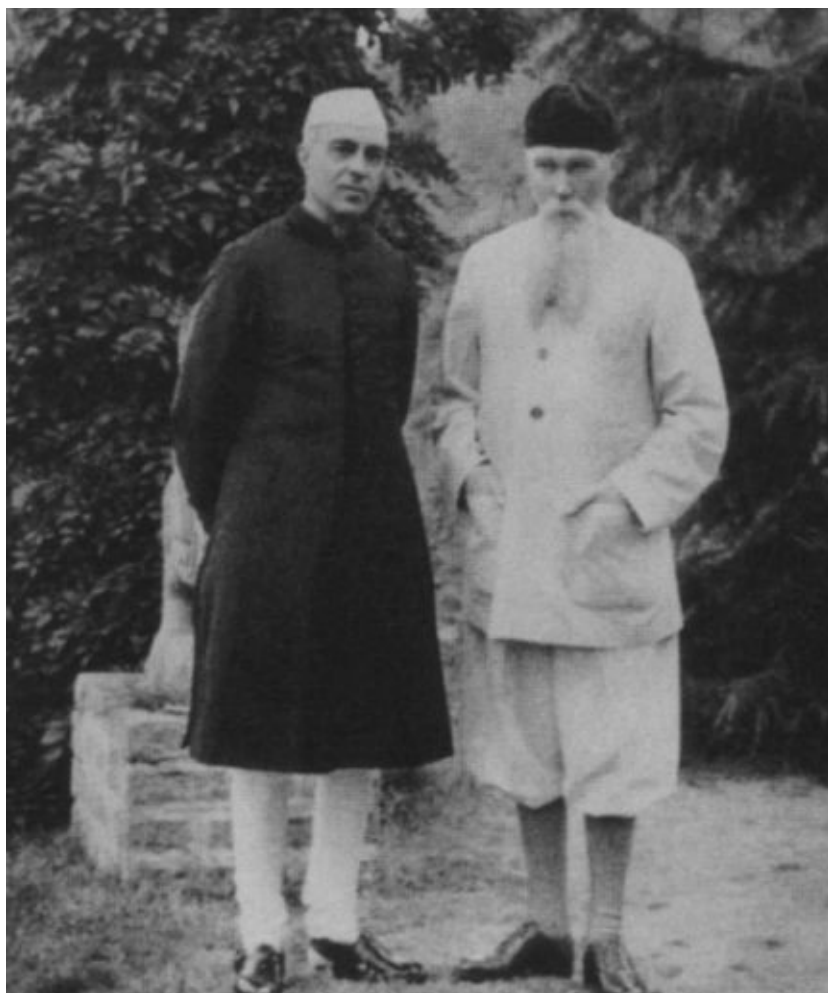

Н. К. Рерих на парадной лестнице. Нью-Йоркский музей Рериха, 1929 г.

*Джавахарлал Неру, С. Н. Рерих, Индира Ганди, Е. И. Рерих, Н. К. Рерих,
личный секретарь Д. Неру. Кулу; май 1942 г.*

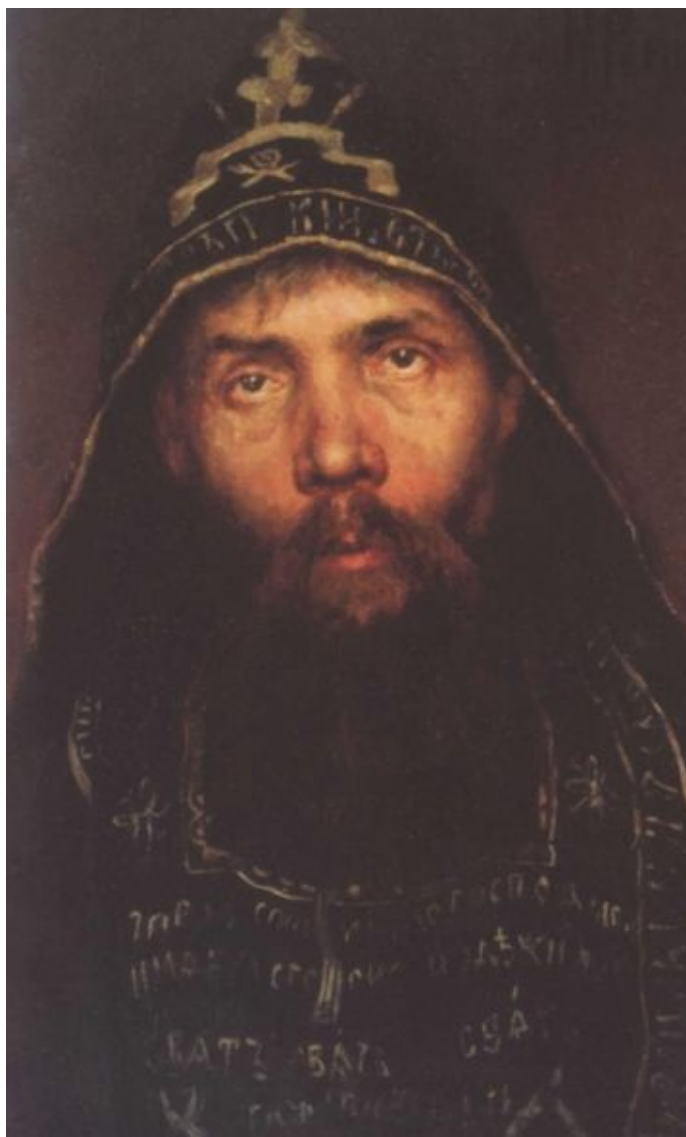
Джавахарлал Неру и Николай Константинович Рерих. Кулу, май 1942 г.

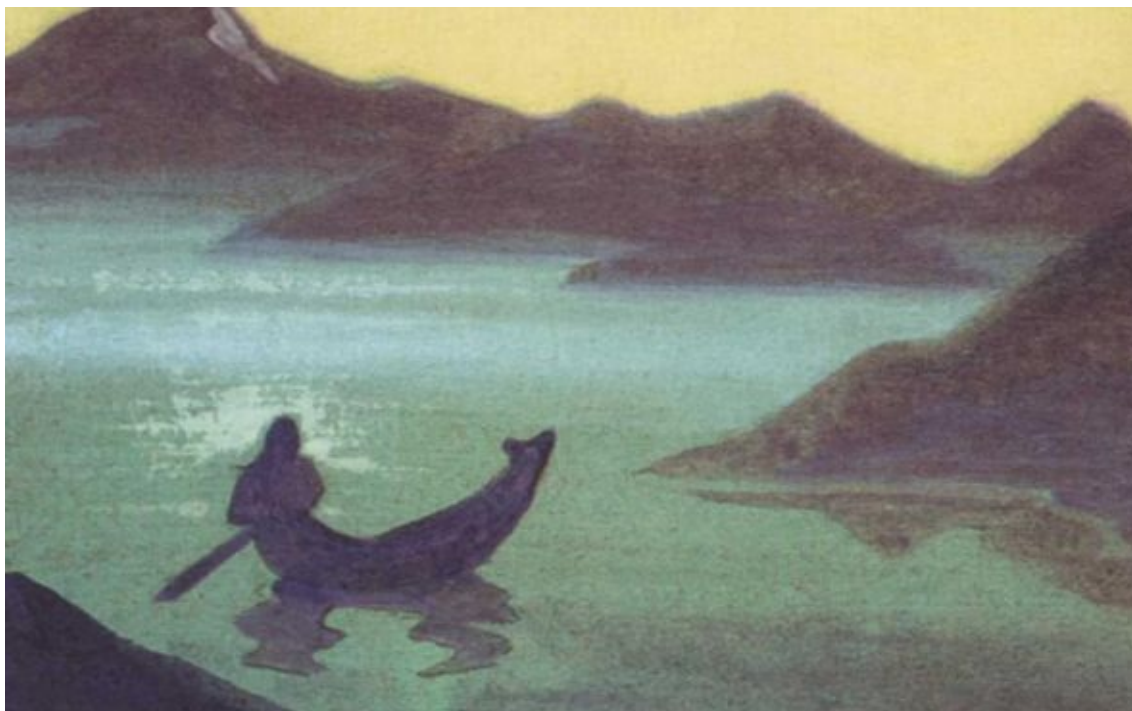
Н. К. Рерих перед картиной «Земля Славянская». Кулу, 1930-е гг.

Н. К. Рерих. Нью-Йорк, 1929 г.

Схимник. 1895 г.

Вестник от Гималаев. 1940 г.

Стены Спасо-Евфимиева монастыря. Суздаль.

Пейзаж с озером и деревом на берегу. 1910-е гг.

Заморские гости. 1901 г.

Баян. 1910 г.

Наши предки. 1919 г.

Весна священная. 1945 г.

Героика Китая. 1937 г.

Охота. (Из серии «Чингисхан».) 1931 г.

Приказ учителя. 1943 г.

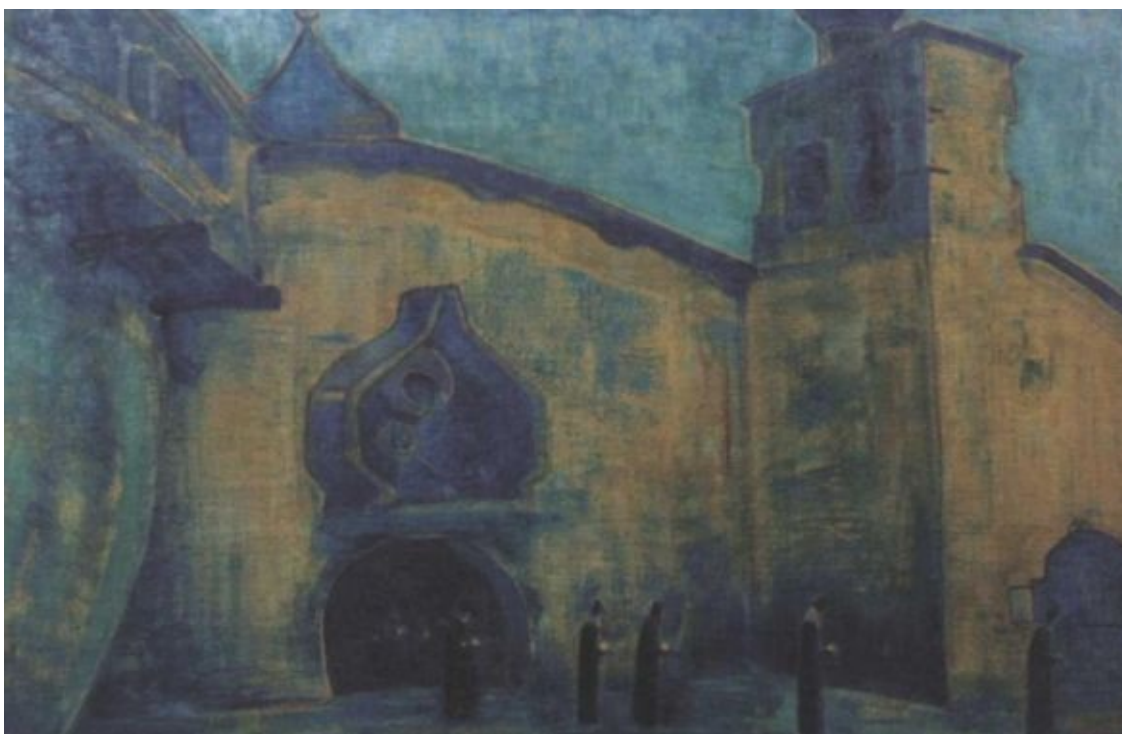

Отшельник. 1941

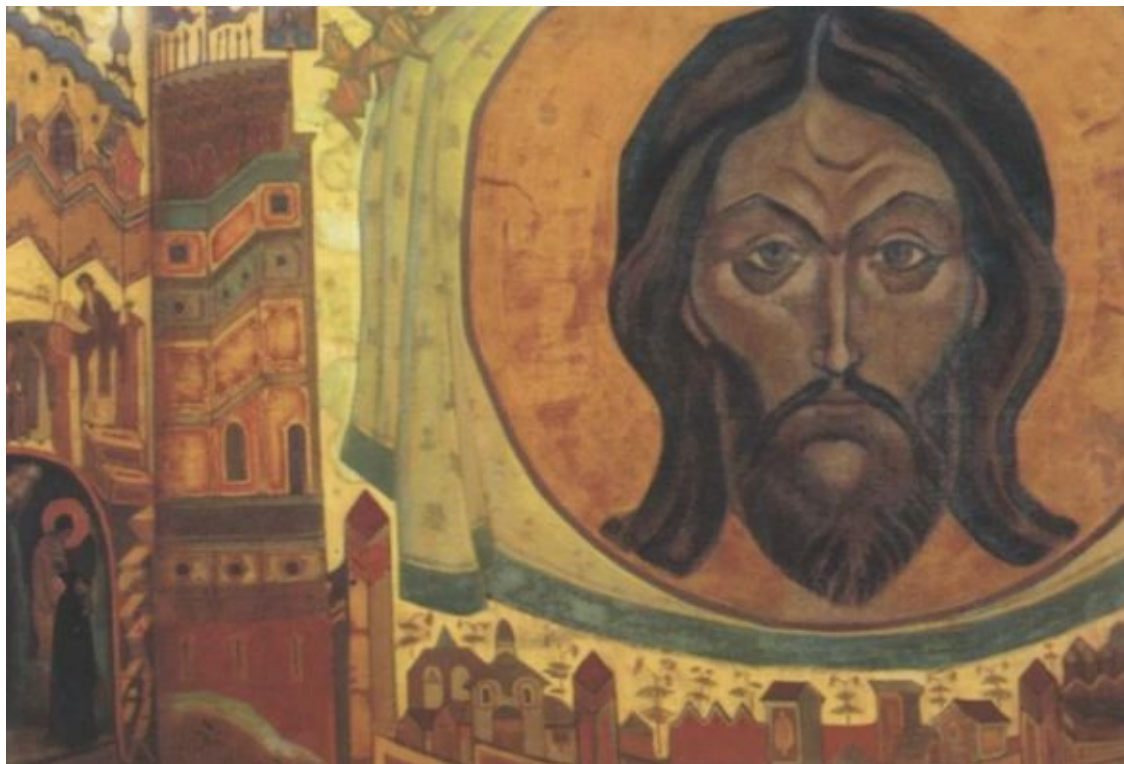

[Розовый ледниковый цветок.] (Из серии «Гималаи».) 1944 г.

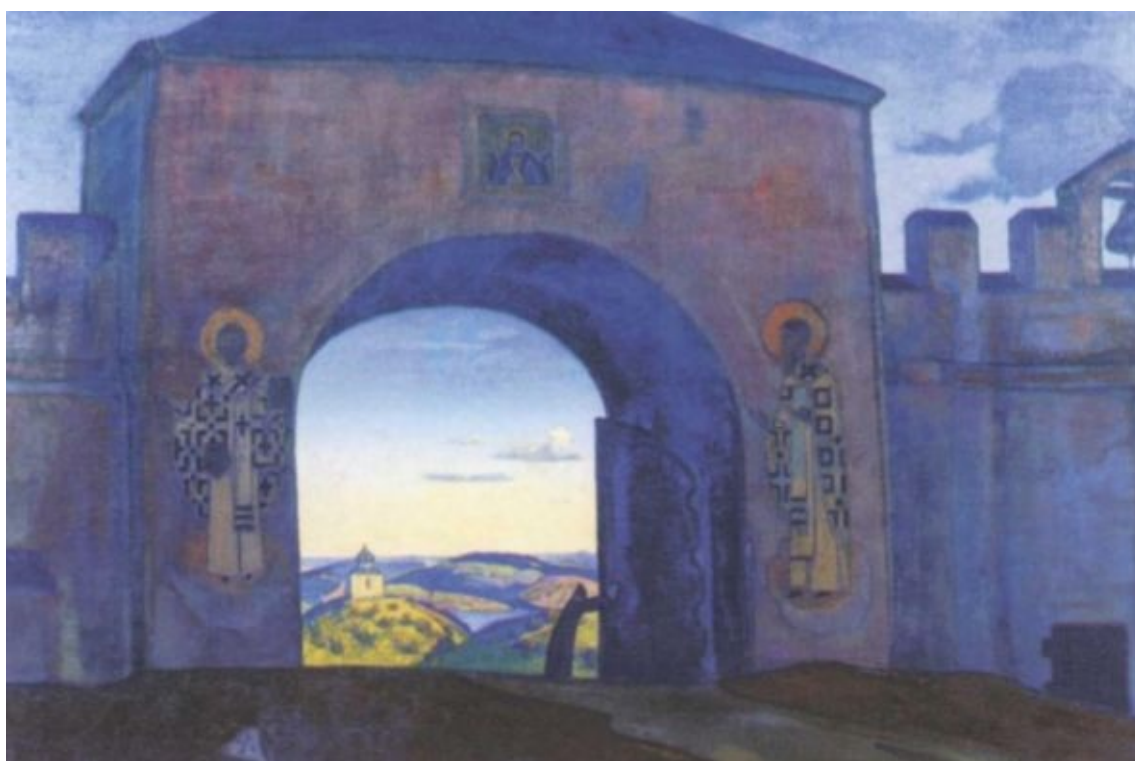
И Мы приносим свет. (And We Bring the Light.) 1922 г.

И Мы видим. (And We See.) 1922 г.

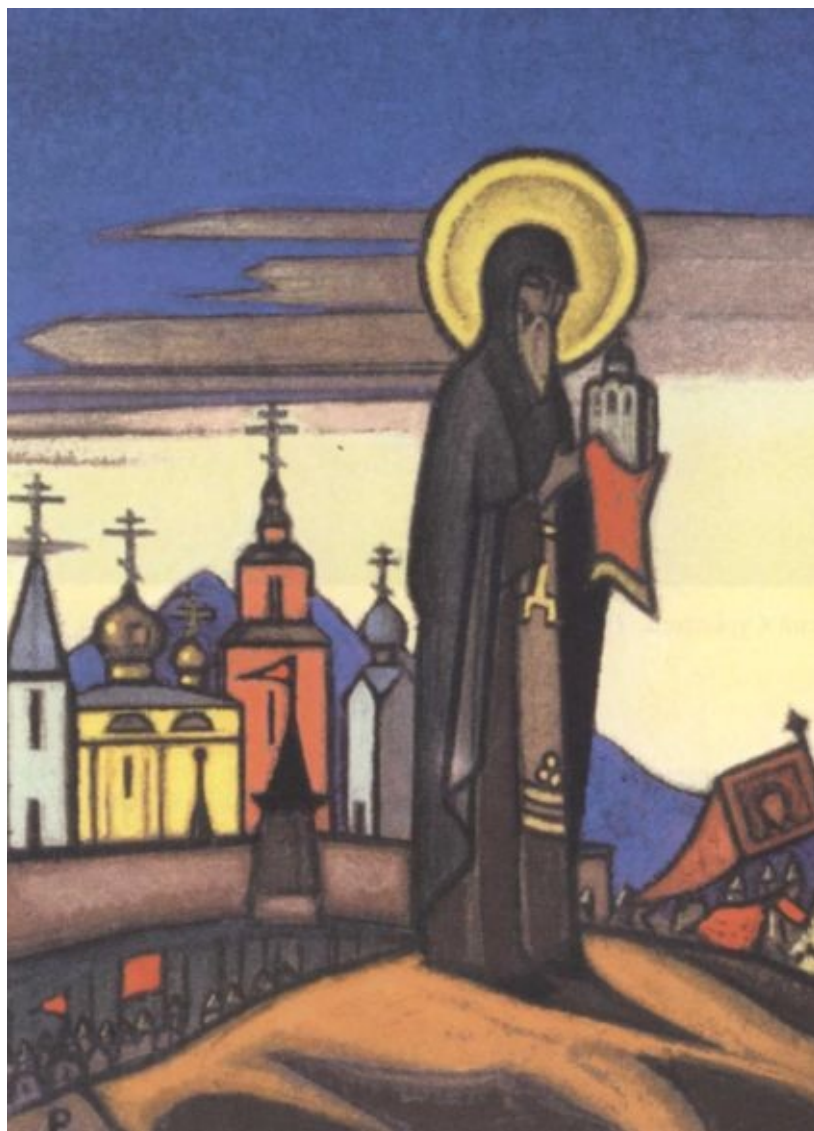

Сергий-Строитель. 1924 г.

И Мы открываем врата.(And We Open the Gates.) 1922 г.

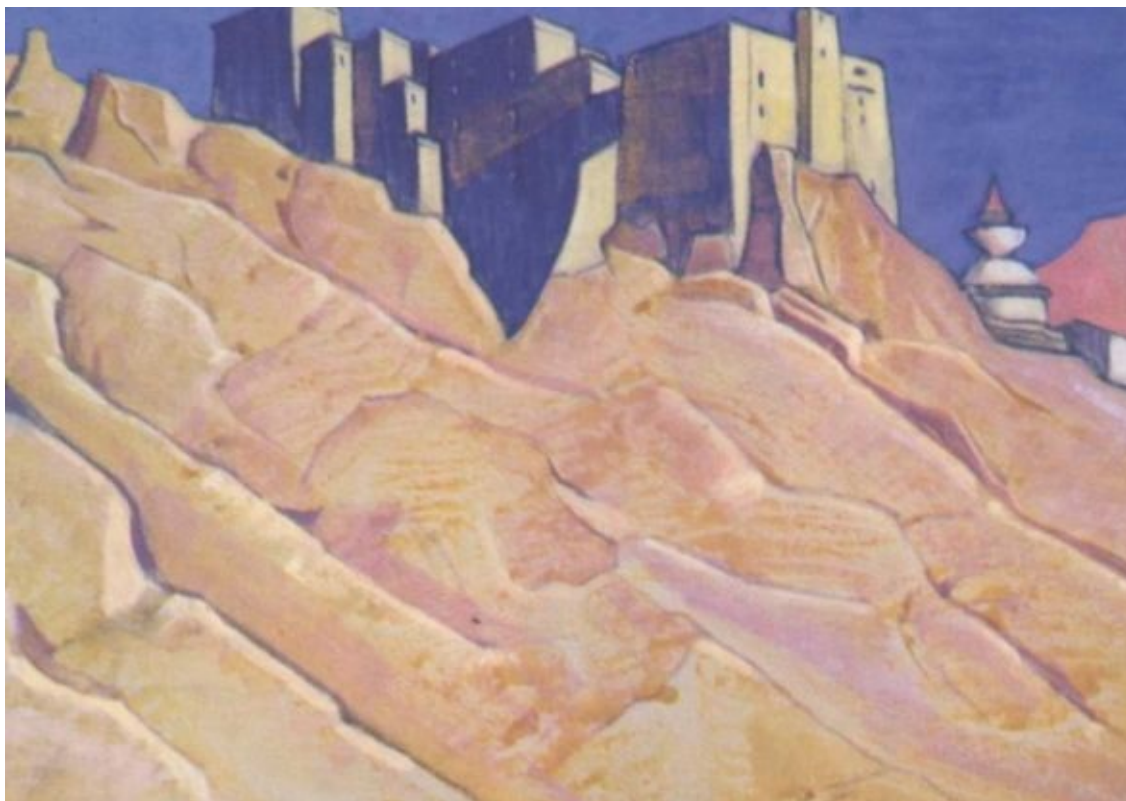

Святой Сергий Радонежский. 1931 г.

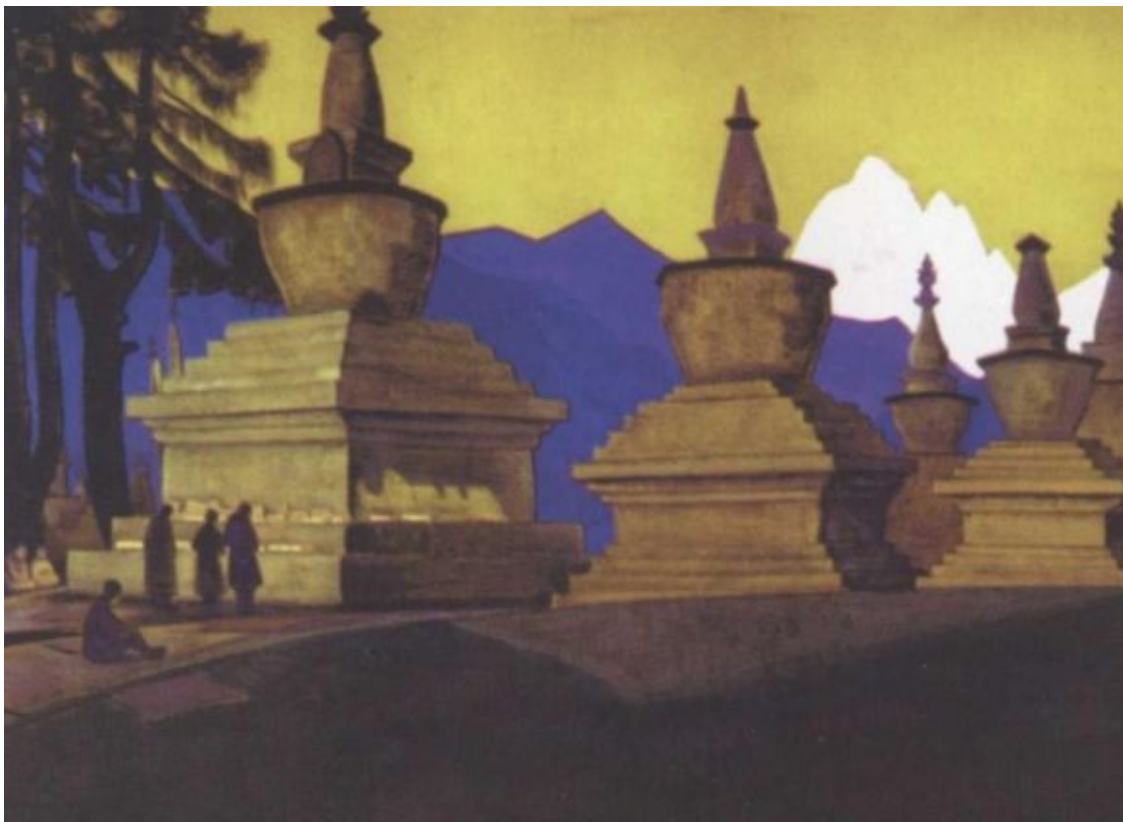

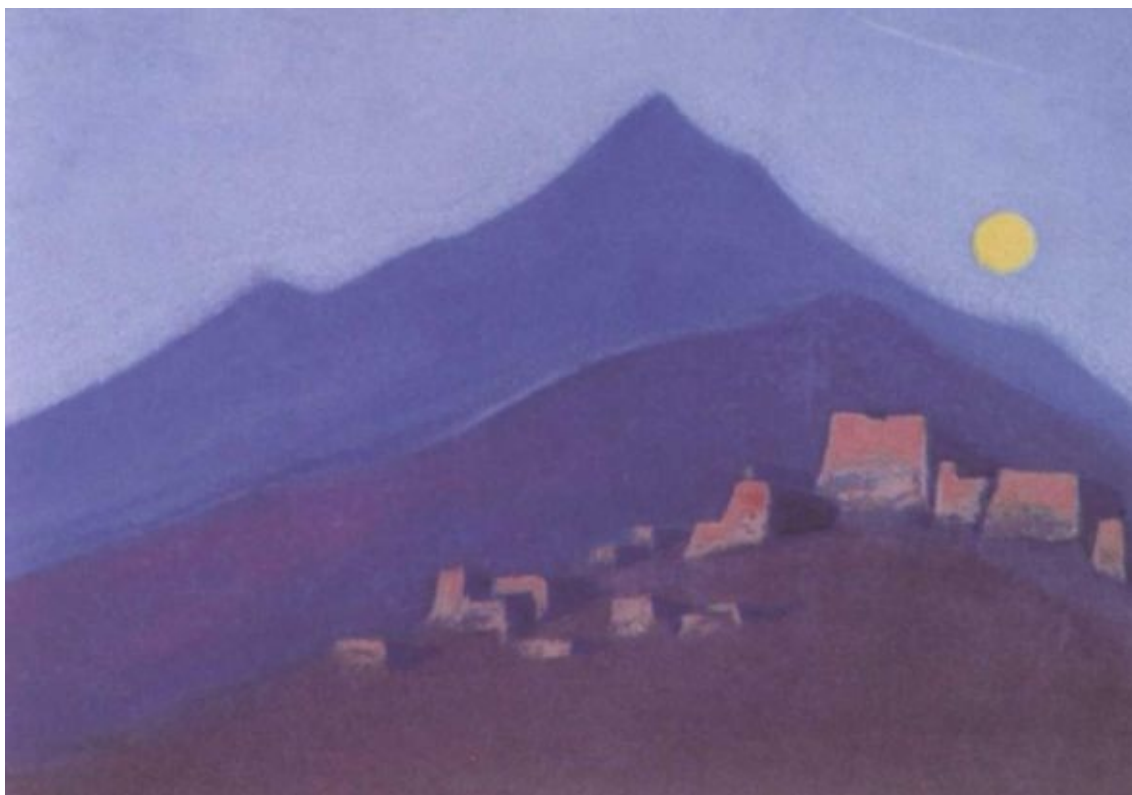
Святой Франциск (Ассизский). 1931 г.

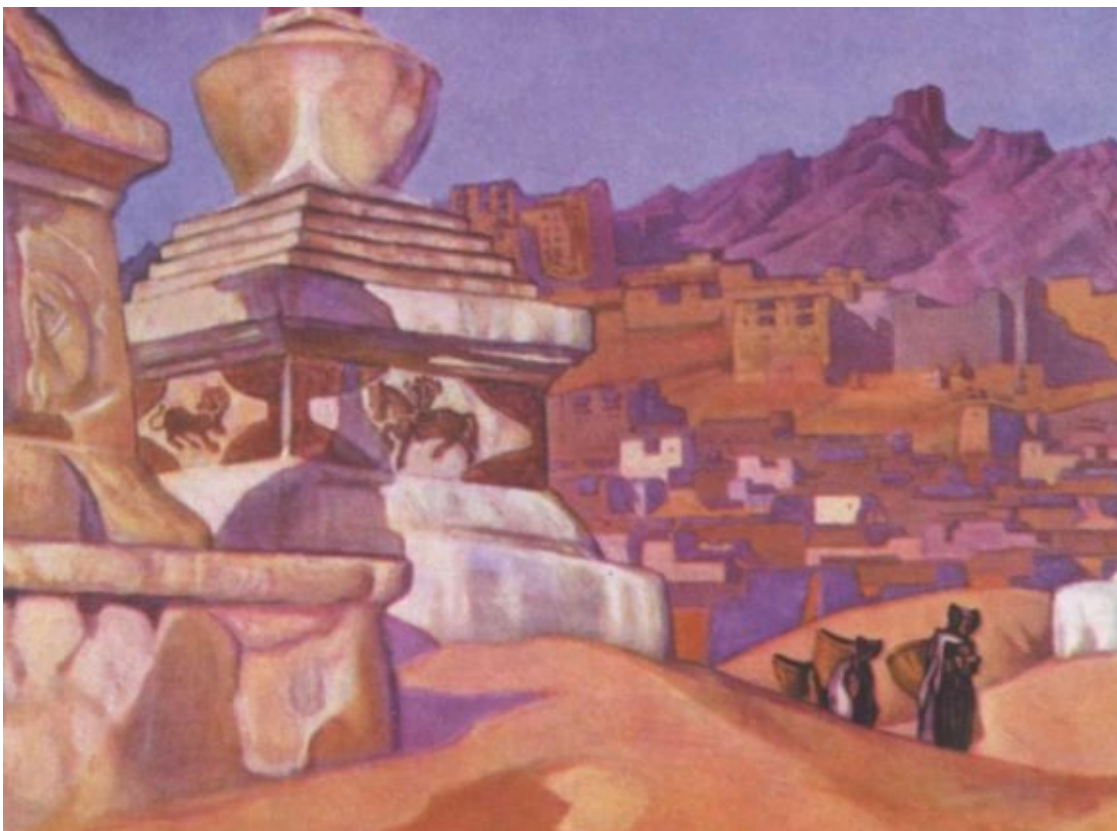
Ладак-Ле. Королевский дворец.

Субурханы в Таши-Динге. 1924 г.

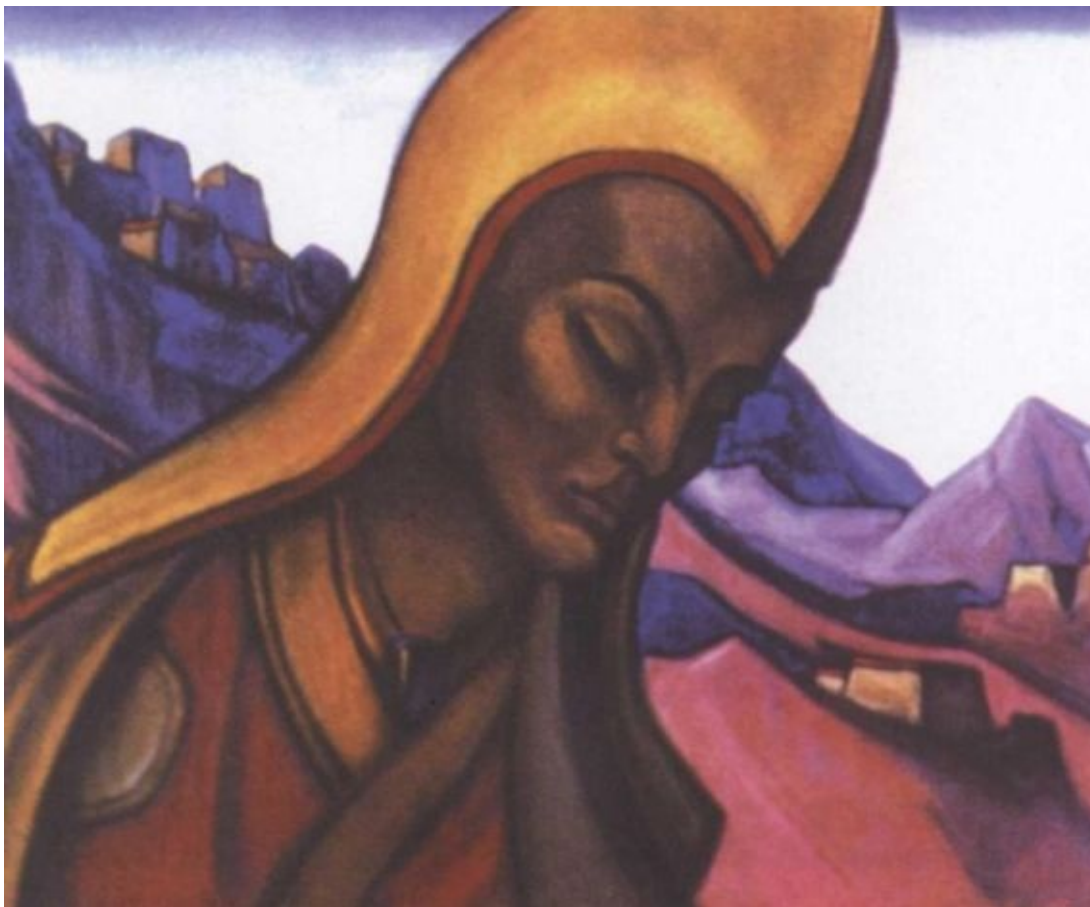

[Луна над монастырем в горах.] (Из серии «Гималаи».) 1943 г.

Конь счастья. (Из сюиты «Майтрея».) 1925–1926 гг.

Молодой лама. 1945 г.

Чиктан, цитадель в Гималаях. (1933?)

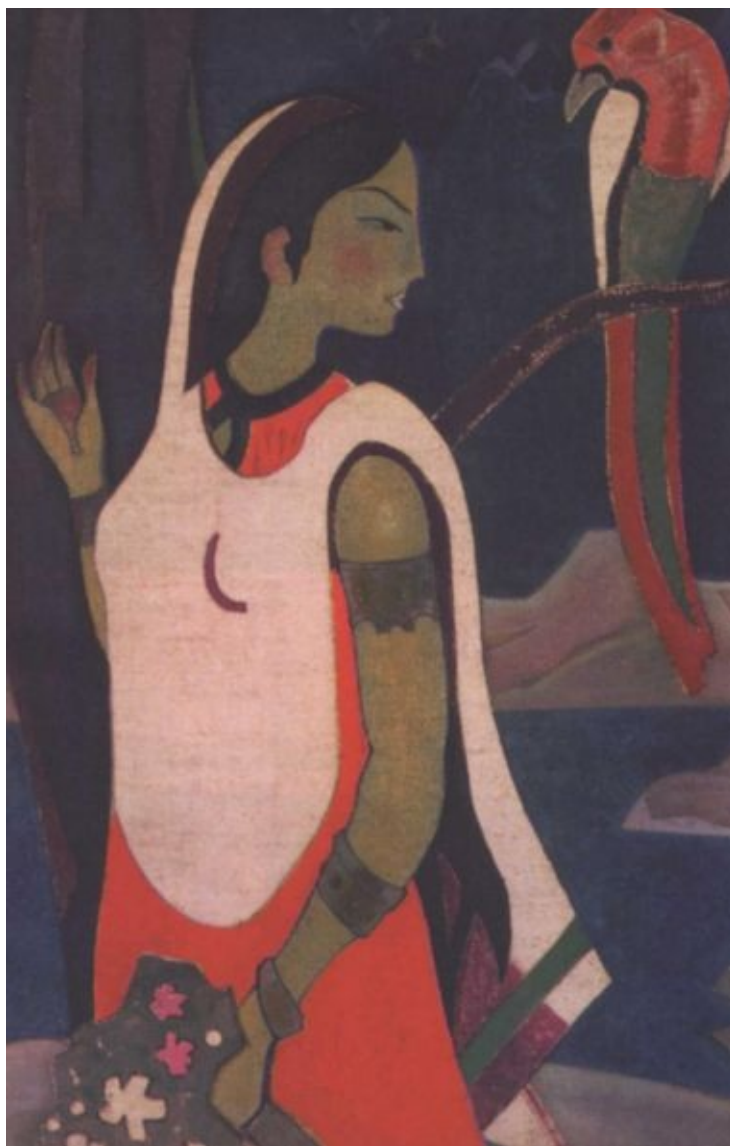

Земля Славянская. (Terra Slavonica.) 1943 г.

Партизаны. 1943 г.

Язык птиц. 1920 г.

ОСНОВНЫЕ ДАТЫ ЖИЗНИ И ТВОРЧЕСТВА НИКОЛАЯ КОНСТАНТИНОВИЧА РЕРИХА

1874, 27 сентября (9 октября по н. ст.) — С.-Петербург. В семье известного нотариуса родился Николай Константинович Рерих (крещен 16 октября).

1883 — Поступил в частную гимназию Карла Ивановича Мая в С.-Петербурге.

1889 — Первые публикации в газете «Охота и природа».

1893 — Окончил гимназию им. К. И. Мая.

Июль — Поступил в Высшее художественное училище при С.-Петербургской Императорской академии художеств.

Август — Поступил на юридический факультет Императорского С.-Петербургского университета.

1895 — Знакомство с известным художественным критиком, академиком В. В. Стасовым.

30 октября — Принят в мастерскую А. П. Куинджи.

1896 — Вышел в свет Литературный сборник студентов Императорского С.-Петербургского университета под редакцией Д. В. Григоровича — первая книга, оформленная Н. К. Рерихом.

1897, февраль — А. И. Куинджи оставил должность преподавателя Императорской академии художеств. — Картина «Гонец» приобретена П. М. Третьяковым.

1 ноября — Присвоено звание художника.

— Встреча с Львом Николаевичем Толстым в Москве.

1898, 20 марта — Получил диплом художника.

— Защитил диплом на юридическом факультете Петербургского университета по теме «Правовое положение художника Древней Руси».

— Назначен помощником редактора журнала «Искусство и художественная промышленность».

— Назначен помощником директора Музея Императорского Общества поощрения художеств.

1900 — Учеба в Париже, в мастерской художника Фернана Кормона.

1901 — Избран секретарем Императорского Общества поощрения художеств.

28 октября — Венчание с Еленой Ивановной Шапошниковой. **1902, 3 августа** — Рождение сына Юрия.

- 1903** — Первая персональная выставка в С.-Петербурге.
- 1904, 23 октября** — Рождение сына Святослава.
- 1905, март** — Избран действительным членом Императорского Русского археологического общества.
- Открытие персональных выставок в Праге, Вене, Мюнхене, Берлине. Поездки во Францию, Швейцарию, Италию.
- Участие в выставке Осеннего салона в Париже.
- 1906** — Избран директором школы Императорского Общества поощрения художеств.
- 1907, 7 декабря** — Премьера в петербургском Старинном театре спектакля «Три волхва» с декорациями Н. К. Рериха.
- 1908, 28 апреля** — Премьера в парижском театре «Opéra Comique» спектакля «Снегурочка» с декорациями Н. К. Рериха.
- Выставки в Париже и Венеции.
- Избран членом правления Императорского Общества архитекторов.
- 1909, 19 мая** — Премьера в парижском театре «Шатле» антрепризы С. П. Дягилева «Половецкие пляски» с декорациями Н. К. Рериха.
- 24 мая** — Премьера в парижском театре «Шатле» оперы «Псковитянка» с декорациями Н. К. Рериха.
- Избран академиком Российской академии художеств.
- 1910** — Начало работы с И. Ф. Стравинским над балетом «Весна священная».
- Октябрь** — Избран председателем «Мира искусства».
- 1912, 15 сентября** — Премьера в Петербургском русском драматическом театре спектакля «Снегурочка» с декорациями Н. К. Рериха.
- 9 октября** — Премьера в Московском Художественном театре спектакля «Пер Понт» с декорациями Н. К. Рериха.
- 1913, 29 мая** — Премьера в Парижском театре на Елисейских Полях «Весны священной» с декорациями и либретто Н. К. Рериха.
- 1914** — В издательстве И. Д. Сытина вышел в свет первый том «Собрания сочинений» Н. К. Рериха.
- Участие в «Балтийской выставке» в Мальмо (Швеция).
- 8 мая** — Премьера в Лондонском Королевском театре оперы «Князь Игорь» с декорациями Н. К. Рериха.
- 18 декабря** — Премьера в Петербургском «Театре Музыкальной драмы» спектакля «Сестра Беатриса» с декорациями Н. К. Рериха.
- 1915** — Награжден орденами Святого Станислава, Святого Владимира и Святой Анны.
- 1916** — Вышел в свет альбом Н. К. Рериха «Сказки и Притчи» в

издательстве «Свободное искусство».

— Переезд семьи в Сердоболь (Сортавала).

1918, 10–30 ноября — Персональная выставка в Стокгольме.

— Награжден шведским королевским орденом «Полярной Звезды» II степени.

1919, 29 марта — Открытие персональной выставки в салоне Стриндберга в Хельсинки.

— Переезд в Лондон по приглашению С. П. Дягилева.

— Новая постановка в Лондонском театре «Ковент-Гарден» оперы «Князь Игорь» с декорациями Н. К. Рериха.

1920, 17 июня — Знакомство с Рабиндранатом Тагором.

6 июля — Вступил в Теософское общество.

— Переезд в США по приглашению Роберта Харше.

4 декабря — Открытие первой выставки в Нью-Йорке, в «Kingore Galleries».

— Знакомство с пианисткой Зинаидой Григорьевной Лихтман (Фосдик).

14 декабря — Премьера в Парижском театре на Елисейских Полях новой постановки «Весны священной» с декорациями Н. К. Рериха.

1921 — Основание Института Объединенных Искусств в Нью-Йорке. — Создание Объединения художников «Cor Ardens» («Пылающее сердце») в Чикаго. — Выход в свет первого сборника стихотворений «Цветы Мории» (Берлин).

1922 — Создание Международного Художественного Центра «Corona Mundi» («Венец Мира»), — Выход в свет книги Н. К. Рериха «Adamant».

16 ноября — Премьера в Чикагском театре «Opéra Company» оперы «Снегурочка» с декорациями Н. К. Рериха.

1923, 8 мая — Отъезд из Америки в Европу.

Ноябрь — Отъезд из Европы в Индию.

17 ноября — Открытие в Нью-Йорке Музея имени Н. К. Рериха.

1924 — Научная экспедиция по Сиккиму и Бутану.

24 октября — Переезд из Индии через Европу в Америку.

— Выход в свет сборника Н. К. Рериха «Пути Благословения» (Рига).

10 декабря — Отъезд из Америки в Европу.

1925 — Отъезд из Европы в Индию.

Январь — Пребывание Н. К. Рериха в Адьяре, основание Музея Е. П. Блаватской.

6 марта — Начало Первой Американской Центрально-Азиатской экспедиции (Сикким, Пенджаб, Кашмир, Ладдак, Каракорум, Хотан,

Кашгар, Карашар, Урумчи, Иртыш, Горный Алтай, Монголия, Центральная Гоби, Кансу, Цайдам, Тибет, Сикким).

1926, 13 июня-22 июля — Пребывание в Москве.

1926–1928 — Продолжение Первой Американской Центрально-Азиатской экспедиции по Монголии и Тибету.

1927 — Издание книги «Алтай-Гималаи (Мысли на коне и в шатре)» (Улан-Батор).

— Издание книг, подготовленных вместе с женой Е. И. Рерих «Община» и «Основы буддизма» (Улан-Батор).

1928, 16 мая — Окончание Первой Американской Центрально-Азиатской экспедиции.

— Переезд вместе с Еленой Ивановной в новый дом в Кулу.

24 июля — Основан Институт Гималайских исследований «Урусвати».

1929 — Издание книг «Сердце Азии» и «Altai-Himalaya. A Travel Diary» (Нью-Йорк).

18 мая — Переезд из Европы в Америку.

18 октября — Открытие высотного здания Музея Рериха.

1930 — Издание книги «Шамбала» (Нью-Йорк).

4 апреля — Отъезд из Америки в Европу.

22 апреля — Премьера новой постановки балета «Весна священная» в Филадельфии в «Метрополитен-опера» с декорациями Н. К. Рериха.

1931 — Создание Международного Союза в поддержку «Пакта Рериха».

С 13 по 15 сентября — Первая Международная конференция «Пакта Рериха», город Брюгге, Бельгия.

— Издание книги «Держава Света» изд. «Алатас».

1932, с 8 по 9 августа — Вторая Международная конференция «Пакта Рериха», город Брюгге, Бельгия.

— Издание книги «Твердыня Пламенная» (Париж).

1933, с 15 по 18 ноября — Третья Международная конвенция «Пакта Рериха», Вашингтон.

С 1934 по 1935 — Вторая Американская Центрально-Азиатская экспедиция.

1934, 28 апреля — Последний день пребывания Н. К. Рериха в Америке, отъезд из Америки в Японию.

30 мая — Приезд экспедиции в Харбин.

— Издание книг «Священный дозор» и «Знамя Преподобного Сергия Радонежского».

1935, 15 апреля — Подписание в Вашингтоне «Пакта Рериха».

- Разрыв с Луисом Хоршем.
1936 — Издание книг «Врата в Будущее» и «Нерушимое» (Рига).
1942 — Создание Американо-Русской культурной ассоциации (АРКА).
Май — Приезд в Кулу Джавахарлала Неру с дочерью Индирой Ганди.
1946 — Издание книги «Himavat» (Бомбей).
1947 — Издание книги «Himalayas. Adobe of Light» (Бомбей).
1947, 13 декабря — Скончался в Кулу, Индия.

<i>Основные выставки в Индии:</i>

1932. Бенарес (Roerich Hall);
1933. Аллахабад (Roerich Hall);
1936. Люкноу (State);
1938. Тривандрам (State);
1939. Хайдарабад (University);
1939. Тривандрам (State);
1939. Ахмадабад (Art Society);
1939. Майсур (State);
1940. Лахор (University);
1940. Бомбей (Art Society);
1941. Тривандрам (State);
1941. Индор (State);
1941. Барода (State);
1941. Ахмадабад (Art Society);
1941. Мадрас (Adyar);
1942. Майсур (State);
1943–1944. Хайдарабад (State);
1947. Посмертная выставка в Дели.

БИБЛИОГРАФИЯ

ПРИЖИЗНЕННЫЕ ИЗДАНИЯ

- Рерих Н. К. Собр. соч. Кн. 1. М.: Изд-во И. Д. Сытина, 1914.
- Рерих Н. К. Сказки и притчи. Пг.: Свободное искусство, 1916.
- Roerich N. K. Violators of Art. London, 1919.
- Рерих Н. К. Цветы Мории. Берлин: Слово, 1921.
- Roerich N. K. Adamant. New York: Korona Mundi, 1922.
- Рерих Н. К. Пути Благословения. New York, Paris, Riga, Harbin: Alatas, 1924.
- Roerich N. K. Adamant. New York: Korona Mundi, 1924.
- Рерих Н. К. Алтай-Гималаи. (Мысли на коне и в шатре) 1923–1926. Улан-Батор, Хото, 1927.
- Рерих Н. К. Сердце Азии. Southbury (st. Connecticut): Alatas, 1929.
- Roerich N. K. Altai-Himalaya. A Trevel Diary. New York: F.A. Stokes Co., 1929.
- Roerich N. K. Altai-Himalaya. A Trevel Diary. London: Jarrolds Publ, 1930.
- Roerich N. K. Flame in Chalice. Poems by Nicholas Roerich, translated by Mary Siegrist. Series X, Book 1. Songs and Sagas Series. New York: Roerich Museum Press, 1930.
- Roerich N. K. Heart of Asia. Roerich synthesizes his impression of five years in Central Asia. Series II, Book I. Lights of Asia Series. New York: Roerich Museum Press, 1930.
- Roerich N. K. Realm of Light. A splendid new volume, comprising Professor Roerich's recent addresses sent from the Himalayas, as well as earlier writings hitherto unpublished in English. Series IX, Book II. Sayings of Eternity Series. New York: Roerich Museum Press, 1931.
- Roerich N. K. El Corazon de Asia. (Spanish Edition of Heart of Asia) / Translated by Dr. Manuel Beltroy, with Preface by Sr. Ricardo Rojas. (Published by the Roerich Museum Press in Buenos Aires.), 1930.
- Roerich N. K. Shambhala. New York: F. A. Stokes Co., 1930.
- Рерих Н. К. Держава Света. Southbury: Alatas, 1931.
- Roerich N. K. Realm of Light. New York: Roerich Museum Press, 1931.
- Рерих Н. К. Твердыня Пламенная. Париж: Всемирная Лига Культуры,

1932.

Roerich N. K. Fiery Stronghold. Boston (st. Massachusetts): Stratford Co.,

1933.

Рерих Н. К. Священный Дозор. Харбин, 1934.

Roerich N. K. Fiery Stronghold. Boston (st. Massachusetts): Stratford Co.,

1935.

Рерих Н. К. Врата в Будущее. Riga: Uguns, 1936.

Рерих Н. К. Нерушимое. Riga: Uguns, 1936.

Roerich N. K. Roerich Essays: One hundred essays. В 2 т. India, 1937.

Roerich N. K. Beautiful Unity. Bombay, 1946.

Roerich N. K. Himavat: Diary Leaveves. Allahabad: Kitabistan, 1946.

Roerich N. K. Himalayas — Adobe of Light. Bombay: Nalanda Publ, 1947.

Рерих Е. И. Листы Сада Мории. Ч. 1. (Зов). Paris: Франко-Русская печать, 1924.

Рерих Е. И. Листы Сада М. Ч. 2. (Озарение). Paris: Франко-Русская печать, 1925.

Рерих Е. И. Община. 1926.

(Рерих Е. И. и Рерих Н. К.) Община. Урга, 1927.

(Рерих Е. И.) Основы Буддизма. Урга, 1927.

Рерих Е. И. Агни-Йога. Рига, 1929.

Сент-Илер Ж. (Рерих Е. И.) Криптограммы Востока. Париж: Русское книгоиздательство Я. Поволоцкого и К°, 1929.

Рерих Е. И. Беспредельность. 4.1. Paris, 1930.

Рерих Е. И. Беспредельность. Ч. 2. Paris, 1930.

Рерих Е. И. Иерархия. Paris: O. Zeluk, 1931.

Рерих Е. И. Сердце. Paris, 1932.

Рерих Е. И. Напутствие вождю. 1933.

Рерих Е. И. Мир Огненный. Ч. 1. Paris: O. Zeluk, 1933.

Рерих Е. И. Мир Огненный. Ч. 2. Riga: «Agni jogas» jzdevums, 1934.

Рерих Е. И. Мир Огненный. Ч. 3. Riga: «Agni jogas» jzdevums, 1934.

Рерих Е. И. Община. Riga: «Agni jogas» jzdevums, 1936.

Рерих Е. И. Аум. Riga: «Agni jogas» jzdevums, 1936.

Рерих Е. И. Братство. Ч. I. Riga: «Agni jogas» jzdevums, 1937. Рерих Е. И. Надземное. Рукопись. 1938.

Рерих Е. И. Письма (1929–1938). В 2 т. Riga: Uguns, 1940. Рокотова Н. (Рерих Е. И.) Основы Буддизма. 2-е изд. Riga: Uguns, 1940.

Мантель А.Ф. Н. Рерих. Казань, 1912.

Рерих: сб. о Н. К. Рерихе. Пг.: Свободное искусство, 1916. Ростиславов А.А. Н. К. Рерих. Пг.: Издание Н. И. Бутковской, 1918.

Ростиславов А. А. Н. К. Рерих. (Репринтное воспроизведение текста 1918 г.) Калининград, 1995.

Эрнст С. Р. Н. К. Рерих. (Русские художники). Пг.: Издание общины Св. Евгении, 1918.

Jarintzov N. N. Roerich. London: The Studio, 1920.

Selivanova N. The World of Roerich: A Biography. New York: Corona Mundi, International Art Center, 1922.

Кузмин М. А. Н. К. Рерих. М., 1923.

Roerich. New York: Corona Mundi, International Art Center, 1924.
Roerich. Himalaya. F. R. Grant, G. D. Grebenstchikoff,

I. Narodny, M. Siegrist. New York: Brentano, 1926.

Archer. Vol. I. New York: Soc. of Friends of Roerich Museum, 24 March 1927.

Archer. Vol. 2. New York: Soc. of Friends of Roerich Museum, January 1928.

Archer. Vol. 3–4. New York: Soc. of Friends of Roerich Museum, 1929.

Society of friends of Roerich Museum. New York: Roerich Museum, 1929.

Message of 1929. A report on the activities of the Roerich Museum and affiliated institutions for the year. Series VI, Book I. Roerich Museum Series. New York: Roerich Museum Press, 1930.

Le messenger français du 1930. A record of the activities of the French Association of Friends of Roerich Museum in Paris, and of the Roerich Museum and affiliated institutions in New York. (Published by the Roerich Museum Press in Paris.) Series VI, Book 11. Paris, 1930.

Message of 1930. A second Annual Report on the work of the Roerich Museum and affiliated institutions for 1930. Series VI, Book III. Roerich Museum Series. New York: Roerich Museum Press, 1931.

Roerich Museum: A Decade of Activity 1921–1931. Series VI, Book IV. Roerich Museum Series. New York: Roerich Museum Press, 1931.

Le Pact Roerich. Bannière de Paix. Paris, 1931.

Roerich Banner of Peace. New York: Roerich Museum Press, 1931.

Banner of Peace: Letttrs supporting the «Banner of Peace». New York: Roerich Museum Press, 1931.

Gand Artistique. Art et esthetique. Paris: A. Heyse, 1931.

Yaremenko A.V. N.K. Roerich: His Life and Creation during the past forty years, 1889–1929. New York: Central Book Trading Co., 1931.

Roerich Museum Bulletin. Vol. 1. № 1–12. New York: Roerich Museum Press, 1931.

Roerich G.N. (Рерих Ю. Н.) Trails to Inmost Asia: Five Years of

Exploration with Roerich Central Asian Expedition. New Haven: Yale Univers. Press, 1931.

Roerich Museum Bulletin. Vol. 2. № 1–6. New York: Roerich Museum Press, 1932.

Дювернуа Ж. Рерих: Фрагменты биографии: К 10-летию культурных учреждений Рериха в Америке. Рига, 1932.

Duvernois J. Roerich: Fragments of a biography. New York, 1933.

Banner of Peace: Dedicated to the Banner of Peace Convention at Washington, Nov. 17, 1933. USA: The Scholar Press, 1933.

The Banner of Peace. Repr. from the Special Peace Section of «The Scholar Annual». USA: The Scholar Press, 1933.

The Roerich Pact and The Banner of Peace. Vol. 2. New York: Roerich Museum Press, 1934.

Знамя Мира. Отчет. Харбин, 1934.

Знамя Преподобного Сергия Радонежского. Харбин: Алтаир, 1934.

Tandan R. C. Nicholas Roerich: Painter and Pacifist. Allahabad: The Roerich Center of Art and Culture, 1934.

Шмидт М. Религиозное творчество академика Н. К. Рериха. (Драгоценный вклад великого художника в русское храмостроительство.) Харбин, 1935.

Н. К. Рерих (сборник статей). Рига: Izdevis «Ziemelstars», 1935.

The Roerich Pact and The Banner of Peace: Ceremony of the Signing of Roerih Pact. New York: Roerich Museum Press, 1935.

Иванов В. Н. Н. Рерих: Художник — мыслитель. Riga: Uguns, 1937.

Conlan B.D. Nicholas Roerich: A Master of the Mountains. Liberty — Indiana — USA: Flamma, 1938.

Сборник «Огонь». Вып. 1–6. Шанхай, 1935–1939.

Иванов Вс. Н., Голлербах Э. Ф. Рерих. Riga: Izdevis Rericha Muzejs, 1939.

Cousins J. H. Three University Extension Lectures. Hyderabad: Osmania University, 1939.

Roerich Pact. Peace Banner. The Red Cross of Culture. Delhi: New World Library, 1939.

Община «Культура». Бюл. № 1–2. Шанхай, 1939.

Andreev L., Gollerbach E., Babenstchikoff M. Roerich. Simla, 1943.

Fontes R. de Sepulveda. N. Roerich: Analise dum Genio. Nova Goa: Imptensa Nac., 1946.

The Roerich Pact and The Banner of Peace. New York: The Roerich Pact and The Banner of Peace Committee, 1947.

ПОСМЕРТНЫЕ ИЗДАНИЯ

- Roerich N. K. Adamant. New York: Agni Yoga Soc., 1967.
- Рерих Н. К. Письма к Л. М. Антокольскому. Письма к Н. К. Рериху. СПб.: Сердце, 1993.
- Рерих Н. К. Письма к В. В. Стасову. Письма к Н. К. Рериху. СПб.: Сердце, 1993.
- Рерих Н. К. Письма к А. Н. Бенуа (1917–1939). СПб.: Сердце, 1993.
- Оккультизм и йога: Летопись сотрудничества. В 2 т. М.: Сфера, 1996.
- Рерих Н. К. Письма в Америку (1923–1947). М.: Сфера, 1998.
- Рерих Н. К. Пути Благословения. М.: Сфера, 1999.
- Рерих Н. К. Держава Света. М.: Сфера, 1999.
- Рерих Н. К. Алтай — Гималаи. М.: Сфера, 1999.
- Рерих Н. К. Твердыня Пламенная. М.: Сфера, 1999.
- Рерих Н. К. Врата в будущее. Рига: Виеда, 1991.
- Рерих Н. К. Нерушимое. Рига: Виеда, 1991.
- Рерих Н. К. Твердыня пламенная. Рига: Виеда, 1991.
- Рерих Н. К. Цветы Мории. Пути благословения. Сердце Азии. Рига: Виеда, 1992.
- Рерих Н. К. Алтай — Гималаи: [ПутевойДневник]. Рига: Виеда, 1992.
- Рерих Н. К. Держава света. Священный дозор. Рига: Виеда, 1992.
- Рерих Н. К. Шамбала. Рига: Виеда, 1994.
- Рерих Н. К. Шамбала. М.: МЦР, (1994) 2000.
- Рерих Н. К. Обитель света. М.: МЦР, 1992.
- Рерих Н. К. Урусвати. М.: МЦР, 1993.
- Рерих Н. К. Берегите старину. М.: МЦР, 1993.
- Рерих Н. К. Древние источники. М.: МЦР, 1993.
- Рерих Н. К. Молодому другу. М.: МЦР, 1993.
- Рерих Н. К. Рерих в России. М.: МЦР, 1993.
- Рерих Н. К. Художники жизни. М.: МЦР, 1993.
- Рерих Н. К. О Великой Отечественной войне. М.: МЦР, 1994.
- Рерих Н. К. Об искусстве. М.: МЦР, 1994.
- Рерих Н. К. Культура и цивилизация. М.: МЦР, 1994.
- Рерих Н. К. Восток — Запад. М.: МЦР, 1994.
- Рерих Н. К. Россия. М.: МЦР. (1992) 1994.
- Рерих Н. К. Человек и природа. М.: МЦР, 1994.
- Рерих Н. К. Душа народов. М.: МЦР, 1995.
- Рерих Н. К. Знамя Мира. М.: МЦР, 1995.

- Рерих Н. К. Листы дневника. Т. 1 (1934–1935). М.: МЦР, (1995) 1999.
- Рерих Н. К. Листы дневника. Т. 2 (1936–1941). М.: МЦР, (1995) 2000.
- Рерих Н. К. Листы дневника. Т. 3 (1942–1947). М.: МЦР, 1996.
- Рерих Н. К. Добрый глаз (первый том собр. соч. изд-ва И. Д. Сытина 1914 г.). М.: Худож. лит., 1991.
- Рерих Н. К. Алтай — Гималаи (Путевой дневник]. М.: Мысль, 1974.
- Рерих Н. К. Из литературного наследия: К 100-летию со дня рождения Н. К. Рериха. М.: Изобразительное искусство, 1974.
- Рерих Н. К. Письмена. Стихи. М.: Современник, 1977.
- Рерих Н. К. Зажигайте сердца! М.: Мол. гвардия, (1975, 1990) 1978.
- Рерих Н. К. Избранное. М.: Сов. Россия, 1979.
- Рерих Н. К. Цветы Мории. М.: Худож. лит., 1984.
- Рерих Н. К. Цветы Мории. М.: Современник, 1988.
- Рерих Н. К. Стихотворения. Проза. Новосибирск, 1989.
- Рерих Н. К. Сокровищница Азии (Стихи, сказки, статьи, очерки). Горно-Алтайск, 1990.
- Рерих Н. К. Избранное. М.: Правда, 1990.
- Рерих Н. К. Избранное. Рига: Светоч, 1990.
- Рерих Н. К. Сказки. Л.: Экополис и культура, 1991.
- Рерих Н. К. Пути благословения. Минск: Изд-во университета, 1991.
- Рерих Н. К. Сердце Азии. Минск: Изд-во университета, 1991.
- Рерих Н. К. Пути благословения. Новосибирск: Дет. литература, 1991.
- Рерих Н. К. О Вечном... М.: Политиздат, 1991; (Республика, 1994).
- Рерих Н. К. Химват / Пер. с англ. Самара: Агни, 1995.
- Рерих Н. К. Гималаи — Обитель Света. Адаманти / Пер. с англ. Самара: Агни, 1996.
- Рерих Ю. Н. По тропам Серединной Азии. Хабаровск, 1982.
- Рерих Ю. Н. По тропам Серединной Азии. Самара: Агни, 1994.
- Рерих Ю. Н. Тибет и Центральная Азия: Статьи, лекции, переводы. Самара: Агни, 1999.
- Рерих Ю. Н. Тибетская живопись. М.: МЦР, 2001.
- Рерих Н. К., Рерих Е. И. Община (1927 года). Таллинн, 1991.
- Рерих Е. И. Письма (1929–1938). В 2 т. Новосибирск, 1992.
- Рерих Е. И. Письма (1932–1955). Новосибирск, 1992.
- Рерих Е. И. У порога нового мира. М.: МЦР, 2000.
- Рерих Е. И. Письма. Т. 1 (1919–1933). М.: МЦР, 1999.
- Рерих Е. И. Письма. Т. 2 (1934). М.: МЦР, 2000.
- Рерих Е. И. Письма. Т. 3 (1935). М.: МЦР, 2001.
- Рерих Е. И. Письма. Т. 4 (1936). М.: МЦР, 2002.

- Рерих Е. И. Письма в Америку. Т. 1 (1929–1936). М.: Сфера, 1996.
- Рерих Е. И. Письма в Америку. Т. 2 (1936–1946). М.: Сфера, 1996.
- Рерих Е. И. Письма в Америку. Т. 3 (1948–1955). М.: Сфера, 1996.
- Рерих Е. И. Письма в Америку. Т. 4 (1923–1952). М.: Сфера, 1999.
- Рерих Е. И. Путями духа. М.: Сфера, 1999.
- Рерих Е. И. Агни-Йога. В 4 т. М.: Сфера, 2000.
- Письма с гор: Переписка Елены и Николая Рерих с Рихардом Рудзитисом. В 2 т. Т. 1 (1932–1937); Т. 2 (1938–1940). Минск: Лотаць, 2000.
- Бенуа А. Н. Мои воспоминания. М.: Наука, (1990)1993.
- Добужинский М. В. Воспоминания. М.: Наука, 1987.
- Головин А. Я. Встречи и впечатления. Письма. Воспоминания о Головине. Л.—М.: Искусство, 1960.
- Городецкий С. М. Избранные произведения. В 2 т. М.: Худож. лит., 1987.
- Городецкий С. М. Жизнь неукротимая: Статьи. Очерки. Воспоминания. М.: Современник, 1984.
- Грабарь И. Э. Моя жизнь: Автобиография. М.—Л., 1937.
- Грабарь И. Э. О древнерусском искусстве. М., 1966.
- Грабарь И. Э. О русской архитектуре. М., 1969.
- Грабарь И. Э. Письма (1891–1917). М.: Наука, 1974.
- Грабарь И. Э. Письма (1917–1941). М.: Наука, 1977.
- Грабарь И. Э. Письма (1941–1960). М.: Наука, 1983.
- Грабарь И. Э. Моя жизнь: Автобиография. Этюды о художниках. М.: Республика, 2001.
- Григорьев С. Л. Балет Дягилева 1909–1929. М.: АРТ, 1993.
- Кордашевский Н. В. (Декроа Н.) С экспедицией Н. К. Рериха по Центральной Азии. СПб.: Аюрведа пресс, 2000.
- Крондштадтский И. Неизданный дневник. Воспоминания Епископа Арсения об отце Иоанне Кронштадтском. М., 1992.
- Крондштадтский И. Моя жизнь во Христе. (Ницца 1928 г.) М.: Р. С., 1990.
- Крондштадтский И. Моя жизнь во Христе. М.: Сов. Россия, 1991.
- Кшесинская М. Ф. Воспоминания. М.: АРТ, 1992.
- Лифарь С. М. Страдные годы. С Дягилевым. Воспоминания. Киев: Муза, 1994.
- Лифарь С. М. Дягилев: Монография. М.: Композитор, 1993.
- Лифарь С. М. Дягилев и с Дягилевым. М.: АРТ, 1993.
- Нижинская Б. Ф. Раннее. Воспоминания: В 2 ч. М.: АРТ, 1999.
- Нижинский В. Дневник Вацлава Нижинского. Воспоминания о

Нижинском. М.: АРТ, 1995.

Нижинская Р. Вацлав Нижинский. М.: Русская книга, 1996.

Оссендовский Ф. И звери, и люди, и Боги. М.: Пилигрим, 1994.

Першин Д. П. Барон Унгерн, Урга и Алтан-Булак: Записки очевидца о смутном времени во Внешней (Халхаской) Монголии в первой трети XX века. Самара: Агни, 1999.

Портнягин П. К. Современный Тибет. Миссия Николая Рериха. Экспедиционный дневник, 1927–1928 / Ариаварта № 2. СПб.: Агни, 1998.

Рылов А. А. Воспоминания. Л., 1960.

Рябинин К. Н. Подлинные дневники экспедиции Н. К. Рериха. Развенчанный Тибет: Северная и Внутренняя Монголия. Центральная Гоби. Цайдам. Чантанг и снеговые хребты Тибета. С фотографическими снимками из материалов Миссии. 1928. Магнитогорск: Амрита-Урал, 1996.

Сергей Дягилев и русское искусство: Статьи, открытые письма, интервью. Переписка. Современники о Дягилеве. В 2 т. М.: Изобразительное искусство, 1982.

Смирнов-Русецкий Б. А. Семья Рерихов. Воспоминания. Одесса: Маяк, 1997.

Стравинский И. Ф. Хроника моей жизни. Л., 1963.

Стравинский И. Ф. Диалоги: Воспоминания. Размышления. Комментарии. Л.: Музыка, 1971.

Стравинский И. Ф. Статьи и материалы. М.: Сов. композитор, 1973.

И. Стравинский — публицист и собеседник: Статьи, интервью, воспоминания. М.: Сов. композитор, 1988.

Тенишева М.К. Впечатления моей жизни. Л.: Искусство, 1991.

Фосдик З.Г. Мои учителя. Встречи с Рерихами. (По страницам дневника: 1922–1934.) М.: Сфера, 1998.

Беликов П.Ф., Князева В. П. Рерих. М.: Мол. гвардия, 1972, 1973; Самара: Агни, 1996.

Дубаев М.Л. Харбинская тайна Рериха: Н. К. Рерих и русская эмиграция на Востоке. М.: Сфера. 2001.

Журавлева Л.С. Талашкино: Очерк-путеводитель. М.: Изобразительное искусство, 1989.

Журавлева Л.С. Княгиня Мария Клавдиевна. Смоленск: Полиграмма, 1994.

Князева В. П. Николай Константинович Рерих. Л., 1963; М.: Искусство, 1968.

Князева В. П. Николай Рерих: Летопись жизни и творчества. СПб., 1994.

- Короткина Л. В. Рерих в Петербурге — Петрограде. Л., 1985.
- Короткина Л. В. Творческий путь Николая Рериха. СПб.: АРС, 2001.
- Полякова Е.И. Николай Рерих. М.: Искусство, (1973) 1985.
- Сидоров В. М. На вершинах: Повести. М.: Сов. писатель, 1988.
- Сойни Е.Г. Северный лик Николая Рериха. Самара: Агни, 2001.
- Сойни Е.Г. Николай Рерих и Север. Петрозаводск: Карелия, 1987.
- Шапошникова Л. В'. От Алтая до Гималаев. По маршруту Центрально-Азиатской экспедиции Н. К. Рериха. М.: Планета, 1987; (М.: МЦР, 1998).
- Шапошникова Л.В. Веления Космоса. М.: МЦР, 1995.
- Шапошникова Л. В. Мудрость веков. М.: МЦР, 1996.
- Шапошникова Л. В. Великое Путешествие. Кн. I. Мастер. М.: МЦР, 1998.
- Шапошникова Л.В. Великое Путешествие. Кн. 2. Ч. 1–2. По маршруту Мастера. М.: МЦР, 2000.
- Н. К. Рерих. Жизнь и творчество. М.: Изобразительное искусство, 1978.
- Н. К. Рерих и его современники. Коллекции и коллекционеры: Сборник статей по материалам Международной научно-практической конференции. Одесса 16–18 мая 2000 г. Одесса: Астропринт, 2001.
- Рерих и Сибирь. Новосибирск, 1993.
- Рерихи. Вехи духовного пути. М.: Сфера, 2001.
- Держава Рериха. М.: Изобразительное искусство, 1994.
- Петербургский Рериховский сборник. Вып. 1. СПб.: Изд-во Буковского, 1998.
- Петербургский Рериховский сборник. Вып. 2–3. Самара: Агни, 1999.
- Рериховский вестник. Бюл. Вып. I. Л.; Извара, 1991.
- Рериховский вестник. Бюл. Вып. 2. Л.; Извара, 1991.
- Рериховский вестник. Бюл. Вып. 3. СПб.; Извара, 1991.
- Рериховский вестник. Бюл. Вып. 4. СПб.; Извара; Барнаул; Горно-Алтайск, 1992.
- Рериховский вестник. Бюл. Вып. 5. Извара; СПб.; М., 1992.
- Защитим имя и наследие Рерихов: Документы. Публикации в прессе. Очерки. М.: МЦР, 2001.
- Талашкино: Сборник документов. Смоленск, 1995.
- Утренняя звезда. Вып. 1. М.: МЦР, 1993.
- Утренняя звезда. Вып. 2–3. М.: МЦР, 1997.
- Мир через культуру. М.: Сов. писатель, 1990.
- Williams R.C. Russian Art and American Money. 1900–1940. Cambridge, Massachusetts, and London, England: Harvard University Press, 1980.

Forman H.J. The Story of Prophecy. New York, Toronto: Farrar & Rinehart, Incorporated.

Nicolas Roerich in Indian Journals (1933–1946). India, 2000.

СЛОВА БЛАГОДАРНОСТИ

Автор выражает признательность Международному Центру Рерихов и лично вице-президенту МЦР Людмиле Васильевне Шапошниковой за предоставленную возможность работать в архиве МЦР, директору Института востоковедения РАН Ростиславу Борисовичу Рыбакову, директору Нью-Йоркского Музея Н. К. Рериха Даниилу Энтину и главному редактору и руководителю архива издательства «СФЕРА» Дмитрию Николаевичу Попову за предоставленные архивные материалы.

---

notes

Примечания

Ремизов А. Соч. М., 1993. Т. 1. С. 329–331.

Рерих Н. К. Листы дневника. Т. 1–3. М.: МЦР, 1999, 2000, 1996 (далее — Листы дневника). Т. I. С. 509.

Там же. С. 481.

Там же. Т. 2. С. 69.

Там же. С. 97–98.

Там же. С. 100–101.

Там же. Т. I. С. 59.

ИОАЛ, ф. 14, оп. 3, ед. хр. 29 988.

Листы дневника. Т. 2. С. 97.

На манер дяди Сэма (*фр. и англ.*).

Бенуа А Н. Мои воспоминания. М.: Наука, (1990)1993 (далее — Бенуа).
Т. 1. С. 473–475.

Листы дневника. Т. 1. С. 149.

Там же. Т. 2. С. 106.

ОРГТГ, ф. 44, д. 48.

Листы дневника. Т. I. С. 150–151.

Святой праведный Иоанн Сергиев родился 18 октября 1829 г. в селе Суре Пинежского уезда Архангельской губернии. Не только отец его, но и большинство его предков на протяжении трех с половиной веков были священниками. По выходе из Петербургской Духовной Академии в 1855 г. он был рукоположен в иереи и назначен священником при Кронштадтском кафедральном соборе. Благотворитель, педагог, ревностный пастырь, служивший каждодневно литургию, о. Иоанн снискал своим даром прозорливости и исцеления всероссийское почитание.

О. Иоанн скончался в Кронштадте 20 декабря 1908 г. на 80-м году жизни. Поместный Собор Русской Православной Церкви 1990 г. канонизировал святого праведного Иоанна Кронштадтского.

Наша Заря. Харбин. 1934. 13 дек.

Охотничья газета. 1891. 5 окт.

Отдел Рукописей Государственной Третьяковской галереи (далее — ОРГТГ), ф. 44, д. 5.

ОРГТГ, ф. 44, д. 33.

Фосдик З. Г. Мои учителя. Встречи с Рерихами. (По страницам дневника: 1922–1934). М.: Сфера, 1998 (далее — Фосдик. Без указания страницы приводятся отрывки из неопубликованной части дневника З. Г. Фосдик). С. 96.

«Новый год». Листы дневника. Т. 3. С. 347 и «Украина». Листы дневника. Т. 3. С. 570.

ОРГТГ, ф. 44.

Листы дневника. Т. 2. С. 102–103.

Там же. С. 158–159.

Антокольская-Тарханова Елена Павловна (1868–1932) — скульптор, племянница М. М. Антокольского, друга Н. К. Рериха, жена физиолога И. Р. Тараханова.

ОРГТГ, ф. 44, д. 14.

Там же.

Там же.

Бенуа. Т. 1. С. 488–489.

Там же. С. 489.

Российский Государственный архив литературы и искусства (далее — РГАЛИ), ф. 698, оп. 1, д. 19. 8 июля 1894 г.

ОРГТГ, ф. 44, д. 57, л. 2. 8 сентября 1894 г.

Там же.

Рылов А. А. Воспоминания. Л., 1960. С. 71–72.

ОРГТГ, ф. 44, д. 15, л. 5–6.

ОРГТГ, ф. 44, д. 14.

Там же.

Там же. 3 октября 1895 г.

Александр Калам — швейцарский художник (1810–1864), известен своими величественными романтическими горными пейзажами.

Рерих Н. К. Пути Благословения. М.: Сфера, 1999 (далее — Пути благословения). С. 145.

Рылов А. А. Воспоминания. Л., 1960. С. 71–72.

Skulme U., Lapins A. Janis Rozentals. Riga, 1954. C. 36.

Рерих Н. К. Письма к В. В. Стасову. СПб., 1993. С. 7–8.

Листы дневника.

Газета «Рассвет». 1937. 14–15 сент. «Урусвати», Гималаи.

Н. К. Рерих — С. Ф. Платонову 21 января 1898 г., Отдел Рукописей Российской национальной библиотеки в Санкт-Петербурге (далее — ОРРНБСПб), ф. 585, д. 4016, л. 2.

Н. К. Рерих — С. Ф. Платонову 8 апреля 1898 г., ОРРНБСПб, ф. 585, д. 4016, л. 3, 4.

Фосдик. С. 95–96.

В узком кругу (*фр.*).

Н. К. Рерих — Н. В. Покровскому 26 июля 1898 г., ОРРНБСПб, ф. 593,
д. 498, л. 1.

Листы дневника. Т. 2. С. 111.

Грабарь И. Э. Моя жизнь: Автобиография. М.—Л., 1937; *Грабарь И. Э.* Моя жизнь: Автобиография. Этюды о художниках. М.: Республика, 2001 (далее — Грабарь). С. 168.

Рерих Н. К. Письма к В. В. Стасову. СПб., 1993. С. 17–18.

Искусство и художественная промышленность. 1899. № 6. Н. К. Рерих:
Выставка картин В. М. Васнецова.

Рерих Н. К. Письма к В. В. Стасову. СПб., 1993. С. 18–19.

Рерих Н. К. Письма к В. В. Стасову. СПб., 1993. С. 19–20, 5 мая 1899 г.

Листы дневника. Т. 2. С. 103.

Князь Путятин Павел Арсеньевич (1837–1919) — русский антрополог и археолог, художник-любитель, собиратель, автор более 40 трудов по антропологии, археологии, астрономии, востоковедению, искусству. Первооткрыватель Бологовской неолитической стоянки.

Фосдик. С. 87.

Рерихи. Вехи духовного пути. М.: Сфера, 2001. С. 23–25.

Группа рукописей МЦР, ф. 1, оп. 1, д. 7048.

Новое время. 1898. 2 апр.

Неделя Строителя. № 17. 1898. 26 апр. (Прибавление к журналу «Зодчий» — органу Императорского Санкт-Петербургского общества архитекторов.) Некролог.

ОРГТГ, ф. 44, д. 158. 27–28 июня 1900 г.

ОРГТГ, ф. 44, д. 160. 7 июля 1900 г.

ОРГТГ, ф. 44, д. 159. 29 июля 1900 г.

Грабарь И. Э. Письма (1891–1917). М.: Наука, 1974. С. 90–97, 15 мая 1897 г. И. Э. Грабарь — Д. Н. Кардовскому.

ОРГТГ, ф. 44, д. 163. 16 сентября 1900 г.

Мир искусства. № 17–18. 1900.

71

Россия. 1900. № 515. 30 цент.

Нестеров М. В. Из писем. Л.: Искусство, 1968. С. 148 / А. А. Турыгину.
Киев, 9 октября 1900 г.

ОРРНБСПб, ф. 601, д. 671, л. 9–10 об. А. В. Половцову. На письме рукой Половцова написано: «Получил, ответил 17 ноября 1900». В левом верхнем углу Н. К. Рерих называет свой парижский адрес: «Rue du Fauburg, St. Honore, 235».

Россия. 1900. № 578. 2 дек.

Россия. 1900. № 579. 3 дек.

Н. К. Рерих — В. П. Шнейдер. Париж 1900 г.

ОРГТГ, ф. 44, д. 150.

ОРГТГ. ф. 44, д. 169.

ОРГТГ, ф. 44, д. 171.

ОРГТГ, ф. 44, д. 151.

Фосдик. С. 324–325.

Рерих Е. И. У порога нового мира. М.: МЦР, 2000 (далее — У порога). С. 59–60.

Мир искусства. 1903. С. 9.

Бенуа. Т. 2. С. 371.

Театр и искусство. 1903. № 7 / А. А. Ростиславов «Искусство для немногих».

Грабарь. С. 184–185.

Оплошность ($\phi p.$).

Бенуа. Т. 2. С. 375.

Щербатов С. Художник в ушедшей России. М., 2000 (далее — Щербатов). С. 186, 195–196.

Там же. С. 186.

Дорогой мэтр (*фр.*).

Прелестный будуар (фр.).

Щербатов. С. 187.

Там же. С. 191.

Мир искусства. 1903. № 10. С. 96–98.

Грабарь И. Э. Письма (1891–1917). М.: Наука, 1974. С. 149.

Стасов В. В. Избр. соч. М., 1952. Т. 3. С. 287–295.

ОРГТГ, ф. 44.

И. С. Остроухов — С. А. Муромцеву. 14 мая 1903 г.

От глагола «кадить, каживать» курить жечь благовония, так же в значении льстить, восхвалять (*церк. — книжн.*).

Княгиня Тенишева М. К. Впечатления моей жизни. Л., 1991 (далее — Тенишева). С. 167.

Тенишева. С. 26–27.

Там же. С. 35–36.

Там же. С. 225–226.

Витте С. Ю. Избранные воспоминания. М., 1991. С. 384.

Тенишева. С. 170–171.

Там же. С. 226.

Там же. С. 226.

Там же. С. 227.

РГАЛИ, ф. 2408, оп. 2, ед. хр. 4, л. 3.

РГАЛИ, ф. 2408, оп. 2, ед. хр. 4, л. 5.

РГАЛИ, ф. 2408, оп. 2, ед. хр. 5, л. 3.

РГАЛИ, ф. 2408, оп. 2, ед. хр. 5, л. 5.

РГАЛИ, ф. 2408, оп. 2, ед. хр. 5, л. 9.

РГАЛИ, ф. 2408, оп. 2, ед. хр. 5, л. 11.

Рерих Н. К. Держава Света. М.: Сфера, 1999 (далее — Держава Света). С. 240–248.

ОРГТГ, ф. 44, д. 1450.

У порога. С. 63.

Лифарь С. М. Дягилев: Монография. М.: Композитор, 1993. С. 154–155.

Salon d'automne. L'Exposition de l'art russe. Paris, 1906. P. 18.

Слово. 1907. № 216. 3 авг. / Ив. Лазаревский «Наши художественные дела».

ОРГТГ, ф. 44.

123

Там же.

Там же.

Там же.

ОРГТГ, ф. 44, д. 355.

ОРГТГ, ф. 44, д. 354.

Петербургская газета. 1907. № 328. 29 нояб. «У К. Е. Маковского».

Слово. 1907. № 320. 2 дек. / Н. Шебуев «Негативы».

ОРГТГ, ф. 44.

Презентация (*фр.*).

На улице Камертон (*фр.*).

Осеннем салоне (*фр.*).

Маленьких прелестей (*фр.*).

Гумилев Н. С. Выставка нового русского искусства в Париже / Весы.
1907. № 11.

Тенишева. С. 233–238.

Общество современных художников (*фр.*).

Тенишева. С. 244–245.

Московский еженедельник. 1908. № 4.

Карсавина Т. П. Театральная улица. Воспоминания. Л., 1971.

ОРГТГ, ф. 44.

ОРГТГ, ф. 44, д. 1277.

Figaro. 1909. 20 mai.

ОРГТГ, ф. 44.

Тенишева. С. 246.

Там же. С. 247.

Там же. С. 246–248.

Стравинский И. Ф. Диалоги. Л., 1971. С. 148–149.

Держава Света. С. 243–244; Листы дневника. Т. 2. С. 243–245.

Речь. 1910. 14 мая.

Утренняя звезда. Вып. 1. М... 1993. Т. 1. Вып. 2–3; М., 1997. Т. 2 (далее — Утренняя звезда). С. 177–181.

Там же. С. 177–181.

Там же. С. 177–181.

Петербургская газета. 1913. 25 апр. «Школа художников».

Утренняя звезда. Т. 2. С. 177–181.

Биржевые ведомости. 1912. № 13 147. 17 сент.

Там же.

Петербургская газета. 1912. 16 сент.

Вечернее время. 1912. Сент.

Биржевые ведомости. Вечерний выпуск. 1912. № 13 148. 17 сент.

ОРГТГ, ф. 44, д. 975, л. 1–2.

162

ОРГТГ, ф. 44, д. 723. 3 мая 1913 г.

ОРГТГ, ф. 44. д. 642.

ОРГТГ, ф. 44. д. 1284. л. 1–2.

Листы дневника. Т. 2. С. 248.

ОРГТГ, ф. 3, д. 235.

ОРГТГ, ф. 44, д. 1279, л. 1.

Палеолог М. Царская Россия накануне революции. М. — Пг., 1923. С. 235–238.

Грабарь. С. 159–160. О «Автомонографии» И.Э. Грабаря Николай Рерих писал много раз, так в эссе «Грабарь», написанном в 1937 году сразу после выхода в свет «Автомонографии», есть такие строки: «Некоторые говорят о ненужности автомонографий. Не правы они. Каждое такое жизнеописание дает неповторимый материал. Вспомним Челлини. Автобиография Грабаря дает множество характеристик. К тому же она сообщает о молодости Грабаря — нелегко ему было. Эти трудности — ключ ко многому. Пусть даже некоторые сообщения в книге неверны — может быть, стерлись годами, но вся книга полна значения. К Грабарю бывало несправедливое отношение. Щербов зло перефразировал имя: Ирод Грабер. Щербов и Рауш уверяли, что, когда у Грабаря глаза круглые — тогда он привирает. Говорили о неискренности. Мало ли что шепчется, а о деятеле — тем более. Грабарь закрепил себя не только в искусстве, но, подобно Визари, и в писаниях» (Листы дневника. Т. 2. С. 129). В письмах Николай Константинович более конкретно писал о «Автомонографии»: «12 июля 1938 г. Спасибо за... книгу Грабаря. Не забудем, что покойный П. Щербов (русский художник, ученик А. И. Куинджи) никогда не говорил „Игорь Грабарь“, но всегда называл его „Ирод Грабер“. В этом Щербов давал свою характеристику. Удивительно, сколько вранья в этой книге. Мне приписываются слова, которые я никогда не говорил, рассказываются небылицы. Вообще, печатный лист сделался самым страдающим предметом. У Тагора, оказывается, своя яхта — чего у него никогда не было, в Америке Грабарь не мог видеть моих картин (а с другой стороны, мы знаем, что он и не желал видеть), уродливо и не отвечающе действительности описание сеанса с Яном Гузиком, вранье, что картины предлагались в шведский музей и не были приняты. Вранье, что Серов так не терпел меня, иначе зачем же он у нас бывал, охотно пользовался моими советами и покупал для Третьяковской галереи мои картины. А вот когда после Серова в Третьяковку был назначен Грабарь — именно тогда он-то и перестал покупать мои картины. Такое же вранье характеристика, которую я будто бы себе давал в Швеции. Забавно, что совершенно опущено, что я был первым председателем „Мира искусства“, как будто этого совсем и не было. Вранье и о моем богатстве, ибо богатеем я никогда и не был. В высшей степени безвкусно, чтобы не сказать кощунственно, упомянуто о „пещере в Индии“. Всё это плохо прикрытая зависть. Друзья Грабаря всегда

предупреждали, что когда у него делаются глаза круглыми, то, значит, он врет. Вообще, с какою осторожностью нужно относиться к теперешнему печатному слову. Помните, что Бенуа писал о папском проклятии именно в то время, когда было благословение, — маленькая ошибка. Даже Британская Энциклопедия ухитрилась наврать в данных. Если можно усмотреть столько вранья о себе, то, вероятно, столько же вранья заключается и во всех других сообщениях. Очень благодарим Блюменталю за присылки Грабаря, ибо всё нужно знать». (Письма с гор: Переписка Елены и Николая Рерих с Рихардом Рудзитисом. В 2 т. Т. 1 (1932–1937). Т. 2 (1938–1940). Минск: Лотаць, 2000 (далее — Письма с гор). Т. 2. С. 124–125.

Листы дневника. Т. 3. С. 599.

Известия Совета Рабочих и Солдатских Депутатов. Пг., 1917. № 9. 8 марта. «Воззвание».

За 1917 год, № 9.

Письма Н. К. Рериха к Бенуа, письмо 2. 17 июля 1917 г.

Письма Н. К. Рериха к Бенуа, письмо 3. 7 октября 1917 г.

Письма Н. К. Рериха к Бенуа, письмо 2. 17 июля 1917 г.

Н. К. Рерих — А. П. Иванову. Сердоболь. 10 октября н/ст. 1917 г.

Пути благословения. С. 228–239.

Там же. С. 228–239.

Государственный архив Российской Федерации (далее — ГАРФ), ф. 5802, оп. 1, ед. хр. 2135, л. 2.

Листы дневника. Т. 3. С. 94.

ГАРФ, ф. 5802, оп. 1, ед. хр. 2135, л. 4.

Газета «Русская жизнь». Гельсингфорс, 1919. Февр. «Выставка картин Н. К. Рериха».

Н. К. Рерих — С. П. Дягилеву. 12 февраля 1919 г.

ГАРФ, ф. 5802, оп. 1, ед. хр. 2135, л. 9.

Otava. 1919. April. «Roerichin valtakunta». C. 232–239.

Русская жизнь. Гельсингфорс, 1919. 29 марта.

Н. К. Рерих — А. Галлен-Каллелу. 6 апреля 1919 г.

Русская жизнь. Гельсингфорс, 1919. 15 апр.

Русская жизнь. Гельсингфорс, 1919. 14 февр.

Пути благословения. С. 249.

Русская жизнь. 1919. 29 марта. С. 2.

Андреев Л. SOS. М.; СПб., 1994 (далее — SOS). С. 278.

Там же. С. 322–323.

Вопросы литературы. 1991. Июль. С. 185 // Леонид Андреев — В. Л. Бурцеву.

SOS. C. 333.

Там же. С. 55–56.

Там же. С. 67.

Там же. С. 125.

Uusi Paiva. 14.05.1918. «Venalaisten poislahettuminen». S. 4.

Русский вестник. 1918. № 24. С. 2.

Архив русской революции. М., 1999. Т 22. С. 388–391.

Русский листок. 1918. № 128. 2 нояб. С. 1–2.

Листы дневника. Т. 2. С. 122–123.

Там же. Т. 1. С. 430.

SOS. C. 236–237.

Русский листок. 1919. № 39. 19 февр. С. 2.

SOS. C. 280–281.

Там же. С. 284–285.

Л. Н. Андреев — Н. К. Рериху [22]—25 августа 1919 г. SOS. С. 315–319.

Л. Н. Андреев — К. Д. Набокову 30 августа 1919 г. SOS. С. 321.

SOS. C. 328–329.

Листы дневника. Т. 2. С. 122–123.

Tagore Rabindranath. Calcutta, 1958. P. 131.

Тагор Рериху.

Листы дневника. Т. 3. С. 539.

Н. К. Рерих — И. Ф. Стравинскому 16 августа 1919 г.

РГАЛИ, ф. 2408, оп. 2, ед. хр. 8, л. 3.

РГАЛИ, ф. 2408, оп. 2, ед. хр. 8, л. 4.

Грабарь И. Э. Письма (1917–1941). М.: Наука, 1977. С. 44–45. 30 января 1921 г.

Листы дневника. Т.2. С. 144–145.

Фосдик. С. 708.

Н. К. Рерих — И. Ф. Стравинскому. Лондон, 23 августа 1919 г.

223

21 ноября 1919 г.

Нижинская Р. Вацлав Нижинский. М.: Русская книга, 1996. С. 83.

Там же. С. 83.

Там же. С. 83.

Gil Bias. Paris, 1913. 4 juin.

Листы дневника. Т. 2. С. 253–254.

Фосдик.

Там же.

Рерих Н. К. Гималаи — обитель света. Адамант. Самара, 1996 (далее — Гималаи). С. 143.

Там же. С. 193–194.

Рерих Е. И. Письма. Т. 1 (1919–1933). М.: МЦР, 1999. С. 14.

Там же. С. 18–19, 12 января 1921 г.

Держава Света. С. 42.

Фосдик. С. 172.

Грабарь. С. 285–286.

Н. К. Рерих — В. А. Шибачеву 4 июня 1923 г.

Н. К. Рерих — В. А. Шибачеву 24 нояСоя 1923 г.

Фосдик. С. 197.

Там же. С. 196.

Гималаи. С. 103–104.

Фосдик. С. 197.

Там же. С. 197.

Рерих Н. К. Письма в Америку (1923–1947). М.: Сфера, 1998 (далее — Письма в Америку, без указания тома). С. 24–25.

Утренняя звезда. Т. 2. С. 304.

Фосдик. С. 199–201.

Там же. С. 205.

Там же. С. 201–202.

Там же. С. 202.

Там же. С. 208.

Там же. С. 209–210.

Там же. С. 224.

Там же. С. 225.

Там же. С. 302.

Там же. С. 207.

Г. Д. Гребенщиков — А. А. Грызову-Ачаиру 16 мая 1926 г.

Гребеничиков Г. Д. Гонец. Письма с Помперага о первой помощи человеку. New York, Paris, Riga, Harbin: Alatas. С. 44–45.

Там же. С. 393.

Н. К. Рерих — В. А. Шибяеву 15 августа 1924 г.

Фосдик. С. 242–243.

Шибает В. А. Из воспоминаний очевидца. Рукопись из архива П. Ф. Беликова (с. 4).

Рерих Н. К. Алтай-Гималаи. М.: Сфера, 1999 (далее — Алтай-Гималаи). С. 18.

Шибает В. А. Из воспоминаний очевидца (с. 5–6).

New India. — Deili. 1925. 19 January. Профессор Рерих в Адьяре. Дар картины.

The Madras Mail. 1925. 19 January. Великий русский художник. Одна интересная церемония.

Фосдик. С. 299–300.

Фосдик. (Приложения.) С. 711–712.

Н. К. Рерих — Д. Казинсу 15 апреля 1924 г., Дарджилинг.

Рерих Ю. Н. По тропам Серединной Азии. Самара: Агни, 1994 (далее — По тропам Серединной Азии). С. 5.

Там же. С. 5.

Там же. С. 6.

Там же. С. 7.

Алтай-Гималаи. С. 145–146.

По тропам Серединной Азии. С. 55.

Алтай-Гималаи. С. 179.

Там же. С. 191–194.

Там же. С. 224–225.

Там же. С. 221.

Там же. С. 236–237.

Национальный архив Индии, дело № 331 (2) х (секретно) Political Department, India Office (далее — НАИ).

Алтай-Гималаи. С. 236.

Алтай-Гималаи. С. 267–268.

Там же. С. 282–283.

Там же. С. 286.

Там же. С. 286–287.

Там же. С. 301–302.

Там же. С. 303.

Там же. С. 318.

Там же. С. 319.

Там же. С. 322.

Там же. С. 324–326.

Там же. С. 328.

Архив Внешней политики РФ (далее — АВП), ф. 0304, оп. 1, д. 30, п. 4, л. 90.

Фосдик. С. 246.

АВП, Референтура по Китаю, оп. 8, порт. 2, пап. 110, д. 2, л. 164.

АВП, Референтура по Китаю, оп. 8, порт. 2, пап. 110, д. 2, л. 419–420.

АВП, Референтура по Китаю, оп. 8, порт. 2, пап. 110, д. 2, л. 410.

Российский центр хранения и изучения документов Новейшей истории
(далее — РЦХИДНИ), ф. 495, оп. 152, д. 28, л. 12.

АВП, Референтура по Китаю, оп. 9, порт. 116, д. 9, л. 511–512.

301

АВП, ф. Секретариат Карахана, оп. 9, порт. 101, пап. 19, л. 19.

Там же.

303

Группа рукописей МЦР, ф. 1, оп. I, д. 550.

Листы дневника. Т. 3. С. 19; «Тартюф» 15 февраля 1942 г.

Там же. Т. 2. С. 197, 10 мая 1939 г.

Там же. Т. 3. С. 582, 10 октября 1947 г.

Горький и художники. М.: Искусство, 1964. С. 75.

Грабарь. С. 287–288.

Там же. С. 286–287.

Фосдик. С. 257.

The New York Times. 1926. 25 July.

312

НАИ, 8 апреля 1928 г.

Фосдик. С. 255–256.

Рериховский вестник. Бюл. Вып. 4. СПб., Извара; Барнаул; Горно-Алтайск, 1992 (далее — Рериховский вестник. Вып. 4). С. II.

Там же. С. 14.

Там же. С. 14.

Там же. С. 11–12.

Алтай — Гималаи. С. 381.

Рериховский вестник. Вып. 4. С. 46.

По тропам Серединной Азии. С. 116.

Фосдик. С. 275.

Алтай — Гималаи. С. 390.

Правда. 1926. 16 июня. «Организация буддийской выставки в Ленинграде».

Алтай — Гималаи. С. 390.

Там же. С. 389.

326

Группа рукописей МЦР, ф. 3, оп. 1, д. 7, л. 1–3.

Там же, д. 13, л. 8.

The New York Times. 1926. 21 December.

Архивное управление ФСБ РФ по Петербургу и Ленинградской области, ф. 21 823. Дело К. Н. Рябина № 1815, л. 251–264. 23–24 июля 1930 г.

Фосдик. С. 273–274.

Там же. С. 274–275.

Там же. С. 279.

Там же. С. 280–281.

The New York Times. 1927. 5 April.

Рябинин К. Н. Подлинные дневники экспедиции Н. К. Рериха. Развенчанный Тибет: Северная и Внутренняя Монголия. Центральная Гоби. Цайдам. Чантанг и снеговые хребты Тибета. С фотографическими снимками из материалов Миссии. 1928. Магнитогорск: Амрита-Урал, 1996. С. 41.

11 апреля 1927 г., после бомбежки Нанкина, проведенной военными Англии и США; Япония, Франция, Италия, Англия и США передали правительству Чан Кайши общую ноту-ультиматум, в которой требовали компенсации за нанесенный китайской гражданской войной ущерб иностранным концессиям, а в случае отказа пугали возможной интервенцией. Этот ультиматум ставил своей целью защитить иностранные концессии на территории Китая, но по-настоящему ввязываться в войну собиралась только Япония.

НАИ.

Там же.

Там же.

Там же.

Там же.

342

НАИ.

Архивное управление ФСБ РФ по Петербургу и Ленинградской области, ф. 21 823, Дело К. Н. Рябина № 1815, л. 251–264. 23–24 июля 1930 г.

344

НАИ.

Архивное управление ФСБ РФ по Петербургу и Ленинградской области, ф. 21 823, Дело К. Н. Рябина № 1815, л. 251–264. 23–24 июля 1930 г.

Фосдик. С. 292.

Там же. С. 294.

Там же. С. 295–296.

The New York Times. 1929. 9 May.

Журнал «Москва». Чикаго. 1929. № 8. окт.

The New York Times. 1929. 18 October.

352

Москва. 1929. № 8. окт.

Фосдик. С. 466–467.

Там же. С. 467.

Там же. С. 522.

Там же. С. 523.

Там же. С. 528.

Фосдик.

Там же.

Листы дневника. Т. 2. С. 121.

Листы дневника. Т. 2. С. 62–63.

362

НАИ.

363

Там же.

Там же.

Там же.

Фосдик.

Щербатов. С. 158–159.

368

ОРГТГ, ф. 44, д. 161.

Листы дневника. Т. 2. С. 221.

370

НАИ.

Листы дневника. Т. 2. С. 221–222.

Фосдик. С. 555.

Там же. С. 576–577.

Там же. С. 577–578.

The New York Times. 1931. 13 September.

Н. К. Рерих. Рига: Izdevis «Ziemeļstars», 1935. С. 66–67.

Там же. С. 69–70.

Там же. С. 70–71.

Там же. С. 71.

Там же. С. 71–72.

381

Рассвет. 1934. Март.

Листы дневника. Т. I. С. 35–37.

Там же. С. 502–504.

Листы дневника. Т. 2. С. 502–505.

Оккультизм и йога. Книга шестая. Белград, 1936. С. 126–128.

Н. К. Рерих. Рига, 1935. С. 27–37.

Шибает В. А. Из воспоминаний очевидца.

Там же.

Там же.

Н. К. Рерих. Рига, 1935. С. 37–40.

Листы дневника. Т. 3. С. 96–97.

Там же. С. 449.

Там же. С. 120–121.

НАИ.

Там же.

Там же.

Там же.

Там же. С. 39.

Листы дневника. Т. 3. С. 39.

Там же. С. 39.

Пути восхождения. М., 1984. С. 44–45.

НАИ.

Листы дневника. Т. 3. С. 42.

Там же. С. 61.

Там же. С. 64.

Там же. С. 125.

407

НАИ.

Новая Заря. 1939. 4 нояб. // Виктор Третьяков «Рерих и русское искусство».

Письма с гор. Т. 2. С. 311–312.

Там же. С. 352.

Там же. С. 157–158.

Там же. С. 458–459.

Там же. С. 523–524.

Там же. С. 460.

Рерих Е. И. Письма в Америку. Т. 1 (1929–1936). Т. 2 (1936–1946). Т. 3 (1948–1955). М.: Сфера, 1999; Т. 4 (1923–1952). М.: Сфера, 1999 (далее — Письма в Америку, с указанием тома). Т. 2. С. 213.

Письма в Америку. С. 240–241.

Там же. С. 244.

Зажигайте сердца. С. 197.

Листы дневника. Т. 3. С. 350.

Там же. С. 351.

Там же. С. 349–350.

Там же. С. 350.

Там же. С. 351.

Там же. С. 354.

Там же. С. 355–356.

Там же. С. 355–356.

Там же. С. 355–356.

Н. К. Рерих американским сотрудникам 1 марта 1947 г.

Листы дневника. Т. 3. С. 381.

Там же. С. 400.

Там же. С. 406.

Там же. С. 410.

Там же. С. 429–430.

Письма в Америку. Т. 4. С. 267–268.

Там же. С. 267.

Там же. С. 270.

Листы дневника. Т. 3. С. 583.

Там же. С. 584–585.

Письма в Америку. Т. 3. С. 16–17, 6.

Там же. С. 5.

Там же. С. 6.

Держава Рериха. С. 318.

Письма в Америку. Т. 3. С. 20.

Там же. С. 27.

Там же. С. 36.

Род Шапошниковых. Герб рода Голенищевых-Кутузовых. Род бабушки Азарьевой. Род Путятиных. Родословная женской линии семьи Рерихов из архива Рерихов. — Группа рукописей МЦР, ф. I, оп. 1, д. 7048.

В другом варианте Елена Ивановна собственноручно писала: «Прадед приехал в Россию при Петре Великом. Прадед был бургомистром города Риги во время посещения Петром прибалтийских стран, и прадед преподнес Императору среди прочих даров и прекрасную шапку Мономаха из бобрового меха и шитую драгоценными камнями. Шапка настолько понравилась царю, что он тут же отдал прадеда, отдав ему свой любимый серебряный кубок (стопок) в виде шведской стопы, ко дну которой была привинчена в виде подставки серебряная походная чернильница. При кубке была грамота, в которой пригласил в Россию и сразу даровал имя русское — Шапошников. Кубок с грамотой находился у старшего брата. Кубок с грамотой сгорел во время пожара в их доме. У моего прадеда был один лишь сын, который женился на русской — Воронцовой. Сестра ее была замужем за князем Урусовым, потомства не было. Но жена деда имела от него 19 детей, из которых дожили до преклонных лет 4 сына и 7 дочерей. Из которых старший сын, военный инженер и член географического общества, погиб во время экспедиции Географического общества в Центральную Азию.

Второй сын был женат, имел сына, который умер в 13 лет от скарлатины. Отец был одним из директоров Государственного банка.

Третий сын — служил военным и служил в министерстве путей сообщения. Умер от слишком веселой жизни.

Самый младший сын, мой отец, архитектор и академик» (Группа рукописей МЦР, ф. 1, оп. 1, д. 7048).

В «Общем гербовнике дворянских родов Всероссийской Империи, начатом в 1797 году», в томе II на странице 31 написано: «Род Голенищевых-Кутузовых, как показано в Российской истории и в Бархатной книге, происходит от выехавшего в Россию к благоверному великому князю Александру Невскому из немец честного мужа именем Гаврила.

У сего Гаврила был праправнук Федор Александрович Кутуз, от которого пошли Кутузовы. Происшедшего от сего Федора Кутуза потомка Андрея Михайловича Кутузова дочь была в замужестве за Казанским царем Симеоном. Помянутого же Кутуза брат родной Ананий Александрович имел сына Василия, прозванного Голенище. Потомки их Голенищевы-Кутузовы Российскому престолу служили разные дворянские службы...», а в VIII томе на странице 119 читаем: «Предок рода Голенищевых Тимофей Пантелеев сын Голенищев 7191 (1683) году от государей царей и великих князей Иоанна Алексеевича и Петра Алексеевича за службу и храбрость пожалован поместьями» (Общий гербовник дворянских родов Всероссийской Империи. Т. I–X. СПб., 1797–1836 г.).

Н. К. Рерих в 1939 г. в очерке «Мусоргский» писал: «„Додонский, Катонский, Людонский, Стасенский“ — по именам четырех сестер Голенищевых-Кутузовых — так всегда напевал Мусоргский, работая в их доме над эскизами своих произведений. Матушка Елены Ивановны, та, которую Мусоргский называл Катонский, от имени Екатерины, много рассказывала, как часто он бывал у них, а затем и в Боброве у Шаховских — у той, которую он называл Стасенский. Додонский была потом княгиня Путятина, а Людонский — Людмила Рыжова». (Евдокия Васильевна, по первому мужу Митусова и по второму — Путятина, Екатерина Васильевна Шапошникова — мать Елены Ивановны, Людмила Васильевна Рыжова и Анастасия Васильевна Шаховская.)

М. И. Кутузов (1745–1813) был женат на дочери генерала Ильи Александровича Бибикова — Екатерине Ильиничне Бибиковой. Единственный сын М. И. Кутузова Иван умер от оспы в 1770 г.

М. И. Кутузов имел от Е. И. Бибиковой пять дочерей: Прасковью, Анну, Елизавету, Екатерину и Дарью.

Н. А. Тучков (1761–1812) — генерал-лейтенант, в 1812 г. командующий 3-м пехотным корпусом.

На самом деле одна дочь М. И. Кутузова Елизавета Михайловна (1783–1820) была замужем сначала за флигель-адъютантом графом фон Тизенгаузенем, а потом венчалась с Николаем Федоровичем Хитрово — генерал-майором, с 1815 г. русским поверенным в делах во Флоренции, умершим в 1819 г. От первого брака у Елизаветы была дочь Екатерина (1803–1888).

Старшая Прасковья была замужем за тайным советником Матвеем Федоровичем Толстым.

Анна была замужем за генерал-майором Николаем Захаровичем Хитрово.

Другая дочь, Екатерина, была замужем за генерал-майором князем Николаем Даниловичем Кудашевым (1784–1813). В 1812 г. полковник, начальник партизанского отряда, в том же году был произведен в генерал-майоры, но в 1813 г. погиб под Лейпцигом. Вторым браком за генерал-майором Сарочинским.

Младшая дочь Дарья — за обер-гофмейстером Федором Петровичем Опочининым.

Ольга Ивановна дочь генерала аншефа от кавалерии И. П. Шабельского в начале 1881 г. заболела и вскоре умерла. После этого ее мать в том же году попыталась отобрать у П. А. Путятина детей, ссылаясь на то, что отец избивает их и что у него появилась новая жена (родная тетя Елены Ивановны Рерих, Евдокия Васильевна Голенищева-Кутузова, бывшая до этого замужем за Степаном Николаевичем Митусовым). Однако судебные чиновники увидели в этом требовании корыстный замысел — отсудить у князя вместе с детьми и деньги на их содержание. Судьба Рерихов не раз пересекалась с многочисленными родственниками Павла Арсеньевича. Сын племянника П. А. Путятина Сергей Михайлович Путятин был женат на Марии Павловне Романовой, которая была до этого замужем за принцем Вильгельмом, наследником шведского престола, она развелась с ним в 1913 г. Отец Марии — родной брат Николая II Павел Александрович Романов был убит в Апапаевске вместе с другими великими князьями. Марии было всего 28 лет, когда она вместе со своим мужем Путятиным осталась в Париже без средств к существованию. Пришлось заняться вышивкой и продавать сделанные своими руками шали и платья. Коко Шанель случайно познакомилась с работами сиятельной белошвейки, и была создана мастерская, в которой работали более 50 русских эмигранток. Сергей Путятин прожигал в ресторанах заработанные женой деньги, разбил несколько дорогих машин, и несмотря на уговоры Марии Павловны, вел разгульную жизнь. В конце концов она развелась с ним. Ее сын от первого брака отказался от шведского престола и жил в Германии. Елена Ивановна Рерих писала в Америку в 1935 г.: «...полезно помнить, что Мария Павл[овна] не друг нам. Кто-то из соотечественников посеял между нами черные зерна, а, может быть, тот факт, что она была замужем за Путятиным, который состоит с нами в свойстве и с которым она развелась, как мы слышали, тоже играет свою роль — трудно сказать, отчего зарождаются недоброжелательства. Но имейте и это в виду. Если бы пиан[истка] просвещалась сама о неприязни Мар[ии] Павл[овны], то можно было бы ее расспросить, что именно нам инкриминируется».